

Министерство образования и науки РФ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА:**
**проблематика, методология, аспекты
исследования и перспективы развития
научного направления**

Материалы
Международной научной конференции

26-30 сентября 2016 года

Екатеринбург 2016

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)
кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)
доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург)
доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург)
кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ (Екатеринбург)
кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА (Екатеринбург)
Технический редактор: О. А. ЛОКОТКОВА (Екатеринбург)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: ПРОБЛЕМАТИКА, МЕТОДОЛОГИЯ, АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26-30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. — 231 с.

ISBN 978-5-7186-0796-3

Представлены материалы выступлений на Международной научной конференции «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления» (Екатеринбург, 26-30.09.2016).

Материалы предназначены для филологов и всех, кто интересуется проблемами политической коммуникации; публикуются в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

УДК 409.34
ББК Ш107

Рекомендовано Ученым Советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве научного издания (Решение № 528 от 16.09.2016).

Издание выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда:
проект № 16-04-14113/16

Подписано в печать 16.09.2016. Формат 60х84/8.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. – 26,7. Тираж 500 экз. Заказ 4733.
Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru

ISBN 978-5-7186-0796-3

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Авдеева Г. А. «Россия блуждает в поисках смысла»: образ России в публицистике В. Костикова.....	6
Алексеева А. А. Языковое оружие в информационно-психологической войне против вакцинации.....	10
Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Парламентский дискурс: динамика жанрового пространства французского парламента.....	13
Аникеева И. Г., Попова Т. Г. Использование экспрессивных этнонимов в коммуникации.....	15
Бабикова М. Р. Прецедентные визуальные образы Третьего рейха: варианты презентации в националистическом дискурсе.....	17
Багичева Н. В. Семейные мифы в советском политическом дискурсе.....	20
Барабаш О. В. Особенности категоризации феномена коррупции ане юридического дискурса.....	23
Баранова А. А., Зареева Т. В. Отбор фактических данных и сопоставление как способы репрезентации России в программах радиостанций «Радио России» и «Эхо Москвы».....	28
Бачурка М. С. Дискурсивное воздействие на молодого человека в современном обществе.....	32
Бекоева И. Д. Особенности языкового воплощения предвыборного дискурса президента РЮО Тибилова Л. Х.....	34
Богоявленская Ю. В. Объектно-ориентированный корпус в сопоставительных исследованиях.....	37
Бокова Ю. С., Попова Т. Г. Картина мира как феномен языка и культуры.....	39
Боранбаева А. С. Толерантность и межкультурная коммуникация.....	42
Бушев А. Б. Дискурс «недопривилегированных».....	44
Вдовиченко Л. В. Ненормативные этнонимы и неофициальные топонимы в экстремистском тексте.....	47
Виноградова С. М., Мельник Г. С. Тактические медиа: язык протеста.....	49
Гаврилова М. В. Новые направления изучения креолизованных текстов в зарубежной гуманитарной науке.....	54
Гагаев Н. А., Юзефович Н. Г. Репрезентация России в зарубежной прессе и в переводе: на материале параллельных текстов сайта inosmi.ru.....	56
Голикова О. А. Политические неологизмы в криптоклассном анализе (на примере метафор с лексемой Brexit).....	59
Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Советские стереотипы в ментальном пространстве литературной волшебной сказки.....	62
Гришанина А. Н. Личность в социальных сетях: интент-анализ диалогов с экстремистскими проявлениями.....	65
Девяткова М. И. Лингвокультурный типаж «спортсмен» (на материале русских креолизованных текстов с образом Владимира Путина).....	68
Джиоева В. П. Некоторые аспекты речевого портрета спикера парламента РЮО А. И. Бибилова (на материале текстов интервью и пресс-конференций).....	73

Дзюба Е. В., Чудинов А. П.	
Актуальные направления отечественной политической коммуникации (по материалам журнала «Политическая лингвистика» за 2006 – 2016 гг.).....	77
Журавская О. С.	
Использование историзмов и архаизмов в общественно-политическом дискурсе.....	83
Закирова А. О., Кишина Е. В.	
Лингвистический анализ конфликтных ситуаций в обыденной политической коммуникации.....	85
Злоказов К. В.	
Влияние анонимности автора на параметры угрозы.....	89
Зотова А. С.	
Стратегии воздействия в российской социальной рекламе безопасности дорожного движения.....	92
Иванова С. В.	
Оценочные перевертыши в политическом дискурсе.....	96
Ковалева К. А.	
Метафоры игры и спорта в политических выступлениях Юлии Тимошенко.....	98
Козлов А. Е.	
Конфликт интерпретаций в культурологической и религиоведческой экспертизах (опыт Новосибирской области).....	100
Кондратьева О. Н.	
Метафорическая динамика в идиостиле политика (к постановке проблемы).....	103
Костылев Ю. С.	
Лексика «Записок флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев» как инструмент адаптации в ситуации межкультурного конфликта.....	105
Костюнина М. В.	
Оценочные портреты Д. А. Медведева и Б. Обамы в предвыборных кампаниях 2008 года России и США соответственно.....	109
Коцюбинская Л. В.	
Метафора «информационная атака» как предмет лингвистического анализа.....	113
Кошкарлова Н. Н., Томберг О. В.	
Past into Present: женщина в политической риторике Великобритании.....	116
Крижановская Е. М.	
Способы выражения оппозиционных политических взглядов в интервью известного журналиста (по материалам официального сайта радиостанции «Эхо москвы»).....	118
Кузина О. А.	
Украина на распутье: образ страны во время политического кризиса 2013–2014 годов.....	122
Кузина Ю. В.	
Orangutramp – образ Д. Трампа в графических материалах сети Интернет.....	125
Култышева И. В.	
Категория комического в репрезентации образа политического врага (на примере фото-карикатур и демотиваторов).....	129
Лаппо М. А.	
Конструирование гендера в предвыборном дискурсе (на материале региональных СМИ).....	138
Лату М. Н.	
К проблеме моделирования определений политических понятий.....	143
Маник С. А.	
Семантическое поле «Terrorism»: от «conventional terrorism» к «lone wolf attack» и «grievance-field violence» (лексикографический аспект).....	146
Мингалева О. В.	
Картина мира как составляющая национальной культуры.....	149
Мухортов Д. С.	
О некоторых особенностях лексико-семантической структуры англоязычного предвыборного дискурса.....	152
Нахимова Е. А., Чудинов А. П.	
Политическая лингвистика как учебная дисциплина.....	154

Ольховикова Ю. А.	
Метафорическое моделирование образа России в СМИ Великобритании, Германии и США в период с 2012 по 2016 гг.....	157
Омашева Ж. М., Танабаева А. М, Шеризатова Ж. Ж.	
Специфика обучения русскому языку в свете новой образовательной парадигмы.....	160
Постникова А. А.	
Русская кампания 1812 Г. в современной Франции: история и политика.....	163
Решетникова В. В.	
Процесс формирования межкультурной коммуникации и связь его с адаптацией студентов иностранцев в условиях российского вуза.....	169
Руженцева Н. Б.	
Гибридность как дискурсивный феномен: к вопросу о стратегическом блокировании нежелательных политических представлений.....	171
Русакова О. Ф.	
Soft Power как инструмент политической коммуникации.....	175
Садуов Р. Т.	
Свой/чужой» в политической агитации (на материале политических лозунгов в Республике Словакия).....	179
Саженин И. И.	
Проблема диагностирования оправдания в экстремистском тексте.....	181
Сегал Н. А.	
Семантико-прагматические особенности метафоры <i>семья</i> в русскоязычных СМИ (на материале текстов 2014–2016 гг).....	184
Сипко Йозеф	
Образ России в современной Словакии.....	187
Соловьева Е. В.	
Манипулятивная макростратегия в немецком политическом медиадискурсе (на материале статей, описывающих политику современной России).....	190
Солопова О. А.	
Кривое зеркало или «эта агрессивная Россия» (на материале британского политического дискурса XIX века).....	194
Сосипатрова А. В.	
Феномен коррупции в современных СМИ сквозь призму метафоры.....	198
Халуторных Е. А.	
Практики взаимодействия национально-гражданской и региональной идентичностей (на примере прессы города Кунгура и Кунгурского района).....	200
Христолюбова Л. В.	
Речевые жанры русского гомилетического красноречия (духовная беседа).....	202
Цаголова В. А.	
Прецедентные трансформы (на материале образа А. Меркель в СМИ).....	206
Цзи Сяосяо	
Концептуальная метафора в инаугурационных выступлениях американских президентов.....	209
Черняк В. Д.	
«Язык распавшейся цивилизации» в интерпретации для детей.....	212
Шпильная Н. Н.	
Модели генезиса наивного политического текста.....	216
Шустрова Е. В.	
Концептуальная метафора еды в американской карикатуре времен великой депрессии.....	219
N’Guessan K. G.	
L’œuvre littéraire postcoloniale: un lieu d’idéologie.....	223

Г. А. Авдеева
Нижний Тагил, Россия

«РОССИЯ БЛУЖДАЕТ В ПОИСКАХ СМЫСЛА»: ОБРАЗ РОССИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ В. КОСТИКОВА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос воссоздания образа России в публицистических текстах В. Костикова. Отмечается, что в качестве одной из основных черт современной России автор выделяет отсутствие четкой идеологии, раздвоенность сознания. Это обуславливает выбор языковых средств. В частности, В. Костиков активно использует антитезу, вопросно-ответную форму изложения, риторические вопросы, обращение к прецедентным феноменам, в том числе прецедентным именам (значимым для истории России), прецедентным высказываниям и др. Для анализируемых публикаций характерна также авторская ирония. Обращается внимание на значимость сопоставления понятий «Отечество» и «держава», в связи с размышлениями автора о подлинном патриотизме. При этом характерно использование метафоры родства, сравнение подлинной любви к Родине с любовью к детям, которых любят ни за что, со всеми их недостатками. Важен для В. Костикова и тезис о близости России к Европе. Негативно оценивается им идея особого пути России. Не случайно и частое обыгрывание автором крылатого выражения «прорубить окно в Европу». Анализ публикаций относительно небольшого временного промежутка позволяет говорить о преобладании однотипных черт в изображении России в публицистике В. Костикова 2012–2016 годов: раздвоенность сознания, декларирование великодержавности при отсутствии реальных оснований для этого, некоторая мечтательность (власти, народа, депутатов) при нежелании заниматься конкретными делами, постепенный отход от европейских ценностей, который, по мнению Костикова, губителен для России.

Ключевые слова: образ России, языковые средства выразительности, Отечество, держава, подлинный патриотизм.

G. A. Avdeeva
Nizhniy Tagil, Russia

«RUSSIA WANDERS IN SEARCH OF SENSE»: AN IMAGE OF RUSSIA IN V. KOSTIKOV'S PUBLICISM

Abstract. The topic of the reconstruction of the image of Russia in publicistic texts of V. Kostikov is considered in this article. It is noted that the author marks the absence of accurate ideology, the duality of mentality as one of the main features of the modern Russia. It determines the choice of language means. In particular, V. Kostikov actively uses an antithesis, question-answer form of presentation, rhetorical questions, the resort to precedential phenomena, including precedential names (significant for the history of Russia), to precedential statements, etc. Also author's irony is a characteristic of the analyzed publications. The attention to the importance of comparison of the concepts «Fatherland» and «power», in connection with author's reflections about the true patriotism is paid. At the same time, the usage of a metaphor of the kinship, the comparison of true love for the country with love for children who are loved for nothing, with all their drawbacks, is the characteristic of publications in question. Also the thesis about the nearness of Russia and Europe is important for V. Kostikov. The idea of a special way of Russia is negatively estimated by him. The frequent author's pun about a popular expression «to open a window to Europe» is not accidental. The analysis of publications of rather small time interval allows to speak about the prevalence of the similar features in the Russia's representation in V. Kostikov's publicism of 2012-16: the duality of mentality, declaring of a national patriotism in the absence of the real bases for it, some dreaminess (of the authorities, people, deputies) in conjunction with reluctance in doing specific jobs, gradual withdrawal from the European values which, according to Kostikov, is harmful for Russia.

Keywords: the image of Russia, expressive language means, Fatherland, power, true patriotism.

Образ России всегда привлекал внимание исследователей разных научных областей, в том числе филологов. Существуют многочисленные исследования, посвященные анализу образа России, представленному в зарубежных СМИ. Изучению закономерностей моделирования образа России конца XX века посвящена монография А. П. Чудинова [Чудинов 2001]. Интересные наблюдения о метафорическом онтогенезе образа Родины матери представлены в статье Н. В. Багичевой [Багичева 2016] и других публикациях этого автора. Изучение вопроса динамики образа России/Родины на материале отечественных СМИ по-прежнему представляется актуальным, в том числе в рамках отдельных идиостилей.

Цель данной статьи – проанализировать, какие черты образа современной России актуализированы в публицистике В. Костикова; какие языковые средства для этого используются автором. Материалом для анализа послужили отдельные публикации данного автора в газете «Аргументы и факты» за период с 2012 по 2016 год.

Своеобразным стимулом к написанию данной статьи стала публикация 2012 года (АиФ, № 32, 08.08.2012) «Утро в сосновом лесу...», имеющая знаковый подзаголовок «Россия блуждает в поисках смысла». В статье речь идет о подготовке России к проведению Олимпийских игр в Сочи. Но сам этот факт является только поводом для размышлений о том, «чем сможет похвастаться Россия с точки зрения вклада в современную цивилизацию, прогресс, развитие демократии». Основная идея публикации как раз и выражена в подзаголовке. В. Костиков считает, что на современном этапе Россия оказалась в двойственном положении: «Нет и ясности в том, какая Россия нам нужна. У власти и народа в этом вопросе полный разнобой. Третий – за западную демократию, около 40% считают, что нам нужна особая российская демократия (знать бы, что это такое!), 20% мечтают о возврате к “советской демократии”».

Таким образом, в качестве одной из основных черт современной России В. Костиков выделяет некоторую неопределенность, раздвоенность сознания. Это обуславливает и использование языковых средств, в том числе выразительных. В качестве ключевых выразительных средств можно выделить *антитезу* и *вопросно-ответную*

форму изложения, причем, включающую и риторические вопросы: ...что для России хорошо, а что пагубно. Если не спортивная, то пропагандистская (победа) (в данном случае антитеза построена на использовании контекстуальных антонимов). Но сколько веков можно трясти на мировых рынках бородой Льва Толстого, пенсне А. Чехова или душевными изгибами Ф. Достоевского? Ведь практически все наше культурное величие из XIX века... А какой у нас строй? Капитализм, социализм, авторитаризм с фрагментами судейского феодализма? Кого у нас любит народ? Демократов, коммунистов, либералов, патриотов, Ё-мобилистов? Система подсчета голосов такова, что выяснить не удастся. Выигрывают, как всегда, дзюдоисты... Какая дорога у нас ведет к храму? Та, по которой нас вел тов. Сталин, или та, на которую свернули Горбачев и Ельцин? Судя по социологическим опросам, первым авторитетом по-прежнему является Иосиф Виссарионович, сгноивший миллионы россиян в концентрационных лагерях... По какой улице власть ведет народ в завтрашний день? По проспекту Сахарова или по улице Войкова?

Вопросно-ответная форма изложения позволяет передать авторскую рефлексию. Автор задает вопрос, на который пытается найти ответ, но не всегда может это сделать. Иногда все же дает неутешительный ответ: *По какой улице власть ведет народ в завтрашний день? По проспекту Сахарова или по улице Войкова? Пока перевес на стороне царевубийц.* Данный контекст показателен также с точки зрения обращения автора статьи к прецедентным именам в символическом значении. Сахаров – известный диссидент, предлагавший свой вариант перестройки страны, не услышанный еще во времена Горбачева. Войков – один из организаторов и участников убийства царской семьи.

Безусловно, в статье представлена и характерная для данного стиля и жанра оценочная лексика: «паспортина» (с отсылкой к известному стихотворению Маяковского), *пригрезилось, машина, ряженный (тов. Сталин), сгноивший миллионы россиян в концентрационных лагерях, опереточный Гитлер и т.п.* Можно отметить использование *окаксионализмов* газетного (политического) характера: Ё-мобилисты, национал-предатели.

Часто автор обращается к разнообразным прецедентным феноменам: *прецедентным высказываниям, текстам: Из Западной Европы, в которую прорубил окно Петр I..., лозунг времен Хрущева «Догнать и перегнать США», Какая дорога у нас ведет к храму?* (фраза из фильма Абуладзе «Покаяние», ставшая крылатой); а также *прецедентным именам: Диккенс, К. Маркс, Толстой, Чехов* и др. Следует отметить активное использование существительных собственных как в номинативной функции, так и в экспрессивной (символической). Имена собственные, как правило, прецедентные, связаны либо с обозначением лиц, которые внесли вклад в развитие искусства, науки и других областей в России, то есть тех, которыми мы можем гордиться: Толстой, Достоевский, Шостакович, Уланова, Гагарин и др.; либо это имена лиц, тоже делавших историю России, но отношение к которым неоднозначно: Ленин, Сталин, Хрущев и др.

Используется прямая цитация: цитата из стихотворения Маяковского; цитируется известная песня Окуджавы: «Одна на всех. Мы за ценой не постоим». Есть отсылка к прецедентной ситуации: «реанимировать олимпийского мишку». Используется отсылка к известному произведению изобразительного искусства – картине Шишкина «Утро в сосновом лесу»: и в заголовке, и в коллаже, и в тексте самой публикации (в финальной части).

Активно используются слова в переносных значениях метафорических и метонимических: *В театрализованном формате Британия показала миру, что она была и остается одним из центров мировой цивилизации; фундамент своей истории, траектория нашего движения и т.п.* Кроме общегазетных представлены и индивидуальные метафоры: *судейский феодализм; реанимировать олимпийского мишку, понятно, нельзя; «Кто мы... обремененная тоталитарным грузом машина, которая, может быть, и хочет, но никак не может включить первую скорость?».* Данная автомобильная метафора усилена эпитетом *тоталитарный (груз)*. Она подчеркивает необходимость включения всех резервов, мощностей (экономики и др.) Российского государства для преодоления современной ситуации неопределенного положения. *Эпитеты* также активно представлены в анализируемом тексте: *пламенный большевик, большевистский фараон, опереточный Гитлер* и др. Часто наблюдается наложение (контаминация) тропов и фигур: *Посреди Москвы в подобию египетской пирамиды лежит большевистский фараон* (сравнение + эпитет); *...кто нам дорожке – православный Николай или пламенный большевик Ленин* (антитеза + эпитеты + имена собственные в экспрессивной (символической) функции).

Безусловно, активно в тексте представлена и *ирония*. См. приведенный ранее фрагмент: *Кого у нас любит народ? Демократов, коммунистов, либералов, патриотов, Ё-мобилистов? Система подсчета голосов такова, что выяснить не удастся. Выигрывают, как всегда, дзюдоисты.* Показательно использование очень характерного для газетной речи приема «закавычивания». Как правило, этот графический прием также является средством выражения иронии: «великая держава», «советская демократия» (+ оксюморон), «иностраннный агент», «сам Путин» и др.

Следует обратить внимание и на своеобразную кольцевую композицию текста: заголовок «Утро в сосновом лесу» обыгрывается в финале статьи. Автор описывает свой кошмарный сон, в котором в глухом шишкинском лесу ряженные медведи пьют и грызут Большую Газовую Трубу с известным логотипом, которая как будто выбрана символом грядущей Олимпиады в Сочи. Большая Газовая Труба – это символ России, которая паразитирует на своих ресурсах и не задумывается о будущем, которая утратила высокие ориентиры, которая так и не может выбрать свой путь. Поэтому каждый и хочет урвать все что можно, а там... после нас хоть потоп. Но почему именно персонажи картины Шишкина стали в статье Костикова символом России, в которой всегда найдутся желающие поживиться на очередном проекте века? Наверное, картина Шишкина слишком была популяризирована в народном сознании. Стала конфетным брендом (и не только). Из произведения искусства она превратилась в кич. Хотя Шишкин, конечно, в этом не виноват. Кроме того, образ «медведя» является одним из стереотипов восприятия России. См. [Романова 2014: 81].

Таким образом, мы видим, что главная идея данной публикации – воссоздание образа России как государства, лишенного четких ориентиров, четкой идеологии, пренебрегающего своим «образом» в мире.

Идея неопределенности пути России, ее внутренней противоречивости сохраняется и в последующих публикациях В. Костикова. В частности, показательно название одной из статей «Заплутавшие в белых березах» (АиФ, № 50, 09.12.2015). «За последний год и особенно за последние месяцы с экранов телевизоров на головы россиян обрушился такой шквал *противоречивой* информации, оценок и прогнозов, что люди начали терять представление о том, что же происходит в стране и как нас оценивают другие». Автор подчеркивает некоторую спутанность сознания всего населения страны: *«Запутался не только народ. Запутались чиновники, экономисты, аналитики. Одни говорят, что мы в зоне умеренного роста, другие – что у нас стагнация и кризис. Разногласица и у политиков. Они не только народу, но и сами себе уже не могут объяснить, кто мы – великая держава или на фоне Китая и США выглядим как периферийное пространство. Только что объявленные результаты нового социологического исследования «Левада-центра» «Представления о России нынешней и ожиданиях будущего» картины не проясняют. В ответах – полное помутнение сознания и полная неспособность нашего человека соотнести реальность с мечтами».*

Как мы видим, В. Костиков вновь использует такие выразительные средства, как антитезу и вопросно-ответную форму изложения: *кто мы – великая держава или ... периферийное пространство; россияне уже и сами не знают, кто они – «голуби мира» или «ястребы войны». А ведь среднестатистический гражданин каждый день ходит на работу, по улицам и иногда даже выезжает за пределы больших городов. И что же он видит? О чем говорит со своими попутчиками? О чем пишет письма в «Аргументы и факты»? А пишет о том, что в 100 км от Москвы «великая держава» куда-то исчезает, что по обочинам далеко не европейских дорог – поросшие бурьяном поля, заброшенные пастбища, а порой все те же крестьянские избы, о которых писал Блок... И вот народ, сидя по вечерам у телевизора, слушает не сходящих с экранов политических новостей и все меньше понимает, что же представляет собой нынешняя Россия. Куда мы идем, с кем мы дружим, с кем враждуем? А в последнее время все чаще звучит вопрос: будет война или нет? И такое впечатление, что ответов на эти вопросы нет ни у простых россиян, ни у официальных оракулов. Заблудились то ли в трех соснах, то ли в трех березах.*

Последний пример показателен и обращением к фразеологизму «заблудиться в трех соснах» («не суметь разобраться в простой ситуации»). При этом расширение состава фразеологизма («то ли в трех соснах, то ли в трех березах») актуализирует образ «русской березы» как символа традиционной России, у которой свой особый путь. Показательно, что именно «береза» является одним из «штампов сознания», отмеченных в ходе ассоциативного эксперимента: «Стереотипность представления о России отражают следующие реакции – штампы сознания: *береза, балалайка, медведь, матрешка, сарафан*» [Романова 2014: 81].

В указанной публикации В. Костиков оперирует понятием «великая держава», взятым в кавычки, и обращает внимание на некое расхождение между представлением россиян об этом понятии и реальном его воплощении: «Социологи пытаются уточнить: а что же это такое – «великая держава»? И люди очень умно и правильно отвечают, что великая держава – это мощный экономический и промышленный потенциал, что это высокое благосостояние граждан, что это великая наука и культура, что это свободы, гражданские права и высокий авторитет в мире. Все так. Но нынешняя российская реальность не очень похожа на это описание».

Необходимо обратить внимание на то, что и в других публикациях В. Костиков сопоставляет понятия «Отечество» и «держава», в связи с размышлениями о подлинном патриотизме. Одна из статей так и названа «Между Отечеством и державой. Как нужно Родину любить» (АиФ, № 43, 23.10.2013). Показательно, что для слова «Отечество» автор выбирает написание с заглавной буквы. При этом Костиков явно актуализирует этимологию данного слова: Отечество = Отец: «...для Отечества мы, русские сыны, – дети. *И плохие, и хорошие. И бедные, и богатые.* И мы помним, где улица нашего детства и где родительский погост... А что такое держава? Кто мы для нее? Инструмент, а нередко и «расходный материал» для наращивания государственных амбиций? ...И далеко не случайно Сталин в своей знаменитой речи на приеме в честь Парада Победы назвал советского человека винтиком... Отечество снисходительно к своим сынам. Оно воспитывает любовью. Держава безжалостна и к солдату, и к трудовому человеку... Любовь к державе некритична... А между тем настоящая, а не официально-державная любовь к Отечеству подразумевает не только восторги перед ее мощью (реальной или воображаемой), но и способность видеть недостатки, меру неразвитости и смелость говорить о них».

Как мы видим, в тексте Костикова присутствует метафора родства при воссоздании образа России, причем в разных вариантах: от иронического обыгрывания: «Нас сегодня постоянно понукают: любви Родину – мать твою» – до вполне серьезного противопоставления сакрального Отечества и безжалостной официозной державы. Интересно, что семейная метафора (в широком смысле) возникает и в другой публикации, к которой мы уже обращались («Заплутавшие в белых березах» АиФ, № 50, 09.12.2015): «Оттого, что мы будем без меры приукрашивать Россию, наделять и народ, и власть какой-то особой благодатью, а русские березы особой стабильностью, любви не прибавится. *Нормальные люди Отечество любят так, как в хорошей семье любят детей, даже если у них нет особых талантов.* Отечество нужно любить в правде, а не во лжи». Интересно сопоставить данное сравнение с наблюдениями Н. В. Багичевой о появившейся в последнее время концепции *Родины-дочери*, что «свидетельствует о сохранении светлых – и даже святых – чувств к Родине». «Может быть, появление этой метафоры является свидетельством взросления сыновей и дочерей... Взросления, которое приведет к ответственному отношению к Родине» [Багичева 2016: 109, 110]. Не о такой ли взрослой любви пишет и В. Костиков? Любви, которая позволяет видеть недостатки.

Еще одну важную составляющую образа России можно увидеть в публицистике Костикова – ее близость к Европе. Неоднократно автор публикаций в газете «Аргументы и факты» подчеркивает, что декларируемая мно-

гими деятелями культуры, политиками особость пути России искусственно навязана ей: «Новой России нужен не разрушительный, а конструктивный патриотизм. И базироваться он должен *не на отторжении европейского опыта, не на воспевании “особой стати”*, а на понятиях, улучшающих жизнь людей» («Молчание Герасима» АиФ, № 1–2, 09.01.2013). В одной из статей Костикова «Привет от тов. Тютчева. Когда нам снова откроют Европу?» (АиФ, № 11, 16.03.2016) подробно рассматривается генезис вопроса: «Советские историки и литературоведы, мотивируя изоляцию России от Европы, всячески превозносили Тютчева. За скобки выводилось то, что поэт, будучи действительно талантливым, откровенно выполнял политический заказ Николая I. Заказ императора был сформулирован так: “Создавать позитивный облик России за границей”... Ф. Тютчев был одним из тех приближенных к трону литераторов, которым было поручено идеологически обосновывать благотворность изоляции России от Европы». В данной статье Костиков настойчиво развивает мысль о пагубности последствий (экономических, политических научных и др.) отгороженности России от Европы: «А между тем достаточно выйти на улицы наших городов, даже не самых знаменитых, чтобы убедиться, что *мы насквозь и сверху донизу европейцы*. Наш быт, образ жизни, культура, семейные отношения (в том числе интимные), наши увлечения, мода связаны с Европой. Россияне, приезжая в Европу (разумеется, если есть деньги), чувствуют себя в своей тарелке... И сегодня европеизм в его лучших проявлениях становится все более притягательным для молодежи... Не будем отчаиваться: нынешняя дискредитация европеизма – это пропагандистский заказ, обусловленный сложными обстоятельствами российской действительности. Власть, особенно в условиях кризиса, мало что может предъявить населению с точки зрения развития гражданского общества, а в последнее время и потребительских возможностей. Почти по всем статьям сравнение с Европой не в нашу пользу. Значит, нужно отвести русские глаза от Европы, а лучше на время и вовсе прикрыть ее. А чтобы Аленушке не так горько было сидеть у зарастающего тиной пруда, ей нужно рассказать о том, какая Европа гнилая, извращенная и как там не любят наших Иванушек». Данное сравнение России с зарастающим тиной прудом вновь актуализирует идею губительности самоизоляции России, ее оторванности от западного мира, приводящей к стагнации (образ болота).

В большинстве публикаций В. Костикова за указанный период образ России в некоторых чертах остается неизменным. Постоянно подчеркивается некоторая идеологическая противоречивость, неопределенность, раздвоенность. Отмечается постоянный разрыв между воображаемым образом Великой державы и реальной ситуацией. В одной из последних публикаций («Про лошадку и прутик... Как вернуть энергию в политику России?» АиФ, № 28, 13.07.2016) речь идет о вялости политической жизни в России, о некоей склонности к мечтательности и народа, и власти и при этом отсутствии желания трудиться, заниматься конкретным делом (конкретно обустроить Россию): «Такова уж особенность русского менталитета. Начиная с Н. Чернышевского, порадовавшего российскую публику “снами Веры Павловны”, наша элита мыслит исключительно “новыми вегами”. У нас и власть, и народ, и депутаты просто *какие-то мечтатели*. Мы постоянно убиваем в себе Штольцев и Рябушинских, а выращаем в лучшем случае Обломовых и Пьеров Безуховых, а в худшем “кремлевских мечтателей” – Ленина, Троцкого, Сталина. Слова Сони из пьесы “Дядя Ваня” А. Чехова: “Мы, дядя Ваня, будем жить... будем терпеливо сносить испытания, будем трудиться...” звучат как насмешка. Понятие “трудиться” вышло из моды... Главное понятие в России сегодня – “наварить”... Социологи не перестают удивляться: и у власти, и у населения какая-то *случайность в восприятии явлений и событий*. “Мы живем, под собою не чуя страны. Наши речи за десять шагов не слышны” (О. Мандельштам, 1933 г.). Вчера мы чуть ли ни ненавидели Турцию, сегодня готовы жить в обнимку с Эрдоганом. В одном и том же социологическом опросе можно встретить исключаящие оценки... И что самое удивительное: по мере роста трудностей жизни социологи фиксируют “возрастание гордости за державу”».

С точки зрения использования языковых средств можно также отметить преобладание излюбленных автором приемов: антитезы, вопросно-ответной формы изложения, риторических вопросов, активное обыгрывание различных видов прецедентных феноменов: имен как реальных исторических деятелей (Ленин, Сталин и др.), так и литературных персонажей (Обломовы, Безуховы и др.), прецедентных текстов («Дядя Ваня» Чехова и др.), высказываний («Умом Россию не понять...», «За державу не обидно» и др.), в том числе поговорок («российские власти взялись за поиск соринки в европейском глазу»). Автор также активно использует прямое цитирование, в том числе поэтических текстов: Блока, Маяковского, Тютчева, Мандельштама (см. пример выше), Высоцкого и др.

Показательно обращение к крылатому выражению «прорубить окно в Европу» («установить экономические, политические, культурные и другие связи с Европой»). Это выражение обыгрывается Костиковым неоднократно: в публикации 2012 года (№ 32, 08.08.2012): «*Из Западной Европы, в которую прорубал окно Петр I*, Россия с точки зрения демократических ценностей все очевиднее сползает в сторону Азии»; в названии статьи «Когда нам снова *откроют Европу?*», а также в финальной части публикации 2015 года (№ 47, 18.11.2015): «России не следует нервничать. Прежде чем бить европейский фарфор и *заколачивать окна*, нужно прагматично взвесить, что нам дороже: наследие Петра I или наследие Александра III». В последнем случае отсылка к крылатому выражению подчеркивает идею вредности изоляции России от Европы. Интересно и противопоставление фигур Петра I и Александра III, по-видимому, как царя реформатора и консерватора, хотя обе фигуры неоднозначно оцениваются историками и политиками.

Безусловно, часто В. Костиков прибегает и к иронии, которая, в том числе, выражается с помощью приема «закавычивания»: «С помощью телевидения россияне с удовольствием выискивают “язывы” западного образа жизни»; а также за счет использования сниженной лексики: «у нас патриот тот..., кто длиннее *плюнет* в сторону Вашингтона, *сделает козью морду* Лондону», сниженных метафор (*законодательный сенокос*), окказиональных образований (*телеговоруны*), употребления имен собственных как нарицательных (рабочие *уралвагон-заводов*) и других средств.

Несмотря на то, что мы отметили определенную стабильность в создании образа России в публицистике В. Костикова, следует обратить внимание на сегодование автора в отношении того, что страна все больше приобретает черты «великодержавности», не подкрепленной никаким экономическим ростом: «Сегодня такие понятия, как “развитие”, “модернизация”, “глобализация”, “европейские ценности”, отчетливо звучавшие в России еще несколько лет назад, почти исчезли из информационного обихода... население на удивление легко проглотило смену ценностей и все больше проникается верой, что формула “великая держава” совершенно необязательно должна включать в себя такие понятия, как рост экономики, благосостояние, гражданские свободы. Возникло странное представление, что “великой державой” можно оставаться и при беднеющем населении, и при утрате конкурентоспособности» («Об огурчиках и рюмке водки» АиФ, № 29, 26.07.2016).

Примечательно, что понятие «великая держава» фигурирует почти во всех публикациях Костикова, в том числе в сопоставлении с понятием «Отечество»: «Едва ли следует сомневаться, что русский человек любит Родину... Но человеку хочется видеть Отечество добрым, снисходительным, заботливым, отзывчивым к человеческому сердцу. А вместо Отечества власть все время пытается подsunуть русскому человеку державу. Суровую, мускулистую, надменную в своем величии... Величие утомляет» (АиФ, № 43, 23.10.13). Это противопоставление подчеркивает важную для автора идею подлинного патриотизма, который заключается в бескорыстной любви к Родине, к естественным ее проявлениям, а не истеричным: «Русскому человеку, выросшему на фоне неброской природы, близка тихая, распевная песня. А его заставляют разучивать гимны». В. Костиков декларирует любовь к Родине без приукрашивания.

Подводя итоги наших наблюдений, мы можем отметить преобладание однотипных черт в изображении России в публицистике В. Костикова 2012–2016 годов: раздвоенность сознания, декларирование великодержавности при отсутствии реальных оснований для этого, некоторая мечтательность при нежелании заниматься конкретными делами, постепенный отход от европейских ценностей, который, по мнению Костикова, губителен для России. Показательно и появление образа «птицы-тройки», который оказывается актуален и для современной России, хотя автор проанализированных статей надеется на то, что он останется в прошлом: «Пусть гоголевская “птица-тройка”, от которой все шарахаются и которой от ужаса “дают дорогу другие народы и государства”, остается в наших хрестоматиях. Чиновники кормят народ патриотической окрошкой, а сами выводят деньги за границу. Вместо слов предъявите народу новый трамвай, новую электричку, новую дорогу до Питера» (АиФ, № 1–2, 09.01.2013).

В заключение подчеркнем, что представленный в данной статье анализ образа России отражает взгляд конкретного автора – Вячеслава Васильевича Костикова, российского государственного деятеля, дипломата, журналиста и писателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Багичева Н. В. Образы Матери-Родины и Большой семьи в метафорическом онтогенезе // Политическая лингвистика. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2016. Вып. 2 (56). – С. 102–112.
- Романова Т. В. Образ России по материалам ассоциативного эксперимента (моделирование и интерпретация) // Политическая лингвистика. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2014. Вып. 4 (50). – С. 76–81.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. – 238 с.

ИСТОЧНИКИ

- Костиков В. Утро в сосновом лесу... // АиФ, № 32, 08.08.2012.
- Костиков В. Букварь для патриотов // АиФ, № 44, 31.10.2012.
- Костиков В. Молчание герасима // АиФ, № 1–2, 09.01.2013.
- Костиков В. Между Отечеством и державой. Как нужно Родину любить // АиФ, № 43, 23.10.2013.
- Костиков В. Нужно ли бить европейский фарфор? Как надолго Европа поссорилась с Россией // АиФ, № 47, 18.11. 2015.
- Костиков В. Заплутавшие в белых березах. Хотят ли россияне знать правду о своей стране? // АиФ, № 50, 09.12.2015.
- Костиков В. Привет от Тютчева. Когда нам снова откроют Европу? // АиФ, № 11, 16.03.2016.
- Костиков В. Про лошадку и прутик... Как вернуть энергию и политику России? // АиФ, № 28, 13.07.2016.
- Костиков В. Об огурчиках и рюмке водки // АиФ, № 29, 26.07.2016.

А. А. Алексеева, Н. А. Борзенкова
Новосибирск, Россия

ЯЗЫКОВОЕ ОРУЖИЕ В ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ ВАКЦИНАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются проявления информационно-психологической войны против вакцинации в текстах интернет-источников. Пропаганда противников вакцинации транслируется в различных статьях в Интернете; ее следствием становятся массовые отказы от прививок, что является опасной тенденцией, поскольку вопрос вакцинации затрагивает интересы не только отдельных людей, но и целых стран. В данном исследовании проанализировано, какими языковыми средствами пользуются противники вакцинации, и какой образ прививок создается в их статьях. Выявлены следующие языковые средства речевой манипуляции: конструкции, выражающие ментальный модус знания (безличные предложения со словами «доказано», «очевидно» и т. п.); средства, выражающие повышенную степень оценочности анализируемых текстов, а именно слова и выражения аксиологической семантики (репрезентирующие нормативные, этические, теле-

ологические, утилитарные оценки), а также метафоры, у большинства из которых сфера-источник – «убийство, уничтожение» (фреймы «уничтожение во время войны» и «орудие убийства»). Использование данных манипулятивных средств создает резко отрицательный образ вакцинации, который воздействует на базовые эмоции людей, не обладающих специальными медицинскими или биологическими знаниями, и приводит к их отказам от прививок.

Ключевые слова: информационная война, речевая манипуляция, оценочность, метафора, вакцинация.

A. A. Alekseeva, N. A. Borzenkova
Novosibirsk, Russia

LINGUISTIC WEAPON IN INFORMATION WARFARE AGAINST VACCINATION

Abstract. This article discusses manifestations of the information and psychological warfare against vaccination in the texts of online sources. The propaganda of the opponents of vaccination is covered in various articles on the Internet; it leads to the massive rejection of vaccination, which is a dangerous trend because the vaccination issues affect not only individual people, but also entire countries. This study describes the language means that are used by the opponents of vaccination and the image of vaccination that is created in their articles. The following language means of linguistic manipulation are used: structures expressing mental modus of knowledge (impersonal sentences with words like «it is proved that», «it is obvious that», etc.); structures expressing a high degree of appraisal of the analyzed texts: words and expressions with axiological semantics (representing normative, ethical, teleological, and utilitarian appraisal), and metaphors, most of which have the source domain «murder, destruction» (frames «destruction during war» and «murder weapon»). The use of these manipulation tools creates a highly negative image of vaccination which affects the basic emotions of people who do not have specific medical or biological knowledge, and leads to them rejecting vaccination.

Keywords: information warfare, linguistic manipulation, appraisal, metaphor, vaccination.

Среднестатистический российский пациент сталкивается с множеством разнообразных, часто противоположных точек зрения относительно лечения или профилактики определенного заболевания. Эти точки зрения озвучиваются разными специалистами, они представлены в разнообразных интернет-источниках. В связи с отсутствием единой общепринятой точки зрения на определенные состояния здоровья людей, а также не противоречащих друг другу рекомендаций относительно тактики решения той или иной проблемы пациенты вынуждены принимать решения самостоятельно, опираясь на полученную из разных источников информацию.

Одним из наиболее острых вопросов не только российского, но и мирового сообщества является вопрос целесообразности и безвредности вакцинации. В настоящий момент имеет место противостояние между сторонниками вакцинопрофилактики и противниками этого медицинского вмешательства. Острота этой конфронтации связана с тем, что она затрагивает интересы не только отдельных людей, но и целых стран. Так, Ф. Катаонов, педиатр Центра врожденной патологии клиники GMS, отмечает: «Массовый отказ от прививок очень опасен: из-за него болеют и умирают дети, и теряется коллективный иммунитет. Если это будет продолжаться, могут вернуться многие инфекции, с которыми сейчас встречаются только специалисты» (А. Аликин. Реакция отрицателей // Такие дела: информационный портал благотворительного фонда «Нужна Помощь». 2016.06.10. URL: <http://takiedela.ru/2016/06/privivka-ot-razuma/>).

Массовые отказы от прививок являются следствием пропаганды противников вакцинации. Так, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН С. В. Нетесов отмечает, что «пропаганда против массовой вакцинации, которая у нас велась в конце 1980-х и в начале 1990-х, привела к вспышке дифтерии и кори в 1993–1994 годах» (О. Носков. Антивакцинаторство как суеверие // Академгородок: информационно-аналитический портал. 2016.07.08. URL: <http://academcity.org/content/antivakcinatorstvo-kak-sueverie>).

При этом пропаганда может быть основана на якобы научных данных, которые, однако, при ближайшем рассмотрении оказываются недостоверными. Например, мнение о том, что прививки вызывают аутизм, «происходит из единственной научной публикации, которая впоследствии была отозвана из журнала, поскольку автор был уличен в подтасовке данных».

Можно, таким образом, назвать данное явление информационно-психологической войной против вакцинации. Под информационной войной понимается «переход посредством информационного пространства к новому состоянию других пространств (социальному, политическому, экономическому, военному)» [Почепцов 2003: 282]. Г. Г. Почепцов отмечает, что «виртуальность выступает как определенный фильтр реальности, в результате применения которого массовое сознание начинает видеть там только то, что было задано со стороны виртуального представления» [Там же: 85].

Цель данной статьи – показать, какими языковыми средствами пользуются противники вакцинации в своих статьях, и какой образ прививок складывается после прочтения таких текстов. Материалом для исследования послужили статьи, которые можно найти как на отдельных веб-сайтах, так и в виде подборки в группе «Правда о прививках» ВКонтакте. Данное сообщество публикует материалы о вреде прививок, а также некоторых других медицинских вмешательств. В ходе анализа был выявлен ряд языковых средств речевой манипуляции, каждое из которых будет рассмотрено ниже.

1. Конструкции, выражающие модус знания

В статьях нередко встречаются предложения со словами «доказано», «очевидно», «не вызывает сомнения» и т.п., которые выражают модус знания – один из шести подтипов ментальных модусов, описанных Т. И. Красновой [Краснова 2002: 102–103]. Стоит отметить, что в подобных текстах значительно менее частот-

ны конструкции, выражающие модус сомнения, модус полагания и допущения и модус незнания. Приведем некоторые примеры (фрагменты текстов приведены с сохранением авторской орфографии, пунктуации, стилистики и графики): «Однако, сегодня уже *известно*, что прививки не всегда защищают от болезней, сами часто являются причиной болезней и даже смертей» (Иммунитет и прививки. URL: http://privivke.net/index.php?option=com_content&view=article&id=222:260312-&catid=38:news), «Уже *доказано*, что вирус полиомиелита, и прививки от него вызывают одни и те же нарушение притока крови (ишемию) к мозгу и телу от клинически незаметного до смертельного» (Медицина внушаемых ужасов (Часть 1). URL: http://ru-an.info/news_content.php?id=816). Подобные безличные конструкции позволяют оставить за кадром логическое подлежащее – действующее лицо – того, кто доказал, кому очевидно и т.д., – и представить утверждение как истину в последней инстанции.

Наблюдения за материалом исследования позволяют констатировать повышенную степень оценочности анализируемых текстов. Мы используем следующую систему понятий: полная нейтральность, оценочность 1-ой, 2-ой и 3-ей степени [Алексеева 2014: 53]. Данные понятия образуют шкалу: если полная нейтральность означает отсутствие слов и выражений, репрезентирующих логическую или эмоциональную оценку, то противоположный полюс этой шкалы – оценочность 3-ей степени – предполагает заметное количество аксиологически заряженных единиц разных уровней языка [Алексеева 2014: 53–54]. Все анализируемые тексты характеризуются оценочностью 3-ей степени. Основные средства ее репрезентации – слова и выражения аксиологической семантики, а также метафоры.

2. Слова и выражения оценочной семантики

А. Нормативные оценки. Данный тип предполагает оценку с точки зрения соответствия/несоответствия нормам, стандартам медицинского обслуживания, а также истине: «215 серьезных лимфоденитов с хирургией и многомесячной химиотерапией (Казахстан, 2004) от *некачественной* дешевой вакцины из Сербии...» (Что такое БЦЖ? URL: <http://www.afanas.ru/privivki/bcg.htm>), «сколько отвратительной пропагандистской *лжи* накопилось за 200 лет, в течение которых прививки систематически подрывают здоровье людей» (Прививки огромный обман. URL: http://vk.com/wall-19732513_165448), «Перед прививкой осмотр осуществляется “на *глазок*”» (Врачи и ученые предупреждают об опасности прививок. URL: http://privivke.net/index.php?option=com_content&view=article&id=953:21032015-&catid=49:2012-01-18-11-31-12&Itemid=75).

Б. Этические оценки. Слова и выражения, репрезентирующие этот тип оценки, отражают идею злого умысла, стоящего за вакцинопрофилактикой: «Казалось бы, бессмысленно и *безнравственно* доказывать опасность солей ртути для грудных детей» (Рекомбинантные генно-инженерные вакцины. URL: http://privivke.net/index.php?option=com_content&view=article&id=532:080613-&catid=38:news), «С каждой из навязанных обществу вакцин можно иметь гигантский *барыш*» (Прививки огромный обман. URL: http://vk.com/wall-19732513_165448). В ряде случаев этическая и нормативная оценка совмещены в одном слове или выражении: «Сейчас нас *обманом заставляют* прививаться, целенаправленно разрушая наш иммунитет и здоровье» (Великолепное здоровье непривитых детей. URL: http://vk.com/wall-19732513_160893).

В. Телеологические оценки. Языковые единицы, репрезентирующие данный вид оценок, выражают идею неэффективности, нецелесообразности прививок: «Информация о том, что вакцины *не эффективны*, а их применение небезопасно, тщательно скрывается от родителей!» (Вакцинация, как оружие геноцида. URL: http://privivke.net/index.php?option=com_content&view=article&id=553:220613-&catid=38:news), «Прививка БЦЖ *не эффективна*» (Что такое БЦЖ. URL: <http://www.afanas.ru/privivki/bcg.htm>).

Г. Утилитарные оценки. В статьях постоянно говорится не только о неэффективности, но и о вреде прививок: «Несомненный *вред* прививок при их весьма сомнительной, если существующей вообще пользе, давным-давно доказан и подтверждается ежедневной практикой» (Прививки огромный обман. URL: http://vk.com/wall-19732513_165448), «Таким образом, качественные вакцины отсутствуют, их эффективность сомнительна (а чаще они *вредны*)» (Медицина внушаемых ужасов (Часть 2) . URL: http://ru-an.info/news_content.php?id=817), «За столетие накопилось немало и косвенных, и прямых свидетельств *вредительской* природы деятельности Пастера, его сподвижников и последователей» (Прививочный геноцид на примере БЦЖ. URL: <http://www.kramola.info/vesti/metody-genocida/privivochnyj-genocid-na-primere-bczh>).

3. Метафоры

Сферой-источником внушительного количества метафор является сфера «убийство, уничтожение». Можно выделить два фрейма внутри нее:

А. Уничтожение во время войны: «Прививочный *геноцид* на примере БЦЖ» (Прививочный геноцид на примере БЦЖ. URL: <http://www.kramola.info/vesti/metody-genocida/privivochnyj-genocid-na-primere-bczh>), «Вакцинация, как оружие *геноцида*» (Вакцинация, как оружие геноцида. URL: http://privivke.net/index.php?option=com_content&view=article&id=553:220613-&catid=38:news), «С каждым днем в эту *адскую мясорубку* бросают все новых и новых безвинных младенцев (тех, кто избежал аборта), пополняя ряды детей-инвалидов и их несчастных родителей, не подозревающих об истинной причине страданий их чад» (Рекомбинантные генно-инженерные вакцины. URL: http://privivke.net/index.php?option=com_content&view=article&id=532:080613-&catid=38:news).

Б. Орудие убийства: «Вакцинация, как оружие *геноцида*» (Вакцинация, как оружие геноцида. URL: http://privivke.net/index.php?option=com_content&view=article&id=553:220613-&catid=38:news), «ведь прививку нельзя потом “отменить” и *прививочные яды* откачать обратно в шприц» (Прививки огромный обман. URL:

http://vk.com/wall-19732513_165448), «Причем, вакцины являются ядами по определению» (Медицина внушаемых ужасов (Часть 2). URL: http://ru-an.info/news_content.php?id=817).

Интересно, что в статьях использованы также метафоры, сфера-источник и сфера-мишень которых совпадают и представляют собой сферу здоровья и болезни. Так, в предложении «Мы стали *вакцинозависимой* нацией» (Иммунитет и прививки. URL: http://privivke.net/index.php?option=com_content&view=article&id=222:260312-&catid=38:news) имеет место метафора «вакцинозависимый», образованная по типу слов «наркозависимый», «героинозависимый» и т.д., то есть имеющий определенную аддикцию.

Описанные метафоры передают идею безнравственности вакцинации: врачи, стоящие за ними чиновники Министерства здравоохранения и сами родители показываются в образе «убийц», которые преднамеренно, ради денег или научных экспериментов, либо вынужденно, из-за необходимости следовать должностным инструкциям, либо по незнанию приносят детей «в жертву» вакцинации.

Конструкции с модусом знания вкупе с оценочными словами и выражениями, а также метафорами создают следующий образ вакцинации: прививки – это доказанный обман населения, который заключается в том, что под видом борьбы против инфекционных заболеваний пациентам предлагают не эффективную, а наоборот, очень вредную, опасную процедуру, которая приводит к негативным последствиям широкого спектра и является безнравственным действием по отношению к беззащитным детям, по сути их убийством.

Безусловно, подобный образ вакцинации, транслируемый в различных статьях в Интернете, способен воздействовать на эмоциональное состояние людей, не обладающих специальными медицинскими или биологическими знаниями, поскольку происходит воздействие на базовые и очень сильные эмоции, такие как страх и чувство вины. Противоположному «лагерю» в этой информационно-психологической войне необходимо учитывать особенности текстов противников вакцинации и продумывать средства информационной защиты.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева А. А. Крым vs. Шотландия: два референдума, два разных образа в СМИ? // Журналистика в коммуникативной культуре современности : мат-лы IV науч.-практич. конф. (30–31 октября 2014 г.) : сб. тезисов. Новосибирск : НГУ, 2014. – С. 56–58.
Краснова Т. И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.
Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии : монография. М. : Центр, 2003. – 384 с.

А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова, Г. Е. Попова
Пятигорск, Екатеринбург, Астрахань, Россия

ПАРЛАМЕНТСКИЙ ДИСКУРС: ДИНАМИКА ЖАНРОВОГО ПРОСТРАНСТВА ФРАНЦУЗСКОГО ПАРЛАМЕНТА

Аннотация. Парламентский дискурс представляется вершиной политической коммуникации, так как в институциональной (конвенциональной) форме отражает все коллизии политической борьбы в обществе. Типология жанров ПД (проекты законов, протоколы заседаний, выступления, декларации, заявления и проч.) может строиться, прежде всего, с точки зрения динамики и статики парламентского дискурса. Динамика открывает *интеракциональность* ПД, статика – его *институциональность*.

Институциональность ПД проявляется в том, что, в отличие от многих других речевых жанров, в законодательных актах прописан их перлокутивный эффект: данные речевые произведения («сообщения»), будучи декларативными, носят прескриптивный характер. Они призваны изменять действительность, регулировать те или иные ее процессы. Их неисполнение подлежит санкциям со стороны общества (государства).

Ключевые слова: парламентская коммуникация, жанры парламентских дискурсов, интеракциональность и институциональность парламентского дискурса.

A. V. Alferov, E. Y. Kustova, G. E. Popova
Pyatigorsk, Ekaterinburg, Astrakhan, Russia

PARLIAMENTARY DISCOURSE: THE DYNAMICS OF GENRE SPACE OF THE FRENCH PARLIAMENT

Abstract. Parliamentary discourse is the pinnacle of political communication, as in the institutional (conventional) form reflects all the conflicts of the political struggle in society. Typology of genres of the PD (draft laws, minutes of meetings, speeches, declarations, statements, etc.) can be built primarily from the point of view of dynamics and statics of parliamentary discourse. Dynamics opens interactionality of PD, static – its institutional character. The institutional character of PD is that, unlike many other speech genres, in the legislation spelled out their perlocutionary effect: the speech data of the work ("messages"), being declarative are of a prescriptive nature. They are designed to change reality, to regulate certain of its processes. Failure to comply is subject to sanctions by the society (state).

Keywords: parliamentary communication, genres of parliamentary discourse, interactionalist and the institutional character of parliamentary discourse.

Статья выполнена в рамках поддержанного РГНФ (проект 14-04-00029) научного исследования «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент)», проводимого Центром интеракциональной лингвистики и институциональной коммуникации ПГЛУ (рук. А. В. Алферов)

Парламентский дискурс (ПД) представляется вершиной политической коммуникации, так как в институциональной (конвенциональной) форме отражает все коллизии политической борьбы в обществе [Алферов, Кустова 2014]. Типология жанров ПД (проекты законов, протоколы заседаний, выступления, декларации, заявления и проч.) может строиться, прежде всего, с точки зрения динамики и статики парламентского дискурса. Динамика открывает *интеракциональность* ПД, статика – его *институциональность*.

Институциональность ПД проявляется в том, что, в отличие от многих других речевых жанров, в законодательных актах прописан их перлокутивный эффект: данные речевые произведения («сообщения»), будучи декларативными, носят прескриптивный характер. Они призваны изменять действительность, регулировать те или иные ее процессы. Их неисполнение подлежит санкциям со стороны общества (государства). Такая институциональная текстовая деятельность рождает множество противоречивых взаимодействий (интеракций), не только на уровне динамики (выработки, обсуждения, дебатов), основанной на тех или иных интересах (прагматика релевантности текста), но и на уровне их текстового юридического статуса (прагматика эффективности текста). Субъектами такой текстовой деятельности становятся профессионалы (юристы, экономисты и т.д.), создатели законодательных текстов как *extra muros* (президентские и правительственные законодательные проекты), так и *intra muros* (парламентская инициатива). Выработанные тексты имеют свою адресную направленность.

В парламентской коммуникации можно выделить два типа адресатов – легитимные (декларированные) и конклюдивные (полномочные) адресаты. Первым адресатом предполагается «целевая аудитория» (общество, избиратели), которая в случае законодательных текстов является «бенефициантом», ведь пресуппозицией парламентских текстов является «общее благо» [Кустова, Попова, Червоный 2014]. Вторым адресатом являются законодатели как субъекты-«демиурги», занятые производством, совершенствованием и принятием (легитимацией) законодательных текстов и профессионалы-исполнители (властные структуры). Как в первом, так и во втором адресном пространстве законодательные тексты подлежат интерпретации, что становится, с одной стороны, фундаментом регуляции социального поведения в обществе в целом, а с другой – основанием для существования такой области знания, как юриспруденция, ответственная за «правильное» толкование данных текстов и отражающаяся, в частности, в особой филологической форме – юрлингвистике как науке о юридической силе и функциональной релевантности законодательных текстов. Поэтому парламентская дискурсивная практика значительно шире текстовой деятельности. Она включает в себя, прежде всего, внеречевое (деятельностное) взаимодействие, служащее и ситуативной рамкой, и интенциональной пресуппозицией парламентской дискурсивной формации. Таким образом, парламентская дискурсивная практика являет собой конгломерат институциональности и интеракциональности.

Интеракциональная природа парламентского дискурса заключается в институциональной необходимости сосуществования различных дискурсов: идеологических, партийных, культурных, этнических, наконец, идиополитических, то есть присущих тем или иным ярким политическим фигурам. Парламентский дискурс суть производное от окружающей его общеполитической полемической коммуникации, характеризующейся, прежде всего, агональностью, идеологической конфронтацией, непримиримостью позиций, вседозволенностью речевых и часто далеко не парламентских средств «аргументации», что, конечно же, имеет место и внутри парламентской интеракции. Но, тем не менее, парламентский дискурс отличается своей интенциональностью, определяемой необходимостью принятия решений, которые имеют больший политический вес, требуют значительно большей меры ответственности, не только политической, но и взвешенной гражданской и государственной позиции. Встает вопрос о механизмах превращения полемической по своей сути политической коммуникации (интеракции) в институциональную законодательную текстовую деятельность. Здесь можно ставить вопрос об институциональности дискурса как о мере ответственности субъектов, его порождающих.

Парламентская коммуникация Французской Республики широко представлена на официальных сайтах Национальной ассамблеи (Assemblée Nationale – далее – АН) и Сената. Принцип прозрачности и доступности достаточно давно существует в практике французского парламента, но приобрел фактический и официальный статус только в выступлениях нынешнего председателя нижней палаты – Национальной ассамблеи – г-на Клода Барталона. При его вступлении в должность спикера 26 июня 2012 года было провозглашено создание парламентского мультимедийного ресурса как небывалая в истории Пятой республики акция по демократизации парламентской коммуникации и установлению информационного паритета между политическим большинством и оппозиционными партиями. Теперь на каждого депутата, независимо от партийной принадлежности, выделяется около 130 тысяч евро для освещения его парламентской активности в интернет-медиа. Причем 10% всей суммы парламентарии возмещают из своего личного дохода.

Идиополитическое (личное) текстовое пространство субъекта парламентской деятельности *intra-* и *extra muros* создает гипертекстуальное поле «человека-текста». Взаимодействие внешних политических дискурсов (сетевые СМИ, Твиттер и проч.) окружающую парламентскую коммуникацию, также дает интертекстовую пресуппозицию, каузирующую порождение и интерпретацию текста.

Продолжить интеракциональную схему анализа жанров парламентского дискурса можно дихотомией *конвенциональность ↔ неконвенциональность*. Дискурсы в их реализации могут иметь строго институциональный характер (проект закона, отчеты комиссий, протокольные формулы ведения заседания и проч.), с одной стороны, и носить более или менее свободный характер выражения как в плане стиля, так и в плане жанровой реализации дискурса (дебаты, вопросы правительству и проч.), с другой. В последнем случае в протоколы заседаний (*compte-rendu intégral*) попадают неинституциональные дискурсивные элементы (реплики, восклицания, апло-

дисменты и проч.). Важную роль в понимании и интерпретации такой коммуникации на метауровне приобретает видеоряд, мультимедийная составляющая парламентского дискурса, представленная в Интернете. Видеотрансляция позволяет однозначно идентифицировать и интерпретировать аргументативную и интерперсональную направленность таких синкретичных речевых действий, как смех, междометия и т.п. [Кустова 2010], обозначенных обычно в протоколах скупой, стереотипной пометой «шум в зале» (*Exclamations sur les bancs...*). Можно констатировать, что институционализированный полемический парламентский дискурс представляет собой «компромисс между конституциональными и регулятивными принципами, с одной стороны, и менее нормированным обыденным речевым взаимодействием, с другой» [Правикова 2005].

Еще одна дихотомия пронизывает дискурсивное пространство парламентской коммуникации: *интеракциональность ↔ конклюдентность*. По сути, это трансформация аргументативно-агональных ('за'/'против') дискурсов в законодательные. Целью исследования в этом случае становится анализ тематики законопроектов, характеризующих общественные либо корпоративные интересы выдвигающих их партий, их фактуальная и аргументативная база, определение целевой аудитории, «бенефициантов» того или иного законодательного текста (общество в целом/социальная группа – принцип *Cui prodest?* и т.п.). Здесь часто на первый план выступает операциональный аппарат юрислингвистики.

В интеракциональной лингвистике достаточно подробно разработана номенклатура стратегий, маркеров и операторов речевого взаимодействия. Большое значение в определении их роли и функций, в проверке валидности их интерпретации приобретает методология широкого спектра, то есть от общесемiotических [Кустова 2011; Петренко 2007] до культурологических [Петренко, Слепакова 2009] и прагма-сопоставительных [Алферов 2004] через методы, дополняемые когнитивно-концептуальным анализом [Алферов 2007], например, выявлением концептуальных схем парламентского дискурса. Помимо дискурсивной, жанровой структуры и содержательного анализа пропозиции, интеракциональное исследование направлено на иллокутивный, интерперсональный и аргументативный аспекты парламентской интеракции [Алферов, Белова, Кустова 2014].

ЛИТЕРАТУРА

- Алферов А. В. О сопоставлении в прагматике // Вестник ПГЛУ. 2004. № 2–3. – С. 185.
Алферов А. В. Когнитивное пространство интеракционального дискурса // Вестник ПГЛУ. 2007. № 3–4. – С. 106–108.
Алферов А. В., Кустова Е. Ю. О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию // Политическая лингвистика. 2014. № 3. – С. 24–32.
Алферов А. В., Белова В. Ф., Кустова Е. Ю. Агональность парламентской коммуникации (на материале дебатов в немецком парламенте) // Политическая лингвистика. 2014. № 4. – С. 21–26.
Кустова Е. Ю. Французское междометие: лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракциональные функции : дисс. ... д-ра филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2010. – 298 с.
Кустова Е. Ю. О диалогическом механизме аксиологической (интерпретационной) составляющей семиозиса // Вестник ПГЛУ. 2011. № 4. – С. 144–147.
Кустова Е. Ю., Попова Г. Е., Червоный А. М. Субъектность, тональность и релевантность французского парламентского дискурса // Вестник ПГЛУ. 2014. № 4. – С. 104–107.
Петренко Т. Ф. Interculturel: sensibilite et competence : учеб. пособие по межкультурной коммуникации. Пятигорск : Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2009.
Петренко Т. Ф. Проблемы семиотики. Знак. Текст. Культура : хрестоматия / Федеральное агентство по образованию. Пятигор. гос. лингвист. ун-т. Пятигорск, 2007.
Правикова Л. В. Язык парламентских дебатов (опыт системного описания дискурса по терроризму в конгрессе США и Парламенте Великобритании : дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2005. – 360 с.

И. Г. Аникеева, Т. Г. Попова
Москва, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСПРЕССИВНЫХ ЭТНОНИМОВ В КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли экспрессивных этнонимов в создании образно-эстетической составляющей речи и языка. В результате анализа было выявлено, что экспрессивные этнонимы создаются путем нарочитой искаженности их структуры, а также с использованием семантической деривации.

Ключевые слова: язык, культура, когнития, метафора, экспрессивные этнонимы.

I. G. Anikejeva, T. G. Popova
Moscow, Russia

THE ROLE OF EXPRESSIVE ETHNONIMS IN COMMUNICATION

Abstract. The article is devoted to revelation of expressive ethnoims role in creation of a figurative-aesthetic component of our speech and language. The analysis of different views existing in modern Linguistics on expressive ethnoims makes it possible to state that ethnoims formation is based on semantic derivation and misrepresentation of their structures.

Keywords: language, culture, cognition, metaphor, expressive ethnoims.

Как отмечает Т. П. Крапакова [Крапакова 2001: 37], в последнее время со стороны лингвистов отмечается устойчивый интерес к проблеме отражения в языке стереотипных представлений, которые связаны с этическими образами. Краткую справку о множестве вариантов трактовки проблемы функционирования стереотипов поведения и мышления в западной науке приводит С. Н. Гладких, которая выделяет структуралистский, социально-психологический, культурологический и конфликтологический подходы [Гладких 2001: 8].

Сознавая свою принадлежность к определенному этносу, человек, соответственно, идеализирует своих соотечественников, их интеллектуальное превосходство, свою культуру, и, следовательно, свой язык. Таким образом, именно все свое укрепляется в чувстве собственной ценности. В контексте наших рассуждений об экспрессивных этнонимах, необходимо отметить то обстоятельство, что именно подобное пристрастное отношение к «своим» нередко порождает этноцентризм. Это происходит в том случае, когда культурная модель своей нации принимается и, соответственно, выдается за образцовую, поэтому именно с ней сравнивается и по ней оценивается культура других народов.

Наделение этнонимов экспрессивностью невозможно без субъективно-эмоционального отношения к тому или иному народу. Как отмечает знаток французского менталитета Н. Мошам [Mauchamp 1995: 38], французы, например, долгое время считали, что их предназначение представляет собой несение свободы другим народам. Французы убеждены, что их цивилизация является самой блистательной в мире и, следовательно, все народы должны рассматривать ее как своеобразный эталон поведения и образа жизни. По мнению Н. Мошама [Mauchamp 1995: 39], французы и сейчас пребывают в полной уверенности относительно того обстоятельства, что французский язык по-прежнему является универсальным языком. Это происходит, по мнению носителей французского языка, несмотря на доминирующее положение английского языка.

Если отталкиваться от точки зрения морфологической структуры, экспрессивные этнонимы представляют собой в большей степени имена существительные, нежели имена прилагательные. Во французском языке имена существительные, выступающие в функции экспрессивных этнонимов, как правило, не имеют формы женского рода. Здесь можно выделить две группы подобных экспрессивных этнонимов.

К первой группе можно отнести литературные этнонимы, которые, будучи употребляемыми в разговорной речи, подвергаются самому широкому сектору сокращений, что характерно для бытового употребления. При подобном процессе усечений мы видим процесс сокращения слова, когда происходит усечение начальных или же, наоборот, конечных слогов.

Приведем примеры для демонстрации первой группы экспрессивных этнонимов: Ruskoff-----Russe-----
----русский; Jap-----Japonais-----японец.

Вторая группа экспрессивных этнонимов образована при помощи развития вторичных значений. Метафора, наряду с метонимией, являясь универсальным семантическим процессом, несомненно, представляет собой продуктивный способ обогащения нашей речи. Говоря иными словами, речь идет об ассоциативно-образном переосмыслении слов.

Образные номинации, которые отражают те или иные национальные своеобразия, часто имеют пейоративный / негативный / отрицательный характер. Часто они выступают в роли различных ярлыков, которые направлены на унижение достоинств того, по отношению к кому они используются. Так, например, французы по отношению к англичанам могут использовать такое слово, как *gosbif* и *bifteck*. Использование этих слов по представлению англичан связано с тем, что часто англичане предпочитают блюда из жареной говядины.

Кроме этого, в арсенале французов для экспрессивного наименования англичан имеется метафорическое употребление слова *hombarde*, что переводится как «омар». Таким образом, коллективный портрет представителей той или иной нации складывается из черт характера, с одной стороны, и внешних признаков (более редкое проявление) – с другой.

Еще одним ярким примером использования метафоры, куда вкладывается негативное значение, является слово *plum-pudding*, что переводится как «кекс с изюмом» и которое используется французами по отношению к англичанам. Таким образом, национальный стереотип представляет собой сложное ментальное образование.

Для английского языка, в свою очередь, также характерно использование экспрессивных этнонимов. Мы выявили стереотипные характеристики «голландец» глазами «англичан», которые существуют не только в отдельных языковых единицах, но и на уровне целого текста. Дело в том, что англо-голландские войны повлекли за собой процессы стереотипизации на нескольких уровнях общественного и языкового сознания. Однако вместе с тем необходимо отметить, что борьба с Голландской республикой не исчерпывает всей истории политических и экономических конфликтов Англии. Истории известны серьезные столкновения Британии, например, с Испанией. Но эти баталии не явились причиной непосредственного возникновения пейоративных коннотаций у лексемы – «Spanish», что отмечает Ю. Д. Апресян, объясняя это фактом случайности, непредсказуемостью коннотаций [см. Апресян 1995: 171].

Мы полагаем, что причиной пейоративного значения единицы «Dutch» является ее сходство по форме со своим этимологом «Duch», от которого также произошло немецкое «Deutsch». Как отмечают этимологические словари, еще в среднеанглийском языке единица «Duch» соотносилась с Германией и употреблялась для обозначения жителей этой страны – немцев [BCDE: 227]. Существование значения «немецкий» у описываемого нами прилагательного зафиксировано в словарях современного английского языка [RH, Partridge 1984]. Соответствующим образом, в лексеме «Dutch» одновременно сконцентрированы стереотипизированные представ-

ления носителей английского языка о голландцах и немцах, что частично обуславливает многозначность самой единицы. Этот же факт отмечен в словаре американского сленга [AS 1987: 121].

Таким образом, язык, с одной стороны, является средством выражения устоявшихся предубежденных мнений, с другой стороны – своеобразной психологической базой, которая поддерживает и укрепляет их. Именно в области языка функционируют модели, обусловленные действием стереотипа и, одновременно с этим, на данный момент времени сами укрепляющие его существование.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2-х томах. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
- Гладких С. В. Этнические стереотипы как феномен духовной культуры : дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2001 – 154 с.
- Зайнуллина Л. М. Теория поля в современном языкознании: Межвузовский научный сборник. Уфа : РИО БашГУ, 2002. – С.102–111.
- Карпакова Т. П. Экспрессивные этнонимы в разговорном французском языке // Инстранные языки в высшей школе : Научный журнал. Рязань : Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2011. – С. 37–41.
- Рыжков В. А. Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности // Языковое сознание: стереотипы и творчество. Сб. статей. ИЯЗ АН СССР, 1988. – 163 с.
- Mauchamp N. Les Francais: Mentalites et comportements. CLE International. Paris, 1995. – P. 38.
- Partridge E. Words, words, words! – Lnd : Methuen and Co, 1933. – 230 p.
- [AS] American Slang. / Ed. By R. L. Chapman. N. Y. : Harper and Row Publishers, 1987. – 987 p.
- [BCDE] The Barnhart Concise Dictionary of Etymology. N. Y. : Harper Collins, 1995. – 916 p.

М. Р. Бабилова

Екатеринбург, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА: ВАРИАНТЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ В НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В работе представлен анализ прецедентных визуальных образов, отсылающих к политике Третьего рейха: знамя и герб НСДАП. Приведены и проанализированы встретившиеся варианты видоизменения указанной символики националистическими объединениями РФ.

Ключевые слова: прецедентный визуальный образ, прецедентный феномен, националистический дискурс, экстремизм, нацистская символика, государственная символика нацистской Германии.

M. R. Babikova

Ekaterinburg, Russia

PRECEDENT VISUAL IMAGES OF THE THIRD REICH: THE VARIANTS OF PRESENTATION IN NATIONALISTIC DISCOURSE

Abstract. The present research is aimed at analyzing precedent visual images of the Third Reich: the flag and the emblem of NSDAP. The article analyzes the alternative variants of the above mentioned symbols used by the nationalistic unions of the Russian Federation.

Keywords: precedent visual image, precedent phenomenon, nationalistic discourse, extremism, nationalistic symbols, national symbols of Nazi Germany.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда:

проект 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик»

Национализм в современной России становится тем злом, против которого направлен комплекс мероприятий и действий. Данный феномен был, есть и будет проявлением экстремистской деятельности, регулируемой законами РФ. В арсенале современных националистических организаций можно увидеть разнообразные эмблемы, знаки, символы и прочие атрибуты, передающие идеологию того или иного объединения. Конечно, не остается без внимания нацистская атрибутика и символика, ставшая традиционной и популярной в националистическом дискурсе. Несмотря на то, что «в Российской Федерации запрещается использование в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах» [ФЗ № 80 от 19 мая 2015 г.]; «пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» [ФЗ № 114 от 25 июля 2002 г.], националисты активно используют указанные элементы при создании ярких и эмоционально насыщенных креолизованных текстов.

Объектом настоящего исследования являются некоторые государственные элементы нацистской Германии: флаг НСДАП - прямоугольное красное полотнище с расположенной в центре на белом круге черной наклонной пра-

восторонней свастики (и его варианты) и герб НСДАП - черный орел, держащий в лапах стилизованный дубовый венок со свастикой в центре. Указанные объекты рассматриваются нами как прецедентные визуальные образы.

Вслед за Л. А. Мардиевой под прецедентными визуальными образами мы понимаем «хранящиеся в памяти представителей определенного социокультурного сообщества зрительные образы культурного пространства» [Мардиева 2016: 253]. Также исследователь отмечает, что прецедентными визуальными образами являются «визуальные образы культурного пространства, а не образы визуального культурного пространства» [Мардиева 2016: 254]. Это важное замечание позволяет шире рассматривать визуальную прецедентность: «в качестве прецедентных рассматриваются хранящиеся в памяти членов социокультурного общества цельные или фрагментарные картиноподобные образы визуальных и вербальных произведений, невербального поведения отдельных личностей или социальных групп и образы предметного мира» [Там же]. В качестве таких визуальных произведений, на наш взгляд, выступают флаг и герб НСДАП, так как взятое, к примеру, полотнище флага без свастики, в любом случае будет отсылать нас к нацистской Германии и актуализировать в сознании реципиента соответствующие смыслы.

Использование нацистской символики националистами можно объяснить сходством идеологий. В истории всего мира политика Третьего Рейха по-прежнему остается одной из нетолерантных, кровавых и радикальных по отношению к так называемым не «арийцам». Современные ксенофобы ведут пропаганду за расовую чистоту власти, проявляют агрессию по отношению к мигрантам с Кавказа и из Средней Азии и их потомкам, совершают преступления на почве межнациональной розни и нетерпимости, в общем и целом тяготеют к гражданскому и этническому национализму. В связи с этим мы все чаще видим интерпретированную под чью-либо националистическую организацию символику Третьего Рейха.

Так, одной из популярных партий, использовавших вышеуказанную символику, является национал-большевистская партия (далее НБП), деятельность которой была запрещена на территории РФ в 2007 году. Символика партии аналогична стилю символов Третьего Рейха: флаг представляет собой знамя Третьего Рейха, но вместо свастики используется символ советских большевиков: серп и молот (рис. 1, 2).

Рис. 1

Рис. 2

Символ «Серп и молот» также можно встретить вместо свастики и в сочетании с гербом НСДАП (черным орлом) (рис. 3).

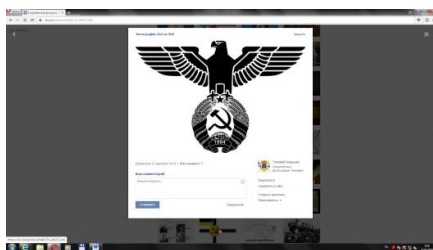

Рис. 3

Поскольку партия позиционирует себя как национал-большевистская, использование символа советских большевиков логично, однако встроенность данной символики в символику Третьего рейха позволяет говорить об актуализации в сознании адресата идеологии и стилистики нацистской Германии.

Очевиден и прагматический потенциал такого использования запрещенной символики: усиление личностного смысла. «Если личностные смыслы чувственны, то они еще и заразительны» [Мардиева 2016: 49], то есть те, кому близка данная позиция, непременно поддержат партию и станут соучастниками; для тех, кому не знакома деятельность партии, возможно, интересна будет именно нацистская символика, лежащая в основе рассматриваемого текста, и реципиент ознакомится подробнее с представленным, что, безусловно, предполагает два варианта развития событий: принять позицию НБП или подвергнуть ее критике.

В архиве НБП встречаются и другие варианты актуализации прецедентной символики. Прямоугольное красное полотнище с расположенным в центре белым кругом может включать в себя разные элементы изображений, нередко с каким-либо текстом, что усиливает прагматический потенциал семиотически осложненного текста.

Так, например, профиль Ленина на месте свастики в белом круге (рис. 4) снова отсылает нас к партии национал-большевиков. Образ советского вождя выступает как символ большевизма, положения которого лежат в основе идеологии членов НБП, и прецедентность основы знамени Третьего Рейха позволяют считывать

идеологию и манеру ведения политики национал-большевистской партии как соответствующую нацизму.

Рис. 4

Следующий пример усиливает семантику нацистского флага за счет дополнения последнего образом лидера НБП - Эдуарда Лимонова и вербальным компонентом, ставшим давно прецедентным: фразой *I'll be back!* (я вернусь) (рис. 5). Содержание контекста указанной фразы хорошо известно реципиенту, однако сочетание этих пластов и образ лидера партии актуализирует новый смысл: возвращение в скором времени политики и режима нацистской Германии, а изображение Лимонова придает тексту «уверенности», так как появляется лицо, ответственное за упомянутое, что не может не оказывать сильного эмоционального воздействия на адресата.

Рис. 5

О масштабности распространения своей идеологии национал-большевистская партия заявляет путем переноса прецедентных смыслов, заложенных в знамени и гербе НСДАП, на векторную карту Российской Федерации (рис. 6, 7). Карта РФ представляет собой фигурное красное полотнище с белым кругом, внутри которого изображен символ СССР. Данный креолизованный текст отсылает к знамени НБП.

Рис. 6

Рис. 7

Кроме того, рисунок 7 дополнен образом улыбающегося мальчика-пионера, что усиливает положительную оценку национал-социализма, так как пионерское движение имеет положительную коннотацию.

Следует отметить, что приведенные примеры представляют лишь часть подобного рода пропагандистского арсенала. Просматривая персональную страницу запрещенной НБП или обращаясь к другим материалам, распространяемым в сети Интернет, можно отметить популярность нацистской атрибутики и символики, в том числе актуальных для данного исследования знамени и герба НСДПА. Подобный интерес можно объяснить рядом факторов, и в первую очередь семантикой каждого из визуальных образов. По результатам исследования креолизованных текстов, размещенных в националистически ориентированных группах социальной сети «ВКонтакте», К. В. Злоказов указывает на «преобладание националистической символики (74,5%) над остальными видами символов» [Злоказов 2014: 239], причиной чего служит «агрессивно-деструктивная направленность националистической идеи в целом» [Злоказов 2014: 239] и агрессивно-деструктивная направленность авторов, использующих подобную символику.

ЛИТЕРАТУРА

Ворошилова М. Б. Свастика в современной русской карикатуре // Юмор и сатира в координатах XXI века : сборник науч. статей по мат-лам междунар. науч.-практ. конф. / Центр за научни изследвания и информация «Парадигма». Варна, 2015. – С. 26–29.

Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург, 2013. – 193 с.

Ворошилова М. Б., Карапетян А. А. Националистическая атрибутика и символика в современном молодежном экстремистском дискурсе: из практики определения // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : мат-лы междунар. науч. конф. / гл. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – С. 51–53.

Злоказов К. В. Репрезентация идей националистической направленности в креолизованном тексте // Политическая лингвистика. 2014. Вып. 3 (49). – С. 236–241.

Мардиева Л. А. Социокультурная реальность и ее интерпритации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 358 с.

Федеральный закон № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» от 19 мая 1995 г.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/12127578/#ixzz4HNd9HP3U>.

Н. В. Багичева

Екатеринбург, Россия

СЕМЕЙНЫЕ МИФЫ В СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Рассматриваются цели создания и функции советских семейных мифов в советском политическом дискурсе: романтически возвышенного мифа о Большой Семье; гражданско-патриотического мифа о единой семье братских народов; идеологического мифа о преемственности поколений. Миф о Большой Семье реализовал мобилизационную функцию; образ Родины выступает в нем в сакральном аспекте и обладает эмоциональной нагруженностью; Миф о единой семье братских народов создал единое смысловое пространство, укрепил государственность. Миф о преемственности поколений помогал юным гражданам страны встраиваться в политическую систему государства, осознавать свою политическую идентичность.

Ключевые слова: мифотворчество, образ Родины, Родина-мать, отец народов, миф о Большой Семье, миф о семье братских народов, миф о преемственности поколений.

N. V. Bagicheva

Ekaterinburg, Russia

FAMILY MYTHS IN SOVIET POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article deals with the aims of creation and functioning of soviet family myths in the soviet political discourse: a romantic elevated myth about the Big Family; a civil-patriotic myth about the united family of brotherly nations; and an ideological myth about the succession of generations. The myth about the Big Family realized the mobilizing function; the image of the Motherland is presented in it as a sacred entity and is emotionally charged. The myth about the united family of brotherly nations created a uniform semantic space and consolidated statehood. The myth about the succession of generations helped the young citizens of the state find their place in the political system of the state and realize their political identity.

Keywords: myth creation, image of the Motherland, Motherland, Father of Nations, myth about the Big Family, myth about the family of brotherly nations, myth about the succession of generations.

Мифотворчество во все времена было важной составляющей политических технологий. Миф можно рассматривать как специфический способ общественной жизни, социального поведения, политической идеологии. Миф, обладая образной, чувственной, эмоциональной основой, моделирует поведение классов, институтов, отдельных людей. Миф – это «язычество» нашего сознания, мы можем внешне его отвергать, но предпочтем при этом «держат пальцы крестиком»: как бы чего не вышло. Мифы виртуальны, но в этом их преимущество перед реальностью: при необходимости их можно легко трансформировать. Каждый народ имеет свои мифы, которые используются в угоду политическому строю государства. Существуют и своего рода «бродячие мифы», например, миф об отце народа/народов: «отец китайского народа» Мао Цзэдун, «любимый отец корейского народа» Ким Ир Сен, «бабка» Лукашенко, «отец народов» И. Сталин и др.

Рассмотрим наиболее удачные мифы советской политики в историческом аспекте с целью определить причины их успеха.

В основе семейных мифов лежит семейная метафора, которая, по нашим наблюдениям, развивается циклично, на ее «жизнь» и «смерть» («взлеты» и «падения») влияет общественно-политическая ситуация в стране, которая – в свою очередь – коррелируется идеологическим «метафорическим фоном».

О самом мифе и его сложной идеологической подоплеке сказано уже много (В. Б. Аксенов, К. Брюггеманн, С. Грэм, Х. Гюнтер, К. Кларк, О. В. Рябов, Е. А. Степанова и др.). Материалы существующих исследований, а также собранный нами иллюстративный материал из художественной литературы и публицистики позволяют утверждать, что в советское время в России параллельно существовало несколько мифов о семье: романтически возвышенный миф о Большой Семье; гражданско-патриотический миф о единой семье братских народов; идеологический миф о

преимущества поколений. Герои этих мифов – одни и те же члены семьи [Багичева 2016].

Первый миф строится на метафоре вертикального родства (мать, отец, дети: сыновья и дочери); второй – в основном, на метафоре горизонтального родства (братья и сестры). Третий – миф синкретичный (мать, внучата, дедушка, братья).

Существование этих мифов хорошо укладывается в выделенные О. В. Рябовым три функции образа Родины в политической сфере: когнитивную, интегративную и мобилизационную [Рябов 2015].

Идея создания мифа о Большой Семье в официальном дискурсе рождается в 30-ые годы XX века в связи с открытым Сталиным законом о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Новая пропагандистская риторика должна была помочь обеспечить превращение страны из аграрной в индустриальную, преодоление технической отсталости, экономическую независимость и укрепление обороноспособности молодого пролетарского государства: *Огромные вопросы, / огромней слоних, / страна / решает / миллионнолобая... Мы выполним / пятилетку, / мартены воспламеня, / не в пять годов, / а в меньше* (В. Маяковский «Особое мнение», 1929). Необходимо было переориентировать «работников армии всемирной великой армии труда» на решение внутренних задач: *Вперед / тракторами по целине! Домны / коммуне / подступом! / Сегодня / бейся, революционер, / на баррикадах / производства* (В. Маяковский «Марш ударных бригад», 1930).

Большая Семья еще больше сплотилась перед лицом нарастающей внешней военной угрозы (*Если завтра война, Если враг нападёт...*). Идея объединения «своих» против «чужих» стала осязаемой и вошла в массовое сознание совершенно естественно (... *Как один человек, Весь советский народ За свободную Родину встанет*). Поскольку «свои» для каждого человека – это семья, коллектив самых родных, надежных людей, которые не предадут ни при каких обстоятельствах, то в коллективное сознание строителей социалистического государства была возвращена мысль о ценности и незыблемости семейных отношений, о духовных святынях национальной культуры.

Святая Матушка Русь весьма искусно трансформировалась политической пропагандой в образ Советской Родины-Матери. Отметим верность этого идеологического хода: Советская Родина-мать «этнически» была нейтральна, это уже не только Россия, это Союз Республик: *«Впервые в Октябре мы почувствовали себя хозяевами страны, впервые мы почувствовали свое, родное, любимое, за что и жизнь можно отдать. <...> Россия стала матерью для трудящихся всех национальностей»* (открытое письмо работников «Красного путиловца» челюскинцам и героям-летчикам, опубликованное в июне 1934 года в газете «Правде»). Идеологическая мать-Родина наделяется сакральным смыслом (святая Родина, священная к ней любовь), обретает зримые черты, которые были запечатлены Ираклием Тоидзе на плакате «Родина-Мать зовет!» в самом начале Великой Отечественной войны, и позже скульптором Е. В. Вучетичем на Мамаевом кургане.

Роль отца Большой Семьи самым естественным образом досталась И. Сталину: *От героев плодородных пашен / Ты, отец крестьян страны родной, / Ты прими, отец, спасибо наше, / Ты прими, отец, поклон земной. / Ты согрел нас ласкою своею, / Ты сплотил нас в дружную семью, / Научил нас всех любить сердечно / Дорогую Родину свою* (А. Сальников «Благодарственная Сталину», 1949). Объединенные одним призывом «За Родину! За Сталина!», ласковая Родина-мать и строгий и мудрый Сталин-отец вели советский народ к Победе: *Выпьем за Родину, выпьем за Сталина! / Выпьем и снова нальем!* (П. Шубин «Волховская застольная»).

Советской пропагандой в суровые годы войны было объявлено, что сыном и дочерью Родины может считать себя каждый живущий на ее территории: *Большевистская ленинская национальная политика отвергает и клеймит неравенство между людьми в зависимости от расы и нации. Все советские люди – родные сыны и дочери матери-Родины. Она гордится подвигами своих героев* («Правда», 29 декабря 1941 года). Идеологически это был хорошо выверенный ход, так как **дочь** и **сын** – это «носители характерных черт своего народа, своей среды (высок.)» (Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова). Только достойный мог претендовать на это звание: *Рады, что вы оправдали лучшие надежды страны и оказались достойными сынами нашей великой Родины* («Правда», 14 апреля 1934 года). Каждый сын хотел оправдать надежды семьи. Как этого достичь, прочитывалось с передовиц всех советских газет, звучало из всех динамиков, демонстрировалось с киноэкранов: *Родина воспитала, вскормила, вспоила своих сыновей и дочерей, Родина дала им все. Родина любит их, как мать. Сыновья и дочери Родины ставят интересы Родины выше своих собственных. Сыновья Родины приносят присягу на верность Родине, клянутся защищать Родину до последней капли крови* [Сандомирская]. По сути, давалась «инструкция по применению».

Заметим, что миф о Большой Семье строился на метафоре вертикального родства. Это семейные отношения более близкие, интимные; отношения между поколениями родителей и детей, замешанные на патриархальном укладе и традициях; в силу этого отношения возвышенные и поэтические.

Горизонтальное родство – это отношения между членами семьи одного поколения; это отношения братьев и сестер, не только кровных, но и названных; отношения, в основе которых лежат, помимо прочего, как утверждают психологи, биологически обусловленные отношения соперничества.

Дети матери-Родины и «отца народов» выступают в разных мифах в разных семейных статусах. И это по большому счету парадокс: сыновья и дочери Родины приходится друг другу **братьями и сестрами**, однако мотив **братства** в мифе о Большой Семье не реализуется, он реализуется во втором мифе – советском мифе о **семье братских народов** в составе СССР. Его появление было вызвано принятием в 1936 году новой «сталинской» Конституции СССР, необходимостью укрепления советской государственности. Почва для его вращивания была уже подготовлена. В опубликованной в газете «Правда» от 30 ноября 1939 года статье «Готовы грудью защищать Советскую Родину» говорилось: «Освобожденные из-под ига польских панов, народы Западной Белоруссии зажили светлой, полноправной жизнью в **братской дружной семье советских народов** под солнцем Сталинской Конституции. За свою Советскую Родину мы всегда готовы встать грудью и защищать ее от нападения любых врагов».

В передовой статье газеты «Правда» «**Семья народов СССР – единый, нерушимый лагерь**» («Правда», 29 декабря 1941 г.) фактически вводилась в обиход и эмоционально разъяснялась концептуальная сущность **семьи** и **братства**: *«Бандит Гитлер рассчитывал, что после первых неудач Красной Армии в советской стране возникнут национальные конфликты, разгорится межнациональная борьба. Фашисты привыкли попира́ть права народов. На ненависти, презрении ко всем не немецким народам построена их политика национального гнета, средневековых погромов. Кабацкие фашистские политики ожидали, что пойдут национальные восстания в нашей стране и Советский Союз распадется на части.*

В этом заключался один из грубейших просчетов Гитлера. На полях сражений немцы встретились с единой семьей советских воинов, в которой рука об руку сражаются представители всех народов Советского Союза. Народы советской страны живут единой жизнью. Они спаяны в труде для своей Родины. И так же едины они в борьбе за Советскую Родину. Русский народ – первый среди равных в семье советских народов – выносит на себе основную тяжесть борьбы. Москва и Ленинград – русские города. Но за Москву и Ленинград дерутся в общих рядах бойцы всех национальностей, населяющих нашу страну.

Дружная семья народов Советского Союза мобилизует все средства, все резервы для защиты Советской Родины, для помощи фронту. Высокий производственный подъем охватил все республики.

Как явствует из приведенных текстов, на ближнюю периферию в слове **братство** выводятся семы «общность судьбы и интересов», «родство кровное и юридическое, в том числе духовное», «готовность помочь», что гарантирует согласие и мир в семье народов огромной империи. Действительно, пусть не этнически и генетически, но родство обеспечено всем народам, так как они де-юре являются членами одной семьи. Метафора братства вписалась в политический дискурс весьма удачно, так как **братство** – это отношения, построенные на взаимопонимании и поддержке друг друга. Это отношения, которые в реальном мире идут от общего корня – общих родителей. Это единственная долговременная семейная связь: родители уходят, а братья-сестры остаются на всю жизнь.

Результат – новый образ Родины как мощного индустриального Советского государства и новая общность людей – советский народ.

В 1944 году был утвержден государственный гимн СССР, который закрепил в сознании всех последующих поколений новую идеологию: «**Союз нерушимый республик свободных**» (С. В. Михалков, Г. А. Эль-Регистан).

В центре общественно-политического дискурса оказывается совсем иной субъект – Советская социалистическая Родина. Отторжение генетического и утверждение надэтнического родства продолжается, духовное, идейное родство закрепляется во фразеологии: **братские социалистические страны**; **братский привет народам, борющимся за мир и демократию**; **братские народы, братские советские республики**.

В середине 50-х годов в состав СССР входят 15 советских социалистических республик: *Пятнадцать республик советских, / пятнадцать могучих сестер – / нагорных, приморских, полесских – / на вольный выходят простор. / И все это, сбросив насилие / и цепи веков расковав, / в единство сплотила Россия и сблизила в братство Москва* (Н. Асеев «Москва – Россия»). Объединяли народы и республики все те же **отцы**: «Ленин и Сталин стояли у колыбели каждой советской республики, оберегали ее от грозящих опасностей, **по-отечески** помогали расти и крепнуть. Если сегодня все республики Советского Союза предстают перед миром в расцвете своих материальных и духовных сил, то этим они обязаны гениальному учению Ленина-Сталина, мудрому руководству товарища Сталина. Вот почему все народы нашей страны с необыкновенной теплотой и чувством сыновней любви называют великого Сталина своим **родным отцом**, великим вождем и гениальным учителем» (Н. С. Хрущев. Речь на 70-летию Сталина).

Интересно отметить некую гендерную неувязку в «теле» мифа: несмотря на то, что 15 республик были **сестрами**, отношения между ними складывались именно **братские**: *Мы, белорусы, с братскою Русью, / Вместе искали к счастью пути. / Силы собирает народ Белоруссии / В братском союзе, в мощной семье / Вечно мы будем, вольные люди, / Жить на счастливой, вольной земле* (М. Климович «Гимн Белорусской ССР»); *Нам всегда в битвах за судьбу народа / Был другом и братом русский народ / Нас Ленин повел победным походом / Под знаменем Октября до светлых высот. / Слава Союзу Советскому, слава! / Слава Отчизне на веки веков! / Живи, Украина, советская держава / В единой семье народов-братьев!* (П. Тычина «Гимн Украинской ССР»); *Живи, сын Калева – народ наш славный, / И стой, отчизна наша, как скала. / Сквозь все страдания веков неправых / Отвагу ты и доблесть пронесла. / В союзе братском пред тобой простор – / Эстония, шагай в строю своих сестер!* (Й. Семпер «Гимн Эстонской ССР»).

Итак, два мифа в одной терминосистеме – терминосистеме родства. Первый миф – о Большой Семье – выполнил свое предназначение, обеспечив небывалый подъем трудового энтузиазма, направленный на индустриализацию страны, и, сплотив народ страны перед лицом его полного уничтожения, помог победить в самой страшной войне XX века: **сыновья и дочери страны, воспитанные любимым и родным отцом, защитили Родину-мать**. Второй – о единой семье братских народов – укрепил государственность, помог осознать гражданам страны свою политическую идентичность: **все представители братских народов, проживающие во всех братских социалистических республиках – это граждане одной страны, связанные одной судьбой**.

По сути, здесь мы видим реализацию двух основных функций образа Родины в политическом дискурсе: мобилизационной – в мифе о Большой семье; интегративной – в мифе о единой семье братских народов. В первом случае образ Родины выступает в сакральном аспекте и обладает эмоциональной нагруженностью; во втором – создает единое смысловое пространство.

Третий миф о семье должен был реализовать когнитивную функцию, а именно: «приблизить вопросы политики к повседневному опыту индивида, редуцируя сложную проблему отношений гражданина и государства

к понятным картинам семейных отношений» [Рябов 2015]. Другими словами, это функция социальной адаптации. Это был идеологический миф, направленный на воспитание достойной смены, миф о взаимоотношениях детских политических организаций с правящей Коммунистической партией Советского Союза, то есть, по сути, с государством. «Партия – наш рулевой» – это наиболее известный лозунг. Из этого следовало, что партия сама по себе не обладает никаким семейным статусом, она не мать, не отец никому. Ленин и Сталин назывались не отцами, а основателями партии.

Миф построен на идее единства и неразрывной связи поколений: *Красный галстук носит каждый пионер. Это – символ верности делу Великого Октября, символ нерушимого единства трех поколений: коммунистов – комсомольцев – пионеров*. Здесь хорошо просматривается возрастной принцип: пионеры – младшие братья комсомольцев, комсомольцы – старшие братья пионеров. В «большую» идеологию оказались не вписаны только октябрята – младшие братья пионеров.

Возрастной принцип в этом мифе доминирующий: он оказался важнее принципа генетического родства. Понятно, что октябрята-пионеры-комсомольцы – братья, но, как и в предыдущем мифе, неясно, чьи они дети. В советской пропаганде им всем был присвоен разный статус по происхождению: *октябрята – внучата Ильича; пионеры – дети рабочих; комсомол – верный сын Коммунистической Партии Советского Союза*. Если будем рассуждать логически, то вывод будет следующий: партия – мать пионеров, октябрят и комсомольцев; Ленин – отец партии и дедушка не только октябрятам, но и пионерам, и комсомольцам. Однако таким «психоанализом» советская пропаганда не занималась. В воспитательном аспекте миф был выстроен безукоризненно: в каждом возрасте детям давался понятный им семейный ориентир, который в конечном итоге выводил к нужному восприятию политики государства, помогал социализироваться.

В наше время в распоряжении «мифотворцев» электронные массмедиа, которые могут «глобально» влиять на глубинные структуры сознания людей для создания стереотипного социокультурного и политического образца поведения. Однако того результата в патриотическом воспитании масс, который достигала газета «Правда» и вторившие ей дети «Комсомольская правда» и «Пионерская правда», мы не имеем. С распадом СССР разрушилась вся «система образов» советских мифов. Родина теперь уже не безоговорочно мать, она может называться и мачехой, и вдовой, и уродиной, и сестрой [Багичева 2016]. Место *отца* вакантно. Есть попытки возродить метафору, приписав роль мужа России президенту РФ В. В. Путину. Так, в Интернете широко известно высказывание И. Кобзона о «второй женитьбе Путина»: *«Да он (Путин) уже давно второй раз женился... Он на России женился. ... А что поделаешь, если для него кроме России никого не существует»*. О том, что мы дети России, вспоминается «во дни торжеств» и «по случаю»: *И если трубы призовут с тобой нас снова, / Послужим честно Родине своей. / Гремел салют в победном сорок пятом, / Колокола звенели над Москвой. / Дочери России – Родины солдаты / Вошли в историю легендой живой* (В. Силенская «Дочери России»).

Думается, что мы станем еще свидетелями возрождения активности «семейных мифов» в период ближайшей предвыборной кампании, так как в процессе «осознанного воздействия субъектов политической власти на общественное сознание» [Воеводина] именно семейная метафора является сильнейшим оружием внедрения желаемых стереотипов поведения во все сферы жизни общества.

ЛИТЕРАТУРА

Багичева Н. В. Образы матери-Родины и Большой Семьи в метафорическом онтогенезе // Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2016. Вып. 2 (56). – С. 101–110.

Воеводина Л. Н. Мифотворчество как феномен современной культуры : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/mifotvorchestvo-kak-fenomen-sovremennoi-kultury> (дата обращения: 25.11.2014).

Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике периода «Болотной революции»: Легитимация и делегитимация власти // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. URL: <http://journal-labirint.ru/> (дата обращения: 23.04.2016).

Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. URL: <http://culture.niv.ru/doc/culture/sadomirskaya-rodina/index.htm> (дата обращения: 23.04.2016).

О. В. Барабаш
Пенза, Россия

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ ВНЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье на материале публикаций СМИ за 2006–2016 годы проанализирована специфика метафорического осмысления феномена коррупции вне юридического дискурса. Делается вывод о том, что при выработке официальной дефиниции коррупции и формировании государственной антикоррупционной стратегии необходима опора на глубинные национальные особенности восприятия коррупции как социального явления.

Ключевые слова: коррупция, юридический термин, детерминализация, метафора, юридический дискурс, политический дискурс, газетный дискурс.

SPECIFIC FEATURES OF CATEGORIZATION OF THE PHENOMENON OF CORRUPTION OUTSIDE LEGAL DISCOURSE

Abstract. The article on the material of the media publications for the 2006-2016 biennium analyzed the specifics of metaphorical understanding the phenomenon of corruption out the legal discourse. It is concluded that the development of the official definitions of corruption and the formation of the state anti-corruption strategy requires reliance on deep national characteristics of perception of corruption as a social phenomenon.

Keywords: corruption, legal term, determinologization, metaphor, legal discourse, political discourse, the discourse of the newspaper.

Противодействие коррупции как социальному злу является важнейшей задачей, стоящей перед мировым сообществом. Меры, направленные на предупреждение коррупции и борьбу с ней, составляют суть антикоррупционной политики государства и фиксируются в нормативных правовых актах. В Российской Федерации антикоррупционное законодательство основывается, прежде всего, на Конституции Российской Федерации, Федеральном законе от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и других нормативных правовых актах, направленных на борьбу с рассматриваемым явлением.

Законодатель дает следующее определение рассматриваемому явлению: «Коррупция – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний, от имени или в интересах юридического лица» [Федеральный закон]. В одной из предыдущих работ мы предприняли попытку осуществить лингво-правовой анализ официальной дефиниции коррупции, в ходе которого были выявлены пробелы как в части субъектного состава коррупционных деяний, так и в части определения перечня коррупционных деяний в действующем антикоррупционном законодательстве. Кроме того, обращение к тексту международных правовых актов (Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г., Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г., а также претендующего на экстерриториальность Закона Великобритании о взяточничестве (United Kingdom Bribery Act (UK BA)) от 8 апреля 2010) позволило сделать вывод о наличии некоторых расхождений в понимании сущности коррупции в отечественном и международном праве [См. Барабаш 2014].

Полагаем, что причина указанных недочетов и расхождений может заключаться в недостаточной изученности самого феномена коррупции. В то же время для того, чтобы эффективно бороться с этим явлением, необходимо хорошо понимать его сущность, а также те ментальные установки и предпосылки, которые способствуют его возникновению и распространению и на основе которых формируется восприятие коррупционных деяний обществом. Разумеется, феномен коррупции является предметом постоянного обсуждения и изучения в различных аспектах – политическом, правовом, социальном. Однако не менее важная роль, на наш взгляд, должна быть отведена лингво-когнитивному анализу способов концептуализации коррупции в языке.

Одно из первых обстоятельных исследований в этом направлении предпринято в работах А. Н. Баранова [Баранов 2004: 70–79; Баранов 2006; Баранов 2014]. В статье «Метафорические грани феномена коррупции» на основе сравнения и анализа двух корпусов – экспертного (материалы интервью со специалистами, соприкасающимися по роду своей деятельности с феноменом коррупции) и фонового (газетные публикации за 1997–1999 гг.) – автор выявил набор метафорических моделей, функционирующих в дискурсе о коррупции. В последующих работах была осуществлена дифференциация экспертного корпуса и представлены результаты двух серий глубинных интервью, проводившихся фондом ИНДЕМ в 2002–2004 годах.

Убедительные результаты, представленные в работах А. Н. Баранова, позволяют осуществить дальнейшее исследование концепта «КОРРУПЦИЯ», проследить динамику функционирования выявленных метафорических моделей в различных типах дискурса в более поздние периоды. При этом принципиально важным представляется вывод ученого о том, что в сфере речевого воздействия необходимо внедрение рационалистических метафор, дающих возможность мышлению вести поиск «инструментальных, реально воплощаемых альтернатив разрешения проблемной ситуации, игнорируя налет трансцендентальности зла, воплощенного в коррупции, и питаемое общественной практикой бессилие человека перед нею» [Баранов 2014: 175.]

Одной из перспективных в этом направлении задач представляется, на наш взгляд, комплексный лингво-когнитивный анализ концепта «КОРРУПЦИЯ», опирающийся как минимум на три наиболее репрезентативные группы текстов: 1) пословицы и поговорки о коррупции; 2) нормативные правовые акты, направленные на противодействие коррупции; 3) тексты СМИ по соответствующей проблематике. Это позволит проследить процессы формирования концепта «КОРРУПЦИЯ» на трех уровнях: 1) наивном (глубинном); 2) официальном; 3) интерпретационном. В настоящее время наименее исследованными являются первая и третья группы текстов. В то же время считаем, что анализ на их материале развития номинативного поля коррупции в русском языке (от «посула», «мздоимства» и «взяточничества» до собственно «коррупции») и метафорического осмысления его компонентов позволил

бы не только проследить трансформацию социального восприятия изучаемого феномена и ее отражение в языке, но и наметить стратегии формирования общественного сознания в антикоррупционном аспекте.

Цель настоящей статьи – показать особенности метафорического осмысления феномена коррупции вне юридического дискурса и сравнить полученные результаты с официальным толкованием понятия «коррупция», зафиксированным в действующем отечественном законодательстве. Подобное сравнение позволит оценить степень опоры официальной дефиниции на глубинные национальные особенности восприятия коррупции как социального явления.

Материалом нашего исследования служат тексты статей и выступлений, посвященные проблемам коррупции и опубликованные в различных газетах, журналах («Ведомости», «Аргументы и факты», «Взгляд», «Коммерсантъ» «Континент» и др.) и на информационно-аналитических порталах (сайт Администрации Президента kremlin.ru, «ИноСми.ру», «Все о коррупции в России» и др.) за последние 10 лет, то есть в 2006–2016 годах. Обращение к текстам СМИ обусловлено тем, что они, с одной стороны, транслируют государственно-политические антикоррупционные установки, а с другой – отражают восприятие феномена коррупции обществом.

Источником значительной части проанализированных материалов выступает также Национальный корпус русского языка, в частности, его газетный корпус, в котором представлены соответствующие статьи, вышедшие до 2014 года. В целом газетный корпус фиксирует 2243 вхождения слова «коррупция». Кроме того, в НКРЯ представлена диаграмма, отражающая распределение по годам (с 2000 по 2014 гг.) употреблений в газетном корпусе слова «коррупция» (частота на миллион словоформ) (см. диаграмму 1).

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

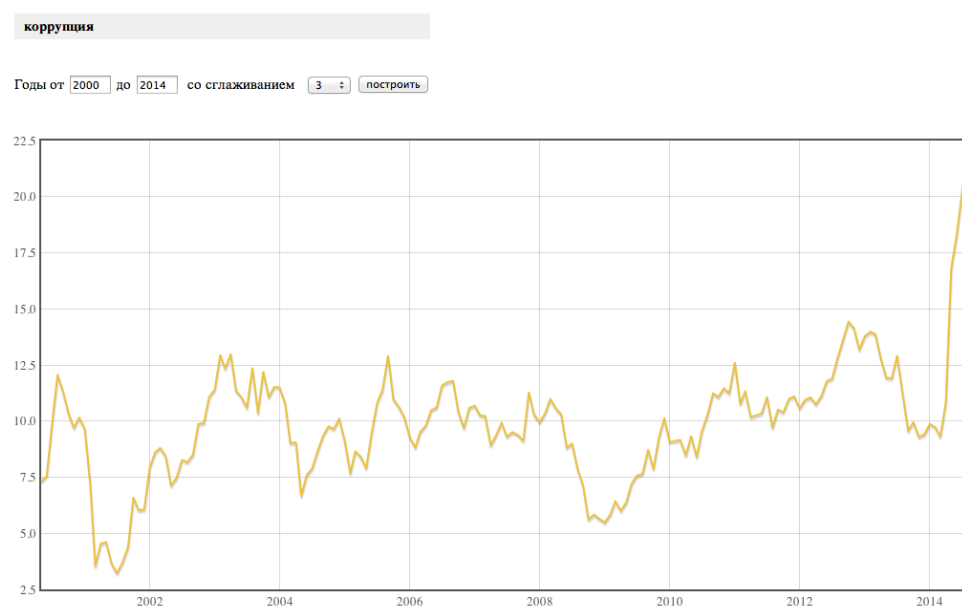

Диаграмма 1

Нетрудно заметить, что значительный спад общественного интереса к проблеме коррупции приходится именно на конец 2008 года, когда в декабре был принят Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» – программный антикоррупционный документ, устанавливающий основные направления деятельности государства по противодействию коррупции, определяющий сферу применения антикоррупционной политики, утверждающий официальную дефиницию понятия «коррупция». Однако через некоторое время после принятия закона частота обращений авторов статей к проблеме коррупции стала расти и достигла наиболее высокой за весь представленный период точки в 2014 году. Анализ публикаций, размещенных на различных интернет-порталах и датированных 2014–2016 годами, также свидетельствует о том, что интерес к вопросам коррупции в настоящее время не снизился. С одной стороны, это обусловлено тем, что заработали установленные законодателем антикоррупционные механизмы, были заведены десятки крупных дел, связанных с коррупционными проявлениями в различных сферах деятельности. С другой стороны, обсуждению и критике постоянно подвергается и сам закон «О противодействии коррупции», претерпевший с момента принятия 12 редакций. Все это свидетельствует об актуальности исследования феномена коррупции, в том числе с лингво-когнитивных позиций.

Лексема «коррупция» функционирует в русском языке как консубстанциональный термин, в связи с чем концепт «КОРРУПЦИЯ» получает воплощение не только в кодифицированном виде (как юридический термин), но и в различных метафорических моделях, трансформирующих семантику слова в соответствии с эмоционально-оценочным посылом автора высказывания. Если для освещения каких-либо общественных событий требуется обращение к понятийному аппарату действующей правовой системы, термин «коррупция» употребляется в прямом значении, с опорой на официальную дефиницию. В то же время деспециализация способствует тому, что, сохраняя признаки исходного понятия, рассматриваемая лексема существенно расширяет лексическую сочетаемость, оказывается «ингредиентом» метафоры, сопровождается эмоционально-оценочным определением.

Ослабление конститутивных свойств термина «коррупция» вне юридического дискурса проявляется в возможности его сочетания с именами прилагательными, дифференцирующими явление коррупции по различным основаниям. Так, *по сферам проявления коррупционных деяний* выделяется «бытовая коррупция»; «повседневная коррупция»; «деловая коррупция»; «политическая коррупция»; «академическая коррупция»; «спортивная коррупция»; «чиновничья коррупция»; «судебная коррупция» и др., например:

(1) «Коррупционные скандалы, в которых часто были замешаны страны Африки и Латинской Америки, приводят экспертов Transparency к выводу, который трудно назвать неожиданным: особо сильна *спортивная коррупция* в развивающихся странах, живущих, скорее, по тоталитарным, нежели демократическим принципам» [Диманс 2016].

С правовой точки зрения в подобном делении нет необходимости, однако его наличие в текстах публикаций СМИ указывает на те сферы деятельности, которые в восприятии общества наиболее подвержены коррупционным проявлениям в настоящее время. Отметим, что слово «коррупция» в последние годы все чаще появляется в статьях, посвященных проблемам образования, спорта, строительства и внешней политики.

По отношению к вертикали власти в публикациях, как правило, противопоставлены «низовая коррупция» и «верхушечная коррупция» (вариант – «верховая коррупция»), например:

(2) «На деле выходит, что эффективная борьба с *низовой коррупцией* становится отвлекающим маневром при саботаже войны с “*верхушечной*”» [Жвирблис 2015].

По масштабам коррупция характеризуется как «мелкая», «тихая», «крупная», «мощнейшая», «сумасшедшая», «фантастическая», «повальная», «всепроникающая», «сплошная», «тотальная», например:

(3) «Вопрос первый – *мощнейшая коррупция*, которая есть сегодня в Украине» [Гутова 2014].

(4) «Надо разбираться с детским хоккеем, там *сумасшедшая коррупция*» [Сержан 2014].

На *степень общественной опасности* указывают определения в составе словосочетаний «губительная коррупция», «убийственная коррупция», «коррупция на крови». Следует отметить неоднозначность языковой формулы «коррупция на крови», которая в текстах различных публикаций может подразумевать обогащение за счет военных действий, а также убийство людей, борющихся с коррупцией либо убийства коррупционерами друг друга.

Опираясь на выведенную А. Н. Барановым типологию метафорических моделей категоризации коррупции, мы проанализировали особенности метафорического осмысления рассматриваемого явления в публикациях последних лет и пришли к следующим предварительным выводам¹.

В настоящее время среди наиболее продуктивных метафорических моделей, реализующих концепт «КОРРУПЦИЯ», отчетливо выделяются модели СИСТЕМА, РАСТЕНИЕ, ПРЕПЯТСТВИЕ, МЕХАНИЗМ, БОЛЕЗНЬ, ЖИДКОСТЬ, БОЛОТО, ЖИВОТНОЕ, НЕРЕАЛЬНОЕ СУЩЕСТВО, РОДСТВО.

Метафорическая модель СИСТЕМА отражает представления общества о коррупции как о единстве взаимосвязанных элементов, функционирующих по общим законам, например:

(5) «Коррупция – это *система*, в которой даже есть какой-то порядок, понятные правила, которые многих устраивают. Потому что, если какое-то звено в этой цепочке ломается, нарушается порядок, система дает сбой» [Валерий Меладзе 2013].

Иная интерпретация обнаруживается при восприятии коррупции как олицетворения системы власти:

(6) «Коррупция – это не сами люди, это *система* ее формирующая. *Система власти и собственности*» [Бахтамаев 2016].

В данном случае появляется соотнесенность явления коррупции с ее предполагаемыми истоками.

К метафорической модели СИСТЕМА примыкает модель МЕХАНИЗМ, внутри которой намечается противопоставление «механизм коррупции» – «антикоррупционный механизм». В терминах, соответствующих модели МЕХАНИЗМ, коррупция воспринимается как «стержень власти», «аппарат», «машина», «цепь» и т.п., например:

(7) «В 2007 году, рассматривая похожее дело об организации договорных матчей во Франкфурте, судья назвал футболистов “мелкими, но необходимыми колесиками” в *коррупционном аппарате*» [Договорные матчи 2010].

Метафорическая модель РАСТЕНИЕ является широко распространенной, хотя, как правило, реализуется опосредованно и может быть обнаружена благодаря наличию в контексте слов, а также их производных, образующих соответствующее семантическое поле (расти, цвести, корень, ветвь, дерево), например:

(8) «В стране, где коррупция *разрослась* до невероятных размеров, ученые жалуются, что получатели грантов должны платить из этих денег откаты бюрократам, которые эти гранты раздают» [Фиговский 2012].

(9) «Завершая тему борьбы с экономической преступностью и коррупцией, отмечу, что не менее важной задачей для нас является *искоренение* коррупции в собственных рядах» [Текст официального выступления В. А. Колокольцева 2015].

(10) «Потому что, если коррупция на территории *процветает*, этого не может быть без ведома первых лиц» [Руденко 2009].

(11) «Итогом подобного «развития» системы образования стала небывало *разросшаяся* коррупция» [Аринштейн 2008].

(12) «Мы и дальше будем самым серьезным образом, вне зависимости, повторяю еще раз, от должности и партийной принадлежности, с *корнем* вырывать эту заразу» [Выступление В. В. Путина 2013].

Интересно, что метафорическая модель СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, которая была ранее представлена «исключительно дискриптором “доить”» [Баранов 2006: 21], пополняется новым вариантом репрезентации – «поле», при

¹ В данной работе мы представили предварительные результаты, которые в дальнейшем будут подвергнуты тщательной количественной обработке.

этом выявление преступлений коррупционной направленности предстает как «сбор урожая», например:

(13) «*Богатый урожай на поле коррупции*» [Стаценко 2011].

(14) «Борьба с коррупцией напоминает *сбор урожая*» [Соловьев 2015].

(15) «И уж совершенно *непаханое поле* – коррупция бытовая, повседневная» [Всенародное дело 2011].

Пожалуй, наиболее разнообразной по способам представления является метафорическая модель БОЛЕЗНЬ. Вне конституционального дискурса коррупция осмысливается как «раковая опухоль», «общественная болезнь», «неизлечимая болезнь», «диагноз», «симптом тяжелейшего кризиса», «болезнь чиновников», «эпидемия», «вирус», «зараза», например:

(16) «Коррупция в России превратилась в трудноизлечимую *раковую опухоль*», главный корень зла заключается в слиянии власти и капитала» [Шухуа 2013].

Кроме того, в публикациях последних лет мы зафиксировали метафорическую модель ВЕЩЕСТВО, которая реализуется через лексемы «смазка», «склейка», «цемент», например:

(17) «Коррупция – та *склейка*, на которой держится власть. Уберите это *цементирующее начало*, и власть рассыплется» [Кошик 2013].

(18) «“Хорошая” коррупция – это часто *смазка* неэффективного и зарегулированного законодательства, когда чиновники ускоряют процесс принятия решений, помогая частному бизнесу» [Зотин 2013].

Еще одной воспроизводимой метафорической моделью является модель ПРЕПЯТСТВИЕ, реализуемая в языковых формулах, включающих компоненты «препятствие», «барьер», «преграда», например:

(19) «Коррупция – *препятствие* для развития России» [Послание Президента 2015].

(20) «*Барьер коррупции* преодолим» [Барьер 2010].

Типологию метафорических моделей, кодифицирующих концепт «КОРРУПЦИЯ», дополнила метафора РОДСТВА, в терминах которой (мать, мачеха, сестра, брат, близнецы) раскрываются представления общества о взаимосвязи коррупции и власти, коррупции и закона, коррупции и преступности и т.д., например:

(21) «Коррупция – *родная сестра мошенничества*» [Налоговые новости 2012].

Еще одна метафорическая модель, фигурирующая в современной публицистике, – БОЛОТО, представленная лексемами «болото», «трясина», например:

(22) «Международный союз футбольных ассоциаций ФИФА считается общепризнанным рассадником коррупции. Это “болото” стремятся “осушить” американцы совместно со швейцарцами. Удастся им это или нет, пока не ясно» [Спорт в болоте 2016].

Имплицитно указанная модель может быть реализована благодаря использованию глаголов «затягивать», «засасывать», «вязнуть», «погрязнуть».

Особое место в ряду метафорических моделей коррупции занимает модель НЕРЕАЛЬНОЕ СУЩЕСТВО. Сопоставление коррупции с «гидрой», «чудищем», «монстром», «чудищем», «драконом» свидетельствует о том, что в коллективном бессознательном коррупция предстает как нечто опасное и неконтролируемое привычными методами.

(23) «Коррупция – это главный враг, *гидра*, сжимающая всю страну» [Есин 2008].

(24) «Украинская коррупция остается непобедимым монстром» [Тараканова 2015].

Анализ отобранных контекстов свидетельствует о том, что в официальных выступлениях Президента России и членов Правительства, посвященных вопросам коррупции, преобладают метафорические модели СИСТЕМА, МЕХАНИЗМ, ПРЕПЯТСТВИЕ, которые могут быть охарактеризованы как рациональные. В газетном и информационно-аналитическом дискурсах ведущие позиции занимают метафорические модели, позволяющие выразить эмоциональное отношение автора к феномену коррупции: БОЛЕЗНЬ, НЕРЕАЛЬНОЕ СУЩЕСТВО, РАСТЕНИЕ, БОЛОТО. Нельзя не отметить и некоторое перераспределение в газетном дискурсе наиболее частотных метафорических моделей по сравнению с периодом 1997–2004 год. Так, в современной публицистике значительно возросла роль рациональных метафорических моделей СИСТЕМА, ПРЕПЯТСТВИЕ, МЕХАНИЗМ, которые, согласно данным А. Н. Баранова, ранее практически не были представлены в этом дискурсе. Вероятно, это обусловлено масштабами осуществления антикоррупционной политики в России, закреплением на законодательном уровне мер по противодействию коррупции, разработкой и принятием «Национальной стратегии противодействия коррупции» и «Национального плана противодействия коррупции» на соответствующие периоды.

Однако в целом следует признать, что коррупция воспринимается неоднозначно. Преобладает негативная оценка данного явления, но в то же время в его восприятии присутствует компонент обычая, повседневности, неизбежности. Позволим себе высказать предположение о наличии, на первый взгляд неожиданной, взаимосвязи между укоренившимся в коллективном бессознательном представлении о коррупции как о неистребимом, вездесущем и даже естественном явлении и неполнотой правового регулирования вопросов коррупции. Частным случаем в этом отношении может служить, например, отсутствие в официальном определении коррупции понятия неимущественной выгоды. Под неимущественной выгодой понимается получение должности, призового места в конкурсе, права на проведение спортивного мероприятия, присвоение почетного звания и т.п. Широко распространены случаи, когда лицо, используя свое должностное положение, предоставляет неимущественную выгоду другому лицу, также не получая при этом имущественной выгоды. В зарубежном и международном праве подобные явления квалифицируются как коррупционные. В российском антикоррупционном законодательстве они не учитываются, и соответственно, меры по их предотвращению и недопущению не разработаны. Это является, на наш взгляд, одной из причин восприятия феномена коррупции как тотального и непреодолимого зла.

На заседании Совета по противодействию коррупции, которое состоялось в Кремле 26 января 2016 года, пре-

зидент России В. В. Путин справедливо отметил, что «ключевой задачей остается формирование в обществе анти-коррупционного правосознания» [Заседание 2016]. Однако решение этой задачи не представляется возможным без изменения дискурсивных практик в сочетании с четкой государственной антикоррупционной стратегией.

ЛИТЕРАТУРА

- Аринштейн Э. Торжество абсурда // Наука и жизнь. 2008. URL: <http://search2.ruscorpora.ru>.
- Барабаш О. В., Филиппов К. Б. «Коррупция» как ключевое понятие антикоррупционного законодательства Российской Федерации: лингво-правовой анализ дефиниции // Политическая лингвистика. 2014. № 4. – С. 12–20.
- Баранов А. Н. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. – С. 70–79.
- Баранов А. Н., Михайлова О. В., Шипова Е. А. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафоры («взаимоотношения бизнеса и власти», «коррупция»). М.: Фонд ИНДЕМ, 2006. – 84 с.
- Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
- Барьер коррупции преодолим // ИноТВ. 31.05.2010. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2010-05-31/Barer-korrupcii-preodolim>.
- Бахтамаев В. Коррупция – это не сами люди, это система ее формирующая. Система власти и собственности // Эхо России: общественно-политический журнал. 15.05.2016. URL: <http://ehorussia.com/new/node/12410>.
- Всенародное дело // Дела.ру. 02.03.2011. URL: <http://www.dela.ru/articles/vsenarodnoe-delo/>.
- Выступление В. В. Путина на Заседании наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив от 14.10.2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19625>.
- Гутова Ю. Родина и родина // Русский репортер. 4.03.2014. URL: http://rusrep.ru/article/2014/03/04/rodina_i_rodina/.
- Диманс С. Л. Хождение по кругу: борьба с коррупцией в спорте // Novainfo.ru. 2016 г. № 45–2. URL: <http://novainfo.ru/article/5892>.
- Договорные матчи – эпидемия европейского футбола? // BBC – Русская служба. 01.04.2010. URL: http://www.bbc.com/russian/sport/2010/04/100401_football_match_fixing.shtml.
- Есин С. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина. 2008. URL: <http://search2.ruscorpora.ru>.
- Жвирблис А. А где успехи? // Аргументы и факты. 11.11.2015. № 46. URL: <http://www.aif.ru/gazeta/number/30388>.
- Заседание Совета по противодействию коррупции 26.01.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51207>.
- Зотин А. Коррупция, достойная подражания // Коммерсантъ. 14.01.2013. URL: <http://kommersant.ru/doc/2098142>.
- Кошик А. Антикоррупционный урожай-2013 // PASMI.RU. 09.12.13. URL: <http://pasmi.ru/archive/100105>.
- Меладзе Валерий: Коррупция – это система // Аргументы и Факты. № 20. 15.05.2013. URL: <http://www.aif.ru/money/corruption/43318>.
- Налоговые новости РФ. 19.06.2012. URL: <http://налоговые.рф/news/nalogovye-skhemu/korruptsiya-rodnyaya-sestra-moshennichstva/>.
- Послание Президента Федеральному Собранию от 03.12.2015 // Сайт Администрации Президента. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>.
- Руденко Б. Убить дракона. Возможно ли победить коррупцию в России? // Наука и жизнь. 2009. URL: <http://search2.ruscorpora.ru>.
- Сержан Э. Родители платят 30 тысяч, чтобы их дети играли в первом звене // Известия. 04.07.2014. URL: <http://izvestia.ru/news/573370>.
- Соловьев В., Шафран А. Борьба с коррупцией напоминает сбор урожая // Радиостанция «Вести ФМ». 27.10.2015. URL: http://radiovesti.ru/episode/show/episode_id/36185.
- Спорт в болоте: коррупция, допинг, договорные матчи и жажда наживы // ИноСМИ. 20.01.2016. URL: <http://inosmi.ru/social/20160120/235119659.html>.
- Стаценко Л. Богатый урожай на поле коррупции // Весть. 13.12.2011. URL: <http://m.vest-news.ru/article/21202>.
- Тараканова Е. Коррупция – непобедимый монстр в Украине – нардеп // Биржевой лидер. 23.04.2015. URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/ukraine/entry1008253217.html>.
- Текст официального выступления В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. 04.03.2015. URL: <https://мвд.рф/document/3172398>.
- Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156929/?frame=1.
- Фиговский О. Модернизация в России и за рубежом – особенности «русского» пути // «Знание – сила», 2012. URL: <http://search2.ruscorpora.ru>.
- Шуха Чжан. Коррупция – раковая опухоль России? // ИноСМИ. 06.02.2013. URL: <http://inosmi.ru/russia/20130206/205550261.html>.

А. А. Баранова, Т. В. Зареева
Екатеринбург, Россия

ОТБОР ФАКТИЧЕСКИХ ДАННЫХ И СОПОСТАВЛЕНИЕ КАК СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РОССИИ В ПРОГРАММАХ РАДИОСТАНЦИЙ «РАДИО РОССИИ» И «ЭХО МОСКВЫ»

Аннотация. Представлены результаты анализа особенностей репрезентации России в общественно-политических программах радиостанций «Радио России» и «Эхо Москвы». Показано, что такие частотные способы репрезентации политического субъекта, как отбор фактических данных и сопоставление, позволяют передать во многом противоположные характеристики России в эфире двух разноплановых радиостанций. На «Радио России» через фактические данные и сопоставление указанному политическому субъекту приписаны в основном положительные качества: «противостояние кризису», «поддержка», «развитие», «развитая страна». На «Эхо Москвы» с помощью тех же способов репрезентации России нередко приписываются отрица-

тельные качества: «недемократичность», «страна третьего мира».

Ключевые слова: Россия; государство; политический субъект; политический дискурс; репрезентация политических субъектов; фактические данные; сопоставление; публицистический дискурс; радиопрограмма.

A. A. Baranova, T. V. Zareeva

Ekaterinburg, Russia

SELECTION OF ACTUAL DATA AND COMPARISON AS METHODS OF REPRESENTATION OF RUSSIA IN PROGRAMS OF RADIO STATIONS «RADIO ROSSII» AND «ECHO MOSKVY»

Abstract. It is presented the results of analysis of features of representation of Russia in socio-political programs of radio stations «Radio Rossii» and «Echo Moskvu». It is shown, that such frequency methods of representation of political subjects, as selection of actual data and comparison, allow to express largely opposite characteristics of Russia in the air of the two diverse radio stations. In the air of «Radio Rossii» mentioned political subject was attributed throw actual data and comparison mainly positive feature: «confrontation crisis», «support», «development», «developed country». In the air of «Echo Moskvu» Russia was attributed throw the same methods of representation mainly negative feature: «undemocratic», «third world country».

Keywords: Russia; the state; political subject; political discourse; representation of political subjects; actual data; comparison; journalistic discourse; radio program.

Репрезентировать политический субъект можно разнообразными способами, и наиболее объективными среди этих способов репрезентации, казалось бы, являются именно фактические данные и сопоставления. Как показал проведенный нами анализ более сотни радиопрограмм на политические темы, вышедших в эфир на двух разноплановых радиостанциях – «Радио России» «Эхо Москвы», – эти способы чаще всего используются для характеристики России в исследуемых программах. Однако именно эти способы позволяют совершенно по-разному характеризовать один и тот же политический субъект в зависимости от политической позиции СМИ. В данной работе мы остановимся на особенностях репрезентации России с использованием фактических данных и сопоставления в программах двух названных радиостанций.

Как отмечает А. Шариков в книге «Политическое радио и общество», исследования среди 14 крупных радиостанций в Москве показали, что «Эхо Москвы» в большей степени выражает частные интересы и поддерживает оппозицию, а «Радио России» в большей степени выражает общественные интересы и поддерживает власть [Шариков 2007: 49–51]. Естественно предположить, что и характеристики политических субъектов, в том числе России как одного из основных политических субъектов, будут существенно различаться, ведь, как отмечает Е. И. Шейгал, политическому дискурсу свойственны аффективность, оценочность: «Общение на политические темы никогда не бывает нейтральным или объективным, ему свойственна оценочная акцентированность, пристрастность, аффективность» [Шейгал 2004: 45. См. также Шейгал 1999, 2012]. Эти качества связаны с базовой стратегией политического дискурса, которая «ориентирована на изменение политических взглядов адресата» [Чудинов 2006: 74–78]. В политическом дискурсе и соответственно в программах на политические темы так или иначе одни участники часто презентуют, а другие дискредитируют одного и того же политического субъекта, так реализуются основные коммуникативные стратегии политического дискурса – стратегии дискредитации и самопрезентации (презентации) [Иссерс 1999]. В комплексе разнообразные характеристики одного и того же политического субъекта соответствуют одной из главных особенностей политического нарратива – «многоголосие участников политической борьбы, множественность повествователей и соответственно множественность рациональных и эмоциональных оценок» [Чудинов 2006: 78. См. также Чудинов 2001].

Как показал проведенный нами анализ, репрезентация через фактические данные является частотным способом репрезентации российского государства. При использовании этого способа наблюдается тенденция: чаще всего фактические данные, связанные с Россией, используются на «Радио России», причем обычно это данные, положительно характеризующие страну, с дополнительными оценочными комментариями.

На «Радио России» особенно в период кризиса Российское государство изображалось как практически единственный субъект, способный противостоять кризису. В. А. Головнев в эфире подчеркивает положительную роль государства: *«В городе Пикалево есть цементный завод. Известно, что строительная отрасль получила один из мощнейших ударов в связи с кризисом. Объемы строительства упали. Но сегодня можно начать делать глобальные проекты. Например, связанные с дорожным строительством. А это и цемент, и арматура. Кто будет выступать заказчиком? Конечно, государство»* (От первого лица // Радио России. 2009. 25 июня). В данном случае имеется в виду именно Российское государство, Россия. Фактические данные в приведенном примере – падение объемов строительства и запуск государственного проекта дорожного строительства. Государство в данном случае понимается как политическая организация общества, и ему приписывается признак «противостояние кризису». Кризис – отрицательное явление, значит, противостоять ему – положительное качество.

В 2009 году – в период первой волны финансового кризиса – целый ряд программ «Радио России» был посвящен тому, какие шаги предпринимает Россия для выхода из кризиса. Так, журналист В. Ушканов разговаривает на эту тему с директором Института социальной политики и социально-экономических программ Высшей школы экономики С. Смирновым:

В. Ушканов: По вашим оценкам, кто более всего пострадал в России от финансово-экономического сум-

бура, который мы сегодня наблюдаем?

С. Смирнов: В первую очередь пострадали те, кто жил не по средствам, те, кто тратил деньги, которые действительно были на фоне больших нефтяных доходов, не задумываясь о будущем (Персона грата // Радио России. 2009. 23 марта).

Журналист характеризует кризисную ситуацию в России как «финансово-экономический сумбур». Сумбур – путаница, неразбериха, отсутствие ясности, последовательности, порядка в чем-либо. Значение слова отрицательное, оно подкрепляется словом «пострадал». Но гость отчасти пытается успокоить слушателей. Из его слов следует, что пострадали в первую очередь богатые люди, олигархи, а простым гражданам кризис принес не так много проблем. Фактические данные в приведенном примере – сокращение доходов от продажи нефти.

Россия даже в период кризиса представлена как страна, заботящаяся о своих гражданах, например, о пенсионерах. В. Исаев отмечает в эфире: «В этой ситуации то, что Россия не отказалась еще до кризиса от намеченных планов существенного повышения пенсий, на мой взгляд, очень хороший знак» (От первого лица // Радио России. 2009. 22 дек.). Фактические данные в приведенном примере – повышение пенсий (правда, нет точных цифр) – сопровождаются положительно оценочным комментарием «хороший знак».

В программах, связанных с экономикой, государству приписывается характеристика «поддержка» и «развитие». Так, главный редактор «Независимой газеты» К. Ремчуков в программе «От первого лица» заявляет: «Понятно, что государство хочет сохранить крупные отрасли. Но большинство россиян работает не на этих предприятиях» (От первого лица // Радио России. 2009. 12 марта). В данном случае вновь имеется в виду именно Российское государство. Глагол «сохранить» означает «сберечь, уберечь, не дать кому-, чему-либо пропасть, исчезнуть, погибнуть или потерпеть ущерб» [Большой толковый словарь 2001: 1243]. Иными словами, государство окажет помощь, поддержит.

Журналист В. Ушканов в программе об ипотеке задает вопрос: «Как реально государство может эти обещания выполнить? Какие у него есть инструменты и механизмы?» (Персона грата // Радио России. 2009. 6 марта). Гость – генеральный директор Агентства по ипотечному жилищному кредитованию А. Семеняка – подробно рассказывает об этих инструментах: «У государства есть несколько источников для поддержки ипотеки. Первый источник – финансовый. Бюджет в прошлом году выделил деньги Агентству и системообразующим банкам. Сейчас рассматривается вопрос, чтобы выделить дополнительные деньги в бюджете 2009 года. Вторым источником является средства Фонда национального благосостояния, который может покупать ипотечные облигации, то есть это специальный тип ценных бумаг, выпускаемый на базе портфеля ипотечных кредитов. Третий источник – Центральный банк. Он принял все решения, которые позволяют банкам осуществлять заимствование в ЦБ на срок до одного года. Делая это регулярно, банки получают возможность финансировать выдачу новых ипотек. Другим источником является разделение с банками рисков. Программа помощи заемщикам – часть рисков государство берет на себя» (Персона грата // Радио России. 2009. 6 марта). Хотя Россия в данном случае не названа, ответ гостя явно содержит информацию о шагах, предпринятых именно в России. Ответ четко структурирован, большое количество источников поддержки создает иллюзию того, что государство хорошо решает жилищные проблемы. В реальности это может быть и не так, но в программе информация подана именно таким образом.

Конечно, есть моменты, за которые и критикуют государство. Журналист программы «Право на защиту» так характеризует Российское государство: «В последние годы мы можем говорить о том, что государство стало разворачиваться в сторону потерпевших; вносятся поправки в уголовное и административное законодательство, создается сеть общественных приемных для оказания юридических услуг, работают службы доверия, однако совершенно очевидно, что количество потерпевших, и не только в России, таково, что этих усилий недостаточно» (Право на защиту // Радио России. 2009. 18 февр.). Основная характеристика Российского государства в приведенном высказывании – положительная. Государство характеризуется с помощью фактов. Цепочка из трех простых предложений в составе сложного (вносятся поправки, создается сеть приемных, работают службы доверия) передает большое количество фактической информации, касающейся положительной роли государства в судьбе жертв преступлений. Вместе с тем передается признак «нехватка» – используется наречие «недостаточно».

Интересно, что даже фактические данные, негативно характеризующие Россию, на «Радио России» подаются со смыслом «да, есть проблема, но государство ее решает». Журналист в программе «Национальная безопасность» говорит: «В России нет никаких законов, которые защищали бы врача, и никаких органов, которые осуществляли бы такую защиту» [Национальная безопасность // Радио России. 2009. 23 июня]. Фактические данные – отсутствие необходимых законов. Однако тема программы – разработка нового законопроекта, касающегося врачей, то есть Россия уже исправляет ситуацию, в целом характеристика государства получается положительная.

На радиостанции «Эхо Москвы» гораздо меньше фактических данных, связанных с характеристикой России. По большей части в программах можно услышать размышления о положении страны в целом. Например, часто обсуждается тезис об отсутствии демократии в России. С. Сорокина обсуждает возможность создания демократического государства с лидером общественного движения «Народно-демократический союз» М. Касьяновым:

М. Касьянов: Институт демократического государства, который оставался еще у нас, или надежда, что он остался, демократические выборы, этот институт демонтирован. Но что мы должны делать? Как мы должны отвечать на такие вопросы граждан?

С. Сорокина: Как?

М. Касьянов: Мы должны это осознать и создавать такое общественное мнение, которое бы давило

на власть (В круге света // Эхо Москвы. 2009. 30 июня).

Демократия – «форма организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод» [Большой толковый словарь 2001: 250]. Факт отсутствия демократии подтверждается в дальнейшем в программе только с помощью данных об отсутствии в России выборов на некоторые должности. А из словарного определения следует, что не только в этом состоит демократия. Другие фактические данные в программе не приводятся, разговор переходит в модальность долженствования. Тем не менее, журналист и гость характеризуют Россию как недемократическую страну.

Также достаточно частотным способом репрезентации России в анализируемых программах двух названных радиостанций является использование сопоставления. Конечно, чаще всего это сопоставление России с другими государствами, Западом, Востоком и попытка оценить положение России в мировом сообществе [см. Баранова 2012, 2013]

На «Радио России» ощущается стремление показать, что Россия – вполне благополучное европейское государство. Даже когда заходит речь о мировом финансовом кризисе, В. А. Головнев говорит, что положение России не хуже, чем у всех: *«Мы живем в мировом финансовом кризисе. Это не кризис только России, он накрыл весь мир. Поэтому понятно, что без потерь кризис не может пройти. В целом на фоне ситуации в мире Россия не так плохо выглядит»* (От первого лица // Радио России. 2009. 25 июня). А директор Центра европейской безопасности Т. Г. Пархалина доказывает, что Россия относится к числу европейских стран (хотя и с некоторыми оговорками): *«Мы действительно европейская страна, поэтому, когда говорят “Россия и Европа”, я все-таки корректирую фразу. Россия, конечно, “другая Европа”: это Восточная Европа, со своей историей и своими особенностями, но ведь и между странами Западной Европы существуют большие различия, как, например, между Францией и Германией, Францией и Италией. Поэтому я говорила бы, скорее, о России в Европе...»* (От первого лица // Радио России. 2010. 12 марта). Автор высказывания выражает несогласие с тем, что Россия часто противопоставляется европейским странам: *«У нас часто думают, что враги окружают Россию, и это интриги Запада против России. Но это далеко не так»* (От первого лица // Радио России. 2010. 12 марта).

На радиостанции «Эхо Москвы» Россия на фоне других государств описана противоречиво: 1) влиятельная глобальная держава, занимающая срединное положение между Западом и Востоком, способная противостоять Западу и влиять на положение других стран, 2) страна третьего мира в стадии упадка. Поясним это противоречие на примерах.

В речи журналиста М. Маргелова при перечислении стран вырисовывается иерархия «глобальные – маленькие»: *«Каждая страна, каждая маленькая страна – а упомянутые вами страны и Сирия, и Венесуэла, и Украина – это маленькие страны, они, так или иначе, лавируют между Россией и США, между США и Китаем, между Китаем и Евросоюзом, между Евросоюзом и Россией. На этом строится их внешняя политика, на этом строится их любая предвыборная кампания, любая кампания»* (Безвластие // Эхо Москвы. 2009. 9 янв.). Все-таки Россия попала в число глобальных держав. В некоторых программах «Эха Москвы» Россия представлена наравне с Америкой, может сотрудничать с ней. Н. Асадова отмечает: *«Как известно, Россия всячески собирается способствовать Америке в урегулировании этой проблемы»* (Разворот // Эхо Москвы. 2009. 3 дек.).

Но гораздо чаще намечается противостояние России и Запада. В высказывании М. Маргелова намечается классификация «Восток – Россия – Запад»: *«Мне только непонятно одно: почему вот это вот самое различие мнений, в конечном счете, выливается в отстаивание, на мой взгляд, абсолютно ложного тезиса: “Дружить с Западом – значит, ругаться с Москвой”. Вот это мне непонятно совершенно. Почему стремление дружить с Западом – это такое вот стремление дружить против России? Ну, кто вам сказал, что Россия не собирается дружить с Западом? Мы дружим с Западом так же, как и с Востоком»* (Безвластие // Эхо Москвы. 2009. 9 янв.). Здесь журналистский дискурс отражает исторически сложившееся представление о промежуточном положении России.

Россия может вмешиваться в дела других стран: *«Россия должна вмешиваться во внутривнутриполитическую борьбу и оказывать помощь, поддержку тем кандидатам, которые, с точки зрения России, для нее более выгодны»* (Безвластие // Эхо Москвы. 2009. 9 янв.). По Договору о коллективной безопасности *«если, условно говоря, на Белоруссию напали, Россия должна защищать. Значит, Россия должна вводить туда войска и на этой территории проводить какие-то боевые операции. Также в Узбекистане, пока он является участником этого договора, в Таджикистане и т.д. и т.п.»* (В круге света // Эхо Москвы. 2009. 8 сент.). Предполагаемые враги России не названы, но глагол «защищать» предполагает наличие определенной угрозы, «напали» – означает агрессию, а слова «войска», «боевые операции» относятся к военной тематике, то есть предполагается наличие вражеских государств.

С другой стороны, в некоторых программах «Эха Москвы» Россия, наоборот, относится к числу стран третьего мира. С. Бунтман размышляет в эфире: *«Малоприятно, что российская компания стоит в одном списке с разнообразными организациями из Северной Кореи, Венесуэлы, Сирии, со «Стражами революции»... Но давно понятно, что Россия по праву занимает место в ряду подобных стран, что это все “наши”»* (Реплика Бунтмана // Эхо Москвы. 2008. 24 окт.).

Конечно, такое разнообразие характеристик России связано с разнообразием гостей программы, точки зрения которых часто не совпадают. В целом формируется такое впечатление, что Россия – государство, которое пытается бороться, но недостаточно влиятельно.

Таким образом, одинаковые способы репрезентации позволяли журналистам двух радиостанций присваивать России разные, зачастую противоположные характеристики. В эфире «Радио России» этому субъекту приписаны

в основном положительные характеристики: «большой потенциал», «преодоление сложностей», «выполнение обязательств» (правда, есть и негативные моменты – «сумбур», «кризис»), «глобальная держава», «не хуже других стран». На радиостанции «Эхо Москвы» появляется немало критических элементов: «страна так себе», «плохие традиции», «невыполнение обязательств», «неблагополучие», «страна третьего мира». В целом, если сопоставить характеристики, приписанные России в анализируемых программах двух радиостанций, можно проследить стремление радиостанции «Эхо Москвы» дискредитировать этот политический субъект (реализуется стратегия дискредитации) и попытки «Радио России» показать Россию с лучшей стороны (реализуется стратегия презентации).

ЛИТЕРАТУРА

- Баранова А. А. Зарубежные политические субъекты в программах радиостанций «Радио России» и «Эхо Москвы» // Российские СМИ в условиях социально-политической трансформации : мат-лы регион. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 12 апр. 2012 г.) / Урал. фед. ун-т, ф-т журналистики ; ред. кол.: Б. Н. Лозовский, И. В. Зиновьев, О. В. Ильина, Р. Л. Исаков, М. М. Ковалева, В. Ф. Олешко, Э. В. Чепкина. Екатеринбург, 2012. – 98 с.
- Баранова А. А. Отражение отношений России и зарубежных государств как политических субъектов в эфире радиостанций «Радио России» и «Эхо Москвы» // Журналист. Социальные коммуникации. 2013. № 1. – С. 20–28.
- Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2001. – 1536 с.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск : Гос. ун-т, 1999. – 285 с.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М. : Флинта ; Наука, 2006. – 256 с.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2001. – 238 с.
- Шариков А. Политическое радио и общество // Ключи к эфиру : в 2 кн. Кн. 1. Радиожурналист и политика. М. : Аспект Пресс, 2007. – С. 30–61.
- Шейгал Е. И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. 1999. Вып. 28.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. – 326 с.
- Шейгал Е. И. Язык СМИ и политика в семиотическом аспекте // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М. : Моск. ун-т ; фак-т журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – С. 121–162.

М. С. Бачурка

Алматы, республика Казахстан

ДИСКУРСИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается фигура молодого человека, подростка, студента, подвергающаяся постоянному воздействию различных дискурсивных образований в макродискурсе, социуме: семейный, педагогический, рекламный, политический и другие дискурсы. Также приводится обзор манипулятивных стратегий, воздействующих на индивида и ведущих к его внутренним и внешним изменениям, вызывающих социальную деформацию.

Ключевые слова: дискурс, общество, стратегия, манипулятор, группа риска, семья, глобализация.

M. S. Bachurka

Almaty, Republik of Kazakhstan

DISCURSIVE IMPACT ON THE YOUNG MAN IN THE MODERN SOCIETY

Abstract. The figure of the young man, a teenager, a student, who is under permanent influence of the different discursive formations in the society, is viewed in this article. Different discourses: family, didactic, advertising, political, – are observed. Also there is an overview of manipulative strategies which influence on the person and lead to his internal and external changes and as a result cause his social deformation.

Keywords: discourse, society, strategy, manipulator, risk group, the family, globalization.

Современное общество представляет собой своеобразный антропологический макродискурс, в центре которого находится человек, интегрирующийся в десятки микродискурсов. Под микродискурсами мы понимаем все разнообразие дискурсов, описанных в современной литературе: от семейного, педагогического до научного, рекламного, политического, террористического. Широкая дискурсивная парадигма рождается различными сферами человеческой деятельности и сотрудничества, а также целью, которую преследуют соответствующие объединения. Характерной особенностью любого дискурса, несмотря на разность конечной цели, является определенного рода воздействие на индивида для достижения поставленной цели. Собственно, в период острой глобализации, информационно-пространственной доступности сила внешних факторов, которые играют важную роль в функционировании того или иного дискурса, чрезвычайно высока как и степень силы внешнего воздействия на современного человека.

Человек – существо социальное, большей степенью, не способное к добровольной изоляции, соответственно, в наше время невозможно представить себе «человека свободного», человека не входящего в какие-либо дискурсивные объединения, полагающегося лишь на собственную волю, руководствующегося лишь своими желаниями и потребностями. Современный человек – человек регламентируемый, причем не всегда является возможным определить, что главенствует: внешний или внутренний регулятор. Многообразие дискурсов,

множественность целей, необходимость сосуществовать с огромным количеством людей, широкий ряд социальных/дискурсивных ролей, все это в последнее время нередко ведет к депрессивным расстройствам, «бунту на корабле», суициду, уходу в религиозные секты, террористические группировки, криминалу.

Одной из наиболее уязвимых категорий, так называемой группой риска, являются подростки, молодые люди, часто студенты. Люди, наиболее подверженные внешнему влиянию, не определившиеся в своих стремлениях, психологически и психически не стабильные, вынужденные вживаться в новые для них дискурсивные образования, например, вуз, новый коллектив, субкультуру. Подверженность внешнему влиянию определяется внутренней неуверенностью человека, что очень часто восходит своими корнями к проблемному семейному дискурсу. Когда семейный дискурс, семья, микросоциум становится проблемным? Как сказал классик: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Можно перечислить множество факторов, породивших внутреннюю нестабильность/неуверенность молодого человека, так, например, развод родителей, потеря родителей, пьянство, проблемные межличностные отношения между родителями, несчастная любовь, «злой учитель», а иногда, что называется, бывает упущен момент, когда нужно было родителям увидеть/услышать/понять, но не увидели, не услышали, не поняли и как результат «упустили ребенка». Семья, семейные взаимоотношения, проблемы «отцов и детей», – об этом можно и нужно говорить, да и сказано уже немало. Предупрежден – вооружен, не так ли? Почему же тогда не уменьшается число трудных подростков, не падает кривая суицидов, а наши дети становятся легкой добычей для псевдо религиозных или, что страшнее, террористических образований. Нужно, конечно, рассматривать все факторы в совокупности, не упуская из виду, что каждый случай индивидуален. Нельзя, однако, во всем «винить» семью, памятуя о том, как часто вызывает недоумение сообщение о том, что девочка/мальчик из хорошей семьи замешен в незаконной деятельности, употребляет наркотики, вступил в секту. И потом, у хороших семей свои проблемы.

Однако здесь уместным будет говорить о глобализации и информационной доступности как о факторах, оказывающих огромное влияние на нашу жизнь и жизнь наших детей. Часто бывает, что молодой человек, испытывающий какую-либо неудовлетворенность, становится жертвой «промывки мозгов». Благодаря широкому потоку информации буквально каждый третий знает, что такое НЛП, нейролингвистическое программирование, каждый второй читал о стратегиях успешного менеджмента и, наверное, практически каждый читал о стратегиях успеха, пути к богатству, славе и прочее. Собственно, на страницах Интернета на сегодняшний день самый востребованный информационный ресурс, где четко расписано: что есть стратегия, тактика; как правильно формулировать цель и выстраивать ходы для ее достижения. Наряду с поведенческими стратегиями широкой популярностью пользуются речевые стратегии и тактики, и это объяснимо, так как коммуникация жизненно необходима каждому человеку, а вовремя или к месту сказанное слово может превратить неизвестного человека чуть ли не в друга в глазах молодого человека, испытывающего коммуникативный голод. Постепенно, шаг за шагом и уже нет большого авторитета, нет роднее, честнее человека, юношеский максимализм играет в данном случае плохую шутку, и человек, подвернувшийся под руку, есть никто иной как явный манипулятор.

Речевые стратегии и тактики являются объектом изучения достаточно давно, соответственно, существует множество их классификаций, которые могут стать хорошей подсказкой в достижении поставленной цели коммуникативным путем.

Под стратегией общения понимают общую схему действий участников коммуникативного процесса, общий план достижения цели, к которой стремятся собеседники. Это определение можно взять за основу. К тому же нужно учитывать мотивационный (достигается ли цель во время общения одним субъектом или обоими), сетевой (коммуникативные установки – гуманистические или манипуляторные), процессуальный (характер конструирования общения – определенное соотношение между диалогом и монологом) компоненты стратегий общения.

Поэтому обобщенная характеристика формируется из следующих основных видов стратегий общения:

- гуманистически-диалогическая, направленная на достижение общей цели;
- гуманистически-монологическая, направленная на достижение общей цели;
- гуманистически-диалогическая, направленная на достижение индивидуальной цели;
- гуманистически-монологическая, направленная на достижение индивидуальной цели;
- манипулятивно-диалогическая, направленная на достижение общей цели;
- манипулятивно-монологическая, направленная на достижение общей цели;
- манипулятивно-диалогическая, направленная на достижение индивидуальной цели;
- манипулятивно-монологическая, направленная на достижение индивидуальной цели [URL: <http://psyznaika.net/socio-obchenie.html?id=4>].

Так, исходя из манипулятивных особенностей общения, Э. Шостром выделяет четыре основные стратегии манипуляторов.

1. Активный манипулятор пытается управлять другими с помощью активных методов. Он не демонстрирует свою слабость в отношениях, а будет играть роль человека, полного сил. При этом он использует свое социальное положение (босс, отец, старший брат, учитель, начальник). Активный манипулятор достигает удовлетворения, опираясь на бессилие других и контролируя их. Он применяет систему прав и обязанностей, приказов и просьб, табелей рангов и т.п., управляя людьми как марионетками.

2. Пассивный манипулятор являет собой противоположность активному. Этот тип человека решает, что поскольку он не может контролировать жизнь, то откажется от усилий и позволит распоряжаться собой активному манипулятору. Пассивный манипулятор прикидывается беспомощным и играет роль «угнетенного». Он

побеждает своей вялостью и пассивностью, позволяя активному манипулятору думать и работать за него.

3. Манипулятор, который соревнуется, относится к жизни как к состоянию, что требует постоянной бдительности, поскольку здесь можно выиграть или проиграть: третьего не дано. Для такого типа человека жизнь – это битва, где все остальные люди – соперники или враги, реальные или потенциальные. Этот человек колеблется между методами «гнобления» и «угнетения», и поэтому его можно считать чем-то средним между активным и пассивным манипуляторами.

4. Равнодушный манипулятор играет в индифферентность. Он пытается отойти от контактов. Однако в действительности его поведение связано с возможностью обыграть партнера [Шостром 1992: 115].

Э. Шостром обращает внимание на то, что стиль жизни манипулятора характеризуют четыре основных фактора:

- неправда (манипулятор ломает комедию и играет роли, которые должны произвести впечатление);
- неосознанность (манипулятор не осознает истинного значения жизни, видит и слышит лишь то, что хочет);
- контроль (манипулятор кажется спокойным, однако держит себя и других под постоянным контролем, скрывая от них свои мотивы);
- цинизм (манипулятор не доверяет себе и другим, считает, что в отношениях между людьми имеются только две возможности: управлять или быть управляемым) [Шостром 1992: 116].

Мы видим, что манипулятор имеет огромный выбор основных стратегий и масок, которые могут ему помочь войти в доверие к молодому человеку, настроить его на свою волну, подменить истинные ценности тем, что хочет видеть на их месте манипулятор, человек, пытающийся воздействовать на внутренний и тем самым изменить внешний мир индивида.

На сегодняшний день современное общество таит в себе множество угроз для молодых людей, которые постоянно подвергаются какого-либо рода воздействию, сила которого, в свою очередь, и конечная цель не всегда являются положительными. Дискурсивная вовлеченность молодого человека начинается с семьи, которая, являясь микромиром, учит его социализации, жизни в коллективе, определенным нормам и правилам, в то же время семья учит защищать себя, свои интересы, воспитывает волю и учит справляться с трудностями, распознавать правду и ложь. В дальнейшем, капля за каплей, каждый дискурс вносит свою лепту в воспитание молодого человека, придает ему уверенности, помогает приобрести разного рода знания и опыт. Молодому человеку, прошедшему опыт социализации в семье, получающему образование, входящему в разные дискурсивные объединения, присуща определенная уверенность в себе, своих знаниях, воззрениях, и своей уверенностью, правотой, способностью отстаивать свою точку зрения этот молодой человек защищает себя от негативных дискурсивных и манипуляторных воздействий.

ЛИТЕРАТУРА

Кузьменкова Ю. Б. Материалы курса «Стратегии речевого поведения в англоязычной среде»: лекции 1–4, 5–8. М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2006.

Олешков М. Ю. Коммуникативно-речевые стратегии в институциональном дискурсе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006, № 3. – С. 16–29.

Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор / Man, the Manipulator: The Inner Journey from Manipulation to Actualization. Минск: ТПЦ «Полифакт», 1992. – 127 с.

URL: <http://psyznaiyka.net/socio-obchenie.html?id=4>.

И. Д. Бекоева

Владикавказ, Республика Северная Осетия–Алания

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА ПРЕЗИДЕНТА РЮО ТИБИЛОВА Л. Х.

Аннотация. В настоящей статье исследуются конститутивные признаки предвыборной коммуникации как разновидности политического дискурса. Специфика языкового воплощения тактики саморепрезентации выявляется на материале текстов выступлений действующего президента РЮО как одного из потенциальных участников предвыборной кампании.

Ключевые слова: предвыборный дискурс, коммуникативные стратегии, саморепрезентация, политический дискурс, политический имидж.

I. D. Bekoeva

Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania

LANGUAGE PECULIARITIES OF PRE-ELECTION DISCOURSE OF THE RSO PRESIDENT TIBILOV L. KH.

Abstract. Peculiarities inherent in pre-election communication as one of the aspects of political discourse are the subject of the present article. Characteristic features of the language realization of self-representation tactics are revealed on the material of the speeches of the acting South Ossetia President (one of the would-be participants of the pre-election campaign).

Keywords: pre-election discourse; communicative strategies; selfrepresentation; political discourse; political image.

На данном этапе своего развития политическая лингвистика активно занимается общими проблемами политической коммуникации, изучает жанры политической речи, исследует особенности функционирования политических текстов (включая их композицию, лексику, фразеологию), обращается к проблемам идиостиля отдельных политиков, рассматривает стратегии, тактики и приемы политической коммуникации.

Данное исследование выполнено в русле теории политического дискурса и посвящено анализу предвыборного дискурса как одного из жанров политической коммуникации.

К изучению различных аспектов предвыборной коммуникации неоднократно обращались отечественные и зарубежные исследователи [Андреев 2004; Бенуа 2003, 2004; Ворожцова 2007; Гайкова 2003; Голубева 2009; Левшина 2005; Стрельников 2005; Филинский 2003; Gorcoran 1979; Joslyn 1986; Pomper 2001; Wodak 2007 и др.].

Предвыборный дискурс как разновидность политического дискурса – это сложное дискурсивное образование, институциональные, ритуальные и риторические признаки которого проявляются в контексте предвыборной кампании.

Данное исследование является первым опытом изучения политического дискурса Южной Осетии и, в частности, политического дискурса и коммуникативной личности президента РЮО.

В качестве основных методов исследования были использованы методы дискурсивного, лингвокультурологического и концептологического анализа.

Фактическим материалом для исследования послужили текстовые записи законченных речевых произведений действующего президента Южной Осетии Л. Х. Тибилова, (фрагменты выступлений и встреч, публикации выступлений и интервью президента в газете «Южная Осетия»), позволяющие проанализировать жанровое разнообразие институциональной и полуинституциональной коммуникации представителя власти с населением, выявить и описать прагматику и интенциональность дискурса югоосетинского политического лидера. Все тексты представлены на официальном сайте президента РЮО, а также в средствах массовой информации.

В выборку анализируемого материала, вошли политические тексты, объединенные единой тематической направленностью (предвыборная агитация и пропаганда).

Методологической основой данного исследования послужили теоретические положения общей теории дискурса, разработанной как зарубежными (Т. А. van Dijk; G. Brown; G. Yule; J. Baudrillard; P. Sériot; M. Stubbs), так и отечественными лингвистами (В. Н. Базылева; В. З. Демьянкова; О. С. Иссерс; В. И. Карасик; Е. С. Кубрякова; Э. В. Будаева; А. П. Чудинов; Е. И. Шейгал).

Республика Южная Осетия – это молодое государство, образовавшееся после объявления независимости в 1990 году. Основа модели его политического устройства вырабатывалась в течение нескольких лет (1990-е годы).

Президентские выборы проводились в Южной Осетии четыре раза. Последние выборы, состоявшиеся в 2011 году, проходили на очень сложном внутривнутриполитическом фоне, что обусловило необходимость повторного проведения выборов в марте 2012 года. Следующие выборы состоятся в 2017 году [URL: <http://osinform.org/31364>].

В своих выступлениях и интервью за 2015–2016 годы действующий президент РЮО Л. Х. Тибилов неоднократно говорил о том, что его предполагаемое участие в выборах 2017 года – вопрос пока еще нерешенный.

Однако последние встречи и интервью президента РЮО, активно используемые Л. Х. Тибиловым коммуникативные стратегии и тактики не только косвенно, но и прямо подтверждают его готовность принять участие в президентских выборах 2017 года.

Президент РЮО как основной актант югоосетинской политической коммуникации является потенциальным участником начавшейся в Южной Осетии предвыборной кампании.

Общие тенденции построения политический коммуникации Л. Х. Тибиловым складываются на эмоционально нейтральном фоне и реализуются скупыми языковыми средствами, что обусловлено его многолетней работой в КГБ и структурах государственного управления РЮО.

Эмотивность политического дискурса Тибилова Л. Х. проявляется в ряде повторов. В частности, в следующем образце текста несколько раз воспроизводится слово «стабильность», при этом стабильность политическая, безусловно, связывается со стабильностью экономической. Многократный повтор нацелен на создание в массовом сознании потенциального электората политического имиджа руководителя республики, основной задачей которого является обеспечение мира, экономического прогресса в стране.

До выборов еще достаточно времени. Главная задача – сохранить стабильность. В 2011 году была сложная кампания. Республика оказалась на пороге гражданской войны. С трудом удалось из этого состояния выйти. Сегодня моя главная цель – чтобы все общество не было, как пять лет назад, поделено на отдельные конфликтующие группы. А пока нужно заниматься реализацией экономической программы. Наши приоритеты – экономика и стабильность. Причем стабильность сильно зависит от экономики [URL: <http://presidentruo.org>].

Задач много, это же государство. Закон должен работать. Нужно сохранить консолидацию, стабильность, продолжать укреплять государство, строить экономику [URL: <http://ugo-osetia.ru/index.php/society/item/6246>].

В приведенном примере президент реализует стратегию позитивной самопрезентации себя как основного гаранта экономической и политической стабильности в государстве, не только за счет использования притяжательного местоимения *моя* (первое лицо, единственное число), которое уже включает концепт лидерства, единоличность, но и посредством апелляции к народу в следующих текстовых образцах, поскольку

именно народ, как полагает президент, должен решить, заслуживает ли он избрания на второй срок.

До выборов остается еще достаточно много времени – год и два месяца. Конституция позволяет мне идти на второй срок. Но отвечу так: пока время есть, и народ именно сейчас должен оценить, что удалось действующему президенту. Если народ скажет, что ему удалось многое, то не исключаю, что пойду на второй срок. Но говорю об этом именно с такой формулировкой [URL: <http://presidentruo.org/leonid-tibilov-pojdu-li-na-vtoroj-srok-puskaj-narod-reshaet/#more-20728>].

Конституция дает мне возможность идти на второй срок. Но самое главное сейчас – в оставшееся до выборов время реализовать те программы, которые у нас есть, и показать, что президент работоспособен, а народ свое отношение выразит через выборы [URL: <http://ugo-osetia.ru/index.php/society/item/6246>].

Выражая свою точку зрения по поводу выдвижения своей кандидатуры на второй срок, Л. Х. Тибилов говорит о себе в третьем лице (действующему президенту; ему удалось многое; президент работоспособен). Стратегия положительной самопрезентации в данном случае проявляется посредством тактики «отстранения». Президент дает понять, что, несмотря на то, что у него есть законное конституционное право баллотироваться на второй срок, он полагает приоритетным мнение своего народа в оценке эффективности деятельности главы государства.

С конца 80-х годов наш народ, как тогда говорилось, жил «отложенной жизнью», жил ожиданием, когда придет прочный мир и можно будет строить дом, который не разрушит вражеский обстрел, можно будет созидать, не опасаясь, что кто-то все уничтожит [URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2173791>].

Упомянутый синдром отложенной жизни, в котором жила республика несколько десятилетий в силу политической и социально-экономической депривации, блокировал удовлетворение потребности в общественной самореализации, что впоследствии привело к социально-политическому кризису в стране. Появление в анализируемом фрагменте метафоры строительства – *строить дом* – отражает общую метафору возрождения жизни в стране, ее устройство и укрепление.

Данные метафоры служат реализации тактики косвенной самопрезентации, понимаемой в контексте предстоящих выборов как выражение стабильности и уверенности в завтрашнем дне, достигнутых во многом благодаря активной деятельности действующего президента.

Это все достигнуто благодаря вам, мои дорогие сограждане! Я искренне рад, что мне выпало в этот ответственный период работать вместе с вами. Я горжусь вами. Уверен, что в предстоящем году всех нас ждут еще большие успехи и достижения [URL: <http://presidentruo.org/itogovaya-za-2015-god-press-konferenciya/>].

Говоря о достижениях в восстановлении государства, Л. Х. Тибилов акцентирует внимание на особой роли руководства Российской Федерации и граждан Южной Осетии. Стратегия на повышение, реализуемая в данном высказывании, совмещается с тактикой побуждения. В сознание простых людей, граждан Южной Осетии внедряется мысль о том, что именно им принадлежит особая заслуга в возрождении государства.

Люди работают, как никогда за прошедшие годы. Благодаря российской финансовой помощи успешно реализуется инвестиционная программа содействия социально-экономическому развитию республики, практически удалось поднять республику из руин – восстановить жилье и инфраструктуру, построить новые дороги, социально значимые объекты [URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2173791>].

Хочется отметить, что благодаря всемерной поддержке России в Южную Осетию пришли мир, спокойствие. И главная сегодня задача руководства и народа Республики – сохранить стабильность, к которой мы шли последние четыре года. Мы сегодня уверенно идем в вопросах восстановления Республики к завершению этого процесса и работаем над развитием разрушенных войной экономики и социальной сферы [URL: <http://ugo-osetia.ru/index.php/society/item/6293>].

Уверенность в том, что предстоящий год должен знаменовать особые достижения, переходит к выражению готовности выйти на новый этап развития, который будет возможен при условии поддержки со стороны РФ и если в руководстве РЮО останутся представители команды, которая заложила основу стабильности в Южной Осетии.

И здесь я хотел бы отметить, что Республика твердо, уверенно идет по вопросам сближения с Россией, и Договор о союзничестве и интеграции, который мы подписали, вывел нас на очень высокий уровень обеспечения безопасности и взаимного сотрудничества [URL: <http://ugo-osetia.ru/index.php/society/item/6293>].

Стратегия внедрения на подсознательном уровне особых достижений действующего президента РЮО нашла свою реализацию и в событии, которое имеет большое значение в историко-политическом контексте Южной Осетии – встрече с президентом РФ В. В. Путиным (апрель 2016).

Хочу отметить, что в ходе встречи с Владимиром Владимировичем все вопросы, обозначенные мною в плане развития наших отношений и решения отдельных проблем Республики, получили положительный ответ со стороны Президента России. Это дорогого стоит. Положительная оценка была дана нашей работе над дополнительными соглашениями к основному Договору о союзничестве и интеграции. И если были некоторые трудности в разработке отдельных дополнительных соглашений, то со стороны российских коллег мы видели понимание. Было отмечено, что надо работать над ними и принимать решения совместно. Сегодня уже готов ряд соглашений, некоторые подписаны, другие на стадии подписания, все они положительно отразятся на нашей жизни [URL: <http://ugo-osetia.ru/index.php/society/item/6300>].

Многочисленный повтор словосочетаний с компонентом «положительный» (*положительный ответ; положительная оценка; положительную работу; положительно отразятся*) способствует внедрению в сознание избирателей мысли о поддержке, понимании и позитивном восприятии президентом РФ В. В. Путиным работы действующего президента РЮО.

Владимир Путин отметил положительную работу Женевских дискуссий. Процесс на дискуссиях есть, и

он должен идти. Мы увидели, что Владимир Путин относится к Женевскому диалогу положительно и подчеркнул, что дискуссии необходимы, их надо продолжать [URL: <http://ugo-osetia.ru/index.php/society/item/6300>].

В ходе исследования были выявлены характерные признаки предвыборного дискурса президента РЮО Л. Х. Тибилова (являющегося одним из потенциальных участников предстоящих президентских выборов) в контексте начального этапа предвыборной кампании в РЮО. Как показал анализ, языковая специфика текстов выступлений Л. Х. Тибилова заключается в имплицитно присутствующей идее самовыдвижения действующего президента на второй срок.

ЛИТЕРАТУРА

- URL: <http://presidentruo.org/itogovaya-za-2015-god-press-konferenciya/>.
URL: <http://presidentruo.org/leonid-tibilov-pojdu-li-na-vtoroj-srok-puskaj-narod-reshaet/#more-20728>.
URL: <http://presidentruo.org/leonid-tibilov-prioritety-ekonomika-i-stabilnost/>.
URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2173791>.
URL: <http://osinform.org/31364>.
URL: <http://ugo-osetia.ru/index.php/society/item/6300>.
URL: <http://ugo-osetia.ru/index.php/society/item/6293>.
URL: <http://ugo-osetia.ru/index.php/society/item/6246>.

Ю. В. Богоявленская
Екатеринбург, Россия

ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ КОРПУС В СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются ограничения и трудности в использовании имеющихся в сети Интернет корпусов. Предлагается решение обозначенных проблем при помощи специального программного обеспечения Linguistica, позволяющего создавать лингвистические корпусы, автоматизировать процесс обработки текстов, индексировать исследуемые объекты и получить статистические результаты. Вводится понятие объектно-ориентированного корпуса.

Ключевые слова: лингвистический корпус, объектно-ориентированный корпус, сопоставительная лингвистика, корпусная лингвистика, программа для создания лингвистического корпуса.

Y. V. Bogoyavlenskaya
Ekaterinburg, Russia

OBJECT-ORIENTED CORPUS IN CONTRASTIVE RESEARCHES

Abstract. The article deals with limits and difficulties in the use of the Internet text corpora. We propose a solution to this problem by means of a special software Linguistica that helps to create text corpora, to automate texts processing, to notate the data and to obtain statistics. We introduce the concept of an object-oriented corpus.

Keywords: linguistic corpus, object-oriented corpus, contrastive linguistics, corpus linguistics, program for creating of linguistic corpus.

В настоящее время существует уже значительное количество корпусов, представляющих собой массивы текстовых данных на разных языках, однако возможность их использования, особенно в сопоставительных исследованиях, связана для лингвиста с рядом серьезных проблем:

1. Доступные в сети Интернет *корпусы ориентированы на анализ лексических или грамматических явлений*, а единицы коммуникации, не имеющие стандартных способов выражения, дискурсивные явления, прагматические особенности текстов, речевых актов и т.д. в них не размечаются, поскольку создание подобной автоматической разметки, по крайней мере на данном этапе развития корпусной лингвистики, невозможно. В связи с этим некоторые исследователи отрицают пользу корпусов в изучении текста и дискурса [Fludernik 2002].

2. Следующая проблема – это *ограниченный доступ или отсутствие доступа к некоторым корпусам*. В частности, крупнейший корпус, включающий произведения французской литературы с XX по XXI вв. *Frantext* доступен только для ограниченного онлайн-поиска, требуется подписка от имени академического/образовательного учреждения. Многие корпусы английского языка являются платными. Полный доступ к Британскому, Американскому национальным корпусам, Международному корпусу английского языка и некоторым другим корпусам в режиме онлайн отсутствует. Но есть и ряд доступных корпусов – это корпусы, созданные Марком Дэвисом, и корпусы, доступные с сайта университета Лидс.

3. Имеющиеся корпусы *не всегда позволяют получить контекст употребления и доступ к полному тексту произведения*, что снижает возможность адекватной интерпретации исследуемого явления в тексте / дискурсе. Чаще всего исследователь получает доступ к 1 строке, 1 предложению или некоторому количеству символов (ограничение зависит от корпуса), в котором использовано запрашиваемое слово или выражение. Одним из редких исключений является Словарь-конкорданс публицистики Ф. М. Достоевского [URL: <http://dostoevskii.karelia.ru/index.phtml>], в ко-

тором пользователь имеет возможность вывести на экран окружение в пределах пятидесяти знаков до и после заданного слова, перейти к искомой части полного текста и получить указание на том и страницу Полного собрания сочинений писателя. Однако и этот способ доступа к тексту является довольно трудоемким.

4. *Трудность применения корпусов в сопоставительных исследованиях из-за разных объемов, структуры корпусных массивов, времени создания и типов текстовых документов.* В частности, при сопоставлении французских и русских корпусов обнаруживаются все вышеперечисленные (1–4) проблемы. Например, *Французский корпус Лейпцигского университета* представляет собой базу данных, включающую 700 млн. слов. Содержит тексты французской прессы (около 350 млн. слов), веб-страниц и материалы Википедии [URL: http://wortschatz.uni-leipzig.de/ws_fra/]. Позволяет получить список примеров размером 1 предложение на слово – запрос с указанием ссылки на источник, но без даты, а также список правосторонних и левосторонних коллокатов, то есть слов, которые часто используются с запрашиваемым словом. Корпус *Frantext*, созданный Университетом Нанси, содержит размеченные тексты французских литературных произведений X–XXI вв. в объеме 286 млн. слов [URL: <http://www.frantext.fr>] и имеет ограниченный доступ. В открытом доступе находится канадский корпус французского языка *Lexiquum* (около 229 млн. слов [URL: <http://retour.iro.umontreal.ca/cgi-bin/lexiquum>]), созданный Монреальским Университетом для изучения совместной лексической встречаемости и синтаксической сочетаемости различных выражений. Количество примеров на запрос ограничено 500 предложениями длиной не более 200 символов. На данный момент не существует национального корпуса французского языка, сопоставимого по структуре, разметке, функциям, например, с *Британским Национальным корпусом* (100 млн. слов [URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>]), *Корпусом Современного Американского английского языка COCA* (445 млн. слов [URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>]) или *Национальным корпусом русского языка* (более 500 млн. слов [URL: <http://www.ruscorpora.ru/>]). НКРЯ – сбалансированный корпус с 6 видами разметки. Включает произведения художественной литературы, научные тексты и публицистику с середины XVIII до начала XXI века. Имеется также *Компьютерный корпус газетных текстов русского языка конца XX века*, содержащий тексты избранных номеров ряда российских газет, опубликованных в 1994–1997 годах. В корпусе произведена метатекстовая, морфологическая, синтаксическая, семантическая разметка [URL: <http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus/>]. *Корпус русского литературного языка* объемом 1 млн. слов представляет собой сбалансированный корпус, включающий беллетристику, научно-популярные, публицистические, драматургические тексты начиная с середины XX века. Корпус неполнотекстовый, с морфологической и синтаксической автоматической разметкой [URL: <http://www.narusco.ru/>].

Анализ корпусов, представленный выше, а также многих других показывает, что воспользоваться ими для проведения сопоставительного исследования, например, французского и русского языков довольно затруднительно: как отмечалось, корпуса этих языков существенно различаются по объему, принципам построения, разметке, хронологическим рамкам текстов, составу и т.д.

Проблемы также возникают, если объектом исследования становятся явления, которые не имеют лексических средств выражения или формально-грамматических показателей. Работа с имеющимися корпусами строится на лексических запросах (слово, лемма, выражение), вводимых в поисковую строку. Задать поиск, например, на парцеллированную конструкцию в корпусе невозможно, поэтому в таких случаях исследователь вынужден строить собственный корпус текстов. Для более точной характеристики подобного корпуса мы вводим понятие «*объектно-ориентированный корпус*», под которым понимаем *корпус текстов, предназначенный для изучения конкретного лингвистического феномена. Построенный корпус является объектом, выступающим в качестве модели некоторой внешней по отношению к нему лингвистической реальности.* В силу направленности на сопоставительное исследование, корпус представляет собой модель двух языковых пространств. Следовательно, создаваемый в данных условиях корпус представляет собой *сопоставительный объектно-ориентированный корпус*.

Однако необходимо учитывать еще один момент: корпусом называется представительная коллекция текстов, снабженных разметкой и специальной системой поиска. То есть обычная библиотека текстов – еще не корпус. Требуется специальное программное обеспечение, позволяющее автоматизировать процесс обработки текстов, индексирования исследуемых объектов. Решением данной задачи в наших исследованиях стала программа *Linguistica* (свидетельство о государственной регистрации № 2014660349 от 06.10.2014).

Программа предназначена для строительства лингвистических корпусов и позволяет исследователю самостоятельно выстраивать параметрические (классификационные) деревья и снабжать разметкой как интересные фрагменты, так и тексты. Программа имеет систему поиска и статистической обработки результатов, генерирует конкорданс, то есть выдает список фрагментов по заданным параметрам с доступом к источнику.

Создаваемый при помощи программы *Linguistica* корпус обладает следующими типологическими характеристиками:

- *сопоставительный*: корпус может включать два и более подкорпусов текстов на разных языках, предназначенных для сопоставления (возможно его использование и для изучения того или иного объекта в одном языке);
- *открытый*: корпус может постоянно пополняться новыми текстами;
- *полнотекстовый*: создаваемый корпус позволяет включать полные тексты любых произведений (статей, книг и т.д.) любого объема;
- *исследовательский*: полученный корпус может представлять собой богатую эмпирическую базу, достаточную для исследования того или иного языкового феномена;
- *корпус ручной сборки*: отбор текстов производится в неавтоматическом режиме;

• *корпус ручной разметки*: разметка осуществляется вручную при помощи специальных инструментов. Виды используемой корпусной разметки: экстралингвистическая и лингвистическая.

Указанная выше программа создавалась для сопоставительного исследования парцелляции, однако ее потенциал оказался намного шире. Она была протестирована и показала себя не менее эффективной в семанτικο-когнитивных и синтаксических исследованиях: прецедентных концептов [Богоявленская, Буженинов 2015], прецедентных высказываний [Богоявленская, Чудинов 2015; Богоявленская, Чудинов, Нахимова 2015; Bogoyavlenskaya, Nakhimova, Chudinov 2016] и абсолютных конструкций с причастием [Богоявленская, Нелюбина 2015], для которых создавались французский, русский и английский подкорпусы.

ЛИТЕРАТУРА

Богоявленская Ю. В., Буженинов А. Э. Прецедентное имя «Наполеон» в исторической памяти Франции: опыт корпусного исследования // Политическая лингвистика. 2015. № 2. – С. 137–143.

Богоявленская Ю. В., Нелюбина М. С. Гуманитарный вектор. Серия Филология. Востоковедение. 2015. № 4 (44). – С. 39–48.

Богоявленская Ю. В., Чудинов А. П. Функционирование прецедентных высказываний во французском медиадискурсе // Вестник Нижегородского лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2015. Вып. 29. – С. 20–35.

Богоявленская Ю. В., Чудинов А. П., Нахимова Е. А. Корпусное исследование национальных особенностей восприятия прецедентности // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 2. – С. 187–194.

Bogoyavlenskaya Yu. V., Nakhimova E. A., Chudinov A. P. Precedent utterances in the national historical memory: a corpus study // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2. – С. 39–48.

Fludernik M. Towards a Natural Narratology. London : New York : Routledge, 2002. – 472 p.

Ю. С. Бокова, Т. Г. Попова

Москва, Россия

КАРТИНА МИРА КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена описанию метафоры как способа концептуализации. Метафора рассматривается как ментальный языковой механизм, влияющий на формирование картины мира, которая автором анализируется как результат переработки информации о человеке и среде его обитания. Авторы статьи описывают метафору как концептуальный феномен, способ концептуализации абстрактной или незнакомой сферы сквозь призму конкретной или интуитивно понятной сферы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метафора, познание, картина мира.

J. S. Bokova, T. G. Popova

Moscow, Russia

WORLD OF VIEW AS LANGUAGE AND CULTURE PHENOMENON

Abstract. The article is devoted to the description of a metaphor as a method of conceptualization. Metaphor is considered as a mental language mechanism, which affects creation of a world view. The author analyses the creation of a world view as a result of information processing on human and human habitat.

Keywords: cognitive linguistics, metaphor, cognition, world view.

Мы понимаем язык как код, с помощью которого мы фиксируем свое представление об окружающей нас действительности, мире и, следовательно, передаем друг другу информацию о ней.

При характеристике мира следует различать саму реалию (или феномен) картины мира, ее понятие и термин. Феномен, именуемый «картина мира» является таким же древним, как и сам человек. Следовательно, таким образом, создание первых картин мира у человека совпадает по времени с процессом антропогенеза. Тем не менее, реалья, называемая термином «картина мира», стала предметом научно-философского рассмотрения лишь в недавнее время.

В настоящее время феномен «картины мира» считается фундаментальным понятием, относящимся к человеку и его взаимоотношениям с миром. Данное понятие стало одним из основных в новой лингвистической парадигме. В самых общих терминах под «картиной мира» имеется в виду понятие, выражающее специфику человека и его бытия, взаимодействия с миром, важнейших условий его существования в мире.

В последнее время мы наблюдаем проведение всевозможных исследований языковой картины мира, создание ассоциативных словарей разных языков, дающих богатый материал для изучения особенностей восприятия действительности в рамках той или иной культуры. В формировании картины мира принимают участие все стороны психической деятельности человека – ощущения, восприятия, представления и высшие формы мышления и самосознания человека.

Таким образом, в данном контексте мы можем утверждать, что «картина мира означает то, что слышится в обороте речи, т.е. мы составили себе картину чего-либо. Мы составили себе картину чего-то, значит не только, что сущее у нас вообще как-то представлено, а еще и то, что оно предстало нам во всем, что ему присуще и его составляет, как система. Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины. Где дело доходит до картины мира, там вносится кардинальное решение относительно сущего в целом [Хайдеггер 1986: 93].

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что существуют альтернативные миры: миры с отличными качествами друг от друга, с присущими только им закономерностями. Например: мир фантазии, мир реальности, различные социальные миры. Понятие «мир» или «окружающая среда» оппозиционно по отношению к концепту «окружающий меня мир; «среда обитания». «Картина мира означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина, представляющим и устанавливающим ее человеком» [Хайдеггер 1986: 94].

Дж. Стюарт [Стюарт 1990: 84–111] обосновывает тезис о том, что человеческое сознание имеет мирской характер, что понимание этого характера может изменить понимание природы языка. Характерная отличительная черта человеческих существ заключается в том, что они – «понимающие существа», а понимать – значит быть вовлеченным в «деление мира».

Таким образом, говоря о «картине мира» мы приходим к выводу, что слово «мир» понимается двояко. Это, во-первых, как мы уже называли, – альтернативные миры. А во-вторых, это мир вообще, ощущаемый как общая для всех данность, в которую вовлечен человек наряду с другими людьми и которая объединяет его со всеми другими людьми. При этом мир вообще не противопоставляется какому-либо иному миру. В данном случае речь идет о противопоставлении человеческому субъекту, которого связывает с миром особое отношение.

Соответственно, мир вообще не может быть предметом конкретного описания, рассчитанного на то, чтобы дать представление об этом мире другому человеку. Большей частью мир обсуждается в его соотношении с противостоящим ему субъективным сознанием. Однако необходимо отметить, что даже при самом высоком субъективизме возможно объединение субъективностей.

Д. И. Руденко и В. В. Прокопенко [Руденко, Прокопенко 1995: 118] справедливо полагают, что «часто не взаимодействуя непосредственно, образуя свои собственные и во многом самодостаточные космосы «картины мира», индивиды современной культуры, тем не менее, участвуют в создании целостной и одновременно во многом противоречивой гармонии мира».

В «Краткой философской энциклопедии» [КФЭ 1996: 201] под «картиной мира» понимается совокупность мировоззренческих знаний о мире, сформированная в процессе оценивания субъектом результатов познания окружающей действительности.

Картины мира языков антропоцентричны: сам человек как познающий и действующий субъект, является той точкой отсчета, которая используется в языке, чтобы описать размер, форму, температуру, положение в пространстве, функцию и другие свойства предметов, а также, чтобы распознать те процессы, которые происходят внутри него самого: его эмоции, мысли, чувства, внутренние ощущения.

В этой связи хотелось бы отметить, что «картина мира представляет собой глубинный слой миропонимания, поскольку возникает и формируется у человека в актах мировидения и миродействия и помогает ему эффективно ориентироваться в окружающей действительности» [Попова 2010 (б): 54]. Являясь встроенным в сознание концептуальным каркасом, картина мира, как «смысловой двойник действительности помогает осуществлять видение человеком мира (функция интерпретации) и облегчает его ориентацию в этом многообразном мире (функция регуляции)». [Попова 2010 (а)].

Картина мира отражает особенности мировидения и познания. Она может быть объективной и субъективной, общей и индивидуальной, научной и практической, реальной и мифологической, глобальной и ограниченной, целостной и локальной. Картина мира включает в себя субъективные моменты, поскольку формируется у каждого индивида и постоянно меняется. Следовательно, мы можем говорить и об индивидуальной картине мира.

В коллективном труде «Роль человеческого фактора в языке» [1988: 27] отмечается, что индивидуальная концептуальная картина мира непостоянна и представляет собой сложное, изменяющееся явление. Однако в ней присутствуют элементы общности, обеспечивающие взаимопонимание индивидов. Общность системы представлений определенного социума есть основа осуществления человеческого общения, взаимопонимания и взаимопроникновения в духовные миры друг друга. Отсутствие общих представлений или изменение глобальной картины мира становится основой взаимопонимания.

Выделяя индивидуальную картину мира необходимо вместе с тем признать существование у представителей той или иной культуры общей (коллективной) картины мира. Данное обстоятельство означает наличие общих представлений, культурных установок, ценностей, идеалов, что в свою очередь, и определяет взаимопонимание между людьми.

Что касается реконструкции определенной картины мира, то она возможна лишь «при условии, что известна ее базовая, инвариантная часть, не растворенная в национально-культурной специфике и исторических преобразованиях» [Попова 2003: 138].

Между разными языками мира существуют культурные ножницы. Возьмем, к примеру, цветовую гамму картины мира. Так, американцы часто подразделяют людей по цвету волос и используют это таксономическое отличие в целях референции. К примеру, *little redhead* – «рыженький». Тогда как, например, китайцы никогда не отличают людей таким образом, поскольку абсолютно у всех китайцев темные прямые волосы.

Разрыв в понимании наступает при изменении глобальной картины мира – смене «оптики» для внутренних глаз человека, когда новое умозрение дает и новую очевидность, т.е. когда смена интерпретационного ключа приводит к новой интерпретации мира [Попова 2013: 37; 2014: 179; 2015 (а): 170].

С. В. Лурье [Лурье 1998: 89] дает детализированную трактовку «картины мира»: культура существует в умах индивидуальных человеческих существ, а поэтому индивиды не объединены одними и теми же когнитивными моделями своей культуры, точно также как они не объединены одними и теми же когнитивными

моделями своего языка (они различаются, например, в разных диалектах). В результате различия биологического наследия, уникальности личных историй и разных социальных ролей индивидуальные члены общества имеют различные когнитивные модели культуры.

Таким образом, мы считаем, что картина мира – это упорядоченный взгляд на окружающий мир; это то, что принимается как само собой разумеющееся в различных физических объектах, в событиях и в человеческой природе. Окружение, в котором живут люди, – это не хаотическое нагромождение вещей, а упорядоченное единое целое [Попова 2015 (6): 177; Popova 2009: 86].

Субституциональный мир состоит из системы значений, и поведение основывается на совокупности представлений о свойствах различных категорий объектов. Картины мира организуются с помощью символов, и те, кто овладевает этими символами, приходят к общим взглядам на мир, которые служат основой согласованных действий.

В процессе коммуникации, в частности, в сфере социально-ориентированного общения, язык подвергается определенному рода социально-культурному варьированию, в котором всякий раз учитывается картина мира в видении индивидуума. Достижение коммуникативно-адекватного языкового поведения требует наряду с наличием культурно-исторических знаний еще и учета социальной дифференциации языка сферы его использования, что является отражением социальной дифференциации, где каждая языковая группа разрабатывает специфическое языковое поведение или языковой вариант, специфичный для данной группы.

Однако «картина мира» не является результатом деятельности только одного человека, поскольку непременным условием его жизнедеятельности является социальное конструирование реальности. В социально сконструированный образ мира входит запас знаний, отражающий повседневные, теоретические, специализированные и другие формы знания. Концептуальная база внеязыковых знаний, отражающая «вписываемость» человека в жизненное пространство, соотносится с определенными блоками знаний, которые могут быть «упакованы» в виде различных ментальных репрезентаций.

Декодирование этих знаний, заключенных в лексике, предполагает подход к слову не как к «транзисторному» знаку, а как к типу семантической записи, кодирующей информацию о степени знания мира. Интерпретация, следовательно, должна быть направлена на поиск реальных когнитивных феноменов и учитывать глубинные семантические трансформации, экспликация которых предполагает многошаговые операции. Картина мира является ядром, то есть базисным компонентом мировидения народа. Ее можно представить как весьма сложный фрейм, в котором удивительным образом переплетены результаты познавательного опыта, накопленного человечеством.

Таким образом, рассмотрев картину мира, мы можем прийти к заключению, что картина мира, складывающаяся в сознании носителей языка, имеет национально-культурную специфику. Эта специфика определяется особенностями, которые выявляются в совокупности концептов в ментальном пространстве одного языка, взятого в сопоставлении с другими.

Говоря иными словами, национально-специфические особенности любой картины мира обусловлены тем, что каждый народ отражает и воспринимает образ мира в соответствии со своей «сеткой координат», в основе которой лежит национальная культура. В каждой национальной культуре существует «свой набор» основных духовных и материальных ценностей, традиций и обычаев, которые неизменно фиксируются и передаются текстами как письменными, так и устными.

Необходимо отметить, что в целом, картина мира в разных языках имеет свои характерные особенности. При этом даже среди родственных языков различие в восприятии, концептуализации и репрезентации мира языковыми средствами могут быть весьма существенными. Это, видимо, можно объяснить тем, что «означивающая» функция языковых знаков возникает не в силу прямого соотношения их с внешним миром, а в силу соотношения с человеческим опытом, образующим основу знания. «Различия в опыте ведут к различиям в знании, а через них – к разным картинам мира» [Кравченко 1997: 61].

В связи со всем вышесказанным, мы приходим к выводу, что существует несомненное различие в категоризации действительности, отраженной в английской и русской языковой картине мира. К примеру, возьмем концепт «монах». В русской понятийной системе, благодаря культурно-историческим причинам, концепт монашества освоен и закреплен в тезаурусе в гораздо большей степени, чем в английской когнитивной системе. Так, в русском языке в понятии «монах» объективируется признак «черный цвет» (бабочка монах), но кроме этого есть и перенос по признаку, «находящийся в одиночестве, в стороне от других». В значении жаргонизма «монах» – это «бутылка винной посуды».

Итак, из всего сказанного вытекает следующее заключение: поскольку картины мира национально специфичны и носители разных языков могут видеть и членить мир по-разному через призмы своих языков, то возникает необходимость в их сопоставлении. Данное обстоятельство направлено на выявление особенностей национально-культурной семантики у носителей разных языков, а также изучение специфических черт их менталитета.

Следующий вывод, к которому мы приходим в ходе описания проблемы картины мира как феномена языка и культуры, сводится к следующему: важной задачей современной лингвистики является реконструкция цельной картины мира – образа мира по данным языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Кравченко А. В. Феноменология значения и значение феноменологии в языке // Категоризация мира: пространство и время : Материалы научной конференции. М. : Диалог МГУ, 1997. – С. 61–72.
Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д, 1998. – 416 с.

Попова Т. Г. Language Conceptualization // The Seventh Annual Conference of the Global Communication Association (GCA). Ottawa, Canada, 2013. – P. 34–43.

Попова Т. Г. Metaphor as a mental and language mechanism // Cross-cultural communication and translation questions// Language, Literature and Culture as Domains of Intercultural Communication. International scientific seminar October 26, 2014. Proceedings of International Seminar. November 2, 2014 Prague, Czech Republic, 2015. – P. 174–178.

Попова Т. Г. Межкультурная коммуникация и проблемы перевода // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения : сборник статей и научных сообщений Международного научного семинара (26 октября 2014 года – 2 ноября 2014 года). Прага, Чешская Республика, 2015. – С. 169–174.

Попова Т. Г. Метафора в концептуальной системе // Языки и культуры в современном мире : XI Международная конференция НОПриЛ. – Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ). Париж, 2014. – С.178–184.

Попова Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) : монография. М. : Издательство МГОУ «Народный учитель», 2003. – 176 с.

Попова Т. Г. О проблемах межкультурного взаимодействия // Проблемы преподавания перевода в вузе : материалы межвузовской научно- практической конференции (21 мая 2009 г.). М., 2010 (б). – С. 46–55.

Попова Т. Г. Язык и его роль в обработке информации // Обучение иностранным языкам: Теории, методы, подходы и технологии : материалы научно-практической конференции (21 апреля 2009). М., 2010 (а). – С.64–74.

Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников. М. : Наука, 1988. – 270 с.

Руденко Д. И., Прокопенко В. В. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца XX века. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – С. 118–143.

Стюарт Дж. Возвращаясь к символической модели: непрезентативная модель природы языка // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. Новосибирск : Наука, 1990. – С.84–111.

Хайдегер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. – С. 92–110.

Popova T. G. Kulturnye i kognitivno-semantičeskie zakonomernosti perevoda // Riječ (časopis za filologiju), Rijeka, 2009. god. 15., sv. 1.–3. – Str. 86–96.

А. С. Боранбаева
Астана, Казахстан

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы необходимости формирования современным обществом толерантности как качества личности в интересах успешного ведения культурного диалога, межкультурного сотрудничества и в целях предотвращения межкультурных конфликтов.

Ключевые слова: культура, терпимость, толерантность, межкультурная коммуникация, интолерантность.

A. S. Boranbaeva
Astana, Kazakhstan

TOLERANCE AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract. This article studies the problems of creation of tolerance by the modern society as a quality of a personality for successful and cultural dialogue, intercultural cooperation and prevention of intercultural conflicts.

Keywords: culture, tolerance, tolerance, intercultural communication, intolerance.

Межкультурная коммуникация является молодой, но бурно развивающейся научной дисциплиной в Республике Казахстан. Первые исследования по межкультурной коммуникации были предприняты в Казахстане в 80–90 годах XX века в связи с приобретением республикой статуса независимого государства, что привело к необходимости сотрудничества с другими странами в разнообразных сферах деятельности и, следовательно, к необходимости наличия знаний об их культуре и использования этих знаний в процессе общения.

В настоящее время изучение проблем межкультурной коммуникации проводится как в рамках уже давно существующих дисциплин (культурологии, лингвистики, социологии, психологии, антропологии, делового общения, теории менеджмента и пр.), так и собственно специалистами по межкультурной коммуникации. В основе проводимых исследований лежит сбор данных, обобщение опыта и выработка на их основе методик и технологий межкультурной коммуникации, необходимых для достижения взаимопонимания между представителями различных культур.

Радикальные перемены в жизни современного общества, степень его развития, процессы глобализации и интеграции, постоянное расширение сфер международного, межнационального общения со всей очевидностью показывают, что дальнейшее развитие человечества возможно только в условиях диалога представителей разных национально-культурных и религиозных сообществ, способных понять и принять другую культуру в качестве равноценной своей родной культуре. В этих условиях образование студентов рассматривается в качестве средства безопасного и комфортного существования в новом социуме, а целью обучения является формирование у студентов толерантного сознания на таких уровнях, как личность, общество, государство.

Проблема подготовки студентов к восприятию ими иносоциокультурной среды, а также обучению межкультурному общению включает в себя ряд сложнейших аспектов:

– **формирование** культуры общения в иной для них социокультурной и языковой среде;

- **учет** психологических особенностей обучения взрослых;
- **учет** психологических особенностей познавательной коммуникативной деятельности студентов в естественной языковой среде;
- **воспитание** культуры межнационального общения в группе, на факультете, в вузе и т.д., то есть в социокультурной среде;
- **формирование** навыков и умений ведения «диалога культур»;
- **формирование и развитие** теоретической и практической готовности к межкультурной коммуникации, являющимися основным средством воспитания толерантной личности.

В современном понимании категория «толерантность» имеет широкий разброс трактовок и интерпретаций.

В словаре В. И. Даля слово «терпимость» трактуется как свойство или качество, способность что или кого-либо терпеть «только по милосердию, снисхождению» [Даль 1994: 755]. Однако следует заметить, что в таком понимании толерантность не является синонимом терпения или терпеливости.

Как отмечает В. А. Тишков, «если терпение выражает чаще всего чувство или действие со стороны испытывающего боль, насилие или другие формы негативного воздействия, то терпимость включает в себе уважение или признание равенства других и отказ от доминирования или насилия» [Тишков 2002: 12].

Более полным представляется определение терпимости, данное в словаре по этике под редакцией А. А. Гусейнова и И. С. Кона: «Терпимость – моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам и поведению других людей. Выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения...» [Гусейнова 1989: 351]. Данное определение не ограничивает, в отличие от предыдущего, применения толерантности только к представителям иных наций, народностей и религий и отмечает моральную основу данного качества личности.

Р. Р. Валитова утверждает, что «толерантность предполагает заинтересованное отношение к другому, желание прочувствовать его мироощущение, которое побуждает к работе разум уже потому, что оно – иное, чем-то не похожее на собственное восприятие действительности» [Валитова 1996: 34–37]. По мнению О. Хеффе, толерантность тоже предполагает взаимное уважение различных культур и традиций, признание самоценности других культур.

Таким образом, в научной литературе толерантность рассматривается как уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм поведения, отказ от сведения этого многообразия к единообразию и преобладанию какой-либо одной точки зрения. Исходя из сказанного можно рассматривать толерантность как чувство терпимости и уважительного отношения к культуре и мнениям других людей, не совпадающим с собственными.

В процессе формирования толерантной языковой личности межкультурная коммуникация является элементом. Более того, межкультурную коммуникацию можно определить как комплексно-речевую взаимосвязь и взаимоотношение, в процессе которых люди, принадлежащие к разным национальным общностям, обмениваются опытом, духовными ценностями, мыслями (Г. И. Волков, И. Л. Ленский, Т. Н. Петрова, М. Г. Тайчинов). Культура такого общения зависит от общего уровня обучающихся, от их умения воспринимать и соблюдать общечеловеческие нравственные нормы.

Показателями межкультурной компетенции являются также знания истории и культуры народов, многосторонние связи друг с другом, умение вести диалог культур, толерантность по отношению к представителям других наций, умение вести дискуссию, оценивать явления с гуманистических позиций, отстаивать и пропагандировать свои убеждения.

Формирование толерантной языковой личности в процессе обучения межкультурной коммуникации направлено на стабилизацию внутреннего положения в студенческом коллективе, обеспечение дружбы народов (*социальная функция*); обогащение людей духовной культурой, побуждение их к духовному сотрудничеству (*просветительная функция*); формирование социально-этических качеств, облегчающих межкультурное согласие в обществе (*психологическая функция*).

Главный механизм формирования толерантной языковой личности заключается в том, что личность каждого студента является субъектом и объектом межкультурных отношений и вносит свою крупицу в сокровищницу мирового опыта, каждая личность в той или иной степени является участником свободного политического, культурного диалога, овладение которым способствует ментальной совместимости людей, уважению, принятию и пониманию различных культур, являющихся условиями движения человечества к духовной интеграции, уважительно-му отношению к языкам, традициям и культуре других народов, формированию культуры мира.

Толерантность допускает право представителя любой культуры на свободное выражение своих взглядов и реальное поведение в практической жизни при одновременном благожелательном отношении к культуре, поведению и мнениям других людей.

Рассматривая толерантность как результат межкультурной коммуникации, обратим внимание на то, что практически любой человек способен интуитивно отличать нормальное поведение от девиантного, но это качество не является врожденным для человека.

Оно формируется в процессе практического общения людей и выражает их исторический опыт коллективных и индивидуальных представлений, чувств и установок. В связи с этим толерантность является результатом процесса межкультурного общения, в котором воспитывается чувство уважения к другим народам, их традициям, ценностям и достижениям, осознание непохожести и принятие всего этнического и культурного многообразия мира. Моделью толерантных отношений в подобном контексте является такое общество, в котором господ-

ствуют свобода и терпимость к любому мнению, а также выражениям собственных верований и истин.

Толерантность как императив взаимодействия народов и культур основывается на существовании различий в человеческих сообществах и уважении этих различий. [Абдыгаппарова 2002: 15].

Толерантный подход в межкультурной коммуникации означает, что те или иные культурные особенности индивида или группы признаются лишь одними из многих и не могут подчинить себе все остальные. Он выступает как условие сохранения отличий, как право на отличность, непохожесть, инаковость. При таком подходе восприятие чужой культуры происходит на основе сравнения прежнего опыта и нового, сравнения с аналогичными элементами собственной культуры одновременно на рациональной и чувственно-эмоциональной основе. Чувства человека стимулируют понимание или препятствуют ему, устанавливают его границы. В ходе этого сравнения происходит вживание в мир чужой культуры.

Если рассматривать практику интолерантности, то она проявляется в широком диапазоне форм поведения – от обычной невежливости, пренебрежительного отношения к людям другой национальности и культуры до этнических чисток и геноцида, умышленного и целенаправленного уничтожения людей. Нельзя не согласиться с А. Л. Садохиным, который выделяет следующие формы проявления интолерантности:

- оскорбления, насмешки, выражения пренебрежения;
- негативные стереотипы, предубеждения, предрассудки, основывающиеся на отрицательных чертах и качествах;
- этноцентризм;
- дискриминация по различным основаниям в виде лишения социальных благ, ограничение прав человека, искусственная изоляция в обществе;
- расизм, национализм, эксплуатация, фашизм;
- ксенофобия в форме этнофобий, мигрантофобий;
- осквернение религиозных и культурных памятников;
- изгнание, сегрегация, репрессии;
- религиозное преследование [Садохин 2004: 242–245].

В современной жизни эти формы интолерантности порождаются самыми разными причинами, и поэтому актуальной является проблема целенаправленного воспитания толерантности. Любая культура для своего сохранения и выживания должна обучать своих носителей собственным ценностям и нормам и воспитывать их таким образом, чтобы они стали проводниками толерантности в отношении других культур, сохраняя и воспроизводя свои традиционные культурные отличия.

Люди! Будьте терпеливы, уважайте «чужие», не свои культуры и жить станет легче и спокойнее. Три «Т» – Терпение, Терпимость, Толерантность – вот формула межкультурной коммуникации [Тер-Минасова 2000: 260].

Вся наша жизнь – и в большом, и в малом, и в настоящем, и в будущем – зависит от того, насколько хорошо, эффективно и правильно мы умеем общаться.

Таким образом, исходя из приведенных выше определений толерантности и заключенных в них характеристик, можно сделать вывод о необходимости формирования толерантности как качества личности в интересах успешного ведения культурного диалога, межкультурного сотрудничества и в целях предотвращения межкультурных конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдыгаппарова С. К. Американские и Казахстанские культурные ценности. Практикум по межкультурной коммуникации (часть 3) : учеб. пособие на английском языке. Алматы : КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 2002. – 37 с.
- Валитова Р. Р. Толерантность: порок или добродетель? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1996. № 1. – С. 33–37.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (в 4-х томах). Т. 4. М., 1994. – 864 с.
- Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. М., 2004. – 310 с.
- Словарь по этике / под ред. А. Л. Гусейнова и И. С. Кона. М., 1989. – 448 с.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Слово / Slovo, 2000.
- Тишков В. А. Толерантность и согласие в трансформирующихся обществах // Толерантность и культурная традиция. М., 2002. – С. 9–32.

А. Б. Бушев
Тверь, Россия

ДИСКУРС «НЕДОПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ»

Аннотация. В центре работы – языковые и риторические особенности дискурса неравенства. Проанализированы исторические представления дискурса неравенства, роль коммуникации в создании феноменов расизма, классовых представлений и социальной стратификации, гендерного неравенства и феминизма, физического неравенства и других видов неравенства. Особенное внимание уделено дискурсу о молодежи.

Ключевые слова: языковая личность, дискурс, политический дискурс, неравенство, привилегии.

THE DISCOURSE OF UNDERPRIVILEGED

Abstract. The paper discusses the linguistic and rhetorical characteristics of the discourse of inequality. The light is shed upon the history of the discourse of inequality, the role of communicative phenomena in creating racism, class representation and social stratification, gender inequality and feminist discourse, physical inequality and other types of inequality. Special attention is given to the discourse of the young.

Keywords: sprachenpersoenlichkeit, discourse, political linguistics, inequality, priviledge.

Введение

Предметом данного исследования является дискурс социального неравенства и транслируемые глобальными массмедиа стереотипы в отношении «недопривилегированных».

Материал и методы

Материалом данной статьи выступили масс-медийные тексты глобального медиадискурса (преимущественно Би-Би-Си, Франс-24, ряда крупных англо- и франкоязычных газет). Применяется метод дискурсивного анализа материала [подробнее о методе см. Бушев 2016].

Зарубежный учебник «Медиа. Введение» (под редакцией А. Бригза и П. Колби. [Медиа 2005] уже после обсуждения самих медиа предлагает нам обсуждение дискурсивного конструирования таких вопросов, как социальный класс, гендер, сексуальность, раса, этничность, молодежь и молодечность, национальность, привилегированность, инвалиды, спорт, парламентская политика и цензура и т.д. Необходимо рассмотрение вопросов неравенства в социальном, экономическом, военном, политическом, культурном, бытовом, научно-популярном дискурсе в СМИ и т.д. Ведь само определение журналистики свидетельствует о профессиональном обсуждении социальных проблем фактографическими методами. Какова повестка дня СМИ, каковы стереотипы представления ситуаций, благодаря чему конструируется та или иная точка зрения, как достигается баланс точек зрения, как СМИ отражают состояние своего потребителя и, наоборот, конструируют его сознание? Поэтому является логичным научный подход, демонстрируемый дискурс-исследованиями. Только дешифровка языковых знаков, привязка означаемого к означающему заставит нас говорить о глобалистском и маргинальном дискурсе, о навязывании точки зрения, об отражении социума и социоконструктивистской нормализаторской функции дискурса СМИ.

Это заставляет нас обратиться к позиции тех исследователей, которые идут к дискурсу от языка [Язык и дискурс СМИ 2008].

Обсуждение

В современном социальном дискурсе отмечены традиционные «белая привилегия», «мужская привилегия», «гетеросексуальная привилегия», «христианская привилегия», «классовая привилегии», «возрастная привилегия» в политике. Показано, что привилегированная группа рассматривает свой культурный и экономический опыт как норму.

Обсуждаются социальные и риторические практики неравенства на примере неравенства мужчин и женщин в современных обществах разного типа. Известнее дискурс феминизма и его переывыражение в гуманитарных исследованиях («феминистская критическая теория»).

При описании расовой дискриминации особое внимание привлекает политика апартеида и ее последствия. Описана риторическая характеристика «обратной дискриминации» в отношении политики, принимающей во внимание расу, цвет, религию, пол, сексуальную ориентацию, национальную принадлежность с целью содействия недопредставленным группам в занятости, образовании, бизнесе. Обратная дискриминация при этом обычно объясняется как противодействие эффектам исторической дискриминации.

Показаны современные феномены «политической корректности» и «дискурс равных возможностей». При этом обсуждаются как социальные (квотирование), так и коммуникативные практики. Обсуждается феномен «наделения голосом» (empowerment) инвалидов, женщин, мигрантов, меньшинств. Работа такого рода неизбежно анализирует социоконструктивизм социальных представлений и риторических стандартов.

Социологическое «концепт “молодежь”» есть производная от противоречия между поколениями, возникающее как результат усилий молодого поколения путем воспроизводства социальной структуры «вытеснить» экономически активное население из господствующих распределительных отношений.

Молодежь – продукт социализации. Основная функция социализации – воспроизводство социальных отношений как овеществленной формы исторического прогресса. Реализуется этот процесс в форме воспроизводства социальной структуры, гендерной, кровно-родовой, этнической, социально-классовой, социально-профессиональной, политико-идеологической, конфессиональной. Социологи утверждают, что стержневым в определении молодежи как объекта социологии или целостного социально института являются распределительные отношения. Этот феномен, на котором строятся все социальные отношения, обретает вещественную форму в социальных институтах, призванных быть ареной выполнения личностью социальных ролей. Социальные институты придают личности статус, служащий основой реализации исторически обусловленных принципов распределения.

По мере развития цивилизации личность входит во все большее число референтных групп и социальных институтов, что порождает новую проблему, относящуюся к сфере коммуникации и формирования массового сознания при помощи СМИ. Личность многомерна, у нее столько естественных обликов, во скольких реферат-

ных группах она исполняет социальные роли (мозаичная идентичность, идентичность с семьей, профессиональная идентичность, этническая идентичность, политическая идентичность).

Независимо от природных способностей, молодежь распределяется в тех ячейках социальной структуры, которая сформирована объективно существующим уровнем общественного разделения труда. Когда новое поколение не удовлетворено принципами распределительных отношений, считая их социально несправедливыми, оно признает непривлекательной социальную структуру старшего поколения и не стремится ее воспроизвести. Более того, для молодежи теряется референтность групп и норм, происходит смена идеологических парадигм и приоритетов социального поведения. Неслучайно все социальные революции возглавлялись молодыми.

Процесс подготовки молодежи к ролевой функции в общественном разделении труда называется «социализация», а стадия самоутверждения в том или ином ролевом статусе – «самореализация». Показателем механизма включения молодежи в общественные отношения, формирование ее мировоззрения, ценностных ориентаций, гражданской позиции, профессионального и социального статуса. Это интеграция путем принятия (экстериоризации) господствующих социальных норм в процессе обучения и воспитания и дифференциация по ячейкам социально-профессиональной структуры общества путем образовательной и экономической селекции (профессиональная подготовка и профессиональная ориентация). В результате социализации молодежь либо идентифицирует себя с господствующими социально-экономическими отношениями и нормами – и тогда осуществляется бесконфликтное воспроизводство поколения. Либо по тем или иным причинам не идентифицирует себя с нормами (идеологическими, правовыми, распределительными) и отчуждается. По сути, воспроизводство общества – это воспроизводство его профессиональной, а затем и социальной (социально-классовой), а в итоге – политико-идеологической структуры. Кстати, основной эмпирический критерий возрастных границ молодежи – временной интервал бесконфликтной ротации трудоспособного населения как экономически рентабельный период производственной деятельности поколения.

Выступления протеста в современном ЕС нередко называют «бунт блогеров». В экономическом плане молодежь ЕС – заложница снижения международной конкурентоспособности ЕС. Молодежь является и главным объектом политики принудительного потребления: многие маркетинговые стратегии рассчитаны на лиц до 25-ти лет. Переход к самостоятельной жизни в таких условиях рассматривается как «изгнание из рая». Надо отметить, что ожидания современной молодежи формировались в тучные годы, а начало жизни пришлось на трудные. В ЕС повсеместно произошла деиндустриализация, рабочий класс перестал быть развивающимся классом и источником экономического роста. Массовая занятость переключалась в сферу обслуживания. Изменились идеалы и экономическая модель жизни. Накладывают отпечаток европеизация (евроскептицизм) и массовая иммиграция. Это поколение молодежи называется «стиснутое поколение». Требуются молодые и эффективные. Бедным вход воспрещен.

Обращает на себя внимание проект Би-Би-Си «Young and Jobless».

Показательно наличие социальной группы «бесконтрактники», зарабатывающие примерно 1000 евро, из которых половина уходит на жилье и коммунальные услуги. По статистике, у них позже появляются дети. Показательно недовольство молодежи, выплескивающееся прежде всего в социальные сети, а затем и в реальные протесты.

Протест сначала проявляется в клубах и на вечеринках, а позже «лишние люди» представляют собой социальную базу волнений во Франции, в Великобритании. Феминистский дискурс в который раз акцентирует «женское рабство».

С коммуникативной точки зрения показательны автономизация молодого поколения, «молчание» бунтовщиков, отсутствие программных требований, негативизм по отношению к социальным связям, криминальность, пессимизм, под вопросом мотивация. Акселерация и сетевая культура приносят новый имидж «инфантильного геймера». Интернет становится специфической средой проявления общественных отношений, для которой характерны анонимность, солипсизм, сурогатность, виртуальная политика («диванная партия»), эклектика идеологии, отсутствие интереса к политике.

Рассмотрим дискурс, подчеркивающий культурную и религиозную идентичность молодых мигрантов. Дискурс о молодежи и дискурс о миграции напрямую связан с медиадискурсом религиозной идентичности, помогающим понять феномен терроризма.

Посмотрим на материалы сайта Би-би-си, повествующие о негативном отношении к религии в блогосфере после событий в Париже в начале 2015 года. Оценим выделенную клишированную лексику и повторы:

That Twitter account has been taken down. But there are concerns that some *Islamophobic content* remains online. Campaigners from the organisation Tell Mama, which monitors hate against Muslims online, sent Asian Network some examples.

«When events like Paris happen, what seems to happen is that people on social media sites have bigger discussions», says Bharath Ganesh.

«The language we've seen is extremely *derogatory* towards Muslims».

«Hashtags like #killallmuslims appear. Some Muslims used that hashtag to *highlight anti-Islamic sentiments* online».

«On Facebook, it's a problem too. There are some groups who *promote anti-Muslim sentiments*. It's about dealing responsibly with these issues».

Facebook and Twitter both urge *users to report anti-Islamic content*.

Герою, спасшему людей во время атаки в кошерном супермаркете – мусульманину, выходцу из Мали –

президент Франции досрочно предоставил французское гражданство. Кстати, после террора в первые дни 2015 года во французской столице, после многочисленных претензий к французским спецслужбам, вновь слышится апелляция к французской школе, не привившей достаточные уроки религиозной толерантности.

Заключение

Стремительно меняется социум – наступает этап исследования межкультурной коммуникации и мультикультурализма. Вербальный репертуар, многообразие текстов, производимых носителями языков, и способности к пониманию продолжают вызывать интерес исследователей. Показателен интерес как к конкретному носителю языка, так и к особенному социальному или национальному типу.

Становится ясным, что языковая картина мира – один из наиболее глубоких слоев картины мира человека. Сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт. Изучение и сопоставление различных видений языка через призмы различных картин мира могут обогатить коммуникативистику новыми эвристическими ходами для проникновения в природу языка и его познание. В фокусе находится процесс соотношения языка и действительности, инвариантного и идиоматического в процессах языкового отображения действительности как сложного процесса интерпретации человеком мира. При этом профессор В. Н. Базылев полагает: «В рамках методологии обращения к понятию картины мира означает, с одной стороны, отказ от чисто созерцательной гносеологии с ее идеей “зеркального” отражения мира и переход к деятельностному пониманию процесса познания, с другой – отказ от чистого методологизма и операционализма и концентрирование внимания на содержательно-онтологических аспектах науки о человеке в целом. Понятие картины мира становится необходимым концептуальным элементом гносеологии, исходящей из идеи об истине как процессе движения относительной истины к абсолютной» [Базылев 2007: 67].

ЛИТЕРАТУРА

- Базылев В. Н. Общее языкознание. М. : Гардарики, 2007. – 256 с.
Бушев А. Б. Глобальный медиадискурс и межкультурная коммуникация : монография. Palmarium Academic Publishing, 2016. – 383 с.
Медиа. Введение // под ред. А. Бригза и П. Колби. М., 2005.
Язык и дискурс СМИ // под ред. М. Н. Володиной. М., 2008.

Л. В. Вдовиченко
Сургут, ХМАО-Югра

НЕНОРМАТИВНЫЕ ЭТНОНИМЫ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ТОПОНИМЫ В ЭКСТРЕМИСТСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Статья обращается к проблеме изучения ненормативных этнонимов и неофициальных топонимов и предлагает анализ некоторых из них на примере лингвистических исследований Научно-образовательного лингвистического центра Сургутского государственного университета.

Ключевые слова: экстремистский текст, инвективная лексика, ненормативные этнонимы, неофициальные топонимы.

L. V. Vdovichenko
Surgut, KhMAO-Yugra

NON-NORMATIVE ETHNONYMS AND INFORMAL TOPONYMS IN THE EXTREMIST TEXT

Abstract. On the one hand, the article touches upon the problem of non-normative ethnonyms and informal toponyms' study, on the other, it analyses some examples provided by linguistic research of Surgut state university scientific-educational linguistic centre.

Keywords: extremist text, obscene words, non-normative ethnonyms, informal toponyms.

Проблемой изучения разных видов этнонимов и отдельных этнонимов занимались и занимаются многие исследователи (Р. А. Агеев, А. С. Архипова, Е. Бартминский, О. В. Белова, Л. Е. Березович, Д. П. Гулик, В. Б. Кашкин, И. М. Кобозева, Т. А. Сироткина, Г. А. Хабургаев, А. В. Черных, В. Н. Шапошников и др.). Во многих работах этнонимы рассматриваются на широком этнокультурном фоне в этнолингвистическом аспекте с точки зрения реализации этнических стереотипов. К актуальным проблемам относится изучение развившегося в современном политическом дискурсе «языка вражды» и роль экспрессивной этнонимии в формировании этого языка. Для характеристики этнонимов, используемых для экспрессивной и негативной оценки представителя того или иного этноса, в современной отечественной лингвистике находят применение различные термины: «прозвищные этнонимы» (Л. Е. Березович, Д. П. Гулик), «этнические инвективы» (В. И. Жельвис), «пейоративные этнонимы» (А. С. Архипова), «экспрессивные этнонимы» (А. И. Грищенко, Н. А. Николина), национально-расовые оскорбления/пейоративы (В. И. Карасик), «ксенэтнонимы» (С. В. Свириковская), «ненорматив-

ные этнонимы» (Л. П. Крысин, А. С. Поляков).

Как считают исследователи (Л. П. Крысин, А. С. Поляков), данный языковой феномен выходит за пределы литературной нормы, представляя собой «своего рода болезненный нарыв на теле современного русского языка, но аналитический скальпель лингвиста не должен избегать подобных нарывов: изучение ненормативных этнонимов поможет определить их место в системе лексических средств русского языка, их социальный и стилистический потенциал, а также – шире – их место и роль в национальной политике государства» [Крысин 2015: 56]. Ненормативные этнонимы, в отличие от официальных, всегда имеют только отрицательную оценку, которая переносится с конкретно названного лица на целую этническую группу, «порождая соответствующие и всем известные презрительные бытовые экзонимы и тем самым подспудно формируя неадекватное отношение к целому народу, с его древней и самобытной культурой» [Набок 2011: 64]. Ненормативные этнонимы относятся к инвективной лексике, более того, некоторыми исследователями (О. Н. Матвеева) классифицируются как *национал-инвективы*, что прямо указывает на их функцию в речи: *инвектива* – «в узком смысле слова способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной (под)группе как резкий или табуированный. В несколько ином ракурсе инвективой можно назвать вербальное нарушение этического табу, осуществленное некодифицированными средствами» [Жельвис 2000: 198].

Таким образом, ненормативные этнонимы представляют собой «одно из основных средств разжигания национальной вражды» [Поляков 2013: 2]. Напомним, что юридически значимыми признаками экстремистских материалов являются признаки возбуждения розни и вражды, призывы к насильственным действиям в отношении группы лиц, выделенных по национальному, расовому, этническому, социальному признакам, пропаганда исключительности и превосходства, оправдание терроризма [Зеленина, Сулонов 2009]. Разработана определенная методика анализа «экстремистских» текстов, которая рекомендована в экспертных центрах Минюста России. Данная методика основана на выявлении в тексте семантической структуры, содержащей информацию трех типов: предмет речи, отношение к нему, цель публичного высказывания об этом предмете речи, при этом любое «экстремистское» значение представляет собой комбинацию признаков всех трех типов и требует их анализа [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011].

Что касается топонимов, то помимо официальных, закрепленных в справочниках и картах, существуют и те, которые, как правило, употребляются в разговорной речи. Современные лингвисты называют их локализмами, регионализмами, региолектами, узуальными номинациями, неофициальными регионализмами, топонимами-прозвищами, урбонимами и т.п. Мы будем называть топонимы, используемые в экстремистских текстах наряду с ненормативными этнонимами для разжигания национальной вражды, неофициальными.

При проведении лингвистических исследований и экспертиз приходится сталкиваться с активным употреблением инвективной лексики. Как показывают результаты лингвистических исследований, в материалах, представляемых на исследование в Научно-образовательный лингвистический центр СурГУ, содержится obscene лексика, оскорбительные ненормативные этнонимы и неофициальные топонимы. Анализируя ненормативные этнонимы и топонимы, возникает необходимость в их толковании, классификации, способе образования. При проведении лингвистических исследований мы опираемся на классификации ненормативных этнонимов, предложенные А. И. Грищенко и О. С. Коробковой, в рамках которых, исходя из этимологии, выделяются немотивированные (обычно заимствованные) и мотивированные различными признаками экспрессивные этнонимы. Руководствуясь принципом частотности употребления ненормативных этнонимов и неофициальных топонимов, рассмотрим только те, которые практически не фиксируются современными лексикографическими источниками, оставив за рамками данной статьи такие ненормативные этнонимы, как *жид*, *хач*, *москаль*, *хохол*, которые уже можно найти в нормативных словарях. Примеры ненормативных этнонимов и неофициальных топонимов приводятся с сохранением оригинальной орфографии анализируемого языкового материала.

Этноним «*жидяра*» представляет собой словообразовательно производный этноним. Словообразовательное усечение свойственно сленгу вообще (особенно молодежному), в том числе и при образовании ненормативных этнонимов. Этноним «*жидяра*» образован при помощи суффиксации без усечения основы: *жид* + *ара*. Ненормативный этноним «*жидонегр*» или «этническая кличка» является этнонимом, мотивированным расовым признаком, отражающим представление о внешнем виде объекта, и образованным способом словосложения (этноним + этноним). Оба элемента содержат в себе пренебрежительный оценочный компонент.

Этноним «*словак*» указывает на семантический способ образования от литературного нормативного этнонима «*славянин*», ненормативный этноним «*славяшка*» является не мотивированным этностереотипом, его мотивация представляется только словообразовательной. Суффикс -шк(а)- с этимологической точки зрения составной. Он включает в себя уменьшительно-ласкательный суффикс -к-, но облакает его оттенками фамильярного пренебрежения. Более того, окончание -а указывает на презрительно-уничижительную форму употребления. Любопытно, что целый ряд суффиксов, связанных с категорией общего рода, принадлежит к уничижительно-ласкательным. Присоединением уменьшительного суффикса придается оттенок презрения.

Этноним «*урус*» представляет собой заимствование иноязычного этнонима. Слово со значением «русский» является общим для тюркских языков и сохраняется в них. В исследуемом контексте в целом нейтральная эмоциональная окраска заимствованного этнонима меняется на резко негативную.

Этнонимы «*рузкеяне*, *рузке*» образованы путем пренебрежительного искажения на письме в целях добавления негативно-оценочной коннотации в лексическое значение. Такие этнонимы являются не следствием неграмотности автора, а его пренебрежительного отношения к представителям этнической общности.

Этноним «*русня*» образован при помощи суффикса -н-. Суффикс -н- – словообразовательная единица, образу-

ющая имена существительные со значением «группа лиц, названных мотивирующим именем существительным» присоединяется к усеченной до корня основе слова «русский». Слова, образованные по такой модели, приобретают пренебрежительный или даже презрительный оттенок, поскольку собирательность исключает восприятие членов группы по отдельности. Говорящий негативно воспринимает группу в целом и тем самым дискриминирует ее.

Этноним «*рашисты*» образован от неофициального топонима «Раша» калькированием с английского языка «Russia» (Россия). Суффикс -ист- образует существительные со значением лица по принадлежности к учреждению, профессии, определенному общественному направлению.

В материалах, предоставляемых на исследование, часто содержатся неофициальные топонимы *Москвабад*, *Чуркистан*, *хачастан*, *Хохляндия*, *эрэфия*, которые представляют собой словообразовательные производные топонимы. Неофициальный топоним «*Москвабад*» образован словосложением (согласно классификации О. С. Коробковой) путем объединения двух выражений или форм, чем-нибудь сходных или их элементов: Москва + бад (усечение основы топонима Ашхабад). Семантическая мотивация образования данного неофициального топонима используется для принижения именованного города и имеет явно презрительную оценочность, поскольку подразумевается, что в столице находится большое количество мигрантов из Средней Азии.

Лексемы «*Чуркистан*», «*хачастан*» (*презрительное* – помета в лексикографических источниках о странах Средней Азии, Кавказа и Закавказья) также образованы по этой словообразовательной модели: Чурки / хач (ненормативные этнонимы) + стан (усечение основы топонимов Таджикистан либо Туркменистан, либо любых других топонимов с подобными усеченными основами). Семантическая мотивация образования данных неофициальных топонимов используется для принижения и уничижения существующих официальных топонимов, что усиливается употреблением в них ненормативных этнонимов. Топоним «*Хохляндия*» представляет собой разговорное, сниженное или шутовское название Украины.

Топоним «*эрэфия*» образован от аббревиатуры «РФ» и представляет собой словообразовательно производный топоним, не мотивированный этническим стереотипом, используемый уничижительно.

Следует отметить, что «в основе инвективного общения лежит стремление понизить социальный статус адресата или уровень его самооценки, нанести моральный урон. Во вторую очередь, через оскорбление и обиду может преследоваться практическая цель – добиться изменения поведения адресата» [Жельвис 2001: 23]. Употребление национал-инвективной лексики, используемой как оскорбление, унижающей честь и достоинство адресата, также демонстрирует наличие такой коммуникативной стратегии, как дискредитация.

На сегодняшний день еще существует большое количество проблем в изучении ненормативной этнонимии. Одним из основных, на наш взгляд, является вопрос о лексикографической фиксации ненормативной этнонимии. Согласимся с мнением коллег о необходимости создания специальных словарей ненормативных этнонимов: «Ненормативные этнонимы весьма частотны в некодифицированных разновидностях языка – разговорной речи, просторечии, сленге, жаргонах, а также в некоторых печатных и электронных органах современных СМИ, и поэтому они нуждаются в словарном представлении с экспликацией их семантических, сочетаемых, стилистических и прагматических свойств» [Крысин 2015: 47–48]. Более того, привлечение авторитетных словарей ненормативных этнонимов позволит качественнее и объективнее проводить лингвистические исследования и экспертизы экстремистских текстов.

ЛИТЕРАТУРА

- Жельвис В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М. : Ладомир, 2001. – 349 с.
- Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика – 2 : русский язык в его естественном и юридическом бытии : Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 195–206.
- Зеленина О. В., Суслонов П. Е. Методика выявления признаков экстремизма. Процессуальные исследования (экспертизы) аудио-, видео- и печатных материалов : науч.-практич. пособие. Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России, 2009. – 90 с.
- Коробкова О. С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб, 2009. № 111. – С. 200–205.
- Крысин Л. П. Ненормативные этнонимы: проблема словарного описания // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. – С. 46–56. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/>.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. – 326 с.
- Набок И. Л. Этноним в межэтнической коммуникации // Вестник Герценовского университета. СПб., Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2011. №5. – С. 59–64.
- Поляков А. С. Ненормативные этнонимы в русском языке. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 137 с.

С. М. Виноградова, Г. С. Мельник
Санкт-Петербург, Россия

ТАКТИЧЕСКИЕ МЕДИА: ЯЗЫК ПРОТЕСТА

Аннотация. В статье основное внимание уделяется выявлению особенностей формирования тактических средств массовой информации, разъяснению категории тактических средств массовой информации, которая начала играть важную роль в политических **мобилизационных** процессах, и определению их функций в глобальном информационном пространстве. Статья выявляет языковые особенности тактических медиа как инструмента протестных технологий.

S. M. Vinogradova, G. S. Melnik
Saint-Petersburg, Russia

TACTICAL MEDIA: LANGUAGE OF PROTEST

Abstract. This article focuses on the identification of features of formation of tactical media, on the clarification of the category of tactical media, which began to play an important role in mobilizing the political processes and on the definition of their functions in the global information space. The development of tactical media is linked with alternative, socio-cultural movements. The article reveals the linguistic features of the tactical media as a tool of protest technologies.

Keywords: mobilization, protests technology, language, tactical media.

Современный медийный ландшафт был бы неполным, если бы мы исключили из него тактические медиа. Деятельность тактических медиа привлекает внимание отечественных и зарубежных представителей научного сообщества [Rushkoff: 1996; Stalder 2008; Kluitenberg 2009; Мельник, Мисонжников 2014].

Цель данной статьи заключается, во-первых, в выявлении особенностей формирования тактических медиа, во-вторых, в уточнении категории тактических медиа, которые стали играть важную роль в процессах политической мобилизации, в-третьих, в определении их функций в глобальном информационном пространстве.

В статье «30 лет тактических медиа» Феликс Сталдер обзревает историю медиа, которые начали активно функционировать как автономное низовое производство новостей в 1990-х годах и за годы тридцатилетнего существования накопив не только опыт общения с локальными аудиториями, но и внедрили новые политические практики. И сегодня тактические медиа не меняют свое основное предназначение, что дает основание автору предсказывать им еще более длительное будущее.

Как замечает Ф. Сталдер, корни тактических медиа лежат в культурных инновациях радикальных социальных движений, возникших еще в конце 1960-х годов. Именно тогда медиа стали использовать технологические изменения для самостоятельного продуцирования массовой информации и превращения их из каналов сложной государственной пропаганды в средства выражения точки зрения либеральной элиты, в то время еще слабо представленной в информационном мейнстриме [Stalder 2008: 190–194].

В книге Рэйли Рита «Тактические медиа как виртуозный перформанс: Введение» [Raley 2009] показала, что именно художники и деятели культуры были первыми, кто попытался исследовать меру свободы и возможности применения освободительных потенциалов в политической практике, используя сетевые медиа. Медиактивисты как пионеры движения разработали целый ряд междисциплинарных моделей и методов в целях расширения сферы социального участия в культуре информационного общества с помощью тактических медиа. Эти медиа идеально подходят под оригинальную концепцию повседневности, предложенную Мишелем де Серто, согласно которой «пользователи» ведут постоянную борьбу, сопротивляясь господствующему порядку, пытаясь освоиться в навязанном пространстве, превратить его в свое, применяя при этом различные тактики и уловки [Серто Мишель де].

В другой своей книге «Tactical СМИ как эстетические и критические практики» Рита Рэйли не без основания утверждает, что эти медиа возникли из и в ответ на постиндустриальное общество и неолиберальную глобализацию. Это вид сетевых СМИ неизменно следует принципам «критического вмешательства, инакомыслия и сопротивления» Рэйли описывает саму форму этих медиа как «нарушения ... в области символического, где знаки, сообщения и нарративы устанавливаются и превращаются в игру и критическое мышление становится возможным» [Raley 2012]. Авангардные практики тактических медиа допускают иной язык семиотики, радикальные реляционные произведения искусства; используют театр угнетенных и «умный» протест, а также незаконные проникновения [Tactical Media and Disturbance Art 2012].

В течение 1970-х годов новые видеотехнологии фиксирования событий позволила работать в быстром темпе, уменьшить объем и затраты на оборудование при одновременном повышении качества записи и средств постпродакшн. В 1980-е годы достигли своего пика так называемые видеокамерные революции (имеется в виду маленькие, дешевые видеокамеры / рекордеры, которые стали широко доступны).

Созданные в первую волну (1990-е гг.) СМИ формата «сделай сам» позиционировали себя как общинные средства информации, то есть средства социальных, культурных, этнических меньшинств. В США появление тактических медиа стало возможным благодаря случаю – изменению законодательства, предусматривающего правовую поддержку некоммерческого вещания одного из местных каналов. Это позволило общественным активистам использовать технологическую и финансовую базу для работы на низкобюджетных телевизионных каналах. По всей стране появились местные телевизионные станции, обеспечивающие общественные группы информационными платформами, на которых производились программы «для себя». В остальной части Европы, отчасти в связи с иной нормативно-правовой средой, доступ общественности к телевидению в то время играл меньшую роль, чем, например, радио (Великобритания).

В 1990-х годах новые технологии спутниковой передачи позволили включиться в усиление голоса «бесправных культур» не только на локальном уровне. Постепенно начинают стираться различия между «улицей» (реальностью) и медиа (представлением): теперь массмедиа начинают пронизывать все общество, что позволяет им бросить вызов любым видам господства, использовать язык протеста. Специализированной функцией и основным направлением деятельности тактических медиа становится организация социальных движений. Неко-

торые исследователи полагают, что в какой-то момент движения и массмедиа даже сливаются [Tactical Media 2012]. Медиасреда, которая характеризуется географической логикой локального вещания, активно дополняется средой, характеризуемой уже как многие-ко-многим-проекты на основе Общественного NetBase используют два важных понятия новых художественных практик: сотрудничество и изменение перспективы в понимании критического потенциала искусства сегодня [Čurčić 2009].

Электронные СМИ гражданского неповиновения произошло естественным образом в результате участия в ключевых событиях и крупномасштабных социальных протестах. Детищем этих событий стали Индимедиа, которые и сегодня насчитывает около 200 узлов местной, региональной и национальной сети. Несмотря на устойчивое развитие Индимедиа до сих пор не соответствуют всему спектру современных движений, хотя, вероятно, никогда не собирались этому соответствовать. По мнению Сталдера, тактические медиа «процветают там, где узлы имеют глубокие корни в местных общинах, где отдается предпочтение конкретным локальным способам борьбы, а не абстрактным методам глобальной политики» [Stalder 2008].

Предтечей Индимедиа можно считать серию конференций в Амстердаме (1995–2003) под названием «Следующие пять минут» (N5M) [Киреев 2003], которые стали первой подлинно глобальной альтернативой медиаплатформой, соединившей многих из первых медиаактивистов, художников, кинематографистов, журналистов их общем политическом арт-движении. Именно тогда произошла концептуализация тактических медиа. Новые медиапроекты воспринимались как тактические, потому что не были направлены на создание долгосрочных структур, а были рассчитаны на быстрое реагирование и оперативное решение политических задач, которые реализовались «с высокой степенью изобретательности» [Stalder 2008].

Такой подход был эффективен при экспериментальном исследовании новой медиасреды, которая, динамично развиваясь, продолжала оставаться в значительной степени нестабильной. На этой стадии гипер-роста Интернета технология разрабатывалась очень быстро, но глобальное общество только начинало формироваться.

Предтечей Индимедиа можно считать серию конференций в Амстердаме (1995–2003) под названием «Следующие пять минут» (N5M) [Киреев 2003], которые стали первой подлинно глобальной альтернативой медиаплатформой, соединившей многих из первых медиа-активистов, художников, кинематографистов, журналистов их общем политическом арт-движении. Именно тогда произошла концептуализация тактических медиа. Новые медиа-проекты воспринимались как тактические, потому что не были направлены на создание долгосрочных структур, а были рассчитаны на быстрое реагирование и оперативное решение политических задач, которые реализовались «с высокой степенью изобретательности» [Stalder 2008].

Таким образом, многие из проектов тактических медиа были более маргинальными, чем проекты медиасообществ предыдущего поколения, но, тем не менее, они сыграли важную роль в эксперименте, устанавливающим новые практики средств массовой информации, адаптированные к новым условиям открытых сетей» [Stalder 2008].

Поскольку технологии Интернета стали зрелыми, обнажились некоторые из внутренних противоречий концепции *тактических медиа*. Например, предоставление инфраструктуры для проектов было долгосрочной, а не тактической задачей, кроме того, свободные сети могут легко быть перегруженными. Не многие проекты оставались долгосрочными. Исключением из этого правила были Индимедиа, но в основном потому, что оказались ближе к общинным средствам информации, сделанным для относительно отдельного множества большего антиглобалистского движения. Со временем ослаб интерес к публично финансируемым организациям, активно работающим в этой области, таким как, например, De Waag в Амстердаме. Долгое время инициативы радикального медиа учреждения культуры NetBase в Вене оставались важными узлами в глобальной сети, посвященной критическому искусству, культуре и науке на основе новых видов практики средств массовой информации. Но как информационный ресурс NetBase (с англ. – «Публичная сетевая база»), несмотря на награды и признание UNESCO, стал функционировать вначале с урезанным финансированием, потом составлять информационное поле для более мелких, специализированных организаций и наконец в 2006 году закрылся. Да и антиглобалистское движение в целом начало растворяться. Кроме того, проект закрылся из-за длительного конфликта сторонников авангардного искусства и цифровой культуры с австрийскими политическими кругами. Издание содержит критические обзоры. На основе обширных архивов Public Netbase показывает некоторые из самых захватывающих и противоречивых художественных проектов и мероприятий в период с 1994 по 2006 годы, исследует исторические документы и манифесты, акцентирующие проблемы усиливающейся коммерциализации и контроля над обществом. «Non Stop будущее» повышала осведомленность о необходимости инвестиций в новые разнообразные практики в области искусства и средств массовой информации. Длительная совместная работа NetBase с общественностью осуществлялась через различные форматы конференций и проектов.

Исследователи тактических медиа обращают внимание и на другие противоречия. С одной стороны, технология производства стала еще более доступной с точки зрения цены и простоты в использовании. С появлением коммерческих хостинговых компаний для блогов или видео распределение информации быстро профессионализируется до очень высокой степени. В результате стало очень просто снимать, редактировать и распространять информацию в мультимедийных аудиториях, как больших, так и малых. С другой стороны, «коммерческий захват инфраструктуры создает новые узкие места, где цензура и контроль медиа-контента может действовать и функционировать эффективно» [Stalder 2008]. Бранки Чурчич также отмечает в книге «Новое искусство практики: Тактические медиа», что «медиаискусство может быть полностью в сговоре и приведено в соответствие с рыночными потребностями» [Čurčić 2009]. Отсюда встает вопрос о том, кому это выгодно, кто заботится об общественности.

Тактические медиа всегда были средством малой буксировки, а не стратегии, часто приобретали «самодовольные формы индивидуальной терапии для отчуждения под видом политического искусства», за что подвер-

гаются критике. Нередко тактические медиа критикуют и за протестную (повстанческую) тенденцию и пропаганду насильственных практик.

Новое поколение медиа-активистов и сегодня экспериментируют с новыми возможностями открытых сетей связи.

Таким образом, развитие тактических медиа связывают, с одной стороны, с альтернативными, социально-направленными культурными течениями середины 1990-х годов. Политический активизм художников явился одной из форм медиаактивизма, медиа-арт-практик, активного вмешательства в медийную сферу. «В политических манифестах создатели медиа обращались к журналистским сообществам, призывая всех к производству своих собственных СМИ в поддержку собственных политических противостояний. Своей целью они ставили поиск новых форм сотрудничества и обмена, производства и распределения во всех сферах жизни» [Мельник, Мисонжников 2014].

Доступность новейших информационных технологий для широкого круга пользователей сделало относительно легким создание электронной газеты или какого-либо другого продукта массмедиа. Тактические медиа проявили себя как экономически эффективные и технологически передовые средства коммуникации, которые включают в себя бесплатное радио, мини-FM, кабельное ТВ и т.д. Определение «тактический» подчеркивает мобильность этих медиа, которая дает превосходство над такими «стратегическими» игроками, как крупный бизнес и государство. В их деятельности отчетливо прослеживается диалектика глобального и локального, иначе говоря, тенденция глокализации.

Тактические медиа являются новой формой организации старого содержания. Многие средства информации возникали как оппозиционные по отношению к официальным медиа, радикальный характер носили, например, газеты и журналы, вошедшие в арсенал персональной журналистики, особенно в период Французской революции 1789 года. Борьба за социальную критику рассматривалась и рассматривается в одном ряду с борьбой за свободу прессы. Принципиально новые качественные характеристики тактические медиа смогли приобрести благодаря использованию современных технологий, максимально ускорившей время распространения сообщений и максимально расширившей географию их распространения.

Уместно обратиться к мнению Жана Бодрийара, который считал, что характерными чертами массмедиа являются их нетранзитивность и антикоммуникативность. Они утрачивают такие свойства коммуникации, как формирование пространства взаимосвязи слова, *ответа* и *ответственности*. В «Реквиеме по массмедиа» он пишет: «Если мы определяем коммуникацию как нечто иное, нежели просто передача/прием информации, то последняя подвержена обратимости в форме feed-back. Таким образом, вся современная архитектура массмедиа основывается на этом нашем последнем определении: они являют собой то, что навсегда запрещает ответ, что делает невозможным процесс обмена (разве только в формах *симуляции* ответа, которые сами оказываются интегрированными в процесс передачи информации, что, однако, ничего не меняет в однонаправленности коммуникации). Именно в этом – их подлинная абстракция. И именно на этой абстракции основывается система социального контроля и власти» [Бодрийар 1999].

С точки зрения Дугласа Рашкоффа, автора книги «Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание», контркультурные активисты изменили эту ситуацию: «Этот возвращенный Рай стал первой возможностью для подлинной обратной связи и итерации в мировой культуре. Любой человек, снявший провокационную видеопленку, мог послать ее в сетевую новостную программу и показать местный скандал всему миру» [Rushkoff 1996: 120].

Как показала практика, тактические медиа:

1. Позиционируют себя как альтернативные по отношению к мейнстримным средствам массовой информации, которые, по мнению идеологов тактических медиа, повсеместно утратили свою свободу:

- Тактические медиа активно проводят в жизнь концепцию контр-гегемонии; свидетельство тому – работа медиацентров, независимость которых постоянно подчеркивается их создателями и участниками. Это, например, широко известные Индимедиа (Indymedia – Independent Media Center), возникшие в 1999 году в Сиэтле. В Восточной Европе первая «Индимедиа» появилась в связи с пражскими событиями (2000 г.), русскоязычные «Индимедиа» появились в 2001 году.

- В рамках нашей статьи важно и то, что тактические медиа противопоставляют себя стратегическим медиа в ходе важных политических кампаний, используя внезапные, быстрые атаки. Так, в России они были впервые применены в политическом процессе в период выборов в Государственную Думу с помощью сайтов «Коготь-1» и «Коготь-2»; после выполнения задачи дискредитации противника эти медиа обычно закрываются. По сообщению газеты «Коммерсант», «В ноябре 1998 года на сайте “Коготь-1” были опубликованы распечатки телефонных и пейджинговых переговоров ряда известных политиков. Сайт был зарегистрирован в России, и спецслужбы смогли его заблокировать. Вскоре появился “Коготь-2” с аналогичным содержанием, зарегистрированный в США. Поиском его создателей занималось Управление по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий (УБП СВТ). Однако расследование не дало результатов» [Ъ-Газета]. В преддверии нынешних выборов агитационная активность тактических медиа снова усилилась. В результате, по сообщению Роскомнадзора (8 июля 2016 г.), в эту организацию «поступило требование Генеральной прокуратуры Российской Федерации об ограничении доступа к противоправной информации, размещенной на четырех интернет-ресурсах политической направленности». Сообщается, что публикации этих интернет-ресурсов содержали материалы агитационного характера, призывающие к бойкоту выборов в Государственную Думу Российской Федерации. Кроме того, они осуществляли координацию действий граждан по организации протестных акций, проводимых с нарушением установленного порядка. Информация, признанная противоправной, удалена с двух интернет-ресурсов, доступ к двум другим ресурсам блокируется. В

соответствии с требованием Генпрокуратуры Роскомандзор проводит мониторинг распространения указанной информации в интернете [По требованию Генеральной прокуратуры РФ заблокированы сайты].

2. Выражают точку зрения оппозиции; носят радикальный и протестный характер (пытаются влиять на государство, рынок, академическую среду, правовые институты) и осуществляют критику политического режима, причем спектр сил социально-политического протеста, представленного в тактических медиа, очень широк: от глобалистов и анархистов до представителей сексуальных меньшинств. Например, в период с 1998 по 2013 годы появляется значительное число изданий анархистов и анархо-синдикалистов. Рост протестной активности на фоне парламентских и президентских выборов 2011–2012 в России послужил причиной появления таких медиа, как «Ustream» и «Ридус» [Мельник, Мисоужников 2014].

3. Выполняют функции общественного контроля, например, в 2011 году медиаактивистами был создан информационный интернет-ресурс (www.tacticalmediafiles.ru), содержащий экспертный анализ случаев злоупотребления, коррупции и эксплуатации в мире искусства и политические дискуссии.

4. Осуществляют организаторскую функцию, содействуя проведению акций протеста; солидарных действий в поддержку общественных кампаний, проектов неправительственных организаций, движений, профессиональных союзов, групп гуманитарного действия и др., использующих технологии «hit-and-run тактика», молниеносных флеш-мобов.

5. Увеличивают риск участия человека и социальных групп в разрушительных социальных эпидемиях. Например, участие тактических медиа в египетской весне, в беспорядках на площади Тахрир, а также украинских событиях на майданах первой и второй волны [Kluitenberg 2011].

6. Тактические средства массовой информации становятся устойчивой формой культурного производства, который использует сетевой интеллект и цифровые формы для создания произведений искусства и свой особенный язык протеста; реализуют проекты в области медиаактивизма, нацеленные на изменение общественной жизни, такие как медиаинтервенции в социальном пространстве.

Таким образом, тактические медиа обладают широкими возможностями осуществления информационного противостояния, когда информационная война обретает характер умышленной редукции «положительной репутации оппонирующего актора, является одной из форм взаимодействия политических акторов, будь то политик, страна, или геополитический блок. Суть этого взаимодействия – привлечение внимания масс к отрицательным чертам политического актора оппонента и к положительным чертам актора продюсента, и как следствие, привлечения из числа народных масс новых сторонников» [Информационная война как модель взаимодействия политических акторов].

Подводя итоги, хотелось бы заметить следующее. Одно из наиболее удачных, на наш взгляд, определений тактических медиа: «Tactical media (тактические медиа) – низкобюджетные, низкотехнологичные средства информации и коммуникации, специально создаваемые для проведения оппозиционных кампаний, а также формирования сетей или акций в киберпространстве: пиратское радио или пиратское (кабельное и сетевое) ТВ, интернет-радио, интернет-кампании, видео-активизм, прочий технологичный самиздат» [Ильичева 2014].

Вместе с тем, нельзя не заметить, что в данном определении подчеркивается лишь негативный, антисистемный характер тактических медиа. Возникает вопрос, могут ли функции тактических медиа варьироваться в рамках шкалы «социальная интеграция / социальная дезинтеграция, социальная стабилизация / социальная дестабилизация», или предназначение этих медиа ограничивается только социальной дезорганизацией? Цитируемый выше автор, Ю. А. Ильичева, дала ответ на этот вопрос, отметив, что тактические медиа являются формой самоорганизации гражданского общества. Видимо, необходимо учитывать тот факт, что потенциал тактических медиа носит противоречивый характер. Тактические медиа способны выступать как выразители мнения личности или социальной общности, расширяя демократический потенциал средств массовой информации, они обладают большими возможностями в ходе преодоления процесса деморализации путем демонстрации позитивных и конструктивных сценариев решения важных социально-политических и экономических проблем; они могут быть использованы как дискуссионная площадка, своего рода информационный центр по организации позитивных флешмобов и других мероприятий, направленных на консолидацию общества.

Интенсивно завоевывая информационные пространства, сегодня тактические медиа начинают определять новую культуру независимой коммуникации со своими ценностями, формами и языком.

ЛИТЕРАТУРА

Бодрийар Ж. Реквием по массмедиа. 1999. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/bodriyjar_rekviem/ (дата обращения 22 июля 2016).

Ильичева Ю. А. СМИ в мобилизационных технологиях: цели, функции, политические последствия : автореф. дис. ... канд. полит. наук. 10.01.10 – журналистика. СПб., 2014.

Информационная война как модель взаимодействия политических акторов. URL: <http://www.elect-assist.ru/informacionnaya-vojna-kak-model-vzaimodejstviya-politicheskix-aktorov/> (дата обращения 21 июля 2016).

Киреев О. Стратегия – это тактика, глобализация – это локализация // Компьютерра. 2003. 30 июля. URL: <http://old.computerra.ru/202609/> (дата обращения 31 июля 2016).

Мельник Г. С., Мисоужников Б. Я. Тактические медиа: социальные приоритеты и прагматика текста // Гуманитарный вектор. 2014. № 4 (40).

Серто Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать повседневность / пер. Д. Я. Калугин. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.

По требованию Генеральной прокуратуры РФ заблокированы сайты, призывающие к бойкоту выборов в Государственную Думу РФ. URL: <http://www.rkn.gov.ru/news/rsoc/news39992.htm> (дата обращения 24 июля 2016).

Ъ-Газета – Кого царапали «когти»? // Коммерсантъ. 2002. 21 июня. №105. С. 16. URL.

<http://www.kommersant.ru/doc/328571> (дата обращения 29 июля 2016).

Branka Ćurčić. New Art Practices: Editorial Public NetBase: Non stop Future. URL: <http://nonstop-future.org/txt?tid=9b5d15a664dfd39614d041e8511af950> (дата обращения 31 июля 2016).

Kluitenberg Eric. Legacies of Tactical Media: The Tactics of Occupation: From Tompkins Square to Tahrir. Amsterdam: Network Notebooks, 2011. URL: http://networkcultures.org/_uploads/NN5_EricKluitenberg.pdf (дата обращения 26 июля 2016).

Rushkoff D. Media virus! N.-Y.: Ballantine Books, 1996.

Raley R. Tactical Media as Virtuositic Performance. – Minnesota, University of Minnesota Press, 2009. URL: <http://www.tacticalmediafiles.net/articles/3542/Tactical-Media-as-Virtuosic-Performance?sessionid=6B07286DB6839AE2FC48BA25734C27DD> (дата обращения 29 июля 2016).

Salder F. 30 Years of Tactical Media // Public Netbase: Non Stop Future. New Practices in Art and Media. Frankfurt: Revolver, 2008. P.190-194. URL: <http://nonstop-future.org/txt?tid=e16b26b29c7f48f115390ac507917892> (дата обращения 26 июля 2016).

Tactical Media and Disturbance Art. URL: <http://fistisraised.femmetech.org/2012/11/tactical-media-and-disturbance-art/> Published November 17, 2012 <http://www.femmetech.org/2012/11/tactical-media-and-disturbance-art/> обращения: 27 июля 2016).

М. В. Гаврилова

Санкт-Петербург, Россия

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ

Аннотация. В конце XX – начале XXI века в зарубежной гуманитарной науке наблюдается взрывное развитие «нетрадиционной» семиотики, появляются новые направления: политическая семиотика, социальная семиотика, когнитивная семиотика, визуальная семиотика, организационная семиотика, киберсемиотика и др. Статья посвящена рассмотрению социальной семиотики как междисциплинарной исследовательской практики, изучающей материальные ресурсы коммуникации и способы их социально регламентируемого использования. Особое внимание уделяется описанию методологических подходов, основных категорий и методике анализа креолизованных текстов.

Ключевые слова: социальная семиотика, креолизованный текст, дискурс.

M. V. Gavrilova

Saint-Peterburg, Russia

NEW APPROACHES IN SEMIOTICS RESEARCH OF MULTIMODAL TEXTS

Abstract. Social semiotics is a new interdisciplinary field that explores material resources of communication and the way their uses are socially regulated and the social regulation of their use. The paper discusses the basic concepts, methodological approaches, and methods of analysis of multimodal texts.

Keywords: social semiotics, multimodality, discourse.

В конце XX – начале XXI века в зарубежной гуманитарной науке возникают новые направления междисциплинарных исследований. Связи гуманитарной науки, экономики и предпринимательской деятельности являются востребованными и актуальными в концепции устойчивого развития современного общества. Кроме того, перспективны изыскания, которые ведутся на стыке гуманитарных, естественнонаучных и технических дисциплин. Ученые совместно изучают городское пространство, здоровье и долголетие человека, глобализацию и разнообразие и др. Отметим, что, поскольку одним из признаков социальной жизни начала XXI века является «падение слова и взлет изображения», то составной частью этих исследований является изучение способов визуальной коммуникации, осуществляемой различными социальными и политическими субъектами. О широте научных интересов свидетельствуют названия зарубежных конференций: «Цифровые образы, глобальные конфликты», «Визуальная культура империализма», «Культура и политика визуализации данных», «Образы будущего в кинематографе», «Дiaspora, миграция и СМИ», «Визуализируя улицу» и др. При этом наблюдается интерес к изучению креолизованных (мультимодальных в англоязычной литературе) текстов и взрывное развитие «нетрадиционной» семиотики, появляются новые направления: политическая семиотика, социальная семиотика, когнитивная семиотика, визуальная семиотика, организационная семиотика, киберсемиотика и др.

Рассмотрим одно из этих направлений, а именно социальную семиотику, которая активно используется иностранными политическими лингвистами, анализирующими креолизованные тексты. Социальная семиотика – это тип междисциплинарных аналитических исследований коммуникации, призванный объяснить процесс создания значения в качестве социальной практики.

Следует отметить, что в англоязычной научной литературе встречаются различные наименования направления: *sociosemiotics* (европейская традиция) и *social semiotics* (англо-австралийская традиция). Кроме того, существует различие в орфографическом написании словосочетания *Social semiotics* и *Social Semiotics*. Так, когда оба слова пишутся с прописной буквы, это обозначение научного направления, и когда лишь первое слово (прилагательное *социальный*) пишется с прописной буквы, то это указание на расширение исследовательского поля традиционной семиотики (например, как семиотика социальной коммуникации).

Социосемиологи анализируют преимущественно мультимодальные тексты, то есть «тексты, чьи значения

реализуются более чем одним семиотическим кодом» [Kress, van Leeuwen 1996: 183]. Обычно это вербальный, визуальный и звуковой коды. При этом изучению визуального и звукового кодов уделяется особое внимание, учитывая важность данных кодов в социальной коммуникации современного общества.

На формирование социальной семиотики оказали влияние три научных направления: системная функциональная лингвистика (или системно-функциональная грамматика) Майкла Холлидея (Halliday), структурная семиотика и критическая лингвистика.

Понятие «социальная семиотика» было введено в научный оборот Холлидеем в 1978 году в книге «Язык как социальная семиотика: социальная интерпретация языка и значения». В ней ученый представил теорию системной функциональной лингвистики, важным положением которой является тезис о реализации языковой функции в контексте. Язык понимается как источник для создания значения и конструирования опыта. Тексты принадлежат языковой системе и детерминированы ситуационным контекстом, чья семиотическая структура, в свою очередь, определена контекстом культуры [Halliday 1978].

Представители социальной семиотики, признавая достижения структурной семиотики, развили и пересмыслили некоторые ее положения, например, понятие «язык», «знак», «интерпретация (семиозис)», «модель знака», а также пересмотрели принцип произвольности языкового знака, предложенный Ф. де Соссюром. Согласно этому принципу связь означающего и означаемого произвольна, не мотивирована. Однако в статье Гюнтера Кресса (Kress) с характерным названием «Против произвольности» автор утверждает, что значение знака создается в процессе его использования: «Знаки всегда мотивированы интересами его производителя и характеристиками выбранного для критического анализа текста» [Kress 1993: 173].

Третьим значимым для становления социальной семиотики направлением явилась критическая теория, в частности критическая лингвистика. Классическая для этого направления книга Р. Ходжа и Г. Кресса «Язык как идеология», изданная в 1979 году, оказала влияние на формирование методологических основ социальной семиотики. В книге рассматриваются вопросы отношений языка и общества, даны определения важных для критиков понятий: язык, идеология, власть, контроль [Kress, Hodge 1979].

Следует подчеркнуть, что на научные воззрения представителей социальной семиотики оказали влияние работы Р. Барта, М. Фуко, Р. Арнхейма, В. Я. Проппа, Л. С. Выготского, В. Н. Волошинова и др.

Рассмотрим теоретические основания направления. Социосемиотика изучает взаимосвязанные предметные области: 1) материальные ресурсы коммуникации и способы их социально регламентируемого использования, 2) социальное регулирование использования ресурса совместно с историей его функционирования. В этой связи социосемиотика: 1) анализирует способы, с помощью которых люди используют семиотические ресурсы как для создания, так и для их интерпретации в определенных ситуациях социального взаимодействия; 2) сравнивает семиотические способы использования знаков; 3) выясняет способы, посредством которых семиотические ресурсы регулируются в конкретном пространственно-временном окружении и в определенных ситуациях общения; 4) прогнозирует появление новых семиотических средств (метафора и коннотация являются наиболее распространенными механизмами семиотических новшеств и изобретений).

Отметим, что внимание ученых направлено не на то, что стоит за знаком, а на то, как он применяется в обществе. Важно выяснить, как люди используют материальные объекты, чтобы производить значения. И нужно учитывать, что семиотические ресурсы создаются, используются и интерпретируются согласно интересам производителя знака, потребностям времени и условиям окружающей обстановки. Добавим, что «различные семиотические ресурсы используются для передачи идей, ценностей и идентичностей, при этом ресурсы способствуют и сдерживают различные виды взаимодействий» [Kress, van Leeuwen 1996: 39].

Социосемиологи используют критический, трансдисциплинарный и интерпретативный подходы в качестве методологических основ своих исследований.

Анализируя коммуникативные события, социосемиологи пришли к выводу, что в организации креолизованных текстов участвуют четыре разновидности семиотических ресурсов: ритм, композиция, связность информации, диалог. Подчеркнем, что изучение лингвистической составляющей полимодального текста является второстепенным.

Ритм обеспечивает связность и смысловую структуру событиям, разворачивающимся во времени. Он играет важную роль в повседневном общении, а также в фильмах, на телевидении, в танцах и музыке. Ритм является биологической данностью. Действия человека по своей природе координируются при помощи ритма. Успешное социальное действие предполагает синхронизацию ритма взаимодействия.

Композиция важна для пространственной организации текста и события. Поэтому играет ключевую роль не только в образах и схемах, но также в планировке трехмерных объектов (выставки, показы, архитектура).

Композиция состоит из трех элементов: информационная ценность, рамка (framing), выпуклость (salience). Информационная ценность придает различную значимость асимметричным зонам семиотического пространства: в горизонтальном измерении возникает разграничение на данную и новую информацию; вертикаль представляет идеальное и реальное; в центре располагается главное и по краям вспомогательное сообщение; на переднем плане размещается важная информация, на заднем фоне менее существенная.

Под рамкой понимается разъединение элементов визуальной композиции. Рамка создает чувство прерывности, изолированности между элементами композиции при помощи линий, границ, пустых пространств и др. В некотором смысле разрозненные элементы воспринимаются как обособленные и независимые. Вместе с тем рамка может формировать представление об объединении частей композиции в тех случаях, когда отсутствуют средства выражения рамки, или путем сходства (в цвете, форме и пр.) между элементами. Тогда соединенные элементы можно понимать как принадлежащие некой целостности.

Выпуклость создает разницу между элементами композиции в той степени, в какой они привлекают внимание зрителя. Это можно сделать с помощью наличия/отсутствия движения, размера, количества деталей, цветовых контрастов, размещения предметов в поле зрения, особых культурных факторов (внешность человека).

Под связностью информации понимаются когнитивные связи между элементами информации, организованными как во времени, так и в пространстве (например, причинно-следственные связи между словами и изображениями). Анализируя креолизованный текст, важно выяснить, каковы связи между словом и образом.

Диалог помогает понять, как структуры обменов репликами и формы музыкального взаимодействия могут быть использованы для изучения отношений между семиотическими ресурсами, применяемыми в креолизованных текстах и коммуникативных событиях.

Отметим, что социосемиологи расширили определение диалога, под которым предлагается понимать ситуацию, когда несколько «голосов» видны или слышны, при этом реплики звучат одновременно или последовательно. Исследователям особенно интересен анализ музыкального диалогического взаимодействия, который осуществляется на материале музыки к фильмам, песен вокальных дуэтов и музыкальных групп. Так, ученые выявили четыре вида диалога с одновременно звучащими репликами: блокировка, социальный унисон, социальная множественность и социальное доминирование. И все четыре разновидности устанавливают общественные отношения: изменение личности и согласованность, равенство и неравенство [Van Leeuwen 2005].

Таким образом, особое внимание уделяется исследованию звуковой и изобразительной частям креолизованного текста, где важно разложить целое на составляющие его элементы, определить их функции и связь с социальными нормами и правилами.

Новое направление получило признание в научном сообществе благодаря публикации с начала 1980-х годов журнала, который издавался группой австралийских ученых, включая Кресса, ван Леувена (Van Leeuwen), Эни Кренни Фрэнсис (Anne Cranny Francis) и Терри Сридголда (Terry Threadgold). Первоначально журнал назывался «Австралийский журнал социальной семиотики: трансдисциплинарный журнал по функциональной лингвистике, семиотике, критической теории». Журнал представлял собой площадку для публикации смелых статей с теоретическим обоснованием отношений между текстом и контекстом, приводя в качестве доказательств такие положения, которые не вписывались в существующую тогда лингвистическую парадигму.

В начале 1990-х годов меняется и редакционная коллегия, и название журнала. И с 1991 года издательство «Routledge» выпускает журнал «Social semiotics», который выходит пять раз в год.

Материалом социосемиотического исследования служат иллюстрированные журнальные и газетные публикации, рекламные сообщения, произведения искусства (разного рода постановки и представления, изобразительное искусство, кинофильмы, архитектурный дизайн, музыкальные композиции), телепередачи, видео, игры, компьютерные игры, сайты и многое другое.

Тематика социосемиотических статей необычайно широка: семиотика электронной денежной системы «Биткойн», репрезентация действующих лиц в компьютерных играх, представления о моде/работе в национальных версиях глобальных женских журналов, влияние неолиберального дискурса на систему образования, социальная власть звезд кинематографа, динамика социальных классов в телевизионных комедиях¹ и др.

Таким образом, увеличение значимости визуальной коммуникации в современном обществе, введение в научный оборот новых материалов исследования, требование практической направленности гуманитарных исследований на решение актуальных социальных проблем способствуют появлению новых исследовательских практик, анализирующих процессы порождения, предписывания, переопределения значений материальных знаков, что позволяет расширять методологический аппарат политической лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

Halliday M. A. K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. Maryland: University Park Press, 1978.

Kress G. Against Arbitrariness: The Social Production of the Sign as a Foundational Issue in Critical Discourse Analysis // Discourse and society. London, 1993. 4 (2). – P. 169–191.

Kress G., Hodge R. Language as ideology. L. : Routledge, 1979. – 230 p.

Kress G., van Leeuwen T. Reading Images – The Grammar of Visual Design. L. : Routledge, 1996. – 312 p.

Van Leeuwen T. Introducing Social Semiotics. L. : Routledge, 2005. – 314 p.

Н. А. Гагаев, Н. Г. Юзефович
Хабаровск (Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОССИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЕ И В ПЕРЕВОДЕ: НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ САЙТА ИНОСМИ.РУ

Аннотация. В данной статье обобщаются исследования лексических средств репрезентации России в медийном дискурсе. В качестве материала исследования выступают тексты сайта [иносми.ру](http://inosmi.ru).

Ключевые слова: параллельные тексты, лексические средства, политические тексты, переводы.

¹ По материалам наиболее читаемых и цитируемых статей в журнале «Социальная семиотика». См.: <http://www.tandfonline.com/loi/csos20?open=26#read>, <http://www.tandfonline.com/loi/csos20?open=26#cited>.

REPRESENTATION OF RUSSIA IN FOREIGN PRESS AND TRANSLATION: BASED ON THE MATERIAL OF PARALLEL TEXTS ON THE SITE INOSMI.RU

Abstract. The article summarizes research of lexical means of representation of Russia in media discourse. Parallel texts from the site inosmi.ru are studied in the given article.

Keywords: parallel texts, lexical means, political texts, translations.

Задачей данной статьи является обобщение исследования лексических средств репрезентации России в медийном дискурсе, который оказывает громадное влияние на мировоззрение и образ жизни многих людей. Эмпирический материал представлен параллельными текстами сайта inosmi.ru: переводы англоязычных оригиналов сопровождаются ссылками на исходный текст.

Политические тексты (оригиналы публичных выступлений политических деятелей, журнальных публикаций и пр.) и их параллельные переводы размещают сегодня в интернете несколько сайтов, уровень адекватности и качеству перевода которых неоднороден, что неоднократно отмечалось ведущими профессионалами на переводческих конференциях и в онлайн-комментариях. О манипулятивности политического перевода неоднократно писали известные профессиональные переводчики, в частности, М. Берди [Berdy 2015]. П.Р. Палажченко, имеющий большой опыт переводческой деятельности для официальных лиц, комментируя перевод выступления М.С. Горбачева (оригинал на русском и перевод на английский) пишет следующее: «Статья написана по просьбе журнала *The Nation*. В отличие от *International Herald Tribune*, работать с этим изданием было гораздо легче. В процессе работы над переводом редакторы не пытались «перелицовывать» или «совершенствовать» текст, чем иногда грешили их коллеги. Дело ограничилось умеренной и разумной, на мой взгляд, правкой и добавлением нескольких *connecting and explanatory phrases*. Думаю, итог может представлять интерес для тех, кто переводит на английский язык» [Палажченко 2012].

Мы ни в коей мере не претендуем на столь же профессиональный уровень анализа как П.Р. Палажченко, но, тем не менее, надеемся, что наши наблюдения могут оказаться полезными начинающим переводчикам и студентам.

Интерес к анализу параллельных текстов сайта inosmi.ru обусловлен тем, что материалы данного сайта удобны для использования на практических занятиях по переводу, поэтому критическое отношение к качеству перевода будет способствовать эффективности учебного процесса, а также и тем, что россияне, которые не владеют английским языком на высоком уровне, принимают переводы как оригинал, а это далеко не всегда так.

При выборе текстов обращалось внимание на следующее: 1) модификация формата; 2) несовпадение иллюстраций; 3) изменение тональности и/или смысла заголовка; 4) значимые расхождения по объему.

Следует отметить, что текст оригинала всегда представлен в гипертекстовом формате: ряд важных дат, имен, наименований событий и т.п. выделен как связанный с другими текстами, по которым можно получить дополнительную информацию, что создает эффект достоверности, облегчая также восприятие информации вдумчивому читателю. В переводах гипертекстовых связей, как правило, не выявляется.

Объем статьи не позволяет охватить большой эмпирический материал, поэтому наши наблюдения представляем на примере публикации от 14 апреля 2016 г. международного информационного агентства «Рейтер», отражающего политические установки Англии, Австралии и Новой Зеландии. Статья под заголовком *When will Russia break?* написана известным журналистом Джоном Ллойдом (John Lloyd) [URL: <http://www.reuters.com/journalists/>]. В переводе она появилась под заглавием «Когда Россию настигнет коллапс?» [URL: <http://inosmi.ru/>]. Внимание к публикации было привлечено как заменой фотографии (см. сайт inosmi.ru) и сайт агентства «Рейтер»), так и усилением пейоративности заглавия.

Сопоставление текста оригинала с переводным позволило выявить следующие расхождения по объему. Перевод соответствует тексту оригинала по количеству абзацев — 16, но при этом содержит 133 строки (оригинал — 80); знаков с пробелами в переводе 7096 (в оригинале — 6259), количество слов больше в английском тексте — 1 041 (что обусловлено артиклями), в русском — 936. Основные расхождения встречаются на уровне знаков и слов, а следовательно и всего знакового содержания текста. Это обусловлено тем, что в русском языке нет артиклей как в английском, что и увеличивает объем текста иногда на 20 процентов.

Как общеизвестно, заглавие текста практически любого жанра является первым или одним из первых сигналов, вызывающих интерес читателя. Предваряя текст, заголовочный комплекс несет и определенную информацию о его содержании, и эмотивность, отражая мнение автора. Сопоставление параллельных заголовков *When will Russia break?* и «Когда Россию настигнет коллапс?» создает впечатление, что слово «коллапс» представляет собой эквивалентный перевод слова *break*, что представляется сомнительным.

Обратимся к толковым словарям. В англоязычных словарях слово *break*, объясняемое как *to make something separate into two or more pieces, for example by hitting or dropping it* [MED], относится к нейтральной лексике. В русскоязычных словарях, в первую очередь, выделяют терминологическое значение слова «коллапс» (медицина, астрономия, электроника, квантовая механика). Значение (3) переносное «тяжелый кризис в экономике и социальной жизни страны, сопровождающийся падением производства, разрушением

экономических связей» [БТСРЯ].

Сопоставление словарных дефиниций показывает, что слово оригинала *break* и используемый вариант перевода «коллапс» не совпадают стилистически; важно и то, что в языковом сознании россиян коллапс связан с полной безысходностью, т.е. в данном случае пейоративность публикации усиливается в переводе.

Рассмотрим перевод первого предложения:

In the first, workers and peasants and soldiers — not in huge numbers, but enough — rose against the wealthy aristos in their gilded St. Petersburg palaces.

Тогда, сто лет назад, солдаты, рабочие и крестьяне — численность которых была не столь уж внушительной, но вполне достаточной — восстали против богатых аристократов, обосновавшихся в золоченых дворцах Санкт-Петербурга.

Обращает на себя внимание то, что переводчик несколько вольно относится к тексту оригинала. Так, *In the first* переведено как «Тогда, сто лет назад» (*выделено нами — Н.Ю., Н.Г.*); данное расширение текста в данном случае абсолютно неоправданно, поскольку русскоязычный читатель легко поймет о каких именно событиях идет речь.

Фрагмент *workers and peasants and soldiers* передан как «солдаты, рабочие и крестьяне»; при этом, во-первых, нарушен ритм текста, в английском языке *and* («и») повторяется, что создает эффект массового участия в событиях разных слоев, во-вторых, переводчик необоснованно изменил порядок слов. Слово *workers* в лидирующей позиции подчеркивает, что революция была совершена трудовым народом (рабочими и крестьянами). Поставив в переводе на первое место слово «солдаты», переводчик создает картину не столько революции, сколько военного переворота.

При переводе фрагмента *not in huge numbers, but enough* как «численность которых была не столь уж внушительной, но вполне достаточной» наблюдается неоправданная декомпрессия, то есть расширение текста при переводе, способствует также и снижению стиля; при этом увеличен знаковый объем текста.

Переводчикам желательно учитывать нормы русского языка, в частности, по использованию причастий, которые утяжеляют текст, делают его громоздким и запутанным, затрудняя восприятие [Канцелярит URL: <http://www.litpravka.com/>]. Например, сравните,

...in their gilded St. Petersburg palaces и

«...обосновавшихся в золоченых дворцах Санкт-Петербурга».

Рассмотрим следующий абзац оригинала и его перевод:

Yet no sign of a revolution, not even of serious demonstrations. And the man at the center of the Kremlin web still has sky-high popularity ratings...

Между тем, никаких признаков революции, даже серьезных демонстраций, не наблюдается. И человек, сидящий в центре кремлевской паутины, по-прежнему имеет заоблачные рейтинги популярности.

В вышеприведенном фрагменте автор рассказывает о том, что люди в России придерживаются хорошего мнения относительно Путина; рейтинги его занимают высокие позиции, потому что люди видят в Путине, все те качества, которые должны быть у настоящего лидера. Нас смутил перевод *sky-high popularity ratings* как «заоблачные рейтинги популярности».

В толковом словаре MED *sky-high* определяется как *at a very high level*, т.е. «очень высокие», но не «заоблачные». Фразу «заоблачные рейтинги популярности» можно трактовать скептически: «неправдоподобно высокие», «выше и быть не может». Именно такое значение актуализируется как переносное в русскоязычном толковом словаре: «заоблачный: 1) находящийся за облаками, выше облаков; 2) перен. оторванный от действительности, далекий от жизни» [БТСРЯ].

Обращает на себя внимание замена термина *annexed* в переводе на глагол «присоединить», что позволяет говорить об адаптации текста применительно к русскоязычной аудитории:

It has been like that for two years, ever since Russia annexed the Ukrainian region of Crimea in March 2014.

И так уже на протяжении последних двух лет, с тех пор Россия в марте 2014 года присоединила принадлежавший Украине крымский регион.

Как общеизвестно, после присоединения Крыма к России наблюдается резкое противопоставление официальной риторики о данном событии (*аннексия* — они о нас, и *присоединили* — мы о себе). Переводчик политических текстов учитывает официальные русскоязычные источники, где подчеркивается добровольное присоединение Крыма; он не акцентирует в переводе внимание на мнение западных СМИ, где данный факт позиционируется как *аннексия*.

В данном случае комментировать достаточно сложно. С одной стороны, перевод можно назвать политически выдержанным, но, с другой стороны, у русскоязычного читателя, который не владеет английским языком и не может обратиться к оригиналу, создается ложное впечатление об отношении автора оригинала к присоединению Крыма к России.

В переводе выявляются некоторые некорректные соответствия, как правило, усиливающие пейоративность; при поиске источника данных переводов создалось впечатление, что интенсивно использовался «гугл транслейт», при этом выбирался первый предлагаемый вариант, независимо от контекста.

Так словосочетание *bitter enemy* во фрагменте о персонаже рассказа В. Набокова переведено как «заклятый враг», с чем мы не можем согласиться:

In Vladimir Nabokov's 1945 story, "A Conversation Piece," a Russian White Guard émigré colonel, bitter enemy of the Communists who had stolen his country...

В рассказе Владимира Набокова «Образчик разговора» (1945) один из героев — русский эмигрант

и бывший полковник белой гвардии, заклятый враг коммунистов, укравших у него страну...

Обращаемся к словарю: *bitter, hateful or hostile* [MED], что соответствует «ненавистный, отвратительный». В русскоязычном словаре «заклятый» объясняется как «непримиримый» [БСТСРЯ], т.е. выделена крайняя степень негативных качеств. Как представляется в данном случае «нагнетание» пейоративности текста неоправданно.

Суммируя выше сказанное, считаем необходимым подчеркнуть, что задачей нашего критического анализа была конструктивная критика, от вышеназванных неточностей в переводе не застрахован никто. Естественно, что «взгляд со стороны» на чужой перевод способствовал нашему более внимательному подходу к выбору переводческих соответствий при переводе, постоянному обращению к толковым словарям и пр. Мы понимаем, что объемы практической работы далеко не всегда способствуют качеству перевода, и надеемся, что начатый нами разговор поддержат и другие коллеги. Приглашаем к дискуссии.

ЛИТЕРАТУРА

- БСТСРЯ — Ефремова Т.Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. М., 2006 (к версии ABBYY Lingvo x3).
Палажченко П.Р. Статья М.С. Горбачева (русский и английский тексты для сравнения). 2012. <http://www.pavelpal.ru/node/959>
Berdy M.A. Translation Is New Weapon in Propaganda War. 29.01.2015 URL: <http://www.themoscowtimes.com/>
MED — Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition Oxford: Macmillan, 2002.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

- <http://inosmi.ru/politic/20160416/236165716.html>
<http://www.reuters.com/journalists/>.
<http://www.litpravka.com/pages/useful/kantseliarit.html>

О. А. Голикова

Воронеж, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В КРИПТОКЛАССНОМ АНАЛИЗЕ

(на примере метафор с лексемой *Brexit*)

Аннотация. В статье на примере анализа метафор с лексемой *Brexit* рассматривается, как происходит категоризация нового политического явления в языке.

Ключевые слова: политический неологизм, криптоклассный анализ, *Brexit*, криптокласс, корпус.

О. А. Golikova

Voronezh, Russia

POLITICAL NEOLOGISMS IN CRYPTOTYPE ANALYSIS

Abstract. Metaphors with neologism *Brexit* are studied in the view of cryptotype analysis methodology.

Keywords¹: Political neologism, cryptotype analysis, *Brexit*, cryptotype, NOW corpus.

Методика криптоклассного анализа предлагает способ изучения и интерпретации лексико-семантической сочетаемости непредметной лексики с целью объяснения когнитивных механизмов мышления, лежащих в основе метафоризации языковых сущностей [Борискина 2010, 2011б]. В работе [Голикова 2014б] была предпринята попытка рассмотреть особенности метафорики политического дискурса в свете теории криптоклассного анализа на материале метафор непредметных имен, номинирующих процессы и явления общественно-политической жизни. Выбор существительных был обусловлен достаточно высокой частотностью их употребления в корпусе современного английского языка (COCA <http://corpus.byu.edu/coca/>). Менее частотные лексические единицы, а также новые языковые образования (неологизмы) не рассматривались до сих пор с точки зрения их криптоклассной категоризации. Между тем представляется интересным, проявляются ли определенные категориальные признаки в метафорических употреблениях новых слов, и если проявляются, то каким образом.

Общественно-политические события последних лет, отличаясь необычайной динамичностью и часто непредсказуемостью, породили массу новых наименований, например, для социально-политических групп (в русском языке *колорады*, *ватники*, *укропы*, *правосеки*; в английском *truther*, *birther*, *precariat*); социально-экономических, политических процессов и явлений (*Eurogeddon*, *churnalism*, *collaborative consumption*, *gig economy*, *Brexit*)². Появление перечисленных неологизмов приходится на 2012–2015 годы (NOW Corpus <http://corpus.byu.edu/now/help/neologisms.asp>). Вероятно, не все новообразования «приживутся» в языке, но часть из них, бесспорно, останется в качестве исторических маркеров нашего времени. Одним из таких маркеров нам представляется неологизм *Brexit*, обозначающий «выход Великобритании из Европейского Союза». Он образован слиянием двух английских слов: *Britain* – *Британия* и *Exit* – выход, и появился в языке в 2015 году (NOW Corpus <http://corpus.byu.edu/now/help/neologisms.asp>). Решение крупного политического игрока о выходе

© Голикова О. А., 2016

² Примеры английских неологизмов взяты из нового электронного ресурса М. Дэвиса NOW corpus <http://corpus.byu.edu/now/help/neologisms.asp>.

из Евросоюза является одним из самых обсуждаемых событий последних месяцев.

Анализ метафорического употребления имени *Brexit* в общественно-политическом дискурсе проводился на базе электронного ресурса *NOW corpus*¹, который представляет собой корпус текстов из электронных газет, написанных и размещенных в Сети с 2010 года и позволяет проследить динамику частотности употребления слова в период с 2010 до первой половины 2016 года. Так, неологизм *Brexit* в электронных газетах 2010 года использовался только дважды, а в первой половине 2016 года – 38045 раз (<http://corpus.byu.edu/now/>). Таким образом, рост «популярности» *Brexit* приходится на вторую половину 2015 года и, в большей степени, на первую половину 2016. Следовательно, у нас есть уникальная возможность проследить, через какие образы постигается новая политическая реальность сознанием англоязычного сообщества.

Выборка метафорических словоупотреблений с *Brexit* проводилась в соответствии с методикой криптоклассного анализа лексики, теоретической основой которой стала идея скрытой языковой категориальности [Борискина 2011б]. Согласно этой теории, примеры метафор с непредметной лексикой могут свидетельствовать о существовании определенных когнитивных механизмов, обеспечивающих вхождение новой лексической единицы в существующую систему через приписывание ей определенных лексико-синтаксических характеристик (стратегий) в процессе приписывания новому явлению определенных признаков, выделяемых разными языковыми сообществами очень схожим образом. На первый взгляд, бессистемные метафорические употребления имени на самом деле указывают на наличие способа упорядоченной организации лексики, то есть существующей в скрытом виде системы именных криптоклассов английского языка². О. О. Борискина считает, что «криптокласс представляет собой разновидность скрытой именной классификации, основания которой уходят корнями в недра номинационной категоризации, недоступной прямому наблюдению... а также... отражает наивную когнитивную категоризацию мира лексико-грамматическими средствами конкретного языка» [Борискина 2011б: 34–35]. Принадлежность имени к группе существительных, объединенных в криптокласс, диагностируется через лексико-синтаксическую конструкцию³.

На данный момент выявлено шесть криптоклассов английского языка:

- Res Parvae (категориальный признак – соизмеримость с рукой);
- Res Liquidae (категориальный признак – способность предмета к самостоятельному перемещению по образу и подобию жидкого тела);
- Res Filiformes (категориальный признак – нитевидность);
- Res Longae Penetrantes (способность предмета благодаря своей длинно-тонкой стабильной форме проникать в другие тела);
- Res Acutae (категориальный признак – колкость);
- Res Rotundae (категориальный признак – способность предмета перемещаться по образу и подобию тела круглой формы) [Борискина 2011].

Седьмой криптокласс Res Planae находится в разработке (категориальный признак – плоский предмет) [Голікова 2014(1)].

В исследовании мы использовали выделенный для каждого криптокласса набор конструкций с целью диагностики способности лексемы *Brexit* замещать позиции в конструкциях-классификаторах. В результате оказалось, что интересующая нас лексема употребляется в корпусе в следующих структурах:

- 1) [a sting of smth] – криптокласс Res Acutae;
- 2) [N thread], [N tie] – криптокласс Res Filiformes;
- 3) [liquid spills] – криптокласс Res Liquidae;
- 4) [a pointed object points to smth] – криптокласс Res Longae Penetrantes;
- 5) [smb. takes (up/out/away) an object], [smb. throws an object] – криптокласс Res Planae;
- 6) [smb. rolls an object], [a ball of smth] криптокласс Res Rotundae.

Сразу отметим, что все примеры употребления *Brexit* в указанных конструкциях датируются 2016 годом, то есть категоризация нового политического феномена происходит по мере роста актуальности события (референдума о выходе Великобритании из состава ЕС): резкий скачок корпусных вхождений слова (546 на конец 2015 и 38045 словоупотреблений только в первой половине 2016 г.) порождает когнитивную активность в постижении новой политической реалии, то есть метафоризацию неологизма.

¹ Новый (запущен в мае 2016 года) проект М. Дэвиса, профессора корпусной лингвистики Университета Бригама Янга (Brigham Young University), США. Корпус обновляется ежедневно и пополняется в среднем на 4 млн слов в день. На настоящий момент корпус содержит около 3 млрд слов.

² Криптокласс определяется как «лексико-грамматическая категория существительного, состоящая в распределении имен по классам в соответствии с семантическими признаками при обязательной выраженности классной принадлежности имени в структуре предложения через классификатор (словоформу или конструкцию) и имеющая соответствие в явной грамматической категории хотя бы одного языка мира» [Кретов 2010].

³ Для каждого выделенного криптокласса определен свой набор конструкций. Частота появлений имени в корпусе с конструкциями данного класса и их (конструкций) разнообразие свидетельствует о значимости лежащего в основании криптокласса семантического признака в процессе категоризации сущности, стоящей за именем. (Об этом подробнее см. [Борискина 2011, с.235]. Имя одновременно может принадлежать нескольким криптоклассам, т.е. ассоциироваться в сознании пользователей языка с несколькими категориальными признаками.

В списке ниже перечислены образы, с которыми английское языковое сознание ассоциирует политическую реалию, обозначаемую словом *Brexit*.

1. *Brexit* – остроконечный предмет, шип.

Of course, the sting of Brexit could be full of other downsides for Ocado.

В этом примере политическое событие, обозначаемое лексемой *Brexit*, уподобляется острому, шиповидному предмету; подчеркивается негативное воздействие *Brexit* на крупнейший британский онлайн-супермаркет.

2. *Brexit* – нитевидный предмет

...while the political future of both the Prime Minister and Chancellor hang by a Brexit thread.

Здесь решение о выходе Великобритании из состава Евросоюза или сохранение членства в экономико-политическом объединении категоризируется как тонкая нить, «связывающая» британского премьер-министра и канцлера казначейства с политическим пространством Соединенного Королевства. Как известно, премьер-министр Великобритании (и, соответственно, его кабинет) сообщили о своей отставке после того, как были обнародованы итоги референдума, в ходе которого сторонники выхода Королевства из состава ЕС одержали победу.

3. *Brexit* – жидкость

Brexit even spilled into other areas of radio - all areas, to be more specific. (a)

I do see that if Brexit happens and spills over to other EU economies. (b)

В данных предложениях уже свершившийся факт – положительное решение о выходе Великобритании из Евросоюза – отождествляется с водной стихией, потоком, вышедшим из берегов. Политическое событие в масштабе страны не только заполнило информационное пространство радиоканалов, нацеленных на политически активную аудиторию, но и стало топ-новостью и на других радиостанциях (пример *a*); кроме того, оно повлияло на экономическую ситуацию в остальных странах – участницах союза (пример *b*).

4. *Brexit* – жесткий предмет вытянутой формы

...after Separation in 1965, says one writer, while two others argue that Brexit points to failings of the one man, one vote system.

Обсуждаемое нами политическое явление отождествляется с предметом вытянутой формы, использующимся для указания на другой предмет.

5. *Brexit* – соизмеримый с рукой предмет, размер которого позволяет манипулировать им.

God knows, commodities have had their issues without Brexit being thrown into the mix. (a)

...the spectacled, non-blond one of the deadly duo who helped take Brexit over the line, then ran to ground, then got their just deserts as (b)

Примеры *a* и *b* иллюстрируют, что *Brexit* воспринимается англоязычным сознанием как небольшой предмет, с которым можно продельвать определенные манипуляции, как-то: подбросить, переместить в пространстве и др.

6. *Brexit*-круглый предмет

The European Parliament appealed for Britain to begin the Brexit ball rolling and invoke the Lisbon Treaty Article 50 as early as tomorrow.

В данном случае *Brexit* уподобляется мячу, шару, который можно привести в движение, в частности, при помощи руки.

Большинство выявленных нами примеров употребляются в корпусе окказионально. В терминах криптоклассного анализа это означает, что проекции *Brexit* в криптоклассах *Res Liquidae*, *Res Filiformes*, *Res Longae Penetrantes*, *Res Acutae*, *Res Rotundae* на данный момент представляют собой еще не востребованный ресурс языковой системы, поскольку слово находится на этапе становления его категориальной принадлежности. Тем не менее, имеет место ситуация преобладания классифицирующих конструкций, в которых *Brexit* выступает в роли агенса, при количественном превосходстве примеров, в базовой структуре которых *Brexit*-пациент¹. Максимальная активность *Brexit* на фоне остальных проекций приходится на криптокласс *Res Parvae*², принадлежность к которому диагностируется преимущественно транзитивными конструкциями [Борискина 2011: 213]. Мы полагаем, что текущая языковая ситуация, в которой *Brexit* осознается в большей степени как нечто самостоятельно существующее, мало контролируемое, способное инициировать часто неприятные действия, будет корректироваться: со временем в языке будут закрепляться объектные структуры с *Brexit*, свидетельствующие о «приручении» нового явления. Так, уже сейчас частота корпусных вхождений *Brexit* в конструкции [*smb. takes (up/out/away) an object*] превышает 2 (>2), что свидетельствует о рекуррентности данного словоупотребления. Кроме того, в корпусе зарегистрированы примеры с *Brexit* в конструкции [*smb. handles an object*]³, семантика которой, во-первых, указывает на пассивность объекта и, во-вторых, подчеркивает то обстоятельство, что воздействие на объект осуществляется при помощи рук.

Germany conflicted on how to handle Brexit.

¹ В целом, сравнение результатов выборки 1000 наиболее частотных метафорических употреблений *Brexit* в объектных и субъектных структурах, не считающимися на данный момент классифицирующими, показало превалирование именно субъектных структур в корпусе.

² Признак «быть соизмеримым с рукой» считается наиболее весомым для языкового сознания англофонов, т.к. он приписывается наибольшему числу исследованных на настоящий момент неперсонифицированных существностей [Борискина 2011: 236].

³ Конструкция не рассматривалась до сих пор как классификатор криптокласса *Res Planae*, но этимология лексемы *handle* прямо указывает на связь действия, обозначаемого лексемой, с рукой.

Представляется, что признак «соизмеримость с рукой» будет укрепляться со временем в языковом сознании, что будет проявляться в расширении сочетательного диапазона *Brexit* с классификаторами криптокласса *Res Planae* по мере освоения обществом новой политической реалии и адаптации к ней. В случае возникновения негативных последствий решения о выходе из состава Евросоюза возможен рост числа словоупотреблений с субъектными классификаторами остальных криптоклассов.

ЛИТЕРАТУРА

- Борискина О. О. Криптоклассные метафоронимы и политическая // Современная политическая лингвистика : тезисы междунар. науч. конф. (Екатеринбург 29.9–6.10) / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2011. – С. 34–36.
- Борискина О. О. Криптоклассы английского языка. Воронеж : Истоки, 2011. – 309с.
- Борискина О. О. Криптоклассные проекции мира непредметных сущностей: опыт криптоклассного анализа словосочетаемости // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. – С. 32–37.
- Голикова О. А. К вопросу о выявлении именного криптокласса «Res Planae» // Вопросы когнитивной лингвистики. М. : Институт языкознания; Тамбов : Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2014. № 1. – С. 46–53.
- Голикова О. А. Криптоклассный анализ как методика исследования метафорики политического дискурса (на материале общественно-политической лексики английского языка) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : мат-лы междунар. науч. конф. / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2014. – С. 57–58.
- Кретов А. А., Титов В. Т. Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2010.

Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова
Екатеринбург, Россия

СОВЕТСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Аннотация. В статье исследуется проблема соотношения реального и фантазийного планов в ментальном пространстве литературной волшебной сказки Л. Лагина «Старик Хоттабыч». Выявляются базовые стереотипы массового сознания советской эпохи, транслируемые в сюжетном и коммуникативно-речевом кодах анализируемого произведения. Идеологемы, представленные в тексте различными вербальными маркерами, интерпретированы в соответствии с фреймовыми presuppositionами: трудовой героизм простых советских людей, служение развитию советской науки, кодекс советских пионеров, отрицательное отношение к частной собственности и эксплуатации человека человеком, противопоставление советского и капиталистического миров, нормы социалистического общежития и культуры общения на основе принципов равенства и демократии. Проведенный анализ демонстрирует техники трансляции советских идеологем в условно-сказочной форме и высвечивает динамику идеологических установок в сознании социума.

Ключевые слова: стереотипы массового сознания, ментальное пространство, идеологема.

T. A. Gridina, N. I. Konovalova
Ekaterinburg, Russia

SOVIET STEREOTYPES IN THE MENTAL SPACE LITERARY FAIRY TALE

Abstract. The article investigates the problem of correlation between the real and the fantasy of plans in the mental space of the literary fairy tale by L. Lagin "The Old Man Hottabych." Identifies the basic stereotypes of the mass consciousness of the Soviet era, broadcast in the scene and communicatively-speech codes of the analyzed product. Ideologem presented in the text of the different verbal markers, interpreted in accordance with the frameset presuppositions: labor heroism of simple Soviet people, serve the development of Soviet science, the code of the Soviet Pioneers, the negative attitude to private property and the exploitation of man by man, the opposition of the Soviet and capitalist worlds, the rules of socialist intercourse and a culture of dialogue based on the principles of equality and democracy. The analysis demonstrates the art of translation in Soviet ideology conditional fabulous form and highlights the dynamics of ideological consciousness in society.

Keywords: stereotypes of mass consciousness, mental space, ideologem.

«У вас очень странная и непонятная для моего разума страна».
Хоттабыч.

Теория ментального пространства связана с выделением стереотипов и индивидуальных представлений о некоем фрагменте действительности и «законах» поведения, обусловленных его внутренней организацией и отражением в сознании социума и личности.

В дискурсе фольклора и художественной литературы существуют свои жанрово обусловленные модели ментальных пространств.

Так, в ментальном пространстве русской волшебной сказки представлены разные параметры «чудесного»: здесь принято летать на ковче-самолете, ездить верхом на сером волке, понимать язык птиц и зверей; легко входить в контакт со сверхъестественными персонажами, такими, как баба Яга, леший и т.п. [Петренко 1997]; в ментальном пространстве фантастических литературных произведений вполне «естественными» выглядят такие параметры «воображаемой реальности» [Ваганова, Гридина 2007], как общение людей с инопланетянами,

телепортация, использование искусственного языка и т.п.

Литературная волшебная сказка моделирует собственное ментальное пространство на основе «аллюзивной трансформации» традиционного жанра.

Одним из ярких примеров такой трансформации является повесть-сказка Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч». В аннотации к одному из изданий данное произведение характеризуется как «веселая повесть-сказка о необычайных приключениях джинна, попавшего из *старинной волшебной сказки* (выделено нами. – Т.Г., Н.К.) в обстановку современного города, о дружбе старика Хоттабыча с пионером Волькой, которому он никак не может «угодить» своим волшебством, потому что его представления о жизни не имеют ничего общего со взглядами школьника» [Лагин 1988 4–5; *Далее все ссылки см. по данному источнику*]. В предисловии от автора также содержатся «разъяснения» и установки, отсылающие к обыгрываемому (содержательно и формально) жанровому прототипу (источнику аллюзий). Это «Тысяча и одна ночь» (конкретно «Сказка о рыбаке», вытянувшем из моря сеть с медным сосудом, в котором был заточен могучий чародей, джинн): «*Этот джинн поклялся осчастливить того, кто выпустит его на волю: обогатить, открыть все сокровища земли, сделать могущественнейшим из людей и, сверх того, выполнить три его желания*». Автор упоминает и о сказке «Волшебная лампа Аладдина», где, как известно, джинн выполняет все желания владельца старой ничем не примечательной лампы, стоит лишь ее потерять. По законам жанра волшебных сказок с подобными сюжетами джинны могли строить в одну секунду роскошные дворцы, наполнять сундуки по самые края золотом и драгоценными камнями, превращать недруга своего повелителя в зверя или гада. «*По понятию джиннов из старинных волшебных сказок и тех, чьи желания они выполняли, – пишет Л. Лагин, – это и было самое полное человеческое счастье, о котором только и можно было мечтать*». Опровержение такого представления о счастье в свете стереотипов советского сознания (мифологем советского образа жизни), проводником которых является «*обыкновенный советский мальчик, каких миллионы в нашей стране*», составляет движущую пружину повести-сказки «Старик Хоттабыч»: «*Сотни и сотни лет прошли с тех пор, как впервые были рассказаны эти сказки, но представления о счастье долго еще связывались, а в капиталистических странах у многих людей и по сей день связываются с сундуками, битком набитыми золотом и брильянтами, с властью над другими людьми. Ну, а что если бы такой джинн да вдруг попал в нашу страну, где совсем другие представления о счастье и справедливости, где власть богачей давно и навсегда уничтожена и где только честный труд приносит человеку счастье, почет и славу?*». Здесь как минимум две идеологемы: все богатства страны принадлежат народу, являются общим достоянием; почитен и знатен лишь человек труда (всего следует добиваться честным трудом). Данная политическая «подоплека», казалось бы, абсолютно не совместимая с «поэтикой» волшебной сказки, однако не помешала успеху книги Л. Лагина, по праву уже многие годы считающейся детским «бестселлером».

Причина этого – остроумно выписанный в «восточном колорите» образ старика Хоттабыча, логика поступков которого, имитирующая поведение сказочного джинна, по сути, нивелирует (сводит к нулю), маскирует идеологическую установку автора. Восприятие догматов советской морали, представленных в виде категоричных сентенций (клишированных формул, отражающих кодекс поведения советского человека), в контексте современной социально-политической жизни нашей страны, получает почти пародийный смысл.

Рассмотрим вербальные (собственно языковые) и/или ситуативные (вербализованные) репрезентанты советских стереотипов, объединяющих реальный (бытовой) и фантазийный (сказочный) нарратив повести Л. Лагина. Эти стереотипы выступают основой организации своеобразных сценарных фреймов – описания «реалий» советской действительности сквозь призму сознания героев [Коновалова 2012]:

1. Фрейм – сценарий «Строительство гигантов советской индустрии» отражает ментальность романтических представлений о героизме простых советских людей, готовых к «суровой борьбе с природой» и жизни в далеких «сибирских просторах» ради укрепления могущества Родины:

«*Если зажмурить глаза, можно вообразить, будто едешь не по Трехпрудному переулку, в котором прожил всю жизнь, а где-то в далеких сибирских просторах, где тебе предстоит в суровых боях с природой водить новый гигант советской индустрии. И, конечно, в первых рядах отличников этой стройки будет <пионер> Волька Косстыльков*» (с. 7).

2. Фрейм «Все на благо советской науке», отражающий представления пионера Вольки о том, что найденный им старинный сосуд содержит клад, который имеет «огромное научное значение», его надо обязательно передать в исторический музей, и об этом напишут во всех газетах. «*В голове его уже успела сложиться заметка, ... он даже придумал для нее название: «Пионер помог науке»*» (с. 10). Этот эпизод демонстрирует, с одной стороны, обычное для любого мальчишки желание совершить какой-то заметный поступок, который сделает его известным (ср. воображаемые Волькой строки заметки в газете: «*Вчера в N-е отделение милиции явился пионер Косстыльков Владимир и вручил дежурному клад из редких старинных золотых вещей, найденный им на дне реки на очень глубоком месте. ... По сведениям из достоверных источников, Косстыльков Владимир – прекрасный ныряльщик*» (с. 10). Заметим, что и хорошая физическая подготовка – немаловажный штрих в характеристике настоящего пионера. С другой стороны, в данном случае актуализирован стереотип, транслирующий представление о том, что любой мальчишка в стране советов может стать участником общего дела на благо Родины, в том числе внести свой посильный вклад в развитие советской науки.

3. Фрейм «Кодекс советского пионера» отражает поведенческие аксиомы, строгое следование которым дает школьнику право называться пионером.

Советский пионер должен хорошо учиться, быть честным во всех своих делах, всего добиваться собственным трудом, помогать товарищам.

Так, возражая против предложения Хоттабыча помочь ему подсказкой на экзамене по географии, Волька выдвигает следующие аргументы, явно транслирующие стереотипные максимы пионерских лозунгов: *«Мы – пионеры принципиально против подсказок. Мы против них организованно боремся»* (с. 13).

Еще один непреложный принцип существования в пионерском сообществе: *«Один за всех и все за одного. Нужно быть лидером в соревновании за лучшие показатели в учебе и во всех общественных делах»*. Так, в результате необъяснимого поведения Вольки, провалившего экзамен из-за подсказки Хоттабыча, его звено, которое *«шло первым по своим показателям»*, теперь было под угрозой перейти в разряд отстающих. Женя Богорад, Волькин друг и *«звеньевой его звена, не на шутку встревожился: «Очень обидно за звено... Все летит кувырком из-за нелепых ответов Костылькова, такого дисциплинированного и сознательного пионера!»* (с. 18).

4. Фрейм «Деньги как средство обогащения», проявляющий отрицательное отношение советских людей к частной собственности и эксплуатации человека человеком.

Данная установка представлена следующими сюжетными коллизиями: Хоттабыч предлагает Вольке обратиться подаренные ему драгоценности в деньги и *«давать их в рост»*. *«Ты с ума сошел! – возмущился Волька. – ... Советский человек – и вдруг ростовщик! Если нашему человеку требуются деньги, он может обратиться в кассу взаимопомощи или занять у товарища, а ростовщик – это ведь кровосос, паразит, мерзкий эксплуататор, вот кто! А эксплуататоров в нашей стране нет и не будет. Баста! Попили нашей крови при капитализме»* (с. 68). И далее, когда расстроенный его отказом Хоттабыч выдвигает новое предложение – открыть собственные лавки во всех концах города, чтобы Волька мог стать «именитым купцом» и уважаемым человеком: *«Да неужели тебе непонятно, что частник – это тот же эксплуататор? Торговлей у нас занимается государство, кооперация...»* (с. 68). Ср. также одну из реплик Вольки по поводу миллионера Ванденталлеса, недавно приехавшего из Америки: *«Мы не любим банкиров и бандитов!»* (с. 88). Этот персонаж охарактеризован автором как *«живое олицетворение торгашеской алчности, готовый на любую подлость, на самое бесчеловечное преступление ради лишней пачки денег, дающей у него на родине и во всем капиталистическом мире власть над людьми»* (с. 91).

5. Фрейм «Противопоставление двух миров: советского и капиталистического», в основе которого лежат представления о непримиримом антагонизме двух политических систем и преимуществах «нашего строя».

Стереотипы такого рода отражены в самих школьных учебниках. Так, Волька помнил *«слово в слово по учебнику»*, что на полуострове Индостан *«расположены две большие страны – Индия и Пакистан, что населяет их добрый, миролюбивый народ со старинной и богатой культурой, что американские и английские империалисты все время нарочно стараются посорить обе эти страны»* (с. 16). Здесь явно актуализирована идеология: «капиталистические страны ведут недружелюбную, агрессивную политику по отношению к миролюбивым развивающимся государствам».

Противопоставление советского строя капиталистическому ярко выражено в эпизоде рассказа Жени Богорада, сосланного Хоттабычем за дерзкое поведение в кинотеатре на остров Бенэм, где его собирались продать в рабство. Вот как передает мальчик свое возмущение в диалоге с работорговцем:

– Я свободный советский человек!

– Тут тебе... не Советский Союз, и ты не свободный человек, а мой раб.

– Лучшие я умру, чем быть рабом.

Комментируя этот эпизод, он с особой гордостью заявляет Вольке: *«Главное, что я не дрогнул, а сразу стал бороться! А еще главное, если бы ты только видел, какие там худющие люди – крестьяне, рабочие! А нищих какая масса! Полны улицы нищих – совсем-совсем голые!!! Даже смотреть на них невозможно: ужас как обидно! Только почему они не борются? Знаешь, если бы я остался так рабом, я бы обязательно организовал там восстание, честное пионерское! Как Спартак, а ты? – (Волька) Ясно! Раз там капиталистический строй, надо бороться!»* (с. 54–55)

Идеологические установки советского человека (*«лучше умереть стоя, чем жить на коленях»*, *«мы – не рабы, рабы – не мы»*), поддерживаемые пропагандой преимуществ советского строя над загнивающим Западом, где существует расовая и классовая дискриминация), представлены как значимые для героев ценности социализма.

6. Фрейм «Советский Союз – демократическая и культурная страна, где каждый заслуживает уважительного отношения».

Ср. реплику официантки в ответ на следующее обращение к ней Хоттабыча:

– А ну, подойди-ка поближе, недостойная прислужница! Мне не нравится, как ты ответила на приказание моего юного друга и повелителя!

– Я Вас не понимаю, гражданин, – вежливо отвечала ему девушка. – Приказания никакого не было. Была просьба, я пошла ее выполнять. Это во-первых, а во-вторых, у нас не принято тыкать. У нас принято обращаться к незнакомым людям на Вы... Это известно любому культурному советскому человеку. ... Это за границей, в капиталистических странах, работники общественного питания вынуждены выслушивать всякие грубости от клиентов. Если есть жалоба, можете вежливо попросить у кассирши жалобную книгу. Жалобная книга выдается по первому требованию ... (с. 32–33). Этот инструмент урегулирования конфликтов и строгого контроля за качеством обслуживания до сих пор сохраняется как реликт советского времени.

7. Фрейм: «В Советском Союзе все принадлежит народу, все равны, здесь нет богатых и бедных, здесь действует лозунг социализма «от каждого по способностям, каждому по труду».

Данная идеология актуализирована в целом ряде эпизодов. Например, когда Хоттабыч в гневе хочет «превратить в пыль все товары и все оборудование ... презренной лавки», называемой павильоном фруктовых и минеральных вод, пионер Волька реагирует на это возмущенной репликой: *«Ты с ума сошел! Ведь это государственное доб-*

ро, старый ты балда!» (с. 35). И далее, когда Хоттабыч решает подарить своему другу дворцы, сделав его самым богатым и могущественным человеком в мире, Волька решительно отвергает эту неприемлемую для него перспективу: «Зачем они мне дались, эти дворцы? Что я – клуб, учреждение какое-нибудь или детский сад? ... Я хотел бы, чтобы ... было написано, что эти дворцы являются собственностью РОНО. Видишь ли, в нашей стране дворцы принадлежат РОНО... Или санаториям» (с. 60–61). Как истинный гражданин, Волька отстаивает идею коллективной собственности как принадлежащей каждому жителю страны в равной степени. И поэтому, независимо от должности, которую занимает человек, ему (наравне со всеми двумястами миллионами жителей страны) «принадлежат все заводы, фабрики, шахты, рудники, железные дороги, земли, воды, горы, лавки, школы, университеты, клубы, дворцы, театры, парки и кино всей страны» (с. 69). В ответ на вопрос Хоттабыча, почему Волька не хочет стать «первым богачом своей страны» (ведь «деньги – это власть, деньги – это слава, деньги – это сколько угодно друзей»), тот отвечает: « Это там, где капиталисты, но не у нас. Кому нужны друзья за деньги, слава за деньги? Какую славу можно приобрести за деньги, а не честным трудом на благо своей Родине? ... Человек, который приносит больше пользы для Родины, зарабатывает у нас больше, чем тот, который приносит меньше пользы» (с. 67–68).

Таким образом, в ментальном пространстве волшебной сказки, написанной Л. И. Лагиным, вполне органично уживаются фантазийный сюжет и реальный контекст эпохи, интерпретированный с присущей писателю комической тональностью, остроумием, колористикой восточного образа главного персонажа, затмевающей морализаторскую подоплеку транслируемых советских стереотипов. Многие «моралите» звучат в свете современных реалий пародийно, что не менее интересно для обнаружения динамики идеологических установок в сознании социума.

ЛИТЕРАТУРА

Ваганова И. Ю., Гридина Т. А. «Описываемое будущее» как модель ментального пространства в художественной фантастике (на материале повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 1. – С. 14–19.

Коновалова Н. И. Этносоциоллингвистика в вузовском курсе преподавания // Уральский филологический вестник. Серия: Психоллингвистика в образовании. 2012. № 5. – С. 120–126.

Лагин Л. И. Старик Хоттабыч. Ташкент, 1988.

Петренко В. Ф. Основы психосемантики. Смоленск, 1997.

А. Н. Гришанина
Санкт-Петербург, Россия

ЛИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:

ИНТЕНТ-АНАЛИЗ ДИАЛОГОВ С ЭКСТРЕМИСТСКИМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы изучения диалогов сетевого пространства с целью выявления экстремистских проявлений, делается попытка классификации поставляемой в медиaprостранство информации, исследуются интенции авторов сообщений, приводятся тенденции размещения информации диалогового характера в социальных сетях.

Ключевые слова: информация, личность, интенции, социальная сеть, сетевое пространство, словесный экстремизм, поведенческие характеристики, агрессия, медиа-агрессия.

A. N. Grishanina
Sankt-Peterburg, Russia

PERSONALITY IN SOCIAL NETWORKS:

INTENT-ANALYSIS OF DIALOGUES WITH EXTREMIST DEMONSTRATIONS

Abstract. In the article are discussed the questions of study dialogues in social networks for the purpose of finding extremist demonstrations, are researched the intention of the authors of posts and trend of placing information with character of dialogue in social networks.

Keywords: information, personality, intention, social networks, verbal extremism, behavioral characteristics, aggression, media aggression.

Сетевая среда как новая информационная технология стала причиной многочисленных изменений. Медиа-среда и новое коммуникационное пространство поддерживают на плаву все современные средства массовой информации. Всемирная паутина для специалиста – «это глобальная совокупность виртуальных коммуникационных возможностей и новая информационная реальность, способная оказывать существенное влияние на механизмы управления восприятием» [Йонас 2004: 117].

Для многих создателей и потребителей СМИ-продукции современное интернет-пространство представляет собой «обиталище» и продукт субъективности. Человек подчиняется всем правилам игры и одновременно бунтует против них в многочисленных высказываниях, так как, с одной стороны, следует символической логике социального и социальному образцу, с другой – оказывает сопротивление новой социализации, проходящей с помощью интернет-приемов. Каждая личность наделена образом «Я», который представляет собой определенную совокупность «учрежденного символическим знанием о нем самом, некие зеркальные отражения и понятие субъективности» [Вульфович, Гимельштейн 2009: 70].

Сетевая среда несет в себе огромную нагрузку социального, она вмещает в себя все привычные современному человеку ритуалы, позволяющие каждому типу субъектности функционировать в ней. В этой среде есть правила и нормы (чаще всего языковые), находящиеся в сложных отношениях с субъектом. В социальных сетях сложился определенный язык общения, в чатах и твиттерах – своя система обмена информацией; примеры можно продолжить такими понятиями, как блог, стена «Вконтакте», форум и т.п. У человека появляется иллюзия выбора: поддержать языковое равновесие, или же сохранить свое «Я» вопреки принятым в данном сообществе правилам. В последнее время исследователи в области психологии отмечают эту тенденцию и говорят о необходимости ее изучения [Сунягин]. Вполне понятно, что не все претензии к нормам и правилам могут быть достаточно обоснованы, более того, они и не всегда осознаются тем, кто оказывается в интернет-контакте.

Поставляемая информация часто предстает перед читателем по различным причинам в искаженном виде. К проблеме искажения информации обращались исследователи на Западе и в России. Широко известны труды Г. Йонаса, Э. Б. Ламбета, С. Дж. Варда, Дж. Мерилла, Д. С. Аврамова, Г. В. Лазутиной, Е. П. Прохорова, Л. Г. Свитич, С. А. Муратова, М. И. Шостак и др. Информация (сведения) – это совокупность языковых высказываний о мире, событиях и о положении дел, об отношении отправителя информации к этим событиям [Горбаневский 2006: 48]. Вся информацию, которую получает аудитория, можно разделить на три вида: качественную, бесполезную, некачественную информацию. Качественная информация правильно отражает действительность и необходима для интерпретации события, процесса и т.д.; некачественная информация – информация, необходимая для интерпретации события, процесса, ситуации, но неправильно отражающая действительность; бесполезная информация – информация, не обязательно необходимая для интерпретации события, процесса принятия конкретного решения. Бесполезная информация в свою очередь подразделяется на информацию, не имеющую отношения к ситуации, и избыточную информацию. Избыточная информация – это сведения сверх необходимой нормы для объективной интерпретации события, процесса. В отличие от информации, не имеющей отношения к событию, ситуации, избыточная информация имеет отношение к интерпретации, но в ней нет необходимости в данный момент. Примерами избыточной информации могут служить ненужная детализация, повторная информация. Негативным результатом использования избыточной информации является потеря времени и отвлечение внимания от главного. Иногда этим пользуются в целях сокрытия главного. К видам некачественной информации относится дезинформация. Под дезинформацией обычно понимается вымышленная или неточная, неполная информация, которая является следствием нарушения журналистской этики. *Качественная информация имеет ценностную природу, поэтому систематизация этических нарушений, доминирующих в медиaprостранстве, и выявление существующих между ними связей может дать развернутое представление об особенностях российских СМИ на современном этапе и обнаружить возможности усовершенствования механизмов актуализации саморегулирования* [Melnik, Misonzhnikov, Grishanina, Teplyashina 2016: 762].

В настоящее время большинство диалогов социальной сети «Вконтакте», в которых можно выявить экстремистские проявления, располагаются на так называемой и всем известной стене. Стена – это часть социальной сети, где люди делятся своими записями, мыслями, делают репосты, выкладывают фотографии и комментируют записи. Стена «Вконтакте» бывает как открытой для просмотра и комментирования другими пользователями, так и защищенной паролем, то есть доступна для ограниченного круга лиц. В случаях запроса на проведение комплексного психолого-лингвистического исследования (экспертизы) информация на стене, как правило, открыта всем, реплики являются источником возникновения диалогов в сети. Основные цели использования стены для сетевой коммуникации – привлечь внимание к какой-либо информации. Пользователи отмечают, что считают стену одним из наиболее эффективных способов начала коммуникации (акта общения), привлечения внимания, зачином для дальнейшего диалога и переписки в закрытом сетевом пространстве. Однако самым фактом размещения информации на стене социальной сети пользователь выражает намерение привлечь внимание читателей (пользователей) к той информации, которая сообщается автором.

Так, типичный пример: в мае этого года пользователем С. К. размещен текст: «Диктатура Эрдогана перевесит власть султана. Уход Ахмета Давутоглу с поста главы правительства дал старт новому этапу в политике Турции». Под словами размещено изображение-фото, предположительно президента Турции Эрдогана, запись быстро собрала 35 комментариев. Автор выражает свое мнение по поводу политической обстановки в Турции, говорит о причастности страны США к событиям в Турции, делает прогнозы действий Соединенных Штатов Америки. Интент-анализ фраз выявляет намерения автора: продемонстрировать свое мнение по поводу конкретного события, сделать собственные выводы и прогнозы. Информация является оценочной, поэтому сквозь призму применения слов, выражений, построения предложений, сделанных ошибок, пользователь, что называется, выдает информацию о себе. Опыт наблюдений и проведения исследований показывает, что, как правило, это люди с активной жизненной позицией, имеющие образование и знания в той области, которую обсуждают, однако часто непонятые в своей среде или же ищущие новых контактов, подтверждения своим мыслям. Иногда процесс «взрослой» социализации проходит у пользователя за счет эпатажного поведения в сети (ирония, сарказм, сексизм, вербальная агрессия).

Коммуникативные сообщения строятся по типу диалогического общения. Диалог – это разговор двух или нескольких лиц, форма речи, состоящая из обмена репликами. Основной единицей диалога является диалогическое единство – смысловое (тематическое) объединение нескольких реплик, представляющее собой обмен мнениями, высказываниями, каждое последующее из которых зависит от предыдущего. В приведенном примере единицей диалога является тема – события в Турции. Прослеживается последовательная связь реплик, образующих диалогическое единство, вопросно-ответная форма предполагает логическое следование от одной темы, затрагиваемой в диалоге, к

другой. Диалогическое единство обеспечивается связью реплик, они узнаются через формулы речевого этикета (слова-обращения к партнеру – Сергей, Владимир); вопрос – ответ, добавление («Сергей, правильно христиан»); повествование (развитие темы событий в Турции и их интерпретация пользователями); распространение информации и добавление дополнительной уточняющей информации – («В Английском я не силен», «ты болен»), согласие – несогласие («да», «пошел ты»). Некоторые реплики участвуют в диалогическом единстве за счет реплик, обнаруживающих реакцию не на предшествующую реплику собеседника, а на общую ситуацию речи: «Сергей, масоны в твоё очко ворвутся скоро, мне кажется. Будь начеку»; «Дмитрий, а кто это...»; «Владимир, у евреев США только одна цель убить Русских любыми путями» (<https://vk.com/nkvd20132013>).

Реплики по своему характеру и составу слов показывают намерения авторов реплик, особенности их личности (активная позиция автора и читателя по поводу появления информации, а также желание быстро вербально отреагировать на нее); конкретную коммуникативно-речевую тактику, общую речевую культуру собеседников, а также степень официальности / неофициальности обстановки (разговорные слова, слова высокого стиля). Анализ диалогов в социальной сети на стене «ВКонтакте» показывает, что авторы реплик рассчитывают не только на тех, кто вступил в переписку-диалог, но и на потенциального читателя, то есть присутствующего, но не принимающего участия в диалоге. Проявляется желание автора публично распространять свои взгляды и идеи, то есть заниматься пропагандой.

Диалог в социальных сетях рассматривается как первичная форма коммуникации, он представляет собой неподготовленный, спонтанный тип речи. Тематика и тональность диалога произвольно меняется в ходе его развертывания, например: тема войны, назначения на должности, оценка действий политиков, личная оценка качеств говорящего, эмоциональная реакция.

Интенции авторов проявляются часто за счет размещения ими изображений-картинок. Эти изображения (фотографии, рисунки, коллажи, лубочные картинки и др.) «гуляют» по страницам различных пользователей, за счет репостов то там, то здесь всплывают в Сети вновь, и каждый автор вкладывает в факт размещения свой смысл. Ему кажется, что он очень точно подметил ситуацию. Многие фрагменты вербальных и невербальных материалов содержат элементы экстремистских проявлений: – направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды либо ненависти, оправдывают или обосновывают их; призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка; пропагандируют нацистскую или сходную с ней до степени смешения символику и атрибутику.

Многие авторы не имеют таких намерений, поэтому бывает сложно определить, в каком случае имеет место словесный экстремизм, а где автор в эмоциональной, агрессивной форме выражает свое оценочное мнение. Так, пользователь М. Д. размещает коллаж на тему известного российского фильма «Белое солнце пустыни». Герой кинокартины Федор Сухов наставляет дуло пулемета на кого-то и спрашивает: «А кто из них умеренный?», рядом сидящий персонаж фильма, кадр которого используется в коллаже, Абдулла отвечает: «Вали всех! Аллах рассудит» (<https://vk.com/nkvd20132013>). Слова «вали всех» могут быть истолкованы как «уничтожай всех с помощью пулемета». Однако в данном контексте коллажа непонятно, насколько реальна или мифологична ситуация, изображенная на картинке, текст может рассматриваться как публичное произведение, где реплики играют роль художественной метафоры.

Таким образом, диалоги в социальных сетях могут быть оценочными, но не всегда далеко безобидными, это зависит от особенностей личности автора. Тенденции размещения информации сводятся к следующему:

- в большинстве случаев медиа-агрессия выражается с помощью такого стилистического приема, как сарказм и ирония, для пользователя это и прием самопрезентации.
- важным средством самовыражения служат иллюстрации, фотографии реальных людей или рисунки, все они дополняются подходящими по смыслу надписями и зачастую несут в себе признаки медиаагрессии;
- материалы часто содержат в себе вербальную, косвенную, инструментальную, внешнюю, медиаагрессию. Читатели таких диалогов часто демонстрируют свою лояльность к подобной форме общения, могут также агрессивно реагировать (заражаться эмоциями).

С большой долей осторожности можно сказать, что сетевая среда мегаполиса выполняет функцию фрейдовского Супер-я: вся социальная материя пространства многократно оборачивается вокруг когнитивных способностей человека, и сетевые средства массовой информации выполняют здесь самую главную роль. Чтобы человек не находил в интернет-новостях – все должно быть им постигнуто через взаимосвязь поколений, стилей, мыслей. Таким образом, не воображаемое (реальное) является продолжением символического, а символическое является продолжением воображаемого. Психологическое различие проявляется в скорости подачи информации, степени доступности ее потребления, смене экрана и тематики, иногда зависит от времени суток, состояния и настроения читателя и других факторов.

С точки зрения восприятия медитекста сетевые произведения (и диалоги тоже) – замкнутая символическая система, несмотря на ее видимую простоту и доступность. Субъект восприятия – читатель – получает информацию через воображаемое. Контекст сетевой среды «избавляет» этого субъекта от необходимости погружаться в реальное. При этом читатель с помощью сетевой информации способен реализовать полученные знания двояко: в качестве ресурса социальной функции (полезность / неполезность данной информации для человека) и в качестве субъекта познания («я ищу то, что мне нужно для жизни», но – «я ищу то, что мне нужно для познания»). Интернет-контакты часто формализуются, социальные сети при всей их видимой индивидуальности делают общение рамочным: появляется минимальная «автономность» субъекта и максимальная конкретная включенность в готовое сообщение. Важный этап восприятия интернет-сообщения – его сопоставление с базовыми установками реципиента. В случае несоответствия возникает диссонанс. Для его устранения личность субъективно приспособляет новый материал к уже имеющимся знаниям и мнениям.

ЛИТЕРАТУРА

- Вульфвич Р. М., Гимельштейн Я. Г. Управляемый город: прошлое, настоящее, будущее. СПб., 2009. – С. 70.
Зудочкина А. А. Блоги как важнейшая медиаформа в составе пользовательских медиа // Вестн. Моск. Ун-та. Серия 10: Журналистика. 2010. № 3. – С. 117
Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М. : Айрис-пресс, 2004.
Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста / под ред. М. В. Горбаневского. М., 2006.
Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики : учебник. 8-е изд., испр. М. : Аспект Пресс, 2011.
Свитич Л. Г. Профессия: журналист : учебник. М. : Аспект Пресс, 2007.
Сунягин Г. Ф. Проект для России. URL: // <http://magazines.rus>.
Melnik G. S., Misonzhnikov B. Y., Grishanina A. N., Teplyashina A. N. Sense Distortions in the Mass Media: their Social Consequences // DOI : 10.3844/ajassp.2016.762.772 American Journal of Applied Sciences Volume 13, Issue 6 Pages 762-772 // American Journal of Applied Sciences, 2016.
Ward S. J. A. The Invention of Journalism Ethics: The Path to Objectivity and Beyond. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2006.

М. И. Девяткова

Екатеринбург, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «СПОРТСМЕН»

(на материале русских креолизованных текстов с образом Владимира Путина)

Аннотация. Настоящая статья посвящена моделированию лингвокультурного типажа «спортсмен» оформляющего образ Владимира Путина в русских креолизованных текстах, а именно карикатурах. Автор приводит понятийные, образные и ценностные характеристики типажа «спортсмен», проанализировав словарные дефиниции, сочетаемость слов, обозначающих данный типаж, и афоризмы о спорте и спортсменах

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, концепт, языковая личность, лингвокультура, креолизованный текст, носитель культуры, лингвокультурология.

М. I. Devyatkova

Ekaterinburg, Russia

LINGUOCULTURAL PERSONALITY TYPE «SPORTSMAN»

(based on russian creolized texts with the image of Viadimir Putin)

Abstract. The paper analyses description of Linguocultural personality type «sportsman» which draws up the image of Vladimir Putin in Russian creolized texts, to be more exact, in caricatures. The author gives conceptual, descriptive and value characteristics of the personality type, having analyzed dictionary definitions, word collocations for this type and aphorisms about sport and sportsmen.

Keywords: linguocultural personality type, concept, linguistic personality, linguistic culture, creolized texts, culture bearer, linguistic cultural studies.

Как отмечает В. И. Карасик: «Важнейшей характеристикой современного языкознания является его антропологическая направленность – ученые изучают язык, общение, коммуникативные ситуации для того, чтобы лучше понять суть человека» [Карасик 2010: 199]. Как известно, язык не существует сам по себе и сам для себя, это явление социальное, неразрывно связанное с носителями языка, одновременно являющимися и носителями культуры. Следовательно, язык не может быть исследован в отрыве от человека, его культуры и быта, ценностных ориентаций, мировоззрения и мировосприятия.

Проблемы взаимосвязи и взаимодействия языка и личности, языка и культуры освещаются в рамках лингвокультурологии, гуманитарной дисциплины, изучающей воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» [Маслова 2001: 29]. Базовыми понятиями категориального аппарата лингвокультурологии являются концепт и языковая личность. Лингвокультурный концепт, содержанием которого является языковая личность, представляет собой в исследовательском плане лингвокультурный типаж (далее ЛТ), или «узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик 2005: 16].

Являясь узнаваемыми образами для представителей определенной лингвокультуры, ЛТ могут быть использованы авторами книг, статей, популярных в настоящее время креолизованных текстов с целью придания тексту большей экспрессивности и информативности, при этом не перегружая его излишними описаниями и пояснениями, напрямую обращаясь к фундаментальным знаниям и жизненному опыту читателей. ЛТ могут служить средством описания личности, характера, моральных качеств и ценностных предпочтений человека.

Настоящая статья посвящена моделированию ЛТ «спортсмен», оформляющего образ Владимира Путина в русских креолизованных текстах, а именно карикатурах.

Моделирование ЛТ осуществляется на основе подхода, предложенного В. И. Карасиком в монографии «Языковая кристаллизация смысла» [Карасик 2010]; по его мнению, лингвокультурный типаж, будучи разновидностью концепта, представляет собой многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются

понятийные, образные и ценностные характеристики.

Обращение к этому типу, несомненно, связано с одним из спортивных увлечений Владимира Путина – дзюдо; в роли дзюдоиста в карикатурах российский президент появляется достаточно часто (рис. 1). Также Владимир Путин предстает в образе боксера (рис. 2), хоккеиста (рис. 3) и культуриста (рис. 4). Во всех, нами исследованных карикатурах, ЛТ «спортсмен» является невербальным компонентом.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Для определения понятийных характеристик ЛТ «спортсмен» приведем словарные дефиниции из толковых словарей С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова. Спортсмен [рцм], -а, м. Человек, занимающийся спортом и владеющий его высокими достижениями. П ж. спортсменка, -и. П прил. спортсменский, -ая, -ое (разг.) [Ожегов 2006: 757]. Толковый словарь Ушакова дает следующее определение лексемы «спортсмен»: а, м. [англ. sportsman]. Человек, систематически занимающийся спортом, или человек, у которого спорт является профессиональным занятием [Ушаков 2013: 647].

Анализ понятийных характеристик ЛТ «спортсмен» позволяет выделить следующие признаки в содержании указанного типажа: 1) человек, 2) занимающийся спортом, 3) систематически, 4) профессионально, 5) владеющий его высокими достижениями.

Для выявления образных характеристик обратимся к русскому национальному корпусу (<http://www.ruscorpora.ru>):

Спорт – это призвание: *Если ты готов на это и если при этом спорт все равно остается для тебя не только тяжелым трудом, но и любимым делом, то ты действительно великий спортсмен* (коллективный. Лучший спортсмен 2012 года // Русский репортер, 2012).

Спортсмена отличает хорошо развитое здоровое тело: *Он носил кличку Спортсмен, был белокур, розовощек, голубоглаз, на голову выше остальных, если не считать Слона* (Мариам Петросян. Дом, в котором..., 2009). *Широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги... Спортсмен. И, говорят, с задатками* (Альберт Валентинов. Разорвать цепь // Техника – молодежи, 1977). *Им кажется, что спортсмен должен быть наделен рельефной мускулатурой* (Сергей Довлатов. Филиал (Записки ведущего), 1988). *Теперь, видя вернувшуюся Нику, Медея на минуту задумалась: молодой человек, собственно говоря, был один на всю округу – спортсмен Валера с железным телом и поповской прической хвостиком* (Людмила Улицкая. Медея и ее дети, 1996). – *Здоровый мужик попался. – Спортсмен, наверно, – отвечает ему хриплый голос* (Коллекция анекдотов: армия, 1970–2000).

Спортсмена отличает крепкое здоровье: *Хвойные ванны я пробовал. Я спортсмен. У меня хорошо тренированное сердце* (Александр Терехов. Каменный мост, 1997–2008). *Наши Саши добрый и закаленный, потому что спортсмен* (Татьяна Савельева. О всяческой пользе пылесосов, 1997 // Столица, 1997.12.22].

Спортсмены вызывают восхищение: *И вроде бы не лезет спортсмен из шкуры вон, а видеть его во время атаки одно загляденье*. (Леонов из команды Моисеева, или Впереди большой хоккей // Студенческий меридиан, 1985).

Спортсмены соблюдают специальную диету: *И скажите им, что это вы съели. Вы ведь спортсмен, вам нужны калории. А то они не кормят меня совсем* (Андрей Геласимов. Рахиль, 2004 // Октябрь, 2003). *Как спортсмен, он разбирался в диетологии* (Лариса Ванеева. Горькое врачество // Октябрь, 2002).

У спортсмена нет вредных привычек: – *Я не курю. – Он спортсмен. – Это ненадолго* (Андрей Рубанов. Носки, 2010). *Парни горько вздохнули. Хорошо ему – он некурящий, спортсмен чертов...* (Николай Рубан. Тельняшка для киборга, 2003 // Боевое искусство планеты, 2003.10.18).

Спортсменам чужды человеческие слабости: *Хорошо натренированный, психологически подготовленный спортсмен кажется монолитом, лишенным слабостей* (Юрий Нагибин. Моя золотая теща, 1994).

Без тренировок и надлежащего режима спортсмены очень быстро теряют форму: *И любой спортсмен зна-*

ет: сколько бы ты мышцу ни качал, но если ты год не тренируешься, то все исчезает (Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди (1984–1989)). *Сорокалетний бизнесмен, спортсмен, пылуший энергией и здоровьем, в тюрьме получил тяжелое сердечное заболевание, перенес инсульт и стал инвалидом 2-й группы* (Анна Полянская. Кафкианский процесс в новой России, 2003 // Вестник США, 2003.06.25).

Спортсменам свойственно устанавливать все новые и новые рекорды: *Французский спортсмен, живущий в Намибии, Себастьян Каттелан поставил рекорд скорости в кайтсерфинге* (Обобщенный. Кунсткамера // Наука и жизнь, 2009). *Ямайский спортсмен бьет рекорд за рекордом, легко завоевывая титулы и звания* (Во всем мире // Знание-сила, 2013).

Главная цель каждого спортсмена – победа на Олимпийских играх: *Стать победителем Олимпийских игр мечтает каждый спортсмен* (Евгений Гик. Курьезы Олимпийских игр // Наука и жизнь, 2008).

Любое жульничество негативно сказывается на репутации и достижениях спортсмена: *Занявший третье место в марафоне греческий спортсмен был с позором лишен награды: выяснилось, что часть дистанции он проехал на телеге* (Евгений Гик. Курьезы Олимпийских игр // Наука и жизнь, 2008). *Американский спринтер Бен Джонсон вошел в историю как первый спортсмен, лишившийся из-за допинга золотой олимпийской медали (Сеул-1988)* (Е. Гик, Е. Гупало. Спорт и допинг // Наука и жизнь, 2008).

Для достижения результата спортсмену необходимо много и усердно трудиться: *Вообще, чтобы стабильно попадать в цель, спортсмен должен довести до автоматизма каждое движение* (Борис Руденко. Возвращение Робин Гуда // Наука и жизнь, 2008). *Спортсмен корректирует свои тактико-технические возможности и вес, работая на скакалках, выполняя бой с тенью* (Игорь Нистратов. Методика предсоревновательной подготовки в кикбоксинге, 2003 // Боевое искусство планеты, 2003.12.08).

На пути к своей цели спортсмена не остановят никакие преграды: *Спортсмен напоминает локомотив. Если вы стоите на рельсах, переедет, даже не заметив* (Дмитрий Медведев. Запад – Восток, 2004 // Боевое искусство планеты, 2004.12.09).

Спортсменам свойственны такие качества, как смелость, упорство и целеустремленность: *– Я сдаваться раньше времени не привык. – Спортсмен? – усмехнулся я* (Александра Маринина. Черный список, 1995). *Марафон же рвался вперед, как некий спортсмен, как некий сверхчеловек* (Юрий Мамлеев. Американские рассказы / Новое рождение, 1975–1999). *Замечательный спортсмен – целеустремленный, умный, профессионал до мозга костей* (Александр Мельник. Интервью: Герман Тильке, 2001 // Формула, 2001.04.15). *Молодой, еще нестабильный, еще птенец, еще (как бы он не любил это слово) материал, но достойный материал, настоящий спортсмен, сильный, с интересными программами, со своим пониманием фигурного катания* (Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище, 1984–2001). *«Тетюхин очень упорный спортсмен, мастер своего дела* [Коллективный. Лучший спортсмен 2012 года // Русский репортер, 2012]. *Во-первых, спортсмен должен стремиться к результатам, а я хотел играть в высшей лиге* (Каждый раз все начинаю сначала, 2003 // Марийская правда (Йошкар-Ола), 2003.01.14).

Самовоспитание – залог успеха спортсмена: *Сначала спортсмен должен одержать победу над собой* (Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище, 1984–2001). *Каждый спортсмен обязан справляться с собой исключительно сам* (Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище, 1984–2001).

Спортсмена отличают сверхспособности: *Спортсмен бежит, выдыхается, и тут у него включаются дополнительные резервы, позволяющие ему бежать дальше* (Соня Бекина, Петр Тюшкевич. Мужская работа на свежем воздухе // Русский репортер, № 15 (143), 22–29 апреля 2010, 2010). *– Два экипажа ППС за ним гнались – не могли догнать, – с уже знакомым нам восхищением говорит оперативник уголовного розыска Алексей Шашков. – Спортсмен, что ли? – уточняю я у Макса* (Дмитрий Виноградов. Глазами мента // Русский репортер, № 14 (93), 16–23 апреля 2009, 2009].

Спортсменам свойственна прямота в действиях и суждениях: *Как всякий спортсмен, Честфилд оказался бездарным лицедеем и не смог скрыть своего скептицизма* (Илья Бояшов. Путь Мури, 2007).

Спортсменам свойственна активность не только в профессиональной деятельности, но и в жизни: *Со слов Ольги Львовны, Максимилиан Сергеевич был неудержим, неукротим, ему не сиделось на месте, дальние дороги звали его, по духу своему он был великий спортсмен...* (Сергей Лебедев. С крестом – на линии огня // Наука и религия, 2007).

Спортсменам свойственна суеверность: *Так спортсмен из суеверия не меняет стоптанные кроссовки, принесшие первые рекорды* (Семен Данилюк. Бизнес-класс, 2003).

Спортсменам свойственно самолюбование: *Тот же учится, причем спортсмен, гириями играет, в зеркало глядится, все мышцы смотрит, напряживает...* (Артем Анфиногенов. А внизу была земля, 1982).

Спортсмены нуждаются в наставниках: *Любой спортсмен обречен на неудачу без хорошего наставника* (Корэш – борьба для настоящих мужчин, 2003 // Марийская правда (Йошкар-Ола), 2003.01.01).

Понятие «спортсмен» само по себе является положительным качеством человека: *Красавчик, отличник, спортсмен и к тому же командир отряда* (Путешествие на свободу, 2002 // Домовой, 2002.04.04). *Он у меня спортсмен и вообще хороший парень* (Карен Шахназаров. Курьер, 1986). *Павел был не только отличник, но и спортсмен* (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // Волга, 2010).

Рассмотрев образные характеристики ЛТ «спортсмен», мы отметили преимущество положительных высказываний о спортсменах. В представлении носителей русской лингвокультуры человек, именуемый спортсменом, обладает крепким здоровьем, хорошей формой, ежедневно тренируется и тщательно следит за собой. Кроме физических данных спортсменов отмечается их целеустремленность, упорство, трудолюбие, непрерывная работа над собой и отсутствие вредных привычек. Также для многих спортсменов характерны самолюбование и суеверия.

Графический образ спортсмена Владимира Путина полностью соответствует образным характеристикам ЛТ «спортсмен», российский президент обычно изображается подтянутым и сильным (рис. 5), серьезным и бескомпромиссным (рис. 6).

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Карикатура на рисунке 7 подтверждает тот факт, что спортсменам свойственно самолюбование. Карикатура изображает Барака Обаму и Владимира Путина, держащих в своих руках кривую рейтинга (rating) и одетых в спортивную форму с символикой своих государств. Барак Обама представлен хилым спортсменом, из последних сил отрывающим кривую рейтинга от земли, в то время как Владимир Путин без каких-либо усилий держит одной рукой эту же самую кривую над своей головой. В качестве вербального компонента карикатуры приведен текст: «Хочешь большой политической славы? Будь верным народу! Тогда будешь правым!» Автор данного креолизованного текста делает акцент именно на «большой политической славе» Владимира Путина, как наиболее желаемом результате профессиональной деятельности политика. Поднятая над головой кривая рейтинга только подчеркивает возрастающую популярность российского президента.

В данной карикатуре мы наблюдаем автосемантические отношения между ее вербальным и невербальным компонентами, свидетельствующие о том, что основная идея текста эксплицируется в вербальном компоненте, а изобразительный компонент лишь расширяет, углубляет его содержание [Анисимова 1992: 74–75]. Основная идея текста – это идея достижения славы, о которой мечтают все общественные деятели, будь то политики, спортсмены, поэты, певцы и т.д. Владимир Путин изображается человеком, добившимся популярности и явно знающим об этом. И если спортсмен любит свою физическую форму, то здесь наблюдается упоение успешностью своей собственной карьеры.

Нельзя сразу однозначно сказать, какие коннотации несет в себе рассматриваемая карикатура: положительные или отрицательные, так как отношение к славе неоднозначно.

Концепт «слава» был детально проанализирован В. И. Карасиком в его монографии «Языковая кристаллизация смысла» [Карасик 2010: 165–188]. Обратившись к данным национального корпуса русского языка, В. И. Карасик заметил, что сочетаемость лексических единиц, обозначающих славу, характеризует не только образные, но и понятийные и ценностные признаки данного концепта [Карасик 2010: 172]. Анализ образных характеристик концепта «слава» показал, что это ментальное образование имеет три разных ипостаси: слава героическая, божественная и обиходная. В рассмотренных В. И. Карасиком оценочных суждениях акцент делается на негативных сторонах славы. В развернутом виде эти суждения представляют собой сочетание двух оценок: «Слава приятна человеку» и «слава приносит вред человеку», при этом первое суждение составляет presupposition для второго. Стоит обратить внимание на то, что оценочные суждения имеют дело с обиходной славой и популярностью, вероятно, героическая слава не нуждается в обосновании, она самоочевидна. Суждения, в которых идет речь о репутации, подчеркивают ценность доброго имени и необходимость усилий по его сохранению, из чего вытекает

печальная констатация о склонности людей легко терять свою репутацию. В заключение В. И. Карасик отмечает, что для русской лингвокультуры актуальна идея о возможном вреде, который популярность наносит душе человека, и вытекающее отсюда требование держать под контролем стремление к славе [Там же: 188].

Хотя идея о вреде популярности прослеживается в оценочных суждениях, рассмотренных В. И. Карасиком, мы все же склонны считать, что в настоящее время популярность и слава воспринимаются обществом положительно. Главной причиной таких изменений в национальном самосознании О. А. Дмитриева называет тот факт, что ценности обладают такими качествами, как относительность и подвижность, то есть способностью переоцениваться и переходить из одного уровня в другой [Дмитриева 2006: 34]. Именно поэтому сегодня даже дурная слава лучше, чем ее отсутствие.

Автор карикатуры на рисунке 7 не только положительно оценивает популярность российского президента, изображая его как успешного спортсмена, рейтинг которого стремительно идет вверх, но еще и дает совет, как добиться этой *большой политической славы*. Здесь автор креолизованного текста поддерживает мысль, отмеченную в оценочных суждениях, о важности доброго имени и необходимости сохранения репутации, рекомендуя политикам *быть верными народу*. Из всего вышесказанного можем сделать вывод, что креолизованный текст на рисунке 7 несет в себе положительные коннотации, призывая политиков быть сильными, успешными, верными своему слову и делу.

Как утверждает В. И. Карасик: «Будучи абстрактным ментальным образованием, лингвокультурный типаж представляет собой в исследовательском отношении разновидность концепта. Это концепт, содержанием которого является типизируемая личность» [Карасик 2002: 243]. Если обратиться к синонимике имен ЛТ «спортсмен», то можно заметить, что практически все слова (борец, гимнаст, боксер, тяжеловес, каратист, футболист, дзюдоист, рекордсмен и т.д.), приведенные в Полном словаре синонимов русского языка (<http://словарь-синонимов.рф>), объединяются под общим значением «человек, занимающийся спортом», а это означает, что типизируемая личность «спортсмен» является содержанием концепта «спорт». Концепт «спорт», так же как и смежные концепты «здоровье», «виды спорта», «игра», «физкультура» и др. входят в концептосферу «здоровый образ жизни», и это, в свою очередь, дает нам основания полагать, что для выведения ценностных характеристик ЛТ «спортсмен» мы можем проанализировать оценочные суждения о спорте и здоровом образе жизни.

Поскольку слова «спортсмен» и «спорт» в русском языке появились только в середине XIX века [Шапошников 2010: 367], они не успели закрепиться в паремиологическом фонде языка, вследствие чего, мы не нашли ни одной пословицы или поговорки, содержащих лексику спортсмен или концепт «спорт». Однако в афористиче-ском концепт «спорт» и смежные с ним концепты все же нашли свое отражение.

Проанализировав русские афоризмы, мы выделили следующие ценностные характеристики ЛТ «спортсмен»:

Спорт становится самым популярным видом деятельности: *Спорт становится любимым предметом размышления и скоро станет единственным методом мышления* (В. Ключевский).

Спорт необходим личности для духовного роста: *Надо непременно встряхивать себя физически, чтобы быть здоровым нравственно* (Л. Н. Толстой).

Занятия спортом необходимы для гармоничного развития личности: *Физическое образование ребенка есть база для всего остального. Без правильного применения гигиены в развитии ребенка, без правильно поставленной физкультуры и спорта мы никогда не получим здорового поколения* (А. Луначарский). *Спорт формирует культуру оптимизма, культуру бодрости* (А. Луначарский). *В массовом развитии физической культуры и спорта я вижу один из лучших вариантов в битве за здоровье человека, его творческую активность и долголетие* (П. Анохин).

Занятия спортом гарантируют здоровую и долгую жизнь: *Любите гимнастику, она даст вам хорошее физическое развитие и здоровье, бодрость духа! В этом вам порукой мои 90 лет!* (Н. Морозов). *Важнейшим условием, повышающим работу памяти, является здоровое состояние нервов, для чего необходимы физические упражнения* (К. Ушинский). *Для сохранения здоровья, а наипаче для предупреждения нормальных болезней нет ничего лучше упражнений телесных или движений* (М. Мудрое).

Человек должен развивать себя не только умственно, но и физически: *При усидчивой умственной работе без движения и телесного труда – хуже горе* (Л. Толстой).

Высокий интеллект необходим для занятий спортом: *Если вовремя не тренировать мозги, вся нагрузка придется на мышцы* (М. Мамчич). *Быстрее. Выше. Сильнее. Умнее* (Е. Ермолова).

Занятия спортом связаны с тратами больших сумм денег впустую: *Горнолыжный спорт – скоростной спуск денег* (Коммерсантъ – Деньги).

Необязательно заниматься спортом ради получения наград: *В науке, как и в спорте, важно участие, а не результат* (Р. Тумановский).

Игнорирование спорта – признак праздного образа жизни: *Если в 30, 40 и даже 50 лет не занимаются физкультурой, то это предрассудок, унаследованный от былых времен, когда праздная жизнь считалась идеалом благополучия* (В. Гориневский).

Даже достигнув определенных результатов, спортсмен должен постоянно тренироваться: *Плохой боец хвастается, средний – учит, а хороший – работает* (Г. Агацарский). *Я стараюсь жить, как живут обычные люди. Как только боец посчитает себя великим, он проиграет* (Ф. Емельяненко).

Главным желанием профессионального спортсмена должно быть достижение высоких результатов: *Кто не мечтает быть чемпионом мира, тот навсегда останется чемпионом мимо* (Л. Сухоруков). *Раз уж победа – не главное, то пусть дураки и принимают участие* (М. Мамчич).

Спортсменами движет желание соревноваться и непременно быть лучше других: *Спортсмены – такие же люди, как и все, только больше ненавидят успехи друг друга* (М. Мамчич). *В спорте никто не хочет быть вто-*

рым, в любви – третьим (Я. Джангирова). В основе спорта – праздный интерес ценителей неповторимых схваток (Г. Александров).

Для достижения результатов спортсмену мало одной удачи: В спорте, как и в казино, выиграть случайно очень трудно (Г. Александров).

Рассмотрев ценностные характеристики ЛТ «спортсмен», мы пришли к следующим выводам: у носителей русской лингвокультуры к спорту и спортсменам сформировалось определенно положительное отношение, даже русские классики отмечают необходимость спорта для духовного роста и гармоничного развития личности. Спортсменам приписываются такие качества, как трудолюбие, смелость, упорство, постоянная работа над собой, а также алчность и тщеславие. Здесь мы отмечаем корреляцию образных и ценностных характеристик рассматриваемого ЛТ.

Мы проанализировали русские карикатуры, где в качестве невербального компонента выступает образ Владимира Путина в роли спортсмена. Таким образом, авторы вышеупомянутых карикатур использовали ЛТ «спортсмен» как средство описания характера и моральных качеств российского президента не только как личности, но и как политика.

Смоделировав ЛТ «спортсмен», мы декодировали информацию, заключенную в карикатурах следующим образом:

1. Авторы русских карикатур представляют Владимира Путина, как человека, систематически занимающегося спортом.

2. В представлении авторов русских креолизованных текстов российский президент является целеустремленным, трудолюбивым, бескомпромиссным политиком, которому не свойственны человеческие слабости в виде вредных привычек, но присуще самолюбование.

3. Носители русской лингвокультуры в целом положительно оценивают спортивные увлечения Владимира Путина, связывая их с его успехами в профессиональной деятельности. Авторы русских карикатур, изображая российского президента сильным и успешным спортсменом, называя его капитаном, показывают положительное отношение к его политической деятельности и принимаемым решениям как внутри страны, так и на мировой арене.

ЛИТЕРАТУРА

Дмитриева О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века : автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. – 24 с.

Карасик В. И. Коммуникативный типаж как предмет лингвистического изучения // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Волгоград, 2004.

Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград : Парадигма, 2010.

Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж : сб. науч. тр. / Парадигма, 2005. – 310 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2005.

Коровина А. Ю. Лингвокультурный типаж «английский сноб» // Известия ВГПУ. 2008.

Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

Мурзинова И. А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: Постановка проблемы // Филологические науки/ Вестник ВолГУ. Серия 9. Вып. 7. 2008–2009.

Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

Полный словарь русских синонимов. URL: <http://словарь-синонимов.рф>.

Русский национальный корпус. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Селиверстова Л. П. Лингвокультурный типаж «звезда Голливуда»: ценностная составляющая // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2006. Вып. 5. – С. 174–177.

Толковый словарь современного русского языка, Д. Н. Ушаков. М. : Аделант, 2013. – 800 с.

Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. Т. 2. М. : Флинта: Наука, 2010. – 576 с.

В. П. Джигоева

Владикавказ, Республика Северная Осетия–Алания

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА СПИКЕРА ПАРЛАМЕНТА РЮО А. И. БИБИЛОВА (на материале текстов интервью и пресс-конференций)

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день теме изучения особенностей политического дискурса как государств, так и отдельных политиков. Цель проведения настоящего исследования – рассмотреть такие аспекты речевого портрета спикера парламента РЮО А. И. Бибилова в сфере политической коммуникации, как уверенность в собственной позиции, яркое личностное начало, твердость и солидаризация с гражданами страны, передаваемые в речи благодаря применению тактики постановки вопросов. В процессе анализа эмпирического материала используются такие методы, как контекстуальный, дискурсивный, семантико-когнитивный и концептологический анализ. В предлагаемой статье анализируются лингвистические средства, реализующиеся в текстах интервью и пресс-конференций и рассматривается стратегия ведения диалога – интервью – реализуемая при помощи тактики постановки вопросов.

В результате проведенного анализа автор выделил особенности индивидуального стиля А. И. Бибилова – применения приема постановки вопросов. Особенности употребления А. И. Бибиловым тактики постановки вопросов показывают, что их выбор зависит не только от конкретной коммуникативной ситуации, но и от личности и мотива говорящего.

Ключевые слова: интервью, пресс-конференция, каскад вопросов, речевой портрет, коммуникативная стратегия.

V. P. Jioeva

Vladikavkaz Republic of North Ossetia-Alania

SOME ASPECTS OF VERBAL PORTRAIT OF THE SPEAKER OF THE PARLIAMENT OF THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA ANATOLY BIBILOV (based on materiel of interviews and press conferences)

Abstract. The paper focuses on a very problematic issue of studying the political discourse of new states as well as politicians individually. The aim of carrying out the current investigation is to consider such aspects of verbal portrait of the speaker of the parliament of the Republic of South Ossetia Anatoly Bibilov in the sphere of political communication as firmness, confidence in his position, bright personality and identifying himself with ordinary citizens. In the article under study we analyze the linguistic means in the politician's speeches used in interviews and press conferences. In the framework of the present article strategy of carrying on a dialogue-interview is dealt with. The strategy mentioned is realized by means of tactics of statement of questions.

As a result of the undertaken analysis, we can emphasize the peculiarities of individual style of Anatoly Bibilov- tactics of statement of questions. The choice of types of questions depends on communicative situation as well as personality and motivation of the speaker. Questions reveal the most significant elements of speech and are characteristic traits of his verbal portrait.

Keywords: interview, press conference, a number of questions, verbal portrait, communicative strategy.

При характеристике политического дискурса в его различных формах следует учитывать цель, которую ставит политик в своем публичном выступлении. Цели коммуникации соотносятся с реализацией языковых функций. Повышенный интерес современной лингвистической науки к исследованию речи, появление новой отрасли языкознания – речеведения, развитие прагматики, риторики обусловили рост популярности исследований отдельных жанровых форм (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицка, В. В. Дементьев, А. К. Долинин, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелева).

Цель проведения исследования – рассмотреть такие аспекты речевого портрета спикера парламента РЮО А. И. Бибилова в сфере политической коммуникации, как уверенность в собственной позиции, яркое личностное начало, твердость и солидаризация с гражданами страны. Они реализуются благодаря применению различных коммуникативных стратегий и тактик. В данном случае рассматривается тактика постановки вопросов. В предлагаемой статье анализируются лингвистические средства, реализующиеся в текстах интервью и пресс-конференций. В процессе анализа эмпирического материала используются такие методы, как контекстуальный, дискурсивный, семантико-когнитивный и концептологический анализ.

Любая лингвистическая единица в тексте СМИ может иметь определенную мотивацию. Нами выделяются основные языковые ресурсы, обеспечивающие реализацию основной функции политической коммуникации – функции воздействия, исследуется влияние конкретной коммуникативной ситуации политического интервью на выбор и реализацию конкретной коммуникативной стратегии.

Методологической основой данного исследования является идея реализации наиболее адекватного подхода к прагматическому изучению языка в рассмотрении различных языковых и речевых явлений – антропоцентрического. В данном случае все может изучаться с позиций говорящего человека (лексикон, коммуникативные стратегии и тактики).

Политический дискурс имеет определенное жанровое своеобразие. Наиболее частотной событийной жанровой формой во всех видах политического дискурса является интервью. В исследовании А. К. Михальской выявлена специфика политического интервью как речевого жанра [Михальская 2000]. Исследователь отмечает, что политическое интервью – это высококонвенциональный (социально «условный»), публичный речевой жанр с жестким распределением речевых ролей непосредственных участников, в котором журналист раскрывает или стремится раскрыть значимые для общества черты политика, в том числе и «опасные», тогда как последний, отвечая на вопросы журналиста, стремится убедить общество в своей «востребованности» [Михальская 2000: 86].

В последнее время наблюдается экспансия диалогических форм в сфере публицистики [Колокольцева 2001: 13; Попова 2002: 15]. Это касается и политического дискурса.

Диалогические дискурсы представляют собой весьма сложные образования, в рамках которых переплетаются разноаспектные лингвистические и экстралингвистические факторы. Виды диалогов выделяются исследователями с разных позиций. Так, для С. А. Сухих при классификации диалогических дискурсов ведущей является макроинтенция коммуникантов, на основе которой он выделяет аффилиционный диалог, диалог-интервью, интерпретационный и инструментальный [Сухих 1998: 15]. В классификации Н. Д. Арутюновой типы диалогических дискурсов выделяются в соответствии с основными целями общения [Арутюнова 1992: 52–53].

При обсуждении вопроса о проведении референдума по вхождению Южной Осетии в состав РФ спикер заявляет, что в республике есть силы, которым невыгодно вхождение по непонятным причинам. А. И. Бибилов высказывает свое отношение к позиции этих политиков, используя прием постановки вопроса, на который сам дает ответ. Этот прием помогает более продуктивным способом убедить слушателей в своей правоте:

Абсолютно четко мы понимаем, что того времени, которое осталось до июля, не хватает. Почему? Потому что некоторые политические силы уже определились, что не хотят входить в состав РФ [www.parliamentsofso.org].

Используя тактику постановки вопросов, А. И. Бибилов демонстрирует несостоятельность многих представителей политических движений и акцентирует внимание слушателей на важной для него информации. Выступая от имени всех депутатов парламента, А. И. Бибилов пытается выяснить, почему определенные товарищи против присоединения к РФ, если РФ является единственным гарантом безопасности народа Южной Осетии:

Но мы все прекрасно понимаем, что это будет трагедией для нашего народа и не будет будущего для наших детей. Ведь у многих из тех, кто говорит об этом, все нормально в России, у них есть дома, их дети учатся в России, и все великолепно. А другим, простым людям, куда деться? Где им искать свою безопасность? [www.parliamentsofso.org].

Кроме того, А. И. Бибиловым используется прием постановки риторических вопросов, играющий контактоустанавливающую роль. Оратор рассуждает о том, что могло стать причиной разногласий между ветвями власти в республике:

Что же получается? Противоречия между исполнительной властью и партией большинства? Получается, другие партии – это исполнительная власть? Почему мы не хотим иметь профессиональный парламент? [http://www.ekhokavkaza.mobi].

В рамках проекта «Открытое правительство» в пресс-центре Госкомитета информации и печати прошла очередная пресс-конференция. Поводом к пресс-конференции послужила первая годовщина работы Парламента шестого созыва. Подчеркивая значимость происходящих процессов, являющихся результатом проводимой в Парламенте политики, оратор использует тактику постановки вопросов:

Если исполнительной власти позволено быть представленной в Парламенте, то почему не быть представленной и в третьей ветви власти – судебной? Исполнительная, законодательная и судебная ветви власти абсолютно независимы друг от друга. И этот принцип нарушается <...> Какие могут быть сдержки и противовесы, если в двух структурах работают одни и те же люди? [www.parliamentsofso.org].

Председатель Парламента пояснил ситуацию с резонансным вопросом касательно Верховного суда Республики. По его словам, в принятии каких-либо законов многие усматривают интерес Парламента. В ответ на обвинения в превышении полномочий и во вмешательстве в деятельность Верховного суда председатель Парламента употреблением вопросительного предложения с модальным глаголом демонстрирует дистанцирование от проблемы:

Как я могу поменять всех судей, если их представляет на рассмотрение в Парламент Президент? В данном случае, касаясь Верховного суда, это процедурный момент, который, кстати, имел место и в России [www.parliamentsofso.org].

А. И. Бибилов заметил, что в Верховном суде есть коллегии – по уголовным, военным, гражданским делам. Оратор дистанцируется от фактов административной деятельности суда:

Если бы эти коллегии были постоянные, тогда проблем нет. Но эти коллегии не постоянны <...> Эти судьи не наделены полномочиями, чтобы рассматривать экономические дела. Кто их наделал полномочиями? Полномочиями наделяет их Парламент по представлению Президента. И поэтому странно, когда обычные процедурные моменты вызывают непонятную реакцию [www.parliamentsofso.org].

На этой же пресс-конференции обсуждался Закон о Парламенте. Спикер объявил о необходимости решить вопрос «Правительственного часа» в Парламенте, где можно заслушивать деятельность министерств и ведомств. В законе «О Правительстве» написано, что правительство отчитывается в год один раз и отчет делает глава правительства. Спикер выражает отрицательное отношение к нежеланию представлять отчет о проделанной министерством работе. Перед нами целая цепочка вопросов, что усиливает эффект сказанного:

То есть министр сам не обязан отчитываться. Но как может отчитываться, к примеру, глава Правительства или его заместитель за министерство? Ведь работу и специфику министерства лучшие всех знает министр. И зачем ставить в неудобное положение главу Правительства или его заместителя, в случае, если ему зададут конкретные вопросы? [www.parliamentsofso.org].

Спикер Парламента Южной Осетии Анатолий Бибилов в прямом эфире ГТРК «ИР» говорит о работе над договором с Россией по вопросу воссоединения с Россией. В своей речи председатель парламента обвиняет правительство в нагнетании атмосферы в политической жизни республики. Вопросы способствуют выделению наиболее важных элементов выступления и предназначаются сотрудникам аппарата правительства:

Не пора ли нам оставить в прошлом политические баталии, и взяться за дело? Ведь можно же внести изменения, точнее, расширить интеграционную составляющую по линии Генпрокуратуры, МЧС, других силовых структур? [www.parliamentsofso.org].

Говорил югоосетинский спикер и о создании Конституционного Суда, подчеркивая, что это один из важнейших факторов формирования сбалансированной, стабильной, внутренне не противоречивой правовой системы:

Нам говорят, что у нас нет специалистов по конституционному праву. Так в чем проблема? Мы ведь можем пригласить их из России, а за это время, мы можем отобрать лучших среди выпускников юридического факультета, и отправить их на учебу, где они станут высококлассными специалистами [www.parliamentsofso.org].

Вопросы, вклинивающиеся в выступления Бибилова, вызывают эффект неожиданности, привлекающий внимание слушателей. Анатолий Бибилов также развеял слухи о перспективах сокращений в силовых структурах республики. Тактикой постановки вопросов он пытается обвинить своих политических оппонентов в подрыве его авторитета:

Зачем распространять все эти негативные, не имеющие под собой основания слухи? Говорить о том, что пойдут массовые увольнения, по меньшей мере, это неправильно [www.parliamentsof.org].

К вопросу о предстоящих президентских выборах в интервью спикера Парламента Южной Осетии Анатолия Бибилова "Nog Uasamonga.ru". Дейктическое слово «у нас» указывает на единение с народом. Таким образом оратор дистанцируется от лиц, приходящих к власти нечестными методами:

У нас привыкли к тому, что главное – вовремя и с нужными людьми договориться, сосредоточившими в своих руках административные и финансовые ресурсы. Так у нас что, народ – это предмет для торга? [http://noguasamonga.ru/].

В эксклюзивном интервью КАВПОЛИТу журналист задает А. И. Бибилову вопрос о возможности того, что причиной вотума недоверия главе МИД республики Д. Санагоеву, который выразили депутаты фракции «Единая Осетия», могли стать личные счета спикера с Д. Санагоевым. Каскад вопросов выбран А. И. Бибиловым как самый надежный аргумент доказательства своей непричастности к инициированию вотума недоверия:

Для того чтобы сводить какие-то личные счета с Санагоевым, эти счета должны быть. Поэтому, когда я слышу такую версию, я спрашиваю: личные счета в чем? Он мне дорогу перешел? Или в 2014 году он оказал мне на выборах сопротивление, лишил меня голосов? Я не вижу этих личных счетов [http://kavpolit.com/].

«Народная партия» Республики Южная Осетия заявила, что решение выразить недоверие Санагоеву принято, несмотря на отсутствие письменно сформулированных оснований и без учета предложений остальных партий парламента. Анатолий Бибилов при помощи каскада вопросов ставит слушателя в тупик, реализуя манипуляционную стратегию, лишая возможности сомневаться в правильности и достоверности сказанного им:

Как же они не представлены? Они сказаны на сессии парламента, отражены в протоколах заседания парламента. Кто и что еще должен кому сказать? [http://kavpolit.com/].

В интервью "Nog Uasamonga.ru" председателя парламента Республики Южная Осетия Анатолия Бибилова попросили высказать свое мнение по вопросу о военных учениях с участием НАТО В Грузии. Для демонстрации важности обсуждаемого вопроса, а также принципиальности и твердости своей позиции оратор применяет прием постановки вопросов. Примечательно употребление как вопросов, обращенных к третьему лицу, так и вопроса – обращения к властям Грузии:

Хотя на всех уровнях власти там идут разговоры о том, что мы должны вести диалог друг с другом. О каком общении может идти речь, если они позволяют себе такие вещи? Вы проводите учения, значит, вы к чему-то готовитесь. К войне готовитесь? [http://noguasamonga.ru/].

На вопрос о заявлении «Народной Партии» о необходимости проведения референдума (эта партия является флагманом борьбы за сохранение в Южной Осетии статуса-кво для всего политического класса) Бибилов отвечает очень категорично. В своей речи председатель парламента обвиняет членов партии в том, что те раньше выступали против референдума, инициатором проведения которого стали депутаты политической партии «Единая Осетия». Нагромождение вопросов служит эффективным способом убеждения слушателей, базирующемся на реально существующих фактах:

Для меня это был настоящий сюрприз. Еще вчера они были категорически против <...> а сегодня вдруг провозглашают молниеносное движение вперед, к вхождению. Слава Богу, что они стали прислушиваться к своим согражданам. Тогда возникает вопрос – а что же мы говорим про референдум, если у нас была возможность максимально интегрироваться в РФ, где нам бы оставалось юридически оформить наши отношения с Россией, что же они тогда против были? Что же случилось, что изменилось в их приоритетах? Вывод тут может быть только один – это популизм. А если эти ребята так горячо выступают за референдум о вхождении, то где же они были, когда наша партия предлагала это сделать еще летом прошлого года, одновременно с выборами в Парламент? [http://noguasamonga.ru/].

Результаты исследования лингвостилистических средств, который использует в своих речах А. И. Бибилов, позволили выделить особенности его индивидуального стиля – применения приема постановки вопросов. Вопросы способствуют выделению наиболее важных элементов выступления и относятся к характерным чертам его речевого портрета. В рамках данной статьи мы рассматриваем стратегию ведения диалога – интервью [С. А. Сухих 1998], реализуемую при помощи тактики постановки вопросов. На наш взгляд, ее применение позволяет сохранять и поддерживать атмосферу открытого диалога политических деятелей с представителями народа в прямом эфире, а также в интервью для средств массовой информации. Эта тактика благотворно влияет на сознание массовой аудитории, способствует укреплению положительного имиджа политика и может стать мощным средством манипулирования сознанием.

Особенности употребления А. И. Бибиловым тактики постановки вопросов показывают, что их выбор зависит не только от конкретной коммуникативной ситуации, но и от личности и мотива говорящего.

1. Так, уверенность в собственной позиции и твердость, базирующиеся на таком коммуникативном качестве речи, как логичность эксплицируются в речи А. И. Бибилова:

- Употреблением вопросов, обращенных к третьему лицу, вопроса-обращения и безличных вопросительных предложений. Адресатами в данном случае являются политические оппоненты и власти Грузии, а мотивом – реализовать стратегию обвинения: «Зачем распространять все эти негативные, не имеющие под собой основания слухи?», «О каком общении может идти речь, если они позволяют себе такие вещи?», «К войне готовитесь?».

- Использованием вопросительно-риторических предложений (адресат – политические противники); вопросительно-утвердительных предложений и вопросительно-побудительных предложений (адресат – представители исполнительной власти); вопросительно-отрицательных предложений (адресат – журналист); вопросительно-

риторических предложений (адресат – политические оппоненты, в данном случае, «Народная партия» Республики Южная Осетия). Таким образом, реализуется стратегия аргументации: «Так в чем проблема?», «Он мне дорогу перешел?».

- Применением вопросительно-отрицательных предложений (адресат – министры). Цель – дискредитировать политических оппонентов – министров: «Но как может отчитываться, к примеру, глава Правительства или его заместитель за министерство?».

- Вопросительно-отрицательными предложениями (адресат – политические противники); собственно-вопросительными предложениями (адресат – журналисты). Оратор дистанцируется от проблем: «Кто их наделал полномочиями?».

2. Солидаризация с гражданами республики, заключающаяся в демонстрации единения политика и его адресата, а также в стремлении политика быть понятным всем гражданам, передается в речевом портрете А. И. Бибилова комплексом различных моделей вопросительных предложений: собственно-вопросительных предложений (адресат – журналисты); вопросительно-риторических предложений (адресат – журналисты); вопросительно-отрицательных предложений (адресат – кандидаты в президенты); вопросительно-побудительных предложений (адресат – члены правительства): «Так у нас что, народ – это предмет для торга?».

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М. : Наука, 1992. – С. 52–63.

Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград : Изд-во Волгоград. ун-та, 2001. – 260 с.

Михальская А. К. Политическое интервью как речевой жанр // Риторическая культура в современном обществе : тезисы IV междунар. конф. по риторике (Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 26–28 января 2000 г.). М., 2000. – С. 67–69.

Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2004.

Попова Т. И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб. : Изд-во СПбУ, 2002. – 220 с.

Сухих С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1998. – 42 с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. – 386 с.

<http://noguasamonga.ru/>.

<http://kavpolit.com/>.

www.parliamentsof.org.

Е. В. Дзюба, А. П. Чудинов
Екатеринбург, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (по материалам журнала «Политическая лингвистика» за 2006–2016 гг.)

Аннотация. В статье освещаются концепции выделения основных направлений современной политической коммуникации. На материале научных статей периодического издания «Политическая лингвистика» (Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет) за последние десять лет (2006–2016 гг.) выявляются наиболее актуальные направления отечественных исследований по вопросам политической коммуникации и политической лингвистики – в частности. Выделяются следующие направления: лингвосомиотическое, понимаемое в широком и узком смысле, когнитивное и когнитивно-дискурсивное, риторическое и структурно-семантическое, психологическое и психолингвистическое, а также социолингвистическое. Указываются публикации, затрагивающие вопросы общей теории и методологии политической лингвистики, и единичные работы, выполненные в русле логического направления, корпусной лингвистики и лингвосинергетики.

Отмечается условность подобного разграничения направлений политической лингвистики, подчеркивается интегрированный характер многих исследований, в центре внимания которых находится политический дискурс.

Ключевые слова: отечественные исследования политического дискурса, направления современной политической лингвистики.

E. V. Dzyuba, A. P. Chudinov
Ekaterinburg, Russia

URGENT LINES OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN POLITICAL COMMUNICATION (based on the materials published in *Political Linguistics* during 2006–2016)

Abstract. The article highlights the conceptions of distinguishing basic lines of development of the modern political communication. The most urgent lines of development of domestic research of the problems of political communication and political linguistics in particular are revealed on the materials of scientific publications in the periodical *Political Linguistics* (Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University) over the last decade (2006–2016). The following lines of development have been singled out: linguo-semiotic research defined in the narrow and broad sense, cognitive and linguo-discursive studies, and rhetoric, structural-semantic, psychological and psycho-linguistic and socio-linguistic approaches. The article enumerates publications touching upon questions of

general theory and methodology of political linguistics and separate works written in keeping with logic studies, corpus linguistics and linguo-synergetics.

The article notes the conventional character of such delimitation of the lines of development of political linguistics and highlights the integrated nature of many researches with a focus on political discourse.

Keywords: domestic research of political discourse, lines of development of modern political linguistics.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102)

За последние годы политическая лингвистика получила статус самостоятельной научной дисциплины, которая, безусловно, уже обрела свои традиции, сформировала собственную теорию, методологию и специфический методологический инструментарий, актуальный для анализа политического дискурса. История развития данного направления позволяет говорить и об уже сложившихся и лишь формирующихся отдельных направлениях политической коммуникации, выявлению которых посвящена данная статья.

Рассматривая вопрос о существующих подходах к изучению политической коммуникации в целом и политической лингвистики в частности, целесообразно вспомнить об описанных американским ученым Робертом Крейгом семи сложившихся междисциплинарных традиций в развитии теории коммуникации. Среди них специалист по коммуникативистике выделил следующие:

1) риторическую, предполагающую использование наиболее эффективных способов речевого взаимодействия (разговора), соответствующего требованиям убедительности и практичности;

2) семиотическую, изучающую проблемы поиска общих знаковых систем для успешной презентации и передачи значений в процессе коммуникации;

3) феноменологическую, представляющую диалог как «проживание иного опыта» (при таком подходе коммуникация «объясняет взаимосвязь тождества и различий в доверительных человеческих отношениях» и совершенствует коммуникативные практики, которые помогают преодолеть личные цели и стратегии, являющиеся барьером на пути непосредственного ощущения себя и другого, и которые делают возможным сохранять установившиеся доверительные отношения [Крейг 2003: 96–98]);

4) кибернетическую, согласно которой коммуникация рассматривается как *процесс обработки информации*, что позволяет объяснить, каким образом все виды сложных систем (живых или неживых, макро или микро) способны функционировать и почему часто возникают функциональные нарушения; при этом кибернетика культивирует практический подход, который принимает во внимание сложность проблем коммуникации и подвергает сомнению многие привычные положения о различиях между человеческими и нечеловеческими системами обработки информации» [Крейг 2003: 99–100];

5) социопсихологическую, изучающую социо- и индивидуальные особенности передачи сообщений и реагирования человека на сообщения с целью предусмотреть эффективное воздействие на причины поведения в разных коммуникативных ситуациях, предвидеть и контролировать результаты коммуникативного поведения;

6) социокультурную, разрабатывающую такие коммуникативные практики, которые принимают во внимание культурное разнообразие и культурную относительность участников общения;

7) критическую, или дискурсивно-рефлексивную, предполагающую не односторонний, но диалектический подход к осмыслению коммуникации (ср.: «Для теоретиков критического направления локальные практики и эмпирические результаты коммуникации не могут приниматься за чистую монету, но должны оцениваться в свете рефлексивного анализа искажающих воздействий власти и идеологии в обществе» [Крейг 2003: 108]).

Значительная часть выделенных Р. Крейгом традиций весьма актуальна и при анализе современной отечественной политической коммуникации. Нельзя, однако, пренебречь исследованием другого американского специалиста Р. Мидоу, который ранее выделил шесть фундаментальных подходов к изучению собственно политической коммуникации:

1) системный, предполагающий выявление взаимосвязи между элементами политкоммуникации;

2) лингвистический, направленный на изучение сложившегося в области политики специфического языка, часто недоступного обыкновенному гражданину;

3) символический, ставящий во главу угла систему политических символов, манипуляция которыми определяет политический статус субъектов коммуникации;

4) функциональный, рассматривающий основные функции политической коммуникации, прежде всего – функции обеспечения социальной стабильности и социализации;

5) организационный, уделяющий внимание распределению информационных потоков между структурными элементами политической системы;

6) «экологический», рассматривающий влияние политической коммуникации на другие виды коммуникации и на общество в целом [см. подробнее: Meadow 1980, Пименов 2014].

Современные исследователи подчеркивают, что в отечественной науке сложилось как минимум два крупных направления изучения политической коммуникации. Первый – информационный, предполагающий традиционное рассмотрение чаще одностороннего процесса производства и трансляции информации независимо от политического контекста, исторического периода, характеристик субъектов коммуникации и т.п. (собственно коммуникативный подход). Второй – социальный, предполагающий субъектно-объектные интеракционные отношения, реализующиеся линейно (между коммуникатором и реципиентом) или нелинейно (коммуника-

тор – реципиент – ситуация общения) [см. подробнее: Пименов 2014].

Некоторые исследователи, однако, выделяют ряд более частных научных направлений политической коммуникации. М. Г. Гаврилова предлагает рассматривать следующие:

- лингвистическое направление, обобщающее исследование риторических, понятийных, семантических, лингвостилистических, логико-лингвистических аспектов политической коммуникации, а также теорию речевого воздействия, теорию управления истиной, лингвоидеологический анализ;
- психологическое направление, изучающее психологические составляющие массовой коммуникации (мотивация, психологические типы личности, психобиография, лидерство и др.);
- когнитивное направление, включающее теорию и практику когнитивного (в частности – метафорического) моделирования политического мира и концептуального анализа лингвоментальных феноменов, репрезентирующих систему знаний и представлений о политической реальности;
- психолингвистическое направление, объединяющее психосемантические, фоносемантические и иные исследования, основанные на методах психолингвистического эксперимента, психолингвистической экспертизы и др.;
- дискурсивно-нарративное направление, сосредоточившееся на основе теории критического дискурса анализа политической коммуникации;
- политологическое направление, нацеленное на изучение коммуникативной концепции политики, системы коммуникаций и информационных потоков в области политики и под.;
- социологическое направление политической коммуникации [см. подробнее: Гаврилова 2008].

Очевидно, что актуализация того или иного аспекта научной проблематики способствует формированию особых, специфичных для него подходов. Так, Э. В. Будаев и А. П. Чудинов, сосредоточив внимание на изучении концептуальной метафоры в политическом дискурсе, подчеркнули актуальность таких направлений политической метафорологии:

1) когнитивное, рассматривающее политическую метафору как (основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [Будаев, Чудинов 2007: 40];

2) риторическое (семантико-стилистическое, лингвопрагматическое), оценивающее метафору как языковое средство, которое выполняет эстетическую и прагматическую (воздействующую) функции (исследователи подчеркивают, что «риторическое направление в изучении политических метафор, с одной стороны, относится к числу несомненных источников, послуживших основой для возникновения теории концептуальной политической метафоры. С другой стороны, риторическое направление до настоящего времени выступает как своего рода «конкурент» теории и практики исследования политических метафор «по Лакоффу». Как показывает представленный обзор, параллельное развитие двух названных направлений приводит к их взаимному обогащению и даже конвергенции [Будаев, Чудинов 2007: 61]);

3) комплексное, предполагающее совмещение методов изучения политической метафоры (когнитивного или риторического) с методами иных дисциплин: психолингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, теории дискурса, сопоставительной лингвистики, сравнительно-историческим языкознанием, корпусной лингвистики и др. [см. подробнее: Будаев, Чудинов 2007: 61 – 78].

Анализ публикаций в журнале «Политическая лингвистика» за последние десять лет (2006 – 2016 гг.) позволяет утверждать, что в отечественной политической коммуникативистике популярны следующие направления: лингвосомиотическое, когнитивное, когнитивно-дискурсивное, риторическое, лингвокультурологическое, психолингвистическое, социолингвистическое.

В рамках лингвосомиотического направления изучаются многообразные связи языка и других знаковых систем. Данное направление трактуется современными исследователями двойственно. В широком понимании оно предполагает рассмотрение связи языка с определенными фрагментами реальной действительности. Политический дискурс как сложная семиотическая система, в которой лингвокогнитивные структуры «коррелируют со всем семиотическим пространством политической коммуникации» (Э. В. Будаев), изучается Э. В. Будаевым, А. Д. Васильевым, В. А. Лукиным, И. Ф. Янушкевич и другими лингвистами.

Особое место в ряду исследований, посвященных лингвосомиотическому анализу политического дискурса, занимают работы, направленные на рассмотрение дикодовых (креолизованных) или поликодowych текстов политического содержания. Это работы таких исследователей, как К. А. Богданов, М. А. Бойко, Н. В. Дрожащих, М. Б. Ворошилова, С. В. Иванова, М. А. Конова, Г. Г. Королева, Т. С. Магера, Л. А. Мардиева, Д. Р. Нуриева, Л. Н. Попов, Р. Т. Садуов, О. О. Сподарец, С. А. Тихонова, М. Ю. Федосюк, Е. В. Шустрова и др.

В узком понимании лингвосомиотический подход представляет собой направление, изучающее связь языкового знака с другими знаками или знаковыми системами, которые в разной степени, но имеют «символический вес» (Ч. Элдер и Р. Кобб). Речь идет о таких семиотических феноменах, которые являются значимыми в сложившейся системе ценностей или антиценностей, которые «находят эмоциональный (позитивный или негативный) отклик со стороны определенной общности людей» [Шейгал 2000].

Область актуальных для политической жизни ценностей (и/или антиценностей) заполняют *вербализованные политические символы, мифологемы, идеологемы, стереотипы, политически маркированные цветообозначения, политические прецедентные феномены* (вероятно, этот список может быть дополнен, например, политическими лингвокультурными типажам и подобными феноменами). Так, на страницах журнала «Политическая лингвистика» за последние десять лет появились статьи, посвященные лингвосомиотическому анализу *вербализованных политических символов* (М. Н. Володина, М. Б. Ворошилова, В. И. Карасик, И. В. Кирилова, В. С. Мартыанова и др.); *политических мифологем* (Е. Г. Брунова, А. Г. Квят, Н. В. Немирова, Е. А. Нахимова,

Д. Ю. Полинченко, Н. П. Попова, О. А. Фадеева и др.); *идеологем* (Л. В. Вдовиченко, Н. А. Купина, Е. Г. Малышева, Е. А. Нахимова, Г. А. Осипов, М. А. Степанова и др.); *политически маркированных цветообозначений* (Р. Д. Керимов, А. М. Никифорова); *политически значимых архетипических образов* (К. В. Трошина, Е. В. Шустрова); *политически маркированных прецедентных феноменов* (М. С. Алексеева, Л. В. Балашова, О. С. Боярских, Э. В. Будаев и А. П. Чудинов, Л. В. Быкова, О. А. Ворожцова, Н. Н. Воропаев, М. Б. Ворошилова, Л. И. Гришаева, И. П. Зырянова, С. В. Елисеева, М. И. Косарев, С. Л. Кушнерук, О. А. Леонтович, В. С. Мартынов, Е. А. Нахимова, Н. В. Немирова, Е. Н. Орехова, Е. Б. Плаксина, М. В. Плотникова, И. С. Полякова, В. В. Сидорова, О. В. Спиридовский, С. С. Чистова, Н. А. Шабалина, Э. Н. Шумская и др.); *политических стереотипов* (Н. В. Вагенляйтнер, Е. С. Гриценко, Л. И. Гришаева, Ю. А. Завьялова, О. Р. Жерновая, Е. Е. Коптякова, Е. Г. Малышева, О. Г. Орлова, М. А. Семкин, А. С. Соловьева и др.).

Однако нельзя утверждать, что эти два подхода: широкий и узкий – существуют изолированно, конечно, они взаимообусловлены. Исследование Е. И. Шейгал отчетливо демонстрирует эту взаимосвязь. Автор работы «Семиотика политического дискурса» [Шейгал 2000] останавливает взгляд на категории адресно-адресатных отношений в политической коммуникации, отмечая актуальность семиотических оппозиций «народ – власть», «свои – чужие» (в другой терминологии: «друг – враг»), и показывает, как эта семиотическая оппозиция репрезентируется на уровне идеологем, политических терминов, инвектив, пейоративов, этнонимов, антропонимов и других языковых единиц.

Когнитивное направление политической лингвистики обобщает исследования, которые направлены на изучение *когнитивных моделей и концептуальной метафоры* (А. П. Чудинов, Е. Е. Аникин, О. В. Антипина, Н. В. Багичева, Л. В. Балашова, К. А. Богданов, Э. В. Будаев, Т. Ю. Быкова, Л. Е. Веснина, М. В. Гаврилова, А. С. Зотова, Е. В. Иванова, А. А. Исакова, Е. Б. Каган, М. Ю. Калыгина, А. Ю. Каспарова, Р. Д. Керимов, И. М. Кобозева, С. Я. Колтышева, О. Н. Кондратьева, Н. А. Красильникова, П. В. Кропотухина, Д. С. Малокова, Е. К. Мохова, И. О. Окунева, Е. В. Пикалова, И. А. Русова, Л. М. Салатова, О. Г. Скворцов, О. А. Солопова, Т. В. Таратынова, М. Х. Хасуева, А. А. Шипицына, Е. В. Шустрова и др.); *отдельных концептов или их разновидностей (фреймов, сценариев и т.д.)*, *концептуальных полей, языковой и концептуальной картин мира* (К. И. Белоусов, Д. В. Гусев, Е. В. Дзюба, Н. Л. Зелянская, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Т. С. Катлишина, В. В. Колесов, И. В. Коноваленко, Т. А. Краснова, А. Г. Кудрвцева, М. Л. Кусова, Н. В. Логинов, Е. Г. Малышева, М. С. Онищенко, Н. В. Пестова, Е. А. Пименов, М. В. Пименова, А. В. Плотникова, И. П. Рябкова, М. А. Семкин, Е. В. Сергеева, Ю. А. Соловьева, О. А. Степаненко, Е. В. Терехова, А. В. Хренова, Т. А. Шабанова, Д. В. Шапочкин, Т. И. Шутова и др.); *лексико-грамматических и семантических категорий, актуальных для политического дискурса*: *категорий оценки* (А. А. Карамова, Т. И. Краснова, А. А. Шипицына), *модуса* (О. Н. Копытов), *модальности* (Е. А. Бородавкина, О. Н. Морозова, Е. А. Топтыгина), *посессивности* (А. П. Ушакова), *побудительности* (Н. В. урова), *идеологического субъекта* (Т. И. Краснова), *политкорректности* (В. Н. Базылев, Т. В. Романова), *социальной ответственности* (М. В. Терских), *оппозиции «свой – чужой»* и др. (А. А. Алексеева, Л. В. Балашова, К. А. Богданов, О. В. Борщева, Е. Г. Брунова, А. Д. Васильев, М. В. Гаврилова, С. В. Иванова, А. У. Качмазова, А. Г. Квят, Е. В. Кишина, Е. А. Кожемякин, В. И. Коньков, Е. Е. Коптякова, О. М. Коробкова, Н. А. Красильникова, Е. Г. Малышева, М. Надель-Червиньска, М. В. Никифорова, Д. Р. Нуриева, Д. В. Питолин, С. А. Приходько, Р. Т. Садуов, Л. Н. Синельникова, Т. Г. Скребцова, Т. Ю. Тамерьян, З. З. Чанышева и др.). Когнитивное направление реализуется также в некоторых работах, предлагающих развивать теорию и практику изучения глубинных смысловых структур (криптоклассов) с опорой на новый для реализации данной методики материал – политический дискурс (В. Н. Базылев, О. О. Борискина).

Когнитивно-дискурсивное направление, теоретически и методологически связанное с предыдущим, предполагает рассмотрение *общих вопросов истории и теории критического дискурс-анализа* (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, А. А. Бушев, О. М. Моргун и др.), описание *типологических свойств политического дискурса*, принципиально отличающего его, например, от научного или художественного (А. П. Чудинов), выявление *типов общественно-политического дискурса* (С. А. Дондо), определение *места политического дискурса в ряду текстовых миров* (С. Л. Кушнерук), выявление *специфики разновидностей политического дискурса: национальных политических дискурсов* разных исторических периодов (В. Н. Базылев, Э. В. Будаев, Н. А. Завьялова, Ю. А. Завьялова, Р. Д. Керимов, О. Н. Кондратьева, Н. А. Красильникова, Д. В. Питолин, О. А. Солопова, К. В. Филенко, Д. В. Шапочкин, Е. В. Шустрова и др.), *межнационального* (Ю. А. Антонова, А. А. Бушев, Т. М. Пермьякова, Н. В. Руженцева и др.), *дипломатического* (Т. А. Волкова), *институционального* (чаще – *президентского*: О. В. Альтман, Е. В. Шустрова, В. Кириченко, Р. Т. Садуов, А. П. Седых, Е. А. Слободенюк, О. В. Спиридовский, а также – *парламентского*: А. В. Алферова, С. А. Громыко, И. А. Зюбина, Е. Ю. Кустова, М. В. Лесняк, Г. Г. Матвеева, Г. Е. Попова и др.), *неинституционального* (А. Б. Бушев, Е. А. Исакова, Н. А. Красильникова), *новостного* (И. В. Бавлканов, Е. Н. Ермолаева, С. В. Иванова, Д. А. Малышева, О. О. Сподарец), *военного* (В. М. Амиров, Т. С. Вершинина, М. Ю. Илюшкина, Н. А. Красильникова), *опозиционного* (А. Б. Бушев, Ю. П. Денисов), *рекламного и PR-дискурса* (Е. А. Нечаева, М. В. Терских).

Определенное место среди публикаций по политической лингвистике занимают работы, посвященные изучению лингвокультурных особенностей политических дискурсов разных стран (С. В. Иванова, Н. А. Купина, И. Г. Милевич, И. П. Рябкова, О. В. Спиридовский и др.). Эти исследования представляют лингвокультурологическое направление, статус которого признается далеко не всеми учеными. Полемика, посвященная вопросам изучения этнокультурной специфики языка (в том числе политического) и мышления, также освещается на страницах журнала «Политическая лингвистика». На дискуссию, начавшуюся, пожалуй, со статьи Патрика Серию, обратили особое внимание Е. Е. Аникин и А. П. Чудинов [Аникин, Чудинов 2011]). Швейцарский ученый подчерк-

нул неправомерность свойственных теории Анны Вежбицкой универсализма (описание универсального естественного метаязыка через семантические примитивы) и релятивизма (признание того, что язык влияет на национальную ментальность и картину мира), указал на поиски национальной языковой картины мира и на выявление следов национального характера в языке как на необоснованную подмену объекта лингвистических исследований вообще, ср.: «Если из разговоров на террасе кафе мы узнаем, что все шотландцы скупы, а все корсиканцы ленивы, – прекратим ли мы когда-нибудь использовать лингвистику в качестве доказательства для наших фантазий, которые на самом деле должны быть предметом изучения психоанализа?» [Серио 2011: 39].

Апогея критика теории лингвистической относительности достигла в работах А. В. Павловой и М. В. Безродного [Павлова 2009, 2012; Павлова, Безродный 2011], которые выдвинули против изучения национальной специфики языка и мышления и существования феномена языковой картины мира следующие положения: 1) лингвокультурология как наука, изучающая специфику в частности русской лингвокультуры, создана взамен утраченной национальной идеи в постсоветском пространстве, эта наука имеет четкий политический заказ – объединить на основании русской национальной идеи народ, проживающий на территории России [Павлова 2012: 15–16], а теория лингвистической относительности является благодатной почвой для подобного рода исследований, поэтому «Сепир – Уорф попросту заменили Маркса – Энгельса» [Павлова, Безродный 2011: 13]; 2) язык, носителем которого является человек, ни в коей мере не детерминирует его мышление [Павлова 2012: 6]; 3) язык не может отражать национальный характер, национальную ментальность, потому что таковых у народа не существует [см. подробнее: Павлова 2009]; 4) понятие языковой картины мира бессмысленно: «Эта «языковая картина мира» столь размыта, туманна и неопределенна, что вряд ли стоит о ней вообще говорить» [Павлова 2012: 9]. Наивысшей точкой отрицания в работах А. В. Павловой становится, пожалуй, следующее заявление (которое, впрочем, весьма второстепенно относится собственно к лингвистике): «Существует ли вообще единая русская культура? Не миф ли она?» [Павлова 2012: 13].

На статьи А. В. Павловой и М. В. Безродного особенно остро отреагировали отечественные ученые В. В. Дементьев [Дементьев 2012], М. М. Руссо [Руссо 2014], А. Д. Шмелев [Шмелев 2011]. М. М. Руссо, во-первых, опроверг обвинение российских языковедов в «лингвонарциссизме», демонстрируя с потрясающей лингвистической эрудицией широту исследований зарубежных коллег, которые на материале разных языков изучают лингвоментальные феномены как факты национальной лингвокультуры. М. М. Руссо с опорой на мнения таких отечественных исследователей, как Ю. Д. Апресян, А. А. Леонтьев, З. Д. Попова и И. А. Стернин и др., отмечает наиболее актуальные направления изучения языковой картины мира (семантическое, психолингвистическое, лингвокогнитивное); справедливо подчеркивает отсутствие прямой и абсолютной зависимости языка и мышления; отмечает отсутствие тождественности понятия языковой картины мира и ментального образа мира, который имеется в сознании человека (концептуальная картина мира); приводит собственное определение языковой картины мира, под которой понимается «специфическая для данного языка структура лексико-семантических полей и значений слов». Исходя из данного понимания языковой картины мира, М. М. Руссо предлагает черпать факты для построения лингвистических концепций только из следующих областей: 1) структура лексических систем; 2) полисемия и коннотация, 3) метафорическая сочетаемость; 4) мотивации при словообразовании («внутренняя форма»); 5) категоризация объектов, находящая отражение в языке в виде систем именных согласовательных классов и именных классификаторов. С опорой на единицы перечисленных областей М. М. Руссо на материале разных языков приводит многочисленные примеры их несовпадений, что доказывает правомерность рассмотрения вопроса об этнокультурной специфике понятия *языковая картина мира* [см. подробнее: Руссо 2014].

Остро и иронично ответил на критику А. В. Павловой и М. В. Безродного представитель Новомосковской семантической школы А. Д. Шмелев, который привел следующие аргументы против обвинений отечественных лингвистов в лингвонарциссизме. А. Д. Шмелев указывает, что его оппоненты опираются на весьма сомнительные источники – публицистические, часто дилетантские размышления, «не принадлежащие ни к каким научным школам» исследования и «давно защищенные и благополучно забытые всеми кандидатские диссертации». Представитель московской лингвистической школы иронически замечает, что, если следовать логике А. В. Павловой и М. В. Безродного, то в лингвонарциссизме можно обвинить и «фонетиста, который упивается звучностью русских слов, и специалиста по словообразованию, который любит богатством словообразовательных возможностей русского языка, и синтаксиста, который приходит в восторг по поводу гибкого русского синтаксиса» [Шмелев 2011: 22]. А. Д. Шмелев подчеркивает, что Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, А. Вежбицку и других «неогумбольдтианцев» вряд ли можно обвинить в лингвонарциссизме, так как объектом их исследований является отнюдь не родной язык [Шмелев 2011: 24]. Исследователь указывает на то, что доказательная база его оппонентов часто строится на приеме подмены тезисов (так, понятие о языковой картине мира подменяется понятием о национальном характере, который в силу своей нелингвистической природы не может являться объектом языкознания) [см. подробнее: Шмелев 2011: 25–33].

Однако отчасти с критикой западноевропейских коллег можно согласиться. В. В. Дементьев указал, что для современных лингвистических исследований характерна чрезмерная оценочность, доведенная до абсолютизации, ср.: «Абсолютизация применительно к языку или речи одного свойства – неизбежно в ущерб другим свойствам – представляется ... опасным явлением. Именно абсолютизация ... наносит сокрушительный удар по самой сути научного подхода, превращая все остальное в слабо внутренне дифференцированный континуум; соответственно страдает теория, методика, терминология» [Дементьев 2012: 14].

Иными словами, лингвокультурологи (в частности – отечественные) из критических замечаний, высказанных А. В. Павловой и М. В. Безродным, должны вынести массу полезных уроков. Во-первых, в лингвистике

существует две тенденции: к описанию и к объяснению. Когнитивный подход к изучению языка предполагает именно стремление к объяснению генезиса того или иного выявленного лингвоментального феномена. Авторы многочисленных исследований, посвященных выявлению национальной специфики языковой картины мира, стремятся именно к объяснению языковых фактов, что в определенной степени обуславливает, возможно, значительную степень гипотетичности выводов. А. В. Павлова замечает, что для реконструкции особенностей национального языкового сознания, отраженных в языке, нужно вскрывать этимологические корни, подтверждать концепции большим числом лингвистических фактов, но не опираться на 2–3 примера для оформления выводов об уникальных чертах национального характера. В этом исследователь, несомненно, прав, как и прав в том, что в последнее время лингвокультурология и лингвоконцептология были в чем-то дискредитированы именно из-за обилия, вероятно, случайных и неглубоких исследовательских работ, созданных в угоду научной моде.

Во-вторых, выбранный исследователем узкий объект лингвистического описания и выводы о его специфике не должны доводиться до абсолютизации, предопределяя выводы, например, о ментальности целого народа, о специфике всей культуры и т.п. Как справедливо отметил В. В. Дементьев, если исследователи указали на пространственные особенности в представлении некоторых ментальных феноменов (душа, правда, дружба и т.д.), это не значит, что иные параметры, иные «измерения» должны быть исключены.

Критика российской лингвокультурологии кажется весьма уместной в настоящее время, когда накоплен уже определенный багаж информации о национальном языке и мышлении. Вероятно, наступает время остановиться, «оглянуться» и переосмыслить некоторые, как ранее казалось, истины. Хотя, безусловно, эта критика весьма преувеличенна и, вероятно, также тенденциозна, именно поэтому она должна быть рассмотрена конструктивно. Указанными работами этот спор не ограничивается: в настоящее время дискуссию на страницах журнала «Политическая лингвистика» продолжают такие ученые, как С. Г. Воркачев [Воркачев 2014], А. В. Прожилов [Прожилов 2015], М. Ю. Федосюк [Федосюк 2012]. Вероятно, полемика о правомерности научного статуса лингвокультурологии, в том числе в плане применения методов лингвокультурологии к анализу политической коммуникации, еще будет продолжаться.

Риторическое направление политической коммуникации представлено работами, посвященными анализу коммуникативных стратегий и тактик и/или отдельных риторических и стилистических приемов речевого воздействия в политической коммуникации (Е. Е. Аникин, А. В. Антонова, В. Ф. Белова, Ю. В. Богоявленская, А. Д. Васильев, Л. Е. Веснина, И. А. Зюбина, С. В. Иванова, О. С. Иссерс, В. А. Каменева, Н. Н. Кошкарлова, И. В. Култышева, М. А. Лаппо, М. Н. Лату, М. В. Лесняк, М. В. Луканина, Е. М. Меркулова, О. Н. Морозова, О. В. Обвинцева, О. С. Рахимбергенова, Н. Б. Руженцева, Е. В. Сергеева, Н. А. Сергиенко, Е. А. Сидорова, Н. А. Симбирцева, О. О. Сподарец, В. Н. Сурина, Ю. Р. Тагильцева, Н. В. Таратынова, Ю. С. Томова, В. Е. Чернявская, Д. З. Шапиева, К. М. Шилихина, Е. В. Шустрова и др.), а также исследованиями, направленными на изучение *прагматического потенциала текстов актуальных для политической коммуникации жанров*: гимн, лозунг, политический анекдот, послание президента, обращения президента, блоги политиков, политическая исповедь, пресс-конференция президента, теледебаты, новостное сообщение, интервью и др. (А. В. Добров, Т. С. Зотеева, В. А. Копцева, Н. Н. Кошкарлова, И. В. Култышева, Э. А. Лазарева, Е. В. Мадалиева, О. Н. Морозова, Н. Б. Руженцева, М. А. Семкин, Т. И. Стексова, М. А. Фокина и др.) – и *языковых/речевых особенностей коммуникативного поведения российских и зарубежных политиков* (М. В. Гаврилова, Т. Н. Зубакина, А. И. Иванова, Ю. С. Костылев, Е. В. Мадалиева, Е. Б. Матыгина, А. М. Нехорошева, Л. Б. Никитина, М. В. Никифорова, А. П. Седых, И. В. Сопова, Н. В. Таратынова и др.).

Структурно-семантическое направление обобщает исследования семантических и стилистических особенностей, а также функционирования отдельных, разноуровневых единиц политического языка (речи): *оценочных прилагательных* (А. А. Щипицына), *единиц политического лексикона* (Т. В. Аникина, А. Д. Васильев, М. В. Гаврилова, М. Б. Геращенко, М. Т. Дьячок, А. Ю. Еременко, О. В. Загоровская, Г. А. Заварзина, Ю. А. Золотарева, Е. Г. Калюжная, В. В. Катермина, Н. А. Князев, Н. В. Козловская, Л. П. Кравцова, А. А. Кретов, Т. А. Кутенева, М. Н. Лату, Е. А. Маклакова, О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова, М. Надель-Червиньска, Е. А. Нахимова, Т. А. Печенкина, Э. Сенковска, И. А. Стернин, А. И. Томилова, В. В. Химик, А. С. Шатилов, Т. В. Шмелева и др.) и *политической фразеологии* (Н. В. Баско, М. К. Борисова, О. В. Борщова, А. Д. Васильев, Н. А. Завьялова, О. А. Кузина, К. Х. Наджим, К. Д. Наумов, И. О. Наумова, А. П. Седых, Е. В. Чумакова, Е. В. Шабалина и др.), *синтаксических конструкций выражения категорий политического дискурса* (Ю. В. Богоявленская, Е. А. Топтыгина), *словообразовательных дериватов* (С. В. Ильясова, А. И. Томилова) и т.д.

Психологическое и психолингвистическое направление политической коммуникации обобщает исследования, проводимые, как правило, экспериментальным путем и направленные на изучение специфики языкового сознания субъектов политической коммуникации и психологии языкового творчества политиков и их оппонентов (К. И. Белоусов, А. Д. Васильев, С. Г. Воркачев, И. А. Ваулина, Т. Н. Галинская, Т. А. Гридина, Е. В. Ерофеева, А. Ф. Журавлев, К. В. Злоказов, О. С. Ильина, И. В. Коноваленко, Е. Е. Коптыкова, А. Г. Кудрявцев, О. А. Нестерова, Е. В. Шустрова и др.).

Социолингвистическое направление объединяет исследования, посвященные вопросам *языковой политики разных государств* (А. В. Алферов, О. М. Воеводская, А. А. Кретов, К. А. Мележик, Г. Е. Попова, В. Т. Титов, А. М. Червонный, И. И. Скачкова, И. А. Стернин), *теории и практики лингвистической экспертизы текстов экстремистской направленности* (Л. Е. Веснина, М. В. Ворошилова, С. В. Доронина, А. И. Завьялов, К. В. Злоказов, А. М. Плотникова, Ю. Р. Тагильцева и др.) и т.д.

Среди публикаций в журнале «Политическая лингвистика» за период 2006–2016 годов, посвященных про-

блемам изучения политического дискурса, встречаются также работы, которые освещают общие вопросы истории, теории и методологии политической лингвистики (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, М. Г. Гаврилова, З. И. Комарова и др.). Некоторые исследования выполнены в русле таких лингвистических направлений, как когнитивно-логическое (Г. Н. Манаенко), лингвосинергетическое (А. И. Милостивая, С. В. Серебрякова), корпусно-лингвистическое (Ю. В. Богоявленская, О. Г. Сворцов).

В заключение подчеркнем, что подобное разграничение направлений политической коммуникации (и политической лингвистики в частности) можно считать в определенной степени условным, так как многие исследования носят интегрированный характер в отношении теории, методологии и аспектов изучения столь сложного по своей организации феномена – политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин Е. Е., Чудинов А. П. Дискуссия о русской языковой картине мира: абсолютный универсализм и крайний релятивизм (неогумбольдтианство) // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 1 (35). – С. 11–14.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе : монография / Урал. гос. пед. ун-т. 2-н изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2006. – 213 с.
- Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). – С. 12–20.
- Гаврилова М. Г. Методы и методики исследования политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). – С. 22–20.
- Дементьев В. В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях: к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой и М. В. Безродным о «лингвонарциссизме» // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (039). – С. 11–16.
- Крейг Р. Теория коммуникации как область знания // Компаративистика III. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований / Под ред. Л. А. Вербицкой, В. В. Васильковой, В. В. Козловского, Н. Г. Сворцова. СПб. : Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, СПб., 2003. – С. 72–126.
- Павлова А. В. Можно ли судить о культуре народа по данным его языка? // Антропологический форум. 2012. № 16. – С. 3–60 // URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/pavlova3.pdf>.
- Павлова А. В. Язык как источник сведений о национальной картине мира // Филологические заметки. Пермь, 2009. Вып. 7. Т. 1 // URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/pavlova-09.htm> (дата обращения 12.06.2015).
- Павлова А. В., Безродный М. М. Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). – С. 11–20.
- Пименов Н. П. Сравнительный анализ теоретико-методологических подходов к изучению современных политических коммуникаций // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–2 (84). – С. 295–299.
- Политическая лингвистика : научный журнал (периодическое издание). URL: <http://politlinguist.ru/materials.html>.
- Прожилов А. В. Лингвоконцептология: триумфальный подъем или бег по «языковому кругу»? // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). – С. 12–22.
- Руссо М. М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). – С. 12–24.
- Серио П. Оксюморон или недопонимание? Универсалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). – С. 30–40.
- Федосюк М. Ю. Концепция Г. П. Мельникова и дискуссия о русской языковой картине мира // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). – С. 11–12.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... доктора филол. наук. Волгоград, 2000.
- Шмелев А. Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). – С. 21–33.
- Meadow R. G. Politics as Communication. Norwood, N. J., 1980.

О. С. Журавская

Нижний Тагил, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИЗМОВ И АРХАИЗМОВ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Современные средства массовой информации отражают основные социально-экономические процессы в обществе и процессы преобразований в языке. Любое явление или событие в том или ином виде находит отражение на страницах газет и журналов, на экранах телевизоров, в новостных лентах интернет-порталов. Не секрет, что влияние СМИ на развитие языка порой весьма и весьма значительно. Те или иные словообразования, привнесённые в язык средствами массовой информации, прочно входят в нашу речь, укореняются в ней. Одной из любопытных особенностей современных СМИ является широкое использование устаревшей лексики. Обращение к устаревшей лексике обусловлено социально-культурными и политическими переменами, происходящими в нашем обществе. В современных газетах и журналах использование такой лексики происходит постоянно. Множество примеров архаизмов и историзмов можно найти в выпусках «Московского комсомольца», «Моя семья», «Вокруг света» и других печатных изданиях. В современном журналистском тексте устаревшие слова также часто используются как средство создания иронической окраски речи. Употребление устаревших слов сопровождается усилением значения, выражением оценки и иронии. Частотную группу архаизмов представляют книжные высокие слова. И в случае историзмов, и в случае архаизмов авторы текстов обращаются к известным, опознаваемым носителями языка лексемам.

Ключевые слова: устаревшая лексика; историзмы; архаизмы; категория комического; ирония.

HISTORICISM AND ARCHAISMS IN POLITICAL DISCOURSE

Abstract. Modern media reflect the basic socio-economic processes in the society and the processes of change in the language. Any phenomenon or event in one form or another is reflected in the pages of newspapers and magazines, on television, in the news web portals. It is no secret that the media impact on the development of language at times very, very much. Those or other word-adscititious language in the media, firmly part of our speech, rooted in it. One of the interesting features of the modern media is a widespread use of outdated vocabulary. Appeal to the outdated vocabulary due to socio-cultural and political changes taking place in our society. In today's newspapers and magazines use of such language is constantly happening. Many examples of archaisms and historicism can be found in the editions of "Moskovsky Komsomolets", "My family," "Around the World" and other publications. In today's journalistic text outdated word is also often used as a means of creating an ironic coloring speech. The use of obsolete words accompanied by increased values, expression evaluation, and irony. Frequency groups are archaisms book lofty words. And in the case of historicism, in the case of archaisms content writers are turning to well-known, recognizable tokens native language.

Keywords: outdated vocabulary; historicism; archaisms; category of the comic; irony.

Тексты современных СМИ демонстрируют тенденцию к активизации употребления языковых единиц пассивного словаря русского языка. Историзмы и архаизмы в общественно-политическом дискурсе применяются для придания авторского смысла и элементов экспрессивной оценки языку статьи, и эту тенденцию использования устаревшей лексики в качестве эмоционально-экспрессивного стилистического средства никак нельзя объяснить тем, что в реальность возвращаются общественные тенденции и явления, от которых социум отказался в ходе истории.

Интерес к историческому материалу в языке обусловлен лингвистическими причинами: установкой авторов на создание узнаваемых текстов, подчеркивающих интеллектуальность журналиста и издания в целом. Вместе с тем, в обществе изменилось отношение к историческим знаниям – свободное оперирование историческими фактами и устаревшими словами становится все более престижным. В связи с этим, в газетных текстах встречается обращение к историческому контексту и прецедентным единицам истории: *Ратники* христовы [Московский Комсомолец, 14.04.2011, 8]; В Москве начинается *куличевская битва* [Московский Комсомолец, 88, 20.04.2012, 7]; Российской армии грозит *второе пришествие* [Коммерсант, 41, 12.03.2002, 1]; *За здоровье и за упокой* [Здоровье, 12, 03.2002, 7]. Во многих случаях использование устаревшей лексики обусловлено стилистическим эффектом контрастности. Характерным становится стилистическое столкновение современного и архаичного начал: например, Генерал *всяя Руси* [Версия, 13, 01 - 07.04.2002, 12], где экспрессивным наименованием России, выражающим авторскую иронию по отношению к герою заметки, является архаизм.

Конечно же, устаревшие элементы становятся востребованными в языке и в связи с возвращением старых реалий: *городской глава, городская дума* и др. – их употребление не несет оценочной функции и является стилистически нейтральным. Однако намного чаще устаревшие слова употребляются в публицистике как средство индивидуально-авторской выразительности: Новоявленный *декабрист* (о М. Ходорковском). Ходорковский рад, что попал в *«край политкаторжан и декабристов»* [Известия, 31, 26.10.2005]; *Батрак* срочной службы [Российская газета, 3677, 20.01.2005]. Практически все историзмы вызывают у носителей языка большое количество устойчивых ассоциаций (например, *декабрист* – ссыльный, наказанный за политические взгляды, имевший ранее высокий общественный статус и т. д.; батрак – временный наемный бесправный работник, выполняющий тяжелую неквалифицированную работу и т. д.). Эти ряды устойчивых ассоциаций, естественно, принимаются во внимание авторами текстов, поэтому употребление историзмов в общественно-политическом тексте обычно текстуально важно и экспрессивно. В следующем отрывке [Комсомольская Правда, 27.07.2016]: «Северный Кавказ *будет прирастать* туризмом и сельским хозяйством» – архаическое значение глагола *прирастать, или* «Сам Навальный прибыл в суд «с вещами», которые оставил в машине, показывая, что готов к любому исходу рассмотрения его дела. Впрочем, в то, что Алексей действительно отправится в СИЗО, чтобы потом быть этапированным в колонию, не верили даже его заклятые *недрузи*. А вот *сподвижники* пытались всячески разжечь интерес к истории и накачивали информационное пространство напряженностью и ожиданием посадки.» --употребление не очень активных в речевой практике, но известных всем носителям русского языка архаизмов (прирастать будет, сподвижники, недруги) помогает автору передать не только точную, но и несколько саркастическую оценку того, о чем он рассказывает.

В «Новой Газете» частенько используются устаревшие слова именно в функции создания иронического контекста. ««Левифан» Звягинцева, *поведавший*, как молах-государство торжественно и *чинно* растирает в порошок жизнь отдельно взятого гражданина, — сильно огорчил министра культуры.», «Режиссеры и продюсеры столкнулись с *частоколом* преград на пути авторского кино», «Маршальский *жезл* 45-го калибра», «Что поделывать, в глуши, где мобильники отказываются ловить сеть, а броненосцы на дорогах попадают чаще, чем автозаправки, служители закона одинаково нужны и кодекс, *и кистень*», «...«И истину царям с улыбкой говорить»... Мечта историка — не поэта. И такая мечта приводит лишь к тесноте *камер-юнкерского* мундира...» [Новая газета, №20, май 2013].

Устаревшая лексика не всегда используется в целях передачи колорита времени или исторической стилизации. Устаревшее слово в контексте статей часто реализует различные категории комического, часто используется как одно из средств сатиры, для выражения иронии, насмешки и осуждения. «Любопытное явление: ар-

хаизмы могут быть средством создания высокого торжественного стиля, и в то же время с помощью устаревших слов можно высмеивать, обличать. В сущности, использование архаизмов для осуждения, для насмешки есть один из видов иронии. Иронию (языковую) обычно определяют как стилистический прием, состоящий в употреблении слова и выражения в противоположном их значении с целью насмешки» [Калинин 2013: 154].

Наиболее часто устаревшее слово несет в себе иронию или насмешку. «Каково жить массовке на *Руси*?» [Московский Комсомолец, 2002] «Она заимствует и изводит дорогую косметику матери, накладывая её на лицо, как *вождь ирокезов* перед последним сражением с *колонизаторами*» [«Моя Семья», 2008] «а Вся *петербургская рать*» [Московский Комсомолец, 4, 02.04.2002], как именует население окружение губернатора города Санкт-Петербурга».

В газете «Известия» довольно часто употребляются архаизмы в качестве выражения сарказма: «Просто аскетично указывалось – «Президент Янукович» без всяких *«сиятельств»*, *«высочеств»* и *«благородий»*»

«Просвещенная польская интеллигенция, слушавшая Шопена и читавшая Мицкевича, состояла чуть более чем полностью из жестоких *крепостников*, считавших подчиненных им русских православных крестьян (предков нынешних украинцев и белорусов) за *«холопов»* и *«быдло»*» «Радикальные борцы с Россией потирают руки, но опыт не забывается, особенно опыт 20 лет постсоветских *барских и холопских забав*»

«Я хотел бы на эту демагогию сказать одну реплику, Юлия Владимировна. Если бы *перстом* своим приложились хотя бы к одному пункту, у вас бы появилось право так говорить», «... и не отсохли — чтобы *супостаты* не слишком радовались...».

Сочетание современных реалий и слов прошлого создает этот комический эффект, заставляет нас посмеяться над персоналией или сходством событий настоящего с прошлым. Если раньше эти слова были на слуху, сейчас же звучание таких слов кажется нелепым. Устаревшее слово в контексте может заменять бранное слово, а эффект от такого употребления намного больше, т.к. высказывание становится язвительнее. Несмотря на то, что многие слова давно вышли из употребления, современные журналисты и писатели часто обращаются к ним в разных целях; но чаще, в отличие от художественных текстов, историзмы и архаизмы употребляются не для придания речи возвышенного, торжественного звучания. Наиболее часто в СМИ употребляют их для стилизации речи и для выражения иронии и насмешки. Высокая устаревшая лексика подвергается ироническому переосмыслению и выступает как средство юмора, сатиры.

ЛИТЕРАТУРА

Калинин А. В. Лексика русского языка. /А. В. Калинин – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА – 2013. – 320 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. / З.Д. Попов, И.А. Стернин. — Воронеж. – 2004. – 145с.

Материалы газет: «Вокруг света», «Здоровье», «Известия», «Коммерсант», «Московский комсомолец», «Моя Семья», «Комсомольская правда», «Новая газета».

А. О. Закирова, Е. В. Кишина
Кемерово, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В ОБЫДЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена описанию лингвистического анализа конфликтов интерпретационного типа, возникающих в сфере обыденной политической коммуникации. Методика анализа включает выделение смысловых зон интерпретирующих текстов, обусловленных текстоцентрическими и адресатоцентрическими факторами. Материалом исследования выступают интернет-комментарии к текстам политического содержания, репрезентирующие особенности обыденного политического сознания.

Ключевые слова: конфликт интерпретаций, лингвоконфликтология, обыденная политическая лингвистика, обыденное политическое сознание.

A. O. Zakirova, E. V. Kishina
Kemerovo, Russia

LINGUISTIC ANALYSIS OF THE CONFLICT SITUATIONS IN EVERYDAY POLITICAL COMMUNICATION

Abstract. The article describes the linguistic analysis of interpretive type of conflicts that arise in everyday political communication. The method of analysis involves the allocation of areas of semantic interpretive texts, and caused tekstotsentricheskimi adresatotsentricheskimi factors. The material of the study appear online comments to the texts of political content, representing the features of everyday political consciousness.

Keywords: conflict of interpretations, lingvokonfliktologiya, everyday political linguistics, the ordinary political consciousness.

Статья подготовлена при поддержке фонда РГНФ, проект 15-04-00311

«Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации».

В последние десятилетия в центр исследовательских интересов лингвистов активно выдвигаются

проблемы, связанные с обыденной политической лингвистикой. Происходит становление новой области научного знания – обыденной лингвополитологии, направленной на «изучение особенностей обыденного языкового сознания на материале обыденных политических текстов и фрагментов языковой системы» [Голев 2011: 67].

Исследование обыденной политической лингвистики предполагает, с одной стороны, изучение обыденного политического сознания, которое проявляется в речевой практике, языковом материале и языковой системе, а с другой стороны – изучение особенностей обыденного языкового сознания на материале обыденных политических текстов и толкований политической терминологии. Обыденное политическое сознание в этом аспекте предстает как отражение в языковой прагматике и семантике политических идей и мнений рядовых участников политической коммуникации.

Одним из возможных направлений изучения обыденной политической коммуникации является выделение лингвоконфликтологических особенностей обыденной политической коммуникации, что способствует репрезентации языковой картины мира, объяснению речевого и социального поведения носителей языка, способствует выявлению механизмов политического сознания, реализуемых в процессе создания и осмысления политических текстов.

Основным аспектом описания речевых конфликтов, протекающих в сфере обыденной политической коммуникации, выступает *интерпретационный аспект* в его системоцентрической и адресатоцентрической направленности. Интерпретационная концепция текста отражает один из сущностных принципов организации обыденной политической коммуникации, заключающийся в процессе осознания первичного (интерпретируемого) политического текста и создания вторичного (интерпретирующего) текста.

Разрабатываемая в трудах Н. Д. Голева и Л. Г. Ким идея множественности вариативности интерпретации текста, базирующаяся на системно-языковом и личностном факторах, способствует определению онтологической природы конфликта интерпретаций, отражающего столкновение содержания текста и внутренних интенций автора [Рикер 1995: 26]. Согласно данному представлению, интерпретационная деятельность субъекта обыденной политической коммуникации является самостоятельным когнитивным механизмом, отражающим столкновение текстовых (системоцентрических, языковых) и дотекстовых (субъективных, личностных) детерминант (Голев, Ким 2007; 2009; 2014; Ким 2013).

Конфликтные ситуации интерпретационного характера включают как интенциональные установки автора и адресата, так и персоноцентрические признаки языковых личностей автора и адресата. «Система языка и ее элементы неизбежно вариативны и в плане означаемого, и в плане означающего, поскольку язык имеет большой, но конечный набор средств для выражения бесконечного набора смыслов, и в силу этого он предоставляет субъекту речи определенную свободу установления связи между знаком и смыслами...» [Голев, Ким 2014].

Плодородной почвой для анализа механизмов формирования и развития конфликтов интерпретационного характера являются интернет-комментарии к текстам политического содержания. Политический текст, воплощающий замысел автора, попадая в сознание адресата, наделяется множеством индивидуальных содержательных и модальных компонентов, что приводит к формированию вторичного текста со своей аксиологической составляющей. Интернет-комментарии к текстам политического содержания являются своеобразным индикатором общественного сознания, выражающего политическое настроение и реакцию массового адресата.

Проиллюстрируем влияние системоцентрических и адресатоцентрических факторов на развитие и протекание конфликта интерпретационного типа на примере анализа статьи «Во Франции из-за дела ЮКОСа арестовали \$700 млн “Роскосмоса” и “Космической связи”» и 165 интернет-комментариев к ней (<http://newsland.com/user/4297677705/content/vo-frantsii-iz-za-dela-iukosa-arestovali-700-mln-roskosmosa-i-kosmicheskoi-sviasi/5171060/>).

Данная новостная статья представляет собой небольшой по объему и прозрачный по содержанию и авторской интенции текст, посвященный аресту активов российских космических организаций.

Проведенный семиотический анализ текста позволяет выделить в нем несколько смысловых блоков:

- 1) арест во Франции активов «Роскосмоса» и «Космической связи»;
- 2) арест активов по инициативе бывших акционеров ЮКОСа;
- 3) необходимая выплата французским оператором спутниковой связи Eutelsat 400 миллионов долларов ФГУП «Космическая связь» за предоставление российского спутникового ресурса;
- 4) необходимая выплата французской компанией Arianespace 300 миллионов долларов «Роскосмосу» за поставку российских ракетополетчиков;
- 5) связь арестов «Роскосмоса» и «Космической связи», подтвержденная представителем GML (компании Group MENATEP Limited, основного акционера «ЮКОС»);
- 6) сумма арестованных активов, представленная The American Lawyer, не подтвержденная представителем GML;
- 7) сумма арестованных во Франции российских активов в размере примерно один миллиард долларов, подтвержденная представителем GML;
- 8) оценка арестованных во Франции активов в размере миллиард евро со стороны бывших акционеров ЮКОСа;
- 9) постановление Арбитражного суда в Гааге о необходимой выплате Россией 50 миллиардов долларов бывшим акционерам ЮКОСа.

Анализ интерпретирующих (комментирующих) текстов позволяет выделить более широкий круг смысловых доминант, что обусловлено, во-первых, дотекстовыми знаниями адресатов (комментаторов), во-вторых, содержательным планом исходного текста.

Смысловые зоны вторичных (смысло-деривационных) текстов выглядят следующим образом:

- 1) «Арест русских активов у государственных коррумпированных чиновников».

Источником формирования данной смысловой зоны служит следующий компонент исходного текста: *«Значительная доля российских активов, которые были арестованы во Франции по инициативе бывших акционеров ЮКОСа, приходится на средства российских космических организаций».*

Эксплицитная информация нейтрального характера самой статьи об организации «ЮКОС» накладывается на дотекстовые знания (например, о владельцах ЮКОСа) и убеждения адресата, что провоцирует появление новой смысловой зоны о коррумпированности российских чиновников: *«Отличная новость! Жаль только маловато франки отжали у нашего государственного жулья»* ([pedant71](#)).

2) «Арест русских активов как отличная новость для США».

Источником формирования смысловой зоны являются следующие компоненты текста: *«Значительная доля российских активов, которые были арестованы во Франции по инициативе бывших акционеров ЮКОСа, приходится на средства российских космических организаций».* Об этом в понедельник, 11 апреля, сообщает The American Lawyer».

Информация исходного текста об аресте активов, представленная Американской Ассоциацией Юристов, накладывается на дотекстовые знания адресатов о современной политической ситуации в стране и провоцирует возникновение нового смысла: *«Для Буша – отличная новость, а для нас – ОНИ ж с нас сдерут через ОДН, ОСАГО и капремонт!»* ([dix555yandex.ru](#)).

3) «Наложение запрета на перечисление денежных средств «Роскосмосу» и «Космической связи» для обеспечения иска ЮКОСа».

Источником формирования данной смысловой зоны является следующий компонент исходной статьи: *«В феврале бывшие акционеры ЮКОСа оценили арестованные во Франции активы России в миллиард евро. Тогда также сообщалось о задолженности Eutelsat перед «Космической связью»... В 2014 году Арбитражный суд в Гааге потребовал от России выплатить 50 миллиардов долларов бывшим акционерам ЮКОСа».*

Названная смысловая зона напрямую (эксплицитно) в тексте статьи не заявлена. Однако информация экономического и политического характера в статье подразумевает владение адресатом более широким кругом дотекстовых знаний, что отражается в целой группе комментариев: *«Для особо тупорылых великороссов. Все очень просто. Арест – это наложение запрета на перечисление указанной суммы Роскосмосу в обеспечение иска ЮКОСа. Для изъятия средств требуется отдельное решение, но уже не суда, а судебно-исполнительных органов Франции. Это решение техническое и обжалованию не подлежит. По решению судебных исполнителей дебиторка будет взыскана с контрагента. То есть французы заплатят не Роскосмосу, а на депозит судебных приставов. После чего вместо денег французы покажут Роскосмосу постановление суда, платежку и вытянутый средний палец руки»* (CheshireCat007).

4) «Опровержение вице-премьером РФ Дмитрием Рогозиным информации об аресте российских активов во Франции».

Источник смысловой зоны в тексте исходной статьи: *«Значительная доля российских активов, которые были арестованы во Франции по инициативе бывших акционеров ЮКОСа, приходится на средства российских космических предприятий... В феврале бывшие акционеры ЮКОСа оценили арестованные во Франции активы России в миллиард евро. Тогда также сообщалось о задолженности Eutelsat перед «Космической связью».*

Информация, полученная благодаря прочтению текста статьи, дополняется дотекстовыми знаниями адресатов, а также стимулирует реципиентов к поиску других источников информации и иных точек зрения. Так, один из комментаторов обратился к другому источнику, содержащему информацию об аресте активов во Франции: *«Мой туповатый украинский “друг” вице-премьер РФ Дмитрий Рогозин опроверг ранее растиражированную информацию о том, что во Франции арестованы активы Роскосмоса. По его словам, речь идет лишь о заморозке платежей за пусковые и другие услуги: “Речь идет не о замороженных активах Роскосмоса, а о тех деньгах, которые нам должны были заплатить за наши услуги, в том числе по пускам с космодрома Куру и по другим проектам”, – передает “Эхо Москвы” заявление вице-преьера... По словам Рогозина, информационная волна вокруг якобы замороженных активов Роскосмоса на самом деле является пропагандой перед очередным судебным разбирательством по делу ЮКОСа»* (Базон Хикса).

5) «Финансовая связь «Роскосмоса» и Франции».

Данная смысловая зона частично вытекает из следующих компонентов анализируемой статьи: *«По данным издания, 400 миллионов долларов из арестованных активов должны быть выплачены ФГУП “Космическая связь” от французского оператора спутниковой связи Eutelsat. Это деньги за предоставление российского спутникового ресурса. Еще 300 миллионов долларов – сумма за поставку российских ракет-носителей “Роскосмосу” – должна заплатить французская компания Arianespace, которая занимается космическими перевозками».*

Появление этой смысловой зоны спровоцировано преимущественно смысловыми доминантами самой статьи, поскольку данная смысловая зона представляет собой следствие информации, представленной в статье, то есть является импликацией: *«Наверное, ты думаешь, что сейчас апрель 1961 года? И в космос летал только Гагарин?))) Запомни – Роскосмос кормится от предоставляемых услуг. И если этих услуг не будет, он просто содохнет. Так что проглотят и снова подставят»)* (CheshireCat007);

6) «Выгода компании «Роснефть» от захвата ЮКОСа».

Указанная смысловая доминанта формируется из следующих компонентов исходного текста: *«Значительная доля российских активов, которые были арестованы во Франции по инициативе бывших акционеров ЮКОСа, приходится на средства российских космических предприятий... В феврале бывшие акционеры ЮКОСа оценили арестованные во Франции активы России в миллиард евро. Тогда также сообщалось о задолженности Eutelsat перед «Космической связью».*

Возникновение данной смысловой зоны спровоцировано только указанием в тексте на организацию «ЮКОС», по-

сколькo семантические составляющие комментариев отражают несколько ключевых понятий, которые в тексте статьи не проявлены ни эксплицитно, ни имплицитно: «Роснефть», «налогоплательщики», «выгода от захвата ЮКОСа».

Данная смысловая зона чаще других актуализируется в комментариях, что обусловлено наличием в ней важного для комментаторов смыслового компонента – народ (население, налогоплательщики, простые люди, работники и т.п.): «Выгодополучателем от захвата ЮКОСа стала полугосударственная, участвующая компания Роснефть, а деньги будут платить не акционеры этой Роснефти, а страна Россия, в том числе, ее граждане, которые от захвата ЮКОСа ничего не получили. Напомню, что основная масса граждан РФ – относительно бедные люди...» (UMP-2);

7) «Выкуп М. Ходорковским ЮКОСа».

Указанная смысловая доминанта формируется из следующих компонентов исходного текста: «Значительная доля российских активов, которые были арестованы во Франции по инициативе бывших акционеров ЮКОСа, приходится на средства российских космических предприятий... В феврале бывшие акционеры ЮКОСа оценили арестованные во Франции активы России в миллиард евро. Тогда также сообщалось о задолженности Eutelsat перед «Космической связью»».

К возникновению названной доминанты, судя по семантической наполненности статьи, могла привести лексема «ЮКОС», выступающая как некий концепт, отраженный в сознании рядовых носителей языка: «Ходорковский честный бизнесмен, он купил предприятие после того, как его разворовали коммуняки и выставили на продажу» (Натан Кайф).

8) «Борьба между В. Путиным и М. Ходорковским».

Формированию смысловой зоны послужили следующие смысловые компоненты исходной статьи: «Значительная доля российских активов, которые были арестованы во Франции по инициативе бывших акционеров ЮКОСа, приходится на средства российских космических предприятий... В феврале бывшие акционеры ЮКОСа оценили арестованные во Франции активы России в миллиард евро. Тогда также сообщалось о задолженности Eutelsat перед «Космической связью»».

В самой статье о лидере страны и бизнесмене речь не идет. Однако концепт «ЮКОС» провоцирует адресатов отразить дотекстовые знания об организации и истории «ЮКОС»: «Да наплевать и растоптать эти подробности Юкоса! Речь разве о них? Разговор о том, что ВСЕ российские олигархи и друзья Путина ровно такие же Ходорковские...» (ROKADA).

9) «Противостояние русских и украинцев».

В тексте статьи «украинская тема» не заявлена, имплицитного выражения данной смысловой зоны также не наблюдается. Однако, как уже отмечалось выше, в тексте отражен концепт «ЮКОС», который и приводит комментаторов к экспликации русско-украинских отношений и отношении М. Ходорковского к евромайдану: «Вот хохлам для восторга. 25 марта Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США опубликовало обновленный рейтинг стран по уровню инфляции в 2015 году. Предпоследнее, 225-е, место заняла Украина с показателем 49 процентов. Хуже обстоят дела только в Венесуэле – она занимает 226-ю строчку» (Сергей Рост).

10) «Санкции против России, ответные санкции против Франции».

Данная смысловая зона формируется из следующих смысловых компонентов исходной статьи: «Значительная доля российских активов, которые были арестованы во Франции по инициативе бывших акционеров ЮКОСа, приходится на средства российских космических предприятий...»; «В феврале бывшие акционеры ЮКОСа оценили арестованные во Франции активы России в миллиард евро. Тогда также сообщалось о задолженности Eutelsat перед «Космической связью»».

В тексте статьи речь идет об аресте российских денежных средств французскими юристами. Информация, эксплицитно выраженная в статье, накладывается на дотекстовые политические знания обыденного характера комментаторов о санкциях против России и дает толчок для возникновения указанной смысловой зоны: «А чего России с Францией чикаться? Франция арестовывает счета, а России надо ввести запрет на поставку французских товаров: баи на баи. Может, тогда ффранцузы поуменьют...» (Ч_и_л_и_м).

11) «Некомпетентность российских юристов».

Данная смысловая зона формируется из следующих компонентов исходного текста:

«По данным издания, 400 миллионов долларов из арестованных активов должны быть выплачены ФГУП «Космическая связь» от французского оператора спутниковой связи Eutelsat. Это деньги за предоставление российского спутникового ресурса. Еще 300 миллионов долларов – сумма за поставку российских ракет-носителей «Роскосмосу» – должна заплатить французская компания Arianespace, которая занимается космическими перевозками. Представитель GML (владеет Huley Enterprises и Yukos Universal) подтвердил РБК, что аресты связаны с «Роскосмосом» и «Космической связью». При этом он не подтвердил суммы The American Lawyer. По его словам, общая сумма арестованных во Франции российских активов равна примерно миллиарду долларов».

На возникновение данной смысловой зоны влияют, во-первых, семантические компоненты в статье, указывающие на арест денежных средств российских космических предприятий и на длительность судебного разбирательства по данному делу, а во-вторых – дотекстовые презумпции адресатов, имеющих определенное мнение относительно политики страны и уровня подготовки ее представителей в области юриспруденции: «Довыколуывались... Даже в этой ситуации юристы российского Правительства оказались ни на что не способны. Ни признать правильную сумму долга, ни правильно составить документы и принять участие в судебном процессе, ни оспорить решение суда...» (Исаак Райх).

Проведенный анализ иллюстрирует, что нейтрально-номинативная информация интерпретируемой статьи, содержащей девять смысловых зон, служит источником для формирования смысло-деривационных зон, экс-

плицитно не выраженных в исходном тексте.

Большая часть комментариев к анализируемой статье – самостоятельные интерпретирующие тексты нового, в отличие от исходной статьи, смыслового содержания. Независимо от конкретного содержания исходного текста, сознание комментаторов в большей степени направлено на выражение дотекстовых установок и личных политических представлений. Для обыденного языкового сознания актуальным в интерпретативной деятельности является механизм вербализации собственных мотивационных установок и дотекстовых детерминант.

ЛИТЕРАТУРА

Голев Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная политическая лингвистика : тезисы междунар. науч. конф. / гл. ред. А. П. Чудинов. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2011. – С. 66–68.

Голев Н. Д., Ким Л. Г. Обыденные политические интернет-комментарии как проявление вариативности интерпретации (оппозиции «эксплицитное – имплицитное», «проявленное – ожидаемое») // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе : мат-лы рос. секции междунар. конф. «Ain't misbehavin'»? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse / под ред. А. П. Чудинова, Э. В. Будаева; Урал. гос. пед. ун-т, Цюрихский университет. Екатеринбург, 2014. – С. 47–71.

Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. М. : УРСС, 2013.

Рикер П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М. : Медиум, Академия-Центр, 1995. – 415 с.

Кишина Е. В. Когнитивные основания конфликта интерпретаций // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. / отв. ред. вып. В. З. Демьянков, отв. секр. вып. Е. М. Позднякова. М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 2015. – С. 368–378.

Обелюнас Н. В. Предпосылки возникновения конфликта интерпретаций в публицистическом тексте // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 452с.

К. В. Злоказов

Екатеринбург, Россия

ВЛИЯНИЕ АНОНИМНОСТИ АВТОРА НА ПАРАМЕТРЫ УГРОЗЫ

Аннотация. В статье рассматривается влияние анонимности на коммуникацию. Отмечается, что «отсутствие автора» становится свойством современной коммуникации. Развитие анонимности сказывается на уровне негативности и агрессивности взаимодействия. Психологические аспекты анонимности рассматриваются в контексте двух взглядов на ее природу: деиндивидуализации и социальной идентификации. В рамках первого подхода, анонимность автора сводится к потере социального контроля человека над поведением, повышением эмоциональности и снижением рациональности высказываний. Во втором подходе, персональная идентичность смещается на социальную, то есть автор деперсонализируется за счет слияния с социальной группой.

В свете описанных тенденций нами был поставлен вопрос о связи анонимности с вербальными характеристиками анонимной угрозы. Гипотезой стало предположение о большем влиянии деиндивидуализации на уровень агрессивности и степень ее детализации по сравнению с социальной идентификацией. Для проверки предположения была создана экспериментальная ситуация. Ее участнику ставилась задача сформулировать угрозу в отношении другого человека в виде анонимной записки. Анонимная записка подвергалась контент-анализу. Единицы контент анализа включали лингвистические (семантические-лексические) характеристики образа автора и угрозы. Данные контент-анализа были подвергнуты математико-статистической обработке методом дисперсионного анализа.

В результате гипотеза о влиянии деиндивидуализации на параметры угрозы получила частичную эмпирическую поддержку. Установлено, что анонимность сказывается на количестве агрессивных высказываний, а социальная идентификация снижает количество агрессивных высказываний, но увеличивает детализацию угрозы. В целом, результаты статьи показывают перспективу обращения к параметрам анонимности автора для уточнения прогноза риска реализации угрозы.

Ключевые слова: анонимная угроза, автор, агрессия, деиндивидуализация, риск реализации угрозы.

K. V. Zlokazov

Ekaterinburg, Russia

THE THREAT IS INFLUENCED BY THE ANONYMITY OF THE AUTHOR

Abstract. This article examines the impact of anonymity on communication. It is noted that anonymity becomes a property of modern communication. Development impact of anonymity at the level of negativity and aggressive interactions. Psychological aspects of anonymity considered in the context of two views on its nature: deindividuation and social identity. In the first approach, the author's anonymity is reduced to loss of human control over social behavior, heightened emotionality and rationality decrease statements. In the second approach, the personal identity is shifting to the social, that is, the author depersonalized by merging with a social group.

We have described raised the question of anonymity due to the verbal characteristics of anonymous threats. The hypothesis was the assumption of greater influence deindividuation the level of aggressiveness and the degree of detail in comparison with the social identity. To test the experimental situation was created assumptions. Her party task was to formulate a threat against another person in the form of an anonymous note. An anonymous note was subjected to content analysis. The unit of analysis content includes linguistic (lexical-semantic) characteristics of the image of the author and threats. Data content analysis were subjected to mathematical and statistical processing method of analysis of variance.

As a result of the hypothesis of the influence of the parameters of the threat deindividuation received partial empirical support. It was found that the anonymity affects the amount of hate speech and social identification reduces the number of aggressive statements, but increases the threat to detail. Overall, the results show a perspective article referring to the author's anonymity param-

eters to refine risk prediction realization of the threat.

Keywords: anonymous threat, author, aggression, deindividuation, execution risk threat.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102)

Введение. Анонимная коммуникация в последние годы становится все более и более распространенным явлением. Интернет-пользователю нет необходимости обозначать себя для вступления в коммуникацию. Необязательность идентификации автора увеличивает эмоциональность и разнообразие высказываний. Закономерно растет и уровень негативной информации попадающей в информационное пространство [Антонова, Веснина, Ворошилова, Злоказов, Тагильцева, Карапетян, 2014].

С психолингвистической позиции, изучение агрессивной, деструктивной коммуникации должно охватывать сознание автора. Задавшись целью изучить влияние условий анонимности на коммуникативное поведение автора стало импульсом, побудившим работу над этой статьей. Структурно она включает два блока – теоретический, обобщающий современные представления о психологических эффектах анонимности и краткое изложение результатов исследования образа автора в ситуации анонимной угрозы. Завершают статью выводы, намечающие дальнейшие направления исследования этой проблемы.

Психологические эффекты анонимности. Анонимность не является принципиально новым, незнакомым обстоятельством для психологической науки. Ее первые исследования описывали переживания человека, находящегося в толпе и теряющего контроль над собственным поведением. К настоящему времени в социально-психологической науке оформилось два взгляда на анонимность.

Следуя *теории деиндивидуализации*, отсутствие собственного Я, с одной стороны стирает границы между людьми, делая их понятными друг другу, с другой – усиливает асоциальность их совместного, группового поведения. Впервые эффект деиндивидуализации описал Л.Фестингер, установивший, что испытуемые, одетые в одинаковую одежду и погруженные в полумрак чаще использовали табуированную лексику при обсуждении эротических изображений [Festinger L., et al., 1952]. Отношение между анонимностью и деиндивидуализацией уточнил Ф.Зимбардо, экспериментально показав связь между ними. Он отмечал, что анонимность (понимаемая отсутствия критики со стороны окружающих) усиливает безответственность поведения [Zimbardo, P. G., 1969]. Наконец, теория деиндивидуализации предполагает, что анонимность наступает всякий раз, когда человек выполняет социальную роль – для окружающих и самого себя он теряет индивидуальность, поскольку действует в рамках предписанных для этой роли моделей поведения.

В *теории социальной идентичности* утверждается, что человек обладает двумя видами идентичности – персональной (показывающей кто он такой и чем отличается от окружающих) и социальной, показывающей ему в какую социальную группу он входит [Reicher S. D., Spears R., Postmes T., 1995]. В рамках этой теории, деиндивидуализация невозможна, поскольку персональная идентичность человека, оказавшегося в социальной группе переходит на нее. Происходит смещение персональной идентичности на социальную группу, благодаря чему человек отождествляется с ней, замещает социальной идентичностью – персональную. Для этой теории характерно позитивно относиться к подобному замещению. Люди, рассматривая себя как часть группы легче решают социальные и психологические проблемы, обращаются и получают помощь. Психотерапевтические встречи и тренинги дают возможность людям отвлечься от собственной идентичности, снять социальную ответственность и побыть в анонимном состоянии (служба «Анонимные алкоголики», к примеру).

Итак, можно определить два следствия анонимизации, вытекающие из рассмотренных позиций: деиндивидуализацию (сокрытие Я) и социальную идентификацию (описание себя через принадлежность к социальной группе, т.е. наименование). Определение этих следствий позволило нам перейти к ключевой гипотезе исследования: влияют ли эти тенденции на усиление агрессивности в угрозе? Можно предварительно полагать, что полное разотождествление даст автору больше возможности для проявления негатива, нежели определение себя как участника какой-либо социальной группы. Важно отметить, что угроза нередко воспринимается адресатом нереалистично, как шутка, к примеру. Поэтому С. Шмидт указывает на стремление авторов представить собственные действия реалистично – детализировать их [Smith S., 2008]. Анонимный текст угрозы содержит необходимую степень ее детализации в отличие от оскорбления [Pfeffer J., Zorbach T., Carley K. M., 2013].

Итак, в ходе экспериментального исследования нами проверялись предположение о том, что обезличивание автора отличается от социальной идентификации в тексте анонимной угрозы по параметрам уровня агрессивности лексики и степени детализации угрозы.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 77 обучающихся в возрасте от 19 до 25 лет ($M = 20,11$, $SD = 1,51$) Уральского государственного педагогического университета, 48% из них были юноши.

Ход эксперимента и методы. Экспериментальное исследование содержания анонимных текстов с угрозами реализовывалось в форме интервью, с применением специально разработанного для этого экспериментального планшета. Опрашиваемый получал задание, которое обдумывал и выполнял вербально.

Суть задания. Участнику сообщалось, что близкий (любимый) человек разорвал все отношения с ним и ушел к другому человеку. Ему предлагалось сформулировать текст анонимной записки и выразить отношение. Действия выполнялись без ограничения времени, в последовательном порядке, с перерывом в 5 минут между ними. Результаты фиксировались на специально отведенном для этого листе. Переворачивать листы, обращаться к ранее изложенным вопросам участнику запрещалось. После сбора планшетов осуществлялся контент-анализ лексики угрожающих

действий. Его цель – определение характеристик вербальной репрезентации угрозы автора. При этом мы опирались на показатели, ранее выявленные в ходе анализа работ, посвященных реалистичности анонимной угрозы.

1. Детализация насильственных действий в тексте угрозы рассматривалась в совокупности признаков: 1) *высокая детализация: подробно и (или) последовательно описываются действия с адресатом*; 2) *низкая: действия обозначаются, подробно не описываются*; 2. Акцентирование насильственных действий, применительно к 2.1) жертве, 2.2) обстоятельствам, вызвавшим угрозу; 3. Характеристика плана осуществления насильственных действий: 3.1.) сложный, тяжелый, 3.2) простой, легкий; 4. Скорость нанесения, причинения насилия: 4.1) быстро, 4.2) медленно.

Образ автора изучался в двух группах признаков: 1. *Деиндивидуализация*: отсутствие в тексте указаний на автора, описаний его характеристик, в том числе его чувств, переживаний, отсутствия местоимения «Я». 2. Социальная идентификация: применение местоимения «мы», употребление глаголов во множественном числе.

Для контент-анализа применялись две системы кодирования признаков, в номинативной и относительной шкалах измерения. Номинативная шкала означала, что данные вводились в текстовой форме, относительное значение отражалось в накопительных значениях – частотах встречаемости признака. Наличие признака кодировалось значением - «1», в случае нескольких признаков – значения суммировались, если лексический признак отсутствовал ставилась цифра «0».

После первичной обработки и заполнения таблицы первичных значений к ней применялись методы математико-статистического анализа: дисперсионного и корреляционного анализа.

Обзор результатов исследования. Гипотезой эксперимента явилось предположение о том, что деиндивидуализация (обезличивание автора) отличается от социальной идентификации в тексте анонимной угрозы по 1) уровню агрессивной лексики и 2) детализации насильственных действий.

По результатам однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) гипотеза получила частичную поддержку. Агрессивная лексика в деиндивидуализированной и социально-идентифицированной репрезентации анонимной угрозы различается по уровню ($F=3,57$, $p=0,001$). Полная анонимность приводит к большему применению агрессивно-обсценных слов, то есть увеличению доли их присутствия в тексте угрозы. Вместе с тем, по показателю детализации насильственных действий социально-идентифицированная позиция автора отличается от полностью анонимной ($F=2,19$, $p=0,05$). Эти тексты включали детали насильственных действий – описание плана претворения угрозы в жизнь, обстоятельств ситуации в которой они будут воплощены и прочее.

В целом, полученные нами результаты свидетельствуют о специфическом воздействии анонимизации на представление угрозы. Отсутствие указаний на автора в тексте предполагает эмоциональность угрозы, а указание на социальную группу, от имени которой следует угроза сопровождается рационализацией и детальностью.

Заключение. В статье обсуждается влияние обезличенности автора на лингвистику и семантику угрозы. Анализ теоретических работ показал, что в речевом пространстве наблюдаются те же тенденции влияния анонимности что и в социальном поведении людей. С одной стороны, анонимность приводит к «уничтожению» автора, с другой – отождествлению автора с социальной группой. С теоретических позиций, анонимность в любом случае снижает социальный контроль над действиями человека, приводит к усилению эмоциональности и агрессивности коммуникации. В ходе эксперимента теоретические представления получили частичную эмпирическую поддержку, а также способствовали постановке новых гипотез, расширяющих предмет исследования. Во-первых, обе тенденции анонимизации автора были обнаружены в массиве экспериментально созданных текстов с угрозами. Во-вторых, установлено, что анонимность сказывается на количестве агрессивных высказываний, а идентификация с группой приводит к увеличению детализации угрозы. Таким образом, взгляд на анонимность под углом персонализации/деиндивидуализации открывает новые перспективы прогнозирования реализации анонимной угрозы.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Ю. А., Веснина Л. Е., Ворошилова М. Б., Злоказов К. В., Тагильцева Ю. Р., Карапетян А. А. Экстремистский текст и деструктивная личность: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2014. - 272 с.
- Festinger L., Pepitone A., Newcomb T. Some consequences of de-individuation in a group // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1952. 47. – P. 382-389.
- Pfeffer J., Zorbach T., Carley K. M. Understanding online firestorms: Negative word of mouth dynamics in social media networks. Journal of Marketing Communications. 2013. 20. – P. 117-128.
- Reicher S. D., Spears R., Postmes T. (1995). A social identity model of deindividuation phenomena. European Review of Social Psychology. 1995. 6. – P. 161-198.
- Smith S. S. From Violent Words to Violent Deeds: Assessing Risk From FBI Threatening Communication Cases // Stalking, threatening, and attacking public figures / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). New York : Oxford Univ. Pr., 2008. - P. 435-455.
- Suler J. The online disinhibition effect // CyberPsychology & Behavior. 2004. 7. – P. 321-326.
- Zimbardo P. G. (1969) The human choice - Individuation, reason, and order vs. deindividuation, impulse and chaos. In: W. J. Arnold & D. Levine (Eds.), Nebraska Symposium on Motivation. 1969. Vol. 17. - P. 237-307.

А. С. Зотова
Екатеринбург, Россия

СТРАТЕГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить наиболее частотные стратегии воздействия на реципиента в социальной рекламе, посвященной проблеме безопасности пассажиров и пешеходов на дороге. Автор приходит к выводу о том, что социальная реклама имеет контактный характер, то есть зачастую обращается напрямую к реципиенту с вопросом либо фокусирует его сознание на определенной проблеме.

Ключевые слова: реклама, социальная реклама, стратегии воздействия, безопасность.

A. S. Zotova
Ekaterinburg, Russia

THE STRATEGY OF IMPACT IN THE RUSSIAN SOCIAL ADVERTISING OF TRAFFIC SAFETY

Abstract. In article an attempt to reveal the most frequency strategy of impact on the recipient in the social advertizing devoted to a problem of safety of passengers and pedestrians on the road is made. The author comes to a conclusion that social advertizing has contact nature, that is often asks directly the recipient a question or focuses his consciousness on a certain problem.

Keywords: advertizing, social advertizing, strategy of impact, safety.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102)

Реклама – это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [ФЗ].

Реклама оказывает поведенческое, установочное, аффективное или когнитивное воздействие на получателей сообщения. Большей частью она не просто продвигает товар или услугу, а создаёт положительный имидж заказчика. Кроме того, реклама ставит своей целью внедрить в сознание потребителя определенные нормы, идеи, ценности и образ жизни. Любая компания пытается создать образ, связанный с положительными эмоциями, и по возможности избежать негативных ассоциаций.

В самом общем понимании, социальная реклама – **вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и его нравственным ценностям** [<http://www.socrekлама.ru>].

Социальная реклама как один из инструментов регуляции поведения общества призвана распространять социально значимые ценности, установки, которые способствуют благополучному развитию личности и общества. Согласно российскому законодательству, термин «социальная реклама» определяется как информация, распространенная любым способом в любой форме с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства [ФЗ].

Цель социальной рекламы – привлечение внимания людей к проблемам общества и сообщение о социальных инициативах властей. Предотвращая социальные беды, государство, например, экономит расходы на здравоохранении посредством рекламы, направленной на отказ от курения и в пользу здорового образа жизни. Реклама, ориентированная на укрепление семейных ценностей, предполагает в свою очередь, сокращение государственных средств, предусматривающих поддержку детских домов, социальных центров и т.д.

Одной из социальных бед является безопасность на дороге. Основные задачи социальной рекламы по безопасности дорожного движения – донести до участников дорожного движения возможные причины возникновения дорожно-транспортных происшествий, привлечь население к деятельности по предупреждению дорожно-транспортных происшествий, сформировать у общества значимые стереотипы транспортной культуры и повысить правосознание граждан.

Часто проблема небезопасности дорожного движения подаётся в драматичных, а порой и шокирующих формах, что в принципе вполне объяснимо в ситуации, когда цена беспечности и невнимательности на дороге – человеческая жизнь.

Большинство рекламных сообщений, посвященных данной проблеме, построено на сочетании визуальных и вербальных кодов. Реклама безопасности дорожного движения включает в себя зрительный образ дорожного события и сообщение зачастую побудительного, призывающего характера.

Для анализа мы взяли рекламные сообщения, рассчитанные на массовую аудиторию (предполагается их распространение в рунете, российских СМИ, а также использование в качестве внешней (щитовой) рекламы).

Рассмотрим стратегии воздействия рекламы безопасности дорожного движения, которые конструируют образы, воздействующие на сознание реципиента и позволяющие так или иначе образом изменить проблемную ситуацию в данный период.

Стратегия риторического вопроса. Достаточно часто вдоль проезжей части можно увидеть рекламный щит с одним-двумя вопросами (но не более трех) риторического характера, призывающими не нарушать правила дорожного движения.

Рис. 1

Данный щит является примером действия механизма вопросной цепочки. Три вопроса «Детей? Пристегивать? А зачем?» способствуют нарастанию интонации, которая может интерпретироваться с точки зрения общественного гнева (Действительно, а зачем пристегивать детей?!). Вопросы могут выражать и отношение безответственных родителей к безопасности ребенка (А зачем пристегивать ребенка? Он и так доедет), что в свою очередь тоже осуждается обществом. Особое внимание обращает оранжевый фон. В сознании большинства людей оранжевый цвет обладает позитивной жизнеутверждающей энергией. Таким образом, имеет место противостояние агрессивного посыла вербального компонента и позитивного посыла невербального компонента. Данная антикорреляция активизирует диссонанс в сознании реципиента и привлекает его внимание к социальной проблеме.

Рис. 2

Еще один пример вопросительной конструкции в сочетании с визуальным рядом. На рекламном щите изображена детская кукла, попавшая под колесо автомобиля. Нетрудно предположить, что аналогичным образом под колесами транспорта может оказаться ребенок, который (согласно вопросу «Тоже спешишь?») может погибнуть не по своей невнимательности, а потому что водитель торопился и двигался на большой скорости.

Стратегия констатации факта. Суть стратегии заключается в фиксации неопровержимых фактов: человеческие возможности ограничены, у человека нет дополнительных функций спасения своей жизни. Отсюда следствие – необходимо соблюдать правила дорожного движения.

Рис. 3

Вербальный ряд данного рекламного сообщения: «У пешеходов нет подушек безопасности». Подушка безопасности здесь выступает в роли второго шанса, счастливой возможности спасения и продолжения жизни. Отметим, что воздействие данного рекламного сообщения направлено именно на водителя автомобиля: вербальный компонент сигнализирует о том, что у пешехода нет ни единого шанса на спасение, поскольку он не обладает соответствующим техническим оснащением.

Рис. 4

Данный рекламный щит приводит суждение «Жизнь не игра!». Это первый вербальный компонент, подтверждающий хрупкость человеческой жизни, невозможность ее повтора. Второй вербальный компонент «На дороге нет победителей» дополняет первый и усиливает образность. Транслируется мысль о том, что дорожное полотно не является игровым полем, здесь неприемлем азарт гонщика, наоборот, необходима предельная сосредоточенность и четкое следование схеме движения. Визуальный ряд поддерживает данную идею: изображение баскетболиста с достаточно строгим выражением лица, который указательным пальцем отмечает последствия нарушения правил. Метафорический смысл рекламы: последует удаление с площадки жизни надолго или навсегда.

Стратегия ситуации выбора. Рекламные сообщения содержат в своей основе ситуацию поведенческого выбора. Безусловно, предполагается, что человек должен сделать выбор, исходя из своих жизненных установок и знаний. Часто рекламные сообщения создают лишь условность, мнимую видимость выбора. На самом деле, ответ реципиента однозначен и заранее известен и предполагается, что он задумается о данной социальной проблеме.

Рис. 5

Данное рекламное сообщение поднимает проблему употребления алкоголя за рулем. На поверхности стола находятся shot glasse с алкоголем и связка ключей от автомобиля. Вербальный компонент «Один предмет в одни руки» подтверждает заранее заявленную нами условность выбора. Цель рекламного сообщения – внушить однозначный выбор: либо быть за рулем и не употреблять алкоголь, либо обойтись без автомобиля.

Рис. 6

Данный рекламный щит достаточно популярен в последнее время. Пожалуй, его можно встретить чаще всего на дороге. На первый взгляд, реклама оказывает шокирующее действие, поскольку создатели учли ряд факторов. Четко выбрана целевая аудитория, вероятно, это молодые родители детей до 12 лет, вербальное сообщение «Выбирай, куда посадить ребенка» расположено в центре щита – воспринимающие информацию субъекты чаще всего именно с центра изображения начинают ее считывать. И наконец, последнее: расположение на пространстве щита детских кресел. Создатели рекламы учли особенность прочтения информации слева направо. Детское инвалидное кресло шокирует и отталкивает, взгляд переводится направо – изображено детское автомобильное кресло – вот истинный выбор того, что спасет жизнь ребенка.

Стратегия подсказок. Данный вид рекламных сообщений включает в себя прямое графическое изображение правила дорожного движения, т.е. напоминает о том, каким образом должен действовать участник дорожного движения.

Рис. 7

Данное рекламное сообщение не только «напоминает» водителю автотранспорта, что на пешеходном переходе необходимо пропустить пешеходов. Реклама в данном случае обращает внимание и на бережное отношение участников движения друг другу. Неслучайно пешеходный переход, или «зебра», трансформировалось в слово «спасибо».

Таким образом, можно говорить о целом ряде стратегий, используемых в российской социальной рекламе безопасности дорожного движения. Данная реклама с помощью стратегий воздействия регламентирует поведение реципиента и создает в его сознании социально значимые «якори», которые должны проявляться в случае актуализации той или иной ситуации на дороге.

ЛИТЕРАТУРА

Электронный ресурс: <http://www.socreklama.ru>

Березкина О. П. Социальная реклама и ее место в обществе / Социально-психологическое воздействие СМИ : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / О.П. Березкина. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – с. 141-144.

Савельева, О.О. Введение в социальную рекламу. – М.: «РИП-холдинг», 2006. – с. 24.

Федеральный закон РФ «О рекламе» от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ (ст. 3).

С. В. Иванова
Уфа, Башкортостан

ОЦЕНОЧНЫЕ ПЕРЕВЕРТЫШИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена одной из коммуникативных стратегий, нацеленной на изменение оценочности в политическом дискурсе. Суть данной стратегии состоит в том, чтобы по принципу перевертыша составить оценочную транспозицию, в результате которой критический микротекст с отрицательной оценкой сменяется коротким высказыванием с положительной оценкой. За счет такого построения текста оценочность положительного микротекста приобретает экспрессивность и более высокую степень на шкале оценки.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, оценочный перевертыш, политическая коммуникация, политический дискурс, оценочность.

S. V. Ivanova
Ufa, Bashkortan

EVALUATIVE TOPSY-TURVIES IN POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article deals with a communicative strategy aimed at changing the expression of evaluation in political discourse. This strategy embodies the topsy-turvy principle according to which an evaluative transposition is constituted and it results in the replacement of a critical microtext with a short utterance expressing positive evaluation. Due to this textual structure evaluation of the positive microtext acquires expressivity and gets a higher marking on the evaluation scale.

Keywords: communicative strategy, evaluative topsy-turvy, political communication, political discourse, evaluation.

Общеизвестно, что политическая коммуникация требует высокого риторического искусства, которое выражается в свободе использования разнообразных риторических приемов, коммуникативных стратегий и тактик. Чтобы быть коммуникативно успешным, функционирующий в пространстве политической коммуникации оратор должен не только уметь пользоваться всеми ресурсами языка «для себя», но, прежде всего, применять их, нацеливая вовне с тем, чтобы расширить сферу своего влияния, заставить аудиторию поверить в него, прикнудить к его партии или, как минимум, стать его сторонником.

Политическая коммуникация агональна и контрарикторна по своей природе, что исходит из самого предмета политики. Контрарикторность политической коммуникации проявляется и формально и содержательно, причем и форма и содержание в данном случае существуют в неразрывном единстве, вполне подтверждая аргументацию продолжателей идей Маршалла Маклюэна. Трактую известный тезис философа коммуникации XX века *medium is the message / среда и есть само сообщение*, его современные последователи подчеркивают, что значение производится в недрах и посредством социальных, политических, экономических и культурных институтов, с привлечением технологий, образования, религии во взаимодействии с человеком, существующим в физическом мире. Значение доходит до слушателя, как письмо в конверте, проштемпелеванное, с адресом и доставленное из одного пункта в другой; оно запечатано отправителем и вскрывается адресатом. Так же как и письмо, которое никогда не будет доставлено без конверта с адресом и маркой, значение никогда не появится в отрыве от воплощающей его формы. Форма и значение неотрывны друг от друга [Plate 2012]. Соответственно, предметная контрарикторность политической коммуникации проявляется в типовых ее свойствах, таких как ритуальность и информативность, институциональность и персональность, эзотеричность и общедоступность, редукционизм и полновесность, экспрессивность и стандартность, диалогичность и монологичность, эксплицитность и имплицитность оценки, агрессивность и толерантность [Чудинов 2007: 53–71].

Одним из проявлений контрарикторности политической коммуникации выступает коммуникативная стратегия, которую можно было бы назвать оценочным перевертышем. Ее суть состоит в том, чтобы перевернуть знак высказывания с минуса на плюс или, наоборот, с тем, чтобы представить и в дальнейшем навязать слушающему наилучшую, с точки зрения говорящего, альтернативу. Ранее нами уже была описана коммуникативная стратегия, также направленная на манипулятивную «игру» с оценочностью: коммуникативная стратегия политического ребрендинга от противника. Данная стратегия направлена на изменение знака оценки номинативной единицы с положительного на отрицательный. Это производится за счет выбора такого средства переименования общепринятого имени политического противника, которое имеет целью «его моральное уничтожение или резкое снижение его политического статуса за счет создания нового образно-символьного номинирующего комплекса на основе и со следами первоначального имени, что влечет за собой изменение знака оценки с положительного на отрицательный» [Иванова 2013: 43].

Рассматриваемая и анализируемая в данной статье разновидность коммуникативной стратегии, базирующейся на оценочности высказывания и работающая по принципу перевертыша, предполагает первоначальное усиление отрицательного контекста критической направленности с тем, чтобы затем противопоставить ему альтернативу, характеризующуюся положительной оценкой. Ярким примером такого риторического приема является легендарный эпизод, якобы имевший место на защите кандидатской диссертации сына Н. С. Хрущева. При обсуждении диссертации один из членов диссертационного совета встал и отчетливо произнес, повергнув в полнейшее смятение всех сидящих и нарушив спокойный и предсказуемый ход заседания: «Диссертация заслуживает внимания, однако ее автор сделал одну очень серьезную ошибку». Дрожь пробежала по залу заседа-

ния, члены диссертационного совета затаили дыхание. Между тем выступающий продолжал, нагнетая градус критичности: «Я не согласен, что это кандидатская диссертация». Выдержав паузу, он закончил мысль: «Эта диссертация заслуживает быть докторской!»

Данная стратегия весьма успешно используется политиками. Суть ее состоит в том, что критическое высказывание, которое характеризуется нарастающим отрицательным зарядом, неожиданно находит положительную альтернативу, а проблема – свое решение. Отрицательный контекст сменяется контекстом, рисующим силу, способную справиться с негативом. Степень отрицательной оценки критического высказывания прямо пропорциональна степени положительности героя, способного справиться с неминуемой катастрофой, или объекта, который призван заменить то, что вызывает нарекания. Ярким примером подобного рода является отрывок из книги о героях американской глубинки, которые служат интересам своих избирателей и т.п. Авторы сообщают о том, как плохо обстоят дела в стране: стагнирует заработная плата, система здравоохранения не справляется со своими задачами, инфраструктура страны разваливается, миллионы домовладельцев сталкиваются с закрытием банков, окружающая среда страдает, корпорации требуют больших доходов на фоне беднеющего населения, которое влачит свое жалкое существование, да и мир не стал безопаснее после многих лет борьбы с терроризмом (*America is a great country, but there's a lot that has gone wrong. Wages are stagnant. The health care system is in tatters. The country's infrastructure is falling apart. Millions of homeowners face foreclosures. Very, very bad things are happening in the environment. Big corporations demand ever greater profits while regular folks struggle to get by. After years of engaging in a "war on terror", we are less and less safe. What are politicians doing about this? For the most part, they're yelling at each other about who is to blame* [Siceloff, Maloney 2008: 229]). При этом политики ничего не делают, чтобы исправить положение. Далее целую страницу авторы посвящают проблемам лоббизма и печально известному лоббисту Джеку Абрамову (Jack Abramoff). На фоне полностью отрицательного контекста, посвященного американским влиятельным политикам высшего звена, которые только кричат друг на друга и ищут виноватых, далее следует высказывание, которое нарушает выстроенное по принципу нарастания перечисление негативных проявлений современной американской жизни: *The good news is that Duke Cunningham is the exception, not the rule* [Siceloff, Maloney 2008: 230]. Таким образом, все же есть те, кто нарушает политический мейнстрим, кто готов постараться изо всех сил, чтобы сделать жизнь в стране лучше. Это высказывание является кульминационной точкой, которая с очевидностью свидетельствует о транспозиции, то есть сдвиге синтаксических структур, которые приобретают новые дополнительные коннотации [Арнольд 2002: 223]. Имевший отрицательную оценку довольно протяженный контекст перекрывается единственным предложением, которое коммуникативно уравнивает его. Соответственно, противоположная по знаку оценочность принимает концентрированное выражение, имея в качестве противовеса весьма короткое высказывание, эксплицирующее ее.

Таким образом, оценочный перевертыш работает по принципу оценочной транспозиции, то есть резкой смены знака последовательно расположенных микротекстов – с отрицательного на положительный. Второй особенностью данной коммуникативной стратегии является то, что микротексты не равны по своей протяженности. Отрицательный контекст представляет собой довольно длинное сверхфразовое единство, построенное по принципу нарастания негативно характеризуемых описываемых явлений. Отрицательному контексту противостоит довольно короткое высказывание, нацеленное на то, чтобы перекрыть отрицательную оценку. Соответственно, коммуникативная сила короткого положительного высказывания придает ему больший вес с тем, чтобы уравновесить его с большим по протяженности сверхфразовым единством. Собственно говоря, примером подобного рода можно назвать и известное высказывание В. И. Ленина: «Есть такая партия!» в ответ на долгие сетования его политических противников о том, что в России нет политической силы, способной решить насущные на тот момент для страны проблемы.

Таким образом, оценочность политической коммуникации как ее стилиобразующая черта [Чудинов 2007: 65] требует использования самых разнообразных коммуникативных стратегий. Они могут затрагивать номинативный уровень (как, например, в использовании кличек, навешивании ярлыков, при политическом ребрендинге), но также выходить на уровень текста как коммуникативного единства. В этом случае один микротекст, характеризующийся определенной оценочностью, сменяется стоящим к нему в транспозиции другим микротекстом с прямо противоположным знаком оценки. Протяженность первого контекста и лапидарность второго способствуют тому, что выражение оценки приобретает ошутимую экспрессию за счет несоразмерности текстов, что также сопровождается увеличением степени положительной оценки на шкале оценочности.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 5-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
Иванова С. В. Политический ребрендинг от противника как коммуникативная стратегия // Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. Вып. 4 (46). – С. 42–46.
Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Флинта : Наука, 2007. – 256 с.
Plate S. B. The Mediation of Meaning, or Re-Mediating McLuhan / S.B. Plate. URL: <https://wp.nyu.edu/therevealer/2012/06/23/the-mediation-of-meaning-or-re-mediating-mcluhan/> (дата обращения 18.07.2016).

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Siceloff J., Maloney J. Your America: Democracy's Local Heroes. Palgrave, MacMillan, 2008. – 245 p.

К. А. Ковалева
Кемерово, Россия

МЕТАФОРЫ ИГРЫ И СПОРТА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ ЮЛИИ ТИМОШЕНКО

Аннотация. На примере русскоязычного сайта Юлии Тимошенко рассматривается специфика спортивно-игровой метафорической модели и ее роль в концептуализации политической жизни Украины. Описываются фреймы и слоты, структурирующие данную метафорическую модель, определяются основания метафорического переноса. Спортивно-игровые метафоры в речи Юлии Тимошенко обладают негативным прагматическим потенциалом, реализуя значение неискренности и обмана.

Ключевые слова: спортивная метафора, игровая метафора, метафорическая модель, концептуальная метафора, политическая лингвистика, Юлия Тимошенко.

К. А. Kovaleva
Kemerovo, Russia

METAPHORS OF GAMES AND SPORTS IN THE POLITICAL SPEECHES OF YULIA TIMOSHENKO

Abstract. The article analyzes the specifics of the sports-games of a metaphorical model and their role in the conceptualization of Ukraine's political life on the web pages of the Russian version of Y. Timoshenko's site. The frames and slots structuring the given metaphor are consistently described, the bases of metaphorical shift are defined. Metaphors of games and sports in the Y. Timoshenko's speech have negative pragmaticism potential, realize the importance of insincerity and deception.

Keywords: sports metaphor, games metaphor, metaphorical model, conceptual metaphor, political linguistics, Yulia Timoshenko.

*Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект 15-04-00311
«Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации»*

Феномен игры является важной составляющей любой культуры. Многообразие игр и их роль в истории развития общества делают их объектом рассмотрения многих наук: философии, социологии, культурологии, психологии, филологии и др. Взаимоперекрещивающиеся метафорические модели «Политика – это игра» и «Политика – это спортивное состязание» широко распространены в политическом дискурсе, что связано с совершенно особой ролью игры и спорта в человеческой деятельности (см. работы Е. С. Белова, О. Н. Кондратьевой, Н. Г. Мещановой, Н. М. Удаловой, А. П. Чудинова, Н. М. Шехтман и др.). Политики – это люди, которые ведут постоянную игру, играют на публику, стремятся обыграть своих конкурентов и одержать над ними победу.

При рассмотрении метафор в политическом дискурсе Юлии Тимошенко было установлено, что сферой-мишенью выступает исключительно деятельность украинских политиков, и в составе метафорической модели были выделены фреймы «Виды игры» и «Правила игры».

1. Фрейм «Виды игры и спорта».

1.1. Слот «Игра вообще (без конкретизации)». В данном слоте наименование *игра* используется в значении «преднамеренный ряд действий, преследующих определенную цель; интриги, тайные замыслы».

Власть Украины в Выступлениях Юлии Тимошенко представлена как циничная сила, которая играет с народом и со страной ради собственной выгоды: *Это игра со страной. Поставьте и проголосуйте. Если нет, официально заявляю: мы прекращаем голосовать за что-либо. Потому что такое издевательство, которое происходит сейчас над людьми, такого не было за 25 лет независимости* (21.04.2016);

Но при этом Юлия Тимошенко вынуждена тоже вступать в игру со своими оппонентами, хотя это ее не устраивает: *С чем мы играем? Нам нужно прекратить исповедовать двойные стандарты. И поэтому второе, на чем настаивает «Батькивщина», – на немедленном отчете Совета национальной безопасности и обороны, правительства Украины, всех других компетентных структур государственной власти Украины о введении санкций против России со стороны Украины* (16.03.2015).

Более того, политик рассчитывает на победу в этой игре, и эту победу должно одержать общество: *Но я думаю, что они не смогут выиграть в целом у украинского общества. Общество становится все мудрее* (15.10.2014).

Экс-премьер-министр отмечает то, что ее оппоненты ведут нечестную игру, при этом стараясь не дать победить Юлии Тимошенко: *Так же Фирташ сказал, что во время последних президентских выборов он прилагал все усилия для того, чтобы я ни в коем случае не могла выиграть в этой гонке. Как вы думаете, почему?* (20.05.2015).

Чаще всего исход таких игр решен заранее, а значит, сама игра, самое соревнование являются показательными: *Но обидно, что правительственная фракция сегодня боролась за законопроект, который, во-первых, оставляет тариф для людей на тепло и газ как сегодня, во-вторых, хотели оставить 70% ренты для нашей газодобывающей отрасли, а для олигархических кланов они сегодня боролись за льготы, которые они хотели бы дать своим. Это было показательное соревнование в парламенте* (17.03.2015).

Стоит отметить, что Юлия Тимошенко не считает игру властей Украины успешной, так как у этой игры неверная стратегия, или ее вовсе нет: *Это говорит о том, что у Украины, а вернее, у ее сегодняшнего руководства нет внешнеполитической стратегии, не имеет представления, как ее воплотить в жизнь* (07.04.2011).

Юлия Тимошенко в политических выступлениях называет игроками не только политиков, но и Украину

вместе с ее странами-сторонниками, которые соревнуется с другими государствами, прежде всего с Россией: *Нам нужно вместе с нашими европейскими друзьями, вместе с Соединенными Штатами Америки, сильнейшим игроком за мир, в том числе на территории Украины, понять, что предоставление специального устава Донбасса в этой Конституции* (12.09.2015).

Главный приз за победу в игре между государствами – время: *На самом деле – та стратегия, на которую мы полагались – минские договоренности, так как и предполагалось в принципе и все это прогнозировали, что это исключительно технология Кремля для того, чтобы выиграть время* (15.10.2015).

1.2. Слот «Азартные игры». Среди игр, в которые предпочитают играть политики, преобладают азартные игры. Украинские политики играют в рулетку, в наперстки, делают ставки в тотализаторе и пользуются подобными технологиями в своей основной деятельности: *Летом 2009 года я сделала попытку поменять вместе с Партией регионов Конституцию на чисто парламентскую форму правления. Я считала, что мы не имеем права играть со страной ва-банк, и если есть хоть один шанс, что Янукович мог стать Президентом, надо было объединиться всем и принимать изменения в Конституцию о парламентской форме правления* (15.04.2011).

Если Юлия Тимошенко не позволяет себе играть, рискуя судьбой страны и народа, то окружающие ее политики играют со страной, делая ставки друг на друга, как на ипподроме: *Я думаю, что мы все с вами доживем, при нашей жизни, когда в соседних странах не будут ставки делать на политиков, как на скаковых лошадей, и определяться, на кого делают ставку* (17.02. 2011).

1.3. Слот «Спортивные игры». В этом виде игры на первом плане оказывается соревнование, стремление к победе: *Я твердо знаю, что сегодня есть реальная оппозиция, с которой «по-взрослому» соревнуются, а есть комфортная оппозиция, правильная, удобная, и которая строго попадает в систему удержания власти действующей клановой системы* (16.04.2011); *И когда возникнет определенная конкуренция между континентальной страной – европейской, красивой, успешной – и теми территориями, где до сих пор царит авторитаризм, мы выиграем это интеллектуальное соревнование. Мы выиграем это моральное соревнование, мы выиграем эти духовные приоритеты* (29.03.2014).

Стоит отметить, что политическая игра в дискурсе Юлии Тимошенко – это командная игра, и в этой игре объединяется вся страна против своего противника: *Все, что нужно, чтобы побеждать, мы будем делать. Сегодня не существует разделения на политические команды. Сегодня существует единая команда Украины* (9.10.2015).

Чаще всего политические соревнования представляются в виде гонок: *Также Фирташ сказал, что во время последних президентских выборов он прилагал все усилия для того, чтобы я ни в коем случае не могла выиграть в этой гонке* (20.05.2015).

Для политических соревнований важен удачный старт, ведь именно от него может зависеть итог всей игры: *Эти деньги вместе с целевой финансовой помощью со стороны стран мира является хорошим стартом для перехода на профессиональную армию* (12.09.2015).

Кроме того, противники представлены в речи Юлии Тимошенко как спортсмены, наносящие удары своему противнику, политическое противодействие напоминает бокс. При этом удары наносятся против правил: *Сегодня у меня снова судилище. Кличко легче: боковой... прямой... Но Янукович – не Хэй... Бойтся честного боя – выборов, прячется за киреевыми»* (04.07.2011); *Та стратегия, на которую мы полагались, – минские договоренности, так как и предполагалось в принципе, и все это прогнозировали, что это исключительно технология Кремля для того, чтобы выиграть время, подтянуть силы на нашу территорию и нанести еще и еще сокрушительные удары по Украине* (15.10.2015).

2. Фрейм «Правила игры». Любая игра строится по определенным правилам: определен состав участников, место и время, разрешенные и запрещенные приемы и действия и т.д.

В последнее время все чаще нарушать правила стала Россия, в лице президента: *Путин уже много раз перешел красную линию, определенную в том числе минскими соглашениями. Мы думаем, что надо сделать все возможное, чтобы экономическая, финансовая изоляция режима Кремля продолжалась* (20.05.2015).

Для политического дискурса Тимошенко характерна метафоризация политической деятельности противников не как обычной игры, а как игры с нарушением правил (см. примеры выше) или игры в поддавки. Если сама по себе игра уже нечто искусственное, то игра с нарушением правил, игра в поддавки – неискренность и искусственность в квадрате: *Действующий глава правительства считает, что Виктор Янукович пообещал досрочные выборы в парламент для того, чтобы подыграть тем лидерам, которые не прошли во второй тур* (02.02.2010). Ошибочные решения приводят к тому, что это играет на руку политическим оппонентам: *Сделать так, значит играть на руку Януковичу и его банде. Они хотят, чтобы вы считали, что авторитарное правление, которое он ввел, это лучшее, что может предложить Украина* (11.09.2011).

Подобные стратегии игры политиков приводят к проигрышу всего государства в целом: *На проигрыш себя обрекает страна, которая допускает такую систему выборов, которая обеспечивает конкуренцию денег, а не идей* (09.10. 2010); Игры политиков со страной просто опасны, особенно когда идет игра ва-банк, их не следует допускать: *Я считала, что мы не имеем права играть со страной ва-банк, и если есть хоть один шанс, что Янукович мог стать Президентом, надо было объединиться всем и принимать изменения в Конституцию о парламентской форме правления* (15.04.2011).

Таким образом, метафорические модели с источником «игра» представлены фреймами «виды игры» и «правила игры». Показательно, что в идиостиле Тимошенко политики и судья Киреев играют без стратегии, с нарушением правил и только в азартные игры, ведь именно в таких играх результат зависит не от личных достоинств и усилий политика, а от умения притвориться, обмануть и от судьбы, удачного случая. В то время как

политическая игра требует хорошей подготовки, грамотной стратегии и честности. Игровые метафоры в речи Юлии Тимошенко обладают негативным прагматическим потенциалом, реализуя значение неискренности и обмана, что является выгодным для политической карьеры экс-премьер-министра.

ЛИТЕРАТУРА

Белов Е. С. Спортивная и игровая метафорика, в российском и американском внешнеполитическом дискурсе // АСТА LINGÜISTICA. Sofia : Eurasia Academic Publishers, 2009. Vol. 3. – С. 133–143.

Кондратьева О. Н. Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко // Политическая лингвистика. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2010. № 4 (34) – С. 101–112.

Мешанова Н. Г. Метафорическая реализация образа спортивной игры в политическом дискурсе // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования : мат-лы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч.2. Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2006. – С. 178–184.

Удальцова Н. М. Спортивная концептуальная метафора в англоязычном медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). – С. 173–181.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

Шехтман Н. М. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе. URL: <http://cognitiv.narod.ru/diss.html> (дата обращения 18.05.2012).

ИСТОЧНИКИ

Официальный сайт Юлии Тимошенко (архивная версия). URL: <http://www.tymoshenko.com.ua/ru/>.

Официальный сайт Юлии Тимошенко. URL: <http://www2.tymoshenko.ua/ru/>.

А. Е. Козлов

Новосибирск, Россия

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ, РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗАХ (опыт Новосибирской области)

Аннотация. В статье анализируется феномен «конфликта интерпретаций», который возникает вследствие сложности и уникальности эстетического кода экспертируемых текстов, а также альтернативности существующих парадигм исследования. Рассматриваемые кейсы, иллюстрирующие опыт Новосибирской области, показывают необходимость назначения комплексной экспертизы, позволяющей повысить объективность экспертных выводов. Особое внимание уделено экспертизе по делу новосибирского оппозиционера Максима Кормелицкого, инициированной «православными активистами» Новосибирска. В заключение представлены рассуждения о феномене «конфликта интерпретаций» в свете действующего законодательства.

Ключевые слова: интерпретация, конфликт интерпретаций, экспертиза, конфликтный текст, Новосибирская область.

A. E. Kozlov

Novosibirsk, Russia

CONFLICT OF INTERPRETATIONS IN LINGUISTIC, CULTUROLOGICAL AND RELIGIOUS STUDIES EXPERTISE (Novosibirsk Region experience)

Abstract. The article analyzes the phenomenon of “conflict of interpretations” which is caused by the complexity and uniqueness of the aesthetic code of the text under expertise and the alternative nature of the current research paradigms. The cases illustrating the experience of the Novosibirsk Region in the field of expertise illustrate the necessity of comprehensive expertise in order to improve the degree of objectivity of expert conclusions. Special attention is paid to the examination of the case of the Novosibirsk opposition leader Maksim Kormelitskiy initiated by the Siberian "orthodox activists". In conclusion, the article presents speculations about the phenomenon of "conflict of interpretations" in the light of current legislation.

Key words: interpretation, conflict of interpretations, expertise, conflict-driven text, Novosibirsk Region.

Материал подготовлен в рамках реализации гранта РГНФ № 15-14-54001

«Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования: оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона», тип проекта а (р)

Интерпретация как основной механизм анализа текста (в широком смысле этого слова – знаковой системы) демонстрирует неустранимый парадокс между современными гуманитарными концепциями и практикой анализа. В ходе проведения экспертизы интерпретация получает узко-векторную направленность, зачастую редуцируясь в однозначности выводов и суждений эксперта. В то время как философия гуманитарного знания подразумевает его гносеологическую бесконечность, эксперт в гуманитарной сфере, наоборот, сужает поле существующих интерпретаций до минимума, определяемого прагматикой исходной ситуации.

Согласно федеральному закону, «эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение экспер-

та должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных». Если при использовании точных методов анализа (например, дефиниционного, статистического) такое утверждение не вызывает вопросов, то при более сложных операциях (функционально-стилистический, семантико-прагматический анализ и пр.) вовлеченность и принципиальная неустрашимость исследователя влияет на верифицируемость результата экспертизы.

По мере возрастания сложности экспертируемого объекта естественным образом возрастает и сложность его интерпретации. В том случае, когда объектом исследования становятся не очевидные продукты речевой деятельности (диалоги, рекламные тексты, лозунги), которые могут быть сведены к семантическому примитиву и выражены через иконический знак (например, эмблемы, бренды), а произведения искусства (в том числе массового), вопрос объективности результата экспертизы представляется нам дискуссионным.

Имея отношение к «вторичной моделирующей системе», произведение искусства (роман, стихотворный текст, живописное полотно, перформанс, инсталляция и пр.) может быть описано и оценено в рамках одной из научно-исследовательских парадигм, при этом при смене языка описания могут изменяться не только базовые категории, но и свойства, и паттерны, описываемые ими (так, например, трактовка произведения искусства через диалектический материализм будет отличаться от структуралистского анализа). Очевидно, что современное искусство, использующее социальное пространство и язык повседневности для решения эстетической задачи, подразумевает использование адекватного, регулярно обновляемого метаязыка.

Возникающее противоречие между конечной интерпретацией и интерпретационным потенциалом рассмотрим далее на примере спорных ситуаций, требующих проведения комплексной культурологической (или искусствоведческой), религиозной и собственно лингвистической экспертизы. Следует оговориться, что в реальном делопроизводстве, как правило, назначается один из видов экспертизы, что заведомо понижает объективность экспертных выводов.

Анализируемый далее опыт Новосибирской области предлагает несколько знаковых кейсов, иллюстрирующих некоторые теоретические положения данной статьи. Наиболее прецедентными за последнее время стали разбирательство вокруг оперы «Тангейзер» (режиссер Т. Кулябин), ряд громких судебных процессов, инициированных т.н. «православными активистами», наконец, процесс новосибирского общественного деятеля Максима Кормелицкого, завершившийся реальным лишением свободы.

Говоря о назначении экспертизы в деле о «Тангейзере», отметим несколько существенных недочетов, повлиявших на развитие событий. Во-первых, экспертиза была инициирована частным лицом, в частности, доктором богословия (то есть не имеющим отношения к номенклатуре ВАК), протоиереем Борисом Пивоваровым. Отсутствие заключения эксперта-культуролога определило методологическую диспропорцию, ставшую очевидной при обсуждении дела в суде. Альтернативные интерпретации, предложенные новосибирскими специалистами, в частности, филологом Натальей Ласкиной и культурологом Ириной Яськевич, не были учтены в ходе судебного разбирательства. Во-вторых, методология анализа, предполагающая произвольную сегментацию цельного текста и автономное рассмотрение символических знаков вне общей знаковой системы, явно противоречит существующим методам культурологического анализа (согласно материалам дела, Борис Пивоваров назвал основным методом режиссера «наложение сакрального на неприличное»). Результатом стало формирование ложной репутации и ложного имиджа спектакля: в сущности притчевый (хотя и, безусловно, провокационный) сюжет был прочитан в контексте иной знаковой системы («безбожного», массового искусства).

Менее прецедентным стало разбирательство, инициированное новосибирскими активистами, против живописных произведений арт-группы «Синие носы». Предмет разбирательства – «карикатурное изображение полуобнаженных Иисуса Христа, Пушкина А. С., Путина В. В., держащих в руках рюмки» (цит. из постановления – А.К.), привлек внимание общественности из-за нарочито карнавального соединения сакрального символа и профанного знака (в частности, светской фотографии). Выводы, к которым пришел эксперт, показали, что «автор работает с семиотическим мемом “наше всё”, куда включает, с одной стороны, А. С. Пушкина, а с другой – устойчиво закрепившиеся в общественном сознании образы Иисуса Христа и В. В. Путина как взаимодействующие и взаимозависимые полюсы русской культуры, определяющие ее величие и преемственность».

Специфика последнего кейса определяется тем обстоятельством, что иск был направлен не против автора изображения, а разместившего его на своей странице активиста. По этому же сценарию был инициирован резонансный иск против упомянутого выше оппозиционера Максима Кормелицкого. Предметом разбирательства стало изображение, размещенное Кормелицким на персональной странице в социальной сети.

Сложность при анализе изображений типа *графический мем* (таких как «мотиватор» / «демотиватор»), на наш взгляд, заключается в том, что это иконический знак, получивший символическое содержание. Как правило, графические мемы не являются произведениями искусства. В отличие от комбинированных текстов типа листовки, мем-изображения, зачастую направлены на вариативность исходной интерпретации. Обращаясь к аналогиям, бытование мем-изображения в информационном пространстве, в силу его предельной синкретичности, можно уподобить постфольклорному тексту или лубочной книге, привлекающей читателя демократизмом языка.

В обоих случаях фактор авторства перестает играть сколько-нибудь значимую роль; это заведомо анонимное высказывание, с которым говорящий может солидаризоваться на своей персональной странице или выражать критическое отношение к данному тексту, – прагматика пользователя может быть разной. Аналитика такого высказывания требует назначения комплексной религиозной, культурологической и лингвистической экспертизы.

В деле Кормелицкого предметом разбирательства стал креолизованный текст, представляющий фотографическое изображение и надпись, поясняющую видение представленной на нем ситуации: «А вы тоже о...ваете

от мысли, что эти долбо...бы подвергают (текст в верхней части изображения) свое здоровье опасности ради религии (текст в нижней части изображения)». Заметим, что высказывание представляет соединение логической и событийной пропозиции, реализованное в сложноподчиненном предложении с придаточным изъяснительным. Глагол *о...ть*, согласно словарю Д. И. Квеселевича, определяется синонимически словами *одуреть*, *обалдеть* [Квеселевич 2003: 569]. Можно утверждать, что в зависимости от контекста, данное слово может маркировать ментальную деятельность человека, демонстрируя крайнюю степень удивления действию / информации / сведениям. Экспрессивный характер слова усиливается использованием слова с табуированным корнем. В настоящем случае причиной удивления становится мысль, содержание которой раскрывается во второй части высказывания.

Группа людей, представленных на изображении, обозначена посредством сочетания указательного местоимения *эти* со словом с табуированным корнем *долбо...бы* (тупица, болван [Квеселевич 2003: 181]). Негативное отношение к обозначенной группе подчеркнуто выбором экспрессивного языкового варианта. Об обозначенной группе известно, что входящие в нее люди *подвергают свое здоровье опасности*, каузатором такого действия является религия (*ради религии*). Таким образом, субъектом мысли является некоторое заведомо неопределенное множество людей, интеллектуальные особенности которых оцениваются как низкие, что определяется их действиями, совершаемыми в интересах религии. Говоря о структуре высказывания, можно утверждать, что придаточный изъяснительный в сочетании со словами *о...ть от мысли*, маркируя ментальную деятельность, демонстрирует происходящее через субъективную модальность (видение ситуации / оценка ситуации). В нормативной пунктуации такое высказывание, учитывая его интонационную окрашенность, должно оканчиваться вопросительным знаком (тип риторического вопроса), однако в графических мемах, в соответствии с языком медиа, данная сигнальная система не является релевантной. Высказывание маркируется ключевыми словами *долбо...бы*, *ради религии*, *здоровье* (псевдоцерковнославянский). Тем не менее, исходя из анализа вербальных единиц, невозможно определить, о какой группе лиц и о какой религии идет речь.

Культурологическая и религиоведческая экспертиза позволяют определить, что изображенные на демотиваторе люди совершают обряд крещенского купания, или омовения. На это указывает место действия (иордань), жесты (троеперстие), облачение священнослужителя (белые ризы). Изображение коррелирует с текстовой информацией, позволяя прийти к выводу, что группа лиц, маркируемая местоимением *эти*, относится к людям, совершающим обряд крещенского купания.

Представим сказанное через систему взаимосвязанных семантических примитивов:

1. На мем-изображении представлены полуобнаженные люди, которые купаются в холодной воде в окружении других людей.
2. Из поясняющей надписи следует, что *эти люди* обладают низким интеллектуальным уровнем.
3. Из поясняющей надписи следует, что *эти люди* подвергают свое здоровье опасности, руководствуясь интересами религии.

Данные наблюдения определяют интерпретационный потенциал экспертируемого текста: 1) люди, представленные на мем-изображении, обладают низким интеллектуальным уровнем, поскольку наносят вред здоровью, руководствуясь интересами религии; 2) люди, которые уподобляются тем, что представлены на мем-изображении, обладают низким интеллектуальным уровнем, поскольку наносят вред здоровью, руководствуясь интересами религии (то есть люди, которые жертвуют здоровьем ради религии – *долбо...бы*). Оба варианта интерпретации осложняются синтаксической конструкцией и интонацией высказывания, не позволяющей рассматривать данную пропозицию как утверждение (оценка / мнение). Кроме того, исходя из семантики словосочетания *о...ть от мысли*, а также данных культурологической и лингвистической экспертизы, возможно прийти к альтернативному выводу. Так, данный текст может выступать в непрямой корреляции с изображением, представая способом вербализации невербального, а именно – жеста и мимики. В частности, выражения лиц людей, находящихся в купели, демонстрируют определенную степень переживания (*одуреть*, *обалдеть*), таким образом, надпись может отражать внутреннюю речь одного из участников ситуации. Собственно говоря, из коммуникативной ситуации, представленной на мем-изображении, невозможно сделать вывод об инстанции нарратива, в частности, ответить на вопрос, кому именно принадлежат данные суждения. Дейктическая неопределенность местоимения, отмеченная выше, не позволяет прийти к однозначному выводу.

Из апелляционной жалобы Кормелицкого следует, что комплексная экспертиза мем-изображения произведена не была. Тем не менее, исходя из представленного анализа, можно с большой долей вероятности утверждать, что эта мера позволила бы избежать однозначных и от того неоправданных выводов.

Резюмируя три вышерассмотренных кейса, отметим, что в ряде случаев, по мере развития гражданского и правового общества Новосибирской области, экспертиза становится механизмом политической борьбы, дискредитации оппонента как *другого* и инакомыслящего. Последнее обстоятельство заставляет обратить пристальное внимание на феномен конфликтующих интерпретаций в экспертизе произведений искусства и тяготеющих к ним креолизованных текстов. Поиск компромисса между разными интерпретациями может значительным образом повысить объективность экспертных выводов.

Поводя итог, отметим:

1. При анализе произведений искусства (или тяготеющих к данной сфере креолизованных текстов) необходимо назначение комплексной экспертизы. В противном случае возможно спекулятивное использование экспертизы в интересах одной из сторон процесса.
2. При интерпретации произведений искусства, как правило, в полном объеме не учитывается интерпретационный потенциал экспертируемого текста. Тем не менее, возможность альтернативной интерпретации долж-

на отражаться в основном тексте экспертизы и приложениях.

3. Практика назначения и проведения экспертизы произведений искусства (или тяготеющих к данной сфере креолизованных текстов) демонстрирует несоответствие действующему законодательству.

а) «эксперт проводит исследования объективно» → объективный анализ произведения искусства в силу уникальности эстетического кода является многократно опровергнутым позитивистским приемом;

б) «на строго научной и практической основе» → научная и практическая основа определяется выбором парадигмы интерпретации. В зависимости от выбора терминологического аппарата и категорий интерпретации меняются свойства моделируемого объекта;

с) «в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме» → в региональной практике часты случаи экспертизы креолизованных текстов экспертами в области лингвистики, произведений словесности – экспертами-культурологами;

д) «заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» → подвижность и принципиальная бесконечность гуманитарного знания определяет множественность, вариативность и альтернативность большинства интерпретаций, верификация которых, в силу уникальности эстетического кода, эквивалентна интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

Валгина Н. С. Теория текста. М. : Логос, 2003. – 250 с.

Дрожащих Н. В. Синергетическая трактовка языкового знака // Политическая лингвистика. 2016. № 55. – С. 10–14.

Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М. : АСТ, 2003. – 1021 с.

Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налётова. М., 1975. – 205 с.

Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск : НГПУ, 2013. – 180 с.

Ляпон М. В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность. М., 1989. – С. 24–33.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций / пер. с фр. И. С. Вдовиной. М. : Академический проект, 2008. – 695 с.

Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

О. Н. Кондратьева

Кемерово, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ИДИОСТИЛЕ ПОЛИТИКА (к постановке проблемы)

Аннотация. Статья посвящена обоснованию нового направления диахронической политической метафорологии, заключающегося в изучении метафорической динамики в идиостиле отдельных политиков. Анализ метафор, доминирующих на каждом этапе карьеры политика, выявление причин, которые привели к изменению в его метафорическом инструментарии, позволит установить взаимосвязь между событиями в политической жизни персонажа и языковыми средствами, используемыми для их описания, то есть даст возможность эксплицировать когнитивные стратегии политика.

Ключевые слова: политическая коммуникация, диахроническая метафорология, дискурс, концептуальная метафора, Юлия Тимошенко.

O. N. Kondratyeva

Kemerovo, Russia

METAPHORICAL DYNAMICS IN INDIVIDUAL STYLE A POLICY (To a statement of the problem)

Abstract. Article is devoted to a background of a new direction diachronic political metaforology, consisting in studying metaphorical dynamics in style separate politicians. The analysis of the metaphors dominating at each stage of career of the politician, revealing of the reasons which have led to variation in its metaphorical toolkit, will allow to establish interrelation between events in a political life of the character and the language means used for their description, i.e. will enable to detect conceptual strategy of the politician.

Key words: political communications, diachronic metaforologiya, discourse, conceptual metaphor, Yulia Timoshenko.

*Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект 15-04-00311
«Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации»*

В разные исторические периоды существовали разные концепции политики, что находило свое выражение и в доминирующих метафорических стратегиях, которые в значительной степени определялись господствующей идеологией и духом эпохи. В связи с этим все более широкое распространение получает новое научное направление – диахроническая политическая метафорология, сосредоточенная на изучении «взаимодействия тенденций к стабильности и динамике, к сохранению культурной самобытности и взаимодействию с другими культурами, к чередованию периодов интенсивного развития («метафорические бури») и периодов относительной стабильности («метафорические штилы») [Аникин, Будаев, Чудинов 2015: 5].

На данный момент в работах представителей уральской лингвистической школы, активно развивающих идеи диахронической политической метафорологии, произведен анализ отечественных и зарубежных методик изучения истории политических метафор, рассмотрены тенденции к стабильности и инновациям в истории российских политических метафор, выявлены периоды «метафорических бурь» и «метафорических штилей».

Не разработанной на данный момент областью является изучение метафорической динамики в идиостиле отдельных политиков. Между тем, нам представляется значимым не только рассмотрение доминирующих в определенную эпоху метафорических моделей, не только изучение основных языковых особенностей (в том числе и метафорических) конкретного политического деятеля, но и анализ языковой эволюции политиков, анализ метафор, доминирующих на каждом этапе их политической карьеры, выявление причин, которые привели к изменению в метафорическом инструментарии политиков. Подобный ракурс изучения позволит установить взаимосвязь между событиями в политической жизни персонажа и языковыми средствами, используемыми для их описания, а также для описания политической ситуации в стране и воздействия на избирателей в каждый конкретный период, то есть даст возможность эксплицировать когнитивные стратегии политиков.

Для верификации данной гипотезы был выполнен анализ динамики метафорических моделей в выступлениях одной из наиболее ярких фигур современной политики – Юлии Тимошенко. Выбор для изучения данной политической фигуры обусловлен двумя факторами. Во-первых, это острая и нестабильная политическая ситуация на Украине, поскольку смена метафоры «особенно заметна в период общественно-политических преобразований» [Будаев 2011: 151]. В этом отношении страна, пережившая оранжевую революцию, евромайдан, разрушение территориальной целостности, вооруженный конфликт, представляется перспективным материалом для исследования. Во-вторых, именно Юлия Тимошенко является активным участником политических процессов на всех этапах современной истории Украины и ее выступления отличаются высокой степенью метафоричности и эмоциональности.

Для анализа были использованы выступления Юлии Тимошенко за 2010–2016 годы, поскольку данный временной отрезок максимально насыщен событиями как в политической жизни Украины, так и в политической судьбе Юлии Тимошенко. В рамках данного периода методом фокусной фрагментации были выделены следующие периоды: 1) 2010 г. – президентские выборы, проигрыш Виктору Януковичу, отставка правительства Ю. Тимошенко; 2) 2011 г. – судебный процесс над Ю. Тимошенко; 3) 2011–2014 гг. – пребывание в заключении; 4) 2014 г. – освобождение, юридическая реабилитация, президентские выборы, парламентские выборы; 5) 2015–2016 гг. – активная парламентская деятельность.

Исследование показало, что метафорический инструментарий Юлии Тимошенко на всех этапах ее пути отличается яркостью и разнообразием, регулярно используются милитарная, криминальная, театральная, спортивно-игровая, морбиальная, религиозная, строительная, компьютерная метафорические модели [см. Кондратьева 2010; Кондратьева, Ковалева 2015; Ковалева 2015 и др.], тем не менее, использование контент-анализа и приема количественного подсчета позволило выявить достаточно четкое доминирование в каждом из изученных периодов одной из перечисленных метафорических моделей, наиболее активно используемой для характеристики политических процессов и для самопрезентации.

В частности, во время первого участия в президентских выборах (2010) в выступлениях Юлии Тимошенко доминировали милитарные и, отчасти, спортивные метафоры, демонстрирующие стремление к победе, в период судебного процесса (2011) – театральные метафоры, актуализирующие фальшивость происходящего, постановочный характер процесса, его нелегитимность, в период пребывания в заключении (2011–2014) продуктивны религиозные метафоры, формирующие образ страдающей за идею политической мученицы, в период баллотирования в президенты в 2014 году активизируются криминальные метафоры, демонстрирующие несовершенство политической деятельности оппонентов и тревожную ситуацию в стране, с 2015 года снова наблюдается всплеск милитарной метафоры, являющийся отражением военного и политического конфликта в стране.

Обращает на себя внимание тот факт, что выявленные доминирующие метафорические модели коррелируют с прозвищами Юлии Тимошенко, активно используемыми в соответствующие этапы ее карьеры. Например, «газовая принцесса», «леди Ю» и монархическая метафора середины 1990-ых, «единственный мужчина в российской политике» и милитарная метафора (2004–2005), «икона свободы», «славянская мадонна» (в западных СМИ) и религиозная метафорика в период тюремного заключения и т.д., что косвенно подтверждает успешность избранных политиком метафорических стратегий, позволивших сформировать в глазах общественности соответствующий образ.

Выполненный анализ продемонстрировал, что изучение динамики метафорических моделей является областью, требующей исследовательского внимания. Комплексное исследование эволюции метафорических моделей в политическом дискурсе, в том числе – и в речи отдельных политических персонажей, выполненное в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, станет важным шагом в развитии диахронической метафорологии и будет способствовать выявлению особенностей миромоделирования русской нации на разных этапах ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Архетипы и инновации в диахронической динамике метафорических систем в политической коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. – С. 5–11.

Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. – 330 с.

Ковалева К. А. Метафорическая репрезентация политического конфликта на Украине в выступлениях Юлии Тимошенко // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : мат-лы междунар. науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2015. – С. 129–134.

Кондратьева О. Н. Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко // Политическая лингвистика. Урал. гос. пед. ун-т, 2010. № 4 (34). – С. 101–112.

Кондратьева О. Н., Ковалева К. А. Судебный процесс над Юлией Тимошенко в зеркале театральной метафоры (по материалам официально сайта) // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). – С. 115–119.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. – 238 с.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

Официальный сайт Юлии Тимошенко (архивная версия). URL: <http://www.tymoshenko.com.ua/ru/>.

Официальный сайт Юлии Тимошенко. URL: <http://www2.tymoshenko.ua/ru/>.

Ю. С. Костылев

Екатеринбург, Россия

ЛЕКСИКА «ЗАПИСОК ФЛОТА КАПИТАНА ГОЛОВНИНА О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ЕГО В ПЛЕНУ У ЯПОНЦЕВ» КАК ИНСТРУМЕНТ АДАПТАЦИИ В СИТУАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. В статье рассматривается лексика «Записок флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев» в аспекте создания положительного имиджа японца и Японии в глазах российской общественности начала XIX века. Лексика «Записок», характеризующая японцев, рассматривается как своеобразный инструмент, позволяющий представить этот народ в положительном свете. Анализ такой лексики вскрывает целеустановки автора и позволяет судить о том, насколько внутренне целостный образ создан на страницах «Записок». Авторскую целеустановку на создание положительного образа японца можно объяснить влиянием на автора эстетики сентиментализма, а также на понимание им ответственности за дальнейшее развитие российско-японских отношений.

Ключевые слова: образ японца, российско-японские отношения, межкультурная коммуникация, оппозиция «свой-чужой».

Y. S. Kostylev

Ekaterinburg, Russia

LEXICON OF «NOTES OF CAPTIVITY IN JAPAN BY FLEET CAPTAIN GOLOVNIN» AS A MEANS OF ADAPTATION TO SITUATIONS OF INTERCULTURAL CONFLICT

Abstract. The article discusses the image of Japan in Russian political discourse and, in particular, focuses on the lexicon of the «Notes of captivity in Japan by fleet captain Golovnin» and the «Notes» of Golovnin's chief mate P. Rikord. Golovnin's «Notes» are of great interest to imageology, because it is the only relatively large early 19th century Russian text consecrated to Japan. The image of Japan as created in the «Notes» appears as uniquely positive which establishes the original tradition of description of the Japanese in Russian texts. This approach to the creation of the image is due to the fact that the author of the «Notes» was influenced by the sentimentalist aesthetics, and that he understood his responsibility for further development of relationship between Russia and Japan.

Keywords: image of Japanese, Russian-Japanese relationship, intercultural communication, the opposition "friend or foe".

Сравнительно активное межгосударственное взаимодействие России и Японии на протяжении XIX–XX веков привело к тому, что образ японца тем или иным образом был разработан в российском политическом дискурсе в целом довольно подробно. Учитывая наличие общих сухопутных и морских границ между странами, наличие которых традиционно приводило к некоторым трениям, а также ряд конфликтов, произошедших на протяжении последних полутора веков, образ японца в массовой печати складывался в целом как довольно негативный. Очевидно, что многочисленные противоречия, возникавшие во время конфликтов между двумя странами и в периоды между такими конфликтами, стали причиной складывания вполне определенного имиджа японца. Так, перед русско-японской войной Япония воспринималась как страна враждебная и чуждая в культурном отношении [Жукова 2002; Молодяков 2002] в период русско-японской войны японцев часто сравнивали с животным [Mikhailova], подчеркивалась его культурная и техническая отсталость. Апофеозом враждебного отношения к японцу стали периоды, предшествующий второй мировой войне и завершающий ее. Так, например, во время боев у Хасана создавались специальные сборники, создававшие строго негативный образ японца [Бои у Хасана 1939], при анализе которого можно увидеть, что японцев обвиняли буквально во всех преступлениях – от пьянства до сумасшествия. Природная агрессивность японца была одной из ведущих черт образа, что вылилось в систематическом именовании его «самураем», «военщиной» и прочими лексемами этого ряда. Такие негативные образы японцев проникли не только на страницы официальных изданий, но и в фольклор [Игауэ Нахо 2004], в бытовые представления о соседе, что довольно характерно для дискурса такого типа.

Капитан-лейтенант Василий Михайлович Головнин, проведенный в японском плену более двух лет (1811–1813) и описавший этот эпизод в своих «Записках...» [Головнин], был первым из россиян, проводившим значительное время на японской земле и при этом давшим более или менее развернутое описание японской культуры и образа жизни.

К началу XIX века российско-японские отношения были развиты достаточно слабо. На дипломатическом, официальном уровне практически все взаимодействие России и Японии, за исключением нескольких других эпизодов, свелось к посольствам А. Э. Лаксмана (1792–1793) и Н. П. Резанова (1804–1805), а контакты русских и японцев на бытовом уровне ограничивались довольно редкими встречами в районе Курильских островов и Сахалина. Следствием этого стало практически полное отсутствие какой бы то ни было информации о восточных соседях.

Капитан-лейтенант В. М. Головнин представляет читателю довольно полную (насколько это было возможно в условиях, в которых оказался автор) информацию о Японии и японцах. Кроме того, в это же самое время параллельно с «Записками...» В. М. Головнина свои «Записки...» [Рикорд 1816], повествующие о тех же событиях, но с несколько иной стороны, выпустил заместитель Головнина Петр Рикорд, занимавшийся вопросами вызволения своих товарищей из японского плена, где он также довольно подробно описывает обычаи и национальный характер японцев. Язык «Записок...» представляет собой весьма благодатный предмет для анализа в рамках лингвистической имиджологии или имеющей на сегодняшний день не менее богатую научную традицию исторической имиджологии [Сенявская 2004; Сенявский 2006, Хорев 2000], поскольку в этом тексте можно увидеть явную авторскую целеустановку на создание положительного образа Японии и японца. Весь строй «Записок...», в частности, используемые автором лексические средства, представляет собой явную попытку своеобразной межкультурной адаптации в ситуации практически вооруженного противостояния. В связи с этим кажется перспективным анализ лексической составляющей этого текста именно как инструмента создания положительного имиджа малознакомой читателю страны, позволяющего объяснить те или иные специфические черты иной культуры.

Японец, образ которого создается в «Записках...» Головнина различными лексическими средствами, представлен так, чтобы у читателя создавалось впечатление о том, что японец не только не является врагом, но и не может быть охарактеризован как «чужой», принципиально отличающийся своими воззрениями, поступками, моральными установками и т.п. от «своего» – русского (и шире – европейца). Более того, Головнин не раз подчеркивает моральное превосходство японца перед европейцами: голландцами, англичанами, французами. При этом и при характеристике европейцев Головнин отмечает множество черт, могущих быть отмеченными как положительные: в «Записках...» практически не встречается враждебно характеризующих национальных образов иностранца, а оппозиция «свой–чужой» лежит в области отличий представителей различных национальностей в традициях, культуре, законах, осознаваемых автором как незначительные. Конечно же, образ японца не лишен вовсе отрицательных черт, но Головнин зачастую пытается объяснить эти черты либо экстремальными условиями, в которых они были проявлены, либо персональными моральными качествами человека или ограниченной группы людей их проявившими, либо представляет их следствием каких-либо положительных черт, проявляющихся в характере японцев. Так, Головнин довольно настойчиво обращает внимание читателя на такую черту японца, оцениваемую им однозначно отрицательно, как *трусость*, или именуемую им стилистически нейтрально *осторожностью*. По его словам, японцы часто испытывают *страх*, эта черта характеризуется также некоторыми другими лексическими средствами: «*Осторожность или, лучше сказать, трусость их [японцев] была так велика*»; «*Японцы так были осторожны, что никогда почти не подпускали нас близко воды*»; «*В ответ же они [курильцы] мне объяснили, что японцы нас боятся и не верят, что мы к ним пришли с добрым намерением*».

Из приведенных контекстов видно, что автор полагает трусость чертой присущей всем японцам и в достаточно большой степени определяющей их поступки, лежащей в основе их поведения. Однако Головнин, на мой взгляд, несколько противоречит сам себе, в других местах «Записок...» представляет эту же черту как присущую только конкретным лицам: «*Весть сия крайне огорчила всех нас; однако же курильцы утешали нас уверением, что не все японцы так мыслят о русских, но что один только здесь находящийся при них начальник и товарищи его считают русских грабителями и боятся их, чему, конечно, чрезвычайная трусость сих людей причиною*». Также автор объясняет наличие этой черты следствием положительно оцениваемого миролюбия японцев: «*Но если они боязливы, то это происходит от миролюбивого свойства их правления, от долговременного спокойствия, которым, не имея войны, сей народ наслаждается, или, лучше сказать, от непривычки к кровопролитиям*», указывает на их *человеколюбие* как причину поступков, могущих быть объясненными трусостью или просто сам же отрицает это качество: «*Впрочем, я, с моей стороны, ошибаюсь или нет, но никак не могу согласиться, чтобы целый народ мог родиться трусами*».

Головнин указывает на *хитрость* (именуемую также более позитивно оценивающей японца лексемой *тонкость*), *коварство*, *притворство*, *бесчестность*, *вероломство*, *неискренность* японцев, их склонность к обману: «*Такой хитрый, проницательный и тонкий народ может играть всякую роль, какую хочет*»; «*Сначала, как нас взяли, японцы притворялись, что кунаишский начальник употребил против нас коварство сам собою*»; «*Бесчестный их поступок крайне меня огорчил; я думал, что дикие одни только в состоянии сделать то, что они*». Но и бытованию таких черт в образе японца автор находит объяснение (незнание, чей-то злой умысел, проявление их как черт характера отдельных людей и т.п.), позволяющее оправдать японцев в глазах читателя так же вплоть до отрицания этих качеств в японском характере: «*Изгнанные из Японии миссионеры, в свое оправдание и по ненависти к народу, не давшие им себя обмануть, представили японцев перед глазами европейцев народом хитрым, вероломным, неблагодарным, мстительным, словом, описали их такими красками, что твари гнуснее и опаснее японца едва ли и вообразить себе можно. Европейцы все такие сказки, монашеской злобой дышащие, приняли за достоверную истину на честное слово*»; «*Его Императорское Величество приписывает вероломный против нас поступок японцев самовольному действию кунаишского начальника*».

Головнин говорит и еще об одной негативно оцениваемой черте японцев – *подозрительности*, *недоверчивости*: «*Не возбудили тем в подозрительном сем народе какого-нибудь сомнения*»; «*Притом в глазах такого*

осторожного, боязливого и недоверчивого народа, который всякую малость взвешивает и берет на замечание.

Но и этим чертам характера он дает все те же объяснения, что и другим негативно им оцениваемым, говоря о том, что в основе подозрительности и недоверчивости японцев лежат поступки самих европейцев: «В Европе уже известно, что торговля японцев с иностранцами весьма ограничена; причиной такой ограниченности есть недоверчивость японского правительства к европейцам и дурное оно же мнение об них, к чему подали повод сами же европейцы своими поступками в Японии».

Таким образом, можно заметить, что Головнин, создавая определенный образ японца в своих «Записках...», обращает внимание читателя на некоторые отрицательные черты японского характера, но вместе с тем постоянно приводит объяснения, оправдывающие эти черты, как бы снимая ответственность с японцев за их проявления. Во всяком случае, явно видно авторское желание создать образ японца в как можно более доброжелательном ключе даже при анализе негативных проявлений японского характера.

Позитивно оцениваемые черты, добродетели являются ведущими в образе японца, создаваемого Головниным. Автор подчеркивает их многочисленность: «Здесь я должен заметить, из числа многих, одну похвальную черту японского характера». Постоянно обращается внимание на человеколюбие японцев, причем эта черта приписывается как японскому народу в целом: «Я, с моей стороны, приписываю все поступки японцев, в рассуждении нас, их человеколюбию», так и японским законам и обычаям: «Хотя для нас такое содержание казалось жестоким, но я смею сказать, что в сем отношении законы японские несравненно человеколюбивее законов многих европейских держав», японским властям: «Правительство уважило сей человеколюбивый совет и повелело поступить по оному» и отдельным японцам: «Но самый величайший пример человеколюбия и добродетели нашли мы в одном солдате». При этом, Головнин, как обычно, противоречит сам себе, для того, чтобы оправдать отсутствие человеколюбия в поступках отдельных людей, указывает на то, что они вынуждены поступать так в соответствии с японскими законами, обычаями и волей правительства, которые сам же и характеризует как человеколюбивые в других местах «Записок...»: «И когда господин Хлебников стал приводить доводы в наше оправдание, и что, по всем правилам справедливости и человеколюбия, нельзя нас обвинить, то японцы начали было сердиться и беспрестанно повторяли, что таких ответов нельзя им представить своему государю». К этому противоречию можно добавить частые упоминания о жестоком обращении японцев с пленными и отдельных проявлениях жестокости со стороны отдельных людей, но и здесь автор не упускает случая отметить, что такие проявления жестокости могут осуждаться другими японцами: «Один из них даже несколько раз ударил господина Мура за то, что он его часто беспокоил, между тем должно сказать, что конвойные наши за это его побранили». Жестокости же японцев Головнин часто находит объяснение и оправдание: «О японцах мы начали мыслить лучше и думали, что, быв раздражены дурными поступками некоторых из наших соотечественников, они с нами поступили сначала весьма жестоко».

На фоне указанных упоминаний о жестокости японского плена довольно странно выглядят систематические указания на такую добродетель, как ласковое обращение с пленными, авторская интенция к созданию положительного образа японца и его тенденциозность в этом отношении выражается, в частности, в использовании компаративной формы ласковее. Поскольку объективно, с учетом постоянных указаний на тяжесть плена, автор не может признать того, что в плену ему действительно было хорошо, он говорит о том, что ему хотя бы было все лучше и лучше: «Японцы час от часу становились к нам ласковее»; «С сего дня все японцы, при нас бывшие, переменили свое обращение с нами: они сделались гораздо ласковее и снисходительнее». Вообще же, Головнин постоянно говорит о том, что японцы относятся к русским пленным хорошо, оказывают им внимание, попечение и т.п., также обращаются с ними ласково, причем это проявляется как в отношении японцев вообще, так и в отношении конкретных людей: «Но при всем таком дурном содержании и обхождении с нами японцев в некоторых случаях показывали они к нам особенное внимание»; «Попечение японцев об нас этим еще не кончилось»; «К чести сего народа, справедливость заставляет сказать, что некоторые из них отменно были к нам ласковы и старались нас утешать».

Автор постоянно указывает на тактичность, учтивость и вежливость японцев как по отношению к пленным, так и по отношению друг к другу, в частности, в «Записках...» японцы постоянно извиняются и благодарят пленных: «Разговор они начали извинением»; «Но как они всегда просили нас учтивым образом и после не упускали благодарить с комплиментами»; «В обхождении японцы всякого состояния чрезвычайно учтивы; вежливость, с каковой они обращаются между собой, показывает истинное просвещение сего народа».

Неоднозначно Головнин оценивает любопытство японцев, их переимчивость и склонность к учебе. Казалось бы, он относит эти качества к числу добродетелей, но столкнувшись с ними на допросах, он не может понять излишнего внимания японцев к всевозможным мелочам, именуя интересующие их детали безделицами, посторонними, ничего не значащими и т.п. и показывая высокую степень своего раздражения по поводу излишней введливости допрашивающих, используя лексемы типа замучить [вопросами], бояться [их вопросов]. Он говорит также, что излишний традиционализм японцев практически не позволяет этим качествам принести ощутимых плодов: «Господин Мур их там видел, но он не хотел об этом сказать японцам, опасаясь, что они замучат его вопросами, которых мы так боялись, что всеми мерами старались не давать им повода нас о чем-либо расспрашивать»; «Спросив о каком-нибудь предмете, к нашему делу принадлежащем, предлагал он после сто посторонних, ничего не значащих»; «Японцы переимчивы и имеют у себя не только чертежи, но и модели европейских судов, однако не хотят вводить ничего чуждого в употребление, от сего лишаются они ежегодно множества судов и великого числа матросов».

Из «Записок...» Головнина следует, что японцы обладают всеми известными человечеству добродетелями. Они умны и просвещены: «По моему мнению, японцы суть самый просвещенный народ во всей Подсолнечной. В Японии нет человека, который бы не умел читать и писать и не знал законов своего отечества»; «Что

японцы умны и проницательны, сие доказывается всеми их поступками в отношении к иностранцам и во внутреннем правлении государства», трудолюбивы: «Здесь не излишним будет заметить насчет многолюдства и трудолюбия [японцев]»; опрятны, аккуратны, честны, и сострадательны: «При всяком доме есть огород, а при некоторых и садик; в улицах и в домах опрятность удивительная» «В порядке всякого рода японцы очень много походят на англичан: так же как и англичане, они любят чистоту и крайнюю точность»; «Честность сего народа мы имели случай испытать много раз, равным образом уверились по опыту и в сострадательности их к несчастиям ближнего», гостеприимны: «Гостеприимство их испытали и сами те католики, которые впоследствии столь исправно им отплатили за оное и даже вдобавок оклеветали их перед светом», бережливы: «Японцев можно назвать бережливыми, но не скупыми¹. В доказательство сего я могу привести, что они всегда с большим презрением говорят о сребролюбцах».

Иногда Головнин даже приводит простое перечисление «списком» высших добродетелей без примеров и пояснений, считая их самими собой разумеющимися и очевидными читателю из всего хода повествования: «Если над сим многочисленным, умным, тонким, переимчивым, терпеливым, трудолюбивым и ко всему способным народом будет царствовать государь, подобный великому нашему Петру...»; «И потому, мне кажется, не должно, так сказать, дразнить сей справедливый и честный народ».

Конечно же, автор не может не упомянуть некоторых культурных отличий японцев от европейцев. Помимо приложения к «Запискам...», подробно описывающего известные Головнину нравы и обычаи Японии, автор иногда указывает на существование особых привычек и норм, отличающих японцев от прочих народов, называемых автором своими обычаями, обыкновениями и даже странностями и чудностью: «... японцы обходились с ним дружески и с большою вежливостью, оказывали ему разные, по своим обычаям, почести»; «Притом мы уже начали привыкать к странностям сего народа»; «Вот как строги и чужды японские законы!»; «Так как я уже знал строгость японских законов и точность, с каковой они их исполняют, а также отчасти и обыкновения японцев нам были известны». Наличие этих странностей и обычаев оправдывает непонятные и порой жестокие поступки японцев. Существует и ряд обычаев, общих для всех азиатов, включая японцев, хотя и здесь японцы могут выгодно отличаться от тех, с кем их сравнивает автор: «Впрочем, ревность японцев никак не может сравниться с ревностью других народов Азии»; «Японцы нисколько не брезгливы и не имеют отвращения к христианам, которых многие другие азиаты считают существами погаными».

Наличие отдельных, отличных от европейских, законов и норм не отрицает, однако признает наличие общечеловеческих добродетелей, присущих японцам: «[Японцы] знают, что во всякой земле и во всякой вере есть люди добрые и злые»; «Японцы такие же люди, как и другие, и что у них также есть сердце, как и у других, а потому мы не должны их бояться и тужить». Автор готов, хотя и довольно редко, признать и общечеловеческие слабости японцев, проявляющиеся на фоне многочисленных добродетелей: «Японцы сколь ни скрытны и как строго ни исполняют своих законов, но они люди, и слабости человеческие им свойственны».

Довольно большое внимание в «Записках...» Головнина уделяется такой характеристике японцев, как варварство, под которым, как это следует из контекста, автор понимает и дикость, и необразованность, и жестокость (каждое из этих качеств Головнин описывает отдельно, как обычно, противореча сам себе). Автор и эту черту образа японца создает достаточно противоречиво – прямо обвиняя японцев в варварстве и дикости в некоторых частях текста, но отрицая и объясняя их в других частях: «Но содержания нашего столом они не улучшали, несмотря на то, что мы часто упрекали их в варварских поступках против иностранцев»; «Корабль и отдалял нас от берегов, на коих испытали мы столь много несчастия и великодушия мирных жителей, называемых от европейцев (может быть, уже чересчур просвещенных) варварами»; «Мы считали их тогда лютейшими варварами в целом мире; но следующий случай показал, что и между ними были добрые люди».

Таким образом, мы видим, что в «Записках...» Головнина создается в целом положительный образ японца. Причем автор записок настолько заинтересован в создании именно положительного образа, что зачастую противоречит сам себе, допуская взаимоисключающие суждения (типа: «Японцев теперь узнал я хорошо; они никаким доносам вдруг не поверят»; «Это показывает, что и в Японии доносов боятся добрые люди») или стараясь найти объяснение и оправдание практически любому проявлению отрицательных черт японского характера. Автор крайне редко говорит о каких-либо отрицательных качествах японцев (например, о возможности угнетения кого-либо японцами: «Они [курильцы] показались нам так угнетены японцами, что тронуться с места не смеют»), тут же не оправдывая или прямо не отрицая эти качества или не указывая на то, что вывод об этих качествах сделан в досаде, по незнанию и т.п. Наделяя японцев всеми известными добродетелями, автор особо отмечает их моральное превосходство над представителями некоторых других национальностей или хотя бы на их равенство (которое, по мысли Головнина, не хотят признать европейцы из-за их незнания или злого умысла некоторых из европейцев) в этом отношении. Кроме того, лексемы, подчеркивающие систематическое проявление какой-либо черты (такие как свойственный, присущий, обыкновенный и т.п.) являются достаточно показательными в тексте «Записок...», позволяя автору делать широкие обобщения в масштабах всей национальности и особо выделяющие черты создаваемого образа.

Интересно, что, несмотря на сложившуюся к тому времени традицию характеризовать представителей иных национальностей по принадлежности их к другой религии, Головнин, если судить по использованию специфических лексических средств, мало внимания обращает на этот аспект. Например, японцев по отношению друг к другу он

¹ Здесь автор противопоставляет различно стилистически окрашенные лексемы, которыми можно охарактеризовать описываемое качество, конечно же, выбирая ту, которая представляет японцев в выгодном свете.

может называть как *единоверцами*, так и *одноземцами* и т.п.: «О пространстве и могуществе коей [Российской Империи] они должны были иметь ясное понятие по описанию своих *единоверцев*, живших несколько лет в России». Этот факт также можно объяснить четкой авторской установкой на изображение японцев мало отличающимися от всех прочих народов, а значит, излишне подчеркивать их отличие и в религиозном аспекте.

Очевидно, что основной интенцией Головнина, повлиявшей на создание именно такого – безусловно, положительного – образа японца, являлось желание установить тесные контакты между Россией и Японией. То есть адаптация в сфере межкультурной коммуникации является вполне осознаваемой автором целью, что и объясняет выбор лексических средств. Поскольку он оказался в положении первого в истории российско-японских отношений официальным лицом, получившим возможность близко познакомиться с культурой, нравами и обычаями японцев (хотя и в довольно специфической обстановке), он, очевидно, чувствовал ответственность за то, каким образом российское общество воспримет японскую сторону. То есть, для него было принципиально важным создать положительное впечатление о японцах в России¹.

Кроме того, как явную установку автора на положительное изображение японца, так и противоречия внутри текста можно объяснить влиянием на Головнина сентименталистской эстетики, в частности, и самого жанра записок. Этот жанр ориентирован на непосредственное эмоциональное восприятие происходящего, так что, если автор в определенный момент испытывает положительные эмоции, а в другой – отрицательные, он может отразить это в тексте и на основании своих эмоций сделать выводы, воспринимаемые как вполне объективные. Высшей добродетелью, объясняющей и оправдывающей *трусость*, *жестокость* и прочие отрицательные качества японцев, становится их умение чувствовать (недаром автор постоянно обращается к описанию эмоциональных проявлений сострадания, человеколюбия, жалости со стороны японцев), а их *дикость* сама по себе становится в этом контексте положительным качеством (позволяющим японцам, не испорченным европейской цивилизацией, испытывать сильные эмоции), отличающим их от *чересчур образованных* европейцев.

ЛИТЕРАТУРА

Головнин В. М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев. URL: http://az.lib.ru/g/golownin_w_m/text_0040.shtml (дата обращения 12. 03. 2014).

Жукова Л. В. Восприятие Японии в России накануне русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. – С. 341–356.

Бои у Хасана: партийно-политическая работа в боевой обстановке. М., 1939. URL: <http://militera.lib.ru/h/hasan> (дата обращения 15.04.2014).

Игауэ Нахо Взаимные образы русских и японцев (по фольклорным материалам) // Вестник Евразии № 1. Москва, 2004. – С. 95–121.

Молодяков В. Э. Япония в русском сознании и русской культуре конца XIX – начала XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. – С. 325–340.

Рикорд П. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах, и о сношениях с японцами. С.-Пб. Морская типография, 1816. – 151 с.

Сенявская Е. С. Япония как противник России в войнах XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. – С. 357–386.

Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX века) // Вестник РУДН. 2006. № 2 (6). – С. 54–72.

Хорев В. А. Имагология и изучение русско-польских литературных связей // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. – С. 22–32.

Mikhailova Y. Images of Enemy and Self: Russian "Popular Prints" of the Russo-Japanese War. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/acta/16/Yulia/yulia.html> (дата обращения 15.04.2014).

М. В. Костюнина

Сургут, Россия

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОРТРЕТЫ Д. А. МЕДВЕДЕВА И Б. ОБАМЫ В ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЯХ 2008 ГОДА РОССИИ И США СООТВЕТСТВЕННО

Аннотация. Статья посвящена выявлению и описанию оценочных портретов Д. Медведева и Б. Обамы в период предвыборной кампании 2008 года. Используемая в работе типология оценок основана на частотно оценочной классификации, предложенной Н. Д. Арутюновой и расширенной А. М. Стрельниковым.

Ключевые слова: метафора, оценочный портрет, когнитивная лингвистика, политический дискурс, президентские выборы.

¹ Следует также отметить такую черту личности Головнина, как тактичность, отмечаемую современниками и исследователями

ASSESSMENT PORTRAITS OF D. A. MEDVEDEV AND B. OBAMA DURING ELECTION CAMPAIGN 2008 IN RUSSIA AND USA RESPECTIVELY

Abstract. The article is devoted to the identification and description of assessment portrait of D. Medvedev and B. Obama in the 2008 election campaign. The assessment typology used in the work is based on the frequency assessment classification developed by N. D. Arutyunova and modified by A. M. Strelnokov

Keywords: metaphor, assessment portrait, cognitive linguistics, political discourse, elections.

Последние четыре десятилетия внимание исследователей и политических идеологов приковано к изучению использования метафор как средств убеждения. Существуют различные толкования среды, в которой функционируют метафоры. Исследователь Дорис Грабер приводит сравнение политической коммуникации с кровью или материнским молоком политики, так как коммуникация представляет собой основную деятельность, которая объединяет различные части общества и дает возможность функционировать как единое целое [Graber, Smith 2005]. Эдельман, напротив, утверждал, что суть политической коммуникации заключается в способности политиков использовать метафоры и символы, которые заставят массы осознать скрытые тенденции [Edelman 1977].

Интересно отметить и часто цитируемое среди исследователей мнение Пайвио: «Метафора – это солнечное затмение. Она скрывает объекты исследования и в то же самое время раскрывает самые яркие и интересные характеристики, если наблюдать их в правильный телескоп». По мнению А. П. Чудинова, при дискурсивном подходе к изучению политической коммуникации предполагается «исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, и его соотношения с другими текстами» [Чудинов 2013].

В данной статье мы рассмотрели метафорические оценочные портреты двух кандидатов в президенты, актуализированные в дискурсе предвыборных кампаний 2008 года в России и США.

Природа образования и реализации метафоры может быть описана двумя подходами: семантический и когнитивный. В своей работе мы основываемся на принципах второго, описывающего язык как инструмент познания мира и отражение когнитивной деятельности человека. Основываясь на современном когнитивном подходе, мы, вслед за А. П. Чудиновым, понимаем метафору как «основной элемент ментальной операции, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы» [Чудинов 2001b: 36]. Благодаря когнитивному определению метафоры, к ней можно отнести различные части речи, обладающие метафорическим потенциалом, наряду с сравнительными конструкциями и метафорическими словоупотреблениями в составе пословиц, афоризмов. Вследствие чего возникла необходимость структурировать эти словоупотребления. Согласно теории метафорического моделирования, процесс метафоризации происходит через осмысление нового фрагмента действительности с использованием концептов хорошо знакомой мыслительной сферы. А. П. Чудинов определяет метафорическую модель как «существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений» [Там же: 35].

Важно учитывать эффекты метафоры в контексте более широкого смысла в отношении последствий политической коммуникации. Средства массовой информации являются мощным двигателем общественного мнения. Исследования многих ученых (Behr & Iyengar, 2001; Rossler & Schenk, 2000; Soroka, 2003; Sutherland & Galloway, 1981; Tsfaty, 2003) доказывают, что СМИ также представляют собой эффективное средство манипуляции общественным сознанием: говорят о чем думать и что думать. Авторы газетных статей, уделяя больше внимания одним политическим вопросам или политическим фигурам и, соответственно, меньше другим, влияют на относительный интерес и важность по отношению к политическим вопросам в сознании общественности.

Описание оценочных портретов кандидатов в президенты Д. Медведева и Б. Обамы было построено на типологии оценок, представленной в работе А. М. Стрельникова и основанной на частотно оценочной классификации, предложенной Н. Д. Арутюновой: оценка рейтинга и шансов на победу, морально-этическая оценка, интеллектуальная, эстетическая, утилитарная, нормативная, телеологическая, оценка профессионализма и политического статуса.

В 2007 году Д. А. Медведев был выдвинут в качестве преемника В. В. Путина на посту президента. Основным аргументом в пользу этого выдвижения было то, что Медведев призван обеспечить преемственность власти. В. Путин прокомментировал свое решение так: «*Что касается кандидатуры Дмитрия Анатольевича Медведева, я знаком более 17 лет очень близко с ним, и целиком и полностью поддерживаю эту кандидатуру*» (Сообщение агентства «Интерфакс» от 10.12.07). Президентская кампания Медведева была блестяще спланирована командой В. Путина и не оставила оппозиции ни малейшего шанса. С 2006 года, когда начались разговоры о преемнике, Медведев был постоянным гостем на подконтрольном властям телевидении, появлялся в теленовостях каждый день, иногда по несколько раз. Выступления Медведева отличались преувеличенным чиновничьим разглагольствованием – «*непосильных задач нет, есть только плохие исполнители*» (Сайт кандидата Д. А. Медведева).

Из ряда телепередач следовало, что Медведев может все: нужно превратить Россию в ведущую сельскохозяйственную державу – превратит, оздоровит население – оздоровит, обеспечить людей жильем – всех поселит. Разъезжая по стране, Медведев осматривал курятники, свинофермы, постройки, заводы, скринсейверы,

спортзалы, детские сады и тому подобное, время от времени впечатляя потенциальных избирателей речами – либо «мы достигли значительных успехов» (Дмитрий Анатольевич Медведев. URL: <http://www.dp.ru/msk/news/politics/2008/02/14/259805/>); либо «успехи есть, но рано радоваться»; либо «плохо работаете, а нужно лучше» (Дмитрий Анатольевич Медведев. URL: <http://www.dp.ru/msk/news/politics/2008/02/14/259805/>).

Ежедневная трансляция подобного рода поездок сформировала у населения представление о Медведеве, как о деловом, энергичном и компетентном руководителе.

Такая мощная атака телевидения не могла пройти бесследно и незамечено. Ежедневный показ одного и того же кандидата, пусть он даже ростом 156 сантиметров и порой крайне неуверен в себе, внушит, в конце концов, своим избирателям принятие «правильного» выбора. Эфирное время Медведеву обеспечили, защиту в виде президента – тоже.

Обратимся к оценочному портрету Д. Медведева, созданному СМИ. Как отмечалось выше, Медведев был представлен широкой публике самим президентом, что в свою очередь обеспечило часть голосов. Обычно навязывание рейтинга кандидатов в газетном дискурсе происходит накануне голосования, однако, как видно, из проведенного анализа, оценка рейтинга и шансов на победу кандидата занимает лидирующую позицию в оценочном портрете Медведева и появление данного типа оценки зафиксировано в СМИ с начала предвыборной кампании. Такие показатели указывают на то, что российский избиратель должен подсознательно сделать выбор в пользу кандидата с самыми высокими рейтингами и шансами на победу. Ср.: «*Но кто бы ни был в списке соперников, вряд ли кому-то из них повезет. В високосном 2008 году, как прежде в 1996-м, 2000-м и 2004-м, победу кандидату от власти гарантируют, кажется, сами звезды*» (URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2007/dec/21/russia.topstories3>); *Президент сделал несколько интересных признаний. «...И, КРОМЕ всего прочего, у нас личная химия, я ему доверяю. Такому человеку не стыдно и не страшно передать основные рычаги управления страной*» (Костиков В. Возможен ли равноправный тандем президента и премьера // Еженедельник "Аргументы и Факты" № 51 19/12/2007); *Ни один из претендентов на пост президента России не может сравниться с Дмитрием Медведевым ни по личным, ни по профессиональным качествам* (Цепляев В. Выборы: Испытание красного вождя // Аргументы и Факты № 5 30/01/2008); «*Кандидат в президенты номер один продолжает предвыборные поездки по России*» (Ильичев Г. Россияне не видят равных Медведеву // Труд 19.01.2008).

Однако, несмотря на значительное преобладание положительных оценок рейтинга и шансов на победу кандидата, оценочный портрет также актуализирован негативными оценками с весомой долей иронии и даже сарказма. Ср.:

«*Рейтинг Дмитрия Медведева – это всенародный вздох облегчения: больших перемен не будет, а те, которые будут, хорошие и нестрашные. И слава богу: можно расслабиться и продолжать заниматься своими делами, не заморачиваясь на счет “политики”*» (Литовкин В. Приемник в гостях у Калашникова // Независимая 20.02.2008); «*У Дмитрия Медведева ситуация сегодня совсем другая. Его выигрыш на грядущих президентских выборах может предоставить разве что разочарование ВВП в своем приемнике или нашествие инопланетян*» (Чадаев А. Операция «Оттепель» // Независимая 26.02.2008); «*Главный фактор интенсивного движения настроений избирателей к Дмитрию Медведеву – это следствие прямой и недвусмысленной рекомендации Путина*» (Ростовский М. У великороссов нет вопросов. От публичных теледебатов отказался не Медведев, а само российское общество // Московский комсомолец 29.01.2008); «*Но если фаворит ни с кем не борется, то вызовут ли выборы интерес у общества?*» (Кудрикова В. 75–13. С таким счетом Медведев победит Зюганова // Труд 1.02.2008).

Авторы представленных цитат пытаются заставить читателя подумать о предстоящих выборах и критически оценить предложенную кандидатуру приемника. Наличие подобного рода оценок несколько подрывает имидж Медведева как самостоятельного политика с собственными взглядами и мыслями, тем не менее, их количество недостаточно велико, чтобы избиратели усомнились в правильности предложенной президентом кандидатуры.

Несмотря на приписывание Д. Медведеву несамостоятельности, авторы текстов предвыборного дискурса дали высокую оценку его профессионализму. Ср.: «*Юрист Медведев считает, что ассоциация должна быть ближе к народу и активнее вести работу по правовому просвещению*» (Цепляев В. Выборы: скука или шоу? // Аргументы и Факты. № 4 24.01.2008); «*Россияне считают, что на социальный вызов, стоящий перед страной, наиболее убедительный ответ сможет дать именно Медведев*» (Чародеев Г. Медведев пообещал юристам праздник // Труд 30.01.2008). Частотные утилитарные оценки с положительным полюсом призваны убедить избирателей, что Медведев – правильный кандидат и что только он сможет стать президентом нашей страны.

Обратившись к результатам исследования американского предвыборного дискурса, можно заметить, что оценочный портрет Б. Обамы, победившего на выборах, обладал высоким рейтингом оценочной популярности, в которой лидирующую позицию заняла оценка рейтинга и шансов на победу. Можно предположить, что повышенный интерес к данной кандидатуре и, следовательно, высокий процент оценки обусловлен тем, что Обама стал первым афроамериканцем, выдвинутым на пост президента США.

Наиболее частотным типом оценки в оценочном портрете Обамы стала оценка рейтинга и шансов на победу, обусловленная в большей степени сравнением качеств Обамы с одной стороны и Маккейна и Клинтон с другой. Ср.: «*This campaign is about Barack Obama, not John McCain,*» says Ken Goldstein, the project's director (Against Obama (So far, though, Obama is outspending his GOP rival) Liz Halloran usnews.com 30 July, 2008); «*On one side is Clinton, the consummate baby boomer. On the other is Obama – not a late boomer, as his birth date would suggest, but the first millennial to run for president. For better and for worse*» (Andrew Romano He's One of Us Now // NEWSWEEK Feb 18, 2008). Последний пример представляет собой комбинированный тип оценки, помимо вышеупомянутой оценки рейтинга, он содержит утилитарную оценку кандидата. В данном случае

Х. Клинтон описывается как представитель старого поколения «абсолютное дитя бума» (так называют всех людей, родившихся в Америке с 1946 по 1960 гг.), в свою очередь Обама, благодаря своим идеям, ораторским речам и умением увлечь аудиторию, предстает перед нами человеком поколения Y или миллениума, несмотря на то, что родился он в 1961 году. Поколение Y или поколение пект характеризуется прежде всего глубокой вовлеченностью в цифровые технологии, что говорит о пользе, которую данный кандидат должен принести в случае избрания. Также данная оценка сближает его интересы с интересами молодежи, он способен сплотить их и повести за собой к осуществлению американской мечты: *«One usually sober Britisher seemed to suggest that the responsibility for the hatreds that have divided Americans socially rested almost entirely with two families: the Bushes and the Clintons. Now, with the help of galvanised youth, Mr Obama could transcend all this»* (White woman v black man. One's got problems // The Times January 8, 2008).

Нормативные оценки с положительным полюсом в оценочном портрете Обамы нередко сопровождаются метафорами с лексемами «новый» (new) и «перемены» (change), что привлекает внимание потенциальных избирателей, уставших от пустых и повторяющихся обещаний предшествующих политиков. Ср.:

«I believe he's the right president for this new age,» the mayor said, adding that he liked Mr. Obama's opposition to the war in Iraq and his emphasis on dialogue. «America's image in the world will change.»; «For someone of my generation,» Mr. Inoue said, «America is John F. Kennedy and Rocky, you know, Sylvester Stallone, and now there's Obama. He's for change. I think that's great. In Japan, and here in Obama, change is so slow. But over there a new wind is blowing.»

Тем не менее, нормативный компонент с положительными метафорами в оценочном портрете Обамы, указывающими на новизну, молодость, перемены, послужил основанием для отрицательных оценок, которые предвыборная команда Маккейна использовала для дискредитации оппонента, основываясь на цвете кожи и недостатке опыта Обамы. Ср.:

«The McCain campaign is, however, likely to continue attacking Mr Obama's judgment and his supposed inexperience in foreign affairs» (Alex Spillius in Washington Barack Obama suffers basketball injury // Telegraph.co.uk July 28, 2008); *«The ugliest prejudices in this campaign season are not directly about race. Barack Obama's skin color may cost him some working-class white voters, but it's also winning some votes among blacks and among whites eager to signal their open-mindedness»* (Nicholas D. Kristof Obama and the Bigots // http://www.nytimes.com/2008/03/09/opinion/09kristof.html?_r=0 March 9, 2008).

Согласно второй статье Конституции Америки, никто, кроме гражданина страны по рождению не может правомерно стать президентом страны, по поводу чего команда Маккейна неоднократно пыталась оспорить место рождения Обамы как во время предвыборной кампании, так и после нее. Ср.:

«The Senate has unanimously declared John McCain a natural-born citizen, eligible to be president of the United States» (Michael Dobbs McCain's Birth Abroad Stirs Legal Debate // http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/05/01/AR2008050103224_2.html May 2, 2008).

Примеры морально-этического типа с положительным полюсом преобладают в оценочном портрете Обамы. В своем оценочном портрете он предстает умелым организатором, человеком с высокими моральными принципами и гибкими взглядами, горящим новыми идеями. Ср.:

«Other politicians talk about what they will do if elected. Obama talks about what you can do if you join together. Like a community organizer on a national scale, he is trying to move people beyond their cynicism, make them believe in themselves, mobilize their common energies» (David Brooks McCain and Obama // <http://www.nytimes.com/2008/01/08/opinion/08brooks.html> January 8, 2008); *«Even I was wobbly. "It's going to sound horribly uncynical," I wrote on Stumper a few minutes later, "but there's really no other way to say this: Obama's on fire.»* (He's One of Us Now By Andrew Romano NEWSWEEK Feb 18, 2008).

Морально-этическая оценка в оценочном портрете Обамы зачастую комбинируется с положительными оценками его профессионализма. Формирование положительного характера профессиональной оценки происходит на контрасте с действиями и решениями предыдущих политиков, оставивших тяжелое наследие за последние восемь лет. Ср.:

«Mr. Obama is a man of supple intelligence, with a nuanced grasp of complex issues and evident skill at conciliation and consensus-building. At home, we believe, he would respond to the economic crisis with a healthy respect for markets tempered by justified dismay over rising inequality and an understanding of the need for focused regulation. Abroad, the best evidence suggests that he would seek to maintain U.S. leadership and engagement, continue the fight against terrorists, and wage vigorous diplomacy on behalf of U.S. values and interests. Mr. Obama has the potential to become a great president. Given the enormous problems he would confront from his first day in office, and the damage wrought over the past eight years, we would settle for very good» (Barack Obama for President // <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/10/16/AR2008101603436.html> October 17, 2008).

В американском предвыборном дискурсе наблюдается незначительное количество оценок политического статуса, что можно объяснить желанием американского общества видеть в своем будущем президенте реальные профессиональные и моральные качества.

Исходя из проведенного исследования видно, что доминирующими оценками в оценочных портретах кандидатов как России, так и Америки выступают оценка рейтинга и шансов на победу. Но выбор такой оценки в дискурсе российской президентской кампании продиктован особым положением Медведева среди остальных кандидатов. Журналисты активно подчеркивают тот факт, что Медведев является преемником Путина и продолжателем намеченного им курса политики. Также важно отметить, что оценка политического статуса кандидата лишь на четвертой позиции, следовательно, сам по себе данный кандидат не имеет устойчивого

политического статуса, а представляет интересы действующего президента. В свою очередь, в американском СМИ оценка рейтинга Обамы основана на традиционных правилах ведения предвыборной кампании. Кандидат ездил по стране и представлял образ успешного политического лидера, эффективно используя неудачи действующего президента и позиционируя себя как политика, способного принести перемены, профессионально наладить развитие всех отраслей страны и в случае избрания привести общество к утраченной американской мечте.

Таким образом, количественный анализ оценок в предвыборных дискурсах обеих стран свидетельствует о высокой вероятности победы кандидатов в России и США соответственно. Зная результаты президентских выборов, представляется возможным сделать вывод о том, что большая часть электоральных решений складывается на основании оценочных портретов кандидатов, предлагаемых СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. – 176 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография. Екатеринбург, 2001b. – 238 с.

Edelman M. Political Language. Words That Succeed and Policies That Fail. New York; San Francisco; London : Academic Press, 1977. – 166 p.

Graber Doris A., Smith James M., Political Communication Faces the 21st Century // Journal of Communication. Vol. 55. Issue 3. – P. 479–507. entry // Journal of Communication. Vol. 55. Issue 3. – P. 479–507.

Л. В. Коцюбинская

Санкт-Петербург, Россия

МЕТАФОРА «ИНФОРМАЦИОННАЯ АТАКА» КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Лексический состав языка быстро реагирует на изменения, происходящие в жизни общества. Процесс пополнения политической лексики идет постоянно. Объектом настоящего исследования выступает метафорическое словосочетание «информационная атака». В рамках настоящей работы понятие «информационная атака» определяется как способ вербализации и внедрения политически и/или идеологически значимых смыслов с целью воздействовать на общественное сознание и побудить людей к определенным поступкам (действиям). Кроме того, в статье анализируется пласт информации, который был репрезентирован обществом как «информационная атака». Особое внимание уделяется исследованию метафорического представления данного феномена в политической коммуникации, так же как реконструкции образов-схем.

Ключевые слова: информационное противоборство, информационная атака, метафора, образ, схема, развитие языка.

L. V. Kotsyubinskaya

Saint-Peterburg. Russia

METAPHOR «INFORMATION ATTACK» AS THE OBJECT OF LINGUISTIC STUDY

Abstract. Changes in society are reflected in the language. Political vocabulary is constantly enriched. The article deals with the metaphor “information attack”. For the purpose of this article, information attack is referred to as a way of verbalization and implementation of politically and/ or ideologically significant ideas in order to influence public consciousness, model and predict human behavior. Moreover, the article examines the body of information represented as “information attack”. Special attention is paid to the study of metaphorical representation of information attack in political communication, as well as the reconstruction of the image schema.

Keywords: information warfare, information attack, metaphor, image schema, language evolution.

Лексический состав является наиболее подвижной частью языковой системы, которая довольно быстро реагирует на происходящие изменения в жизни общества. Никогда, как отмечает А. П. Миньяр-Белоручева, лексический состав не обновлялся так быстро, как в эпоху информационных технологий, когда была понята власть языка как основного инструмента манипуляции сознанием масс [Миньяр-Белоручева 2012: 32].

В современном мире информационное противоборство выступает основным способом борьбы за власть и реализации геополитических интересов разных государств. Политика информационного противоборства отражается в первую очередь в лексике и фразеологии языка. Так, например, в настоящее время наблюдается широкое употребление таких словосочетаний, как «информационная война», «информационный шум», «информационный фон», «информационное противодействие» и др., называющих те преобразования, которые имеют место в области внешней и внутренней политики.

Следует отметить, что особенность человеческого сознания заключается в том, что индивид обращает внимание только на те понятия и предметы, которые имеют названия. Что не получает имени, не воспринимается как существующее и остается без внимания [Миньяр-Белоручева 2012: 32]. Эту идею высказывал еще Ф. И. Буслаев в работе «О преподавании отечественного языка»: «Всякий предмет существует для человека только тогда, когда он им осознается, когда входит в его мысль и выражается словом» [Буслаев 1941].

Объектом настоящего исследования служит метафорическое словосочетание «информационная атака». Поскольку в лексикографических изданиях это выражение до сих пор не фиксируется, представляется актуальным исследовать его содержание. Кроме того, кажется интересным изучить пласт той информации, который репрезентирован обществу как «информационная атака», а также описать метафорическое представление данного феномена в политической коммуникации.

«Информационная атака» соотносится с термином «semantic attack» / «семантическая атака», предложенным Мартином Либикки (Martin C. Libicki) в 1995 году в работе «Что такое информационная война?» (What is Information warfare?). Американский ученый рассматривает семантические атаки как одну из форм сетевой информационной войны – кибер-войной (cyberwarfare). При семантической атаке (в отличие от хакерской атаки) компьютерная система работает абсолютно правильно, но решения, которые она выдает, неверны: “the difference between a semantic attack and hacker warfare is that the latter produces random, or even systematic, failures in systems, and they cease to operate; a system under semantic attack operates and will be perceived as operating correctly (otherwise the semantic attack is a failure), but it will generate answers at variance with reality” [Libicki 1995: 77].

Термин «semantic attack» фиксируется в современных англоязычных словарях и поясняется следующим образом: *semantic attack (computer definition) – the use of incorrect information to damage the credibility of target resources or to cause direct or indirect harm. Examples include defamation (slander and libel), propaganda and stock manipulation schemes. Also known as “semantic hacking”* (<http://www.yourdictionary.com/semantic-attack>).

Таким образом, семантическая атака представляет собой информационное воздействие на адресата, который формирует свое мнение под влиянием внешних (недостовверных, вымышленных или искаженных) факторов, не подозревая о том, что его намеренно ввели в заблуждение.

Принцип семантической атаки – распространение недостоверной (субъективной, намеренно выдуманной), информации с целью изменения в желаемом направлении общественного мнения – лежит в основе понятия «информационная атака». В октябре 2015 года Президент РФ Владимир Путин называет сообщения некоторых западных СМИ якобы об имеющихся жертвах среди мирного населения от ударов российской авиации информационной атакой:

«Что касается информации СМИ по поводу того, что страдает гражданское население, мы к этим информационным атакам готовы», – заверил Путин. «Первая информация о том, что есть жертвы среди гражданского населения, появилась еще до того, как в небо поднялись наши самолеты» (<http://putinfo.com/8332806-putin-oproverg-dannye-zapadnoj-propagandy>).

Коммуникативное намерение президента заключается в донесении до адресата данных о том, что сведения о жертвах среди мирного населения являются ложными. Коммуникативная цель достигается с помощью нарушения логической последовательности хода событий.

Другое сообщение российского информационного агентства, в котором фиксируется выражение «информационная атака», появляется в марте 2016 (28 марта РИА Новости, Москва), в нем говорится, что: *«информационным атакам могут подвергнуться президент и его семья»* (<http://ria.ru/politics/20160328/1398647492.html#ixzz46vkkoTQK>).

В данном заявлении пресс-секретаря главы государства Д. Пескова «информационная атака» интерпретируется посредством таких лексических единиц, как «заказуха», «опус» и «агитка»:

«на Западе и в РФ консорциум международных расследований готовит «вброс» информации, неприкрытую «заказуху» о семье президента РФ Владимира Путина, друзьях его детства...»;

«...они собираются в ближайшие дни ... опубликовать очередные опусы»;

«... журналисты, которые ставят свои имена под такими агитками...», «... вопросы, которые задаются Путину в этой агитке».

Эти лексемы, обладая ярко выраженной негативной коннотацией и сниженной стилистической окраской, не только определяют понятие, но и выражают отношение к нему говорящего, а именно: дают отрицательную оценку информационной атаке. Таким образом, можно утверждать, что словосочетание «информационная атака» обладает отрицательной коннотацией.

При этом прагматическая функция заявления Д. Пескова заключается в формировании у адресата определенной схемы восприятия информации.

Еще одной характерной чертой информационной атаки является ее моделируемость (планируемость): *«... стоит задача выполнить информационную атаку, срежиссировать, состряпать и внедрить в информационную повестку дня».* Авторами информационных атак выступают *«не только журналисты разных СМИ, но и представители других организаций и служб»*, каналом передачи служат средства массовой информации.

Таким образом, информационная атака может быть определена как: *способ вербализации и внедрения отдельных политически и/или идеологически значимых смыслов с целью воздействовать на общественное сознание и побудить людей к определенным поступкам (действиям).* Во временном плане информационная атака может как предшествовать событию, так и следовать после него.

Выражение «информационная атака» фиксируется в англоязычном новостном пространстве в виде кальки – “information attack/s” – в связи с информированием общества о заявлениях президента России и его пресс-секретаря. Данный способ передачи иноязычного выражения свидетельствует о том, что словосочетание будет понято и декодировано носителями другой культуры:

Mr Putin made a live broadcast to deny reports of civilian casualties. “We are ready for such “information attacks,” he said. “The first reports of civilian casualties came even before our jets took off” (<http://thetimes.co>

uk/tto/news/world/middleeast/article457361).

Reports of alleged casualties among civilians caused by Russian airstrikes in Syria emerged even before Russian warplanes were launched for their first combat mission, President Vladimir Putin said, branding such reports 'information attacks' (<https://www.rt.com/news/317188-putin-civilian-casualties-syria>).

The Kremlin accused a group of international journalists of preparing an "information attack" on President Vladimir Putin's wealth and his ties to billionaire oligarchs in Russia // Bloomberg, США (2016).

Отметим, что в англоязычных лексикографических источниках, в том числе и в корпусных словарях, на данный момент выражение *"information attack/s"* не отмечается.

Информационные атаки группируются вокруг явлений, процессов, событий окружающего нас мира, побуждая интерпретировать их определенным образом. Проанализируем единицы информации, появившиеся в британских СМИ о действиях российских военных в Сирии, и представляющие по своему содержанию, согласно заявлению В. Путина, информационные атаки.

Введение российских войск в Сирию репрезентируется англоязычному лингвокультурному сообществу как агрессивное вмешательство во внутренние дела другого государства: *"intervention in Syria"*. Усиливая образ агрессора, авторы отсылают читателя к событиям 2014 года на Украине: *"Russian annexation of the Crimea"*, оценивая присоединение Крыма как насильственное и противоправное действие.

Проведение военной операции авиационной группой ВВС и ВМФ России приводит, во-первых, к обострению ситуации в регионе: *"Russia has escalated its intervention in Syria dramatically, firing a barrage of cruise missiles yesterday from battleships hundreds of miles away as warplanes gave cover to the first co-ordinated ground offensive against anti-Assad rebels"*; *"Russia's intervention has deepened the complexity of a conflict"*, во-вторых, представляет собой вызов всему западному сообществу: *"... one of the most intractable challenges to face the West since the end of the Cold War – Russia's escalation in Syria"* и, в-третьих, воспринимается как *"stand-off between Putin and the West"* и *"Putin's power grab"*. Антитеза *Россия (Путин) – Запад* является смысловым стержнем большинства публикаций, подчеркивает расхождение во внешнеполитических взглядах и говорит о состоянии геополитической, экономической и военной конфронтации между странами.

Прецедентный феномен *"The Cold War"* не только напоминает читателю о советской эпохе, но и побуждает читателя воспринимать Россию как правопреемницу СССР, проводящую политику обострения идеологических конфликтов между государствами.

С другой стороны, называются и «союзники» Путина – это *"...his (Putin's) client, President Basharal-Assad"*. Метафорическое использование слова *"client" – a person who pays a professional person or organization for services* (<http://www.merriam-webster.com/dictionary/client>) вызывает ассоциации, связанные с договорными, как правило, торговыми отношениями, что, неприемлемо в государственной политике, которая, в свою очередь, выстраивается на основе законов и правовых актов. Кроме того, метафора *президент – клиент* актуализирует образ слабого главы государства, находящегося под покровительством России. Вследствие чего авиаудары наносятся по сирийским повстанцам, которые выступают против режима Башара Асада, а не по военным объектам террористических организаций: *"Russian war planes are conducting about 20 stories a day, almost all against opponents of Assad in western Syria who have no links to Isis, which the Kremlin mendaciously professes to be their target."*

Усиление негативного образа президента Асада Башара достигается посредством другой метафоры: *президент-марионетка*: *«the puppet role of Assad»*. По данным англоязычных словарей лексема *puppet* имеет следующее значение:

- 1) a doll that is moved by putting your hand inside it or by pulling strings or wires that are attached to it;
- 2) a person or an organization that is controlled by another person or organization.

Таким способом формируется общественное мнение о том, что Асад Башар является лишь инструментом в чужих руках: безвольным политиком, которым управляют. С другой стороны, Асаду Башару противопоставляется фигура В. Путина: *"Putin believes he holds a commanding position on the chessboard"*. Слово *"chessboard"* вызывает ассоциативный комплекс, связанной с игрой в шахматы, доминирующая позиция в которой принадлежит России, и в тоже время актуализирует в сознании читателя метафорическую модель *политика – игра*. Эмоциональная окраска метафоры свидетельствует об отрицательном отношении к В. Путину, который не всегда руководствуется демократическими принципами, пытается оказать давление на другие страны, ведет нечестную политическую игру.

В результате актуализации таких экспрессивных средств языка, как *"be steeped in innocent blood"*, *"murderous consequences for civilians"*, *"slaughter civilians"* усиливается образ кровавого политика-диктатора:

"The Russian president's hands may be steeped in innocent blood;"

"Putin ... has been attacking rebel armoured vehicles and heavy weapons, with indifferent accuracy and murderous consequences for civilians;"

"Assad and Moscow slaughter civilians with cluster bombs."

Мысль о том, что вооруженный конфликт приводит к гибели мирных жителей, является лейтмотивом всех проанализированных нами британских СМИ:

"Eight children were killed when two schools ... were hit ... All of the attacks have been directed at civilian, rather than military, targets;"

"There have been several reports of civilian casualties, and strikes on mosques and residential homes."

Англоязычному сообществу также внушается идея о том, что образ президента – лидера нации искусственно создается *"create a narrative"* и навязывается россиянам:

"He has created a narrative for the Russian people that asserts their nation is under assault by the West ... He,

Putin, is the only man with the courage and leadership skills to restore Russia to its rightful place in the place.”

Итак, выполненный анализ воссоздает следующую образ-схему репрезентации сведений о действиях российских военных в Сирии англоязычному адресату: *разыгрывая шахматную партию, президент-марионетка заключает договор с президентом-агрессором, выполнение которого (договора) влечет за собой как грубое нарушение правовых норм, так и гибель мирных жителей.*

Таким образом, «информационная атака» является неотъемлемой составляющей современной политической коммуникации. Язык используется в качестве оружия в информационном противоборстве. С другой стороны, именно язык обеспечивает доступ к этому оружию, позволяет изучить механизмы манипулирования массовым сознанием. Следует отметить, что информационные атаки группируются не только вокруг военных конфликтов. Информационным атакам подвергаются и другие сферы деятельности человека и общества: искусство, образование, спорт и др. Министр спорта В. Мутко охарактеризовал допинговый скандал вокруг российских спортсменов как информационную атаку: *«идет обычная информационная атака на Россию, и она будет продолжаться»*, – заявил Мутко... (<http://riafan.ru/521423-mutko-s-yuristami-derzhit-novyi-udar-v-informacionnoi-voine-protiv-rossii> дата обращения: 18.07.2016). В связи с этим кажется актуальным и интересным продолжать исследования в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. Л., 1941.

Миньяр-Белоручева А. П. К проблеме создания политических неологизмов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 25. Серия: «Лингвистика», выпуск 15. 2012. – С. 32–37.

Hastings M. Putin's power grab. The Sunday Times. 2015, October 11. URL : <http://thesundaytimes.co.uk/sto/news/focus/article1618083.ece> (дата обращения 25.04.2016).

Martin C. Libicki What is Information Warfare? Washington : National defense university, 1995.

Philp C. Putin fires 26 cruise missiles to launch Assad's fightback. The times. 2015, October 8. URL: <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article457927> (дата обращения 25.04.2016).

Philp C. Russia bombs US-trained rebels in Syria as Iran reinforces troops. The Times. 2015, October 2. URL : <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article457361> (дата обращения 25.04.2016).

Rubin J. While Obama Shrugs, Putin struts into Syria to play world policeman. The Sunday Times. 2015, September 20. URL : <http://thesundaytimes.co.uk/sto/comment/columns/article160...> (дата обращения 25.04.2016).

Smith H. L. Assad and Moscow slaughter civilians with cluster bombs. The Times. 2015, December 21. URL : <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article464594> (дата обращения 25.04.2016).

Н. Н. Кошкарлова, О. В. Томберг
Челябинск, Екатеринбург, Россия

PAST INTO PRESENT:

ЖЕНЩИНА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу речевого портрета Маргарет Тэтчер, первой женщины, ставшей премьер-министром европейского государства, и Терезы Мэй, второй в истории женщины на посту главы правительства Великобритании. Анализ проводится согласно структуре языковой личности, при этом основным признается третий, прагматический уровень.

Ключевые слова: Маргарет Тэтчер, Тереза Мэй, прагматический уровень, речевой портрет, языковая личность.

N. N. Koshkarova, O. V. Tomberg
Chelyabinsk, Ekaterinburg, Russia

PAST INTO PRESENT:

WOMAN IN GREAT BRITAIN'S POLITICAL RHETORIC

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the speech portraits of Margaret Thatcher, the first woman to have held the office and of Theresa May, the second woman who became Prime Minister of the United Kingdom. The analysis is carried out according to the language personality structure where the pragmatic level is admitted as the principal one.

Keywords: Margaret Thatcher, Theresa May, pragmatic level, speech portrait, language personality.

По нашему мнению, анализ речевого портрета Маргарет Тэтчер логично провести согласно структуре языковой личности, предложенной Ю. Н. Карауловым [Караулов 2006]. Напомним, что ученый в структуре языковой личности выделяет следующие уровни:

- 1) ассоциативно-семантический (в другой терминологии вербально-семантический) или лексикон;
- 2) когнитивный (или лингвокогнитивный), то есть тезаурус;
- 3) мотивационный (в другой терминологии исследователя прагматический), то есть прагматикон.

Возможно предположить, что преобладающим и основным в структуре языковой личности является третий, то есть прагматический уровень, так как «вербализованная часть прагматикона составляет глубинный слой в организации языковой личности» [Голев 2003: 207]. Не вызывает сомнения тот факт, что прагматикон автора

текста всегда будет детерминирован социальными и аксиологическими установками языковой личности, политическими взглядами и убеждениями, мотивами, установками и целями. Наиболее яркое выражение перечисленные выше факторы, влияющие на прагматические характеристики речевого произведения, получают в процессе создания и трансляции политического текста, который строится по определенным канонам и правилам для достижения наибольшего перлокутивного эффекта.

Предложим характеристику прагматического уровня в структуре языковой личности на материале одной из программных речей премьер-министра Великобритании (1979–1990) Маргарет Тэтчер, произнесенной 19 января 1976 года в Кенсингтон Таун Холле. Сам заголовок речи настраивает целевую аудиторию на соответствующий эмоциональный фон, так как содержит призыв в форме императива: *Britain Awake*. Основным лейтмотивом анализируемого текста является противостояние Советского Союза и Запада в период холодной войны.

Следующие параметры дают основание рассматривать анализируемый текст в качестве репрезентации того политического выступления, которое позволило в будущем называть Маргарет Тэтчер *Железной леди*.

1. Повелительные предложения в конструкциях *let's* + *инфинитив* и модальные глаголы в значении призыва к действию: *But just let's look at what the Russians are doing. <...> Let's ensure that our children will have cause to rejoice that we did not forsake their freedom. <...> But let us make no mistake. <...> It is a time when we urgently need to strengthen our defences. Of course this places a burden on us. But it is one that we must be willing to bear if we want our freedom to survive. <...> Any steps towards closer European union must be carefully considered. <...> The Conservative Party must now sound the warning.*

2. Противопоставление мира «своих» и «чужих» путем четкого разъяснения своей позиции по обсуждаемым вопросам и экспликации точки зрения противника, что еще раз усиливает риторический эффект публичного выступления: *Military men are always warning us that the strategic balance is tilting against NATO and the west. But the Socialists never listen. They don't seem to realise that the submarines and missiles that the Russians are building could be destined to be used against us. <...> The Russians are bent on world dominance, and they are rapidly acquiring the means to become the most powerful imperial nation the world has seen. The men in the Soviet politburo don't have to worry about the ebb and flow of public opinion. They put guns before butter, while we put just about everything before guns. <...> I would be the first to welcome any evidence that the Russians are ready to enter into a genuine detente. But I am afraid that the evidence points the other way.*

3. Ирония и юмор как риторические средства в контактоустанавливающей и экспрессивной функции: *If there are further cuts, perhaps the Defence Secretary should change his title, for the sake of accuracy, to the Secretary for Insecurity.*

4. Актуализация характерного для периода холодной войны образа «внешнего врага», гиперболизированной «внешней угрозы», что является концептуальным противопоставлением риторики того времени: *The first duty of any Government is to safeguard its people against external aggression. To guarantee the survival of our way of life. <...> The rise of Russia as a world-wide naval power, threatens our oil rigs and our traditional life-lines, the sea routes. <...> They have moved into the Indian Ocean. They pose a rising threat to our northern waters and, farther east to Japan's vital sea routes. The Soviet navy is not designed for self-defence. <...> The advance of Communist power threatens our whole way of life. That advance is not irreversible, providing that we take the necessary measures now. But the longer that we go on running down our means of survival, the harder it will be to catch up.*

5. Риторические вопросы, на которые аудитория знает ответы, но которые (вопросы) призваны оценить создавшееся положение и усилить прагматический эффект от выступления: *Has detente induced the Russians to cut back on their defence programme? Has it dissuaded them from brazen intervention in Angola? Has it led to any improvement in the conditions of Soviet citizens, or the subject populations of Eastern Europe?*

При всей экспрессивности и эмоциональности проанализированного выступления его окончание как сильная текстовая позиция характеризуется положительной коннотацией и верой в неизбежность декларируемых идеалов – величие Великобритании и роль Консервативной партии в возрождении страны: *Well, we in the Conservative Party believe that Britain is still great. The decline of our relative power in the world was partly inevitable – with the rise of the super powers with their vast reserves of manpower and resources. <...> In the meantime, the Conservative Party has the vital task of shaking the British public out of a long sleep. <...> There are moments in our history when we have to make a fundamental choice. This is one such moment—a moment when our choice will determine the life or death of our kind of society,—and the future of our children. Let's ensure that our children will have cause to rejoice that we did not forsake their freedom.*

Речевой портрет нового премьер-министра Великобритании Терезы Мэй репрезентирует качественно иной тип дискурса. В целом этот дискурс можно назвать кооперативным, поскольку стратегии кооперации являются прагматической доминантной речью политического лидера. Второе название Консервативной партии, о котором напоминает премьер-министр – союзная партия (the Conservative and Unionist Party). Союз, взаимодействие, единство репрезентируют концептуальный вектор размышлений Терезы Мэй относительно будущей деятельности правительства и будущего страны в целом; лингвостилистическим репрезентантом данного содержательного посыла является местоимение «мы» (we). Сотрудничество и объединение усилий определяется как ведущим способом противостояния всем политическим, социальным, экономическим угрозам и вызовам времени. В целом можно охарактеризовать речь нового премьер-министра по следующим параметрам:

1. Стратегия апелляции к положительным результатам деятельности правительства Дэвида Кэмерона. Она выполняет фатическую функцию, «встраивая» будущую политику нового лидера партии в успешную модель управления страной. Прагматический потенциал такой стратегии заключается в снятии отрицательной энтропии у слушателей относительно деятельности нового правительства и обеспечения преемственности с уже до-

стигнутыми на данном этапе положительными результатами.

In David Cameron, I follow in the footsteps of a great, modern Prime Minister. Under David's leadership, the Government stabilised the economy, reduced the Budget deficit, and helped more people into work than ever before. But David's true legacy is not about the economy, but about social justice. From the introduction of same sex marriage to taking people on low wages out of income tax altogether, David Cameron has led a One Nation Government, and it is in that spirit that I also plan to lead.

2. Стратегия негативного прогнозирования достаточно широко используется в речи политика

If you're black you're treated more harshly by the criminal justice system than if you're white.

If you're a white working class boy you are less likely than anybody else in Britain to go to university.

If you're at a state school, you're less likely to reach the top professions than if you are educated privately.

If you're a woman, you will earn less than a man. If you suffer from mental health problems, there's not enough help to hand.

If you're young, you will find it harder than ever before to own your own home.

If you're from an ordinary working class family, life is much harder than many people in Westminster realise.

Однако негативный эффект от такой риторики снимается тактикой обещания, которая реализуется на лингвистическом уровне анафорическими побудительными конструкциями: *We will do everything we can to give you more control over your lives / ... we'll think not of the powerful but you / ... we'll listen not to the mighty but to you. / ... we'll prioritise not the wealthy but you / .... we won't entrench the advantages of the fortunate few / We will do everything we can to help anybody / ... we will make Britain a country that works not for a privileged few but for every one of us / ... we will build a better Britain.*

В целом дискурс нового премьер-министра Великобритании можно охарактеризовать как пример достаточно категоричной риторики, ее речь маркирована оценками, суждениями, негативными коннотациями целого ряда слов. На наш взгляд, пример такой риторики может сознательно выбираться автором как способ отражения остроты моменты (выход Британии из Евросоюза, раскол внутри британского общества) и сложности стоящих перед правительством задач.

ЛИТЕРАТУРА

Голев Н. Д., Чернышева Т. В. Публицистический антропотекст как отражение социально позиции адресата // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2006.

ИСТОЧНИКИ

Speech at Kensington Town Hall URL: <http://www.margareththatcher.org/document/102939> (дата обращения 22.07.2016).

Statement from the new Prime Minister Theresa May URL: <https://www.gov.uk/government/speeches> (дата обращения 29.07.2016).

Е. М. Крижановская

Пермь, Россия

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОПОЗИЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В ИНТЕРВЬЮ ИЗВЕСТНОГО ЖУРНАЛИСТА (по материалам официального сайта радиостанции «Эхо Москвы»)

Аннотация. В статье характеризуются основные способы выражения оппозиционных политических взглядов, выявленные в процессе анализа текста интервью российского журналиста А. Невзорова. Текст был размещен на официальном сайте радиостанции «Эхо Москвы». В статье рассматриваются некоторые приемы организации радиоинтервью, а также определенные коммуникативные стратегии, тактики и речевые средства, которые позволяют журналисту обозначить свою политическую позицию. Статья содержит вывод о том, что данные приемы организации радиоинтервью способствуют достижению основной коммуникативной цели его участников – презентации себя как личностей, а не обсуждения актуальных политических событий.

Ключевые слова: политический дискурс; жанр радиоинтервью, особенности речевого поведения журналиста, способы выражения оппозиционных взглядов участников интервью.

Y. M. Krizhanovskaya

Perm, Russia

WAYS OF THE OPPOSITION POLITICAL VIEWS' EXPRESSION IN THE INTERVIEW BY THE WELL-KNOWN JOURNALIST (based in the radio's website «Echo Moscow»)

Abstract. The article describes the basic ways of the opposition political views' expression, which were revealed through the analysis of the interview's text by the journalist A. Nevzorov. The text has been placed on the official web-site of the radio station «Echo Moscow». The article considers some methods of the radio interview's arrangement, certain communicative strategies, tactics and speech means which allow the journalist to reveal his political position. The article contains a conclusion that this methods of the radio interview's arrangement help to achieve the basic communicative purpose of its participants – presentations of themselves as

individuals, instead of discussing actual political events.

Keywords: political discourse; genre of radio interview, peculiarities of journalist's speech behaviour, ways of interview participants' expression of opposition views.

Утверждение о том, что современный политический дискурс в России характеризуется высокой степенью агрессивности, стало уже общепринятым. Как отмечает А. П. Чудинов, «нам не хватает толерантности, терпимости к мнению оппонента, слишком много у наших политических лидеров и журналистов желания оскорбить и унижить инакомыслящих. ... Но в процессе подобной деятельности не все средства одинаково хороши с моральной точки зрения» [Чудинов 2008: 71]. В современной политической коммуникации в России особо резкое неприятие мнений других участников политического процесса свойственно представителям движений, придерживающихся взглядов, отличных от установок официальной российской власти. В этом отношении весьма показательны передачи радиостанции «Эхо Москвы», содержание и стилистика которых резко контрастируют с соответствующими характеристиками информационно-аналитических программ многих других российских радиостанций. Несмотря на то что редакция радиостанции «Эхо Москвы» в целом не признает открыто оппозиционной направленности своих передач, об этом свидетельствует круг обсуждаемых общественно-политических проблем, характер журналистских оценок событий, происходящих в нашей стране и за рубежом, и, безусловно, приглашение к их обсуждению гостей, которые известны в основном своей оппозицией официальной российской власти.

В настоящее время у многих популярных радиостанций имеются собственные официальные сайты в Интернете, которые позволяют охватить более значительную, чем раньше, часть целевой аудитории, в первую очередь – молодежную. Официальный сайт «Эха Москвы» появился в 1997 году и с тех пор постоянно совершенствуется. Так, например, в Википедии отмечается, что «для пользователей сайта доступны звуковые эфиры радиопередач за несколько лет, расшифровки интервью, поиск по материалам, RSS-подписка, возможность оставлять комментарии и задавать вопросы гостям и сотрудникам, принимать участие в опросах, формировать топ-7 материалов и персон» [Эхо Москвы, <https://echo.msk.ru/>].

Перечисленные возможности официального сайта этой радиостанции позволяют не только исследовать особенности речевого поведения отдельных журналистов и блоггеров, но и выявить особенности их политических взглядов. С целью выявления отдельных способов выражения политических взглядов нами был проанализирован текст интервью известного петербургского журналиста Александра Невзорова, которое было размещено на официальном сайте радио «Эхо Москвы» 26 октября 2015 года в рубрике «Персонально Ваш».

Как известно, Александр Глебович Невзоров – это российский журналист, репортер, телеведущий, публицист, режиссер, сценарист и продюсер нескольких документальных фильмов. А. Невзоров был депутатом Государственной думы РФ в период с 1993 по 2007 годы. Особую известность (нередко скандальную) журналист приобрел в конце 1980-х годов как автор и ведущий программы Ленинградского телевидения «600 секунд». А. Г. Невзоров участвовал во многих локальных вооруженных конфликтах, освещению которых посвятил серию репортажей «Наши» о советских и российских солдатах в различных горячих точках, награжден орденом «За личное мужество», медалью «Защитнику Приднестровья» и нагрудным знаком «За оборону Приднестровья». Профессиональная деятельность А. Невзорова отличается стремлением к независимости суждений и оценок и нередко – к эпатажу.

Анализ текста интервью с А. Невзоровым, представленного на сайте «Эха Москвы» 26 октября 2015 года, показал, что основной коммуникативной стратегией журналиста становится стратегия самопрезентации себя как личности. По мнению О. Н. Быковой, «самопрезентация – это эмоциональная “самоподача” оратора, косвенная демонстрация психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях» [Быкова, цит. по Паршина 2007: 43]. Названной коммуникативной цели подчинены все используемые А. Невзоровым речевые тактики и средства организации дискуссии в прямом эфире.

Диалог в прямом эфире начинается с пересказа журналистом В. Бойко сообщения о том, как Президент РФ В. В. Путин на вопрос одного из членов Валдайского клуба на форуме 2015 года шутливо ответил, что он голубь, но с мощными железными крыльями. Это высказывание лидера России позволяет журналисту задать провокационный вопрос гостю студии о том, с каким животным или птицей ассоциируется у него российский президент. Заданный вопрос становится своеобразным пусковым механизмом не только начала дискуссии, но и развернутого ответа публициста А. Невзорова, в процессе которого автор долго и пространно рассуждает о том, что Россия отличается любовью к киношным спецэффектам, постановочным сценам (в том числе и в политике), приводит сведения из личного опыта изучения образа жизни голубей. При этом развернутый ответ на вопрос интервьюера содержит ярко выраженную негативную оценку, которую А. Невзоров не боится выражать публично (здесь и далее текст приводится в частичной пунктуационной правке автора статьи – Е. М.):

«Но я бы вообще не рисковал кому бы то ни было сравнивать себя с голубем. Потому что мне с голубями приходилось много работать. ... Я не знаю, сколько надо было выпить литров Фалернского, чтобы обозначить эту птицу символом миролюбия и вообще мира. Более склочных, гадливых, авантюрных и хамских птичек, чем голуби, представить себе невозможно. К тому же голубь такая, я бы сказал, пространная очень ассоциация. Есть же и городские голуби, отличающиеся особым изяществом. Которые населяют помойки».

Приведенный выше фрагмент интервью иллюстрирует отношение А. Невзорова не только к широко известному газетному штампу «голубь мира», но и демонстрирует явно критический настрой к высказываниям российского президента, что получит дальнейшее развитие в ходе беседы.

Характерно, что резко отрицательной оценке журналиста подвергаются как официальная российская политика в целом, так и личности отдельных политиков, государственных деятелей, депутатов Государственной думы РФ, лидеров общественных движений, действующих в настоящее время представителей русской православной церкви. По-видимому, негативные оценки А. Невзорова хорошо известных в России людей выступают в качестве средств реализации в речи тактики дистанцирования журналиста от их мнений и действий, одновременно журналист постоянно делает акцент на наличии у него собственной позиции по обсуждаемым вопросам. Так, комментируя высокий, по данным интернет-источников, рейтинг Президента РФ В. В. Путина, А. Невзоров отмечает:

«Я думаю, что всех тех, кто не входит в число безоговорочных сторонников Владимира Владимировича, скоро уже будут знать пофамильно. И списки их будут вывешены. Их немного. Я думаю, что на самом деле мы должны говорить о 95%, но просто цифры немножко стыдливо занизили. И в этом нет ничего удивительного. Поскольку я не знаю, какими усилиями ему далась победа над Интернетом, он ведь, понимаешь-то, что называется, Володин – во всех смыслах этого слова. То есть можно говорить Володин, можно говорить – Вовин. Можно говорить как угодно. Тем не менее, он верен и удивительно ритмичен в своих победах. И это надо признать».

В приведенном фрагменте интервью журналист А. Невзоров при помощи лексических повторов и парцелированных синтаксических конструкций акцентирует для слушателя свою позицию, прогнозирует дальнейшее развитие ситуации контролирования официальными российскими властями Интернета и выражает свое отношение к этому, обыгрывает имя Президента РФ В. В. Путина и фамилию первого заместителя руководителя Администрации Президента РФ В. В. Володина.

Как отмечается в одном из современных учебных пособий по радиожурналистике, каждое интервью имеет определенную композицию и сюжет, «их основу составляют вопросы журналиста. Именно они определяют качество материала и его внутреннюю структурную организацию» [Радиожурналистика <https://>]. Интересно, что другие журналисты-участники анализируемого интервью не только сами формируют при помощи предлагаемых гостю вопросов и своих ответных реплик определенные идеологические рамки и стилистические особенности беседы, но и с легкостью принимают своеобразные условия игры в радиостудии (в том числе языковой), которые навязывает им А. Невзоров, в результате общение превращается в процесс высмеивания высказываний и действий известных людей. Нередко такое высмеивание принимает форму откровенного стеба, ерничанья, издевки и даже прямых оскорблений, напоминая некоторое балаганное действо. Для поддержания беседы такого типа интервьюеры используют многочисленные реплики-подхваты высказываний А. Невзорова, демонстрируют согласие с высказанной им точкой зрения, задают уточняющие вопросы, помогающие развитию дискуссии.

В качестве иллюстрации приведем фрагменты интервью, в котором его участники обсуждают назначение депутата Е. Мизулиной сенатором и заместителем конституционного комитета ГД РФ:

«А. Невзоров: – Вот допустить Мизулину к Конституции – это все равно что, прошу прощения за сравнение, – крысу поставить сторожить крупу. Понятно, что она все изгрызет и изгадит, потому что ни один человек такого пренебрежения к Конституции, как чиновница Мизулина, за последнее время не продемонстрировал. Ну, может быть, только есть еще дитя ее гнезда, ее, может быть дочь, Яровая.

О. Бычкова: – Ваш любимый персонаж Милонов.

А. Невзоров: – Милонов уже по сравнению с этими дамами блекнет. Я надеюсь, что он что-нибудь отмочит в ближайшее время, чтобы снова о себе ярко напомнить. Причем я знаю, что с Мизулиной все было не так просто. Сперва она предполагалась в Совет Федерации, у нее была очень ответственная задача. Было нужно пересчитать огнетушители на этажах. Но интеллектуальная задача оказалась тяжеловата, и ее назначили на конституционное законодательство как все-таки на то, что больше соответствует возможностям. Тут я могу сказать, ты видишь, я всегда стараюсь говорить о людях что-нибудь хорошее. Я всегда сдержан и корректен. Но когда эта вот совершенно невежественная тетка вдруг на себя берет смелость определять и решать, как жить огромному количеству взрослых, состоявшихся, профессиональных и свободных людей. То вот эта наглость, притом, что я сторонний наблюдатель, меня не очень волнуют тут ваши эти все российские страсти, вот эта наглость даже меня пронирает. <...>

О. Бычкова: – А прицепились к одной бедной женщине.

А. Невзоров: – Но она понаглее прочих, конечно. Надо помнить, что за всем этим наблюдает бесстрастно око Валентины. Я не знаю, что она думает на самом деле. И что она чувствует. Но мы помним про то, что Валентина Ивановна – это такой специальный биоробот, изготовленный в секретных подвалах ЦК».

В приведенном фрагменте интервью А. Невзоров чрезвычайно категорично и пренебрегая этическими нормами оценивает деятельность, интеллектуальные способности и личные качества члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ Е. Б. Мизулиной, одновременно он дает беглую нелестную характеристику депутату Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В. В. Милонову и иронизирует по поводу личности Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. И. Матвиенко. При этом о себе журналист говорит как об вполне этичном собеседнике, который не ущемляет чести и достоинства других личностей: «...я всегда стараюсь говорить о людях что-нибудь хорошее. Я всегда сдержан и корректен; Я как раз воплощенная корректность». Коммуникативное поведение А. Невзорова в радиостудии «Эха Москвы» строится, в основном, на тактике дистанцирования, о чем он сам нередко сообщает (я сторонний наблюдатель, меня не очень волнуют тут ваши эти все российские страсти; мне все равно, честно говоря), и тактике оскорбления.

Тактика оскорбления известных российских политиков, депутатов, общественных и религиозных деятелей проявляется в использовании речевых выражений с пейоративной окраской, развитии в тексте соответствующих негативных метафор, языковых единиц сниженного стиля, грубых и просторечных выражений, например: «бедо-

лаги милиционеры 90-х; бедолаги эфэсбэшники; бить по мордасам; нарисовался кандидат; нахлебаться РПЦшной бодяги; не надо всех собак вешать на эфэсбэшников; попов колбасит от всяких слов; танцы с костями (о погребении останков семьи Николая Второго – Е. М.); труп бедняжки Цорионова; хреново; черт возьми» и др.

В качестве иллюстрации приведем фрагмент интервью, в котором его участники обсуждают возможную, по версии А. Невзорова, отставку Патриарха Московского и всея Руси Кирилла:

«А. Невзоров: – Очень бы не хотелось, чтобы так было. Кирюша, конечно, еще тот фрукт. Но у него все-таки как много в нем нормального человеческого. Смазливая повариха, часики, квартирки...

О. Бычкова: – Я вас умоляю. Остановитесь. Невзоров.

А. Невзоров: Я как раз хвалю человека, объясняю, что он мне симпатичен. А у того, кто его может заменить, там, похоже, вообще полная лиссэнцефальность и одна извилина, и та крестиком. И понятно, что если, скажем так, вот эта ситуация назреет и каким-то образом будет решаться, вся та многочисленная гвардия, которую наплодил себе Гундяев, его не спасет. Потому что все его назначенцы так, нолики с крестиками, которые тут же откозыряют новому хозяину. В общем, как я выяснил только что, я гораздо лучше отношусь к Гундяеву, чем думал об этом».

В приведенных высказываниях А. Невзорова содержится фамильярное именование высшего иерарха РПЦ, сообщаются непроверенные факты из его личной жизни, негативно оценивается ближайшее окружение патриарха. Таким образом, позволяя себе в прямом эфире крупной российской радиостанции унижать и оскорблять известных российских деятелей, постоянно эпатируя окружающих подобного рода высказываниями, А. Невзоров, стремится выделить свое мнение из ряда других и завоевать тем самым внимание слушателей.

В связи с тем, что в беседе с А. Невзоровым принимают участие журналисты-женщины, в тексте интервью можно отметить реплики, которые можно квалифицировать как проявление женского кокетства, например: «А кстати, вы слышали...; Вам же нравится Валентина Ивановна; Вы на что намекаете, Александр?; Да нет же, ну что вы; Не кидайте меня в розовый куст!; Ой, всем симпатичен. Он всем так симпатичен; Я вас умоляю. Остановитесь, Невзоров».

Необходимо отметить, что, наряду с тактиками дистанцирования и оскорбления, А. Невзоров активно использует различные демагогические и манипулятивные приемы, увлечение которыми вводит его в некоторое подобие экзальтации. В результате этого присутствующие в радиостудии журналисты теряют основное направление беседы и вынуждены, находясь под воздействием эмоционального состояния публициста, торопливо восстанавливать прерванный ход разговора, зачастую хаотично «перескакивая» с одной микротемы на другую. Иллюстрацией сказанному может служить следующий текстовый фрагмент:

«О. Чиж: – Но есть варианты. Например, запрещайте толкиенистов, научите их ставить ролевые игры по “Слову о полке Игореве”».

О. Бычкова: – Ничего себе. Чиж, ты загнула.

А. Невзоров: – Вот действительно чиж. Действительно чиж, а не голубь. Чувствуется, что не голубь. И чижки ведь они начинают такое стремительное движение и хаотически скоростные полеты перед большой грозой.

О. Чиж: – Вы на что намекаете, Александр?

О. Бычкова: – Я потеряла нить, если честно.

А. Невзоров: – Я намекаю на исторический вектор развития нашего государства».

Примечательно, что для придания значимости своим высказываниям и формирования необходимого настроя радиослушателей А. Невзоров нередко прибегает к ссылкам на авторитетные источники: высказывания всемирно известных ученых, отечественные и зарубежные научные исследования, интернет-ресурсы. Тем самым журналист демонстрирует свою широкую образованность и интеллектуальное превосходство не только над другими участниками дискуссии в радиостудии, но и отчасти над радиослушателями.

Обобщая результаты проведенного анализа текста интервью с журналистом А. Невзоровым в прямом эфире «Эха Москвы», еще раз подчеркнем, что выявленные нами приемы организации столичными журналистами радиоинтервью, использованные ими в ходе беседы коммуникативные стратегии, тактики и речевые средства позволяют сделать следующий вывод: открыто декларируемая участниками этого разговора оппозиционность, по сути, являет собой не попытку обсуждения и серьезного анализа актуальных политических событий в России и за рубежом, а способ презентации себя как личностей с целью понравиться значительной части радиослушателей.

ЛИТЕРАТУРА

Паршина О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Издательство ЛКИ, 2007.

Радиожурналистика : учеб. пособие / под ред. А. А. Шереля. Изд-во Московского ун-та. М., 2000. URL: <http://www.evartist.narod.ru/journ.htm> (дата обращения 30.10.2015).

Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 3-е изд., испр. М. : Флинта : Наука, 2008.

Эхо Москвы. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 27.10.2015).

О. А. Кузина
Севастополь, Россия

УКРАИНА НА РАСПУТЬЕ: ОБРАЗ СТРАНЫ ВО ВРЕМЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2013–2014 ГОДОВ

Аннотация. На материале статей с сайта британской газеты "The Times" реконструируется языковой образ Украины в период с ноября 2013 по февраль 2014 года. Выделяются образы Евросоюза и России, и определяется их роль в создании образа Украины. Анализируются аксиологические компоненты каждого образа, выявляются основные метафорические модели, которые используются при характеристике трех политических субъектов.

Ключевые слова: образ, Украина, медиадискурс, метафора, оценка.

О. А. Kuzina
Sevastopol, Russia

UKRAINE AT THE CROSSROAD: THE IMAGE OF UKRAINE DURING THE POLITICAL CRISIS OF 2013–2014

Abstract. The article attempts to reconstruct the linguistic image of Ukraine on the material from the official website of the British periodical "The Times" within the time range from November 2013 till February 2014. Two more images – Europe and Russia – are analysed as well and their role in creating the image of Ukraine is identified. Axiological component of each image is singled out. In addition, the main metaphorical models used to characterize each political unity are presented.

Keywords: image, Ukraine, media discourse, metaphor, evaluation.

В современном мире конфликты между государствами все чаще находят свое выражение не в открытых военных столкновениях, а в виде информационной войны. Сегодня мы становимся свидетелями разворачивающейся борьбы за сферы влияния на бывшие страны советского лагеря, и в центре геополитических конфликтов в течение последних десяти лет наиболее часто оказывается Украина. Недавний политический кризис на Украине стал основой новой фазы информационной войны между Россией и западными странами. События 2013–2015 годов (Евромайдан, референдум в Крыму, война на Донбассе) активно освещались всеми центральными средствами массовой информации Великобритании и США, давая широкий простор для реализации идеологического воздействия на англоязычную читательскую аудиторию. Одной из причин политического кризиса стала необходимость выбора Украиной вектора своего внешнеполитического развития и ближайшего партнера – Евросоюза или Евразийского союза во главе с Россией. И Россия, и Европа стремились склонить Украину к сотрудничеству, показывая преимущества союза именно с ними, и при этом критикуя партнерство с конкурентом. Под влиянием этого агитационного потока информации внутри самого государства также началась борьба сторонников возможных направлений развития. В итоге внутренний государственный конфликт превратился в масштабное геополитическое столкновение двух мощных игроков Евросоюза и России за включение Украины в сферу своего влияния. В связи с этим об образе Украины в медиадискурсе можно говорить только в комплексе с образами России и Европы. Именно на фоне их противостояния, их действий, их характеристик создается образ украинского государства в англоязычной прессе. Практическим материалом для данного исследования послужили статьи с сайта ведущего новостного периодического издания Великобритании "The Times" за период с 21 ноября 2013 года по 23 февраля 2014 года (так называемая Революция достоинства, или Евромайдан), главной темой которых был кризис на Украине.

Обратимся сначала к образу России. Согласно новостным текстам Россия действует агрессивно по отношению к Украине, желая при помощи экономического и политического давления заставить соседнюю страну отказаться от сотрудничества с Евросоюзом:

In an echo of the orange revolution of 2004, organisers are expecting thousands of demonstrators to take to the streets of the capital, Kiev, today to protest against their government's surrender to Moscow's bullying (The Times 24.11.2013).

Mykola Azarov, the Prime Minister, was heckled as he told parliament that Ukraine could not afford to lose trade with Russia, which campaigned aggressively to keep the country in its orbit with threats of a trade war (The Times 23.11.2013).

When Russia leant on President Yanukovich over the last three months through a mixture of threats, economic sanctions and inducements, such as improved gas prices, the EU refused to offer a parallel package of short-term benefits (The Times 25.11.2013).

Слова, употребленные в контексте действий России, несут отрицательную коннотацию: *bullying* (hurting, intimidating, or persecuting (a weaker or smaller person), esp to make him do something), *aggressively* (in a quarrelsome or belligerent way), *threat* (an indication of imminent harm, danger, or pain), *sanctions* (a coercive measure, esp one taken by one or more states against another guilty of violating international law), *war* (any conflict or contest) (OALD). Украина при этом представлена субъектом воздействия. Ее правительство сдается под влиянием России (*surrender – the act of allowing yourself to be controlled by smth or smb* (OALD)), и страна остается в сфере влияния своего восточного соседа (*keep the country in its orbit*).

Интересно отметить и тот факт, что в контексте агрессивных действий по отношению к Украине британские СМИ широко употребляют метонимические замены лексемы «Россия» словами Кремль и Москва или Владимир Путин:

Kiev bowed to pressure from Vladimir Putin ... (The Times 22.11.2013);

Mr Yanukovich has been forced to fall back on the Kremlin ... (The Times 09.12.2013);

President Yanukovich unilaterally withdrew from the process and instructed his Government to rebuild relations with Moscow... (The Times 11.01.2014).

Британская газета "The Times" в одной из своих статей также стремится показать, что между современной Россией и Украиной нет никаких исторических связей:

In the early years of independence there was a quasi-historical case for continued close links to Russia that resonated in eastern Ukraine and at times threatened to split the country. The east was not just bound to Russia by Soviet infrastructure and trade links; it was the old heartland of Kievan Rus, from which modern Russia grew. Nine years after the first wave of Eastern European countries joined the EU, such thinking is pure political nostalgia (The Times 26.11.2013).

Таким образом, Россия в англоязычной прессе предстает в образе агрессора, который оказывает давление на Украину и пытается силой заставить ее сделать выбор в свою пользу вместо сотрудничества с Евросоюзом.

Европа в англоязычных СМИ представлена совершенно иной, а ее сотрудничество с Украиной характеризуется исключительно положительно. Договор об ассоциации, например, описан только с точки зрения преимуществ и перспектив для украинского государства:

Far-reaching free trade agreement and political association agreement that Ukrainians had been led to believe would be a decisive step along the road to eventual integration with the EU (The Times 02.12.2013).

Europe's plans to bring Ukraine into a landmark trade pact appeared to have collapsed last night after Kiev bowed to pressure from Vladimir Putin and turned back towards Russia (The Times 22.11.2013).

While the EU held out mainly medium-term prospects of a greater prosperity, the Russians played rough, sketching personal consequences for Mr Yanukovich and Ukrainian oligarchs (The Times 30.11.2013).

В приведенных примерах договор с ЕС определяется как *far-reaching* (extensive in influence, effect, or range (OALD)) и *landmark* (an important or unique decision, event, fact, discovery, etc (OALD)), а также сопровождается в описании обещаниями *prosperity* (the condition of success or wealth (OALD)) в сочетании со сравнительной степенью сильного положительного прилагательного *great*. Таким образом, в контексте Евросоюза употребляются слова только с положительной коннотацией.

Желание Украины стать членом Евросоюза преподносится как естественное стремление страны стать частью прогрессивного западного мира. Во многом этот шаг рассматривается как сам собой разумеющийся:

The question of Ukraine formalising its relationship with Europe is a matter of when, not if (The Times 26.11.2013).

If he lacks the courage to defy Mr Putin and point Ukraine towards its destiny in Europe on the same terms as those accepted by the rest of the region, the crowds in Kiev must find the courage to demand it (The Times 26.11.2013).

Однозначность точки зрения, что Украина должна стать частью Евросоюза, имплицитно закладывается и во фразах с притяжательной формой имени собственного Европы:

The future of Europe's second-biggest country ... (The Times 02.12.2013);

Ukraine is Europe's largest country by area... (The Times 26.01.2014).

Анализируя практический материал можно заметить, что Евросоюз предстает в виде некоего собирательно-го мифического образа, идеального политического субъекта, где люди имеют хорошие доходы и равные права:

While Brussels is mocked by many in the UK, for millions of Ukrainians "Europe" represents their passionate aspirations for real freedom and decency, civilised relations between government and people and a place where the rule of law is entrenched and the economy does not function for the benefit of a handful of billionaire oligarchs and crooked politicians (The Times 26.01.2014);

President Yanukovich sought last night to calm the protests by promising that Ukraine remained committed to "a society of European standards" (The Times 25.11.2013);.

Tens of thousands of protesters defied the pepper spray and truncheons of Ukrainian riot police to chant: "We want our children to grow up in Europe" (The Times 27.11.2013).

Стоит отметить, что в соответствии со статьями Евросоюз предлагает сотрудничество Украине, а не навязывает его, показывает перспективы и готов оказать помощь в противодействии давлению со стороны России:

The EU has made extensive efforts to ease the impact on Kiev of a Russian trade offensive (The Times 22.11.2013).

President Viktor Yanukovich has enraged progressives by rejecting a deal on offer from the EU for an Association Agreement that could lead eventually to EU membership (The Times 26.11.2013).

В примерах, указанных выше, также можно найти слова *deal* (a particular type of treatment received, esp as the result of an agreement), *pact* (an agreement or compact between two or more parties, nations, etc., for mutual advantage), *agreement* (a settlement, esp one that is legally enforceable; covenant; treaty; the state of being of the same opinion; concord; harmony) (OALD), подразумевающие двустороннее согласие на сотрудничество, а не внешнее принуждение.

Следовательно, в статьях об украинском кризисе массмедиа создают положительный образ Евросоюза как доброго наставника, помощника, который готов спасти Украину, помогая ей в борьбе с Россией-агрессором.

С начала протестов Евромайдана авторы статей намеренно помещают в один контекст Россию и Европу, на основе их противопоставления показывая читателю, какой выбор Украине стоит сделать. Причину народных волнений 21 ноября 2013 года традиционно связывают с отказом президента Украины В. Ф. Януковича под давлением России подписывать договор об ассоциации с Евросоюзом:

The unrest had been prompted by Yanukovich's decision not to sign the deal for closer ties with the EU under pressure from Russia (The Times 01.12.2013);

It was Mr. Yanukovich's last-minute and unilateral rejection of the original EU deal, in favour of closer links with Mos-

cow, that sparked the country's gravest political crisis since the Orange Revolution in 2004 (The Times 11.12.2013).

Таким образом выстраивается противопоставление Европы и России, как хорошего и плохого, своего и чужого, врага и друга:

The Russians might have the energy supplies, which they would use to supplement their foreign policy objectives, but Europe had the markets, the technology and the infrastructure (The Times 12.12.2013).

Именно то, какой путь, какого союзника выберет Украина, и становится центральной темой статей. Соответственно, образ Украины изначально аксиологически нагружен: если страна выберет Европейский путь развития, то станет другом, «своим», положительным персонажем, а если останется союзником России, то будет врагом, «чужим», получив отрицательную характеристику. Информация преподносится таким образом, что Украина обязательно должна сделать выбор в сторону того или иного партнера:

The country really is at a crossroads: one path points to the EU, the other to one dictated by Russia (The Times 12.12.2013).

Описав образы Европы и России, обратимся к образу самой Украины. В большинстве статей периода первой фазы Евромайдана (с 21 ноября по 7 декабря 2013 года), когда протесты на площади носили мирный характер, и главным лозунгом протестующих было в основном возвращение к подписанию ассоциации с ЕС, Украина представляла в виде пассивного агента действий России и Евросоюза. Такой образ Украины реализуется в прессе с помощью:

– метафор соревнования, борьбы, игры, где Украина трофей, приз:

The duel over Ukraine has ignited the strongest tension in ten years between the EU and Russia (The Times 30.11.2013);

So at the last minute the Ukrainian leadership announced it was going to do some kind of trade deal with Moscow instead. It sounds like two 11-year-old girls fighting over a best friend, if you ask me, but whatever. Everyone is jolly cross (The Times 01.12.2013);

Ukraine was to have been by far the biggest prize for the EU in its push to embrace a new batch of states from the former Soviet Union after taking in the three Baltic republics, Latvia, Estonia and Lithuania, a decade ago (The Times 22.11.2013);

Diplomats from the eastern EU states were blaming Brussels and the west for losing Ukraine through complacency (The Times 22.11.2013);

The broader question of how to keep Ukraine in the Russian orbit is a longer, more complex game and will involve a subtle interplay of gas price blackmail, the stoking of fears among Russian loyalists and a financial bidding war with the West (The Times 25.02.2014);

– метафоры космического корабля, спутника, который меняет орбиту под действием внешних сил:

Russia regained mastery of a swath of its former empire yesterday after EU leaders acknowledged the collapse of an eight-year effort to draw Ukraine into the orbit of Western democracies (The Times 30.11.2013);

The deal, struck by Ukraine's state-run energy firm Naftogaz and the Kremlin-owned giant Gazprom, followed President Yanukovich's decision to keep the country in Russia's orbit and turn its back on the EU (The Times 04.12.2013);

European leaders have accused Russia of placing unacceptable economic pressure on Ukraine to prevent its neighbour from moving closer to Europe and out of Moscow's orbit (The Times 25.11.2013);

– метафоры добычи:

EU officials are now racing to ensure that Ukraine can be kept from falling into Russia's clutches (The Times 24.11.2013);

President Putin said that he would wait to see the make-up of the new government before deciding whether to release the \$15 billion bailout fund with which it had enticed Ukraine away from the clutches of the European Union (The Times 29.01.2014);

– метафоры торговли, где Украина товар, который продают:

Opposition leaders have accused Mr Yanukovich of selling Ukrainian independence to the Kremlin to keep himself in power (The Times 11.01.2014).

В других статьях Украина – это активный участник действий, однако часто совершающий действия под давлением. Это выражается при помощи:

– метафоры семьи, где Украина официально оформляет уже существующие отношения с Евросоюзом:

The question of Ukraine formalising its relationship with Europe is a matter of when, not if (The Times 26.11.2013);

– метафоры пути, по которому идет Украина:

The pact's suspension was a significant victory for Mr Putin, who had made clear to Mr Yanukovich that his country would pay a high price for embarking on a path that could lead to full membership of the EU (The Times 22.11.2013);

Far-reaching free trade agreement and political association agreement that Ukrainians had been led to believe would be a decisive step along the road to eventual integration with the EU (The Times 02.12.2013).

Параллельно с метафорой пути разворачивается образ символической двери, которую Украина должна выбрать и открыть или закрыть:

Yesterday, European foreign ministers meeting in Brussels insisted that the door to Ukraine for a new partnership with Europe remains open but they urged Kiev to stop prevaricating and show that it is serious about the relationship (The Times 17.12.2013);

A fifth day of protests around the country culminated last night with special forces units using pepper spray and batons on a small group of demonstrators in Kiev where more than 20,000 protesters gathered after European leaders

issued a strong condemnation of Russia and urged the Government to rethink its abrupt decision to slam the door on Brussels (The Times 25.11.2013).

Украина предстает также в виде поезда, а Европа в виде вокзала, куда этот поезд прибывает:

The mere idea of a country the size of Ukraine — far larger than Poland — hitching its wagon to the exhausted European Union is the stuff of nightmares in Western capitals (The Times 27.11.2013).

На основании проведенного анализа, можно сделать вывод, что в период украинского кризиса большинство новостных материалов создают образ Украины на фоне других образов – Европы и России, где каждый из образов имеет стойкую аксиологическую окраску: Россия – отрицательную, а Европа – положительную. Украина же изображена пассивным объектом, целью геополитической борьбы, страной, которая вынуждена сделать выбор в пользу только одного из партнеров.

ЛИТЕРАТУРА

Oxford Advanced Learner's Dictionary online (OALD). URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения 30.06.2016).

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

The Times. URL: <http://www.thetimes.co.uk> (дата обращения 30.06.2016).

Ю. В. Кузина

Екатеринбург, Россия

ORANGUTRAMP – ОБРАЗ Д. ТРАМПА В ГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. Статья посвящена описанию образа кандидата в президенты США Дональда Трампа на основе анализа предвыборной политической карикатуры представленной в сети Интернет.

Ключевые слова: образ кандидата, политическая коммуникация, политическая карикатура, креолизованный текст, лингвокультурный типаж Чудак.

Y. V. Kuzina

Ekaterinburg, Russia

ORANGUTRAMP – D. TRAMP'S IMAGE IN THE INTERNET GRAPHIC MATERIALS

Abstract. The article describes Donald Tramp's image presented in pre-election political Internet cartoons.

Key words: candidate's image, political communication, political cartoons, creolized text, the linguocultural type "Weirdo".

Материалы подготовлены в рамках гранта РГНФ № 14-04-00268

*«Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования
и перспективы развития научного направления».*

Политическая лингвистика имеет своей целью установление закономерностей взаимовлияния общественно-политических событий на изменения в языке и наоборот. В связи с этим большое количество работ, выполняемых в рамках данного направления, посвящены изучению политической коммуникации.

Одной из форм неформальной политической коммуникации является карикатура – сатирическое или юмористическое изображение, в котором комический эффект создается преувеличением и заострением характерных черт, неожиданными сопоставлениями и уподоблениями. С точки зрения лингвистической науки, карикатура – это креолизованный текст. Согласно определению, предложенному М. Б. Ворошиловой, креолизованный текст – это текст, обладающий сложной формой, то есть основанный на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обеспечивает комплексное воздействие на адресата [Ворошилова 2013: 22]. Карикатура, являясь креолизованным текстом, несет в себе концептуальную составляющую, которая может быть выявлена.

Необходимо отметить, что одной из функций политической карикатуры является создание образа того или иного кандидата во время выборов посредством типизации. Учитывая концептуальную составляющую карикатуры, мы можем утверждать, что типизированный образ того или иного политика, представленный в карикатуре, может выступать в качестве репрезентации одной из разновидностей концепта – лингвокультурного типажа.

Лингвокультурный типаж, по определению В. И. Карасика, – это типизируемая личность, представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [Карасик 2004: 49]. В настоящее время выявлен и описан целый ряд лингвокультурных типажей. Таковыми, например, являются «английский пират» (Асадуллаева, 2011), «американский первопроходец» (Валяйбоб, 2012), «английский викарий» (Бровикова, 2013) и многие другие.

В рамках данной статьи мы рассмотрим лингвокультурный типаж «английский чудак», в образе которого

предстает кандидат в президенты США от Республиканской партии Дональд Трамп.

Е. А. Ярмахова указывает в качестве базового признака чудака его странность как отклонение от нормы. Разные виды странности противопоставлены друг другу по содержанию нормы, отклонение от которой обозначено той или иной лексемой. «Чужачество» является частным случаем «странности», которая, в свою очередь, выступает частным случаем «необычности» [Ярмахова 2005: 12].

Как отмечает С. В. Чернова, оценка действий и поступков человека производится не им самим, а окружающими людьми, которые при этом исходят из принятых в обществе стандартов. Соответственно, человек, действующий в соответствии со стереотипами и нормами, действующий «как положено», с точки зрения рядового обывателя воспринимается как «умный», правильный. Противопоставляется ему тот, кто действует и мыслит отличным от нормы образом и потому воспринимается как «неумный», или дурак [Чернова 2011: 370].

С этой точки зрения, чудаки – это своеобразный дурак.

Е. А. Ярмахова классифицирует дураков следующим образом: 1) *патологический дурак*, тупица, который не способен понять то, что должны понимать все; ему противопоставлен умный; 2) *психованный дурак*, который не контролирует себя и опасен окружающим; ему противопоставлен вменяемый человек; 3) *человек, который дурачит себя на потеху*, ведет себя нерационально, но в интеллектуальном отношении вполне состоятелен (фигляр, паяц), ему противопоставлен серьезный; 4) *фольклорный дурак*, над которым смеются те, кто считает себя гораздо выше его по интеллекту, но в действительности они уступают ему; ему противопоставлен самонадеянный умник; 5) *дурак как жертва обмана*, как тот, кого легко провести; ему противопоставлен преступник, мошенник; 6) *дурак как чудаки*, человек со странностями; ему противопоставлен обычный человек [Ярмахова 2005: 7].

Итак, рассмотрим ряд изображений Дональда Трампа, иллюстрирующих те или иные аспекты его образа.

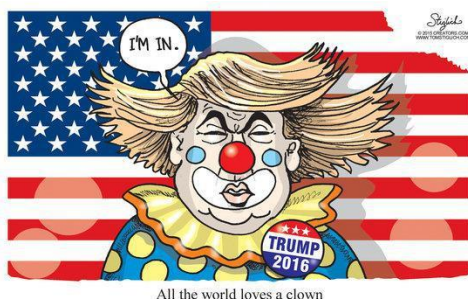

Рис. 1

Рис. 2

Здесь кандидат в президенты изображен в роли клоуна (рис. 1, 2). Рассмотрим лексику *clown*, заключающую в себе понятийные характеристики данного образа:

1. a comic performer, as in a circus, theatrical production, or the like, who wears an outlandish costume and makeup and entertains by pantomiming common situations or actions in exaggerated or ridiculous fashion, by juggling or tumbling, etc;

2. a person who acts like a clown; comedian; joker; buffoon; jester;

3. a prankster; a practical joker.

Приведенные дефиниции определяют не только человека, чьей профессией является клоунада, но так же шутника и шута (buffoon, jester), склонного разыгрывать и дурачить окружающих (prankster). Особое внимание привлекает сленговое значение данной лексики – «плохо воспитанный человек», «грубиян», «хам»;

4. *Slang*. a coarse, ill-bred person; a boor.

Кроме того, данная лексема обозначает и крестьянина, деревенского человека, который отличается чрезмерной простотой и невежеством;

5. a peasant; rustic [Random House Dictionary: <http://www>].

На рисунке 2 мы также видим Дональда Трампа в образе клоуна и текст "This time I'm serious" («В этот раз я серьезен» – *перевод наш*). Рассмотрим ряд дефиниций лексики *serious*, обратившись к толковым словарям американского варианта английского языка:

serious

1. of, showing, or characterized by deep thought;

2. being in earnest; sincere; not trifling;

3. weighty or important [Random House Dictionary: <http://www>].

Итак, приведенные выше дефиниции несут в себе значения глубокомысленности, честности и искренности, а также значимости и важности. Исходя из текста, представленного на рисунке 2, все эти качества присущи кандидату в президенты только «в этот раз», а вообще они ему не свойственны. То есть кандидат в своей клоунаде противопоставлен серьезным, или «нормальным» людям. Таким образом, Трамп представлен в образе шута, который, с одной стороны, дурачится на потеху толпе, а с другой – выступает как хамоватый шутник, склонный к розыгрышам и обману.

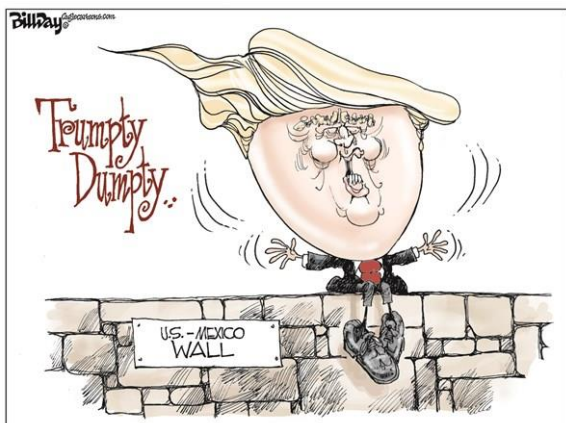

Рис. 3

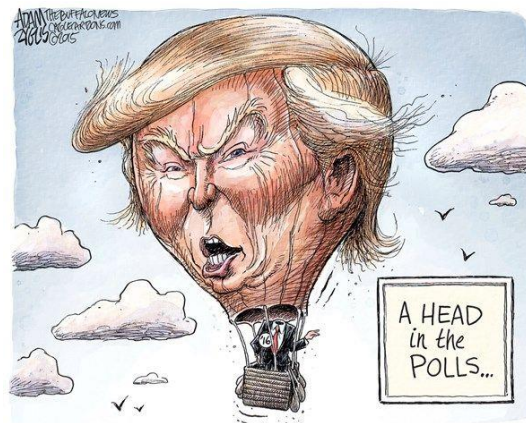

Рис. 4

Помимо шутовства в образе Дональда Трампа, представленном посредством карикатуры, читается и оторванность от реальности.

Надпись "Trumpty Dumpty" (рис. 3) отсылает нас к прецедентному имени Humpty Dumpty, (рус. Шалтай Болтай), персонажу сказок матушки Гусыни, имевшему внешний вид яйца:

Humpty Dumpty – an *egg-shaped* character in a Mother Goose nursery rhyme that fell off a wall and could not be put together again [Random House Dictionary: <http://www>].

Шалтай Болтай, как известно, сидел на стене, а затем разбился вдребезги, упав с нее.

Дональд Трамп в образе Шалтая Болтая также изображен сидящим на стене – возведение стены на границе с Мексикой в качестве защиты страны от мексиканских мигрантов является одной из резонансных предвыборных инициатив Дональда Трампа.

Имевший форму яйца Шалтай Болтай может быть назван яйцеголовым. Лексема *egg-headed* несет в себе метафорическое значение:

egg-headed

1) an intellectual (usually used with disparaging intent, implying that an intellectual is out-of-touch with ordinary people) [Random House Dictionary: <http://www>].

Согласно приведенной выше дефиниции, лексема «яйцеголовый» употребляется уничижительно и иронично в отношении интеллектуала, далекого в своих размышлениях от обычной жизни и обычных людей.

На рисунке 4 Дональд Трамп изображен с головой – воздушным шаром и фигурирует надпись "A head in the polls". С одной стороны, здесь мы имеем дело с языковой игрой: при слитном написании *a head* превращается в наречие *ahead*, которое означает не только «вперед, впереди», но и «в более престижном или успешном положении», а сочетание лексем *to be ahead* несет в себе значение «выигрывать, побеждать».

ahead

1) in or to the front; in advance of; before; 2. onward toward success; to a more advantageous position [Random House Dictionary: <http://www>].

to be ahead – to be winning [Random House Dictionary: <http://www>].

Лексема *polls* обозначает, в частности, голосование на выборах и его результаты:

polls 1. the voting at an election; 2. the numerical result of the voting [Random House Dictionary: <http://www>].

Таким образом, карикатура, представленная на рисунке 4, предвещает Дональду Трампу победу на президентских выборах.

С другой стороны, надпись на рис. 4 происходит от идиоматического выражения *head in the clouds*, называющего рассеянного, непрактичного, ушедшего в мир собственных фантазий человека:

head in the clouds

1. in a condition of absent-mindedness; lost in reverie;

2. impractical [Random House Dictionary: <http://www>].

Нельзя не отметить, что изображение головы Дональда Трампа в виде воздушного шара намекает на пустоту внутри нее, либо наполненность некими эфемерными идеями, которые не близки избирателям. Именно поэтому данная карикатура иллюстрирует и такое идиоматическое выражение, как *when the balloon goes up* («Когда взлетает воздушный шар» – *перевод наш*). Данная идиома обозначает момент, когда начинаются неприятности.

- (informal) when the balloon goes up – when the trouble or action begins.

Таким образом, карикатуры на рисунках 3 и 4 могут быть истолкованы следующим образом: победа на выборах Дональда Трампа, чьи идеи непрактичны и не имеют ничего общего со здравым смыслом, не принесет избирателям ничего, кроме неприятностей. Политик предстает здесь в образе дурака-чудака, абсолютно оторванного от реальности и далекого от избирателей.

Общий недостаток интеллектуальных способностей отражен в карикатурах, изображающих Дональда Трампа в образе животного, в частности, обезьяны (рис. 5, 6).

Рис. 5

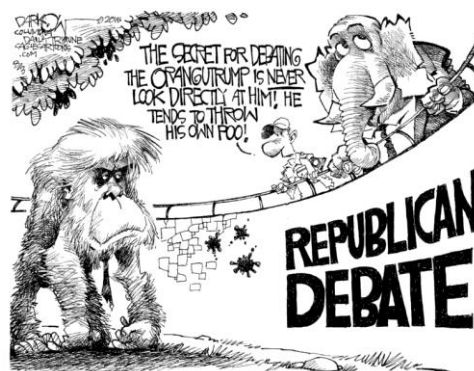

Рис. 6

Обезьяной метафорически называют вредоносного человека, копирующего других и устраивающего злые проказы:

monkey

- a naughty or mischievous person [Collins American English Dictionary: <http://www>]
- a person likened to such an animal, as a mischievous, agile child or a mimic [Random House Dictionary: <http://www>].

С другой стороны, лексема *monkey* обозначает наркотическую зависимость:

to have a monkey on one's back

- to be addicted to a drug or drugs [Random House Dictionary: <http://www>].

Поэтому, изображая человека в виде обезьяны, автор карикатуры приписывает ему неадекватное поведение, какое свойственно неразумного пакостливому животному или человеку под воздействием наркотических веществ.

Стоит также отметить, что Трамп на рисунке 6 изображен в виде орангутанга – человекообразной обезьяны, обозначаемой в английском языке лексемой *ape*:

ape 1. any of a group of anthropoid primates characterized by long arms, a broad chest, and the absence of a tail, comprising the family Pongidae (great ape) which includes the chimpanzee, gorilla, and orangutan, and the family Hylobatidae (lesser ape) which includes the gibbon and siamang; 2. (US, informal) a coarse, clumsy, or rude person [Random House Dictionary: <http://www>].

Как видно из приведенных дефиниций, помимо своего прямого значения, данная лексема имеет метафорическое, бытующее в американском варианте английского языка — «грубый, неуклюжий человек». Лексема *coarse*, фигурирующая в представленном толковании, подразумевает также непристойное поведение:

coarse – vulgar; obscene; crude [Random House Dictionary: <http://www>].

Яркой иллюстрацией данной идеи служит надпись "...He tends to throw his own poo!", подразумевающая, что Orangutump (от англ. Orangutan («орангутан») + Trump) бросается в окружающих собственными экскрементами. Такое поведение свойственно, как известно, и психически нездоровым людям.

В словаре американского сленга присутствует следующее толкование лексемы *ape*: 1. (also *ape-shit*) stupid and destructive; irrational; berserk; 2. very enthusiastic; highly excited [The Dictionary of American Slang: <http://www>].

Данная лексема имеет сленговые значения «разрушительный, иррациональный, тупой, неистовый», а также «воодушевленный, вдохновленный, восторженный». Эти значения вполне можно отнести к Дональду Трампу, чьи предвыборные речи отличаются, с одной стороны, высокой эмоциональностью, а с другой стороны – крайней непредсказуемостью и несдержанностью в высказываниях, граничащей с хамством.

Таким образом, в образе орангутанга Дональд Трамп представлен неадекватным, психованным дураком, не контролирующим свое поведение.

Рисунок 5, иллюстрирующий превращение политика в обезьяну, также указывает на его глупость. Так, идиома *to make a monkey of somebody* значит заставить кого-то выглядеть нелепо, сделать из человека дурака:

make a monkey out of – to cause to appear ridiculous; make a fool of [Random House Dictionary: <http://www>].

Здесь кандидат в президенты предстает в образе патологического дурака, неспособного к интеллектуальной деятельности и правильному восприятию действительности.

Не только об интеллектуальной несостоятельности кандидата в президенты, но и об опасности, исходящей от него, повествуют и следующие карикатуры (рис. 7, 8).

Рис. 7

Рис. 8

На первой из них (рис. 7) особое значение, на наш взгляд, несет аббревиатура P.O.W. – prisoner of war [Random House Dictionary: <http://www>]. Согласно тексту, представленному на рассматриваемом нами рисунке, мозг Дональда Трампа молит о помощи, поскольку находится в плену у его рта. Подобная «расстановка сил» наводит на мысль, что речи Дональда Трампа не имеют ничего общего с разумом, с одной стороны, а также вызывает в памяти многочисленные сюжеты о захвате человеческого мозга враждебными инопланетными существами.

Рисунок 8 отсылает нас к Франкенштейну – имени, которым называют любого человекоподобного монстра (хотя фактически соответствующий персонаж романа М. Шелли не имел личного имени, а Виктором Франкенштейном звали его создателя). Здесь же в образе неконтролируемого чудовища предстает Дональд Трамп, а в роли его создателя – слон, эмблема Республиканской партии США:

Elephant – a symbol of the Republican party, introduced in a series of political cartoons by Thomas Nast during the congressional elections of 1874 [The American Heritage. New Dictionary of Cultural Literacy: <http://www>].

Надпись "G.O.P." на груди так же обозначает Республиканскую партию США:

GOP – Grand Old Party (an epithet of the Republican Party since 1880) [Random House Dictionary: <http://www>].

Согласно данной карикатуре, представители этой политической партии вынуждены признать, что они сами создали Дональда Трампа – опасного монстра, неподдающегося никакому контролю.

Таким образом, графические материалы сети Интернет представляют кандидата в президенты Дональда Трампа как чудака, отклоняющегося от нормы по многим параметрам и противопоставленного потенциальным избирателям – умным, серьезным, практичным и вменяемым людям.

ЛИТЕРАТУРА

Ворошилова М. Б. Политический креолизированный текст: ключи к прочтению: моногр. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2013.

Карасик В. И. Коммуникативный типаж: аспекты изучения // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Волгоград : Волгоград. ун-т, 2004.

Чернова С. В. Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (17–19 марта 2006 г.) М. : Элпис, 2006.

Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чужак» : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2005.

Collins American English Dictionary online. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/american> (дата обращения 05.08.2016).

Random House Dictionary. URL: <http://dictionary.reference.com> (дата обращения 05.08.2016).

The American Heritage. New Dictionary of Cultural Literacy. URL: <http://www.dictionaries.com/browse/elephant> (дата обращения 10.08.2016).

The Dictionary of American Slang. URL: <http://www.dictionaries.com/browse/elephant> (дата обращения 10.08.2016).

ИСТОЧНИКИ ГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

URL: humorinamerica.wordpress.com (дата обращения 01.08.2016).

URL: politicalhumor.about.com (дата обращения 01.08.2016).

URL: www.startribune.com (дата обращения 01.08.2016).

И. В. Култышева

Нижний Тагил, Россия

КАТЕГОРИЯ КОМИЧЕСКОГО В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВРАГА (на примере фото-карикатур и демотиваторов)

Аннотация. Негативная информация, исходящая из официальных СМИ о новой украинской власти, способствует формированию в общественном сознании образа врага. В статье рассматривается, как поддержание и распространение подобного образа происходит с помощью его репрезентации через *демотиваторы и фотокарикатуры* как категории комического. Образ врага является инвариантным компонентом духовной сферы общества во время любого военного конфликта. Он помогает вызывать чувство ненависти к противнику, оправдывать собственные агрессивные действия. Образ врага по-

стоянно присутствует в политической сфере, при этом средства и механизмы его насаждения в массовое сознание и степень интенсивности внедрения варьируются в зависимости от поставленных задач. Традиционно «образ врага» формируется на основе недоброжелательных, неприязненных (враждебных) отношений и действий. Историческая память, стереотипы любого сложившегося социума позволяют людям сохранять и передавать из поколения в поколение ранее сформированные «образы врагов» и механизмы их идентификации.

В фотокариатурах и демотиваторах происходит осмеяние украинских политических лидеров, их решений и действий, а также последствий, к которым они привели. Политики чаще всего выглядят глупыми и алчными, неспособными выполнить свои обещания. Политические лидеры Украины представлены как достаточно ограниченные люди, что формирует негативный образ страны в целом.

Ключевые слова: «образ врага»; категория комического; демотиваторы; фотокариатуры.

I. V. Kultysheva
Nizhny Tagil, Russia

THE CATEGORY OF COMIC IN REPRESENTATION OF THE IMAGE OF POLITICAL OPPONENT (on the examp of demotivators and photo-cartoons)

Abstract. Negative information originating from the official media of the new Ukrainian government, contributes to the formation in the public consciousness the image of the enemy. The article discusses how the maintenance and dissemination of such images is done by its representation through demotivators and photo-cartoon like comic category. The image of the enemy is an invariant component of the spiritual sphere of society during any military conflict. It helps to bring a sense of hatred of the enemy, to justify their own aggressive actions. The image of the enemy is always present in the political sphere, and the means and mechanisms of its plantations in the mass consciousness and the degree of implementation of the intensity varies depending on the tasks. Traditionally, the "enemy image" is based on malevolent, hostile attitudes and actions. Historical memory, stereotypes of any existing society allow people to store and transmit from one generation to the previously formed "enemy image" and the mechanisms of its identification.

The photo-caricatures and demotivators occurs ridicule Ukrainian political leaders and their decisions and actions, and the consequences to which they lead. Politicians often look foolish and greedy, unable to fulfill their promises. The political leaders of Ukraine are presented as rather narrow-minded persons, which creates a negative image of the country as a whole.

Keywords: "the image of an enemy"; the category of comic; demotivators; photo-cartoons.

Война между государствами происходит не только в форме вооруженного противоборства, но и с помощью целенаправленного информационного воздействия. Основным методом в такой войне является применение не огнестрельного оружия, а информации для воздействия на человеческое сознание с целью получения необходимого результата.

В настоящее время мощным средством формирования политических образов являются массмедиа. Способность формировать групповое сознание и поддерживать ценностные ориентации общества сделали массовую коммуникацию привлекательным для власти инструментом создания ценностной системы, единой для управляющих и управляемых. Это привело к тому, что политика стала активно проникать в сферу массовой коммуникации и использовать массмедиа как инструмент психологического воздействия на массы [Зверева].

По мнению В. Г. Крысько, «психологическое воздействие» – это определенная активность одних людей, осуществляемая в различных формах и различными средствами (в том числе психологическими), направленная на других людей и их группы с целью изменения их психики и сознания, то есть их взглядов, мнений, убеждений, представлений, мотивов, установок и стереотипов поведения, чувств, настроений и состояний [Крысько 1999: 127].

Для того чтобы осуществить эффективное психологическое воздействие, необходимо оказать влияние на мышление и чувства человека посредством создания сообщения, содержащего яркие и запоминающиеся образы, а также многократного его повторение.

В связи с событиями на мировой политической арене в СМИ активно распространяется информация негативного характера, которая формирует у людей определенный образ врага. Наличие в массовом сознании мифологизированного «образа врага» помогает сплотить нацию перед лицом реальной или мнимой угрозы цивилизационного, этнического или национального масштаба. Активизация в народном сознании «образа врага» всегда укрепляла существующую политическую систему [Ульянов].

Человек посредством информационного воздействия формирует в своем сознании представление об объекте, в котором видит опасность. Для того чтобы сформировалась некая «картинка», рисующая «врага» с той или иной стороны, необходима информация, благодаря которой в человеческом сознании формируется представление о «враге». Таким образом, информация становится необходимым ресурсом деятельности человека для нападения и защиты.

«Образ врага» в информационной войне используется часто, при этом процесс его создания всегда был однообразным. Образ врага постоянно присутствует в политической сфере, при этом средства и механизмы его насаждения в массовое сознание и степень интенсивности внедрения варьируются в зависимости от поставленных задач. Идеология тоталитарных обществ предполагает наличие главного смертельного врага. Кознями «врага» объясняются все просчеты и неудачи режима, при этом поиски «внутренних врагов» превращаются в «охоту на ведьм», сопровождаются массовым репрессиями.

Образ врага является инвариантным компонентом духовной сферы общества во время любого военного

конфликта. Он помогает вызывать чувство ненависти к противнику, оправдывает собственные агрессивные действия [Белоусова 2011: 112].

Традиционно «образ врага» формируется на основе недоброжелательных, неприязненных (враждебных) отношений и действий. Историческая память, стереотипы любого сложившегося социума позволяют людям сохранять и передавать из поколения в поколение ранее сформированные «образы врагов» и механизмы их идентификации. Поэтому, когда перед социальной общностью возникает та или иная опасность, народная память «воскрешает» соответствующий ситуации стереотип «образа врага», и на его основе в общественном сознании формируется новый «образ врага». Заметим, что сами по себе негативные стереотипы не являются непосредственной причиной враждебных отношений. Но они способствуют ускорению формирования «образа врага» и определению его основных оценочных характеристик [Козырев 2008: 34].

Сейчас появились такие понятия, как «дружественный враг» или «враждебный друг». То есть, по какому-то вопросу государства между собой могут враждовать, в другом вопросе идти на компромисс или сотрудничать. В связи с политическим кризисом в Украине новая киевская власть выступает в российских СМИ в образе врага. Этому способствует обострившаяся ситуация в мире вокруг этого конфликта, обвинение России со стороны Запада в разжигании гражданской войны в Украине и введение санкций. Но, несмотря на вышесказанное, Россия продолжает взаимодействие с Украиной, ищет компромиссы в газовом вопросе, старается помочь с гуманитарной ситуацией на востоке Украины. Перед нами открывается образ Украины как «враждебного друга».

Методы формирования «образа врага» могут быть разнообразны, особенно на современном этапе. Однако продумывание действий и сам процесс формирования представления о «враге» можно обнаружить и в прошлом. Создание образа врага позволяет властям получить дополнительную поддержку, и позволят отвлечь население от многочисленных внутренних проблем которые власть не может или не хочет решать. Враги позволяют сплотить патриотически-настроенное население вокруг власти.

Образ врага, создаваемый политиками, поддерживается, тиражируется и внедряется в общественное сознание средствами массовой информации.

Нередко в репрезентации образа врага используют смеховую культуру. Такая форма репрезентации врага способствует снижению авторитета определенных политиков или политического строя в целом.

Категория комического является объектом изучения различных наук, в числе которых эстетика, философия, психология, социология, литературоведение, лингвистика, когнитивистика и др. Эволюция философско-эстетических воззрений на комическое связана с постоянным поиском некоторой общей формулы, к которой можно было бы свести все многообразие его проявлений.

Феномен комического – один из древнейших в истории культуры. Он предполагает возбуждение смеховой реакции человека, смеха, однако не сводится только к нему. При этом речь идет об особом смехе, – не о чисто физиологической реакции на раздражение специальных нервных центров (как при щекотке или нервическом смехе), но о смехе, вызванном интеллектуально-смысловой игрой. Шутки, остроты, высмеивание человеческих недостатков, нелепых ситуаций, безобидные обманы издревле сопровождали жизнь человека, облегчая ее тяготы и невзгоды, помогая снимать психические стрессы [Бычков 2004: 103].

Выделяются четыре базовых категории комического: юмор, сатира, сарказм и ирония.

Т. В. Иванова, рассказывая, зачем человеку вообще нужен смех, перечисляет следующие функции: «Юмор может быть оружием, средством нападения (насмешка); средством установления контакта и передачи информации (шутка, юмореска, фельетон); воспитателем, стремящимся донести до воспринимающего субъекта «вечные истины», нравственные нормы (пословицы, поговорки); своеобразным щитом, за которым можно скрыть свое отношение, мнение, состояние в случаях, когда это необходимо (анекдот, каламбур). Все эти вызванные юмором состояния могут сопровождаться разными вариантами смеха, как следствие – содействовать изменению поведения личности» [Иванова].

Источниками для отбора материалов послужили группы в социальных сетях, специализированные развлекательные сайты, а также новостные сайты:

<http://vk.com/russdem> – Русские демотиваторы и мотиваторы;

<http://caricatura.ru/> – Каталог Российской Карикатуры;

<http://fishki.net/> – Развлекательный сайт;

<http://www.politota.org/> – Юмористический сайт на политическую тематику;

<http://ria.ru/caricature/> – Раздел «Карикатуры» на сайте Риановости.

Неотъемлемой частью творчества в Интернете является непрерывный процесс создания сравнительно новых форм комического: «мотиватор», «демотиватор», «фотожаба». Многие исследователи относят эти формы комического к карикатуре, но у них имеются различия.

Мотиваторы и демотиваторы можно создавать в любой графической программе, также существует множество сайтов, где процесс создания очень упрощен. Демотиваторы стали носить политический характер, они, как правило, представляют собою фотографии, запечатлевающие эпизоды политической жизни страны, а также других государств, и содержат язвительные комментарии к ним, иногда нескрываемую агрессию или политический протест (рис. 1, 2).

Рис. 1

Рис. 2

Существует еще одна новая, но уже распространенная форма комического – «фотожаба».

Фотожаба – это юмористический коллаж, изготовленный из любой фотографии с целью развить сюжет, сделать его смешнее. Сам термин «фотожаба», как производное от слова «photoshop», был введен 19 августа 2004 года ЖЖ-юзером usachev'ом. А популярным явление стало с развитием веб-блогов, где каждый пользователь может комментировать чужие записи [Искусство фотожабы 2007: 57].

Как правило, создаваемые изображения носят карикатурный характер. Могут возникать стихийно или целенаправленно (рис. 3). Стихийные фотожабы могут базироваться на популярных фотографиях из новостей, чаще всего они основаны просто на забавных случайных фотографиях, иногда могут носить идеологическую окраску. Фотожабой могут также называть подборку разных тематических картинок, каждая из которых карикатурно изменена. Существуют популярные интернет-сообщества, посвященные фотожабам. Наиболее удачные фотожабы становятся контентом развлекательных сайтов.

Рис. 3

Украинский политический кризис и связанная с этим ситуация в мире подстегнули творческую активность по созданию визуально-вербальных материалов, носящих оценочный, чаще всего комический характер.

Среди отобранных нами материалов представлено 32 демотивационных постера, которые мы разделили на 4 группы по объекту насмешки:

1. Виталий Кличко и его высказывания.
2. Политические лидеры Украины.
3. Верховная Рада Украины.
4. Отключение газа

1 группа. Объект насмешки – Виталий Кличко и его высказывания.

Комизм достигается за счет использования трансформированных цитат Виталия Кличко.

На представленных ниже демотиваторах можно увидеть, что Кличко приписываются глупые фразы, основанные на его реальных высказываниях. Высказывания демонстрируют неспособность политика четко формулировать свои мысли.

Рис. 4

Рис. 5

Стоит отметить, что и реальные высказывания политика подвергаются высмеиванию из-за нелогичного построения предложений или странной расстановки акцентов. Пример: «Каждого из киевлян я прошу с пониманием относиться к этой проблеме, и просил бы также всех киевлян точно также с особой составляющей обратиться к проблеме теплосбережения и подготовки *к земле*» – так прокомментировал Кличко ситуацию с подготовкой к отопительному сезону в Киеве. Скорее всего, Виталий имел в виду подготовку к зиме, а не «к земле», но фраза прозвучала в прямом эфире и люди ее запомнили.

2 группа. Объект насмешки – политические лидеры Украины

В этой группе демотиваторов представлена новая власть Украины, занявшая свое место в начале 2014 года в результате военного переворота. Чаще всего подвергаются насмешке Александр Турчинов, Арсений Яценюк и Петр Порошенко.

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8.

С помощью подписей под фотографиями подчеркивается глупость и корыстность новой власти. Лидеры украинской политики показаны в гипертрофированно-карикатурном виде. Следует отметить, что именно в этой группе часто присутствует ненормативная лексика, непристойные изображения, высказывания оскорбительного, националистического и расистского характера. Лишь единичные демотиваторы призывают отказаться от информационной войны и восстановить дружбу между украинским и русским народами.

3 группа. Объект насмешки – Верховная Рада Украины.

В данных материалах сатирический эффект достигается с помощью использования подписи «Верховная Рада» под фотографиями, на которых изображены свиньи или клоуны. Авторы демотиваторов показывают свое отношение к Раде как к чему-то несерьезному, смехотворному, глупому.

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Данная группа демотиваторов получает все большее распространение. Визуализация отношения к украинским политикам в целом позволяет перевести накопившуюся отрицательную энергию в плоскость виртуальных дискуссий и творчества.

4 группа. Объект насмешки – отключение газа.

Из-за нестабильности политической ситуации, а также из-за невыплат долгов Россия отменила скидки на покупку газа для Украины. Украинская власть вынуждена покупать топливо по обычной для других стран цене, но экономический кризис не способствует этому, поэтому Украине грозит отключение газа. Данная ситуация также стала объектом для насмешек.

Рис. 12

Рис. 13

С помощью изображения газа и сатирической подписи «хохлам не понять» авторы демотиватора высмеи-

вают зависимость Украины от поставок российского газа. На другом демотиваторе представлен кадр из фильма, украинцы на нем изображены в просящей позе, это подчеркивается и фразой «дайте газ», высмеивается то, что жителям Украины приходится просить газ у России.

К формам комического в современной Интернет-коммуникации также относятся фото-карикатуры, получившие название «фотожабы».

Часто «фотожаба» дополняется каким-либо текстом, акцентирующим внимание на проблеме или выражающим отношение автора к объекту издевки.

Количество подобных материалов составляет 20 единиц, объединенных в группы по объекту насмешки.

1 группа. Объект насмешки – сходство Арсения Яценюка с мультипликационными героями.

На представленных ниже изображениях комичность достигается при сравнении Арсения Яценюка с различными персонажами мультфильмов. Авторы фотожаб нашли у политика сходства с Кроликом из мультфильма «Винни Пух и все-все-все», с Гомером Симпсоном из мультсериала «Симпсоны» и с ленивцем Сидом из «Ледникового периода».

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

В Интернете можно найти много вариаций данных сравнений, во всех используется фотографии Яценюка и изображения персонажей, причем если сравнение с Кроликом происходит только по внешнему виду, то в случае с Гомером Симпсоном и Сидом Яценюку приписываются и их умственные способности.

2 группа. Объект насмешки – внешнее сходство украинских политиков с деятелями нацистской Германии.

Отсылка к фашизму используется не только при изображении Порошенко, многие украинские политики сравниваются в фотожабах с главными деятелями нацистской Германии. Так, фото Порошенко совмещено с

фотографией Гитлера, на котором он стоит перед солдатами.

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Авторы фотожаб нашли внешние сходства у Олега Тягнибока и Артура Либехеншеля, который являлся комендантом Освенцима, Арсений Яценюк сравнивается со Степаном Бандерой. Последнее сравнение не вызывает у многих жителей Украины негативных эмоций, так как Бандера объявлен национальным героем. Но жителями России подобные сравнения воспринимаются очень негативно. Украинским политикам, таким образом, приписываются отрицательные качества, из-за которых в глазах россиян политики Украины предстают в образе врага.

3 группа. Объект насмешки – постеры к фильмам с участием лидеров политической власти Украины

Распространены в Интернете фотожабы с использованием постеров к фильмам. В таких изображениях комичность главным образом достигается благодаря названиям фильмов и использованием фото политиков на месте главных героев. Так, Петр Порошенко «получил» главную роль в фильме «Вор», что позволяет людям, которые, возможно, даже не видели оригинал фильма, сделать вывод, что главный герой является вором.

Рис. 20

Рис. 21

Без подписей эти изображения, скорее всего, не вызвали бы комический эффект, но из-за громких названий фильмов фигурам политиков приписываются качества, которые с ними ассоциируются.

4 группа. Объект насмешки – необдуманность действий украинского народа.

Частотны изображения политиков и жителей Украины, где комизм достигается за счет саркастических надписей. Авторы насмеваются над глупыми и необдуманными действиями украинцев, которые привели к кризису в стране.

Рис. 22

Рис. 23

Во всех приведенных фотокариатурах и демотиваторах происходит осмеяние украинских политических лидеров, их решений и действий, а также последствий, к которым они привели. Политики чаще всего выглядят глупыми и алчными, неспособными выполнить свои обещания.

Фотокарикатуры оказывают сильное влияние на восприятие каких-либо событий: воздействие идет с помощью вербальной части (подпись) и визуальной (изображение), благодаря такому сочетанию и достигается комический эффект.

Нестабильность на мировой политической арене способствует разжиганию конфликтов между странами. Так, украинский политический кризис и попытки помочь в его устранении со стороны России были восприняты Западом как угроза миру. Введение санкций, вооруженные действия на границе России и Украины, угроза войны активно обсуждаются в официальных СМИ. Негативная информация о действиях новой украинской власти формирует в глазах жителей России образ врага, который в силу своей бедности и недалекости не заслуживает серьезного противостояния, но тем не менее является противником в идеологии и непредсказуемым и вероломным соседом.

ЛИТЕРАТУРА

- Белоусова Ю. В. Создание образа врага на страницах российских СМИ // Вестник ВГУ. 2011. №1. – С. 112–113.
Бычков В. В. Эстетика : учеб. М. : Гардарики, 2004. – 556 с.
Ворошилова М. Б. Креолизированный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. №3 (23). – С. 73–78.
Зверева В. Репрезентация и реальность URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/4/reprezentaciya-i-realnost#s3> (дата обращения 25.07.2016).
Иванова Т. В. Юмор – это серьезно! URL: <http://psyvision.ru/stati-2/ya-i-drugie/147-humorser> (дата обращения 25.07.2016).
Козырев Г. И. Образ врага в меняющемся мире URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2013-06-25/9_enemy.html (дата обращения 25.07.2016).

ния 25.07.2016).

Козырев Г. И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социс. 2008. № 1. – С. 31–39.

Крысько В. Г. Секреты психологической войны Мн. : Минск, 1999. – 127 с.

Ульянов П. В. Основные тенденции формирования «образа врага» в России на примере Крымской войны URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=1782> (дата обращения 25.07.2016).

М. А. Лаппо

Новосибирск, Россия

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРА В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ (на материале региональных СМИ)

Аннотация. В статье предвыборный дискурс рассматривается с точки зрения специфики конструирования в нем гендерной идентичности политика. Доказывается, что новостные комментарии и видеообращения региональных российских политиков демонстрируют умеренную андроцентричность. Описываются зона нейтрализации гендерных отличий и зона актуализации гендерных отличий в предвыборном дискурсе Новосибирской области.

Ключевые слова: конструирование гендера, предвыборный дискурс, речевая стратегия, речевая агрессия, конфликтогенный текст, региональные СМИ.

М. А. Lappo

Novosibirsk, Russia

CONSTRUCTION OF GENDER IN ELECTION DISCOURSE (on material of regional mass media)

Abstract. The article regards election discourse from the perspective of the particularities of constructing masculinity and femininity by politicians. It has been proven that news comments and video-appeals of regional Russian politicians show mild androcentrism. The author describes the zone of neutralization of gender differences and the zone of gender differences in the election discourse of the Novosibirsk region.

Keywords: construction of gender, election discourse, speech strategy, speech aggression, conflict-generating text, regional mass media.

Исследование проведено в рамках проекта РГНФ № 15-14-54001 а(р)

«Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования:

оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона»

Предвыборный дискурс является особой разновидностью политической речи и конфликтного дискурса, где в ходе острейшего противоборства сторон используются самые разнообразные аргументы, стратегии и тактики. Конструирование гендера¹ в данном типе текстов не исключение: психофизиологические и психосоциальные различия полов в них не только не нивелируются, но и обостряются.

Проблема языка как инструмента конструирования гендера в предвыборном дискурсе была поставлена Е. С. Гриценко. Было установлено, что «концептуализация выборов носит метафорический характер, а метафорика предвыборного дискурса профилирует гендерные смыслы, конструируя политику и политическую жизнь как «мужскую» сферу»: выборы – это война, азартная игра, роман с избирателем, спорт [Гриценко 2005: 254–255, 256–259]. Важно также, что для оказания определенного влияния на избирателя осознанно или неосознанно эксплуатируются гендерные стереотипы [Там же]. В работе Т. М. Голубевой на материале англоязычного предвыборного дискурса было показано, что успешная женщина-политик в своей внешности и манере одеваться должна соответствовать гендерным стереотипам [Голубева 2008].

Российская региональная политическая коммуникация демонстрирует умеренный андроцентризм. Женщина может принимать участие в политической жизни, но это участие должно быть строго лимитировано: женщин не должно быть много ни в Государственной Думе, ни в Законодательном собрании. При этом она не должна эксплуатировать женское, быть слабой, слишком элегантной, дорого или, наоборот, бедно одевающейся, слишком молодой или старой. В случае если политик допускает профессиональные ошибки, это насмешливо объясняется принадлежностью к женскому полу: *Ну хорошо, раз для нее, взрослой и сурьезной тетеньки это все – не более чем соцопрос, не имеющие особого смысла игры юных политиков, то зачем было в нем участвовать? Она, взрослая и умная тетенька, заключила определенное соглашение, а потом вдруг, когда по каким-то причинам это соглашение ей выполнять расхотелось, она просто взяла и его нарушила? Грош цена такой взрослости и серьезности. Я уж не говорю о том, что это за политик вообще такой, который слово дал – слово забрал?* (мужской комментарий о ситуации с лидером калужского отделения партии «Яблоко» Татьяной Котляр)².

© Лаппо М. А., 2016

¹ Под конструированием гендера, вслед за И. А. Мясниковой, нами понимается «когнитивная деятельность имплицитного характера, в основе которой лежит соотнесение языковых форм с гендерными представлениями (ассоциациями, стереотипами, идеалами), являющимися частью универсума общих смыслов представителей данной культуры» [Мясникова 2012: 52].

² Здесь и далее орфографические и пунктуационные ошибки и опечатки исправлены для удобства восприятия.

В данной работе сосредоточим внимание на актуализации половых различий в речи региональных политиков: в конфликтной коммуникации гендер проявляется наиболее ярко. В качестве материала для анализа были использованы комментарии на новостных сайтах (<http://tayga.info/>, <http://sibkrai.ru/>, <https://navalny.com/>) и видео-интервью (то есть речевые жанры, где отмечается более высокий уровень спонтанности вербального поведения) кандидатов в депутаты от различных партий Новосибирской области в течение 2015–2016 годов. Исследование выполнено в контексте социального конструкционизма, представители которого транслируют идею о том, что социально значимые категории (национальность, пол, возраст, религиозная принадлежность и т.д.), к которым может отнести себя субъект, являются дискурсивно зависимыми, конструируемыми в процессе коммуникации, то есть идентичность – это не объективная данность, лишь отражаемая в деятельности, а создаваемая в процессе этой деятельности структура (см. работы П. Бергера и Т. Лукмана, И. Гофмана, П. Рикера, М. Фуко, Ch. Barker, B. Benwell and E. Stokoe, V. Burr, J. P. Gee, K. Gergen, S. LaBelle, E. Laclau and C. Mouffe, B. Lincoln, T. Omoniyi, W. B. Pearce, J. H. Powers и др.), а также в контексте разрабатываемой нами теории прямого и косвенного выражения и описания идентичности [Лаппо 2013].

Анализ материала показал, что зоной нейтрализации в речевых стратегиях политиков разной половой принадлежности являются конструктивная критика существующей власти и низкоагрессивные вербальные средства, такие как подмена аргументов оценкой умственных способностей оппонента. Крайнее проявление маскулинности связано с сексуальной сферой взаимодействия, а крайнее проявление фемининности – с идеализацией территориальной и профессиональной идентичности. И зона нейтрализации, и зона актуализации гендера по своему участвуют в его конструировании. Рассмотрим эти случаи подробнее.

Зона нейтрализации гендерных различий. Аргументы по поводу половой идентичности политика/кандидата в депутаты не могут попасть в зону совпадения стратегий мужчин и женщин, поскольку актуализируют половые различия и противопоставляют их по данному принципу. Следовательно, нейтральным в предвыборном дискурсе является либо упоминание о своей половой принадлежности, либо маскулинизация женского текста. И то и другое в речи женщины-политика демонстрирует признание ими уязвимости, слабости и вторичности фемининности. Женщины как бы стараются забыть, не упоминать свой пол. Единственным исключением оказывается использование русских глагольных форм прошедшего времени (*как я уже говорила, я сходила, провела, обозначила*).

Все кандидаты, независимо от пола, демонстрируют свои личные и групповые достижения и успехи, как бы отчитываясь перед избирателем:

В Новосибирске «Яблоко» – настоящая оппозиция. Мы делали митинги за честные выборы, мы создали лучшую в Сибири команду наблюдателей, мы защищали «Тангейзер» и делали тот самый митинг. У нас отличный список в горсовет и закс – мы уважаем Бойко, Лоскутова и Савина, но у нас в списке не трое хороших, а ВСЕ местные, много сельских и гражданских активистов; Собственно, самое главное: почти 16 тысяч человек проголосовали за нас 13 сентября. Я благодарю Вас. Это неоценимое доверие очень важно нам, чтобы не упасть духом – потому что слишком велик соблазн заняться своей индивидуальной жизнью и не браться за сложные и неблагодарные задачи общественно-политической деятельности (Олеся Вальгер);

В 2011 году по НСО за КИРФ было более 200 тысяч, в Томской – около 70 тысяч. Поэтому Федоров предлагается 4-м по списку, потенциал новосибирской области выше и это справедливо. Два наших депутата Абалаков и Ганзя вполне адаптировались профессионально, выполняют свои функции качественно, подавали много законодательных поправок, и предложения на выборы 2016 года разумны; Ганзя хорошо себя показала, работая в комитете по бюджету. Некоторые субвенции из федерального бюджета в область – это ее заслуга (Анатолий Казак);

Мне не стыдно за то, что говорю и делаю, чем живу и что исповедую. Я не могу и не должен нравиться всем. Очень показательный пример – эта история у Новосибирской Медакадемии. Можно было не впрягаться? Так поступил полутормозиллоный Новосибирск, но я так поступить не мог (Евгений Логинов).

Другой яркой особенностью предвыборной коммуникации в пространстве новостных комментариев, которое обеспечивает режим диалога, является активное использование вопросов разных типов. Например, в комментариях Анатолия Казака:

А разве в феврале в Киеве хунта пришла к власти в результате демократических процедур?

Сергей, за слова надо отвечать. Что расхищал Локоть?

Победит при наличии мощного административного ресурса, не так ли Алексей?

Дмитрий, а с вас какой толк? Троллить на сайтах?

Появилась группа поддержки, только пришли на Тайгу (Белевич, Тучева, Рогоза). Интересно – это по зову сердца или по зову кошелька?

Ср. с вопросами Олеси Вальгер:

А закон о банкротстве никак не поможет?

У вас такая память короткая, что вы думаете, это в первый раз в стране происходит?

То есть, по-вашему, встреча Зюганова с послом США – это вмешательство во внутренние дела суверенного государства? Или вы КИРФ не считаете оппозицией?

Какого черта сейчас этот комитет возглавляет Вениамин Пак? Он какое отношение вообще имеет к культуре? Почему комитет не защитил театр от вандалов? Почему комитет не выразил протест в связи с оскорбительным поведением Андрея Панферова на митинге религиозных радикалов?

Наконец, еще одной важной и сближающей стратегией является выражение сомнения в умственных способностях и/или психическом здоровье оппонента:

Вы с ума сошли. Посмотрите, как КПРФ 5 лет голосует в думе. Видите какую-то разницу с ЕР? Я нет. Знаете, в моем городе мэр – коммунист. Ни черта хорошего не сделал, зато умудрился сдать город православным и к Дню победы развесить плакаты со Сталиным по всему городу; Это надо быть сказочным дураком, чтобы плакаты со Сталиным размещать рядом с культурным центром народности, которая вся была репрессирована и депортирована в Сибирь просто за то, что умела вести хозяйство по уму, а не по-советски; Честное слово, я не думала, что в нашем городе столько людей с раздвоением личности – как иначе расценивать предложения отделять Сталина-главнокомандующего от Сталина-подписывавшего приказы о репрессиях, расстрелах, депортации, раскулачивании? (Олеся Вальгер);

В российской «политике» не только остроумие – ум давно стал излишеством (Алексей Мананников);

Олеся, опять неточности. Наверно не так читаете справки, не понимаете разницы в принципиальных вопросах. Законы о планировании, о промышленной политике и некоторые другие предложила наша фракция, и там голосование было солидарно. Принципиально – бюджет, мы голосовали против; Если хамло не разбирается в вопросах политики и работы депутата ГД – это его проблемы, но стиль комментов – ниже плинтуса, хам. Или отработывает, или интеллект низкий, плохо воспитан; У тебя действительно клиника, сходи к врачу. Может быть, еще можно помочь; Желчи много, очень плохо. Проблемы со здоровьем. Да и когнитивная функция страдает, восприятие действительности искажено. Определенно к врачу, чем раньше, тем вероятнее положительный прогноз (Анатолий Казак).

В лингвистической интерпретации данной стратегии согласимся с Е. В. Лукашевич, обращающей внимание на то, что «публицистический стиль допускает использование разговорной речи, как правило, для усиления выразительности, однако оно должно быть мотивированным и ограниченным», а использование выражений со значением умственных и психических отклонений, по сути, подменяет аргументы [Лукашевич 2011: 61].

Зона демонстрации гендерной принадлежности. Л. Н. Маслова, А. В. Кирилина, М. В. Томская доказали, что формирование негативной профессиональной принадлежности в устной академической коммуникации производится чаще учеными женского пола, нежели мужского. Конструирование такой идентичности происходит при активном взаимодействии с конструированием гендерной и возрастной идентичности [Томская 2015], а конструирование женственности, то есть «неконфликтности, желания помочь, согласиться, проявлять эмпатию и самоограничение, не выпячивать свои достижения и т.п. одновременно является конструированием низкого профессионального статуса в устной научной дискуссии и реализацией стратегии негативной самопрезентации» [Маслова, Кирилина 2008: 74].

Некоторые аналогии наблюдаются в предвыборном дискурсе. Женщины-политики, стараясь быть с мужчинами-политиками на равных, интуитивно не актуализируют свою гендерную принадлежность¹. Однако они довольно часто в своем предвыборном дискурсе эксплуатируют принадлежность к определенной профессии и своей территории. Так, Вера Ганзя, работавшая учителем истории и директором школы, в видеообращении к учителям использует косвенное эксплицитное описание профессиональной идентичности: *Поговорим о средней заработной плате. Она от лукавого. Например, двое получает зарплату 100 тысяч, а десять – 9 тысяч. В среднем – 24. Поэтому зарплата, мы считаем, должна быть достойной у всех. А за это надо бороться. И прежде всего, на региональном уровне, в Законодательном собрании Новосибирской области. Вспомните, пожалуйста, как я в пух и прах разругалась с Юрченко по этому вопросу несколько лет назад. Это есть в Интернете, можно посмотреть. <...> И вообще в Законодательном собрании я постоянно находилась на 6-м этаже – это там, где формируется бюджет образования. И там решала все эти вопросы. Это работа незаметная, неблагодарная, трудная, но она такая необходимая. <...> В законодательное собрание должны прийти ваши люди, учителя, потому что никто другой не сможет защитить ваши интересы. А ваши интересы надо будет защищать. Мы уже хлебнули с нормативным финансированием. А вы знаете, что вас ждет еще одна напасть? Это напасть называется эффективный контракт (https://www.youtube.com/watch?v=Vql_EYk5u58).*

Другой пример этого же депутата связан с выражением профессиональной идентичности, а именно учительской манерой ведения диалога. Вера Ганзя обращается к депутатам, видимо, отвлекающимся от ее выступления о ЕГЭ, так: *Школьные годы чудесные! Я говорю про школу, уважаемые коллеги! А в школе всегда была дисциплина. Поэтому я вас очень прошу послушать, о чем я буду говорить, потому что это очень важно* (<https://www.youtube.com/watch?v=bR-dJOJLiY0>).

Кандидат в депутаты Олеся Вальгер – работающий преподаватель английского языка – в диалоге с комментаторами новостей использует прямое описание профессиональной идентичности с явной идеализацией альма-матер: *Я думаю, из меня выйдет хороший помощник депутата. Хотя я не собираюсь оставлять основную работу, она у меня любимая; Факультет иностранных языков НГПУ – это бренд, которому 70 лет. <...> А у нас – узкая специализация, и с третьего курса все профильные предметы на иностранном языке. Это вообще единственное место в городе, где лекции по лингвистике читают на английском, французском и немецком.*

¹ Недавний пример с раскритикованной Андреа Лидсон (кандидату в премьер-министры Великобритании), заявившей, что она принесет больше пользы, чем Тереза Мэй, которая не имеет опыта материнства, убеждает в том, что упоминание о своей женственности весьма верная стратегия.

Депутат со стажем Надежда Болтенко демонстрирует возрастную идентичность, используя косвенное эксплицитное описание: *Очень много в этом году, мы призываем всех благоустроить тот дворик, в котором ты живешь. Потому что есть возможность и рассады, есть возможность и саженцев, просто нужна наша активность, самих горожан – выйти и помочь тем людям, кто сегодня занимается профессионально благоустройством нашего города. Ну вот как в те добрые, хорошие, да, годы, когда мы все, начиная от школьников и заканчивая бабушками и дедушками, выходили во двор и не только там убирали, но и, самое главное, сажали кусты и деревья, охраняли наши скверики и, в общем-то, соблюдали там чистоту* (<http://video.tcm10.ru/?v=201304300730Boltenko>).

Все кандидаты-женщины восхищаются своей землей, местностью, краем, городом, где они живут и работают, используя в их описании эмоциональную оценку:

Встречи в Северном районе: Место просто уникальное! Самое интересное – вот здесь напротив – ласточкины гнезда!.. (Вера Ганзя, <https://www.youtube.com/watch?v=wiHCLdu8yTM>);

От нас зависит, всех горожан нашего прекраснейшего города, как город преобразится. Мы все хотим жить в уютном, красивом, благоустроенном, комфортном городе (Надежда Болтенко, <http://video.tcm10.ru/?v=201304300730Boltenko>);

Я, честно говоря, в шоке от уровня читателей этого блога. Может, у вас в Москве принято так разговаривать с незнакомыми людьми, а у нас город гораздо интеллигентнее, похоже; Поэтому лозунг «Новосибирск решает» местным сейчас сильно забавен – но мы это переживем, мы все здесь люди приличные. Только, пожалуйста, не приносите нам в наш чудный город это противную московскую манеру враждовать по партиям. У нас такого не было и мы такого не хотим; А интервью интересное. Вообще, всегда приятно переживать актуализацию своей новосибирской идентичности, когда какой-то новый кусочек информации о городской истории узнаешь (Олеся Вальгер, комментарии в новостном сайте).

В идеализации своей новосибирской идентичности Олеся Вальгер превосходит всех других кандидатов в депутаты, что особенно выпукло отражено в записи «Миф о новосибирце. Полухудожественный рассказ для соцсетей. Новосибирск, 2016» в ее онлайн-дневнике livejournal. Приведем некоторые высказывания: *Новосибирец не чувствует себя новосибирцем, потому что быть новосибирцем так же естественно, как пить воду, дышать воздухом и шагать ногами, и нет нужды именовать это природное состояние каким-то особым словом; Новосибирец никогда не чувствует себя неуместным; Новосибирец бесстрашен; Новосибирец свободен от комплексов; Новосибирец не хочет в Москву, в Москве ему тесно; Новосибирец в целом масштабен. Он привык ходить в самый большой театр Европы, купаться в самой длинной реке Евразии, ездить по самой длинной прямой улице мира; Уже через час беседы с новосибирцем становится совершенно ясно, что Новосибирск – лучший город земли. И, кажется, быть новосибирцем очень хорошо* (<http://olesyavalger.livejournal.com/4912.html>). Присутствующая здесь ирония и самоирония несколько не препятствует конструированию сверхпозитивной территориальной идентичности.

Итак, женщины-кандидаты легко используют разные аспекты своей идентичности помимо политической, а иногда и в ущерб ей, как бы ища для политической деятельности «подпорки» в других сферах своей жизни.

В контексте вышесказанного эксплуатация военного прошлого кандидата в депутаты Евгения Логинова приобретает амбивалентный характер. С одной стороны, быть военным в России почти однозначно мужская прерогатива, поэтому упоминание о своем военном звании резко противопоставлено собственно женской стратегии гордиться своей профессией и малой родиной; с другой стороны, данное самообозначение сходно с ними в своем стремлении найти опору в иной, более понятной и беспроблемной социальной роли. См. фрагменты этого текста, в котором ярко выражено конструирование метафоры войны: *ИДУ НА ВЫ... Иду на минное поле, которое накрыли не враги открытые... На реальной войне, будь то боснийская, на афгано-таджикской границе, в чечении или на Донбассе все проще и понятнее, там знаешь, кто враг, и какой он. <...> Мои единомышленники, соратники, друзья, земляки и боевые товарищи сподвигли меня принять решение о самовыдвижении независимым кандидатом на предстоящие выборы в Госдуму России по своему родному Искитимскому избирательному округу. Пропригнорировать их доверие и отказаться ввязаться в бой я не мог. Я иду, ИДУ НА ВЫ... на выборы, на минное поле <...> С уважением, полковник запаса ВС РФ Евгений Логинов (ЮРИЧ).*

Как уже выше упоминалось, крайнее проявление маскулинности в предвыборном дискурсе связано с сексуальной сферой либо с фекалиями. Данный аспект упоминается в критических высказываниях, когда оппоненту приписывается какое-либо сексуальное извращение. Особенно грубо эта черта проявляется в дискурсе Алексея Мананникова:

Ну, соской у него не один Логинов служил. Вырастил Вольфыч достойное поколение.

И Жириновский его знает лично. Уверенно говорит, что хорошо сосет.

И я, дружок, о том же. Деничик Жириновского после встречи с «Правым сектором» (организация, запрещенная в РФ) обделал все портки и был вынужден дезертировать. Говорят, в Думе его будут подтирать и подмывать регулярно – там об инвалидах войны с Украиной заботится Минздрав.

Вы, дорогой товарищ, почему вместо защиты русских в Донбассе заняты тут вылизыванием ануса Вашего любимого русского героя и бывшего деничика Жириновского? Быстро на передовую!

Врать изволите. Не был Мананников ни членом, ни властителем Совета Федерации. Его туда избирали депутатом.

В целом, мужчины-политики в новостных комментариях критикуют оппонентов более грубо, используя брань, грубые окказионализмы, обвинения, угрозы, а женщины-политики – критикуют более мягко либо совсем уходят от критики. Ср.:

Фишка для исполнительной власти (для ЕР) – использовать административный ресурс для продвижения своих жуликов; Странно сейчас наблюдать, как Миронов, используя простой плагиат (многие вещи и идеи

взяты у КПРФ), старается сейчас быть самым левым в стране, вспомнил советское, но стоит вспомнить, как он раньше поливал грязью советское, и станет ясно – нет принципов и чести (Анатолий Казак);

Регулярный подвоз протухшей тушки товарища Жукова куда как необходимее и городу, и области. Мы с ней и ее фотографиями становимся духовно богаче. Развивает его тушка нас; Этому старому подментованному петуху место под нарами в львовской тюрьме. Сидеть он там будет пожизненно; Второй раз за полгода трибуна предоставлена проходимцу, выдающему себя за «глубокого эконома». Когда будет беседа с Дэви Марией Христос? (Алексей Мананников);

Вынесено решение об изъятии незаконной агитки СРудей. Эта как бы оп-позича захлмила Новосибирскую область своей незаконной агиткой тиражом в 26,3 (!!!!!) млн. штук. Это по 13 (!!) штук на КАЖДОГО избирателя области. Такой же незаконной агиткой признана газета КПРФ «Правда», которой захлмили область на деньги коммунистического олигарха Абалакова. И ЛДПР, и ЕР замусоривают город такими же агитками, не оплаченными из специальных избирательных фондов; Вот еще один ментовский генерал, испытывающий ко мне патологическую ненависть, как и его нахан Дерипаска. Мешал им в свое время захватывать алюминиевую промышленность России (Евгений Логинов).

Мы видим, что здесь используются практически все средства речевой агрессии, обозначенные в работе Т. И. Стексовой: использование ты-номинаций, негативно окрашенной просторечной лексики, негативных номинаций, выбор определенных речевых жанров [Стексва 2013]. Кандидаты-женщины либо избегают критики других партий, власти и других оппонентов, либо критикуют с осторожностью.

Так, в дискурсе Олеси Вальгер находим массу примеров завуалированной и/или слабоагрессивной критики:

Самое неприятное в исходе выборов-2015 то, что Новосибирск при крайне низкой явке получил Совет депутатов и Законодательное собрание, полные чуть переставленных брендами лоббистов. В этот элитный серпентарий попадут несколько приличных депутатов, их победы радуют, но этих депутатов будет катастрофически мало;

Программа КПРФ противоречит сама себе. Она сводится к двум тезисам: давайте убьем экономику и откуда-то возьмем дочерталион денег. Продвигать ее невозможно именно по причине этой внутренней проблемы, даже если бы в КПРФ кто-то и хотел этим заниматься;

К слову, массовые протесты яблочников по всей стране были, но вы же не трудитесь гуглить по дате и самостоятельно; Это можно подробнее и точнее описать, но я не уверена, на какой базовый уровень Ваших знаний мне нужно рассчитывать; Ну, Вы, наверное, не просматриваете справки по голосованиям после каждой сессии Госдумы, а я просматриваю.

Если в мужском предвыборном дискурсе используется прямая провокация как способ вызвать ответную эмоциональную реакцию на негативное высказывание, то в женском дискурсе преимущественно используется непрямая или имплицитная провокация либо провокативные высказывания вообще не практикуются (О разновидности провокативных вербальных действий см. в работе А. Е. Козлова, (И. И. Саженина [2015])).

Подведем итоги. В женском предвыборном дискурсе коммуниканты конструируют умеренную андроцентричность, предпочитая при этом избегать прямого упоминания о своей половой принадлежности. Женщины-политики используют приемы завуалированной критики и актуализируют другие аспекты своей идентичности, не только выражая, но и сверхпозитивно описывая свою профессиональную и территориальную принадлежность. Мужчины-политики, в случае выхода из зоны нейтрализации половых различий, используют различные приемы вербальной агрессии и прямой провокации, крайним проявлением которых оказывается сексуальный аспект и семантика телесного низа.

ЛИТЕРАТУРА

- Голубева Т. М. Гендерное позиционирование как элемент манипулятивной стратегии в предвыборном дискурсе // Вестник Чувашского университета. 2008. № 3. – С. 120–124.
- Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2005.
- Кирилина А. В., Маслова Л. Н. Гендерные аспекты авторитетности // Авторитетность и коммуникация : коллект. монография / под ред. В. Б. Кашкина. Вып. 4. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, Изд. дом Алейниковых, 2008. – С. 52–74.
- Козлов А. Е., Саженин И. И. Провокативный дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (27). – С. 142–155.
- Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2013.
- Лукашевич Е. В. Технологии воздействия и взаимодействия в региональном политическом дискурсе // Филология и человек. 2011. № 4. – С. 58–69.
- Мясникова И. А. Когнитивные аспекты конструирования гендера // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 3 (032). – С. 52–57.
- Стексва Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). – С. 77–81.
- Томская М. В. Конструирование профессиональной идентичности в научном дискурсе // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 6 (717). – С. 553–560.

М. Н. Лату
Пятигорск, Россия

К ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Аннотация. Статья посвящена вопросам моделирования определений терминов, репрезентирующих понятия политической сферы. Рассматриваются подходы к осмыслению моделирования как приема в лингвистических исследованиях и возможность его использования при анализе дефиниций. Рассматриваются отдельные информационные блоки, которые могут быть представлены в содержательном пространстве определения.

Ключевые слова: термин, дефиниция, модель, моделирование, понятие, семантика, структура.

М. N. Latu
Pyatigorsk, Russia

TOWARDS THE PROBLEM OF DEFINITION MODELING OF POLITICAL CONCEPTS

Abstract. The article is devoted to the problem of definition modeling of technical terms that express concepts of politics. Different viewpoints on the modeling as a method in linguistic studies are analyzed as well as the possibility of applying it to definition studies. Some information blocks that may constitute the content structure of definition are considered.

Keywords: technical term, definition, model, modeling, concept, semantics, structure.

Исследование выполнено в рамках проектов «Комплексное когнитивное исследование и разработка прототипической модели дефиниции термина на основе реконструкции фрейма и семантической сети (на примере разных направлений научного знания)» по гранту Президента Российской Федерации (договор №14.Z56.16.4913-МК от 14.03.2016), «Систематизация и стандартизация терминологии медиации в России» №15-04-00392 при финансовой поддержке РГНФ

Технологии XX и начала XXI веков заметно изменили реальность, в которой мы живем, способствовали трансформации представлений об окружающей действительности, формированию определенной политической ситуации в мире. Дискурс политических деятелей внутри страны и на мировой арене среди прочего опирается на систему понятий, передаваемых специализированной лексикой, отдельные единицы которой способны оказывать влияние на общественное сознание, формировать систему отношений к проблеме, находящейся в фокусе внимания. К таковым, например, относятся *политический заключенный, агрессия, центр силы, хунта, беженец, экстремизм, пропаганда* и др. Преобразования находят отражение как в самом языке, так и в языке науки, инструментарии, методах и подходах к которым прибегают лингвисты для решения новых задач, возникших как следствие вызовов новой эпохи. Одним из таких значимых методов является «моделирование», которое относительно быстро успело завоевать прочные позиции во многих сферах научного знания, в том числе и лингвистики при исследовании разных аспектов политического дискурса. В самом общем виде моделирование предстает как «метод исследования объектов познания на их моделях; построение и изучение моделей реально существующих предметов и явлений и конструируемых объектов для определения либо улучшения их характеристик, рационализации способов их построения, управления ими и т.п.» [ФЭС 2003].

Моделирование в лингвистике в течение последних десятилетий стало весьма популярным и применяется лингвистами для изучения объектов разных языковых уровней. Возможно, именно такой широкий спектр решаемых задач способствовал формированию нечетких, размытых границ понятий «моделирование» и «модель» и в некоторых случаях появлению весьма оправданной критики со стороны коллег, стремящихся уточнить дефиниции данных терминов и очертить границы их правомерного использования. Так, Ю. В. Кравцова отмечает, что «моделирование в языкознании является аналоговым, идеализированным, аппроксимативным и вызывает ряд онтологических трудностей... практически отождествляется с типологизацией, категоризацией, структурно-функциональным анализом... языковая модель осмысливается как категория, категориальный признак, универсалия, тип, схема и т.д., а статус модели приписывают выявлению существенных признаков изучаемого объекта или результатам его структуризации» [Кравцова 2014: 181]. Однако нельзя отрицать, что моделирование применимо к исследованию большого количества разноформатных объектов, что отчасти определяет уникальность данного метода.

В попытке выявить причины смены ориентиров в сторону метода моделирования, начиная с последних десятилетий XX века и по настоящее время, К. И. Белоусов акцентирует внимание на том, что процесс моделирования представляет собой «целостную деятельностьную программу, включающую последовательно примененный набор методов и приемов, направленных на системное представление какой-либо предметной области объекта (или предметов объекта) для получения информации об этом предмете, которую нельзя выявить в случае описательного подхода» [Белоусов 2010]. Последнее утверждение представляется особо значимым в контексте понимания причин использования данного метода, поскольку указывает на необходимость его применения для получения нового знания.

На важные характеристики данного метода указывает Ю. В. Кравцова, говоря о том, что в процессе моделирования устанавливается определенное отношение между моделью и ее оригиналом. В ходе теоретического

анализа или эксперимента свойства модели могут приписываться моделируемому объекту. При этом «суть моделирования заключается в замене объекта-оригинала его моделью с сохранением в ней лишь существенных свойств этого объекта, что делает метод моделирования относительно ограниченным в его возможностях, но достаточно объективным в получении результатов... в задачи моделирования входит построение моделей, их изучение и проверка в процессе доказательства истинности знания» [Кравцова 2014]. Таким образом, исследователь заключает, что в лингвистике моделирование представляет собой один из методов, который позволяет исследовать структурные особенности языковых единиц, а также присущие им свойства, основываясь на результатах, полученных в процессе анализа свойств и структуры их моделей. В этой связи модель является результатом данного процесса. Концепция построения модели основывается на том, что она является функциональным аналогом некоего оригинального объекта исследования. Данный факт позволяет экстраполировать полученные данные при ее изучении на оригинал [Кравцова 2014].

Вышесказанное позволяет рассматривать модель как некую абстракцию, в которой заключен определенный набор значимых признаков исследуемого оригинального объекта или группы оригинальных объектов и отсутствуют несущественные характеристики. В определении В. А. Штоффа модель представляет собой «мысленно представляемую или материально реализованную систему, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [Штофф 1966]. Данная точка зрения совпадает со взглядами Н. Ф. Алефиренко, интерпретирующего ее как «систему, которая имеет мысленное представление, материально реализуется и обладает способностью замещать объект исследования в такой мере, чтобы его изучение давало новую информацию об этом объекте» [Алефиренко 2005].

Несколько с других позиций понятие модели в языкознании трактуется Т. В. Булыгиной и С. А. Крыловым, которые видят в ней «искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение какого-либо другого (“настоящего”) устройства (оригинала) в лингвистических целях» [Булыгина, Крылов 1990]. Значимым в контексте понимания причин разработки моделей выглядит замечание К. И. Белоусова, отмечающего, что «модель, воспроизводя какой-либо онтологический языковой объект, должна не столько схематизировать его, сколько генерировать новые знания об объекте... особенность моделирования состоит в том, чтобы не удваивать реальность, а создавать реальность. Модель создает иную реальность объекта, что и позволяет получать новые знания о нем» [Белоусов 2009]. Ю. В. Кравцова указывает на широкий спектр выделяемых исследователями языковых моделей, которые, согласно автору, типологически подразделяются в соответствии с областью их применения на фонологические, деривационные, морфологические, синтаксические, семантические и заключает, что «модели в лингвистике используются с целью выявления и изучения структур, лежащих в основе разнообразных языковых явлений, что способствует уточнению тех или иных лингвистических понятий и связей между ними при описании языка» [Кравцова 2014]. Данная точка зрения представляется вполне оправданной.

Очевидно, что модель как научное понятие обладает рядом свойств и признаков. Ю. В. Поветкина акцентирует внимание на следующих особенностях: «моделировать можно только такие явления, существенные свойства которых исчерпываются их структурными характеристиками и никак не связаны с их физической природой; модель всегда является некоторой идеализацией объекта; модель обычно оперирует не понятиями о реальных объектах, а конструктами, т.е. понятиями об идеальных объектах, не выводимыми непосредственно и однозначно из опытных данных, но построенными на основании некоторых общих гипотез, подсказанных совокупностью наблюдений; всякая модель, в том числе лингвистическая, должна быть формальной. Модель считается формальной, если в ней в явном виде и однозначно заданы исходные объекты, связывающие их утверждения и правила обращения с ними; всякая интерпретированная модель, в том числе лингвистическая, должна обладать свойством экспланаторности, или объяснительной силы» [Поветкина 2012].

Особую роль моделирование стало играть в решении терминоведческих задач. Сегодня возможность выделения когнитивных моделей терминов является одним из важных аспектов для изучения особенностей терминологической номинации. Ранее в терминологических работах, посвященных вопросу терминотворчества, нередко анализировались именно структурные и словообразовательные модели. Некоторые из них носят, по сути, универсальный характер, тогда как другие представлены исключительно в рамках конкретных терминологий, выступая их маркерами [Раздубев 2013]. В этой связи в перечень задач традиционно входит обоснование сущности и типологии моделей (структурных, семантических, когнитивных и др.), описание их роли в процессе терминологической номинации, выявление моделей терминообразования в рамках отраслевых терминологий, равно как и проведение статистического анализа с целью определения наиболее продуктивных из них.

Отдельное внимание сегодня уделяется когнитивным моделям терминообразования, среди которых наиболее представительными являются метафорические модели. Моделирование применимо не только к процессам терминообразования, но и особенностям их функционирования и организации в составе терминосистемы. Данные исследований убедительно подтверждают, что существование синонимии у терминов, в первую очередь, обусловлено особенностями терминологической номинации. Рассматривая термины-синонимы с данной точки зрения можно выделить характерные модели их образования и существенные особенности их возникновения [Лату 2015].

Особую значимость сегодня представляют исследования по моделированию дефиниции терминов в рамках когнитивного подхода, где особый интерес представляют единицы политической терминологии, поскольку особенности их определения формируют восприятие реалий. Смирнова Ю. С. отмечает, что дефиниционное моделирование выступает в роли механизма для изучения содержания понятия, отраженного в дефиниции [Смирнова 2011]. Как отмечает О. Р. Жуков, «в формальном отношении дефиниции терминов могут быть опи-

саны при помощи структурно-композиционных моделей» [Жуков 2014], включающих такие компоненты, как этимология, идентификатор, классификатор, определение терминосистемы, схема дефиниции и др. Особую роль здесь играет способ дефинирования. В этой связи дефиниции подразделяются на простые (включают одно определяющее, построенное родовидовым способом) и комплексные (более одного определяющего, образованные не только родовидовым, но также и другими способами) [Шелов 1990; Жуков 2014].

Лингвокогнитивное моделирование позволяет установить фреймовые структуры, задействованные в продуцировании высказывания [Заврумов 2015]. Не вызывает сомнения, что в содержательной структуре дефиниции могут быть выделены различные информационные блоки, представляющие собой прототипичные структуры, которые заполняются разным содержанием в зависимости от вербализуемого понятия. Некоторые блоки коррелируют с выделяемыми типами дефиниций терминологических единиц. Содержательное пространство определения делимо на части. В дефиниции может быть представлено указание на ближайший род (что соответствует идентификатору) и видовые особенности, признаки характеристики (которые соответствуют классификатору), выделяющие его на фоне смежных ему понятий этого же уровня классификации. Так, например, понятие *субъективное избирательное право* является гиперонимом по отношению к понятиям *активное избирательное право* (также как и *пассивное избирательное право*), что находит отражение в дефиниции: «разновидность субъективного избирательного права; гарантированная государством возможность участия граждан в формировании представительных органов государственной власти и местного самоуправления» [Погорелый 2010].

Информационный блок родовой принадлежности может не быть представлен в силу ряда причин (в данном случае имеется в виду указание на понятие, передаваемое именно термином, а не единицей общеупотребительной лексики). Так, например, когда во внутренней форме термина представлен другой термин (называемый в этой связи системным термином элементом), репрезентирующий родовое понятие, то данный информационный блок может опускаться. Он также может отсутствовать для определенных видов дефиниции, например, генеративных или при определении терминов, относящихся к конкретным категориям ментальных конструкторов, например локус, которые вербализуют понятия пространств.

Часть, где указываются видовые особенности, может включать разные информационные блоки. Так, например, репрезентативным является блок, где представлены дифференциальные свойства и признаки, которые выделяют референт на фоне смежных ему одноуровневых элементов научного знания, например, «хунта – политическая группировка, пришедшая к власти неконституционным путем и осуществляющая диктаторское правление методами террора» [Погорелый 2010].

В зависимости от категории, к которой относится понятие, в дефиниции термина могут быть представлены также информационные блоки, где раскрываются функции или предназначение определяемого референта, например, «парламент – высший законодательный и представительный орган власти в государстве. К основным функциям современных парламентов относят законодательную, учредительную и контрольную функции. Выделяют однопалатные и двухпалатные парламенты» [Погорелый 2010], место или положение в пространстве, например, «гражданство – постоянная правовая связь личности с государством, проявляющаяся в их взаимных правах и обязанностях. Характеризует отношения конкретного человека с государством, под юрисдикцией которого он находится, вне зависимости от того, проживает он на территории данного государства или находится за его пределами» [Погорелый 2010].

Отдельный блок представлен указанием на видовые понятия, для которых рассматриваемый референт является гиперонимом, например, «автономия – закрепленная в законодательстве форма самоуправления территориальной единицы государства, которая проявляется в самостоятельном решении вопросов местного значения. Видами национально-территориальной автономии являются политическая (государственная) автономия и административная (местная) автономия» [Погорелый 2010].

В составе определения может присутствовать информационный блок, где указываются составляющие референта, которые раскрывают уникальность его компонентов или способов формирования и др. Информационные блоки обладают разной репрезентативностью в составе определений, вербализующих понятия разных областей знания и категорий и их изучение позволит рассмотреть механизмы наполнения их конкретным содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. М. : Наука, 2005. – 256 с.
- Белоусов К. И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности // Вестник ОГУ. 2010. №11 (117). – С. 94-97.
- Булыгина Т. В., Крылов С. А. Модель // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
- Жуков О. Р. Дефиниция литературоведческого термина «Троп/ы» (анализ формы и содержания) // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2014. Том 4. № 5. – С. 547–552.
- Заврумов З. А. Лингвокогнитивное моделирование: ирония в художественном тексте // Наука сегодня. Ключевые проблемы и перспективы развития : сб. науч. статей по итогам междунар. науч.-практич. конф. 2015. – С. 93–95.
- Кравцова Ю. В. Моделирование в современной лингвистике // Вісник Житомирського державного університету. 2014. Випуск 5 (77). Філологічні науки. – С. 181–189.
- Лату М. Н. Номинация в развивающихся терминосистемах : монография. Пятигорск : СНЕГ, 2015. – 192 с.
- Новейший политологический словарь / Авт.-сост. Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. Р н/Д. : Феникс, 2010. – 318 с.
- Поветкина Ю. В. Моделирование как метод лингвистического исследования // Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2012. № 6 (17). – С. 132–136.

- Раздубов А. В. Современный английский подязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2013. – 242 с.
- Смирнова Ю. С. Дефиниционное моделирование в терминологическом поле «сепсис»: когнитивно-дискурсивный аспект : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Пермь, 2011. – 192 с.
- Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. М. : Советская энциклопедия. 1989. – 840 с.
- Шелов С.Д. Об определении лингвистических терминов // Вопросы языкознания. № 3. 1990. – С. 21–32.
- Штофф В. А. Моделирование и философия. М.–Л. : Наука, 1966. – 302 с.

С. А. Маник
Иваново, Россия

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «TERRORISM»:
ОТ «CONVENTIONAL TERRORISM» К «LONE WOLF ATTACK»
И «GRIEVANCE-FIELD VIOLENCE»
(лексикографический аспект)**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению семантического поля "terrorism" в его современном, меняющемся состоянии на материале англоязычных медиатекстов, а также словарных дефиниций в словарях английского языка. В работе предлагается способ семантизации и лексикографирования данного поля в специальном справочном издании по общественно-политической лексике с учетом динамического характера описываемого явления.

Ключевые слова: семантическое поле, терроризм, общественно-политический словарь, принципы лексикографирования.

S. A. Manik
Ivanovo, Russia

**SEMANTIC FIELD «TERRORISM»:
FROM «CONVENTIONAL TERRORISM» TO «LONE WOLF ATTACK»
AND «GRIEVANCE-FIELD VIOLENCE»
(Lexicographic Aspect)**

Abstract. The article deals with the semantic field «terrorism» and its current and changing state as exemplified by various English media texts and dictionary entries of contemporary English Language Dictionaries. The paper suggests a way to describe the field under the study semantically and lexicographically in a special online reference resource of socio-political vocabulary taking into consideration dynamic character of the phenomenon.

Keywords: semantic field, terrorism, socio-political dictionary, methods of lexicographic description.

Идея семантических связей слов друг с другом в языке появилась в лингвистике еще в прошлом веке благодаря Г. Ипсену, который ввел термин «семантическое поле» для обозначения некой величины, объединяющей лексику в лексико-семантическую систему, где каждая лексема тем или иным образом связана и предопределена семантически этой величиной. Существует довольно много отечественных и зарубежных работ, в которых рассматривается понятие «семантическое поле»/«semantic field» ("word field", "lexical field", "field of meaning" и "semantic system"). Вместе с тем можно утверждать, что основой семантических взаимосвязей в них является «лексическое значение» в целом, «смысловый признак», «семантический признак», различные значения какого-либо слова или варианты его значения, компоненты его значения, общая тема или концепт и т.п. Важно подчеркнуть, что признаки, образующие то или иное семантическое поле, могут быть лингвистическими и экстралингвистическими, то есть единство лексических единиц объясняется определенными законами и связями языка и логики. В лексикографии данная идея семантических связей нашла свое воплощение, с одной стороны, в идеографических справочниках, когда материал расположен тематически, с другой стороны, в построении логико-понятийной схемы при разработке любого специализированного словаря.

В настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотреть семантическое поле «terrorism» в его современном, меняющемся состоянии на материале англоязычных медиатекстов и словарей английского языка, а также предложить способ семантизации и лексикографирования данного поля в специальном справочном издании по общественно-политической лексике.

Изучение проблемы терроризма многосторонне, оно затрагивает различные аспекты философии, истории, социологии, правоведения, культурологии, военной науки, дипломатии и лингвистики. Как справедливо отмечает Г. В. Грачев в диссертационном исследовании, «динамичное изменение терроризма как явления, острота его эмоционального восприятия обществом, потребность в его осмыслении обуславливают активность языковых изменений в процессе вербализации данной области концептуальной картины мира» [Грачев 2011]. В современном мире происходит все большее число террористических актов, нападений, поэтому количество медиатекстов, освещающих данные события, также возрастает. Многие ученые отмечают семантические сдвиги в существующих наименованиях терроризма, появление новых слов и словосочетаний, метафорических и эвфемистических единиц

номинации (Э. В. Будаев, Э. И. Глинчевский, Г. В. Грачев, И. В. Никулина, В. Б. Петухов и А. П. Чудинов). В сознании простого человека при помощи СМИ моделируется и формируется определенная концептосфера «terrorism» со своей системой семантических связей и концептуальных метафор. Так, например, в 2016 году для наименования самого явления террористического акта / нападения в английском языке медиаканалов используются следующие словосочетания: "lethal terrorist attack", "terror attack", "terrorism case", "jihadist terrorism crime", "suicide bombing", "attack by the "Islamic State"", "terror strike", "lone wolf" attack", "lone-wolf" terror attack", "lone actor attack", "a Nice-style attack", "a copycat attack", "terrorist incident", "EU terror attack", "failed, foiled or completed terrorist attack", "terrorism-related offence", "separatist terrorism", "acts of extreme violence", "coordinated terror attack", "grievance-field violence" и т.п. Такое многообразие свидетельствует о богатой лексической системе данного семантического поля, при помощи которой оказывается определенное речевое воздействие на аудиторию.

Представляются интересными результаты диссертационного исследования Г. В. Грачева, в котором проведено диахроническое изучение функционирования отдельных языковых средств, используемых в современном английском языке для описания терроризма [Грачев 2011]. Автор утверждает, что появление поля «terrorism» связано с изменением семантики слов «terrorism» и «terrorist» в середине XIX века. В настоящее время также продолжают семантические изменения: по-иному воспринимается денотат, возникают новые коннотации, формируются неологизмы (или неополитизмы [Маник 2016]) и фразеоматизмы, репрезентирующие новые событийные фреймы (взрывы и нападения террористами-одиночками в поездах, ночных клубах, массовое истребление на променадах и улицах, и т.п.). Г. В. Грачев отмечает, что когнитивные признаки концепта коррелируют с компонентами значения языкового знака, который непосредственно репрезентирует данный концепт, а также взаимосвязаны со всей совокупностью языковых знаков входящих в данное семантическое поле. Так, для концептов "terrorism", "terrorist attack", "terrorist" и "terrorist organization" типичными являются следующие когнитивные признаки: признак "organized", признак "military", признак "political", связанный одновременно и с концептом "freedom", признак "religious", признаки "alien" и "abnormal", признак "violent" и признак "secret". Признак "criminal" не является типичным для этих концептуальных категорий [Грачев 2011].

Вместе с тем, к 2016 году рассматриваемое семантическое поле расширило свои границы, и концепты "crime" и "violence" уже представляются довольно привычными читателю, особенно в словосочетаниях "jihadist terrorism crime", "terrorism-related offence", "acts of extreme violence", "grievance-field violence", "jihad-crime nexus" и т.п. Более того, добавляются новые когнитивные признаки "jihad", "jihadist", "threat/alert", "prison radicalization", что подтверждает мысль о значительном динамизме данной сферы. Например, в одном из выпусков журналист CNN пишет: "The terrorists are almost invariably criminals who have either served time in the French or Belgian prison systems, or they have been convicted for lesser offenses but have avoided jail time" (*Террористы почти всегда неизменно являются преступниками, которые либо отбыли срок во французской или бельгийской системе тюрем, либо были признаны виновными в менее тяжелых преступлениях, поэтому избежали тюремного пребывания*) (<http://edition.cnn.com/2016/07/17/opinions/jihad-crime-nexus-bergen/index.html>).

Безусловно, используемые в медиатекстах лексические единицы, репрезентирующие определенные когнитивные признаки концепта "terrorism", способствуют формированию в сознании читателя представления о террористах. Так, в 2011 году Г. В. Грачев выделил представления о террористах «как об организованной силе, о солдатах, политических активистах и борцах за свободу, глубоко религиозных людях, готовых к самопожертвованию, которые, правда, выглядят чуждыми англоязычной культуре и иногда непонятными или аномальными» [Грачев 2011]. В настоящий момент у аудитории формируется иной, более враждебный образ: растущая угроза ("elevated/overall threat") от фанатичного мусульманского меньшинства ("fanatical Muslims minority"), радикализованного ("radicalized") через социальные сети или в тюрьме ("prison radicalization") за короткий срок джихадистами ("jihadists") или представителями/вербовщиками ИГИЛ/Аль Каида ("ISIS/al Qaeda recruiters"), или бывшими военными и действующего без организации или координации, в одиночку ("lone actor"). Религиозная составляющая остается довольно важной, но не является единственной, поскольку мотивом для нападения может быть любая обида или недовольство ("grievance" и, следовательно, "grievance-field violence"). Политический аспект в современных СМИ не акцентируется. Однако в эпоху миграционного кризиса в медиа источниках появилось представление "terrorist traveller" (террористы, использующие миграционные потоки беженцев из Сирии и других стран для незаметного проникновения в Европу) или "returned foreign terrorist fighter" (военные, вернувшиеся с войны в Сирии), что связано с европейской миграционной политикой. Поэтому в европейском обществе укрепляются националистические, расовые и антисемитские настроения, что также приводит к росту крайне правого экстремизма. Таким образом, журналисты (не)намеренно создают и формируют у читателей представление угрозы, страх перед беженцами/выходцами-мусульманами и их взаимосвязь с террористами и террористическими актами.

В свою очередь современные лексикографические справочники регистрируют довольно общие данные по терроризму. Например, в American Heritage Dictionary (2011) зафиксировано следующее словарное определение: "The use of violence or the threat of violence, especially against civilians, in the pursuit of political goals" (*использование насилия или угрозы насилия, особенно по отношению к мирным жителям с целью достижения политических целей*). Включение существительного "civilian" (*мирный житель/гражданское население*) подчеркивает, на наш взгляд, воинствующее настроение в обществе и состояние «войны с терроризмом» ("war on terror"), когда жертвами становятся простые, не вооруженные граждане. В свою очередь, Collins English Dictionary – Complete and Unabridged (2014) регистрирует такую дефиницию с функциональной пометкой «Правительство, политика и дипломатия»: "systematic use of violence and intimidation to achieve some goal" (*систематическое использование насилия и запугивания для достижения какой-то цели*). В данном ключе, на наш взгляд, трактовка терроризма довольно обширна.

С учетом фоновых знаний пользователя она включает в себя не только классическое понимание терроризма, но, предположительно, также и такие понятия, как «стратегический терроризм» (терроризм как военная стратегия, как новая норма международного права), «государственный терроризм» (любое проявление насилия, осуществляемое противоправным путем в отношении иностранных государств и внутренних противников со стороны определенных государств и различных его органов; превышение власти, использование аппарата принуждения, предназначенного для поддержания общественного порядка и национальной безопасности против собственного народа, для подавления оппозиции), «бескомандное насилие или волки-одиночки».

Интересным представляется подход в совместном онлайн проекте WordNet 3.0 (<http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn>) и The Free Dictionary (<http://www.thefreedictionary.com>), где терроризм трактуется как "the calculated use of violence (or the threat of violence) against civilians in order to attain goals that are political or religious or ideological in nature; this is done through intimidation or coercion or instilling fear" (*намеренное использование насилия (или угрозы насилия) по отношению к мирным жителям для достижения целей, политических или религиозных, или идеологических по своей природе; это осуществляется при помощи запугивания или принуждения или вселяя страх*). Кроме дефиниции в словарной статье зарегистрированы устойчивые словосочетания с кратким описанием, например, "act of terrorism", "terrorist act", "biological terrorism", "bioterrorism", "chemical terrorism", "cyber-terrorism", "cyberwar", "domestic terrorism", "eco-warfare", "narcoterrorism", "nuclear terrorism", "state-sponsored terrorism", "theoterrorism", "terrorization", "dirty war", "counterintelligence", "ring containment", "stash house", "USS Cole", "counterterrorism", "al-Asifa", "al-Fatah" и т.п. Они помогают лучше понять концепт «терроризм» и являются частью его семантического поля. Сами комментарии носят информирующий, экстралингвистический характер, то есть ссылаются на события или явления, связанные с данным понятием. Например, "dirty war" (*грязная война*): "an offensive conducted by secret police or the military of a regime against revolutionary and terrorist insurgents and marked by the use of kidnapping and torture and murder with civilians often being the victims; "thousands of people disappeared and were killed during Argentina's dirty war in the late 1970s" (*нападение, осуществляемое секретной службой или военной силой режима, на революционных и террористических мятежников, которому свойственны похищения людей, пытки и убийства, жертвами которых являются мирные граждане; «сотни людей исчезли и были убиты во время грязной войны в Аргентине в конце 1970х»*).

На наш взгляд, такие мини-идеографические глоссарии внутри словарной статьи "terrorism" являются отличным помощником пользователю и расширяют представление об этом сложном явлении, его видах, историческом развитии, а также понимание, что исполнителями нападения могут быть не только отдельные террористы, но и экстремистские организации, государства в лице государственных структур и служб.

В свою очередь, лексикографический проект Dictionary.com кроме дефиниции предлагает читателю различные современные контексты употребления слова "terrorism" в сети Интернет (<http://www.dictionary.com/browse/terrorism>). Датирование примеров охватывает в основном вторую декаду нынешнего столетия. Пользователь видит лишь предложение, где встречается входное слово, а при желании по перекрестной ссылке может прочитать всю статью. Например, "terrorism is bad news anywhere, but especially rough on Odessa, where the city motto seems to be "make love, not war" (*терроризм – это плохая новость везде, но в особенности это ощутимо в Одессе, где слоганом города, кажется, может быть выражение «займитесь любовью, а не войной»*). Такой подход, безусловно, позволяет пользователю самому формировать свои представления о терроризме, знакомиться с различными публикациями и узнавать новые факты и коннотации искомого слова.

Одним из интереснейших лексикографических подходов, на наш взгляд, является проект Vocabulary.com (<https://www.vocabulary.com/dictionary/terrorism>). Пользователь получает довольно развернутую дефиницию:

"Terrorism is violence or the threat of violence directed against civilians for the purpose of creating intense fear, which the terrorist hopes to exploit to attain political or ideological goals.

Terrorism can be perpetrated by individuals, groups, or governments. What distinguishes terrorism from assault or murder is that terrorism is intended to intimidate and create mayhem, to inspire terror. It's terrorism when a suicide bomber blows himself up in a crowded bus, in that the violence is directed not against soldiers on a battlefield but against civilians going about their everyday lives" (*Терроризм – это насилие или угроза насилия, направленная против мирных жителей с целью создания чувства сильного страха, которое террорист намеревается использовать для достижения политических или идеологических целей. За терроризмом могут стоять отдельные люди, группы или правительства. От нападения или убийства терроризм отличает то, что основная цель терроризма – запугать и создать хаос, внушить панический страх. Когда человек-смертник взрывает себя в наполненном людьми автобусе, когда насилие осуществляется не относительно солдат на поле боя, а против мирных людей, живущих обычной жизнью, это называется терроризмом*).

В данном словарном объяснении доступным образом трактуется суть терроризма, его разновидности и стороны. Далее в статье зафиксированы синонимы ("act of terrorism", "terrorist act"), иллюстративные примеры, которые, с одной стороны, разделены на тематические виды "Red Hand Defenders", "September 11", а, с другой стороны, датированы 2016 годом с указанием авторитетного источника. Также удачным представляется решение включения режима функционального ограничения поиска по примерам через графические значки "All Sources", "Business", "Fiction", "Sports", "Arts/Culture", "Science/Med", "News", "Technology".

Далее на странице указаны 11 видов терроризма с краткими пояснениями, а справа развернута небольшая таблица, репрезентирующая Word Family (словообразовательные возможности) заглавного слова "terrorism": "terrorism", "terrorist", "terror", "terrify". На наш взгляд, данный лексикографический подход является удачным решением, в том числе с учебной точки зрения, поскольку здесь отлично соотносится лингвистическая и

экстралингвистическая информация. Это позволяет раскрыть семантическое поле «терроризм» с разных сторон, в том числе с точки зрения логико-понятийных связей.

Включение в словарную статью коллокаций могло бы обогатить лексикографический справочник и показать многоплановость контекстов. Как известно, если меняется структура знаний, представленных в словах, словосочетаниях, комплексных языковых знаках, а это свойственно лексико-семантической системе "terrorism", данные изменения в глубинной семантической структуре слова находят отражение в его сочетаемости и типичных для него контекстах употребления. Поэтому целесообразно включать данный информационный раздел в словарь. Так, возможно регистрировать следующие глагольные коллокации в разделе «Действия террористов»: "to carry out a terrorist attack/strike", "to commit terror attack", "to kill, injure people", "to stage an attack", "to perpetrate lone actor attack", "to plan an attack", "to act as facilitators and active accomplices in terrorism", "to attempt a copycat attack", "to hit a country", "to prefer the use of conventional firearms and explosives", "to commit carnage", "to kill out of revenge for coalition attacks in Syria"; в разделе «Противодействие террору»: "to battle against terrorism", "to foil an attack", "to issue emergency advice", "to be alert", "to be prepared for all eventualities", "to become a vulnerable target", "to deal with terrorist attack", "to shoot dead", "to feel ever more under threat", "to arrest for terrorism-related offences" и т.п. Важно не только включить данные словосочетания в словарную статью, но также зарегистрировать контексты их использования в современной медиа среде, указывая дату и предлагая ссылку на всю публикацию. Вместе с тем, полезно предложить пользователю ссылку на существующие и доступные документы (например, EU Terrorism and Trend Report, 2015) и отметить специально созданные организации для оказания противодействия терроризму (например, National Counter-Terrorism Security Office, UK).

Таким образом, в специальном онлайн словаре общественно-политической лексики целесообразно выделить отдельный справочный раздел, посвященный Терроризму. В нем будет зафиксирована следующая информация:

- Дефиниция заглавного слова, построенная по учебному принципу: от более общего и генерализованного, выделенного цветом и шрифтом в отдельный абзац, к деталям и уточнениям. Представляется возможным разработать небольшой исторический экскурс, отражая изменения данного явления и сегодняшние тенденции.
- Раздел «Коллокации» включает несколько идеографических групп, таких как «Действия террористов», «Способы противодействия», «Действия международного сообщества», «Названия организаций» и т.п. Каждое словосочетание зарегистрировано с иллюстративным примером и ссылкой на полный медиатекст. Это позволит получить более полную картину развития как самого явления терроризма, так и языка, описывающего его.
- Словообразовательные возможности заглавного слова "terrorist", "terror", "terrify" и т.п., проиллюстрированные контекстами медиатекстов. Такая лингвистическая информация даст возможность ознакомиться с большим количеством примеров и понять коннотации и оценочные значения у заглавного слова.
- Форум, в котором пользователи смогут оставлять комментарии, замечания относительно представленной информации, а также присылать свои примеры и интересные случаи употребления в СМИ.

Следовательно, как показало исследование, семантическое поле "Terrorism" развивается довольно стремительно, что вносит в язык новые словосочетания, новые концептуальные метафоры и новые слова, а также отражает изменения его восприятия людьми. Лексикографирование в специальном справочнике должно отражать системные связи единиц языка в ментальном лексиконе его носителя, который, в свою очередь, формируется в зависимости от всех особенностей употребления этих единиц на синхронном срезе. Важно учитывать динамический характер общественно-политического явления, поскольку системные связи слова "terrorism" в ментальном лексиконе являются подвижными при диахроническом рассмотрении, в том числе в краткосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

Глинчевский Э. И. Вербализация концепта «международный терроризм» в русском и английском языках (на материале медиатекстов) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2007. – 222 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/verbalizatsiya-kontsepta-mezhdunarodnyi-terrorizm-v-russkom-i-angliiskom-yazykakh-na-materiale> (дата обращения 11.07.2016).

Грачёв Г. В. Роль языковых средств в формировании представлений о терроризме (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2011. – 250 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/rol-yazykovykh-sredstv-v-formirovanii-predstavlenii-o-terrorizme> (дата обращения 11.07.2016).

Маник С. А. Неологизмы vs неоползмы в английской общественно-политической терминологии // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (в печати).

Никулина И. В. Проблемы глобального терроризма в дискурсе СМИ: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Нижний Новгород, 2007. – 145 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/problemu-globalnogo-terrorizma-v-diskurse-smi-sotsiologicheskii-analiz> (дата обращения 11.07.2016).

О. В. Мингалева
Москва, Россия

КАРТИНА МИРА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена описанию картины мира, которая автором анализируется как глубинный слой миропонимания и результат переработки информации о человеке и среде его обитания. Роль картины мира в репрезентации знаний можно усмотреть в древнейшем подходе научного познания, который заключается в установлении связей различных сущностей. На основе анализа практического материала автор статьи приходит к заключению о том, что картина мира пред-

ставляет собой составляющую национальной культуры.

Ключевые слова: познание, картина мира, индивид, культура, язык.

O. V. Mingaleva
Moscow, Russia

WORLDVIEW AS A CONSTITUENT OF NATIONAL CULTURE

Abstract. The article is devoted to the description of the worldview which is interpreted by the author as a deep layer of mental understanding of the world and as a result of processing information about man and human habitat. The role of worldview in representation of knowledge can be seen in the ancient approach to scientific cognition, which is based on revealing ties between various entities. Based on practical material analysis, the author comes to the conclusion that worldview is a constituent of national culture.

Keywords: cognition, worldview, individual, culture, language.

Взаимопонимание представителей различных лингвокультур, их взаимоуспешная коммуникация происходит на основе принимаемых и разделяемых ими миропредставлений и миропониманий. Говоря иными словами, мы имеем в виду систему концептуальных универсалий. Действительно, духовное единство человечества возможно именно в силу универсальности механизмов познавательной деятельности человека, всеобщности человеческого мышления, а также интеграции и трансляции человеческого опыта.

Необходимо отметить то обстоятельство, что «картина мира» не является результатом деятельности только одного человека, поскольку неперенным условием его жизнедеятельности является социальное конструирование реальности. В социально сконструированный образ мира входит запас знаний, отражающий повседневные, теоретические, специализированные и другие формы знания. Концептуальная база внеязыковых знаний, отражающая «вписываемость» человека в жизненное пространство, соотносится с определенными блоками знаний, которые могут быть «упакованы» в виде различных ментальных репрезентаций.

Декодирование этих знаний, заключенных в лексике, предполагает подход к слову не как к «транзисторному» знаку, а как к типу семантической записи, кодирующей информацию о степени знания мира. Интерпретация, следовательно, должна быть направлена на поиск реальных когнитивных феноменов и учитывать глубинные семантические трансформации, экспликация которых предполагает многошаговые операции. Картина мира является ядром, то есть базисным компонентом мировидения народа. Ее можно представить как весьма сложный фрейм, в котором удивительным образом переплетены результаты познавательного опыта, накопленного человечеством.

Следовательно, мы можем утверждать, что взаимопонимание различных народов, их успешная коммуникация происходит на основе разделяемых ими миропредставлений, то есть системы концептуальных универсалий. Духовное единство человечества возможно именно в силу универсальности механизмов познавательной деятельности человека, всеобщности человеческого мышления, а также интеграции и трансляции человеческого опыта.

По мнению Т. Г. Поповой [Попова 2008: 38], «весьма важным является выявление ментальной модели действительности, отраженной в языке, овладеть которым – значит овладеть специфическим образом мышления: мы можем мыслить о мире только в выражениях данного языка, пользуясь его концептуальной сетью. Поэтому разные языковые сообщества, пользуясь разными инструментами концептообразования, формируют различные «картины мира», являющееся, по сути, основанием национальных культур».

В описании картины мира как феномена национальной культуры мы опираемся на точку зрения А. А. Леонтьева [цит. по Уфимцева 2015: 29], который считает, что человек «стоит перед лицом не отдельного предмета, а предметного мира как целого; он оперирует не отдельным значением, а системой значений. Таким образом, на основе этого понимания, можно сказать, что языковое сознание представляет собой систему предметных значений, которые передаются и в вербальной форме.

Дж. Стюарт (Стюарт 1990: 84–111) обосновывает тезис о том, что человеческое сознание имеет мирской характер, что понимание этого характера может изменить понимание природы языка. Характерная отличительная черта человеческих существ заключается в том, что они – «понимающие существа», а понимать – значит быть вовлеченным в «деление мира».

В понимании картины мира мы опираемся на точку зрения Т. Г. Поповой [Попова 2010: 54], которая считает, что «картина мира представляет собой глубинный слой миропонимания, поскольку возникает и формируется у человека в актах мировидения и миродействия и помогает ему эффективно ориентироваться в окружающей действительности. Являясь встроенным в сознание концептуальным каркасом, картина мира как смысловой двойник действительности помогает осуществлять видение человеком мира (функция интерпретации) и облегчает его ориентацию в этом многообразном мире (функция регуляции)».

Как полагает А. В. Кравченко [Кравченко 1997: 61], «характер базовых когнитивных категорий является универсальным, и их содержание не зависит от того, на каком языке говорит человек, а определяется когнитивными факторами, на которых строится познавательная деятельность человека». С этой точкой зрения перекликается мнение, которое высказывает А. Я. Гуревич [Гуревич 1984: 30]: «эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» – ту «сетку координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании».

Как подчеркивает Т. Г. Попова в своем фундаментальном труде, посвященном исследованию

национально-культурной семантики языка на базе русского, немецкого и английского языков [Попова 2003: 138], «реконструкция определенной картины мира возможна лишь при условии, что известна ее базовая, инвариантная часть, не растворенная в национально-культурной специфике и исторических преобразованиях».

С. В. Лурье [Лурье 1998: 89] дает детализированную трактовку «картины мира»: культура существует в умах индивидуальных человеческих существ, а поэтому индивиды не объединены одними и теми же когнитивными моделями своей культуры, точно также как они не объединены одними и теми же когнитивными моделями своего языка (они различаются, например, в разных диалектах). В результате различия биологического наследия, уникальности личных историй и разных социальных ролей индивидуальные члены общества имеют различные когнитивные модели культуры.

Мы понимаем метафору так же, как Л. Л. Нелюбин [Нелюбин 2001: 91], а именно как «языковой феномен, которому соответствует некая модель действительности, определяемая мышлением человека и влияющая на выбор альтернатив в процессе принятия решений».

По мнению Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1990: 7], «центр тяжести в изучении метафоры переместился из филологии (риторики, стилистики, литературной критики), в которой превалировали анализ и оценка поэтической метафоры, в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам и, наконец, к моделированию искусственного интеллекта. В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа».

Таким образом, рассмотрев понятие «картина мира», мы приходим к заключению, что картина мира является результатом переработки информации о человеке и среде его обитания. Картина мира понимается нами как фундамент мировоззренческих представлений каждого человека, как исходный пункт всякого суждения об окружающей действительности. Понятие картины мира строится на изучении представлений человека о мире. Говоря иными словами, картина мира является результатом переработки информации о человеке и среде его обитания.

Каждый индивид создает свой ни на что не похожий образ мира, который содержит в себе черты коллективного миропонимания. Нужно отметить, что эти черты характерны для определенной исторической, а также предыдущих эпох, с наложением социальной и биологической характеристик данной личности. Кроме того, также нужно сказать и о том, что названные нами характеристики отражают национальность, профессию, уровень образованности и тому подобное.

В течение жизни индивидуальное мировоззрение человека меняется. Вместе с тем картина мира человека отличается лишь нюансами от образа мира, запечатленного в общей картине мира его народа и времени. Однако нужно подчеркнуть и то обстоятельство, что вместе с тем, именно образуя свои собственные «картины мира», представители различных культур участвуют в создании целостной и во многом противоречивой гармонии мира.

При этом необходимо учитывать, что «образ мира как глобальная структура не отражается полностью средствами конкретного языка и может быть представлена такими уровнями, как концептуальная картина мира, языковая картина мира, дискурсивная картина мира, групповая картина мира и индивидуальная картина мира» [Попова 2010].

Важной методологической базой при нашем исследовании картины мира как составляющей национальной культуры является точка зрения Т. Г. Поповой [Попова 2009: 96], которая считает, что «в процессе коммуникации, в частности, в сфере социально-ориентированного общения, язык подвергается определенному рода социально-культурному варьированию, в котором всякий раз учитывается картина мира в видении индивидуума. Достижение коммуникативно-адекватного языкового поведения требует наряду с наличием культурно-историческими знаниями еще и учета социальной дифференциации языка сферы его использования, что является отражением социальной дифференциации, где каждая языковая группа разрабатывает специфическое языковое поведение или языковой вариант, специфичный для данной группы».

Таким образом, мы приходим к заключению, что картина мира – это понятие, выражающее специфику бытия человека. Оно может быть адекватно охарактеризовано лишь в общей теории человека. Как целостный образ, картина мира, возникает у человека в ходе всех его контактов с миром, в различных актах мироощущения, мирочувствия, мирозерцания, мирооценки.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. – С. 5–32.
- Кравченко А. В. Феноменология значения и значение феноменологии в языке // Категоризация мира: пространство и время : мат-лы науч. конф. М. : Диалог МГУ, 1997. – С. 61–72.
- Лурья А. Р. Язык и сознание. Рн/Д., 1998. – 416 с.
- Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История и теория пере вода в России : учебник. М. : Народный учитель, 2001. – 140 с.
- Попова Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) : монография. М. : Народный учитель, 2003. – 176 с.
- Попова Т. Г. Язык и его роль в обработке информации // Обучение иностранным языкам: Теории, методы, подходы и технологии : мат-лы науч.-практ. конф. (21 апреля 2009). М., 2010 (а). – С. 64–74.
- Попова Т. Г. О проблемах межкультурного взаимодействия // Проблемы преподавания перевода в вузе : мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. (21 мая 2009 г.). М., 2010 (б). – С. 46–55.
- Попова Т. Г. Language Conceptualization // The Seventh Annual Conference of the Global Communication Association (GCA). Ottawa, Canada, 2013. – Pp. 34–43.
- Попова Т. Г. Метафора в концептуальной системе // Языки и культуры в современном мире : XI междунар. конф. НО-ПриЛ – Национальное общество прикладной лингвистики. Париж, 2014. – С. 178–184.

Попова Т. Г. Межкультурная коммуникация и проблемы перевода // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения : сб. статей и науч. сообщений междунар. науч. семинара (26 октября 2014 года – 2 ноября 2014 года). – Прага, Чешская Республика, 2015 (а). – С. 169–174.

Попова Т. Г. Metaphor as a mental and language mechanism // Cross-cultural communication and translation questions// Language, Literature and Culture as Domains of Intercultural Communication. International scientific seminar October 26, 2014. Proceedings of International Seminar. November 2, 2014 Prague, Czech Republic, 2015. – Pp. 174–178.

Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебrenников. М. : Наука, 1988. – 270 с.

Руденко Д. И., Прокопенко В. В. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца XX века. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 118–143.

Стюарт Дж. Возвращаясь к символической модели: непрезентативная модель природы языка // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. Новосибирск : Наука, 1990. – С. 84–111.

Уфимцева Н. В. Дихотомия значение / значимость в исследовании языкового сознания // Жизнь языка в культуре и социум:

Хайдегер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. – С. 92–110.

Popova Tat'jana G. Kulturnye i kognitivno-semantičeskie zakonomernosti perevoda // Riječ (časopis za filologiju), Rijeka, 2009. god. 15., sv. 1. – 3. – Str. 86–96.

Д. С. Мухортов

Москва, Россия

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АНГЛО-ЯЗЫЧНОГО ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В данной статье обсуждаются вопросы, связанные с лексическим наполнением англоязычного предвыборного дискурса. Предлагается выстраивать типологию в рамках двух мегакластеров: а) собственно политической лексики и б) общепотребительной лексики. При том, что каждый из них заслуживает особого внимания, акцент делается на особенностях употребления последней. Так, раскрываются некоторые характеристики а) формальной и разговорной лексики, б) терминов и жаргонизмов или слов профессионального (неполитического) языка и в) эмоционально-экспрессивной лексики. Для подтверждения предлагаемых тезисов используются примеры, которые были найдены в речах кандидатов президентской гонки 2015–2016 годов Дональда Трампа, Марко Рубио, Теда Круза, Хиллари Клинтон, Берни Сандерса методом сплошной выборки. Статья указывает на прагматическую ценность данного метода, которая заключается в более глубоком понимании интенций и ценностных установок соперников и, как следствие, определении специфики языковой личности каждого отдельного участника предвыборной гонки и коллективной языковой личности республиканца или демократа.

Ключевые слова: англоязычный предвыборный дискурс, собственно политическая лексика, общепотребительная лексика, формальная и разговорная лексика, слова профессионального (неполитического) языка, эмоционально-экспрессивная лексика, метод сплошной выборки лексики, языковая личность.

D. S. Mukhortov

Moscow, Russia

ON LEXICAL SEMANTIC FEATURES OF THE ELECTION DISCOURSE VOCABULARY

Abstract. The article discusses the composition of election discourse wordstock and proposes a typology that splits this kind of vocabulary into explicitly political words and non-political words. It is argued that the group of non-political words, in its turn, breaks down to the subgroups of formal and informal words, professional (nonpolitical) terms and jargonisms, and emotive and expressive words, and the words in each subgroup has a pragmasemantic value as they serve to better understand linguistic profiles of the candidates, including their beliefs and intentions. The examples were taken from the 2015/2016 US presidential debates, particularly between Republicans Donald Trump, Marco Rubio, and Ted Cruz, and Democrats Hillary Clinton and Bernie Sanders.

Keywords: election discourse vocabulary, explicitly political words, non-political words, formal and informal words, professional (nonpolitical) terms and jargonisms, emotive and expressive words, pragmasemantic value of the word, presidential candidate's linguistic profile, US presidential debates.

Предвыборный дискурс относится к разряду наиболее активно изучаемых разновидностей политической речи. Его жанрово-регистровая специфика, в первую очередь, определяется лексическим наполнением. При самом приблизительном обозрении словарного состава политических выступлений кандидатов на различные посты можно выделить две группы слов: собственно политическую лексику и общепотребительную лексику [Резникова 2005: 50].

В собственно политической лексике можно выделить следующие три сегмента: во-первых, «лексемы и фразеологизмы, выполняющие номинативную функцию» (например, *domestic politics*, *dictatorial regime*, *universal suffrage*, *historical revisionism*, *ideological schism*, *territorial integrity*, *parliament*, *faction*, *MPs*); во-вторых, «языковые единицы, выполняющие модально-оценочную функцию» (например, *puppet government*, *rogue state*, *collaborationism*, *political opportunism*, *diplomatic leverage*, *arms race*); и, в-третьих, «фразеологизмы-предложения, которые по своей функциональной принадлежности являются коммуникативными знаками» (например, политические афоризмы *"The ballot is stronger than the bullet"* (А. Линкольн), *"Politics have no relation to morals"* (Н. Макиавелли), *"Man is by nature a politi-*

cal animal" (Аристотель); «трансформированные фразеологизмы» (например, «пойдешь налево – придешь направо») [Ошеева 2004]. От общеразговорной собственно политическую лексику отличает коммуникативно-прагматическая направленность, именно она в первую очередь наполняет предвыборный дискурс маркерами «интеграции», «ориентации» и «агональности» (по терминологии Е. И. Шейгал).

Общеразговорная лексика, или слова общего языка, позволяет исследователю понять семантико-тематические тенденции в речи конкретного политика. Они проявляются в высказываниях на самые разные социально-политические темы, и самым доступным и эффективным способом их анализа, на наш взгляд, является метод сплошной выборки.

Например, появление в больших количествах таких слов, как *kill, death, fight, heavy, dire, shatter*, может свидетельствовать о том, что конкретный политик склонен к негативу, его можно легко вывести из себя, он настроен конфронтационно.

С другой стороны, метод сплошной выборки позволяет выявить в речи кандидатов наличие слов, принадлежащих к разным тематическим сеткам, и в результате, проанализировать интенции политика и его политические и общечеловеческие ориентиры. Например, по набору из таких слов, как *taxes, trade, payroll, shares, prices, debt, bonds, profits* можно заключить, что данный политик в первую очередь озабочен финансово-экономическими вопросами, и неизвестно, насколько ему хватит гибкости переключаться на вопросы из других гуманитарных и технических сфер. Или, напротив, если кандидат непрерывно говорит про морально-нравственные категории, используя соответствующую лексику, невольно возникает вопрос, отдает ли этот человек себе отчет, в том, что вопросы руководства государством требуют от него умения не замыкаться на чем-то одном, а быть гибким, расчетливым, упертым, уверенным в себе и в своем народе.

В общеупотребимом английском языке предвыборного дискурса естественным образом выделяется, формальная, или книжная, лексика (*formal*) и разговорная лексика (*informal*) (помимо названных выше фразеологизмов в нее входят собственно идиомы, фразовые глаголы, пословицы, поговорки, слэнг). Анализируя соотношение этих двух пластов лексики в речи политика и сопоставляя количественные и качественные параметры этих слов и выражений у оппонентов, можно делать выводы о том, насколько доходчивым является язык человека, нет ли в нем разнузданности и вседозволенности, насколько интересным предстает его слог, сможет ли он в дальнейшем удерживать внимание масс и какую дискурсивную культуру он будет нести миру.

Если сопоставить речевое поведение участников президентской гонки в 2015–2016 годах, то можно сказать, что примерами книжной лексики изобилует речь демократов, а примерами разговорной – республиканцев. Доказательством этого тезиса являются такие слова из лексикона Хиллари Клинтон и Берни Сандерса, как: *enduring vision, unmatched aspirations, incarceration, bigotry, embittered, proliferation, grotesque, astound, beholden, momentum*. В противовес им, например, республиканец Дональд Трамп характеризуется такими хлесткими словечками, как: *rapists* (about immigrants), *stupid* (about the current government), *loser* (about Marco Rubio), *animals* (about terrorists), *liar* (about Marco Rubio), *disaster, crap, dumping ground, kick in, junk, knock the hell out of them*.

К уровню общеупотребительной лексики также следует отнести термины и жаргонизмы, или слова профессионального (неполитического) языка. Без преувеличения можно сказать, что политика не является профессией. В эту сферу приходят люди с самыми разными специальностями и образованием. Так, практически все главы Белого Дома имели юридическое образование, и до момента избрания сначала – в сенаторы и лишь спустя годы – президенты США работали в каких-то компаниях, корпорациях, фирмах. Поэтому каждому из кандидатов в президенты будет свойственен некоторый набор слов и выражений, характеризующий его карьерный опыт и социализацию. При этом политика как дискурсивное пространство обладает своей лексико-фразеологической спецификой, и приходящий в нее специалист из другой области невольно начинает впитывать ее и адаптироваться к ней. Именно поэтому в ней выделяется собственно политическая лексика. Как известно, популярность любого политика характеризуется способностью этого человека донести до массового избирателя сложные вещи доступным языком, поэтому, если политик будет злоупотреблять своими специфическими знаниями и превратит свою речь в лабиринт терминов и жаргонизмов, его рейтинг будет предсказуемо падать. Вместе с тем по наличию в речи политика профессионализмов можно судить о его когнитивной сложности.

Так, если обратиться к предвыборным дебатам кандидатов на пост президента США, то с помощью метода сплошной выборки материала можно выделить, например, у Дональда Трампа лексику, свойственную бизнесмену: *trade deal, gross domestic product, labor participation rate, real unemployment, free trade, patent, net worth, subcontractor, stock market, deficit, manufacturing*, а у Хиллари Клинтон – слова и выражения, специфичные для профессионального юриста: *civil liberties, build the case for a law, illegal eviction, disenfranchise, juvenile justice, systemic racism*.

Отдельным, не менее важным уровнем общеупотребимой лексики, является эмоционально-экспрессивная лексика. Эмоциональность политика – категория легко измеряемая. Именно по наличию всем известных и понятных слов и выражений можно судить о том, насколько человек умеет держать себя в руках, владеть искусством дипломата, быть последовательным в своих мыслях и словах, насколько образным и ярким или, наоборот, выхолащенным и бесцветным, является его язык. По наличию эмоций можно судить о скрытности помыслов или открытости намерений. Данный уровень лексики можно представить двумя кластерами – аффективами и эмотивами, причем они находятся в родо-видовых отношениях: аффектив является гипонимом эмотива. Однако в целях практического изучения предвыборного дискурса размежевание этих кластеров в речах кандидатов на президентский пост не представляется значимым, и целесообразным представляется рассматривать проявления эмоций не в типологическом плане, а в прагмасемантическом. Иначе говоря, задача исследователя в том, чтобы отметить эмоциональное состояние каждого из кандидатов и определить градус экспрессии или степень сдержанности.

В заключение следует отметить, что предложенная точка зрения на детализацию семантико-тематической структуры лексики является только началом разговора о специфике словарного состава предвыборного дискурса. Данная разновидность функционально дифференцированной речи является недостаточно изученной с позиций семантики, лексикологии и прагматики. Далее потребуется более детальная проработка указанных пластов с позиций речевых актов.

ЛИТЕРАТУРА

Резникова Н. А. Семантический анализ политической лексики // Вестник ТГПУ. 2005. Выпуск 4 (48). Серия: Гуманитарные науки (Филология).

Ошеева Ю. В. Политическая лексика и фразеология русского языка (1985–2000 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.

Е. А. Нахимова, А. П. Чудинов

Екатеринбург, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Аннотация. Рассматривается статус (наука, научное направление, составная часть федерации лингвистических наук) политической лингвистики и место соответствующей учебной дисциплины в системе обучения русскому языку как родному, государственному и иностранному. Обоснована необходимость изучения политической лингвистики в системе университетского образования будущих филологов, политологов, социологов и журналистов. Рассмотрены типовые задания и упражнения, используемые на семинарах и практических занятиях.

Ключевые слова: политическая лингвистика как наука; политическая лингвистика как учебная дисциплина; методическое обеспечение; семинары; задания и упражнения.

E. A. Nakhimova, A. P. Chudinov

Ekaterinburg, Russia

POLITICAL LINGUISTICS AS AN ACADEMIC SUBJECT

Abstract. The status of Political Linguistics (a science, a scientific research field or a branch of linguistic sciences) is discussed; its role in the system of teaching Russian as native, official or foreign language is analyzed. The reasons are given to prove the necessity of studying Political Linguistics by the students of the following specialties: Philology, Politology, Sociology and Journalism. Typical tasks and exercises used in the seminars and practical classes are listed.

Keywords: political linguistics as a science; political linguistics as an academic subject; teaching methodology; seminars; tasks and exercises.

Политическая лингвистика – это область научных исследований, которую многие авторитетные специалисты квалифицируют в качестве новой науки, возникшей, наряду с некоторыми иными, на рубеже между двумя «классическими» гуманитарными науками (в данном случае на пересечении лингвистики с политологией). Однако встречается и иная точка зрения, в соответствии с которой политическая лингвистика – это лингвистика, обращенная к политической коммуникации, то есть (наравне с юридической лингвистикой, медиалингвистикой, этнолингвистикой) одно из научных направлений в рамках лингвистики.

При рассмотрении статуса политической лингвистики следует исходить из того, что если это действительно наука, то она должна иметь специфический объект исследований, собственный понятийно-терминологический аппарат, должна получить признание в научной среде. Известны и другие показатели признания научно-образовательным сообществом – специальные научные журналы, научные конференции, гранты и премии, исследования по истории и методологии соответствующей науки, по специфике ее взаимодействия с другими науками, изучение соответствующей области знаний в системе общего и профессионального образования, особенно в рамках университетских программ.

Одним из признаков авторитетности политической лингвистики стало включение соответствующей дисциплины в учебные планы университетов, которые готовят специалистов по лингвистике, межкультурной коммуникации, политологии, социологии и журналистике. Подобный опыт имеется, в частности, на Урале (Уральский федеральный университет, Уральский государственный педагогический университет, Сургутский государственный университет и др.). Изучение политической лингвистики включено в учебные планы ряда китайских вузов (Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешней торговли, Цзилянский институт иностранных языков, Чаньчунский государственный университет и др.). В одних случаях политическая лингвистика преподается как самостоятельная учебная дисциплина, в других – соответствующие материалы включаются в курсы стилистики, медиалингвистики, социалингвистики, практического курса русского языка как иностранного, а также иных учебных предметов.

Включение политической лингвистики в учебные программы вузов предполагает разработку специального учебно-методического обеспечения. Помимо учебников «Политическая лингвистика» [Чудинов 2005, а также

2006, 2012], «Зарубежная политическая лингвистика» [Будаев, Чудинов 2008] и «Современная политическая лингвистика» (издан на китайском языке в Гуанчжоу) [Чудинов 2012], нами были подготовлены следующие издания, в которых включены материалы по политической коммуникации: «Основы теории коммуникации» [Нахимова, Чудинов 2013], «Деловое общение» [Нахимова, Чудинов 2015], «Педагогическая риторика, культура речи и межкультурная коммуникация» [Нахимова, Чудинов 2016].

Рассмотрим некоторые типы упражнений, которые мы используем на семинарах и практических занятиях.

Тема. Политическая коммуникация и ее жанры. Контрольные вопросы.

1. Входят ли в сферу политической коммуникации политические анекдоты и научные монографии политологов?
2. Приведите примеры малых, средних и крупных жанров политической речи. Какие особенности малых жанров должны учитывать политики?
3. В какой степени жанровые признаки политического текста зависят от коммуникативной ситуации и личности автора?
4. Что такое собственно политическая коммуникация, медийная политическая коммуникация и непрофессиональная политическая коммуникация?
5. По каким признакам различаются ритуальные, ориентационные, агональные и информативные жанры? Возможно ли в одном тексте совмещение признаков нескольких названных жанров?

Упражнение 1. Объясните смысл и механизм воздействия следующих зарубежных слоганов:

Лейборизм не работает (*Великобритания, консерваторы*). Социализм слишком дорог (*Австрия, правые*). Сердце всегда будет биться слева (*Франция, левые*). Большинство получит большинство (*Франция, центристы*). *Veni! Vidi! Vici!* (*Древний Рим, Цезарь*).

Упражнение 2. Почему смогли привлечь внимание избирателей и повлиять на их выбор следующие слоганы:

Голосуй или проиграешь! Выбирай сердцем! (*Б. Ельцин*). Нам здесь жить (*Е. Дарькин*). Не граждане для государства, а государство для граждан (*Г. Явлинский*). Кто в лесу хозяин? Медведь («*Единство*»). Жириновский — за русских!

Упражнение 3. Объясните лингвистический механизм воздействия следующих советских лозунгов:

Мы — не рабы, рабы — не мы.

Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!

Пятилетку — в четыре года!

Вся власть советам!

Упражнение 4. Охарактеризуйте предновогоднее выступление действующего президента

Тема. Типовые свойства политической коммуникации. Контрольные вопросы

1. Что такое ритуальность политической коммуникации? Существует ли подобная ритуальность в медицинской, педагогической или религиозной сферах коммуникации? Должен ли политик участвовать в ритуальных церемониях, или лучше не тратить на это свое время? Обоснуйте свой ответ.
2. Что такое эзотеричность политической коммуникации? Существует ли подобная эзотеричность в медицинской, педагогической или религиозной сферах?
3. Можно ли считать эзотеричные высказывания политика свидетельством лицемерия? Обоснуйте свой ответ.
4. Что такое редукционизм политической коммуникации? Существует ли подобный редукционизм в медицинской, педагогической или религиозной сферах?
5. Можно ли считать высказывания, в которых дается неполная информация, свидетельством непорядочности политика? Обоснуйте свой ответ.
6. Что такое институциональность политической коммуникации? Насколько институциональная коммуникация препятствует проявлению личностных качеств политика?
7. Что такое толерантность в коммуникативной деятельности политика? В какой подсфере — парламентской или избирательной — толерантность проявляется в большей степени?
8. Почему в политической коммуникации постоянно обнаруживается как стандартность, так и экспрессивность выражения?
9. Охарактеризуйте основные формы диалогичности в политических текстах.
10. В каких формах проявляется интертекстуальность современной политической коммуникации?
11. Почему оценочность представляет собой типичный признак политического текста? Чем различаются имплицитная и эксплицитная оценка?
12. Назовите основные формы проявления агрессивности в современном политическом дискурсе. В каких политических ситуациях агрессивность особенно возрастает?

Упражнение 1. В какой мере соответствует типовым свойствам политической коммуникации (толерантность, эзотеричность, ритуальность, диалогичность и др.) следующий фрагмент интервью Жириновского каналу «Совершенно секретно»?

Ельцин — тупой не только потому, что он строитель. Урал! Урал! Там огромное магнитное поле. Там вообще тупое население. От Перми до Екатеринбурга — все население дебильное. Оно, может быть, здоровое, но если взять его по интеллекту — он тупой до упора. Пермь стоит и на тебя иступленно смотрит! Это не Ленинград, не Саратов. Я же объехал всю страну. Более тупого населения, чем на Урале, нет. И там родился Ельцин.

Существуют ли реальные отличия уральцев от жителей Петербурга, Москвы или Краснодара? Чем можно

объяснить эти особенности?

Почему Жириновский решил перед президентскими выборами вслух поразмышлять об интеллекте уральцев?

Упражнение 2. Охарактеризуйте с точки зрения типовых свойств политической коммуникации (толерантность, эзотеричность, ритуальность, диалогичность, образность и др.) следующие фрагменты из интервью президента РФ В.В.Путина.

Невозможно всех превратить в союзников, даже стремиться к подобному не надо. Наоборот, хорошо, когда есть сомневающиеся! Но огни сами должны предлагать конструктивные решения. Вот если мы имеем дело с такими оппонентами, они очень полезны. Но есть и другие, которым «чем хуже – тем лучше». Увы, это тоже неизбежно.

Знаете, едва государство ослабевает по ключевым параметрам, сразу возникают центробежные силы, растаскивающие его. Это как в организме: иммунитет чуть упал – и грипп. Они же сидят внутри, эти бациллы-то, бактерии, они все время там присутствуют. Но когда организм сильный, вы своим иммунитетом всегда подавите. Спортом надо заниматься! (Новостной портал «Ruposters.ru»).

Тема. Политический дискурс. Контрольные вопросы

1. Почему некоторые политические тексты (например, программы политических партий) формально не имеют авторов?

2. Кто несет ответственность за содержание политического текста: его реальный составитель (спичрайтер) или политик, который произносит соответствующий текст с ораторской трибуны? Охарактеризуйте специфику авторства политических текстов.

3. Что такое адресность политического текста? В чем специфика текстов, адресованных широкой аудитории и ее специализированным группам?

4. В чем специфика текстов, адресованных политическим единомышленникам и политическим оппонентам?

5. Как соотносятся термины *речевая (коммуникативная) стратегия*, *речевая (коммуникативная) тактика* и *речевой (коммуникативный) ход*?

Упражнение 1. Какие выразительные средства используют политики в следующих высказываниях? С какой целью это делается? Насколько удачными вы считаете эти фразы?

Если не заменим законодательство, будем с вами ловить блох, а акулы капитализма будут уходить из-под нашего пристального внимания (*С. Степашин*).

У Доренко изо рта прямо долларами пахнет (*А. Лебедь*).

Что нельзя сделать за деньги, можно сделать за большие деньги (*вице-премьер московского правительства А. Ресин*).

Коней на переправе не меняют, а ослов можно и нужно менять (*А. Лебедь*).

Когда не платят зарплату, директору надо делать массаж копчика с помощью напильника (*министр экономики А. Лившиц*).

Нам надо перегрызть долларовый поводок (*председатель Центробанка России В. Геращенко*).

Упражнение 2. Насколько удачно использован оксюморон (соединение противоположного) в слогане парижских студентов (1968 г.) «Будьте реалистами — требуйте невозможного!»?

Охарактеризуйте изменения в смысле при следующих трансформациях:

Будьте оптимистами — требуйте невозможного!

Будьте романтиками — требуйте невозможного!

Будьте реалистами — требуйте учитывать Ваши интересы!

Требуйте свободы, равенства и братства!

Сопоставьте слоган парижских студентов со слоганом Михаила Прохорова «Требуйте большего!». Какой слоган удачнее и почему?

Михаил Прохоров «позаимствовал» идею или близость — результат случайности?

Остряки из Интернета предложили усовершенствованный вариант: «Требуйте большего!» (дешевого, длинного, чистоплотного, богатого...). Какой вариант удачнее?

Тема. Политическая лексика и фразеология. Контрольные вопросы

1. Какими причинами можно объяснить активное использование просторечной лексики в современной политической коммуникации?

2. Почему в постсоветский период усилилось воздействие жаргонной лексики и фразеологии на политический язык? Какие именно жаргоны активно воздействуют на современный политический язык?

3. При каких условиях использование просторечной и жаргонной лексики в политическом тексте может считаться уместным?

4. Чем можно объяснить тот факт, что после революции 1917 г. в политической коммуникации появилось много диалектизмов, тогда как в настоящее время подобные процессы не наблюдаются?

5. Почему политические экстремисты охотно используют грубо-просторечную лексику, тогда как для депутатов центристских партий это характерно в меньшей степени?

6. Чем можно объяснить все более широкое использование заимствованных слов в российском политическом дискурсе?

7. Приведите примеры аббревиатур, которые за последние годы стали общеизвестными. Какие советские

аббревиатуры уже превратились в историзмы?

8. Почему языковеды рекомендуют проявлять сдержанность при использовании аббревиатур в политической коммуникации? Насколько целесообразен полный отказ от использования сложносокращенных слов?

Упражнение 1. Определите, какие образные средства использовал В.В.Путин, отвечая на вопросы детей во время «прямой линии» (традиционного многочасового интервью с использованием современных технических средств), состоявшейся 14.04.2016 (kremlin.ru).

1) Ведущий Валерия Кораблева: *«Владимир Владимирович, еще граждане интересуются. В прошлом году Вы сказали, что спасли бы тонущего Обаму. Если бы сейчас тонули Порошенко и Эрдоган, кого бы Вы спасли первым?»*. Варя Кузнецова, 12 лет.

Как свидетельствуют журналисты, глава государства несколько замялся, улыбнулся и произнес: *«Варя, ты ставишь меня в трудное положение. Даже не знаю, что сказать. Ну, вот, пожалуй, так: значит, если кто-то решил утонуть, спасти его уже невозможно. Но мы, конечно, готовы протянуть руку помощи, руку дружбы любому нашему партнеру, если он сам этого хочет»*.

2) Ведущая Валерия Кораблева: *«Какие бы три желания Вы загадали, если бы поймали золотую рыбку?»* (Соломенникова Анжела. Пермский край, 11 лет).

В.В.Путин: *«Вы знаете, по большому счету лучше не уповать на каких-то сказочных персонажей. Помните, в советское время была песенка такая: «Никто нам не поможет, ни бог, ни царь и ни герой». Все своей собственной рукой мы должны сделать. Поэтому если мы будем ждать чудес от золотой рыбки, то мы можем оказаться, как в сказке Пушкина, у разбитого корыта в конце концов. Лучше работать, засучив рукава, самим»*.

Упражнение 2. Ответы Владимира Путина (см. предыдущее упражнение) вызвали бурную реакцию в печатных и электронных СМИ, где появилось множество комментариев и реплик. Едва ли не самая яркая интерпретация принадлежит Владимиру Жириновскому. Лидер ЛДПР ответил значительно подробнее президента: *«Я бы их помакал побольше в воде, а когда они начнут захлебываться, то обоих бы за волосы вытащил и положил рядом нос к носу, чтобы они поняли, что один на западе нам пакостит и вредит, другой на юге. Они оба виноваты перед нами»* [www.msn.com/ru/news/politics.16.04.2016].

Несколько поразмышляв, знаменитый либерал-демократ все-таки сумел выделить более виновного и объяснить суть его прегрешений: *«Эрдоган, конечно, хуже», потому что он «соучастник усиления исламских боевиков в Сирии» и отказывается закрыть турецко-сирийскую границу [там же]. Поскольку украинский президент оказался менее виновным, Жириновский решил все-таки помочь Порошенко, но одновременно воспользоваться ситуацией в своих целях: «В крайнем случае Петра Алексеевича я бы за волосы вытащил и заставил бы его дать свободу Новороссии»*.

Оцените реплики В.В.Жириновского с позиций политической корректности, образности и уместности использования стилистически окрашенной лексики

Представленный в данной публикации материал, разумеется, охватывает лишь некоторые дискуссионные аспекты политической лингвистики как научного направления и учебной дисциплины, важной для профессиональной подготовки будущих филологов, политологов, социологов и журналистов. Здесь рассмотрены далеко не все проблемы и представлены далеко не все аргументы. Однако даже этот материал позволяет сделать вывод о том, что политическая лингвистика – это не модный фантом, а объективно существующая научная реальность, которая все чаще находит свое отражение в учебных планах университетов и иных образовательных учреждений.

ЛИТЕРАТУРА

- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. Учебное пособие. Москва, Наука, Флинта 2008. 352 с.
Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Учебное пособие. М., Наука, Флинта. 2012. 254 с.
Нахимова Е.А., Чудинов А.П. Основы теории коммуникации. Учебное пособие. Москва, Наука, Флинта, 2013. 164 с.
Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. Учебник. На китайском языке. Гуанчжоу, Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешней торговли. 2012. 208 с.
Нахимова Е.А., Чудинов А.П. Деловое общение. Учебное пособие. Москва, Наука, Флинта, 2015. 186 с.
Нахимова Е.А., Чудинов А.П. Педагогическая риторика, культура речи и межкультурная коммуникация. Учебное пособие. Екатеринбург, 2016. 136 с.

Ю. А. Ольховикова
Нижний Тагил, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ГЕРМАНИИ И США В ПЕРИОД С 2012 ПО 2016 ГГ.

Аннотация. В работе проводится сопоставительное лингвистическое исследование метафорических моделей, репрезентирующих образ России в современных СМИ Великобритании, Германии и США в период третьего срока пребывания В. В. Путина на посту президента Российской Федерации. Цель исследования – выявить специфику, прагматический потенциал и частотность метафорических моделей в СМИ разных стран. В ходе исследования проводится классификация по сферам-источникам, семантический и количественный анализ метафорических словоупотреблений, репрезентирующих образ

России с ведущих мировых печатных СМИ. В заключение приводятся результаты анализа практического материала, определяются ведущие метафорические модели, делаются выводы о специфике метафорического моделирования образа России в зарубежных СМИ. Статья может быть полезна для специалистов в области сопоставительного языкознания, дискурса СМИ, политической лингвистики, преподавателей английского и немецкого языков.

Ключевые слова: дискурс СМИ, метафора, метафорическое моделирование, сфера-источник, сфера-мишень, фрейм, метафорический образ.

I. A. Olkhovikova
Nizhny Tagil, Russia

METAPHORIC MODELS CONSTRUCTING THE IMAGE OF RUSSIA IN THE BRITISH, GERMAN AND AMERICAN MASS MEDIA FROM 2012 TO 2016

Abstract. In the article the author conducts a comparative linguistic research of the existing metaphoric models representing the image of Russia in the British, German and American newspapers in the period of V. Putin's third term in office as President of Russian Federation (from 2012 to 2016). The goal of the research is to define the national peculiarities, frequency and pragmatic potential of the metaphoric models in the newspapers of different countries. In the course of the research the metaphors are classified in accordance with their source domains, and analyzed from the point of view of their meaning and quantity. At the conclusion the results of the above mentioned analysis are represented; and on base of this the leading metaphoric models and their peculiarities and similarities for different countries are defined. The article may be useful for the scholars specializing in comparative Linguistics, discourse studies, political Linguistics and teachers of English and German.

Keywords: media discourse, metaphor, metaphoric model, source domain, target domain, frame, metaphoric image.

Язык обладает способностью манипулировать восприятием / реакцией адресата, благодаря комплексу вербально и невербально закодированной информации, хранящейся в когнитивных структурах, из которых, собственно, и складывается культурно обусловленная картина мира» [Телия 1988: 108]. Таким образом, моделирование образа страны происходит с использованием различных языковых средств и с учетом их возможности активизировать ассоциативные механизмы в сознании людей.

Метафорические модели являются одним из наиболее широко распространенных способов создания языковой картины мира. Метафора способна показать вновь познаваемое через уже познанное, способна вмещать в себе абстрактное и конкретное, синтезируя их в новые концепты [Чудинов 2001: 179]. Именно с помощью этих связей достигается цель метафорического высказывания, а именно, эмоциональное воздействие на сознание реципиента и формирования у него определенной ментальной картины.

Метафорический образ динамичен, он позволяет активизировать в сознании человека ассоциативные механизмы на подсознательном уровне. В. Павлович считает, что каждый образ, участвующий в создании метафорического значения, существует в ряду семантически связанных между собой образов, которые в совокупности представляют модель, правило, парадигму [Павлович 1995: 7].

Метафорический образ любой страны неразрывно связан с образом ее политического лидера, и, как правило, в зарубежных СМИ образ России представлен в тесной связи с образом В. В. Путина. В настоящем исследовании предпринята попытка определить специфику моделирования метафорического образа России в период третьего президентского срока В. В. Путина (с 2012 по 2016 гг.) в газетно-публицистическом дискурсе Великобритании, США и Германии на примере материалов печатных СМИ (Times, The Guardian, The Telegraph, Die Zeit, Deutsche Welle, Time Magazine и т.д.). Общее количество проанализированных метафор – 460 единиц (примерно одинаковое количество из английского и немецкого языков). В основу лингвистического сопоставительного исследования была положена методика изучения метафорических моделей, предложенная А. П. Чудиновым. Данная методика предполагает определение исходной и новой понятийных областей, выделение семантического компонента, связывающего первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью слов и относящихся к данной модели фреймов и типовых слотов [Чудинов 2001: 179].

Количественный анализ показал, что наиболее частотными метафорами, репрезентирующими образ России в ведущих зарубежных СМИ, стали театральная, монархическая, игровая и милитарная.

1. Метафорическая модель: РОССИЯ – ЭТО ТЕАТР

В дискурсе СМИ большинства европейских стран и США российская политическая действительность современности представлена, как театральное представление: народ – простые зрители в зале, которые не могут повлиять на ход политической «пьесы», и которым остается только молчаливо наблюдать за развитием сюжета. Президент здесь часто играет роль режиссера-постановщика, а депутаты государственной думы – актеры, которые беспрекословно подчиняются требованиям «режиссера». Некоторым политикам отводятся роли шутов (клоунов):

«Der russische Politclown Wladimir Schirinowski erklärte prompt, die USA hätten eine neue Waffe über Russland getestet, das habe zur Explosion geführt» (16.02.2013, Die Welt).

Актеры выступают на сцене, используют соответствующий театальный реквизит и декорации. Лексема *«die Szene»* (нем.) имеет два значения: сцена театра, на которой выступают актеры, а также эпизод, кадр:

«Das ist eine typische Szene aus Putins jährlicher Show, die am Donnerstag fast vier Stunden und 47 Minuten dauerte. Die Botschaft lautet: Der Präsident kümmert sich um sein Volk und hört dessen Fragen und Wünschen zu. Der "Heiße Draht zu Wladimir Putin" hat seine Dramaturgie» (Die Welt, 25.04.2013).

Однако в последние годы в стране выросло новое поколение, которое прекрасно понимает всю суть ситуации и, по словам журналистов, не желает быть зависимыми от вышестоящих «добрых дядюшек»:

«*Diese Generation findet den politischen Zirkus, den Medwedew und Putin seit Jahren veranstalten, einfach lächerlich. Die Protestierenden hingegen sind Menschen, die ihr Leben selbst gestalten wollen und nicht auf Putin*» (Der Standart, 15.12.2012).

Ближайшее окружение «кукловода» - его марионетки, которых, тем не менее, он таковыми не считает, как минимум, не говорит им об этом в глаза:

«*Putin doesn't have puppets, but he does have buddies – politicians, usually in need of loans...*» (The Telegraph, 27.02.2015).

Все, что происходит в стране, рассматривается СМИ, как намеренно поставленная инсценировка, причем, не всегда удачная. Россия не просто осуществляет свою внешнюю политику и воплощает в жизнь ее стратегии, она выступает на мировой арене в роли государства с неограниченными возможностями:

«*Russland spielt auf der Weltbühne die Supermacht. Wirtschaftlich aber steht der Staat vor dem Kollaps. Nun versucht Präsident Wladimir Putin die Sanktionen zu umgehen – und riskiert dabei alles*» (Die Welt, 27.02.2016).

Глава Чеченской Республики тоже выступает в качестве марионетки президента России, при помощи которой он пытается манипулировать другими странами изнутри:

«*One corner is dedicated to his celebrity friends, including photographs of crooner Grigory Leps, who was sanctioned by the US for suspected mafia ties. Orthodox icons and crucifixes plaster the walls, alongside portraits of Stalin and Ramzan Kadyrov, Putin's puppet warlord in Chechnya*» (The Guardian, 29.01.2016).

Действия, происходящие на политической арене в России, представляются зарубежным журналистам мелодрамой:

«*Here, in a political arena as manipulated as a daytime melodrama, Putin is at the top of the A-list*» (The Guardian, 29.01.2016).

Политическая жизнь всей страны в целом – это продуманный спектакль, а любое выступление политического лидера – небольшое срежиссированное представление:

«*Speaking from his country residence outside Moscow, Putin gave a robust performance during which he portrayed Kiev as being in the grip of "terror, extremists and nationalists" rampaging on the streets. Putin described what is broadly seen as a Russian land grab in Crimea as "a humanitarian mission"*» (The Guardian, 4.03.2014).

2. Метафорическая модель «РОССИЯ – ЭТО МОНАРХИЯ»

Метафоры данной модели оказались весьма частотными при описании России в период третьего президентского срока В. В. Путина. В последнее время она все чаще используется для создания образа России как в немецкой, американской, так и британской прессе. Вся страна представляется ничем иным, как империей, во главе которой, соответственно, стоит Владимир Путин:

«*Vladimir Putin's invisible empire*» (The Telegraph, 27.02.2015).

«*The New Tsar: The Rise and Reign of Vladimir Putin*» (The NY Times, 2.11.2015).

Как и полагается, день рождения великого «правителя» должен отмечаться по-царски:

«*Wladimir Putin ist 60. Wie bei einem Zarengeburtstag erhält der Jubilar Lobeshymnen und Geschenke im Übermaß*» (Focus, 11.06.2012).

Образу президента придается дополнительная значимость в глазах народа путем наименования его реинкарнацией Петра I. Президент не ставит границ и не делает различий между страной, собой и государством:

«*Er sieht sich als Reinkarnation von Zar Peter dem Großen und macht längst keinen Unterschied mehr zwischen Land, Staat und sich selbst*» (Focus, 14.08.2015).

Страна, которой распоряжается «царь», является его империей:

«*40 Prozent des in Deutschland verbrauchten Gases kommen derzeit aus Putins Reich*» (Focus, 24.05.2013).

Исходя из постулата о том, что власть дается монарху Богом, государь (президент) стоит выше закона:

«*Der russische Pantokrator (Allherrscher) sitzt hoch auf dem Thron, an dem zurzeit keiner rüttelt, aber die Luft wird oben knapp*» (TAZ, 7.04.2013).

Однако нередко высказываются опасения, что при такой стратегии поведения «дворцовый переворот» при дворе «императора» произойдет раньше, чем подойдет к концу его президентский срок:

«*Der Präsident wird nicht bis zum Ende seiner Amtszeit 2018 durchhalten», prognostiziert einer seiner Beamten. Eine Revolution à la DDR gilt als unwahrscheinlich. Eine Palastrevolte seiner verschreckten Clique ist möglich*» (Focus, 26.12.2012).

3. Метафорическая модель «РОССИЯ – ЭТО УЧАСТНИК ИГРЫ»

События в стране и ее политика часто сравниваются с игрой – карточной, шахматной и др. При этом политический лидер выступает игроком, который тщательно обдумывает каждый свой последующий ход и те последствия, к которым тот или иной ход может привести:

«*Mit diesem Schachzug riskiert Putin alles*» (Die Welt, 27.02.2016).

Но некоторые игры бывают опасными:

«*Spiel mit dem Feuer*» (Die Welt, 27.02.2016).

«*Russia 'playing with fire', warns Turkey, as Moscow imposes visa regime*» (The Guardian, 27.11.2015).

Россия – сильный соперник на международной политической арене и всегда имеет в запасе выигрышные карты, словно опытный игрок в покер:

«*Russia is holding a lot of the cards in the Syria crisis*» (The Guardian, 6.09.2013).

«Dass dort die Opposition sich immer noch selbst bekämpft, dass Korruption herrscht und unfassbare Armut, spielt alles Putin in die Karten» (Der Westen 2.03.2014).

В игровой метафоре выделяется также и спортивная метафора, имеющая место в очерках зарубежных СМИ о России:

«Russland gerät wegen seiner Krim-Politik weiter ins Abseits» (Die Welle, 13.03.2014). Термин «Abseits» означает «положение вне игры, оффсайд».

Глава Кремля не отступает: «Nun soll Moskau sanktioniert werden, wenn Kreml-Chef Putin nicht zurückrudert» (Die Welle, 13.03.2014).

4. Метафорическая модель «РОССИЯ – ЭТО УЧАСТНИК ВОЙНЫ»

Милитарная метафорика широко используется в современной прессе для создания образа России. Во многих мировых СМИ Россия представляется агрессором, обладающим большим военным потенциалом. Зачастую рамки прямых и переносных значений стираются, вследствие чего образ становится еще более правдоподобным.

Воевать можно не только с применением специального военного арсенала, но и с использованием вербального «оружия»:

«Vladimir Putin sparked a war of words by calling Secretary of State John Kerry a liar for portraying the Syrian opposition as moderates» (NY Daily News, 5.09.2013).

«Putin's article was a direct attack on the speech Obama delivered defending US plans to punish Assad» (The NY Post, 13.09.2013).

Введенные Россией санкции на ввоз продуктов также находят свое отражение в публикациях Великобритании:

«Putin's 'cheese war' on Europe leaves bitter taste in St Petersburg» (The Telegraph, 22.08.2015).

Напряженная обстановка между Россией и Украиной представлена журналистами Германии следующим образом:

«Der Nervenkrieg zwischen Kiew und Moskau geht weiter, die Einverleibung der Krim scheint erst der Anfang» (Focus, 20.03.2014).

«.... Verglichen damit ist Russlands Arrondierung an der Südflanke alter Imperialismus» (Focus, 20.03.2014).

В целом, корпус метафор в СМИ Великобритании, Германии и США совпадает, хотя существуют незначительные отличия по отдельным слотам. Анализ практического материала показал, что в наши дни Россия зачастую представлена зарубежными СМИ в негативном свете: особый вес здесь имеют театральная и монархическая метафорические модели. Российская власть – власть одного человека, одного лидера, власть, не ограниченная никакими рамками, кроме его собственной воли. Театральная метафора репрезентирует российскую действительность, как представление с заранее написанным сценарием, показывает неискренность и несамостоятельность правящей элиты. Милитарная метафорика зачастую указывает на агрессивность России, а игровые метафоры говорят адресату о том, что этот агрессивный и сильный соперник является также и неплохим стратегом, у которого всегда есть в запасе выигранный ход или козырь.

ЛИТЕРАТУРА

Желтухина М. Р. Создание политического имиджа России в зарубежных СМИ // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: материалы международной научной конференции (13-17 сентября 2010 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. С. 59-62.

Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М., 1995. – 245 с.

Телия В. Н. Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – 175 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург: изд-во УрГПУ, 2001. – 240 с.

Ж. М. Омашева, А. М. Танабаева, Ж. Ж. Шеризатова
Караганда, Россия

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В СВЕТЕ НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Аннотация. Статья посвящена проблеме обучения русскому языку в условиях новой образовательной парадигмы, предполагающей формирование необходимых компетенций. На примере текста по специальности приводится примерное распределение материала по различным видам занятий, формирующие профессиональную компетентность.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, функция преподавателя, текст, самостоятельная работа, знания, задания.

J. M. Omasheva, A. M. Tanabaeva, J. J. Sherizatova
Karaganda, Russia

SPECIFICITY OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE IN TERMS OF NEW EDUCATIONAL PARADIGM

Abstract. The article deals with the problem of the Russian language teaching in terms of educational paradigm, involving the development of necessary competence. Some material assignment of various activities which form professional competence is introduced on the example of a specific text.

Keywords: professional competence, teacher's function, text, individual work, knowledge, tasks.

В свете новой образовательной парадигмы становится актуальным поиск новых форм обучения в рамках кредитной технологии, которая предполагает аудиторные занятия, самостоятельную работу студентов под руководством преподавателя, самостоятельную работу студентов. Следует четко разграничивать три вида занятий, предусмотренных ГОСО, и проводить их в соответствии с изменившимися функциями преподавателя, учитывая понятия компетентности в образовании.

Согласно ГОСО, результаты обучения определяются на основе Дублинских дескрипторов первого уровня (бакалавриат) и выражаются через компетенции.

Дескрипторы первого уровня предполагают способности (компетенции):

- 1) демонстрировать знания и понимание в изучаемой области, включая элементы наиболее передовых знаний в этой области;
- 2) применять эти знания и понимание на профессиональном уровне;
- 3) формулировать аргументы и решать проблемы в изучаемой области;
- 4) осуществлять сбор и интерпретацию информации для формирования суждений с учетом социальных, этических и научных соображений;
- 5) сообщать информацию, идеи, проблемы и решения, как специалистам, так и неспециалистам.

Общие компетенции выпускника вуза формируются на основе требований к общей образованности, социально-этическим компетенциям, экономическим и организационно-управленческим компетенциям, специальным компетенциям. Исходя из этого, формируются требования к общей образованности:

- 1) обладать базовыми знаниями в области естественнонаучных (социальных, гуманитарных, экономических) дисциплин, способствующих формированию высокообразованной личности с широким кругозором и культурой мышления;
- 2) обладать навыками обращения с современной техникой, уметь использовать информационные технологии в сфере профессиональной деятельности;
- 3) владеть навыками приобретения новых знаний, необходимых для повседневной профессиональной деятельности и продолжения образования в магистратуре.

Формирование профессиональной компетентности студента в процессе профессиональной подготовки представляет собой достаточно сложный и поэтапный процесс, реализуемый на протяжении всего периода обучения в вузе. Оно осуществляется как в процессе аудиторной, так и внеаудиторной работы студента. В. П. Кондурар в статье «Понятия компетенция и компетентность в образовании», приводит точку зрения Н. С. Сахаровой, согласно которой «компетентность – владение определенными знаниями, навыками, жизненным опытом, позволяющим судить о чем-либо, делать или решать что-либо; комплексный личностный ресурс, обеспечивающий возможность эффективного взаимодействия с окружающим миром в той или иной области и зависящий от необходимых для этого компетенций; наличие у индивида внутренней мотивации к качественному осуществлению своей профессиональной деятельности, отношение к своей профессии как к ценности; уровень образованности специалиста, достаточный для самостоятельного решения возникающих познавательных проблем и определения личностной позиции; соответствие специалиста предъявляемым требованиям, установлениям».

В условиях кредитной технологии обучения следует учитывать, что при этой технологии обучения с увеличением объема выполняемой студентами самостоятельной работы – работы по определенному перечню тем (в том числе отведенных на самостоятельное изучение), обеспеченных учебно-методической литературой и рекомендациями, контролируемых в виде тестов, контрольных работ, коллоквиумов, рефератов, сочинений, отчетов и др., меняются функции преподавателя. Первая функция преподавателя – установочная (введение в тему, постановка цели, задач, описание практической полезности, сущности и взаимосвязи основных разделов содержания материала, рекомендаций по работе с учебно-методическими пособиями и др.). Этого должно быть достаточно для дальнейшей самостоятельной работы студентов. Вторая функция преподавателя – консультативно-корректировочная. Она состоит в оказании консультативной помощи в реализации учебных действий в самостоятельной работе студентов, проведении индивидуальных консультаций и осуществлении соответствующих корректировочных действий. Данную функцию в образовательном процессе выполняют тьюторы. Третья функция преподавателя – контрольно-оценочная. Она предполагает проведение оценивания знаний, умений и навыков студентов в различных формах (письменный или устный экзамен, тестирование и др.), организацию диалога по выявлению их основных затруднений, демонстрацию преподавателем «правильных» действий, взаимодействие, эталонных способов работы в позиции эксперта или контролера.

Типовой единичный цикл самостоятельной работы студентов под руководством преподавателя (СРСР) включает четыре основных этапа. Первый предполагает реализацию активного восприятия студентами информации преподавателя, полученной в период установочных занятий по учебной дисциплине. Второй этап предполагает, что студенты самостоятельно, на основании рекомендаций преподавателя, изучают учебно-методические пособия, литературные источники, выполняют домашние задания, контрольные и курсовые работы и т.д. На этом этапе от студентов требуется знание методов работы, фиксация своих затруднений, самоорганизация и самодисциплина. Третий этап состоит в анализе и систематизации студентами затруднительных ситуаций, выявлении причин затруднений в понимании и усвоении учебного материала, выполнении других учебных действий. Студенты переводят неразрешимые затруднения в систему вопросов для преподавателя (ранжируют их, упорядочивают, оформляют), строят собственные версии ответов на эти вопросы. Четвертый этап состоит в обращении к

преподавателю за соответствующими разъяснениями, советами, консультациями.

Одним из условий формирования при обучении языку профессиональной компетентности является профессиональная направленность, которая предполагает работу с текстом, соответствующим профилю обучения. В роли основной единицы обучения должны использоваться тексты, взятые из соответствующих вузовских учебников, пособий, научных источников, научно-популярной литературы. Их содержание позволит познакомить студентов с состоянием изучаемой проблемы, ее перспективами, настроить их на возможное участие в решении различных научных задач в будущем.

Тексты должны отбираться в соответствии с требованиями функционально-стилистической соотнесенности и профессиональной значимости. Работа над ними предполагает использование специальных заданий, направленных на а) усвоение лексико-грамматического материала; б) понимание и воспроизведение текста; в) продуцирование самостоятельных текстов и высказываний.

Текст по специальности – это источник профессиональной информации, средство обучения различным навыкам устной и письменной речи, а также объект для реферирования, конспектирования, аннотирования, тезирования, материал для усвоения лексики и грамматики языка, а также пополнения терминологического запаса. На занятиях по русскому языку работа с текстом предполагает использование заданий, учитывающих специфику аудиторных занятий, СРС и СРС и соответствующей специальности. К примеру, по специальности «Биология» предлагается следующий текст.

Предтекстовые задания, используемые в аудитории

1. Прочитайте текст.
2. К какому стилю речи относится данный текст? Какие характерные особенности научного текста вы отметили?
3. Найдите в подтеме основную информацию. Выделите смысловые части, соответствующие каждой подтеме.
4. Укажите в тексте все известные вам средства связи между предложениями и частями текста. Объясните их употребление.

Ответьте на вопросы:

1. Где происходит насыщение крови кислородом?
2. На какие группы делятся лейкоциты?
3. Сколько составляет общее количество лейкоцитов?
4. Какой способностью обладают лейкоциты?
5. К чему может привести большая потеря крови?

Ткани

[Классификация предметов] К соединительной ткани относятся также ее жидкие виды, кровь и лимфа.

[Состав предмета] Кровь состоит из жидкой части, плазмы и взвешенных в ней форменных элементов, клеток. Общее количество крови у человека равно приблизительно 4,5 литра. В плазме крови находятся красные кровяные клетки – эритроциты, белые клетки – лейкоциты и кровяные пластинки.

[Строение предмета] Эритроциты не имеют ядер. Количество эритроцитов в одном кубическом миллиметре равно приблизительно пяти миллионам. По своей форме эритроциты напоминают крупные таблетки с углублениями на обеих сторонах.

[Состав предмета] Эритроциты содержат гемоглобин – красящее белковое вещество крови, которое легко соединяется с кислородом, образуя оксигемоглобин. Кровь, насыщенная кислородом, приобретает светло-красный цвет. Насыщение крови кислородом осуществляется в легких.

[Изменение] Эритроциты возникают и развиваются в красном костном мозгу, откуда они поступают в кровеносные сосуды. Каждый эритроцит живет приблизительно 130 дней. В организме постоянно происходит замена одних эритроцитов другими, новыми.

[Классификация] Белые клетки крови, лейкоциты, в основном делятся на две группы: зернистые и незернистые. Общее число лейкоцитов в одном кубическом миллиметре крови – 6–9 тысяч. Считают, что на каждые 500 эритроцитов приходится один лейкоцит.

[Строение] Зернистые лейкоциты (нейтрофилы, эозинофилы и базофилы) имеют одно сегментированное ядро. Некоторые из них, главным образом нейтрофилы, легко изменяют свою форму, могут проходить через стенку кровеносных сосудов, в основном капилляров, и самостоятельно передвигаются подобно амебам. Лейкоциты обладают фагоцитарной способностью и выполняют в организме защитные функции.

[Строение] Незернистые белые кровяные клетки (лимфоциты, моноциты) имеют простое ядро. Они также способны к самостоятельным движениям. Одни из них принимают участие в выработке так называемых ферментов, другие могут превращаться в крупные клетки – макрофаги, выполняющие функцию фагоцитов.

[Местонахождение] Местом возникновения белых кровяных клеток крови являются лимфатические узлы, селезенка, а некоторые зернистые лейкоциты развиваются в красном костном мозгу. Считают, что продолжительность жизни каждого лейкоцита во много раз меньше жизни эритроцита и составляет всего несколько дней.

[Форма и назначение] Кровяные пластинки – очень мелкие образования, имеющие размер 2–3 микрон. Эти пластинки участвуют в свертывании крови.

Послетекстовые задания, используемые на СРСП

1. Проверьте, правильно ли вы поняли текст. Заполните пропуски. При самоконтроле смотрите соответствующие места в тексте.

А. Кровь состоит из .....

В. Эритроциты содержат..... – красящее белковое вещество крови, которое легко соединяется с ....., образуя..... .

С. В плазме крови находятся красные кровяные клетки – ....., белые клетки - ..... и кровяные пластинки.

Д. Эритроциты возникают и развиваются....., откуда они поступают в .....

Е. Кровяные пластинки – ....., имеющие размер 2–3 микрон.

Ж. Местом возникновения белых кровяных клеток крови являются .....

2. Найдите в тексте термины. Выпишите значения найденных терминов из словарей

3. Найдите в тексте отглагольные существительные. Укажите, от каких глаголов они образованы.

Образец: возникновение – возникнуть

Послетекстовые задания, используемые на СРС

1. Составьте и запишите сложный план и составьте конспект.

2. Подготовьте презентацию, используя сложный план и подробный конспект текста.

Таким образом, работа над учебным текстом по специальности на всех видах работ, предусмотренных ГОСО, является эффективным средством формирования профессиональной компетенции, то есть помогает усвоению системно-структурных образований семантического, морфологического и синтаксического характера, необходимых для понимания и продуцирования текстов по специальности.

ЛИТЕРАТУРА

Кондурар В. П. Понятия компетенция и компетентность // Вектор науки ТГУ. № 1 (8). 2012.
ГОСО от 23 августа 2012 года. 1080.

А. А. Постникова

Екатеринбург, Россия

РУССКАЯ КАМПАНИЯ 1812 г. В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

Аннотация. Автор в рамках данной статьи обратилась к роли исторической науки и государственной политики в формировании памяти о русской кампании 1812 г. в современной Франции. На основе анализа исторических исследований, материалов СМИ, искусства, образовательного пространства автор пришла к выводу о том, что современная Франция демонстрирует вариант естественной трансформации образов прошлого. Формированием «политики памяти» о русской кампании управляют историки, которые неустанно подтверждают либо корректируют устоявшиеся научные положения. Вполне очевидно, что именно под воздействием исторической науки французское общество в последние годы стало подвергать сомнению некие «истины» своей памяти о войне 1812 г. Данный процесс свидетельствует о том, что юбилейные мероприятия привели эту нацию к «преодолению прошлого» и в очередной раз подтвердили значимость историка в этой стране. В свою очередь, вмешательство государства, предлагающего обществу «фальшивый» патриотизм, вызывает протест французов, в воображении которых актуализируются карикатурные аналогии современных правителей с образами властителей прошлых эпох. Проанализировав трансформацию образа «русской кампании» в современной Франции, невольно убеждаешься в том, что только естественный процесс трансформации прошлого создает единую память нации, а историческая политика приводит лишь к ее разрушению.

Ключевые слова: историческая политика, «политика памяти», русская кампания, Бородино, Березина, Великая армия.

A. A. Postnikova

Ekaterinburg, Russia

THE RUSSIAN CAMPAIGN OF 1812 IN MODERN FRANCE: HISTORY AND POLICY

Abstract. The author analysed value of historical science and a state policy in formation of memory of French about the Russian campaign of 1812. On the basis of the analysis historical research and mass media the author came to a conclusion that historians who continued confirm form memory of the Russian campaign in France or correct the settled scientific provisions. Quite obviously what exactly under the influence of historical science the French society began to call in recent years in question certain "truth" of the memory of war of 1812. In turn, intervention of the state offering to the society "false" patriotism, causes a protest of French in which imagination comical analogies of modern governors to image of the power of last eras are staticized. Having analysed transformation of an image of "the Russian campaign" in modern France, you are involuntarily convinced that only natural process of transformation of the past creates uniform memory of the nation, and the historical policy leads only to its destruction.

Keywords: historical policy, «policy of memory», Russian campaign, Borodino, Berezina, Great army.

*Данная статья выполнена в рамках государственного задания № 2014 / 392
(проект № 1900 «Политическая лингвистика: метафоричность, прецедентность и креолистичность»)*

Историю и политику во Франции издавна связывают весьма противоречивые отношения. В своем стремлении усилить позиции Франции, сделать ее центром Европы политики были вынуждены использовать образы прошлого для оправдания своих действий в настоящем. В последнее десятилетие вновь обострились во французской науке противоречия между исторической наукой и государственным курсом. Научное сообщество, отстаивая право ученого на независимую исследовательскую позицию, выступило против государственного вмешательства в историю.

Президент Франции Ж. Ширак в течение 1990-х гг. последовательно проводил политику, направленную на «преодоление прошлого», что чаще всего выражалось в принятии различных законодательных актов, предусматривающих наказание за нетолерантные высказывания по национальным и расовым вопросам, включая в том числе и исторические сюжеты. В результате этого подверглись осуждению некоторые историки, чье мнение не соответствовало принятому политическому курсу.

В этой связи в 2005 г. группа французских историков во главе с Р. Ремондом создала организацию «За свободу истории», которой удалось в конце президентства Ширака отстоять независимость исторической науки. Однако через два года этой организации вновь пришлось вступить в борьбу уже с другим президентом Франции Н. Саркози. Глава государства заявил о своем стремлении с помощью истории способствовать формированию патриотизма, отказавшись от политики «раскаяния». Историческое сообщество расценило подобное заявление как очередную попытку посягательства на свободу исследователя. Решающий этап борьбы начался в 2008 г. с публикации П. Нора «Воззвания из Блуа», в котором он призвал избавить историческую науку от административного давления [Liberte pour l'histoire...]. Под этим документом подписались известные европейские историки. Власть отступила; свобода научного творчества была спасена. Всякие попытки проявления исторической политики во Франции вызывают консолидированный протест французского общества, которое трепетно лелеет образы своего прошлого. Прекрасным тому примером является образ Наполеоновской эпохи, который не только не потускнел, но и в начале XXI в. продолжает вдохновлять французов на «создание» европейской истории.

«Возможно ли представить современную Францию без памяти о Наполеоне», – таким вопросом задалась редакция газеты «Ле Монд». В качестве ответа на него она опубликовала в журнале следующие строки: «Образ Наполеона постоянно напоминает французам о своем присутствии. Парижане чувствуют близость к императору, проходя мимо Триумфальной арки, Вандомской колонны, прогуливаясь по бульварам Мюрата, Бертье, Ланна» [Napoleon le plus celebre...]. Наполеоновская эпоха уже в XIX в. стала неотъемлемой частью жизни французов. Кульминацией и началом трагедии для Великой армии Наполеона стала русская кампания 1812 г., двухсотлетие которой с особой торжественностью отметили французы. Юбилей был ознаменован выходом исторической литературы, конференциями, военно-исторической реконструкцией. Проведенные мероприятия заметно оживили в сознании французов образы той эпохи.

Во Франции решающая роль в формировании курса «политики памяти» принадлежит историкам. В связи с юбилеем русской кампании 1812 г. во французской исторической науке появились достаточно заметные исследования, посвященные данной проблеме. Директор Института Наполеона Ж. О. Будон обратился к исследованию русской кампании как с событийной стороны, так и в рамках тематики формирования исторической памяти. Одной из основных причин, которыми руководствовался Наполеон в развязывании войны с Россией, он обозначил следующее: «Наполеон неоспоримо распространял систему, которую создал в результате войн для обоснования своего доминирования в Европе» [Boudon 2012: 5]. Обратившись к описанию Бородинского сражения, историк акцентирует внимание лишь на действиях Великой армии. По его мнению, взятие Большого редута стало завершающей фазой сражения, заставившей русских отступить [Boudon: 154]. Следующая глава в повествовании историка начинается с сюжетов пребывания Великой армии в Москве [Boudon: 162]. Французская армия торжественно вошла в этот город как победитель, намереваясь обосноваться в нем на длительное время, но «губернатор Ростопчин помешал Великой армии основательно устроиться в Москве, так как из чувства патриотизма приказал сжечь город» [Boudon: 162].

Далее на страницах исторического исследования разворачивается картина отступления французов, во время которого, по мнению историка, они подверглись воздействию только «русской зимы». События на Березине Будон описал как довольно удачную операцию, проведенную Наполеоном. По мнению историка, французскому императору «удалось избежать окружения русскими» [Boudon: 183]. Будон, проанализировав результаты отступления, также добавил, что «несмотря на гибельное отступление Великой армии из России, образ Наполеона продолжал оставаться в сознании миллионов легендой» [Boudon: 215]. И все же историк не решился объявить сражение на Березине поражением России; он только отметил, что битва сохранилась в памяти французов как моральная победа Франции. Так, выход книги Будона обозначил некое переходное состояние французской науки от, казалось, нескончаемого воспроизведения традиционных суждений к своеобразному «преодолению прошлого».

Стремление отойти от стереотипов, господствующих во французской науке уже двести лет нашло отражение в исследовании известного историка М.П. Рей. Основное достоинство ее монографии, названной «Невероятная трагедия» заключается в обращении автора к русским документам, что позволило ей создать более убедительную, чем ее французские предшественники, картину действий российской армии в 1812 г. Рей начинает свое исследование с обращения к образам памяти об этой войне. По ее мнению, наиболее запомнившимся французам событием русской кампании стало отступление Великой армии, которому в свое время была посвящена полная драматизма повесть О. де Бальзака «Прощай». Продолжая тему памяти, историк отметила, что «местом» коллективной памяти войны 1812 г. для русских стало Бородино. Обращаясь к этой знаменательной

битве Рей отметила, что для Наполеона сражение при Бородино стало решительной победой после долгого ожидания встречи с русской армией на поле боя. Для Кутузова, по ее мнению, эта битва стала своего рода защитой национальной чести [Rey 2012: 143].

Описание историком пребывания Великой армии в Москве оказалось сложено из впечатлений французских солдат, которые вспоминали о городе, подожженном русскими. Французские солдаты с горечью наблюдали, как прекрасные церкви оказались охваченными огнем. Согласно отрывкам из мемуаров, которые приводит автор, французов возмутило, что русские оставили своих раненых на погибель в пылающем городе. Описывая отступление Великой армии, автор попыталась развенчать миф о «русской зиме» как основной причине поражения французов в России. Обратившись к событиям на Березине, Рей назвала их «победой в опасности» [Rey: 278].

Попытки переосмыслить либо подтвердить некоторые национальные мифы о войне 1812 г. зачастую происходят во французской науке в рамках микроисторических штудий. Ярким примером тому стала коллективная монография «Европейцы в Наполеоновской эпохе» [*Les Européens dans...*]. Авторы исследования задались амбициозной задачей проанализировать ход и смысл Наполеоновских войн через восприятие и судьбы обычных людей. В описании русской кампании авторский коллектив акцентировал внимание на повседневность в условиях боя, на потерях в сражениях от ран и болезней. На основе анализа полученных данных авторы пришли к выводу о том, что «русская зима» оказала значительно большее воздействие на разрушение Великой армии, чем боевые потери. В связи с чем, по мнению авторов, именно период отступления из России имел наиболее катастрофические последствия для Наполеона и, следовательно, стал самым памятным для многих поколений французов.

В 2012 г. была опубликована книга Ж. Брежона, посвященная русской кампании 1812 г. и отражению событий этой войны в сознании французского общества [Bregeon: 2012]. Описав военные действия, автор отметил, что наиболее знаменательными событиями 1812 г. стал пожар Москвы и переправа через Березину. Обратив пристальное внимание на отступление Великой армии, автор заметил, что на этом пути французы постоянно подвергались нападению маленьких групп казаков, но отнюдь не целой русской армии. Картины войны автор перемежает сюжетами из мирной жизни той эпохи. Перед взором читателя проходят отнюдь не только военачальники и солдаты, но и художники, композиторы и даже простые обыватели.

Использование микроисторического подхода во французской науке оказалось тесно связано с изучением судеб отдельных солдат Великой армии. В этом плане знаменательным событием стал выход монографии М. Руко и Ф. Удесека «От Немана до Березины: письма французских солдат о русской кампании» [Roucaud, Houdecek: 2012]. На основе неопубликованных архивных документов авторы воспроизвели биографии трех солдат, прошедших испытание русской кампанией 1812 г. Эти судьбы стали примером мужества, проявленного французами в период отступления из России.

Таким образом, историческая наука во Франции находится в переходном состоянии от систематического воспроизведения сложившихся стереотипов к «преодолению прошлого». С одной стороны, французские историки постепенно отказываются от сложившихся мифов в отношении «русской зимы» и событий на Березине. С другой стороны, во Франции продолжает господствовать научный концепт, связанный с представлением о русской кампании как столкновении варварства и цивилизации. Французские исследователи склонны подтверждать тезис о борьбе Великой армии с русской дикостью сюжетами ретирады из России, что, в свою очередь, способствует сохранению «великого отступления» в качестве сакрального образа в памяти Франции.

В распространении достижений исторической науки решающая роль принадлежит печати, тематическим телепередачам, историко-художественной литературе. Довольно популярная во Франции передача «Две тысячи дней истории» в 2012 г. представила французской публике документальный фильм «Наполеон и русская кампания» [*Napoléon et la campagne de Russie...*]. Авторский коллектив в подготовке сюжета ориентировался на новейшие научные исследования. 1812 г. предстал перед зрителем как череда трудных, кровавых сражений, необходимых, прежде всего, для защиты чести Великой армии. Бородинский бой изображен как кульминация побед Наполеона. Однако М.И. Кутузов, признавая превосходство неприятеля, вынужден был объявить о победе русских, дабы поднять дух своей армии. После Бородинского сражения на экране появляется Москва, объятая пожаром, который и привел Великую армию к разложению. Последние кадры передачи посвящены отступлению из России, ставшему моральной победой Великой армии и в то же время ее агонией. В одном из комментариев к передаче было сказано так: «Это была кровавая драма для Великой армии. И поэтому в нашей коллективной памяти Березина остается символом поражения, однако в то же время это была и наша победа, связанная с проявлением беспримерного мужества французских солдат».

Как правило, именно образ отступления, ставший наиболее памятным из всех событий войны 1812 г., формирует представления французского общества о русской кампании Наполеона. В этом плане показательным, что периодические журналы, обратившиеся к наполеоновской тематике в 2012 г., при упоминании русской кампании вспоминали лишь об отступлении. К примеру, в известном во Франции журнале «История» из всех сюжетов русской кампании отмечена лишь гибельная ретирада Великой армии [Historia: 2012]. В качестве визуального образа этого события была помещена репродукция картины Ж.Ш. Ланглуа «Сражение под Красным», в комментариях к которой авторы статьи отметили, что под воздействием голода, холода, атак казаков Великая армия потерпела поражение, но сохранила свою честь [Historia: 61].

В журнале «Русский взгляд», специализирующемся на сюжетах русско-французских отношений, была представлена серия статей, посвященных войне 1812 г. В отношении событий Бородина редакция журнала решила не останавливаться на подробном их описании, отметив только, что история битвы многократно переписывалась и искажалась. Редакция журнала, ссылаясь на последние исторические исследования, справедливо

упомянула, что итоги этого сражения были неоднозначны. Однако редакция, поддавшись внушительной силе традиций, все же отметила, что это событие принято считать французской победой. «Русский взгляд» привлек внимание французского общества к действиям российской армии и на Березине [Les leçons de Bérézina]. Коллектив авторов акцентировал внимание на том, что российские историки уже двести лет, осознавая незавершенность для русских операции на этой белорусской реке, обвиняют П.В. Чичагова в том, что он дал возможность Великой армии уйти. Авторы статей, следуя выводам французских историков и не подвергая сомнению факт победы Наполеона, рассуждают о пагубных последствиях блестящего военно-стратегического маневра французского императора так: «С одной стороны, бесспорно у нашей победы были катастрофические последствия, так как Великая армия прекратила свое существование. Наполеон понес огромные потери – между 25 и 40 тыс. человек согласно различным источникам. Русская армия захватила почти всю французскую артиллерию, обозы и взяла большое число пленных. Но, с другой стороны, русское командование, а именно фельдмаршал Кутузов, генерал Витгенштейн и адмирал Чичагов совершили несколько промахов, которые не позволили успешно реализовать их план. Наполеон и его гвардия смогли перейти Березину и вырваться из России» [Les leçons de Bérézina].

В символизации исторических событий одну из главных ролей всегда играло искусство. В последнее время огромное влияние на французское общество стали оказывать художественные романы П. Рамбо, посвященные Наполеоновской эпохе. Особой популярностью пользуется его произведение «Падал снег», повествующее о полном трагизме отступлении Великой армии. Продолжив традицию европейских писателей XIX в., Рамбо попытался проникнуть в переживания французских солдат, сопровождавших их на этом горьком пути из России. Писатель, сделав героями своего романа Наполеона, французских маршалов и простых солдат, показал достойное поведение Великой армии в последние дни русской кампании 1812 г. [Rimbaud: 2000]. Анализируя события на Березине, автор с восторгом написал о Наполеоне: «Он рисковал судьбой своей империи, но не отдал победу врагу» [Rimbaud: 236].

В литературе имя реки – «Березина» – давно используется как метафора безнадежной ситуации. В 2007 г. Х. Ле Теллер опубликовал художественный роман, где «Березина» стала названием психиатрической клиники, расположенной в Шотландии [Le Tellier: 2007]. Возможно, таким образом автор пытался показать всю безысходность ситуации, в которой оказались больные. Помимо метафорического названия Березина продолжает привлекать французских писателей и как историческое событие.

Историко-литературный очерк об отступлении Великой армии представил французский писатель Ж.К. Дамамм. В созданном им повествовании перед нами предстает борьба французского солдата за честь страны и императора. Кульминацией этой борьбы за сохранение чувства человеческого достоинства, по мнению писателя, стало сражение на Березине [Damamme : 2009]. Используя преимущественно французские мемуары и письма, он попытался описать события на Березине с историко-антропологической стороны, дабы понять и почувствовать трагедию человека. Описание сражения на правом берегу в традиционном для французской историографии ключе писатель закончил атакой кавалерии генерала Ж.П. Думерка. Однако, уделив внимание только военным действиям, в которых приняли участие французы, Дамамм все же отметил роль немецких и польских солдат: «В сражении на правом берегу немцы и поляки проявили героизм» [Damamme: 560]. Итог событиям на Березине писатель подвел одной емкой фразой: «Мы спасли честь своей армии». Причину привлекательности для беллетристов событий на Березине писатель П. Мишон объяснил так: «Это было историческое событие, наиболее затронувшее сердца французов» [Michon 2012: 69].

В сознании французов продолжает сохраняться иллюзия, связанная с представлением о том, что если бы Наполеон «не увяз» в снегах России, то Франция до сих пор управляла бы миром. Именно это, по нашему мнению, способствует постоянной актуализации сюжетов отступления из России в сознании французов. Одним из проявлений этой «иллюзии» стал выход книги экс-президента Франции Валерии Жискара Д'Эстена «Победа Великой армии». Ключевая мысль этого фантазийного произведения, которое может быть отнесено к жанру «исторической альтернативы», заключается в том, что если бы Наполеон не задержался в Москве на длительный срок, то он одержал бы победу над Россией и создал, в конечном итоге, более крепкий Европейский союз [В. Жискара Д'Эстен...].

Европейская идея как главный движитель политики Наполеона была представлена в известном романе писателя Макса Галло. По его мнению, Наполеон исключительно ради мира решил на русскую кампанию. Вслед за многими историками Галло высказал убеждение, что Наполеона победила только «русская зима». По этому роману М. Галло режиссер Ив Симано снял фильм «Наполеон», мгновенно ставший известным по всему миру, и прежде всего во Франции.

Образ Наполеона, представленный в фильме, внушает страх, уважение и сострадание одновременно. Развязывая очередную войну, Наполеон лишь преследовал цель укрепить положение Франции в мире и объединить вокруг нее европейские страны. Весьма симптоматично прозвучали в фильме слова, произнесенные обер-штальмейстером императора А. Коленкур: «Вся Европа стала французской!». Но эту европейскую идиллию нарушила русская кампания 1812 г., приведшая к распаду Великой армии.

Режиссер, не преследуя цель детально показать войну с Россией, воплотил на экране лишь памятный образ тех событий – отступление Великой армии по заснеженным просторам. На этом пути французы оказались во власти природной стихии. В ситуации безысходности французские солдаты пытаются оказать друг другу помощь, цепляются за любую надежду. Весьма красочно дан в фильме образ казаков, дикарей, с наслаждением убивающих ослабленных, безоружных французских солдат.

Театры Франции также не остались равнодушными к 200-летию 1812 г. Был поставлен музыкальный спектакль «Наполеон» с французским певцом С. Лама в заглавной партии. Центральной стала сцена, посвященная Бородинской битве. Накануне сражения Лама в образе Наполеона исполнил песню, в которой говорилось о любви и предан-

ности армии своему императору. Неожиданно раздался голос Александра I. Русский император спросил, на что Наполеон рассчитывает. Французский император уверенно отвечает: «Я рассчитываю только на успех». В зале разразились аплодисменты. Через двести лет после исторических событий, на сцене французского театра вновь «разгорелась битва». Теперь она длилась мгновение, но мгновение, которое пронзительно отразило особенность национального восприятия французами тех событий. Русская армия покинула поле битвы и освободила Наполеону дорогу на Москву. Великая армия, упоенная победой, входит в русскую столицу и мгновенно растворяется в дыме пожаров. После чего публика видит только отступление из России, которое сопровождается песней «Грусть» [S. Lama...].

Отражение войны 1812 г. в музыкальном творчестве является одним из главных факторов формирования памяти французов о тех событиях. Обращение к этому сюжету в музыке обусловлено, на наш взгляд, двумя основными факторами. Во-первых, со ставшим уже традиционным призывом предостеречь от развязывания военных конфликтов. А во-вторых, с желанием заявить о мужестве французов, проявленном ими в тех трагических обстоятельствах. Оба эти момента объединяются в образе Березины как символе мужества и в то же время символе смерти. Подобные темы звучат, к примеру, в творчестве С. Марсо (песня «Березина»), П. Перрета (песня «Это Березина»), группы «Ин мемориам» (песня «Березина»). В комментариях к этим песням французы, называя Березину великой драмой Франции, акцентируют внимание на том, что эта битва все-таки стала моральной победой Наполеона [Bérézina (par Sophie Marceau)...].

Одним из важных «мест памяти» русской кампании 1812 г. во Франции являются музейные выставки, которые представляют визуальные образы той войны. Центральное место среди подобных экспозиций занимает постоянная выставка в Музее Армии. Среди мундиров и предметов быта солдат особо выделяется эскиз панорамы Ж.Ш. Ланглуа «Сражение при Москве-реке», ставшей важным элементом формирования «французского» мифа о Бородинском сражении [Земцов: 2013]. И все же звуки научных дискуссий достигли залов и этой экспозиции. В текстовых комментариях выставки наряду с тем, что Бородино значит как победа французов, но Березина – как победа русских.

Помимо постоянной выставки в юбилейный 2012 г. в Париже появились временные экспозиции, посвященные русской кампании. В Версальском дворце прошла выставка «Наполеоновские войны. Луи Франсуа Лежен», на которой была представлена картина «Битва при Москве-реке». Стремясь перенести на полотно разновременные сюжеты сражения, художник подчеркнул идею безграничного самопожертвования солдата Великой армии во имя Франции. В качестве ключевого сюжета Лежен избрал кульминационный момент битвы – взятие Большого редута. На заднем плане картины французы атакуют сам редут, на переднем плане перед зрителем разворачивается семейная трагедия: Ж.А. Бастон де Ларибуазьер прощается со своим сыном, получившим смертельное ранение. Образы полотна вызывают к воображению и эмоциям зрителей, напоминая о той цене, благодаря которой Франция достигла своего могущества.

Визуальные образы истории дают нам представление о людях того времени, однако более глубокое постижение сознания человека прошлого возможно лишь путем абсолютного погружения в эпоху. Грандиозная военно-историческая реконструкция, разыгранная 2 сентября 2012 г. на Бородинском поле, возродила образы той войны спустя двести лет и стала своеобразным индикатором живучести национальных традиций [Bicentenaire de 1812...]. Делегации двух стран возглавляли президент России В.В. Путин и экс-президент Франции Валери Жискар Д'Эстен. Через несколько дней после реконструкции Жискар Д'Эстен дал интервью, посвященное русско-французским отношениям, радио «Эхо Москва». Проявив уважение к России как к великой стране, он отметил, что русская кампания 1812 г. стала важным шагом на пути поиска взаимопонимания двух народов. По мнению Жискар Д'Эстена, интерпретация результатов сражений этой войны как победы и Франции, и России способствует сближению этих стран.

Праздничные мероприятия на Бородинском поле, оживив в сознании французов память о русской кампании, привели к активному обсуждению этих событий на французских интернет-форумах. Французское общество выразило явную заинтересованность в исторических исследованиях событий войны 1812 г. Некоторые из участников дискуссий сообщили, что в последнее время в исторических исследованиях говорится о неоднозначности результатов как Бородинского сражения, так и битвы на Березине [Passion – histoire...].

Таким образом, отражение результатов исторических исследований в общественном сознании свидетельствует о решающей роли исторического сообщества в формировании «политики памяти» во Франции. Более того, любое государственное вмешательство в этот процесс расценивается обществом как попытка разрушить единую память нации. Отражение результатов исторической политики во Франции мы можем наблюдать на примере общего политического дискурса и особенностей школьного курса истории.

Начнем с того, что образы Наполеоновской эпохи активно использовал бывший президент Франции Н. Саркози для конструирования политической символики. Саркози обращался к памяти о великом императоре с целью создания собственного имиджа, для оправдания своих действий на европейской политической арене [Sarkostique...]. Однако результат оказался довольно неожиданным для президента. Французская общественность, проводя аналогии с правлением Наполеона, всячески пыталась внушить Саркози мысль о том, что ему не удастся достичь политического уровня французского императора.

В этом плане образы русской кампании возродились во Франции для характеристики неудачной политики Н. Саркози. Так, сделанное 2011 г. Н. Саркози заявление о начале вывода французских войск из Афганистана вызвало отклик в обществе в виде карикатур. На одной из них был запечатлен сюжет, напоминающий отступление Наполеона из России. Карикатуру сопровождала надписью «История продолжается». Каждый неудачный шаг Саркози на политической сцене сопровождался в периодической печати словом «Березина». К примеру, западным странам Н.

Саркози, активно взявшийся за реформирование Евросоюза, напомнил Наполеона, политика которого была направлена на «имперское» объединение Европы. Когда Саркози в 2007 г. принял активное участие в создании конституции Евросоюза, в газетах стран еврозоны было написано, что французский правитель вновь обещает спасти европейцев на Березине. В период жарких выборов, проходивших во Франции в мае 2012 г., одна газета зафиксировала, что кому-то из кандидатов придется пережить «Березину» [Bloc-notes: questions...].

Серьезные баталии, в ходе которых воскресали образы 1812 г., вызвало активное вмешательство Н. Саркози в школьный курс истории. Президент Франции, питая определенные надежды на политику мультикультурализма, стремился создать единое культурное пространство. В результате проводимого им курса в 2011 г. началось реформирование исторического образования во Франции. До этого момента школьный курс был направлен на изучение преимущественно истории Франции, что, по мнению президента, ущемляло интересы кругов мигрантов. С 2010 г. французское правительство начало разработку реформы исторического образования, решив увеличить количество часов на изучение истории Африки, Азии за счет ключевых исторических событий для французов – эпохи Людовика XIV и Наполеона I.

В обновленных учебниках войны эпохи Наполеона оказались представлены довольно обобщенно. Отказавшись от описания конкретных войн и сражений, в учебниках стало повествоваться лишь о том, что Франция воевала без перерыва, преследуя цель распространения идей революции в Европе. Вместе с тем в учебнике отмечено, что Наполеон одерживал победы во всех сражениях. Русской кампании 1812 г. не было отведено ни строчки [Histoire. Géographie]. Разница в образовательных программах составила 6 страниц, из-за которых начались бурные дискуссии [Реформа курса...]. Протестующие заявляли, что эта «абсурдная реформа» связана с порочной политикой мультикультурализма и призывали приобщать мигрантов к истории и культуре Франции, а не демонстрировать «толерантность».

Чрезмерная героизация образа Наполеона при сокращении фактологического материала вызвала сомнения общественности на счет предложенного варианта презентации исторических событий. Откликом общественности на процесс использования истории в формировании патриотизма явилась карикатура, изображающая беседу Гитлера с Наполеоном. Гитлер высказывает мысль о том, что скоро французский император совсем исчезнет из памяти европейцев. Наполеон в ответ замечает: «Скоро в учебниках истории будут писать о положительной роли нацизма, колониализма». «Фальшивый» патриотизм Саркози стал одной из причин недовольства общественности Франции своим президентом. Предрекая скорый конец его правления, периодическая печать окрестила реформу образования Саркози известным французам словом «Березина».

Таким образом, современное научное и образовательное пространство Франции демонстрирует вариант естественной трансформации образов прошлого. Формированием «политики памяти» о русской кампании управляют историки, которые неустанно подтверждают либо корректируют устоявшиеся научные положения. Вполне очевидно, что именно под воздействием исторической науки французское общество в последние годы стало подвергать сомнению некие «истины» своей памяти о войне 1812 г. Данный процесс свидетельствует о том, что юбилейные мероприятия привели эту нацию к «преодолению прошлого» и в очередной раз подтвердили значимость историка в этой стране. В свою очередь, вмешательство государства, предлагающего обществу «фальшивый» патриотизм, вызывает протест французов, в воображении которых актуализируются карикатурные аналогии современных правителей с образами властителей прошлых эпох. Проанализировав трансформацию образа «русской кампании» в современной Франции, невольно убеждаешься в том, что только естественный процесс трансформации прошлого создает единую память нации, а историческая политика приводит лишь к ее разрушению.

ЛИТЕРАТУРА

- Жискар В. Д'Эстен. URL: <http://www.inopressa.ru/article/20Jun2013/abc/giscard.html>.
- Земцов В. Н. Ж.-III. Ланглюа и его панорама «Битва при Москве-реке» // История. 2013. №1 (17).
- Как новые учебники истории игнорируют великих исторических личностей. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/comment-nouveaux-manuels-histoire-ignorent-grands-personnages-historiques-laurent-pinsolle-476300.html>.
- Реформа курса. URL: <http://www.defrancisation.com/reforme-des-cours-histoire-francois-ier-henri-iv-louis-xiv-et-napoleon-vires-programmes-scolaires/>.
- Bérézina (par Sophie Marceau) – fiche chanson; In memoriam 1812. URL: <http://www.youtube.com>.
- Bicentenaire de 1812: une reconstitution d'envergure de la bataille de Borodino. URL: <http://fr.ria.ru/video/20120903/195942523.html>.
- Bloc-notes: questions sur le scénario arrêté d'un imprévisible scrutiny. URL: <http://blog.lefigaro.fr/rioufol/2012/04/bloc-notes-questions>.
- Boudon J. O. Napoléon et la campagne de Russie 1812. P., 2012.
- BREGÉON J. J. 1812 : la paix et la guerre. Paris, 2012.
- Damamme J. C. Les aigles en hiver Russie 1812. P., 2009.
- Histoire. Géographie. P., 2011.
- Lama S. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=8s8eRE7fC2E>.
- Le Tellier H. Je m'attache très facilement. P., 2007.
- Les Européens dans les guerres napoléoniennes. Toulouse, 2012.
- Les leçons de Bérézina. URL: <http://french.ruvr.ru/>.
- Michon P. «Le plus beau détail est dans Stendhal» // L'histoire. Mars. 2012. № 343.
- Napoléon et la campagne de Russie (1812). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=3-GGHaWWq7A>;
- http://www.prorussia.tv/La-campagne-de-Russie-de-1812-Extrait-d-un-film-disponible-en-integralite-sur-La-Voix-de-la-Russie_v217.html.

Napoleon. URL: <http://www.lebreviairedespatriotes.fr/28/01/2014/culture/napoleon-symphonique-loratorio-qui-va-faire-renaitre-lempereur/>.
Passion – histoire. URL: <http://www.passion-histoire.net/viewtopic.php?f=55&t=29954&start=60>.
Rimbaud P. Il neigeait. P., 2000.
Rey M. P. L'effroyable tragédie: une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P., 2012.
Roucaud M., Houdecek F. Du Niemen à la Bèrèzina. P., 2012.
Sarkostique. URL: <http://sarkostique.over-blog.com/article-19804676.html>;
<http://voyageurdesprairies.free.fr/blog/index.php?Politique>.

В. В. Решетникова
Москва, Россия

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И СВЯЗЬ ЕГО С АДАПТАЦИЕЙ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАНЦЕВ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ВУЗА

Аннотация. В статье идет речь о неразрывной связи межкультурной коммуникации с адаптацией иностранных студентов в российском вузе, о создании условий для того, чтобы иностранные студенты приобретали опыт межкультурного общения, развивали умения и навыки общения с представителями других национальностей. Анализируется психологическая и педагогическая роль преподавателя в процессе адаптации.

Ключевые слова: адаптация иностранных студентов, межкультурная коммуникация, педагогическое общение.

V. V. Reshetnikova
Moscow, Russia

THE PROCESS OF FORMATION CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND ITS CONNECTION WITH FOREIGN STUDENTS' ADAPTATION AT RUSSIAN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

Abstract. The article refers to the seamless connection of intercultural communication with the adaptation of foreign students in Russian universities, the creation of conditions to ensure that foreign students have gained experience in cross-cultural communication, develop skills of communication with representatives of other nationalities. The psychological and pedagogical role of teacher in the process of adaptation has been analyzed.

Keywords: adaptation of foreign students, cross-cultural communication, pedagogical communication.

В последние годы возрастает особый интерес к проблемам исследования русского языка как иностранного в высших технических учебных заведениях Российской Федерации и усиливается внимание к разработке теоретических основ методики преподавания этой дисциплины.

Современному обществу, в котором сосуществуют представители различных национальных культур и психологических укладов, присущ полиэтнический характер. Это объясняется значимостью проблем, связанных с преодолением некоторых особенностей и трудностей, присущих межкультурной коммуникации участников образовательного процесса. Создание благоприятных условий для взаимообогащения культур является наиглавнейшим фактором успешного общения представителей разных наций.

Особенно остро чувствуется значительное влияние всемирной глобализации, интернационализации и интеграционных процессов, которые охватывают современное мировое сообщество. Одной из задач современного образования в такой ситуации становится создание условий для того, чтобы иностранные студенты, обучающиеся в российских вузах, приобретали опыт межкультурного общения, развивали умения и навыки общения с представителями других национальностей.

Цель поликультурного образования состоит в создании, установлении и развитии гармонии в отношениях между членами различных этнических групп; изучении традиций родной культуры, процесса переработки этих традиций в рамках новой культуры; предоставлении помощи и поддержки представителям культур, которые контактируют, воспитании взаимной открытости, интереса и терпимости.

Межкультурную коммуникацию в ряде научных трудов определяют как форму коммуникации и совокупность специфических процессов взаимодействия двух или более представителей различных культур, при котором происходит обмен информацией и культурными ценностями (Л. Самовар, В. Гуликунст, Йандт, С. Тинг-Туни, И. Халеева, Н. Шамне); специфический вид деятельности, которая не ограничивается знаниями иностранных языков и требует знаний материальной и духовной культуры другого народа, религии, ценностей, мировоззренческих представлений (В. фон Гумбольдт, О. Потебня).

Е. Тарасов отмечает, что участники межкультурного общения формируются в результате овладения этническими культурами, что влечет отсутствие оптимальной общности знаний о мире, необходимых для одинакового понимания языковых/неязыковых знаков. Так, коммуникативный процесс частично обеспечивают психические функции, такие как мышление, память, сознание, язык [Тарасов 1998: 7–22].

В процессе формирования межкультурной коммуникации роль невидимого фактора могут выполнять знания, представления, мысли человека об объективной действительности. Успешная межкультурная коммуникация подразумевает «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащим к разным национальным культурам» [Халеева 1989: 8]. Необходимость формирования практических навыков при обучении языкам неоднократно подчеркивалась еще в работах академика Л. В. Щербы: «Важно осознать те практические задачи, которые могут быть поставлены перед нами жизнью в области знания этих языков, и разные типы этого знания» [Щерба 1974: 313].

Межкультурная коммуникация иностранных студентов формируется в неразрывной связи с их адаптацией. Студент, попадая в новые для него условия жизни, испытывает значительные трудности. Иностранному студенту необходимо привыкнуть к новым климатическим и бытовым условиям, к изменению социального окружения, к новой образовательной системе, к новому языку общения, к интернациональному характеру учебных групп.

Эффективность обучения студента-иностранца зависит от того, насколько успешно он адаптируется к новому окружению. Преподавателям хорошо известно из опыта, что в начале обучения студенты испытывают много трудностей. В течение первого месяца пребывания иностранцам труднее привыкать: к «чужой» социальной среде, необходимости говорить по-русски, отсутствию родных и друзей, жизни в студенческом общежитии, к другому климату, новому питанию и воде. Но когда начальный период заканчивается, многие студенты продолжают жаловаться на усталость, плохое самочувствие, апатию. Обычно считают, что это связано с необычной сложностью русского языка или со сложностью системы обучения, или со способностями самих студентов, с массой субъективных факторов, затрудняющих ситуацию. Правомерным кажется предположение, что причина совсем в другом, а именно в адаптации, которая не заканчивается в первые месяцы учебы, а длится долго и зачастую трудно.

Понятие адаптации – одно из основных в биологии. Это процесс, направленный на сохранение гомеостаза (состояния стабильности организма), суть которого в приспособлении организма к условиям среды [Рыбаченко 1999: 118–124]. Процесс физиологической адаптации состоит из трех фаз: нарушения гомеостаза, разрушение старой программы, формирование новой программы. Неполное прохождение этих трех фаз или «застывание» на второй фазе означает осложненную или, соответственно, неполную адаптацию [Виттенберг 1995: 50]. «Маркерами» этого состояния могут быть такие признаки, как повышение реагирования на любые нагрузки, ухудшение самочувствия или возобновление старых заболеваний [Битянова 2001: 420].

Адаптация происходит при взаимодействии факторов внешней среды и организма человека. Эти факторы, в которых происходит адаптация, могут быть экологическими, физиологическими, социальными, психологическими, профессиональными. Адаптация студентов к условиям обучения в вузах имеет, конечно, свою специфику, а основной составляющей проблемы адаптации считают преодоления «дидактического барьера», то есть перестройку школьного отношения к учебному процессу.

Иностранцы, приезжающие в другую страну, испытывают влияние климата, связанное с изменением климатических зон и, возможно, сбой биоритмов из-за изменений часовых поясов. К этому могут добавляться и неблагоприятные погодные условия. В крупных городах – это и состояние воздуха, его загазованность, превышение допустимых значений по многим параметрам и т.д. Все это в целом определяется как экологические условия, или экологическая ситуация.

Следующий фактор влияния – питание. Будем говорить о студентах, живущих в общежитии и вынужденных пользоваться кафе и столовыми. Необычным может быть вид пищи, ее вкусовые качества, может быть недостаточным ассортимент блюд и продуктов. Кроме физиологических факторов, не могут не влиять социальные факторы, то есть новая, а скорее «чужая» социальная среда. Известно, что некоторые студенты, если не все, испытывают после приезда «культурный шок». Возникает когнитивный диссонанс между заочными представлениями учащихся о культуре и очным, даже очевидным, что, к сожалению, встречается, бескультурьем на бытовом уровне, особенно в магазинах, транспорте, то есть в местах, которые они часто вынуждены посещать.

Основным фактором, к которому нужно адаптироваться, является учебный процесс. При обучении иностранных студентов преподавателю необходимо строить педагогическое общение с учетом ряда факторов, основным из которых является специфический межкультурный характер общения студентов с преподавателем. Особое место в построении педагогического межкультурного общения отводится начальному этапу обучения иностранных студентов, который является сложным и неоднозначным периодом адаптации и социализации. К его особенностям следует отнести новую социокультурную среду, значительные психологические, эмоциональные, физические нагрузки, интенсивный характер обучения, профессиональную направленность обучения, значительную учебную занятость студентов, преемственность на горизонтальном и вертикальном уровне, то есть между предметами и между этапами, координация обучения между учебными дисциплинами и т.д.

Общение между преподавателем и иностранными студентами как представителями разных культур может происходить в различных ситуациях, быть успешным или, наоборот, приводить к культурному шоку. В этот период очень важны поведение и позиция преподавателя, который должен помнить о недопустимости давления, назидательности. Ему необходимо проявить особый такт, полностью избегать навязчивой пропаганды другой культуры. Главным в этот период является не пропаганда национального, не противопоставление, а сопоставление различных культур и утверждения мысли, что культура сближает народы. Преподавателю, который работает с иностранцами, необходимы такие качества, как коммуникабельность, умение справиться со стрессом, умение преодолевать психологические барьеры в общении, владение специальными техниками общения [Азарова 1996: 25–28].

В связи с тем, что современный университет – это поликультурное пространство, в котором происходит диалог культур представителей разных народов, преподаватели высшей школы должны владеть организацией

межнационального и межкультурного общения. При моделировании педагогических ситуаций необходимо учитывать национальный менталитет иностранных учащихся.

В новых условиях преподаватель вуза должен не просто дать студенту сведения о лексике и структуре русского языка с целью извлечения информации из русскоязычного текста, но и обучить его грамотному применению русского языка в различных коммуникативных ситуациях.

Таким образом, можно сделать вывод, что адаптация иностранных студентов определяется целым комплексом факторов социального, психологического, физиологического характера. Основные трудности не заканчиваются за первое полугодие, а протекают довольно длительное время. Кроме того, не у всех студентов этот процесс протекает одинаково, а зависит от индивидуальных особенностей каждого. Организация профессионально-педагогического общения с иностранными студентами требует от преподавателя совершенствования психолого-педагогической подготовки, знания теории и практики межкультурной коммуникации и достаточных теоретических знаний в области этнопсихологии и этнопедагогики.

ЛИТЕРАТУРА

- Азарова Л. Е., Рябоконь О. В. Гуманизация учебного процесса и современные тенденции в языковой подготовке иностранных студентов вузов Украины // Вестник Винницкого политехнического университета. 1996. № 3. – 238 с.
- Битянова М. Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 576 с.
- Витгенберг Е. В. Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям. СПб., 1995. – 297 с.
- Рыбаченко Л. И. Адаптационный процесс иностранных студентов на начальном этапе их обучения // Наука и современность : Сб. науч. тр. К. : НПУ им. М. П. Драгоманова, 1999. – 244с.
- Тарасов Е. Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание. Формирование и функционирование. М., 1998. – 226с.
- Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М. : Высш. шк., 1989. – 236с.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. – 426 с.

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

ГИБРИДНОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ФЕНОМЕН: К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЧЕСКОМ БЛОКИРОВАНИИ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Аннотация. Рассматриваются полидискурсивные или гибридные тексты, в основе которых лежит пересечение дискурсов по разным основаниям.

Ключевые слова: дискурс, стратегии, политический дискурс.

N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

HYBRID TEXT AS A DISCURSIVE PHENOMENON: TO THE PROBLEM OF STRATEGIC BLOCKADE OF UNDESIRABLE POLITICAL COGNITIONS

Abstract. The article deals with poly-discursive or hybrid texts based on confluence of various kinds of discourse along different lines.

Keywords: discourse, strategy, political discourse.

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ: проект № 14-04-00268
«Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования
и перспективы развития научного направления»*

После выхода работы В. Г. Костомарова «Языковой вкус эпохи» в лингвистике прочно укоренилось представление о том, что стилистический вкус эпохи «характеризуется принципиальной ставкой на смешение, совмещение, сочленение любых единиц языка, на крайнюю неоднородность языковой формы общения, на гетерогенность каждого отдельного текста» [Костомаров 1994]. В свою очередь, мы исходим из мысли, что одной из важнейших тенденций современного текстообразования является не только смешение и совмещение языковых единиц, но и совмещение признаков и возможностей разных дискурсов в рамках одного произведения речи. Такие тексты можно назвать полидискурсивными или гибридными: в их основе лежит пересекаемость дискурсов по одному или нескольким основаниям.

Политический дискурс чаще всего пересекается с публицистическим дискурсом а) по прагматическому основанию (однотипность стратегий и тактических схем); б) по жанровому основанию (первичные публицистические жанры, лежащие в основе их модифицированных вариантов в политическом дискурсе); в) по интен-

циональному основанию (ведущей функции воздействия в обоих дискурсах). Приведем мнения, подтверждающие факт пересеканности дискурсов.

Н. И. Клушина выделяет важнейшие для публицистического дискурса стратегии: апологетическую и дискредитационную: «Именно эти стратегии лежат в основе типологического деления публицистических текстов на тексты оппозиционные (доминирование стратегии дискредитации), комплиментарные (с ярко выраженной апологетической стратегией) и нейтральные (с невыраженностью стратегий в информационном пространстве массовой коммуникации или же с имплицитной, тщательно вуалированной одной из стратегий в публицистическом пространстве медиадискурса» [Клушина 2012: 271]. По крайней мере, две из указанных стратегий дискурса СМИ (апологетическая и дискредитационная) являются ведущими и для политического дискурса, о чем говорится в целом ряде работ [Олянич 2003, Руженцева 2004 и др.].

А.Д. Кривоносов, исследуя дискурсы связей с общественностью, выделяет в его жанровом корпусе ряд медиатекстов. Два из них (имиджевая статья и имиджевое интервью) – это вторичные ПР-тексты, имеющие в основе традиционные жанры газетно-журнальной публицистики. Их современные модификации активно используются не только в дискурсе связей с общественностью, но и в собственно политическом дискурсе, о чем пишет сам автор: «В центре внимания политического интервью находится социально значимая персона – политик, деятель бизнеса и культуры» [Кривоносов 2002: 247].

Воздействующая функция дискурса СМИ, наряду с функцией информационной, давно уже признана ведущей. Применительно же к политическому дискурсу применяется не только термин «воздействие», но и термин – «действенность дискурса»: «... Цель политического дискурса – не останавливаться на положении дел... а дать массам основу для изменения убеждений и побудить их к действию. На фоне такой цели и оценивается эффективность политического дискурса» [Демьянков 2012: 104].

Глубинно заложенная в политическом дискурсе способность (готовность) пересекаться с иными (не только с дискурсом СМИ) видами дискурса обуславливает и его способность совмещаться с другими дискурсами в рамках одного или ряда текстов, образуя полидискурсивное (гибридное) произведение речи. Попытаемся доказать данную мысль на примере книги Л. Васильевой «Дети Кремля» (М.: Атлантида, 1996), являющейся продолжением известнейшей книги этого же автора «Кремлевские жены».

Данная книга представляет собой «текст, по своему характеру направленный на внушение»; такой текст «должен учитывать систему взглядов потенциального интерпретатора» [Демьянков 2012: 105]. Как следствие – книга Л. Васильевой имеет ярко выраженный полидискурсивный характер: в ней сочетаются элементы публицистического, политического, биографического и автобиографического (мемуарного) дискурсов. В свою очередь, возможность совмещения четырех дискурсов имеет стратегическое основание. Общий стратегический замысел книги отражает ее ярко выраженную антисталинистскую и антикоммунистическую направленность, а цель книги Л. Васильева формулирует так: *«Если все мы в этой стране в двадцатом веке изначально кремлевские дети, с привилегиями и без оных, рожденные великим и страшным временем, и все, что происходит за стенами Кремля, происходит с каждым из нас, то есть надежда: заглянув внутрь зубчатые стены нетрудно понять, что ждет нас в будущем, чего следует опасаться, а что – предупредить. Каждый может сделать это сам».*

Книга Л. Васильевой вышла в свет в 1996 году, когда в России были еще очень сильны прокоммунистические и сталинистские настроения, и замысел автора связан как с их блокировкой, так и с трансформацией массовых представлений об ушедшей эпохе, то есть с изменением модели мира адресата. Модель мира человека сталинской эпохи, просуществовавшую до 90-х годов XX века, Л. Васильева характеризует так: *«Кончилось детство? Да, и не только для меня. Оно завершилось для миллионов взрослых людей, приученных жить под тенью одной фигуры. И кто верил, и кто как будто все понимал, кто на нарах клял «усатого деспота», надеясь на пришествие светлого дня, кто удержался на высотах и пользовался привилегиями – все жили по законам гигантского лагеря, где точно расписано: что можно, что нельзя, куда идти, кого любить, кого ненавидеть. Так, кто шел наперекор расписанию, был «плохой мальчик», достойный сурового наказания».*

Однако массовые представления – вещь очень устойчивая, так как велик их масштаб и глубина охвата: «Носителями массовых представлений... является социальная группа, а субъектом – культурно-историческая общность, объединенная сопредельной территорией, культурой, историей, языком, информационным пространством, сходством обычаев, мифов. И сходство это создается всеми представителями этой общности» [Зарецкая 2002: 606]. Поэтому блокировка и трансформация массовых представлений сделаны в книге Л. Васильевой не только на сложном полидискурсивном основании, но и с использованием стратегического потенциала четырех взаимодействующих дискурсов. Дискурсивная гибридизация имеет следствием образование конгломерата, дискурсивной амальгамы; текстовые реализации дискурсов, пересекаясь, «работают» на реализацию авторской концепции всего произведения. Попытаемся проиллюстрировать это на лингвопрагматическом уровне анализа текста, включающем исследование коммуникативных стратегий, используемых автором.

В книге Л. Васильевой текстовые фрагменты, соотносимые с тем или иным дискурсивным форматом, реализуют а) стратегию дискредитации; б) стратегию редукционизма; в) риторическую стратегию, «в рамках которой используются различные приемы ораторского искусства и риторические техники воздействия на адресата» [Иссерс 1999: 106-107].

Стратегия ДИСКРЕДИТАЦИИ (ведущая стратегия в рамках «игры на понижение» по отношению к сталинской и послесталинской эпохам и ее представителям, постоянно реализуемая в ироническом ключе).

Биографический компонент:

*Три месяца Василий (Василий Сталин. – Н.Р.) жил в Москве, постепенно входя в прежний ритм жизни: люди из Грузии, бутылки... Его звали в Грузию на шикарную жизнь. Объявилась даже немолодая грузинка, готовая ехать с ним в Сухуми законной женой.

*В 1949 году его (В. Кочнева. – Н.Р.) исключили из партии «за потерю бдительности», что означало: за женитьбу на дочери давно расстрелянного «врага народа».

И Вета решилась – отправилась в Москву.

Дочь Гамарника надеялась добиться справедливости, она везла с собой несколько писем в официальные органы и одно – лично товарищу Сталину.

«Надо – сажайте меня, но при чем тут мой муж? Он воевал, он имеет семнадцать благодарностей лично от вас, товарищ Сталин, он награжден орденами и медалями, он потерял на войне отца и брата, чем же он провинился перед Отечеством?» – писала Вета.

Иосиф Виссарионович внял просьбе дочери своего расстрелянного военачальника, четко исполнил ее: спустя две недели после отправки этого письма Валентина Кочнева восстановили в партии, еще через две недели арестовали Вету...

Вета – Виктория Яновна Гамарник получила десять лет ссылки в Красноярский край как «социально опасный элемент» - так в сталинские времена определялись проститутки. В обществе женищин такого рода ехала Вета в ссылку «столыпинским вагоном» с решетками вместо дверей.

Мемуарный компонент:

*Сталин был для нас отцом народов. Мое поколение благодарило его за счастливое детство – это походило за благодарение Богу за насущный хлеб.

Потом его объявили тираном, убийцей, вурдалаком».

Политический компонент:

*Политические субъекты (окружение Сталина): Сталина окружали соратники: Киров, Орджоникидзе, Енукидзе, Калинин, Молотов, Ворошилов, Каганович и другие.

Сначала все гляделось как бы единым дружным миром, но вскоре сталинская метла пошла мести.

При загадочных обстоятельствах был застрелен Киров.

Официально покончил с собой, а по слухам, был убит Орджоникидзе.

Енукидзе достались тюрьма и расстрел.

Ушла в тюрьму жена Калинина, обвиненная в троцкизме.

У Ворошилова в семье оказалась своя червоточина: сел в тюрьму отец жены ворошиловского приемного сына.

С родственниками Сталин не слишком торопился, хотя очевидно, что к 1937 году они стали раздражать его своим присутствием, обычными домашними интригами, а некоторые и природной независимостью.

*Высказывания политиков (контексты самодискредитации):

Его (Брежнев. – Н.Р.) дочь Галина и сын Леонид – последние кремлевские дети, в сущности, победившие отцов своим стремлением к отвержению всякой идеи, кроме одной: быть богатыми, быть счастливыми, быть свободными, отдыхать где и с кем хочу, пить сколько хочу и забыть о коммунизме, который их отец в тесном семейном кругу припечатал такими словами:

«Вся эта чепуха о коммунизме – сказка для народа. Ведь нельзя же оставить людей без веры. Отняли церковь, расстреляли царя, должна же быть какая-то замена. Так пусть люди строят коммунизм».

Публицистический компонент (проявляется в повышенной степени авторизации дискурса, множественных репрезентациях авторского «я», в иронических автокомментариях и размышлениях, продвигающих рассуждение):

*Проведя не один час над «делами» Калининой, Жемчужиной, Руслановой, Окуневской, Егоровой, Буденной и других, могу не только подтвердить слова Киры Павловны (Политковской. – Н.Р.) но и кое-что добавить...

Стиль тюремных держиморд целиком поглощал индивидуальность той или иной личности, сидевшей перед ним. Следователей сороковых всегда интересовала одна и та же тема – интимная жизнь допрашиваемых, ее подробности, не имеющие никакого отношения к «делам шпионок». Что это было? Почему? Извращенность следователей или, наоборот, скованность их? Они определенно фантазировали на страницах «дел» безнаказанно изливая свои тайные неудовлетворенности и комплексы.

Стратегия РЕДУКЦИОНИЗМА

Стратегия редукционизма понимается как «комплекс операций над моделью мира реципиента. Обозначенный процесс схематично представлен следующим образом: Сложное – проблема в том виде, какой бы она имела, если бы обсуждалась в научном дискурсе) - Редукция (переход на уровень обыденного сознания, предполагаемый у электората) – Простое (огрубленная, лишенная акцентов проблема, получающая такой вид в политическом тексте» [Миронова 2003:9]. Со своей стороны мы считаем, что редукция может проявляться и в предельной обобщенности, неконкретизированности суждений, и в неполноте информации (подмене фактов автокомментарием, а также домысливанием ситуации), и в тенденциозном ее отборе: нужные для реализации авторского замысла факты выдвигаются на передний план (поверхностный уровень текста), а то, что противоречит этим фактам игнорируется, элиминируется. Суждения при редукции информации часто носят вероятностный, бездоказательный характер. Проиллюстрируем редукцию информации в тексте книги Л. Васильевой.

Биографический компонент:

*Редукция биографической ретроспективы:

В мае 1941 года, накануне войны, Якова Джугашвили назначают командиром артиллерийской батареи.

22 июня 1941 года Яков прощается с отцом перед уходом на фронт. Он отправляется в Белоруссию. Мог ли остаться где-нибудь в штабе? Мог ли подальше от линии фронта? Некоторые думают – мог. Думаю – нет, Потому, что это было исключено для его честной натуры, и потому, что отец не сделал ни одного движения хоть как-то облегчить его первые дни на войне.

Иди и сражайся, - сказал сыну Сталин.

Пошел, не послушался.

*Редукция биографической перспективы:

*Матроска пришла к Лютику (сыну Каменева. – Н.Р.) в пору. Откуда было знать умиленной матери, что вместе с матроской убитого ребенка Раскольников и Рейснер надели на Лютика судьбу царевича Алексея.

Мемуарный компонент:

*Вероятностный характер, недоказанность суждений:

В школе моей юности задавал писать сочинение: «За что враги убили Горького?». Нужно было рассказать о произведениях «буревестника революции», ненавистных троцкистам и бухаринцам, и доказать, что именно за прекрасные произведения враги уничтожили автора. Меня тогда удивляло: ведь Горький уже давно написал свои главные произведения, почему троцкисто-бухаринцы спохватились убивать его в середине тридцатых?

Несвоевременные мысли Алексея Максимовича создавали нежелательное для Сталина общественное мнение.

Зачем Сталин завлек Горького с семьей в свой капкан? Надеялся приручить его? Надеялся. Особенно мог ли подогревать его желание видеть Горького в СССР давние расхождения писателя с Лениным. «С Ильичом разошелся – со мной сойдется», - мог думать Сталин, и эта мысль могла тешить его самолюбие. В общем-то он, судя по всему, брезгливо относился ко многим людям, считая, что они подкупны. Даже Коллонтай он купил. А с Горьким ошибся.

*Привлечение внимания лишь к самой значимой информации, элиминация подробностей:

Путь к сталинскому гробу и давка на Трубной площади – отдельная тема. Я провела в том аду больше суток, мать искала меня по моргам.

Политический компонент:

Схематическое, с большой долей вероятности описание участия отца (Н. Хрущева) в судьбе сына – Леонида Хрущева:

Попыталась я сделать схему всех версий. Сначала попал в дурную компанию (версия Серго Берия), пришлось вытаскивать и не удалось из-за этого закончить академию Жуковского, отец от греха отправил его на периферию (версия личного дела Леонида Хрущева). Потом в войну лежал в госпитале и там застрелил чело- века (версия Рады, Степана Микояна, генерала Докучаева), потом летал в истребительном батальоне, попал в плен, его обменяли, но он в плену так себя вел, что у своих ему полагался расстрел (версия генерала Кузовле- ва)... Семья, возможно, знает все. И вряд ли хочет раскрываться. А зря – это семья Никиты Хрущева, кото- рому сплетни приписывают разоблачение культа Сталина только как месть за сына. Раскрытие той или иной правды развеет все наши бестактные поиску и стремления преодолеть путаницу в истории.

Публицистический компонент:

Предельная обобщенность и субъективность характеристики сложнейших процессов в искусстве:

Пришли отцы – Сталин со своими помощниками, Хрущев, Брежнев. Раздвоенные искусства отцовского времени: подбострастные и официальные и тут же противостоящие, мучительные – отражали процесс.

РИТОРИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Сущность риторической стратегии неразрывно связана, как мы считаем, с феноменом авторизации дис- курса, со стремлением автора к максимальному самовыражению и, как следствие» - со стиливой свободой, для достижения которой используется весь репертуар выразительных средств языка и речи.

Биографический компонент (использование риторических фигур, повышенная степень негативной оце- ночности, подмена фактологических аргументов аргументами-мнениями):

*И еще существенная деталь советской элиты: те, на кого привилегии распространялись, происходили в основном тоже из народа. Барьер между Сталиным, Кагановичем, Хрущевым, Буденным, их охраной и обслу- гой изначально был невелик: это оцущали обе стороны барьера и те и другие.

Иногда – в положительном плане: «вышли мы все из народа».

Иногда – в отрицательном. Тогда с одной стороны было презрение к обслуге: «все они воры и лизоблю- ды», с другой – презрение к вождям: «из грязи в князи».

*Капризный принц (В. Сталин. – Н.Р.) представлял собой жалкую фигуру – о таких говорят: «молодец на овец, а на молодца – сам овца».

Мемуарный компонент (метафоричность текста):

*Надвигались тучи. Они сгустились в марте, когда в день смерти Сталина я написала о нем стишок- плач. Отец моей соседки тут же отнес его в райком партии как пример вредного сочинения.

Политический компонент

Использование анафоры для усиления выразительности текста: *При Сталине дети Каменева, Бухарина, Троцкого, Уборевича, Тухачевского, Егорова и других ответили.*

При Хрущеве дети Берия, Маленкова и иже с ними тоже пусть не так страшно, но ответили.

При Брежневе и Сергей Хрущев, и Аджубей, и другие, еще мягче, - ответили.

Публицистический компонент:

*Интригующий или иронический характер заголовков и подзаголовков:

Сыновья и сынки Иосифа Сталина

Кавказский пленник

Принц Вася

Загадочный сын

Сомнительный сынок

*Метафоричность текста:

Хрущев повел детей на простор, но завел в углы, ибо не знал дороги к простору. Следом за ним Брежнев старался удерживать их в углах, а когда сын века Горбачев, не без осторожности, все же разрушил углы, то выяснилось: идти некуда.

Простор – лишь иллюзия, странный сон в летнюю ночь или дрема в летние сумерки.

Кто-то побежал бы назад, но углы разрушены, а крепость закрыта. Впереди – неизвестность.

*Ироничность текста, в том числе - иронический автокомментарий:

И не странно ли – большевики, потрясающие основы, строили свои фундаменты на старой, доброй, обыкновенской нравственности: тех же щей пожисже влей.

*Использование риторических фигур, негативно-оценочной лексики, прецедентных текстов:

В хрущевские времена кремлевский тип расслабился, и в брежневские расслабление продолжалось: тела взбухали, люди становились похожи на взбесившееся тесто. Пузатые начальники и жены – «там, где брошка, там перед», - переваливаясь, бродили по кремлевской поликлинике и по аллеям загородной больницы с надеждой похудеть. Носили бриллианты. По два-три на каждом пальце.

Вслед за Е.Н. Зарецкой мы считаем, что замысел автора представлен четверкой: «цель – замысел – текст – реакция» [Зарецкая 1998:107]. В свою очередь, блокировка нежелательных представлений (политических или иных) и получение желательной адресанту сообщения реакции напрямую связаны с двумя когнитивными процессами – вытеснением (в данном случае - советской модели мира, сформированной в сталинское и послесталинское время) и замещением ее моделью общечеловеческой: «Все партии, все национальные розни, все политические противостояния – накипь и пыль, коррозия и короста. Тяжелые болезни человечества. Подлинны лишь люди, их жизни и смерти, их отношения, их микромиры». Эти процессы реализуются в книге Л. Васильевой посредством а) гибридизации четырех дискурсов и сочетания соответствующих им текстовых фрагментов; б) пересечения, наложения, совмещения трех ведущих стратегий; в) иронической тональности, метафоричности и негативной оценочности, пронизывающих весь текст. Сказанное усиливает действенность гибридного дискурса, в комплексе реализующего заданную автором проекцию и трансформирующего модель мира адресата в соответствии с авторским замыслом.

ЛИТЕРАТУРА

- Демьянков В.З. Исследование текста и дискурса СМИ методами контрастивной политической лингвистики//Язык СМИ и политика. М.: МГУ, 2012. – С. 77-121.
- Зарецкая Е.Н. Деловое общение. М.: Дело, 2002.
- Зарецкая Е.Н. Риторика. М.: Дело, 1998.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: ОмГУ, 1999.
- Клушина Н.И. Власть, СМИ и общество (стратегии и тактики формирования общественного мнения)// Язык СМИ и политика. М.: МГУ, 2012. – С. 262-283.
- Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. – М.: Русский язык, 1994.
- Кривоносов А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб: Петербургское востоковедение, 2002.
- Миронова П.О. Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ек-г: 2003.
- Олянич А.В. Презентационные коммуникативные стратегии в политическом дискурсе// Современная политическая лингвистика. – Ек-г: УрГПУ, 2003. – С. 120-122.
- Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Ек-г: УрГПУ, 2004.

О. Ф. Русакова

Екатеринбург, Россия

SOFT POWER КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Автор обращается к вопросу о необходимости рассмотрения soft power в качестве важного инструмента политических коммуникаций и гуманитарной дипломатии.

На основе индекса мягкой силы осуществляется рейтинг стран мир, производится оценка достижений культуры, образования, измеряется эффективность дипломатии.

Автор указывает на перспективы разработки национальной модели soft power для России и создания комплексной программы совершенствования инструментов гуманитарной дипломатии.

Ключевые слова: политическая коммуникация, soft power, мягкая сила, гуманитарная дипломатия, российская модель мягкой силы.

SOFT POWER AS THE INSTRUMENT OF POLITICAL COMMUNICATIONS

Abstract. The author addresses the question of the need to consider soft power as the important instrument of political communications and humanitarian diplomacy. On the basis of the index soft power rating of the world is carried out, evaluates the achievements of culture, education, measured by the effectiveness of diplomacy. The author points to the prospects of the development of a national model of soft power in Russia and the establishment of a comprehensive program to improve the instruments of humanitarian diplomacy.

Keywords: political communications, soft power, humanitarian diplomacy, Russian model of soft power.

Эффективность современных политических коммуникаций в значительной степени зависит от умения их акторов грамотно использовать инструменты и технологии, которые способны усиливать привлекательность вступающих во взаимодействие политических институтов и субъектов, формировать позитивных международных имидж страны, повышать авторитет государственного бренда. К инструментам такого рода сегодня принято относить soft power или «мягкую силу» [Русакова 2013: 52–65].

Soft power – это стратегический инструмент управления ресурсами, обладающими аттрактивной силой. В контексте маркетинговых коммуникаций дискурс мягкой силы выступает интегративным драйвером ненасильственного воздействия, ведущим к возрастанию конкурентоспособности агентов влияния и упрочению их позиций в целях контроля за различными пространствами (геополитическими, экономическими, культурными, информационными и др.) [Русакова 2014: 69].

При детальном анализе дискурса soft power, обозначающего стратегию ненасильственного влияния, то есть, особого рода управленческую политику, важно разобраться в его базовых характеристиках и провести инвентаризацию его основных разновидностей.

К разновидностям soft power прежде всего относятся гуманитарные, культурные, образовательные, миротворческие, интеллектуальные программы межгосударственного сотрудничества и обмена, направленные на повышения репутационного имиджа политических субъектов [Holl Todd: 208-211].

Исследовательский опыт в области анализа стратегий soft power в сфере внешней и внутренней политики показал, что коммуникативные инструменты soft power широко используются в процессе продвижения брендов территорий (регионов, стран, городов). В настоящее время все чаще встречаются исследования, в которых понятие «бренд страны» рассматривается с позиции стратегической разработки и практического использования оригинальной национальной модели soft power. В последнее время в создании оригинальных национальных моделей «мягкой силы» значительно продвинулись государства Восточной Азии (Китай, Южная Корея, Япония [Soft power: теория, ресурсы, дискурс: 179–252].

В сфере современных политических коммуникаций наблюдается обострение соревновательной борьбы за расширение стратегического присутствия той или иной силы «мягкого» влияния в конкретном регионе. Соревновательный момент в области развития и эффективности «мягкой» силы (soft power competition) специально фиксируется и анализируется. При этом поднимаются следующие вопросы: 1) какова номенклатура видов soft power, применяемых в качестве инструментов усиления привлекательности определенного политического субъекта; 2) по каким параметрам можно измерять, а, следовательно, и сравнивать soft power разных стран, стремящихся к усилению своего присутствия и внешнего влияния; 3) насколько разнятся между собой национальные стратегии «мягкой силы», и какие страны являются наиболее «мягкими» в своих политических коммуникациях.

Для определения параметров, а также показателей, на основании которых можно было бы осуществлять измерения мягкой силы, в научный оборот было введено понятие «soft power index». В 2010 г. появилась первая масштабная попытка составления рейтинга мягкой силы разных стран. Создателями рейтинга стали журнал «Монокль» и The Institute for Government – британская независимая благотворительная организация, взаимодействующая со всеми политическими партиями в Вестминстере и с высокопоставленными чиновниками Уайтхолла [MacClory Jornathan]. В их первом совместном исследовании «The New Persuaders» (2010) была представлена сложносоставная модель мягкой силы, включающая следующие пять компонентов soft power:

- 1) *бизнес/инновации* (business/innovation) – привлекательность экономики страны в плане открытости, способности к инновациям;
- 2) *культура* (culture) – влияние институтов и достижений культуры, распространенность языка, международный охват культурными продуктами страны;
- 3) *правительство* (government) – привлекательность модели управления страной;
- 4) *дипломатия* (diplomacy) – искусство переговоров и снятия конфликтов, способность формировать благоприятный национальный нарратив для международной аудитории;
- 5) *образование* (education) – привлекательность системы вузовского образования, университетские рейтинги, академическая мобильность.

Среди специалистов в области международных отношений под soft power обычно подразумевается культурная или гуманитарная дипломатия. Сам термин «гуманитарная дипломатия» появился сравнительно недавно. Вместе с тем, в России, Белоруссии и Украине уже состоялись три крупные научные конференции по данной теме. В ходе их работы были предприняты попытки категориального анализа понятия «гуманитарная дипломатия».

По нашему мнению, гуманитарная дипломатия как разновидность политической коммуникации, специализирующейся исключительно на применении инструментов «мягкой силы», выступает интегрированным комплексом следующих ее параметров:

- апелляция к общечеловеческим ценностям и нравственным требованиям справедливости, сохранение достоинства коммуницирующих сторон;
- использование для достижения политической лояльности привлекательных социальных, образовательных, научных и иных программ;
- деятельность по расширению культурного обмена, продвижение национальной культуры (традиционной и современной) и языка, развитие туризма;
- защита прав и свобод граждан, соблюдение норм международного права;
- участие в ненасильственном разрешении политических и социальных конфликтов, миротворческая деятельность;
- организация на международном уровне государственной и волонтерской деятельности по улучшению условий жизни уязвимых людей в условиях бедствий, войн и конфликтов;
- деятельность, направленная на предотвращение преступлений против человечества (геноцид), выступление против разных видов дискриминаций.

В сочетании с концепциями *soft power* теория гуманитарной дипломатии получает новый смысловой объем и может стать базовой моделью для разработки и совершенствования межгосударственных отношений, в том числе между Россией и ее внешнеполитическими партнерами.

В настоящее время основными учреждениями, ведущими работу по разработке на федеральном уровне российской стратегической модели *soft power*, является Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), созданное Указом Президента РФ в сентябре 2008 года. Эта же структура выступает базовым институциональным рычагом совершенствования российской гуманитарной дипломатии. В сферу ее полномочий входит реализация проектов, целью которых является укрепление международных связей, сотрудничество в гуманитарной сфере, формирование позитивного имиджа России в мире.

Анализ политических документов, выступлений официальных лиц, а также мнений политических экспертов по поводу ключевых направлений разворачивания мягкой силы России позволяет нам наметить некий общий рамочный контур российской стратегической модели *soft power*, которая содержит важные компоненты, относящиеся к гуманитарной дипломатии. Данная модель может быть представлена в виде обозначения ряда основных стратегических задач и направлений, которые перспективно определяют векторы практического использования ресурсов и инструментов мягкой силы России. Одной из таких задач является интернационализация научно-образовательного потенциала России как инструмента *soft power* и культурной дипломатии, усиление ее позиционирования в качестве мощного интеллектуального центра на территории СНГ и в пространстве Евразии. Именно в Евро-Азиатском регионе Россия обладает большими возможностями для привлечения иностранных учащихся (соотношение цены и качества образования, язык обучения, репутация университета, географическая близость). Другим важным направлением совершенствования российской «мягкой силы» выступает расширение взаимовыгодного сотрудничества в рамках межгосударственными объединениями, международных организаций и форумов на основе принципов уважения независимости и суверенитета, прагматизма, транспарентности, многовекторности, предсказуемости, неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов.

В последнее время в качестве одного из стратегических направлений развития российской мягкой силы выдвигается задача сохранения «русского мира». В одном из выступлений министр иностранных дел России С. В. Лавров заявил: «Русский мир – огромный ресурс укрепления авторитета России в мире, над его сохранением и развитием надо работать активно и целеустремленно, на ежедневной основе. Важно не только распространять русский язык и российскую культуру, но и расширять возможности получения образования на русском языке» [Выступление Министра иностранных дел ...].

Сохранение «русского мира» не означает его консервации, наоборот – включает задачу расширения сети культурно-языковой коммуникации. По заявлению бывшего руководителя Россотрудничества К.И. Косачева, «чем в большем числе стран Россия будет иметь свои центры, чем больше стран будет иметь возможность говорить на русском языке, о русской культуре, о русской истории, о русской науке, тем легче будет России занимать подобающие ей позиции в глобальном масштабе». И далее: «...Наши центры не призваны противодействовать каким-то тенденциям, будь они в зародыше или уже обозначившиеся. Но если не будет культурного присутствия, если не будет связей на духовном уровне между людьми, то никакие усилия политиков, экономистов, таможенников – кого угодно, по созданию дееспособных интеграционных структур не окажутся востребованными» [Россотрудничество является элементом ...].

«Мягкая сила» гуманитарной дипломатии включает такое направление как правовая защита русскоязычного населения иностранных государств. Данное направление, как правило, актуализируется в периоды напряженности в двусторонних отношениях России со странами Восточной Европы — бывшими советскими республиками. Так, вопрос об ущемлении прав русскоговорящих граждан периодически используется в качестве инструмента «мягкого» давления на страны Балтии.

В последние годы отмечены были не только усилением российской военной мощи, но и определенными успехами российской гуманитарной дипломатии, что вселяют надежду на неотвратимость поступательного развития мягкой силы страны. Вместе с тем, до сих пор отсутствует четкий системный подход в научном проектировании и

реализации отечественной стратегии soft power. Отметим также такие факторы, тормозящий данный процесс, как недостаточное финансирование гуманитарных проектов, фрагментарное участие институтов гражданского общества и научного сообщества в реализации проектов «мягкого» политического влияния. Именно они не позволяют пока России стабильно выигрывать конкуренцию в «мягкой силе» с рядом стран Запада и Восточной Азии на постсоветском пространстве. Политический кризис на Украине, переросший в конце 2013 – начале 2014 годов в государственный переворот, выявил очевидные неудачи российской стратегии мягкой силы в отношении исторически и культурно близкого восточного соседа. Очевидно, что неперенным условием для усиления позиций России на Украине должно было стать применение целого комплекса разнообразных инструментов soft power, что, однако не было сделано. Отвечая на вопрос о том, почему в отношении Украины российская мягкая сила не сработала, **К.И. Косачев заметил**: «Не скажу, что на Украине не было эффективной работы заинтересованных российских организаций. Здесь все эти годы были и диппредставительства, взаимодействующие в том числе со структурами соотечественников, здесь был наш бизнес, наши субъекты Федерации и не в последнюю очередь здесь были наши центры науки и культуры. Могу сказать, что по линии Россотрудничества мы делали все от нас зависящее в пределах имеющихся ресурсов и нашей компетенции как госоргана, чтобы сохранять уровень российского культурного присутствия на Украине ...Однако это несравнимо с тем, что столь долго и планомерно вкладывали в Украину Евросоюз и США, обращаясь с важными – в том числе идеологическими – посылами непосредственно к обществу, к украинским СМИ и НПО, к экспертным кругам, к молодежи в существенно большей степени, чем к властям или бизнес-структурам. Это гигантские ресурсы, затраченные на массированный стратегический сев, который дал свои мощные всходы в виде того же евромайдана» [Что мешает России ...].

После известных событий на Украине, С. В. Лавров заявил: «Необходима существенная перестройка работы с общественностью не только на украинском, но и на всем постсоветском направлении. Рисковано во всем полагаться на очень важные, но все же статичные факторы вроде исторических корней, сохранения русского языка или русских диаспор – сами по себе они еще ничего не гарантируют... Нужны глубокий и трезвый анализ эффективности действий всех без исключения вовлеченных в эту сферу государственных и негосударственных институтов и формирование на основе этого анализа последовательной и долгосрочной работы в общегосударственном масштабе, а не усилиями одних дипломатических или культурных представительств» [Выступление и ответы на вопросы ...].

Политика России (как внутренняя, так и внешняя) пока, к большому сожалению, не нащупала необходимый баланс между «мягкой» и «жесткой» силы, что является определенным следствием отсутствия комплексной национальной программы совершенствования инструментов soft power в политических коммуникациях. Попытки нынешнего руководства России сформулировать данную стратегическую программу нередко приводят не к оживлению инновационных поисков, а к подъему консервативно-охранительных настроений и взглядов, предлагающих вернуться к советскому опыту международных коммуникаций. В советском опыте, безусловно, содержалась весьма ценная «мягкая» компонента внешнеполитического влияния. Однако, не все, что было эффективно в эпоху противостояния двух систем, применимо к исполнению на постсоветском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в рамках «правительственного часа» в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 18 декабря 2013 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. Режим доступа: http://mid.ru/brp_4.nsf/0/C008A82590A16E7044257C4500393582 (дата обращения: 14.07.2016).

Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на юбилейной международной конференции «Россия в мире силы XXI века», приуроченной к 20-летию Совета по внешней и оборонной политике и 10-летию журнала «Россия в глобальной политике», Москва, 1 декабря 2012 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/30011D027DECDBF844257AC7003D39D0 (дата обращения: 29.07.2014).

Россотрудничество является элементом «мягкой силы». Интервью с А. Г. Чесноковым [Электронный ресурс] // Радио «Голос России». 26 марта 2012. Режим доступа: http://rus.ru/radio_broadcast/65446337/69631929 (дата обращения: 22.07.2016).

Русакова О.Ф. Методологические проблемы категориального и инструментального анализа soft power // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1(14). – С. 68–74.

Русакова О.Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия УрФУ. 2013. Сер. 3. № 2. – С. 52–65.

Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф.Русаковой. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с. – С. 179–252

Что мешает России улучшать свой имидж за рубежом? Интервью с К. Косачевым [Электронный ресурс] // Официальный сайт НП «Российский совет по международным делам». Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3288#top (дата обращения: 20.07.2016).

Holl Todd. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics. 2010. Vol. 3. – P. 208-211.

McClory J. The New Persuaders: An international ranking of soft power // Rapid-growth markets soft power index – Institute for Government GB in collaboration with Institute for Emerging Markets Studies. 2010. Pp.3-18. About us // Institute for government.URL [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.instituteforgovernment.org.uk/about-us> (дата обращения 10.07.2016).

Р. Т. Садуов
Уфа, Россия

«СВОЙ/ЧУЖОЙ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ (на материале политических лозунгов в Республике Словакия)

Аннотация. Данная статья направлена на исследование политических лозунгов, использовавшихся во время парламентских выборов в Республике Словакия в 2016 году. Лозунги были отобраны с рекламных щитов и плакатов в г. Банска-Бистрица, Словакия и подверглись аксиологическому анализу для выявления ценностных ориентиров, а также категории «свой/чужой», заложенных в них. Работа представляет собой синхронный срез исследовательского материала регионального масштаба. Проведение аналогичного анализа в прочих регионах республики поможет выявить общенациональные тенденции.

Ключевые слова: лозунг, выборы, Словакия, лингвистический анализ, политический дискурс.

R. T. Saduov
Ufa, Russia

FRIEND/FOE IN POLITICAL PROMOTION (case study of political slogans in the Slovak Republic)

Abstract. This research focuses on the investigation of political slogans produced during the 2016 Slovak Parliamentary Elections. Slogans were collected from street advertisements, such as billboards and posters, in the town of Banská Bystrica, Slovakia. The pool of slogans was processed through axiological analysis to reveal the values as well as the friend/foe category reflected in the slogans. Conducted synchronically on a small scale, this research presents a local appeal of the elections in question. If conducted on a continuous basis in several Slovak regions, however, this investigation may serve as a sensitive indicator of any changes in the social and political environment nation-wide.

Keywords: slogan, values, election, Slovakia, linguistic analysis, political discourse.

Введение

Данная статья посвящена исследованию политических лозунгов, которые были использованы во время парламентских выборов 2016 года в Республике Словакия. Всего в выборах приняло участие 24 партии (согласно данным Министерства внутренних дел Словацкой Республики), которые боролись за право занимать места в национальном парламенте. Политический плюрализм в республике привел к тому, что на улицах городов появилось большое число рекламных материалов, призывающих голосовать за тех или иных кандидатов. В данном исследовании изучаются политические лозунги, содержащиеся на рекламных щитах и плакатах, которые были размещены в городе Банска-Бистрица в центральной Словакии в период предвыборной борьбы.

Представляется, что лозунги являются чувствительным индикатором политической среды, поскольку, с одной стороны, отражают политические и социальные нужды и ценности как самих политиков, так и населения, а с другой – в надежде завоевать сердца людей политики имеют все основания придерживаться именно тех идей, которые могут найти наибольшую поддержку среди населения. Более того, значительная часть претендентов на места в словацком парламенте не являются профессиональными политиками, в связи с чем мы исходим из того, что политические лозунги соотносятся с общественным мнением и, по крайней мере отчасти, отражают его ценностные ориентиры.

Цель исследования состоит в изучении аксиологических векторов и категории «свой/чужой», отраженных в политических лозунгах периода парламентских выборов в Республике Словакия. Лозунги в количестве 37 единиц были отобраны с рекламных щитов и плакатов политического содержания в городе Банска-Бистрица, и, соответственно, демонстрируют особенности предвыборной борьбы в данном регионе Словакии.

Ценности в политических лозунгах

Анализ 37 политических лозунгов, отобранных в период перед парламентскими выборами в Словакии, показал, что наиболее часто политики обращаются к справедливости и честности как наивысшим ценностям: *Mojím cieľom je spravodlivé Slovensko* (Моя цель – справедливая Словакия). О том, что эти ценности являются важной составляющей предвыборного дискурса, становится понятно также через выражение неприятия к разного рода несправедливости, например, к всевозможным коррупционным практикам, которые требуют объединения усилий для борьбы с ними: призыв *Spojme sa proti korupcii!* (Объединимся против коррупции!) и уверенное заявление о намерении проявить стойкость в борьбе с этим социальным недугом *Sme jednotka v boji proti korupcii* (Мы номер один в борьбе против коррупции).

Другим популярным ценностным ориентиром являются национальный суверенитет и гордость за свою страну: *Chráňme Slovensko* (Мы храним Словакию), *Slovensko bude silný štát!* (Словакия будет сильной страной!). В обоих примерах Словакия выступает в качестве особой ценности, которую необходимо оберегать. Сюда же можно причислить лозунг *Bezpečný domov // Spokojné rodiny* – Безопасный дом // Счастливая семья, который обещает безопасность жилища и семьи. С другой стороны, лозунг можно понять как метафору словацкой земли в целом.

Граждане Словакии как самостоятельная ценность упоминаются лишь в некоторых лозунгах: *Robíme pre ľudí* (Работаем для людей), а также *Volím ľudí. A ty?* (Я выбираю людей. А ты?). Так же нечасто в лозунгах упоминается высокое качество жизни, которое, вероятно, не является приоритетом политических партий: *Kvalitný*

život pre mladých aj starých už dnes (Качественная жизнь молодым и старым уже сегодня) и Lepší život pre všetkých (Лучшая жизнь для каждого).

Категория «свой/чужой» в политических лозунгах

В некоторых случаях заявление о политической позиции представляется недостаточным для результативной борьбы в условиях политического плюрализма, который наблюдается на политической арене Республики Словакия. В этом случае выражение политической позиции через оппозицию взглядам, ценностям или даже отдельным социальным / политическим группам и организациям является одним из эффективных способов политической агитации. Политические лозунги в период предвыборной борьбы в Республике Словакии являются ярким примером выражения взглядов через оппозицию «свой/чужой».

Под «своим» в словацком дискурсе понимается нация целиком, а также те общественные силы, которые являются носителями «подлинных» ценностей. На уровне языка «свои», как правило, выражаются посредством личных местоимений «мы», «наш», «наше» и т.д. Под «чужим» может подразумеваться как конкретное лицо, так и социальная/политическая ассоциация, которая является носителем чуждых здоровому обществу характеристик и ценностей.

В анализируемых лозунгах одной из самых нелюбимых социальных групп являются, как это ни парадоксально, политики. Значительное количество претендентов на должность депутата в Парламенте сами не являются профессиональными политиками и пытаются всяческими способами дистанцироваться от принадлежности к этому сословию:

Ne volím politikov. Volím Borisa – Не голосую за политиков. Голосую за Бориса

Dá sa to // Ak vymeníme politikov – Все возможно // Если сменить политиков

Môžete mi veriť. Nie som politik – Можете мне верить. Я не политик

Makáme! // Za pracovné miesta // nie fleky v politike – Мы трудяги. Мы за рабочие места. Мы не политики

Исходя из примеров, можно сделать вывод о том, что словацкие политики настолько подорвали к себе доверие, что те из кандидатов, кто не являются профессиональными политиками, стараются напрямую об этом заявить. Доходит до того, что принадлежность к любому другому профессиональному сообществу кроме политики автоматически означает честность (*Можете мне верить. Я не политик*). Более того, считается, что политики как таковые стране не нужны, либо их необходимо заменить (*Все возможно // Если сменить политиков*). Наиболее примечательным является последний из приведенных примеров, поскольку в нем, во-первых, используется сниженная разговорная лексика (*takáme, fleky*), а во-вторых, происходит утверждение ценности труда – обе лексемы сниженного стиля имеют отношение к работе. *Makáme* означает *мы работаем*, в то время как *fleky* – это *работники* или *рабочие места*. Благодаря этому лозунг обретает простую и понятную формулировку, приближенную к просторечной форме, и утверждает ценность труда, при этом отрицая принадлежность кандидатов к политической карьере.

Как уже упоминалось выше, антиценностью в словацком дискурсе также является коррупция и несправедливость вообще, что нашло отражение в лозунгах, где «чужими» являются как раз те, кто живет нечестно: *Kde vládá zlodejov končí, začína socializmus (Где заканчивается власть воров, начинается социализм).*

В некоторых лозунгах в роли «чужих» выступают конкретные личности, участники политической борьбы и кандидаты занять депутатское кресло в Парламенте:

Zachránime Slovensko bez Fica – Сохраним Словакию без Фицо

Vyženiete paškovcov zo zdravotníctva – Выгоним пашковцев из здравоохранения

В первом примере критика направлена против Роберта Фицо, который на момент предвыборной борьбы являлся Премьер-министром Республики Словакия и главой правящей партии. Согласно лозунгу, страна может быть сохранена только в том случае, если Роберт Фицо перестанет быть главой правительства. Во втором примере содержится призыв выгнать приверженцев политика Пашкова, который не раз был вовлечен в политические скандалы.

Аналогичным образом некоторые лозунги направлены против верховенства отдельных государств и организаций:

Nie! Základníam USA a NATO – Hem! Базам США и НАТО

Postavíme Slovensko nad diktát Bruselu! – Поставим Словакию над диктатом Брюсселя!

В первом примере лозунг направлен против развертывания баз США и НАТО в Словакии, в то время как второй пример содержит призыв укротить произвол Брюсселя. Под последним, в виду метонимического переноса, имеется в виду Европейский Союз, штаб-квартира которого располагается в Брюсселе. Более того, в лозунге употреблено существительное «диктат», что само по себе имеет негативную окраску, вызывая еще более негативные ассоциации с указанной организацией.

Заключение

Мы рассмотрели ценностные ориентиры, а также функционирование категории «свой/чужой» в политических лозунгах на рекламных щитах и плакатах в городе Банска-Бистрица в центральной Словакии, в результате чего были сделаны выводы о том, что наиболее заметными ценностными векторами оказались справедливость и честность, национальный суверенитет, сами граждане Словакии, а также более высокий уровень жизни.

Категория «свой/чужой» находит свое выражение посредством оппозиции отдельным политическим деятелям, организациям и ценностям, в результате чего политики имеют возможность более точно очертить свою собственную политическую позицию. Так, словацкие политические лозунги демонстрируют негативное отношение общества к политикам, представляя их как бесчестных и ненадежных людей. Отдельные политические деятели также подверга-

ются критике – как, например, глава правящей партии и Премьер-министр Роберт Фицо или сторонники скандального политика Пашкова. Такие организации как НАТО и Евросоюз также подвергаются негативной критике.

Данное исследование имеет свои ограничения в виду того, что выборка производилась только в одном словацком городе и только с рекламных щитов и плакатов без учета общего фона политического дискурса в республике. Безусловно, указанные ограничения не снижают валидности результатов данного исследования. Тем не менее, выборка лозунгов в других частях страны, а также учет общего политического климата могли бы обогатить и углубить исследование. Представляется важным проводить аналогичные исследования на постоянной основе, в результате чего станет возможным отслеживание изменений ценностных векторов либо констатация их стабильности.

И. И. Саженин
Новосибирск, Россия

ПРОБЛЕМА ДИАГНОСТИРОВАНИЯ ОПРАВДАНИЯ В ЭКСТРЕМИСТСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу спектра проблем, связанных с установлением признаков оправдания при производстве лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. Одной из основных проблем является определение качества и количества оснований для отнесения высказывания к категории оправдательных. В экспертной практике существует подход, при котором наличие выраженной в тексте положительной оценки каких-либо деструктивных действий является минимальным достаточным основанием для диагностирования в тексте признаков оправдания. В статье обосновывается неправомерность применения такого подхода при производстве лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: экстремистский текст, оправдание, речевой жанр, лингвистическая экспертиза, лингвистическая прагматика.

I. I. Sazhenin
Novosibirsk, Russia

THE PROBLEM OF DIAGNOSING JUSTIFICATION IN EXTREMISTS TEXT

Abstract. The article analyzes a range of problems associated with the determination of features of justification in the process of linguistic expertise of materials on matters related to counteracting extremism and terrorism. One of the main problems is to determine the quality and quantity of reasons to define a statement as a justifying one. There is a practical expertise approach according to which the presence of a marked positive evaluation of any destructive action is a minimal sufficient reason for diagnosing features of justification in the text. The article challenges the validity of such an approach to the conduct of linguistic expertise.

Keywords: extremist text, justification, speech genre, linguistic expertise, linguistic pragmatics.

Статья подготовлена в рамках реализации графа РГНФ

*«Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования: оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона
(грант № 15-14-54001, тип проекта «а»)*

Согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» публичное оправдание терроризма является запрещенным речевым действием. Кроме того, статья первая Федерального закона гласит, что к экстремистским материалам относятся в числе прочего документы либо информация на иных носителях, обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления экстремистской деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Одной из задач, решаемых экспертами-лингвистами в рамках дел, связанных с противодействием экстремизму и терроризму, является определение наличия/отсутствия признаков оправдания в тексте. При этом нередко возникает ситуация, когда эксперт-лингвист – чаще всего имеющий недостаточно опыта экспертной деятельности – обнаруживает признаки оправдания каких-либо действий, взглядов, основываясь лишь на наличии в высказывании положительной оценки данных действий. Типичный пример высказывания, в котором экспертом диагностируются признаки оправдания

Борись за жизнь в борьбе за расу!

Ты Белый воин! Ты войной живешь!

Убей Хача и пидораса!

А коль в бою погибнешь, то в Вальхаллу попадешь!

Вне всяких сомнений, в данном контексте побудительная конструкция *Убей Хача* содержит имплицитную положительную оценку деструктивных действий в отношении группы лиц, выделяемой по национальному при-

знаку. Действительно, говорящий, призывая к совершению таких действий, сам их оценивает положительно, считает необходимыми.

Следующий пример. Экспертом анализировался креолизированный текст (рис. 1).

Рис. 1

В результате анализа эксперт приходит к следующему выводу: *данный креолизированный текст размещен с целью демонстрации определенной позиции, определенного отношения к идеологии Третьего Рейха. Особенная позиция заключается в том, что выражается положительное отношение к символике Третьего Рейха, а значит, к идеологии и деятельности этой исторической организации. Таким образом, можно говорить об одобрении (оправдании) деятельности Третьего Рейха.*

Итак, в основе выводов о наличии признаков оправдания в приведенных высказываниях лежит только положительная оценка объекта или действий. Но являются ли наличие в высказывании выраженного положительного отношения к каким-либо действиям, их положительной оценки достаточным основанием для диагностирования в тексте признаков оправдания? Судя по количеству заключений, в которых реализуется такой подход, вопрос этот весьма неоднозначный и требует проработки.

Теоретический и методологический инструментарий лингвиста, используемый им в рамках экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, – это инструментарий лексической семантики и лингвопрагматики, с помощью которого определяются предмет речи, выраженное отношение говорящего к предмету речи и его речевая цель, такой подход также отражен в Методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [Кукушкина 2014]. Следовательно, и к использованию понятия «оправдание» лингвист должен подходить с позиций своего научного инструментария.

Обратимся к словарному толкованию лексемы «оправдание»:

ОПРАВДАНИЕ, -я; ср. 1. к Оправдать. О. чьего-л. поступка. О. виновного. 2. Приговор суда, содержащий признание невинности подсудимого. Дело кончилось оправданием. Суд вынес о. 3. Признание кого-л. невинным, поступившим непредосудительно; доводы, объяснения, позволяющие оправдать, извинить кого-, что-л. Искать, найти о. Для оправдания своего незнания жаловаться на отсутствие книг. Выслушать чьи-л. оправдания. Ты не прав, оправдания здесь не нужны. Сказать что-л. в своё о. Привести в своё о. ещё один аргумент. 4. Обоснование целесообразности, закономерности, справедливости чего-л. Построенный дом - о. творческого поиска архитектора. 5. Возмещение чем-л. равноценным (утраченного или затраченного). О. потерь. О. затраченных сумм на строительство железной дороги. О. дорогой покупки [Кузнецов 2008: 719].

Как видно из толкования, оправдание – это процесс, и этот процесс сопровождает набор действий, описываемых с помощью понятий *аргумент, довод, обоснование*.

В русле лингвистической прагматики «оправдание» рассматривается как речевой жанр. Речевой жанр – типовая модели построения речевого произведения, формирующаяся рядом жанрообразующих признаков [Шмелева 1997: 93].

В структурном отношении данный жанр имеет две составляющих: тезис и аргументирующая часть, причем наличие тезиса – факультативно, и обе части могут быть имплицированы. В качестве тезиса оправдание включает в свой состав жанры, обслуживающие ситуацию согласия/несогласия, а функцию его доказательства выполняют различные информативные жанровые формы [Лаврентьева 2006: 6].

Компоненты семантической структуры жанра:

- лицо, поведение которого вызывает неодобрение, действия, вызывающие неодобрение;
- адресат;
- диктумное содержание (поступки, затрагивающие различные области жизнедеятельности человека);
- аргументация, которая в целях убеждающего воздействия содержит основное смысловое зерно жанра

[Лаврентьева 2006: 16].

Существование жанра оправдания, который является реактивным и, как правило, ретроспективным, обусловлено предшествующей (фактической или мнимой) ситуацией критики/обвинения. Говорящий предполагает наличие критического взгляда на событие, его не устраивает такое положение дел, поэтому его основная цель – изменить точку зрения адресата, на что и работает аргументирующая часть высказывания.

В качестве аргументирующей части высказывания говорящий может использовать:

- название объективных обстоятельств, указывающих на несостоятельность обвинения;
- предложение собственной интерпретации событий;
- выражение несогласия с оценкой события [Лаврентьева 2006: 20].

Аргументативное сообщение, обосновывающее правомерность действий, содержит:

- выражение сомнения в том, что произошло нарушение нормы;
- указание на закономерность и общепонятность поступка;
- указание на рациональность, целесообразность поступка;
- указание на вынужденность, необходимость действия;
- указание на ненамеренность, неконтролируемость действия;
- указание на отсутствие предосудительных намерений;
- экспликация желания совершить нечто положительное;
- снижение значения происшедшего;
- указание на распространенность подобного рода действий;
- объяснение-сравнение, содержащее ссылку на авторитет;
- название причин и мотивов действий, которые, по мнению говорящего, служат достаточным основанием для признания допустимости поступка;
- указание на неблагоприятные внешние обстоятельства, не зависящие от воли говорящего;
- ссылку на вынужденность, необходимость действия;
- ссылку на распространенность, обычность, заурядность действия;
- ссылку на практическую целесообразность действия [Лаврентьева 2006: 20]

Таким образом, можно констатировать, что установление тождества между понятиями «положительная оценка действий» и «оправдание действий» представляется сомнительным.

Также стоит отметить, что в тексте Федерального закона соседствуют такие понятия, как «оправдание» и «обоснование», посредством которого толкуется понятие «оправдание». При этом общим структурным элементом для оправдания и обоснования является аргументирующая часть, отличие же состоит в том, что обосноваться могут действия, которые еще не были совершены, но совершения которых желает адресант и с этой целью выстраивает систему аргументации, нацеленную на убеждение адресата.

Оправдание предполагает обоснование целесообразности, закономерности, справедливости, вынужденности каких-либо действий, при этом должно быть эксплицитно или имплицитно представлено наличие иного взгляда на оправдываемые действия. Положительная оценка каких-либо действий без системы аргументации и без выраженной оппозиции взглядов остается только оценкой, не превращаясь в оправдание. Оценка – декларация собственных взглядов, она существует в монологической речи, оправдание обязательно диалогично, предполагает явную или мнимую фигуру оппонента.

Действительно, если в приведенных примерах оставить прагматический компонент высказывания без изменений, а смысловые компоненты заменить, например, следующим образом: *Убей хача! – Свари суп!*, то следуя логике доказательства наличия признаков оправдания, то есть опираясь на наличие выраженной положительной оценки, следует заключить, что говорящий оправдывает приготовление супа.

В заключение хотелось бы привести высказывание, содержащее все необходимые жанрообразующие признаки:

Не верьте тому, что преподносят СМИ, они выставляют людей, борющихся с действующим террористическим режимом бандитами и экстремистами! Правоохранительные органы в нашей стране внезапно занимаются вымогательством и террором населения. Вранье и клевета в СМИ стали обычным делом. Правительство не реагирует на вопиющие преступления, совершенные бандитами в погонах, способствуя тем самым развитию преступности в МВД. В Новосибирске недавно прошел громкий судебный процесс по делу художника Артёма Лоскутова, которому за участие в монстрации, сотрудники центра по противодействию экстремизму подбросили наркотики. С участием прокуратуры и коррумпированных судей вышеупомянутые оперативники постоянно занимаются провокациями с наркотиками и вымогают деньги. В настоящее время в Европейском суде по правам человека рассматривается жалоба, незаконно осужденного на 8 лет, спортсмена Кузнецова Павла, которому эти-же оперативники с участием этих-же подставных понятых (КАКАЯ НАГЛОСТЬ) подбросили наркотики и с помощью подконтрольных СМИ показали по телевидению, обвинив в несуществующих преступлениях (изнасилованиях и т.д.), с целью оказать психологическое давление и получить деньги (КЛЕВЕТА НА ЛИЦО). Пользуясь безнаказанностью, для устрашения населения, террористы в погонах могут арестовать любого человека. В результате такой бандитской деятельности осуждают невиновных, а экстремистов в стране становится больше. Россия была и остается полицейским государством, где власть открыто терроризирует население. О каких правах человека можно говорить, если государством управляют террористы? Нападение и убийство полицейских-террористов это единственное, что можно противопоставить действующему режиму, так как законные методы борьбы с государственным террором отсутствуют!!

Автор выдвигает тезис о том, что СМИ выставляют лиц, осуществляющих насильственные действия по отношению к сотрудникам правоохранительных органов, – бандитами, в то время как они являются (с точки зрения автора комментария) борцами с «террористическим режимом». В основе тезиса лежит пресуппозиция о том, что существующая власть является режимом, при том – террористическим. Далее следует цепочка суждений, являющихся аргументами в пользу истинности пресуппозиции, а не в пользу истинности тезиса. То есть

автор доказывает не истинность тезиса «они выставляют людей, борющихся с действующим террористическим режимом бандитами и экстремистами», а истинность пресуппозиции (правлящий режим – террористический), то есть факт преступности правящего режима: «Правительство не реагирует на вопиющие преступления, совершённые бандитами в погонах; сотрудники центра по противодействию экстремизму подбросили наркотики; Пользуясь безнаказанностью, для устрашения населения, террористы в погонах могут арестовать любого человека; В результате такой бандитской деятельности осуждают невиновных; Россия была и остаётся полицейским государством, где власть открыто терроризирует население; государством управляют террористы». Следовательно, цель говорящего – убедить адресата в том, что режим является террористическим, и в силу этих причин с ним необходимо бороться. В последнем предложении автор выдвигает тезис о допустимости таких методов борьбы, как нападение на сотрудников правоохранительных органов и их убийство. Данная необходимость аргументируется тем, что другие методы борьбы (законные) отсутствуют. Утверждение о том, что законные методы борьбы отсутствуют, не доказывается, а дается как аксиома. Таким образом, посредством доказывания пресуппозиции о том, что существующая власть является террористическим режимом, автор убеждает адресата в допустимости нападений на сотрудников правоохранительных органов и их убийств. Именно такие действия, по мнению говорящего, являются единственно возможным средством борьбы против режима (*Нападение и убийство полицейских-террористов это единственное, что можно противопоставить действующему режиму, так как законные методы борьбы с государственным террором отсутствуют*). В структуре высказывания присутствуют обе характерные для речевого жанра оправдания части: оправдательный тезис и аргументирующая часть, присутствует положительная оценка действий, эксплицировано наличие противоположной точки зрения, которая носит обвинительный характер. В аргументирующей части говорящий использует указание на вынужденность действий, на их реактивный характер, на практическую целесообразность действий. Присутствует обращение-побуждение (*не верьте*) в сильной позиции, маркирующее основную речевую цель – убедить адресата, изменить его точку зрения на событие.

Экспертиза является процессуальным действием и должна проводиться на строго научной основе, и допущения, возможные в академических исследованиях, в экспертизе категорически неприменимы. Потому использование выявленной в тексте положительной оценки действий/лиц/идеологии и бытовой интуиции как основных аргументов для отнесения высказывания к категории оправдательных является нарушением основ судебной экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. – 98 с.

Лаврентьева Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. – 23 с.

Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, М. : РИПОЛ Классик, 2008.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997. – С 88-98.

Н. А. Сегал

Симферополь, Россия

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРЫ СЕМЬЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ 2014–2016 ГГ.)

Аннотация: Статья посвящена исследованию метафорического образа семьи в текстах русскоязычных политических СМИ. Охарактеризованы лексические и фразеологические единицы, эксплицирующие образ семьи в русскоязычных политических текстах.

Ключевые слова: политический текст, политический дискурс, политическая коммуникация, метафора.

N. A. Segal

Simferopol, Russia

SEMANTIC AND PRAGMATIC SPECIFICATION OF THE METAPHORICAL IMAGE FAMILY OF THE RUSSIAN-SPEAKING POLITICAL TEXTS (ON THE MATERIAL OF TEXTS OF 2014-2016)

Abstract. The article is devoted to research of a metaphorical image of the family in the texts of the Russian-speaking political mass media. Lexical and phraseological units, that explicate a image of family of the Russian-speaking political texts are characterized.

Keywords: political text, political discourse, political communication, metaphor.

Политические метафоры являются не только отражением социально-политических реалий государства, но и фрагментом культуры, фиксирующим систему ценностей на определенном этапе развития общества. В последние десять лет в области политической метафористики наблюдается активизация научных исследований, которые опираются на новые теории в сфере семантики текста и функционирования языковых единиц в коммуникативно-прагматическом и лингвокогнитивном аспектах (работы В. Н. Базылева, А. Н. Баранова, Л. Е. Бессоновой, Э. В. Будаева, М. Джонсона, Ю. Н. Караулова, И. М. Кобозевой, Дж. Лакоффа, Г. Н. Складневской, В. Н. Телия, А. П. Чудинова), что позволяет интерпретировать политическую метафору как инструмент для осознания, моделирования и оценки политических процессов, средство воздействия на социальное сознание [Будаев 2008: 4]. Значимость систематизации когнитивных механизмов при структурировании метафорических полей политического дискурса определила необходимость описания метафорических значений, актуализирующих в политическом тексте информацию о политических событиях, ситуациях, реакциях.

По убеждению лингвистов, метафора «создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения» [Кобозева 2001: 135]. Бесспорным является факт, что именно метафора способна апеллировать к любой целевой аудитории, прямо или косвенно воздействуя на адресата. Исследователи утверждают, что политическая метафора представляет собой одно из наиболее эффективных средств, обеспечивающих прагматический потенциал политической коммуникации. По убеждению В. Н. Базылева, «адекватность языка общественной политической мысли, непременно содержащего философские, религиозные и политические ингредиенты, обеспечивается не умением «вызвать все до конца», а умением убедить, склонить читателя или слушателя на свою сторону. Почти неразличимые переходы от логических доказательств к аксиоматике всепобеждающей веры – важнейший дифференциальный признак общественной политической мысли» [Базылев 2005: 5]. А. П. Чудинов подчеркивает, что «метафорический характер имеет большинство ключевых слов и фраз, определяющих ту или иную парадигму политического мышления. Опытный политик стремится предстать перед избирателями в роли источника ярких политических метафор, образующих смысловой и эмоциональный фон его социальной концепции» [Чудинов 2013: 123].

Целью исследования является описание метафоры *семья* как ключевого образа при переходе Крыма в состав Российской Федерации.

Метафора *семьи* в политическом тексте объективирует оппозицию свой – чужой, прагматическая установка которой заключается в выявлении, с одной стороны, стратегически и ментально близких партнеров, с другой стороны – идеологических врагов, имеющих иные социально-политические цели. Как отмечает А. П. Чудинов, «...все члены семьи – это «свои», и при необходимости они должны совместно противостоять «чужим»: в соответствии с семейной этикой на защиту «своего» надо становиться вне зависимости от того, прав он или нет, и уж, конечно, не задумываясь о материальной или иной выгоде» [Чудинов 2003]. В исследованиях начала двухтысячных годов отмечается, что в российском политическом дискурсе членами единой семьи представлялись жители России, сторонники одного политического курса, народы бывшего СССР. События 2014 года, связанные с переходом Крыма в состав Российской Федерации, определили появление нового аспекта в формировании и исследовании метафоры *семья* в российском политическом дискурсе.

Обзор политических СМИ 2014-2016 гг. показал, что реализация метафорического образа *семьи* при переходе Крыма в состав Российской Федерации происходит как через ключевую единицу *семья* и ее производные, так и через лексемы, входящие в лексико-семантическое поле *семья*.

Образ *семьи* в русской ментальности является закрепленным, наделен положительными характеристиками и описывается как через определение каждого члена семьи отдельно, так и интерпретацией *семьи* как единого целого. *Семья* в лексикографической традиции представляется как неразрывная целостность, которая включает группу людей, связанных родством. В таком значении *семья* реализуется и в рассмотренных контекстах: *В.В. Путин: Крым и Севастополь вернулись в этом году в родную семью* (www.bfm.ru/news, 26.12.2014); *Крым к ужасу Запада и на радость русских на полуострове и россияне вернулись в семью после почти четвертьвекового отсутствия* (ru.krymr.com, 18.02.2015).

Выход Республики Крым из состава Украины ассоциируется с *разводом*, который определяет сложившееся положение дел как мирную или конфликтную ситуацию: *Крым, Украина, РФ: возможен ли «мирный развод»?* (golos-ameriki.ru/a/vv-on-crimea, 16.03.2016); *Развод с Украиной по крымскому сценарию* (svpressa.ru/politic/article, 14.10.2014); *Политический развод без раздела имущества* (asn.in.ua/ru/news/opinions, 18.02.2016); *Развод по-крымски: Кто выиграет, а кто проиграет в случае выхода АРК из состава Украины* (minprom.ua/digest, 07.03.2014).

При описании *семьи* через ключевые единицы, входящие в лексико-семантическое поле *семья*, доминирующей является лексема *мать*. Денотативное содержание данной лексемы «женщина по отношению к ее детям» уходит на периферию, при этом ядерными становятся коннотативные семы «любовь», «забота», «опека», что подтверждается функционированием адективов *родной*, *своей*, *любимой*: *Крым возвращается сегодня к своей любящей матери-России* (veshyi-oleg.info, 25.05.2015); *Крым вернулся к родной матери России; Политики наперебой заговорили об особой роли полуострова, наверное, неспроста, предполагали они, эти земли вернулись в лоно своей матери России* (www.chinovnic.ru, 11.07.2014); *Есть высшая историческая справедливость: Крым вернулся сегодня к своей любящей матери-России* (АиФ, 20.02.2015).

Лексема *мачеха* реализуется в политических текстах вторым лексико-семантическим вариантом: «перен. Кто-л. или что-л., являющиеся враждебными, жестокими», зафиксированным в «Толковом словаре русского языка» под ред. Т.Ф. Ефремовой. В политических контекстах при описании образа Крыма, как правило, лексема *мачеха* реализуется в оппозиции лексеме *мать*. Данная оппозиция строится на основе оппозиций *свой – чужой*, *добрый – злой*, *любящий – безразличный*, где мать представляется как средоточие добра и любви, а мачеха оценивается резко негативно: *Крым оторвался от злой мачехи и вернулся в объятия родной матушки* (www.portal-investor.ru, 11.02.2016); *Ушел навсегда от злой мачехи полуостров Крым* (ИТВ, 19.04.2015).

Семейное радушие, ожидание перехода Крыма в состав Российской Федерации реализуется посредством устойчивых конструкций и их вариаций. Так, наиболее характерными для политических текстов рассматриваемого периода являются сочетания *теплые руки, родные объятия*: *Константинов В.: Крым вернулся на Родину, в теплые руки матушки-России, и в эти дни мы смотрим с большим оптимизмом в будущее! Впереди у нас открытие еще многих памятников и чествование многих героев. Мы попали в тёплые руки России* (news.mail.ru/politics, 10.09.2014); *Крым был приветливо принят в родные объятия* (old.kr-eho.info, 29.03.2015); *Возвращение Крыма в родные объятия нашей великой Родины-России!* (lenta.crimea.ua, 11.04.2014).

Таким образом, в текстах современных политических СМИ образ *семьи* является активным и показывает специфику внутригосударственных, межнациональных и международных отношений. Данный образ формируется как посредством ключевой единицы *семья*, так и через языковые единицы, входящие в лексико-семантическое поле *семья*. Языковые единицы, реализующие образ *семьи*, функционируют в политическом тексте на уровне вторичной номинации и реализуют современные социально-политические тенденции.

Важным аспектом при выявлении семантико-прагматических особенностей метафоры *семья* в политических текстах 2014–2016 гг. является использование прецедентных феноменов. Исследователи подчеркивают, что в современной лингвистике понимание прецедентных феноменов тесно связано с представлением о них как единицах, в значительной степени «насыщенных» культурной информацией и национально детерминирующих культурное пространство, способных выполнять «функцию «языка» культуры» [Маслова 2001: 30]. При метафорической репрезентации перехода Крыма актуальным является библейский образ *блудного сына*, который, согласно библейской притче, ушел из дома отца и после долгих скитаний вернулся обратно, найдя в родном доме любовь, тепло и радостную встречу. В «Словаре крылатых слов и выражений» *блудный сын* определяется как «сын, вышедший из повиновения отцу; употребляется в значении: человек беспутный, нравственно нестойкий, но чаще в значении: раскаявшийся в своих заблуждениях». В политических текстах образ блудного сына частично сохраняет денотативное значение, в то же время в свете современных политических реалий обрастает новой коннотацией: *Всё это действительно напоминает воссоединение семьи, возвращение блудного сына к домашнему очагу* (gosindex.ru/opinion, 19.02.2015). В политических текстах подчеркивается значимость возвращения блудного сына, которая выше материальных или геополитических благ: *Да, Россия от присоединения Крыма пострадала, но блудный сын вернулся – и это главное* (newsonline24, 19.01.2016).

В контекстах наблюдается трансформация высказывания с замещением позиции субъекта (*В родные объятия вернулся блудный полуостров* (www.retailer.ru, 10.08.2015)), а также расширение конструкции за счет формирования поликомпонентного метафорического образа: *Крым вернулся, наконец-то, домой в Россию, но не как блудный сын или нищий с протянутой рукой, а как вечный очарованный странник, прошедший длинный путь тысячелетней истории, трепетно хранящий в памяти пройденные дороги, исторические события и незабываемые встречи* (evpatori.ru, 14.02.2015). Такой сложный путь возвращения характеризуется новым опытом, с которым блудный сын возвращается в отчий дом. Словосочетание «очарованный странник» в данной конструкции формирует образ человека, призванного пройти через жизненные трудности, принимая судьбу такой, какая она есть, находясь под ее очарованием, выполняющий все, что ему предназначено.

Таким образом, современные политические реалии и их отражение в российском массмедийном пространстве определяют переход Республики Крым в состав РФ как широкое поле для ассоциирования. Одной из наиболее характерных ассоциаций является образ семьи, представленный ключевой единицей *семья*, единицами, входящими в лексико-семантическое поле *семья*, устойчивыми конструкциями. Перспективой дальнейшего исследования является комплексное описание метафорического образа Крыма в политическом дискурсе рассматриваемого периода, что позволит установить семантико-прагматический потенциал метафорического образа Крыма в текстах российских СМИ 2014–2016 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Базылев В. Н. Национальная идентичность: фрагмент русской общественно-политической мысли // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Выпуск 16. Екатеринбург, 2005. – С. 5–12.
- Будаев Э. В. Зарубежная политическая метафорология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2008. – 248 с.
- Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. Серия 9. 2001. № 6.
- Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. М.: Академия, 2001. – 206 с.
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. – 248 с.
- Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии // Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. – 176 с.

ОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАКИИ

Аннотация. Автор анализирует образ России в современной Словакии. Объектом его исследования являются отдельные словацкие СМИ. В предлагаемой работе внимание обращено на базовые языковые единицы, посредством которых дается оценка России, в особенности ее политики. В избранных иллюстрациях содержатся противоречивые оценочные позиции отдельных авторов. Работа состоит из конкретных тематических разделов, на основе которых можно отметить определенную лингвокультурную иерархию при создании оценочного образа России.

Ключевые слова: Россия, образ, СМИ, Словакия, оценка, базовые единицы.

Y. Sipko
Slovakia

RUSSIA'S IMAGE IN PRESENT-DAY SLOVAKIA

Abstract. The author analyzes the picture of Russia in present-day Slovakia. Slovak print media serve as the object of his research. In the paper his attention is focused on basic linguistic units, that are used to evaluate Russia, and mainly its international policy. In the examples given below we can observe contradictory evaluative views as presented by individual authors. The article consists of specific thematic units based on which we have been able to point out a certain linguo-culturological hierarchy that appears during the process of forming the evaluative picture of Russia.

Keywords: Russia, picture, mass media, Slovakia, evaluation, basic units.

1. Введение

В предлагаемом исследовании мы обратили внимание на те фрагменты языковой картины России в Словакии, которые связаны с современными политическими событиями в Словакии и за ее границами. В первую очередь, это относится к украинскому кризису и отношениям между Россией и Западом, которые регулярно характеризуются как *новая холодная война, информационная война, гибридная война*.

Объектом данного исследования являются самые представительные словацкие газеты и журналы, в которых регулярно публикуется информация и комментарии, касающиеся текущих политических событий. Автор, таким образом, продолжает свою исследовательскую деятельность [Сипко 2014], в центре которой находится именно изучение языковой картины России в Словакии.

2. Карфаген должен быть разрушен

Данным крылатым выражением из эпохи Древнего Рима, ставшим прецедентом односторонности и даже ненависти, можно охарактеризовать вполне конкретные публицистические материалы, которые касаются России. Автор приведенного выражения считается известным древнеримский деятель *Като*, который каждое свое выступление в Сенате, вне зависимости от его темы, заканчивал призывом к уничтожению Карфагена. Именно такое впечатление возникает при чтении публицистических материалов, прямо или косвенно связанных с Россией. В современной Словакии типичными *катовскими* оценками России пользуются отдельные авторы в некоторых западных СМИ. В одном подобном прозападническом материале была относительно критически проанализирована политика ЕС. Все содержание комментария основано на однозначных антироссийских ассоциациях. Автор призывает представителей ЕС улучшить деятельность организации, поскольку *За углом Россия* [Т. 2016: 19].

Данная косвенно-оценочная тенденция будет проиллюстрирована несколькими отрывками из материалов современных словацких СМИ и рассмотрена на конкретном лингвокультурном фоне.

2.1. Болезнь премьеры Роберта Фица и Россия

После парламентских выборов в Словакии, состоявшихся 5 марта 2016 года, премьер *Р. Фицо* получил от президента страны предписание сформировать новое правительство. Это ему удалось сделать относительно быстро, но впоследствии он тяжело заболел и перенес операцию на сердце. Семья премьеры практически не обсуждала с представителями прессы обстоятельства его болезни и за это удостоилась острой критики, в том числе критиковали и самого больного премьеру за то, что он якобы скрывает данные о состоянии своего здоровья. Это послужило поводом для поисков негативных ассоциаций с Россией и СССР. В ряде случаев комбинаторские способности отдельных антироссийских авторов даже вызывают удивление, поскольку они умудряются связать воедино советскую эпоху, Чернобыльскую аварию и болезнь словацкого премьеру *Фица*:

Что имеют общего 30 годовщина Чернобыля (26 апреля) и сердечная болезнь премьеру? И то и другое скрывали. Скрывать все, что можно – это коммунистический рефлекс. Учителями откровенности молодого Фица были такие личности, как Брежнев, Андропов, Черненко, которых возили на трибуны, хотя они уже не были в состоянии встать с кровати [S 29.4.2016].

На ту же тему в журнале «*Týždeň*» («Неделя») была напечатана статья под названием: *Keď vládnu choroby – Kedyhospodstvájú choroby*.

В статье приводятся данные о больных руководителях отдельных государств, которые, по версии автора, в результате плохого состояния здоровья совершили серьезные политические просчеты в пользу СССР. Например, это касалось четырехкратного президента США *Т. Рузвельта*, который, будучи тяжело больным, стоял во

главе США и во время известных встреч «большой тройки» уступал почти по всем вопросам *Сталину*. Здоровый *Черчилль*, по этой версии, был бессилён при защите демократии и свободы: *У Рузвельта было наивное доверие к Иосифу Сталину. Рузвельт согласился со Сталиным почти по всем вопросам. Сталин, таким образом, расширил сферы своего влияния, включая Чехословакию. Он был для Рузвельта «дядя Джозеф»!* [Т 2016.23].

То же самое, согласно этой версии, произошло в результате болезни президента Чехословакии *Э. Бенеша*. На этот раз его болезнью воспользовался лидер чехословацких коммунистов *К. Готтвальд*, и в 1948 году, с согласия *Бенеша*, коммунисты взяли власть в свои руки и Чехословакия стала союзником СССР.

Подобных примеров в указанной статье много. Их главный смысл, кроме всего прочего, заключается в том, что болезни таких политиков, как *Рузвельт* и *Бенеш*, использовали сторонники *Сталина* для прихода к власти и установления союзнических отношений с СССР, что в конце концов привело к коммунистическому тоталитаризму.

Итак, тяжелобольной премьер *Фицо* дал повод для того, чтобы изобразить Россию в однозначно отрицательном виде посредством многообразных спекулятивных ассоциаций с СССР.

2.2. Ночные волки и Словакия

В русинской деревне Вельки Липник (русины-карпатороссы, четвертый восточнославянский народ, живущий в Карпатах) недавно установили памятник своему земляку по фамилии *Пьещак*, который в эпоху социализма стал влиятельным деятелем страны, в том числе был и генеральным прокурором Чехословакии. В наше время его обвиняют в злоупотреблении властью и в том, что он выносил несправедливые судебные решения. Нынешний староста деревни положительно оценивает помощь, которую *Пьещак* в свое время оказал родной деревне. Против памятника *Пьещаку* решили выступить лица, которые сами себя считают *борцами за свободу и демократию*, и указанный памятник уничтожили. И на этот раз данным информационным поводом воспользовался журнал «*Týždeň*» в репортаже под названием *Pješčakov kraj – Край Пьещака*, чтобы вызвать отрицательные ассоциации с многими людьми, живущими в этом регионе Восточной Словакии, где были в прошлом сильны идеи русофильства. Они существуют и в наше время. В данном случае в журнальной публикации сошлись вместе памятник *Пьещаку* и группа российских мотоциклистов, которые обычно в начале мая посещают памятные места Великой Отечественной войны за пределами России. Как известно, их называют *ночные волки*. Именно они стали очередным объектом антироссийской пропаганды: *Сильно прорусский староста Лабант похвалился, что в Вельком Липнике принял мотоганг Путина ночные волки* [Т 2016.23].

В антироссийском лагере *ночных волков* воспринимают как образец российской агрессивности, при этом регулярно подчеркивается, что некоторые из них являются личными друзьями *Путина*. *Ночные волки* и в 2016 г. прибыли в Словакию: *Главная стая ночных волков придет в Словакию* [S 4.5.2016].

С целью формирования по мере возможности полностью отрицательного образа *ночных волков* используются ассоциации с трагическими страницами истории России, например, с таким периодом, как эпоха *Ивана IV: У Ивана IV, известного как Грозный, была в свое время такая система. Опричниной это называлось. Если нужно было, варили противников Ивана в котлах или сдирали с них кожу. Немножечко изменились. Собачью голову заменила волчья* [S 4.5.2016].

В этом году польские власти не пропустили *ночных волков* в Германию через территорию Польши, притом официально их министр иностранных дел выразил недоумение в связи с действиями польских органов. Проходили многие дискуссии относительно маршрута движения *ночных волков* по Словакии и другим странам на их пути в Берлин к памятнику советским воинам. В СМИ появилась даже языковая игра с отрицательным оценочным фоном, которая основана на созвучии словацкого словосочетания *mat' vlka* (название болезни) с известным шахматным термином: *Mat' vlka, či mat vlka. – Иметь волка, или мат волка* [S 4.5.2016].

Другие словацкие СМИ преподносили информацию о *ночных волках* в более менее нейтральных тонах, когда называли самые известные места, связанные с памятниками советским воинам, которые *ночные волки* готовились посетить: *Из Славина ночные волки переехали в Свидник* [Р 5.5.2016].

Таким образом, *ночные волки* воспринимаются в некотором смысле как символ *русской силы*, которая для одних знаменует угрозу, для других – надежду. Именно так можно интерпретировать репортаж из Санкт-Петербурга, где в мае 2016 года проходил чемпионат мира по хоккею. Некоторые словацкие хоккеисты приняли участие в майском военном параде: *Хоккеисты посмотрели образец русской силы* [S.10.5.2016].

Итак, майские праздники становятся очередным поводом для расширения многостороннего образа России. Он проявляется еще и в отличии в интерпретации символического значения майских праздников: *Для одних – это годовщина освобождения, для других – окончание Второй мировой войны в Европе*.

2.3. Россия и НАТО

Очередной темой, связанной с Россией, является НАТО и его значение для нашей страны. В этой связи удивляет, что на бывшей территории СССР имеются военные базы НАТО (Румыния, Эстония, Польша, Косово), существование которых объясняется необходимостью защиты от предполагаемой *российской агрессии*. В начале июня 2016 года проходили большие маневры в восточной Польше, и великим историческим парадоксом были совместные боевые учения польских и немецких войск недалеко от западных границ России. Как не вспомнить в этой связи о немецких планах ликвидации славян? Поляки в их списках народов, подлежащих истреблению, были в числе первых. В наше время западники стали радоваться такому союзничеству под змеинным названием «Анаконда», призванному раздавить каждого «агрессора»: *НАТО готовится к войне с Россией* [S 8.6.2016].

Немцы явно снова возвращаются на свои вековые русофобские позиции, что очевидно приветствуют их сторонники. Некоторые немецкие политики требуют принять против России жесткие меры: *Германское министерство обороны рекомендует зачислить Россию в т.н. белую книгу, в которой отмечаются самые большие*

угрозы для безопасности [S 7.6.2016].

В современных немецких СМИ антироссийские темы доминируют. На обложке мартовского номера журнала «Шпигель» появился фотомонтаж с *А. Меркель*, позади которой стоят гитлеровские офицеры на Акрополе в Афинах в 1941 году. В номере напечатана статья, в которой содержится призыв к созданию *четвертого рейха* и обосновывается необходимость существования *ведущей нации* в современной Европе.

3. Россия все-таки нужна

Указанная в подзаголовке идея для Словакии не нова. Еще в XIX веке среди представителей словацкого национального движения были живы идеи о том, что славян спасет Россия. Это было тем более привлекательно, что большинство славянских народов было под гнетом других государств, например, словаки, чехи, русины, поляки, сербы находились в подданстве у Австро-Венгрии. Великий словацкий писатель *Ян Коллар* написал известное произведение «Дочь Слава», вождь словацкого национально-освободительского движения *Людовит Штур* издал книгу «Славянство и мир будущего», ученый европейского уровня *Павол Йозеф Шафарик* является автором книги «Славянские древности». Эти и другие произведения сыграли выдающуюся роль в национальной и культурной жизни населения Словакии и других славян. Когда в прошлом году (2015) в Словакии праздновали 200-летие *Л. Штура*, то были отмечены многие его заслуги, но в западническом лагере его русофильство посчитали серьезным просчетом и даже определенной наивностью.

Те же тенденции и настроения ощущаются и в наше время. Современные *западники* считают себя настоящими борцами за *свободу и демократию*, ссылаясь при этом на *западные ценности*, которые исходят, кроме всего прочего, из идей Французской революции. Но в данном контексте бросается в глаза, что из идей: *свобода, равенство, братство* – о *братстве-то не говорят*.

В отдельных СМИ однозначно доминирует отрицательное представление о России. Создается впечатление, будто оно преобладает также и в среде словацкой общественности. Но в последние годы в Словакии издается ежемесячник «*Zem a Vek*» («Земля и Время»), в котором печатаются материалы совершенно другого направления. Если в идеологическом противостоянии современности находится аксиологическая непримиримость Россия – Запад (США), в рамках которой Россия показана как *агрессор*, то авторы этого журнала показывают в позиции главного *агрессора* США. Так, Бекметов [Bekmetov 2016], анализируя политику США после Второй мировой войны, характеризует ее словами бывшего Генерального прокурора США *В. Р. Клэрка (William Ramsey Clark)*. Клэрк перечисляет 25 стран, в которых США после Второй мировой войны дестабилизировали обстановку (Вьетнам, Корея, Ирак, Афганистан, Иран и др.), в результате чего погибли миллионы людей, и добавляет: *Я думаю, что для сохранения мира нам нужна сильная и независимая Россия, поскольку русские представляют единственный народ, у которого есть предпосылки остановить опьянение убийством, которое продолжается от конца холодной войны. Русские – это единственный народ, способный предотвратить все более реальный сценарий геноцида* [ZaV.2016.6: с. 97].

Надо признать, что не все жители Словакии довольны тем, что бывшие страны советского блока стали союзниками Запада в рамках НАТО. И хотя в качестве основного аргумента сторонники членства в альянсе называют необходимость обеспечения безопасности в странах Восточной Европы, в первую очередь, от внешней угрозы со стороны России, с этой официальной пропагандой многие не могут согласиться. Известный словацкий певец *Й. Раж*, в частности, сказал: *Нашей единственной надеждой являются Путин и Россия. Русские пока представляют гарантию того, что мы тут живем спокойно. Но, когда их победят, нам никто уже не поможет. Я надеюсь, что русские не подчинятся. Если будет ликвидирован Путин, за которым так охотятся, то это будет и наш конец* [ZaV.2016.3].

Возвращение России на мировую политическую сцену на Западе воспринимают неодобрительно, в особенности это касается США, которые пытаются создать определенную заградительную линию из стран Восточной Европы. В некоторых из них размещаются американские войска и ракеты. В этих условиях вновь вошел в употребление географическо-стратегический термин *Междуморье*, который был известен и раньше, но теперь он воплощает идею единства стран Восточной и Центральной Европы как стратегического щита против России. М. Пуллман [Pullman 2016] с целью отрицательной характеристики данной стратегии использовал языковую игру, основанную на близости словацких слов *Medzimorie (Междуморье) – moriak (индюк): Ako sa pečie «Medzimoriak»*. – Как печется «Междуморяк» [ZaV.2016.4].

Аналогичные противоречия встречаются при оценке *антироссийских санкций*, а также *санкций России* против Запада. Эта тема регулярно обсуждается в связи с возможностью их ограничения, причем особо отмечается ущерб, который *санкции* принесли обеим сторонам. При этом подчеркивается, что словацкий премьер *Фицо* назвал *санкции* бессмысленными: *Ожидает Россию ограничение санкций со стороны ЕС?* [P.3.5.2016].

Некоторые авторы, например Бухлакова [Buchlaková 2016], приходят к заключению, что *санкции* больше навредили странам ЕС, чем России: *В войне санкций лидирует Россия. Страдают не только производители продовольствия* [P.1.6.2016].

Между *западниками* и современными словацкими *славянофилами* идет в буквальном смысле ожесточенная и бескомпромиссная борьба. Если отдельные авторы характеризуют Запад отрицательно, это объявляется *конспирацией и российской пропагандой*. В данном контексте происходит взаимное отвержение, как это показывают Перны, Бенка [Perný, Benka, 2016]. По их убеждению, цель *западников* – *Уничтожить эту отвратительную российскую пропаганду* [ZaV.2016.6].

Если уж говорить об *отвратительной пропаганде*, то она была продемонстрирована 8 июня 2016 года по вто-

рому каналу словацкого телевидения. В документальном фильме речь шла о принципе *свободы* в США и о его реализации через *свободную* продажу оружия гражданам. Приводимые факты были ошеломляющими: *В американских семьях имеется более чем 300 миллионов единиц огнестрельного оружия. Право иметь оружие есть также у слепых людей. Ежегодно в США оказывается застрелено около 33 тысяч человек. Однако массовые убийства лишь порождают у производителей оружия требование, чтобы в школах были вооруженные охранники. Их лозунги таковы: «Плохого человека с оружием остановит только хороший человек с оружием», «Кто хочет мира, готовится к войне (Цезарь)».* На ярмарках оружия проверяют свои способности дети [STV2.8.6.2016].

А между тем, 12 июня 2016 года в ночном клубе города Орlando в штате Флорида было расстреляно одним мужчиной 49 человек и несколько десятков были ранены. При этом в качестве главной темы в СМИ обсуждалась личность массового убийцы: *Является ли он исламистом, террористом, членом какой-либо преступной организации.*

То, что явный психопат приобрел без проблем оружие, из которого потом в течение трех часов расстреливал людей, не стало главной темой. А это ведь тоже результат американского понятия *свободы* – без братства.

ЛИТЕРАТУРА

- Сипко Й. Фрагменты языковой картины России в Словакии. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014.
Buchlaková Lernka. Vo vojne sankcií vedie Rusko. Pravda, 1.6.2016. – С. 12.
Bán Andrej. Pješčakov kraj. Týždeň. 2016.23. – С. 22–25.
Bekmetov A. Kritik americkej rozpínavosti. Zem a Vek, 2016.6. – С. 96–97.
Čobejová E. Krivošík L. Čobejová E. Keď vládnu choroby. Týždeň, 2016.23. – С. 4–11.
Perný Lukáš, Benka Marián. Nekalý boj s „konšpiračnou“ konkurenciou. Zem a Vek, 2016.6. – С. 80–81.
Pullman Milan. Medzimorie v hľadáčiku Oceánie. Zem a Vek, 2016.4. – С. 76–79.

Е. В. Соловьева

Нижний Новгород, Россия

МАНИПУЛЯТИВНАЯ МАКРОСТРАТЕГИЯ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (на материале статей, описывающих политику современной России)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению коммуникативной стратегии манипуляции, применяемой в современном немецком политическом медиадискурсе в целях формирования общественного мнения о современной России. Действие манипулятивной макростратегии раскрывается в частных стратегиях дискредитации, героизации и фрустрационной. В ходе исследования устанавливается частотность использования журналистами указанных стратегий, выявляются речевые тактики и набор лингвистических средств их реализации.

Ключевые слова: политический медиадискурс, коммуникативная стратегия, коммуникативные тактики, речевая манипуляция.

E. V. Solov'eva

Nizhny Novgorod, Russia

MACRO STRATEGY OF MANIPULATION IN GERMAN POLITICAL MEDIA DISCOURSE (a case study of articles describing modern policy of Russia)

Abstract. The paper looks at communicative macro strategy of manipulation, used in German political media discourse, and its role in formation of modern Russia's image. Macro strategy of manipulation is revealed in the coaction of discreditative speech strategy and strategies of heroization and frustration. Frequency of used strategies is measured, particular speech tactics and linguistic means are identified.

Keywords: political media discourse, communicative strategy, communicative tactics, speech manipulation.

Выделение политического медиадискурса (далее также политический медийный дискурс, политический дискурс СМИ) в особый тип коммуникации пробудило особый интерес со стороны политологов и лингвистов и способствовало объединению их усилий по исследованию данного феномена [Ишменев 2012, Русакова, Грибовод 2014: 65-77]. В широком смысле политический медиадискурс понимается как «совокупность медиатекстов, относящихся к политической сфере общества» [Иванова 2008: 29]. Значительная часть исследователей данного коммуникативного явления указывает на его пограничный характер, трактуя политический медиадискурс как зону пересечения политического и медиа дискурсов. В частности, Н.И. Клушина считает этот тип коммуникации продуктом медиотизации политической действительности в информационную эпоху [Клушина 2014: 66-73].

Сложный характер политического медиадискурса отражает определение К.В. Никитиной: «политический дискурс СМИ — сложное коммуникативное явление, имеющее своей целью борьбу за власть посредством формирования общественного мнения, включающее текст как вербализованный результат речи, контекст — ситуативный и социокультурный, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса» [Никитина 2006: 5].

Собственно лингвистический анализ политического медиадискурса ведется в рамках лингвокультурологии [Иванова 2008] и лингвопрагматики, в которой акцент делается на изучении его манипулятивных возможностей [Шакирова 2013: 157-161, Кручевская 2013: 71-74].

Манипулятивный потенциал политического медиа-дискурса обусловлен спецификой данной разновидности политической коммуникации, которая заключается, главным образом, в его опосредованности. Во-первых, в рамках данного типа дискурса тексты продуцируются не самими политическими субъектами, а журналистами, выступающими в роли посредников между политиками и широкой аудиторией. Во-вторых, политические медиатексты транслируются не напрямую, а посредством СМИ, то есть, жестко детерминированы идейным форматом передающего канала. Такая опосредованность дискурса значительно повышает субъективность и интерпретативность представляемой информации и предоставляет широкие возможности для манипулятивного воздействия на массового адресата.

В настоящей работе при рассмотрении феномена манипуляции акцент делается на ее стратегическом аспекте: манипуляция определяется как коммуникативная стратегия со скрытым характером воздействия и иллюкутивной установкой говорящего на навязывание своего мнения адресату [Соловьева 2013].

Современные исследователи отмечают сложный, многоплановый характер манипуляции и причисляют ее к уровню макростратегий (Е.В. Денисюк, А.А. Казаков, Г.А. Копнина). Под макростратегией манипуляции мы понимаем набор частных коммуникативных стратегий, объединенных задачей осуществления скрытого речевого воздействия на сознание реципиента. Анализ языковых фактов показывает, что политический медиадискурс не только демонстрирует наличие манипулятивного потенциала, но и детерминирован реализуемой им манипулятивной макростратегией.

Обоснованная систематизация частных коммуникативных стратегий в составе манипулятивной макростратегии проводится в работе И.Г. Катеневой (2010). Применяя критерии мотива общения и действительных интенций адресанта, автор выделяет в составе манипулятивной макростратегии частные стратегии **дискредитации** и **героизации**, **фрустрационную** и **псевдорационально-эвристическую стратегии**, а также определяет набор специальных тактик, реализующих каждую из них [Катенева 2010]. Терминология данной классификации используется в практической части настоящего исследования, имеющего своей целью проиллюстрировать действие манипулятивных стратегий в современном немецком политическом медиадискурсе, а также определить их роль в формировании образа государства (современной России) в сознании массового адресата (публики немецких читателей).

Языковой корпус исследования составили 37 статей немецкого он-лайн издания „Die Zeit“, описывающих российскую политику в 2014-2015 годах. Выбор тематики статей неслучаен: материалы он-лайн газеты, освещающие российскую политику и опубликованные в указанное время, привлекают особое внимание исследователя в силу высокой субъективности в описании, выраженной стереотипизации образов и театрально-агрессивного характера подачи информации. Из данных статей было отобрано 386 контекстов, представляющих собой случаи скрытого речевого воздействия на адресата посредством манипулятивных коммуникативных стратегий дискредитации, героизации, фрустрационной стратегии. В ходе исследования были собраны и систематизированы данные о частотности случаев реализации указанных стратегий и их частных тактик в текстах статей, а также установлены языковые средства, применяемые журналистом в качестве инструментов реализации стратегий. Далее приводится краткое резюме результатов проведенного анализа.

Согласно полученным статистическим данным, действие коммуникативной стратегии **дискредитации** было установлено в 47% отобранных контекстов. Данный результат является прогнозируемым, поскольку указанная стратегия признается исследователями одной из наиболее популярных в современной политической коммуникации. Характерной чертой стратегии дискредитации является проявление в ней речевой агрессии. Целевыми установками говорящего, реализующего стратегию дискредитации, являются снижение положительного образа дискредитируемого объекта, подрыв доверия к нему, умаление его авторитета и значимости. Осуществлению указанных целей способствует, в частности, высокая субъективность в выражении критики, когда говорящий сознательно отказывается от нейтральных, описательных языковых средств, приведения аргументов и доказательств обоснованности критики, а просто навязывает реципиенту негативную оценку того или иного объекта.

Анализ корпуса примеров показал, что манипулятивная стратегия дискредитации в текстах статей реализуется при помощи таких тактик, как **бездоказательное умаление авторитета, сопоставительная тактика, цитирование объекта дискредитации, превращение нейтральных контекстов в дискредитирующие**.

Применение немецкими журналистами тактики «бездоказательное умаление авторитета» было отмечено в 16% контекстов. Как показывает анализ, данная тактика используется для создания негативного отношения читателя к объекту критики (политике России) без предъявления аргументов или доказательств. Дискредитация в данном случае реализуется за счет обозначения ее объекта выражением, изначально содержащим в себе негативную оценку, например:

Propaganda und hässlicher Patriotismus töten jede Debatte: Die Hoffnung auf ein anderes Russland ist erstickt [J. Voswinkel, ZeitOnline 4. März 2015].

В приведенном высказывании для реализации указанной тактики автор применяет такие языковые средства как негативно окрашенный эпитет в составе оксюморона (*hässlicher Patriotismus* – *памфиотизм, исполненный ненависти*), метафор (*jede Debatte töten* – *убивать любые дебаты, die Hoffnung ist erstickt* – *надежда задушена...*). Тем самым приведенный фрагмент статьи приобретает характер не просто резко негативной оценки положения дел в современной России, но и безапеллятивного отрицательного прогноза без приведения объективных причин.

Сопоставительная тактика манипулятивной стратегии дискредитации была обнаружена в 13% контекстов. Суть ее заключается в сравнении современного этапа развития России с периодом 90х годов. Характерно, что данный период, который в самой России принято называть «лихими девяностыми» (имея ввиду нестабильность, шаткость системы, высокую преступность и социальное неблагополучие тех дней), в интерпретации немецких журналистов представляется светлым временем надежд и перемен, в сравнении с которым нынешняя Россия видится опасной и безнадежной. Проиллюстрируем это на конкретных примерах:

Es war ein wildes, aber auch weltoffenes und wissensdurstiges Russland. (...) Der Systemkonflikt war überwunden, und alles schien auf ein wohlhabendes und demokratisches, ein nicht bedrohliches, sondern inspirierendes Russland in Europa zuzulaufen (J. Voswinkel, ZeitOnline 4. März 2015).

(...) Doch seit gut einem Jahr zieht wieder erhöhte Kampfeslust in der Moskauer Straßenverkehr ein. So, wie es für eine halb kriegsmobilisierte Gesellschaft in der Wirtschaftskrise zu erwarten ist. Eine Gesellschaft, in die vor allem die staatskontrollierten Medien Intoleranz und Hass tragen, um sie zu spalten, zu entkräften... (J. Voswinkel, ZeitOnline 4. März 2015).

В приведенных отрывках явно прослеживается оппозиция «Россия сегодня – Россия тогда», носящая однозначно субъективный характер авторской интерпретации. Так, для описания «светлого прошлого» журналист использует прилагательные с положительной коннотацией (*ein wildes, weltoffenes, wissensdurstiges, wohlhabendes, demokratisches, inspirierendes Russland* – *дикая, но открытая, любознательная, благополучная, демократическая, вдохновляющая Россия*), располагая их в тексте по мере возрастания «положительного». В то время как нынешнее состояние российского государства автор рисует исключительно в мрачных тонах (*bedrohliches Russland* – *угрожающая Россия, erhöhte Kampfeslust* – *усилившийся дух борьбы, eine halb kriegsmobilisierte Gesellschaft* – *полумобилизованное общество, Wirtschaftskrise* – *экономический кризис, Intoleranz und Hass* – *нетерпимость и ненависть*). Представленная автором оппозиция прошлого и настоящего России носит откровенно дискредитационный характер, навязывая читателю ощущения утерянного шанса России, отсутствия перспектив и надежд.

Применение журналистом тактики «цитирование объекта дискредитации» было зарегистрировано в 11% контекстов. Ее сущность заключается в том, что цитируемое высказывание, по сути своей нейтральное, помещается в контекст, придающий ему совсем иное звучание. Слова автора, предваряющие цитату, либо короткий комментарий после нее, как правило, представляют содержание цитаты как очередной факт, дискредитирующий современную Россию, например:

Manches Zitat der Gesprächspartner darf nur noch anonym in einem Artikel benutzt werden. "Sie fahren wieder weg", sagen sie, "aber wir müssen weiter hier leben" [J. Voswinkel, ZeitOnline 4. März 2015].

Das Bildungsministerium arbeitet ein neues Programm der "militärpatriotischen Erziehung" aus. Ein Vertreter der ministeriellen Arbeitsgruppe erklärt das Ziel: "Den Kindern soll vor allem das Gefühl des Stolzes beigebracht werden, dass sie Bürger Russlands sind." In diesen Tagen klingt das beängstigend [J. Voswinkel, ZeitOnline 4. März 2015].

В данных примерах журналист приводит в качестве цитат нейтральные высказывания. В первом случае это слова одного из граждан России об эмигрантах: «они снова уезжают, а мы должны жить дальше здесь». Во втором случае цитируется высказывание российского чиновника: «детям нужно прежде всего привить чувство гордости тем, что они – граждане России»). Однако в словах автора, в первом случае,водящих цитату, а во втором – завершающих ее, явно прослеживается интенция сообщить содержанию цитаты иной смысл, нежели в нее закладывал цитируемый объект. Так, в первом случае из самой цитаты читателю неизвестны чувства говорящего: данные слова могли быть сказаны нейтральным тоном, либо с чувством сожаления, а может быть, с чувством гордости. Но замечание журналиста о том, что цитата приводится анонимно, заставляет читателя думать, что в ее содержании есть нечто, угрожающее безопасности цитируемого россиянина, а значит его слова, обращенные к эмигрантам, должны быть исполнены чувствами зависти и недовольства своей судьбой. Во втором случае авторский комментарий следует после цитаты и однозначно интерпретирует ее: *in diesen Tagen klingt das beängstigend* – *в наши дни это звучит пугающе*. Таким образом, нейтральное высказывание о том, что дети должны гордиться своей Родиной, усилиями журналиста представляется в сознании читателя дискредитирующим фактом, якобы указывающим на националистические настроения и полувоенную мобилизацию населения в России.

Действие тактики превращения нейтральных контекстов в дискредитирующие было установлено в 7% примеров языкового корпуса. В целом, интертекстуальная сущность этой тактики созвучна логике предыдущей тактике цитирования. Однако в данном случае для желаемой интерпретации читателем смысла вводимого текста журналисту даже не требуется сопровождать его своим комментарием, нужно просто удачно подобрать дискредитационный контекст. Самым наглядным примером здесь служит заголовок одной из статей *"Steh auf, du großes Land, steh auf zum tödlichen Kampf"* [J. Voswinkel, ZeitOnline 4. März 2015], передающая слова песни времен Великой Отечественной Войны «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой». Песня была и остается своеобразным священным гимном, имеющим особое значение в патриотическом сознании русских людей. Характерно, что данный заголовок предваряет статью, посвященную настроениям современного российского общества и направленную на то, чтобы внушить немецкому читателю мысль о том, что российская внешняя политика агрессивна, опасна, а сами россияне всерьез готовятся к войне.

Как показал проведенный анализ, манипулятивная стратегия дискредитации современного российского государства применяется в текстах немецких статей часто и эффективно. Благодаря ее действию журналистами рисуется отрицательный образ России как авторитарного государства, внутренняя и внешняя политика которого имеет выраженный милитаристский характер. Однако, изучение языкового материала позволило установить, что успешная реализация описанной стратегии в политическом медиадискурсе обусловлена одновременным действием противоположной манипулятивной стратегии – **стратегии героизации**, когда на негативном фоне

одних политических субъектов героизируются другие, представляющие собой противоборствующую сторону, которую поддерживает журналист.

Стратегия героизации применялась авторами анализируемых статей для осуществления скрытого воздействия на адресата в 22% случаев. В основе данной стратегии лежит интенция повышения авторитета некоего политического субъекта в сознании адресата коммуникации. Объектом ее в анализируемых контекстах является современная российская оппозиция – сила, которая, по мнению немецких журналистов, противостоит государственному диктату и борется за демократические идеалы. Данная стратегия реализуется в текстах при помощи тактики **создания образа защитника и подчеркивания высоких морально-этических качеств** (в настоящей работе мы рассматриваем эту тактику как единое целое, в отличие от трактовки И.Г. Катеневой, разделяющей их). Ср.:

Es war nicht die Opposition, die sich gestern in Moskau zu einem machtvollen Trauermarsch versammelte. Es waren verstörte und verängstigte Menschen, die ernsthaft ihre letzte Würde zu verteidigen suchten (J. Voswinkel, ZeitOnline 2. März 2015).

Darin erinnerten sie an die Protestdemonstranten vor gut drei Jahren, als junge Städter, Liberale, Intellektuelle gegen Präsident Wladimir Putin auf die Straße gingen, um ihre Würde und Moral zu verteidigen. Es war die Zeit eines so naiven wie kurzen Aufbruchs. Heute hegen die Demonstranten im Unterschied zu damals nicht einmal mehr die Illusion, auf das Geschehen im Lande Einfluss zu nehmen. Ihnen bleibt nur noch die Trauer (J. Voswinkel, ZeitOnline 2. März 2015).

Приведенные фрагменты статей иллюстрируют применение журналистами обозначенной тактики для создания героического образа российской оппозиции: самих демонстрантов автор статьи описывает, используя лексемы *jung* – молодой, *liberal* – либеральный, *intellektuell* – интеллигентный. Таким образом, состав оппозиционеров представляется в определенном свете: по мнению журналиста, в России протестуют молодые, либерально настроенные интеллигенты, за которыми будущее страны. Морально-этические качества героизируемых сил подчеркиваются при помощи слов и выражений высокого регистра (*machtvoll* – могущественный, *Würde verteidigen* – защищать достоинство, *Moral* – мораль, нравственность, *Aufbruch* – прорыв, пробуждение). Однако, рисуемый журналистами образ российского оппозиционера романтически неоднозначен: лексемы *verstört* – расстроенный, испуганный, *verängstigt* – запуганный, *naiv* – наивный, *Illusion* – иллюзия характеризуют демонстрантов как силу, потерпевшую поражение в неравной борьбе и достойную сожаления.

Фрустрационная стратегия, действие которой было обнаружено в 28% контекстов, направлена, в первую очередь, на активизацию определенных эмоций адресата. В ее основе лежит создание психологического напряжения, и, как результат, запугивание и дезориентацию читателя. В текстах немецких статей механизм данной стратегии заключается в изображении настроений в современном российском обществе таким образом, чтобы вызвать у читателя состояние тревоги, настороженности и подозрительности. Для реализации данной стратегии корреспонденты используют тактики **нагнетания отрицательных эмоций, шокирования «фактами» и негативного прогнозирования**.

Случаи применения тактики нагнетания отрицательных эмоций были отмечены в 14% контекстов. При анализе лингвистических средств реализации данной тактики в первую очередь обращает на себя внимание выбор слов. Среди наиболее частотных существительных, используемых журналистами при описании ситуации внутри России, выделяются две тематические группы: 1) единицы *Druck* (давление), *Angst* (страх), *Hysterie* (истерия), *Aggression* (агрессия), *Intoleranz* (непереносимость), *Hass* (ненависть), употребляемые по отношению к российским властям; 2) единицы *Ungewissheit* (неопределенность), *Hilfslosigkeit* (беспомощность), *Apathie* (апатия) – для описания настроений в российском обществе. Таким образом, авторы статей пытаются вызвать в сознании немецкого читателя эмоции страха, тревоги, недоверия по отношению к российской действительности, действиям российских властей и реакции простых граждан.

Действие тактики шокирования «фактами» было определено в 8% контекстов. Суть ее заключена уже в самом названии: журналист избирательно освещает те факты, которые способны вызвать крайнее удивление и неодобрение читателя. Приведем лаконичный пример:

Im Kindergarten üben sie wieder Lieder aus der Stalinzeit [J. Voswinkel, ZeitOnline 4. März 2015]. *В детских садах они снова разучивают песни сталинской эпохи* (перевод наш).

Данный фрагмент немецкой статьи обыгрывает упомянутую ранее тему военно-патриотического воспитания российских детей. Автор пытается представить факт того, что дети в российских садах учат военные песни, как нечто из ряда вон выходящее. Для усиления эффекта журналист использует прием аллюзии – отсылки к советскому прошлому России при помощи единицы *Stalinzeit* (эпоха Сталина). Упоминание фигуры Сталина, однозначно интерпретируемой европейцами как жестокого тирана и палача, в одном контексте с воспитанием детей, является латентным призывом к осторожности и осмотрительности во взаимоотношении с современной Россией, имеющей, по мнению журналистов, имперские амбиции.

Случаи применения тактики негативного прогнозирования составили 6% примеров. В данных контекстах журналисты прямым или косвенным образом представляют читателю свой сценарий развития ситуации в России, который, в целом, отличается мрачностью и бесперспективностью. Наглядным примером служит подзаголовок одной из статей:

«Anpassen, wegschauen – oder das Land verlassen» (приспосабливаться, оглядываться или покидать страну) [J. Voswinkel, ZeitOnline 4. März 2015].

В данном заголовке в лаконичной форме инфинитивного предложения автор намеренно создает впечатление, что в будущем у граждан России только два пути – подстроиться под систему, либо убежать от нее.

Как уже говорилось ранее, в работах, посвященных изучению макростратегии манипуляции, выделяется также псевдорационально-эвристическая стратегия, направленная на убеждение читателя при помощи псевдоаргументации, создания иллюзии совместного рассуждения. Следует отметить, что анализ языковых фактов в рамках настоящего исследования не выявил достаточного количества примеров, позволившего установить факт применения этой стратегии в немецких статьях, освещающих политику России. Неявные признаки ее были замечены в 3% примеров, которые следует признать скорее случаями наложения сразу нескольких манипулятивных стратегий (дискредитации, фрустрационной и псевдорационально-эвристической), поэтому анализ действия указанной стратегии, взятой в отдельности, не представлен в настоящей статье.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что действие манипулятивной макростратегии в современном немецком политическом медиадискурсе, рассмотренное на примере статей о России, демонстрирует высокие показатели частотности и эффективности. Данная стратегия реализуется посредством частных манипулятивных стратегий – дискредитации российского государства (а именно, его внутренней и внешней политики), героизации российской оппозиции и фрустрационной стратегии, направленной на создание эмоционально напряженного фона статей. Указанные стратегии в составе макростратегии манипуляции дополняют и усиливают действие друг друга, что обеспечивает высокий прагматический эффект высказываниям журналиста и воздействует на массовое сознание, направляя его мысли и чувства в заданное русло. По результатам исследования дополнительно можно сделать вывод межкультурного характера: запланированная реализация макростратегии манипуляции в немецких статьях о России имеет своей целью создание образа государства, для которого характерны жесткий политический режим, постоянный внутренний контроль и слабость оппозиции. Рассматривая будущее России сквозь призму указанных факторов, современная немецкая политическая пресса негативно оценивает тенденции в перспективах ее развития и стремится внушить данную интерпретацию массовому адресату.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванова С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. Вып. 1 (24). Екатеринбург, 2008. – С. 29-33.
- Ишменев Е.В. Политический медиадискурс: теория и национальные модели. Екатеринбург : ИД «Дискурс-Пи», 2012. – 128 с.
- Катенева, И. Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ (на примере общественнополитических оппозиционных изданий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. – 24 с.
- Клушина Н.И. Язык прессы, медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. 2014. № 1. – С. 66-73.
- Кручевская Г.В. Политический медиатекст: к проблеме идентификации // Журналистский ежегодник выпуск. 2013. № 2-1. – С. 71-74.
- Никитина К.В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием // Управление общественными и экономическими системами: многопредмет. науч. журн. Орел : Орел ГТУ, 2006. – С. 1-7.
- Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник института философии и права уральского отделения российской академии наук. 2014. Т. 14. Вып. 4. – С. 65-77.
- Соловьева Е.В. Функционально-прагматический потенциал речевого акта возмущения в современном немецком политическом дискурсе : дисс. ... канд. филол. н. Н. Новгород, 2013. – 199 с.
- Шакирова Э.Р. Реализация негативной оценки в современном англоязычном политическом медиадискурсе // Вестник башкирского университета. 2013. Т. 18. №1. – С. 157-161.
- Voswinkel, J. «Steh auf, du großes Land, steh auf zum tödlichen Kampf» // ZeitOnline 4. März 2015, 12:49 Uhr [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2015-03/russland-putin-ukraine>.
- Voswinkel J. Ein letztes Aufbäumen der Hoffnungslosen // ZeitOnline 2. März 2015, 7:10 Uhr [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2015-03/russland-boris-nemzow-mord-opposition-demonstration-wladimir-putin>.

О. А. Солопова

Екатеринбург, Челябинск, Россия

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО ИЛИ «ЭТА АГРЕССИВНАЯ РОССИЯ» (на материале британского политического дискурса XIX века)

Аннотация. На восприятие зарубежной аудиторией России, ее политики и народа значительное влияние оказывает подача информационного материала: одно и то же событие может быть по-разному передано и интерпретировано, что влечет за собой формирование «нужного» образа в сознании реципиента. Образ России опирается на сформированные в прошлом стереотипы, укоренившиеся в сознании западного читателя. Актуальна в этом случае метафора «кривого зеркала» – субъективного восприятия России, в искаженном отражении которого слабо различимы лишённые пропорций черты страны. Зачастую к факторам, оказавшим влияние на формирование устойчивого образа страны как «империи зла», угрозы цивилизованному миру, относят биполярное противостояние периода холодной войны. Анализ материалов британского политического дискурса XIX века доказывает, что ключевая составляющая негативного образа России как страны-агрессора имеет длительную историю.

Ключевые слова: политический дискурс, настоящее, будущее, агрессия, образ России, метафора.

DISTORTING MIRROR OR 'THIS AGGRESSIVE RUSSIA' (based on the British political discourse on the XIX-th century)

Abstract. Perceptions of Russia, its policies, values, and people by the foreign audience are significantly affected by presenting the information: one and the same event may be differently rendered and interpreted, which is a drag on getting "the right message". Anti-Russian sentiment is based on stereotypes entrenched in the consciousness of the Western reader. The popular vision of Russia resembles the reflection in a distorting mirror: its features are recognizable, but they are stretched and twisted out of proportion. Many of these stereotypes and prejudices about Russia (as the "evil Empire", a threat to the civilized world and global stability) were developed during the bipolar confrontation of the Cold War. The analysis of the material (British political discourse, XIXth century) proves that the key component of the negative image of Russia as an aggressive country has had a longer history.

Keywords: political discourse, present, future, aggression, image of Russia, metaphor.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102)

Санкционный формат отношений между Россией и Западом на современном этапе, новые витки санкций в отношении РФ и внедрение ею ответных мер в отношении США и стран Европы, по мнению аналитиков и политологов, реанимируют отжившие геополитические стереотипы времен «холодной войны» с доминантным образом агрессивной России, долгосрочной угрозы мировому сообществу.

Материалы проведенного исследования [Солопова 2016] показывают, что ключевая составляющая негативного образа России как страны-агрессора имеет длительную историю. В качестве иллюстративного примера приведем британский контекст XIX века, который звучит потрясающе злободневно и без указания даты и принадлежности определенному национальному дискурсу может быть с успехом отнесен как к *современному* британскому, так и к американскому дискурсу о России: *The great problem which European statesmen have to solve is how to confine the northern Colossus with his grasping ambitions and gigantic resources within his own icy dominions. The instinct of self-preservation impels them to concert measures for restraining within his ancient limits the glacial autocrat in whose giant gorge all the petty European despotisms would disappear* / Rrynold's Newspaper, 12.06.1855 (GB). [Огромная проблема, которую требуется решить европейским политикам, заключается в том, чтобы удержать северного колосса с его захватническими амбициями и громадными ресурсами в его собственных ледяных владениях. Инстинкт самосохранения заставляет их сообща принимать меры, чтобы заточить ледяного тирана в его прежних границах, тирана, в чьей огромной пасти исчезли бы все мелкие деспотии Европы].

Ретроспективный срез (1855–1881), анализ материалов которого представлен в настоящей статье, является рубежным этапом развития западной прессы, и прежде всего британской. Для данного периода характерно появление военной журналистики, фотографии, развитие телеграфа, то есть ускорение информации, увеличение численности периодических изданий, рост их тиражей, расцвет периодической печати в целом [Беспалова 2003: 32]. Именно в этот период Россия становится объектом анализа в зарубежной прессе: «большая игра» между Российской империей и Великобританией нуждается в интерпретации. Великобритания обеспокоена экспансией России на Кавказе, возможным продвижением в Среднюю Азию, усилением ее влияния на Балканах, что является определяющим фактором в конструировании образа Российской империи как «враждебного Другого» в британском политическом дискурсе: *Russia is a military despotism which is not only a standing menace to Britain, but a reproach and danger to the civilized world* / Aberdeen Journal, 23.09.1879 (GB). По справедливому замечанию исследователей, для внешней политики жизненно необходим стойкий стереотип «врага», который покушается на все материальные и духовные ценности страны [Шейгал 2000; Fairclough 1989: 19]. Российская империя представляется не просто Другим, но врагом, сознательно посягающим на величие и силу европейских держав, врагом, которого стоит бояться. Ее образ пронизан концептуальными векторами страха, неприятия, острой враждебности: Российская империя неудобна и опасна для европейских государств; она не только является самым последовательным внешним недругом Великобритании, но и угрозой всему цивилизованному миру.

Показательно, что в британском политическом дискурсе XIX века Европа каждый раз предстает как целостный, единый политический организм, когда определяет свое отношение к России: *It has been for half a century the dread of every European nation, for Russia is feared in Europe as the great northern bear* / Northern Echo, 23.12.1878 (GB). В XIX веке противостояние между исторической традицией социальной иерархии и либерально-демократической унификацией выкристаллизовывается в политическое противостояние между Россией и западной Европой, олицетворяемой, в первую очередь, Великобританией [История России 2012: 52]. Концептуальные векторы масштабности (great), агрессивности, угрозы (bear), оторванности, удаленности от Европы (northern) типичны для контекстов анализируемого периода: небольшая уютная Европа противостоит не-евроцентристской цивилизации, огромной северной державе, внушающей ей ужас и заставляющей трепетать от страха.

Концептуальные векторы враждебности, непримиримого соперничества превалируют при моделировании существующих и ожидаемых отношений Российской империи и европейских держав. В качестве основного, постоянного и дееспособного антагониста России выступает Великобритания: *The day may be far off, but it is approaching as surely, if not more surely, than ever did the time of Russian and English hostile contact* / Hull Packet and East Riding Times, 01.12.1876 (GB). Образы государств – России и Великобритании, враждебные по отно-

шению друг к другу, меняются, возникают ситуативно в контексте конкретных политических событий. Раздраженная внешнеполитическими успехами России, Британия последовательно борется с российской экспансией на Балканах, в Закавказье, в Средней Азии и внимательно следит за поведением России на Дальнем Востоке. В центре внимания русских императоров и монархов Великобритании находится также восточный вопрос. Интересы России, стремящейся добиться защиты прав православных народов и утвердить влияние в проливах Босфор и Дарданеллы, противоречат устремлениям и геополитическим интересам Британской империи: *Russia's interests demand that her influence shall be controlling upon the outlet to the Black Sea, – the Bosphorus and Dardanelles, – that she should be able to discriminate in favor of her own commerce in that quarter. This England will not submit to* / Daily Post, 24.02.1878 (GB).

Устойчивое негативное отношение двух империй друг к другу в британском дискурсе эксплицируется на уровне прямых номинаций *соперник* (a rival, a rivalry, an adversary), *враг* (an enemy, an animus, a foe, an antagonist, an opponent): *The two influences (Russia and England) immensely extended, and now, as before and afterwards, rivals* / Freeman's Journal, 02.09.1864 (GB).

Образ врага формируется не только за счет прямых номинаций, на его создание работают как лингвистические средства, обозначающие агрессию в настоящем, так и вербализующие потенциальную возможность к проявлению агрессии в будущем. Отношения между странами и народами моделируются в негативном ключе, милитарная метафорика сопровождается частыми повторами и варьированием лексем со значением «агрессия» (a conflict, a strife, a struggle, a Herculean struggle, a conquest, a panorama of the war, warlike, to make the war one of conquest, to guard oneself against Russia, to fight against destiny, to threaten, to make a general dash at each other's throat, an arbitrament of the sword, to force, a force to fear, to forcibly restrain, to crush out, a victim, etc.): *Russia is a nation, like Rome, one camp, organised for the especial object of destruction. With such a race, conquest is a necessity. Nothing but a sally of force can restrain her progress* / Daily News, 22.12.1856 (GB). В британском политическом дискурсе рассматриваемого исторического периода часто звучит призыв к открытому противостоянию с Россией – державой, стремящейся уничтожить западную цивилизацию. Война с Россией принимает апокалипсический образ последней битвы между двумя духовными и политическими мирами – Востоком и Западом, Азией и Европой, деспотией, тьмой, застоём и свободой, светом и прогрессом.

Конкретная политическая ситуация дает возможность британским аналитикам включать Российскую империю в европейское пространство или исключать из него в соответствии с устремлениями и интересами собственной державы. В любом случае (в качестве врага или союзника) Великобритания не мыслит свое будущее и будущее Европы без влияния и вмешательства Российской империи: *Both Empires (Russia and Britain) are increasing, though in different degrees, in all elements of power, and neither of them is going to disappear, or to permanently enfeebled. What is of still more importance as years roll on, their interests will inevitably be brought into closer connection, whether hostile or friendly, at an increasing number of points* / Daily News, 13.02.1878 (GB).

Для Великобритании Российская империя является объектом сопоставления, предоставляя антиобразцы решения внутриполитических проблем государства и оправдания собственного внешнеполитического курса: *Between the Black Empire of the North and our little sea-girt kingdom can be neither peace nor truce, for one is despotism incarnate, and the other is the chosen Champion of European Freedom* / Western Daily Press, 26.03.1877 (GB). Восприятие России детерминируется субъективными характеристиками страны, которой принадлежит дискурс. Российское государство является тем зеркалом, в котором Британия видит свою противоположность: огромная «черная» северная держава, воплощение деспотизма, противопоставляется миниатюрному морскому королевству, олицетворяющему свободу и независимость. Символика «черной» империи выполняет важную прагматическую функцию. Как отмечают исследователи, основными символами черного цвета «black» в британской лингвокультуре являются ночь, темнота, распад (разложение) материи, смерть, пугающее и/или безнадежное несчастье, катастрофа, неприятности, мистическое зло [Болотина 2011; Гущина 2013]. Метафора «черная империя», с одной стороны, представляет Российскую империю как таинственную, непонятную и оттого опасную и деструктивную страну, с другой стороны, черный цвет, заключая в себе символику смерти, распада, несчастья, бедствия, моделирует неизбежное мрачное будущее России.

Оценка другой страны формируется с позиций соответствия/несоответствия собственным просвещенным политическим институтам: *The shadow of the Russian Colossus is over the whole of continental Europe. It is the shadow of death. Within its black and chilly gloom freedom cannot live; the progress of the human mind is checked; hope herself grows faint; faith is changed into doubt; and despair with her raven wing and vulture beak, settles on the souls of men. If such be the effects of the shadow of northern absolutism, what must they be if the "substance" advances westward – should the Cossacks again water their horses in the Seine, and the czar issue his ukases from the Tuileries?* / Morning Post, 26.10.1876 (GB). Тень русского колосса, словно тень смерти, нависла над Европой; ее черный холодный мрак душит свободу, превращая ее в сомнение; здесь умирают надежды, останавливается жизнь; объятия иссиня-черных крыльев отчаяния и безысходности окутывают души людей. Выбор метафорических единиц «тень, тень смерти, черный холодный мрак, иссиня-черные крылья безысходности» (shadow, shadow of death, black and chilly gloom, despair with her raven wing) основан на имплицитном архетипическом противопоставлении света и тьмы. Метафорическое словоупотребление substance (субстанция, вещество) в риторическом вопросе коррелирует с метафорой тени русского колосса, преграды свету, чей громадный силуэт грозит полностью заслонить собой солнечный свет. Тьма, ассоциативно связанная с мрачными черными тонами (black, raven), леденящим душу холодом (chilly, northern), олицетворяет Российскую империю, является символом негативных сторон бытия, смерти, греха, невежества, вселенского зла. Тень (российская абсолютная монар-

хия) – это сам дьявол, тиран, забирающий души, подавляющий разум и управляющий чувствами (the progress of the human mind is checked, despair with her raven wing and vulture beak, settles on the souls of men). Дополняет мрачную картину настоящего метафора безысходности с «клювом грифа» (vulture beak), хищной птицы, питающейся падалью, огромный зоб и желудок которой позволяет потреблять и переваривать большое количество *любой* пищи. В данном метафорическом словоупотреблении заложена негативная оценка экспансионистского напора Российской империи в настоящем и ее вероятных намерений и возможностей территориального расширения в будущем: русский колосс, нависший над Европой, как гриф, парящий на большой высоте, уже высматривает новую добычу. Таковы настоящее российского абсолютизма и его влияние на общественно-политические процессы как внутри страны, так и за ее пределами. Риторический вопрос нацеливает на рассмотрение действительной ситуации в проекции будущего, прогнозирует развитие настоящего и осуществляет попытку воссоздания картины будущего. Используемые в риторическом вопросе средства модальности работают на семантику будущего, подчеркивая его предпрешенность, неотвратимость, судьбоносность: форма сослагательного I (Subjunctive I) глагола (such be the effects) в придаточном реального условия используется в значении общеизвестной истины, настоящего обычности, неизменного положения вещей, подчеркивая перманентные характеристики «мрачного» настоящего и его развития в не менее «мрачное» будущее; модальные глаголы must, should (what must they be, should the Cossacks water) употреблены в значениях «неизбежной обязательности, обусловленной природой сущего», действия, «уготованного судьбой» (obligation arising out of the nature of things and consequently inevitable); «ожидаемого вследствие естественного хода вещей действия» (something which is naturally expected). Апелляции к прецедентному событию в риторическом вопросе – к Отечественной войне между Российской империей и наполеоновской Францией, к великой победе русского народа, освободившего свою страну и Европу от наполеоновской тирании и триумфальному шествию по столице поверженного врага – носят негативный коннотативный характер, включая механизм напоминания о важных событиях и фактах и встраивая их в новый контекст. Российская империя выступает не как освободительница, а как захватчица; новая угроза Европе, подобная прежней, манифестируется использованием наречия again (вновь), которое планирует будущее в свете уже происшедшего: *будут ли вновь казаки поить своих лошадей из Сены, а русский император издавать указы в кабинете дворца французских королей Тюильри?* Концептуальная метафора «тень русского колосса» выступает основой контаминации лингвистических средств метафорического и неметафорического характера, эксплицитно и имплицитно работающих на создание образа предпрешенного «мрачного» будущего, уготованного опасной и агрессивной Российской империи.

В британском политическом дискурсе рассматриваемого хронологического среза особенно активны «медвежьи» метафоры как маркеры агрессивности, чуждости, инаковости: *There is something very imposing indeed in Russia's great sound and fury. When a wild bear is roaring, and lashing his tail, and showing his teeth, and preparing for a deadly spring, he expands into the infinite, and it is difficult to realize that in a few seconds he may be a lump of carrion, covered with a hearthrug or a winter cloak* / The Times, 24.11.1855 (GB). Прагматические смыслы, формируемые метафорами данной группы, можно представить следующим образом: подобно медведю, Россия играет с Европой до тех пор, пока не подготовится к внезапному захвату. Она хитра, умело пользуется подозрительностью Европы и по ее виду ничего не предугадает. «Медвежьи» метафоры агрессивны, прагматически запрограммированные на устрашение читателя, они создают образ дикой, рычащей, скалящей зубы Российской империи, образ медведя, который в скором времени должен превратиться в кусок мертвечины. Метафора «северный медведь», являющаяся устойчивым субститутутом российского государства в ретроспективных англоязычных слотах, не только указывает на географическое расположение Российской империи в Северном полушарии, она наполнена яркими прагматическими смыслами. В большинстве культур север является средоточием зла, прегрешений и нечисти, традиционно символизируя агрессивные силы, тьму, холод и хаос. Следует отметить, что в британском дискурсе метафора «северный медведь» уточняется, превращаясь в «русского медведя», который символизирует как само государство российское, так и ее верховного правителя: *The Russian Bear's Visit to England* (Reynolds's Newspaper, 24.03.1857 (GB), *British Bloodhounds Helping the Russian Bear* (Pall Mall Gazette, 22.03.1863 (GB), *The Russian Bear Uneasy Again* (Preston Chronicle, 19.11.1870 (GB), *The Russian Bear and his Turkey* (Reynolds's Newspaper, 07.11.1875 (GB), *The Russian Bear and the British Lamb* (Oxford Times, 28.02.1875 (GB).

В рамках зооморфной метафорики еще одним доминантным образом, заряженным явно выраженным негативным прагматическим потенциалом, является «волчья» метафора: *Russians, Cossacks, Tartars, Circassians, Kirghese, Bashkirs, Calmucks, and a host of other hordes – all good fighting men of their kind. They have nothing to lose. The clime they inhabit is one of the bleakest, coldest, most barren, most accursed climes in the universe – fit for wolves alone – made for them, in fact. Who could stop them? How is it that the politicians seem to have forgotten that the Russian wolves are howling at the frontiers?* / Sheffield Daily Telegraph, 26.09.1876 (GB). Крепкая стая русских волков, армия Российской империи представляет собой иерархическую семью, подчиняющуюся единому вожаку. Русские волки воспитаны суровым климатом, неприхотливы, привычны к кочевому образу жизни, выносливы и свирепы, что повышает их шансы в борьбе за новые территории, на которые у Великобритании собственные планы. Границы России все более начинают придвигаться к границам сфер влияния Британской империи, что объясняет насыщенность дискурса о России единиц с негативными прагматическими смыслами «чуждости», «инаковости», направленными на формирование негативного образа политического противника и его вероятного будущего.

В британском дискурсе рассматриваемой исторической эпохи настоящее и будущее России определяются не столько ее объективными характеристиками (не ее реальными достоинствами или недостатками и не некими формальными показателями ее состояния и основных тенденций ее развития). На формирование образа страны влияет

специфика субъективного восприятия России британской аудиторией. «Враждебный Другой» наделяется отрицательными характеристиками, которые сознательно гипертрофируются. Образ России часто не соответствует реальному положению дел и объективным характеристикам национального развития. Восприятие страны и, соответственно, прогнозирование ее вероятного будущего в значительной мере детерминируются идейно-политическими установками аудитории, исторически сформировавшимися стереотипами ее мышления, инерцией свойственных ей культурно-политических предубеждений, штампами ее исторической памяти. Взаимное недоверие, подозрительность, конфронтация двух держав в военной области, начавшиеся во время Крымской войны, продолжают в последующие годы. Конфликты супердержав способствуют сохранению образа внешнего врага: коллективная историческая память сохраняет и передает из прошлого в настоящее и будущее ранее сформированный образ «Враждебного Другого», воскрешая и обновляя его при возникновении новой опасной ситуации.

Сконструированный образ внешнего врага, внешней угрозы отвлекает от внутренних проблем, способствует оправданию и продвижению собственных геополитических схем и сплочению нации перед лицом внешней опасности. Именно поэтому Россия должна быть не только огромной и сильной, но страшной и агрессивной. Особенно актуальна в этом случае метафора «кривого зеркала» – субъективного восприятия России, в искаженном отражении которого слабо различимы лишённые пропорций черты страны.

ЛИТЕРАТУРА

- Беспалова А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П. и др. История мировой журналистики. М.; Р на/Д. : Изд. центр «МарТ», 2003. – 432 с.
- Болотина М. А., Шабашева Е. А. Символика цвета в русском и английском языках // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2011. Вып. 2. – С. 7–12.
- Гущина Л. В. Специфика идиоматического цветообозначения в английской лингвокультуре // Филологические науки. 2013. № 4. – С. 67–75.
- История России с древнейших времен до наших дней : учеб. в 2-х томах. Т. 2 / А. Н. Сахаров, А. Н. Быханов, В. А. Шестаков; под ред. А. Н. Сахарова. М. : Проспект, 2012. – 720 с.
- Солопова О. А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политический дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014) : дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.20; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2016. – 606 с.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: моногр. М. : Гнозис, 2004. – 326 с.
- Fairclough N. Language and Power / N. Fairclough. – New York: Longman Inc., 1989. – 135 p.

А. В. Сосипатрова
Кемерово, Россия

ФЕНОМЕН КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТАФОРЫ РОДСТВА

Аннотация. В данной статье рассматривается специфика метафор родства, репрезентирующих феномен коррупции в современных средствах массовой информации в период 2000–2016 годов («Комсомольская правда», «Наука и жизнь», «Советская Россия» и т.д.). Описывается структура метафорической модели родства. Выделяются структурирующие ее фреймы и слоты. Определяются особенности каждого представленного вида родства, его прототипические признаки, устанавливаются основания, позволяющие рассматривать коррупцию в категориях родства.

Ключевые слова: коррупция, метафора родства, метафорическое моделирование, фрейм, слот, современный дискурс СМИ.

A. V. Sosipatrova
Kemerovo, Russia

THE PHENOMENON OF CORRUPTION IN MODERN MASS-MEDIA THROUGH THE PRISM OF THE METAPHOR OF RELATIONSHIP

Abstract. The article studies the specific character of metaphors of relationship representing a phenomenon of corruption in modern mass media during about 2000–2016 («The Komsomol truth», «The Science and a life», «The Soviet Russia», etc.). Described the structure of metaphorical model of relationship. Allocated structuring it frames and slots. Features of each presented type of relationship, its prototypical aspects, the bases are established, allowing to consider corruption in categories of relationship.

Keywords: corruption, metaphor of relationship, metaphorical modelling, the frame, the slot, a modern discourse of mass-media.

Проблема коррупции является сегодня одним из главных объектов изучения для многих дисциплин – от юриспруденции и экономики до психологии и лингвистики. Возможно, это обусловлено универсальностью коррупции как особого социального явления, которое существует в любом обществе, и искоренить его полностью невозможно. Повышенный интерес со стороны исследователей к данной проблеме вызван также сложностью и неоднозначностью феномена коррупции, поскольку «под этим названием скрываются несколько явлений совершенно разного порядка, объединенных лишь формальным сходством – куплей-продажей властных полномочий. Различия – в мотивах, результатах и субъектах взятки, причем различия очень существенные» [Аверкиев 2012].

Первоосновы изучения коррупции заложила юриспруденция как наука о государственном устройстве и

правах человека. На современном этапе развития науки к сообществу научных дисциплин, изучающих феномен коррупции, присоединилась лингвистика, в частности такое ее направление, как политическая лингвистика, которая занимается исследованием отдельных экономических и юридических понятий, в том числе коррупции (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов и др.) с помощью нового когнитивного метода изучения общественного сознания – метода метафорического моделирования, который основан на анализе метафор, функционирующих в дискурсе о коррупции. В политической лингвистике метафора рассматривается как «имеющий сложную природу феномен, обусловленный факторами не только языкового, но и ментального характера, универсальный когнитивный механизм, способ познания, структурирования и объяснения мира» [Кондратьева 2014: 19].

Когнитивный потенциал метафоры базируется на процессе аналогии, который «состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Лакофф, Джонсон 1990: 389]. Так, представление коррупции с помощью категорий, относящихся к сфере родства, позволяет увидеть разные стороны данного явления и выявить значимые для носителей языка признаки современной коррупции, «причем это может относиться как к тому, что осознается человеком, так и к тому, что остается в сфере подсознания» [Баранов 2004: 71].

Данная статья посвящена рассмотрению и выявлению закономерностей в использовании метафоры родства для репрезентации феномена коррупции в современном дискурсе СМИ (2000–2016).

В средствах массовой информации XX века метафора родства активно использовалась для иллюстрации и осмысления феномена коррупции, выявляя значимые признаки явления: *Буквально – отпрыски коррупции, плоды непотизма, результаты наследственной безыдейности* (Литературная газета, 1989). *Убедили всех в том, что рынок и воровство – это одно и то же. Что частная собственность и коррупция – «близнецы-сестры»* (Известия, 1999); *Политические распри и коррупция – близнецы-братья. Обе эти открытые язвы нашего общества порождаются стремлением тех или иных групп к несправедливому присвоению общественного богатства* (Известия, 1999).

В современном дискурсе СМИ метафорическая модель родства представляет отношения между коррупцией и государством, между коррупцией и гражданами, между коррупцией и иными экономическими и социальными явлениями в государстве. Эти отношения характеризуются как отношения в семье, члены которой связаны между собой генетической связью.

Анализ языкового материала показал, что при осмыслении коррупции задействованы сведения только из субсферы «Кровное родство». Кровное родство основано на происхождении от общих предков и потому является самым важным, первостепенным видом родства и характеризует наиболее близкие связи коррупции с другими экономическими и социальными явлениями, а также выявляет первоосновы коррупции.

1.1. Слот «Родители». С помощью метафорического представления феномена коррупции как матери актуализируется ее способность выступать источником какого-либо процесса в государстве: *Парагвайский диктатор Стресснер сказал: «Необходимо поощрять коррупцию, ибо коррупция порождает соучастие, а соучастие порождает преданность»* («Новая газета», 2003); *До тех пор, пока государство определяет правила игры на рынке и выступает на этом же рынке самостоятельным игроком, коррупция будет воспроизводиться в автоматическом режиме* («ПОЛИТКОМ.РУ», 2003); *Очень скоро стало еще хуже: места тех, кто с коррупцией должен бороться, заняли те, кого коррупция породила и вскормила* («Наука и жизнь», 2009). Как правило, коррупция – это деятельность нескольких лиц, как минимум двух: того, кто дает взятку, и того, кто ее берет. Вступая в коррупционные отношения, чиновники автоматически становятся соучастниками, поскольку они осознанно и вместе участвуют в преступлении. Соучастие же порождает преданность, так как чиновники оказываются в зависимости друг от друга, ведь если раскроется их сделка, то пострадают оба. Коррупция будет источником новых коррумпированных чиновников до тех пор, пока не только деятельность граждан, но и деятельность государства не будет строго контролироваться законом.

1.2. Слот «Дети». Коррупция может выступать не только в роли родителя, но может и сама порождаться какими-либо явлениями и процессами в государстве, функционируя в роли ребенка. В современном дискурсе СМИ момент рождения того или иного политического феномена актуализирует причины его появления: *А потом начнут уничтожать систему и, борясь за собственное выживание, породят на свет организованную преступность, коррупцию, ускорят развал промышленности, создадут фундамент приватизации страны...* («Миллионер», 2004); *Квоты только плодят коррупцию* («Труд-7», 2010). Причиной появления коррупции является борьба чиновников за выгодное положение в органах государственной власти, за получение материальной прибыли любой ценой, несмотря на развал самой системы государственных отношений.

Результатом действия чиновников и, как следствие, самого существующего политического строя России, является коррупция: *Коррупция является таким же детищем существующего строя, как продажа людей – детище крепостного права* («Советская Россия», 2003); *Но ведь коррупция – это наше с вами детище* («Комсомольская правда», 2007). Таким образом, коррупция предстает как характерное для современной России явление.

1.3. Слот «Братья и сестры». Данный слот помогает выявить связь коррупции с другими политическими и экономическими явлениями. Коррупция может выполнять социальную роль сестры: *В хаосе рождается спекуляция – родная сестра коррупции* («Наш современник», 2004). Признак незаконности получения прибыли объединяет коррупцию и спекуляцию как кровных родственников. Эти два явления имеют одну мать – человеческую жадность.

В средствах массовой информации с помощью метафоры родства коррупция характеризуется как скрытое явление: *По мнению министра, масштаб нецелевого использования этих и других средств прямо зависит от степени «прозрачности» чиновников, а коррупция, как выразился Греф, – это «родная сестра закрытости»* (Труд-7, 2004). Основанием для метафорической экспансии послужил признак незаметности, скрытости феномена коррупции, поскольку чиновники всегда пытаются тщательно скрывать свою принадлежность к коррупционным отношениям.

Коррупция не только сама вступает в «родственные» отношения с другими понятиями юридической и экономической сферы, но и является тем признаком, по наличию которого обнаруживается сходство между разными странами. Соответственно, страны, объединенные наличием в их политической и экономической жизни данного явления, метафорически представляются в современных СМИ как братья и сестры: *Россия с Гамбией – сестры по коррупции. Уровень коррупции в нашей стране находится примерно на таком же уровне, как в Индонезии, Гамбии и Того* (Труд-7, 2008); *Выяснилось, что гватемальские паспорта у Битковых были фальшивыми (привет латиноамериканским братьям по коррупции!)* («Новые Колеса», 2015). Проблема коррупции является актуальной для многих стран мира, что позволяет охарактеризовать их как близких родственников.

1.4. Слот «Сиамские близнецы». Сиамские близнецы – это близнецы, которые не полностью разделились при рождении и имеют общие части тела, либо внутренние органы. Таким образом, они оказываются связанными друг с другом пожизненно. Такая связь является наиболее крепкой и неразрывной: *Неужели только так, «хирургическим» путем, можно разделить «сиамских близнецов», в каких превратились образование и коррупция?* («Труд-7», 2007). Можно говорить о том, что данный слот выражает максимальную степень связанности коррупции и образования, эксплицируя коррумпированную природу образовательной системы.

Рассматриваемый материал показывает, что в современном дискурсе СМИ востребованным оказался единственный фрейм, но он является достаточно структурированным, что говорит о его особой значимости в осмыслении феномена коррупции. Подобным образом эксплицируются причины коррупции, ее последствия и взаимосвязи со смежными явлениями политики и экономики. Также следует отметить, что в отличие от других сфер речи, где метафора родства актуализирует духовную близость и преемственность, в современном дискурсе о коррупции данные метафоры часто обладают негативной, либо нейтральной окраской.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкиев И. Взятка как инструмент социальной борьбы // Отечественные записки. 2012. № 2 (47). Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/vzyatka-kak-instrument-socialnoy-borby> (дата обращения 15.07.2016).
- Баранов А. Н. Коррупция: нетрадиционный взгляд. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. № 2. М.: Российская академия наук, 2004. – С. 70–79.
- Кондратьева О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XX–XX вв.): дисс. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2014. – 404 с.
- Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / под. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М., 1990. – С. 387–415.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. – 238 с.

Е. А. Халуторных
Екатеринбург, Россия

ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ (на примере прессы города Кунгура и Кунгурского района)

Аннотация. Предмет исследования – практики взаимодействия национально-гражданской и региональной идентичностей. Объектом для анализа послужила районная пресса города Кунгура и Кунгурского района. Исследование проводится в рамках дискурсивного подхода к изучению идентичности.

Ключевые слова: дискурс СМИ, региональная идентичность, русский язык.

E. A. Khalutornykh
Ekaterinburg, Russia

NATIONAL CIVIL IDENTITY AND REGIONAL IDENTITY: PRACTICE OF INTERACTION

Abstract. Author researches practice of interaction of national civil identity and regional identity in the local press of the Kungur city and Kungurian area. We consider the discursive approach to the definition of this identity.

Keywords: media discourse, the regional identity, Russian language.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт "информационная война" как мобилизационный фактор идентификации» № 16-04-00460

Активизация национально-гражданской и региональной идентификации в современном обществе обусловлена политическими, экономическими и многими другими факторами. Народы и территории стремятся заявить о своей самости и уникальности, государства – сплотить нацию вокруг национальной идеи. Однако один человек может одновременно являться членом различных общностей, отношения между которыми иногда

вступают в конфликт. В таком случае перед индивидом стоит выбор: ценности какой из групп являются для него наиболее значимыми. Так, А. В. Алимбиева, анализируя СМИ Калининграда и Калининградской области, пишет, что в эмоциональном плане региональная идентичность калининградцев доминирует над национально-гражданской, что в формировании идентичности важную роль играют смыслы оторванности от страны и недостатка внимания федеральных властей к специфическим трудностям калининградцев [Алимбиева 2009: 36-40].

Наше исследование посвящено анализу практик взаимодействия национально-гражданской и региональной идентичности в прессе города Кунгура и Кунгурского района.

Необходимо отметить, что когда мы говорим о региональной идентичности, то предполагаем, что речь пойдет об отличительных особенностях конкретного региона. В этом смысле понятие территориальной идентичности представляется нам более широким и применимым к любой географической единице (город, район, область, край и т.д.). Национально-гражданская идентичность, в свою очередь, имеет связь с принадлежностью к определенной стране. В качестве рабочего мы выбрали определение, сформулированное Л.В. Ениной в рамках работы над грантом РГНФ по теме «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт "информационная война" как мобилизационный фактор идентификации»: «Под национально-гражданской идентичностью россиян понимаются смыслы отнесения себя или группы лиц к общности, объединяемой на основе русского языка, ценностей русской/российской культуры, связи с территорией государства и др. При этом национально-гражданская идентичность не сводится к этнической, государственной или территориальной принадлежности, но нелинейно соотносится с ними» [Проект].

Основной метод нашего исследования – дискурсивный анализ текстов СМИ. В российских лингвистических исследованиях идентичности доминирует когнитивный метод. Согласно этому подходу идентичность – это совокупность закрепленных в индивидуальном и групповом сознании представлений об общей группе [Бауман 1996: 49]. Дискурсивный подход рассматривает идентификацию как динамический, непрерывный процесс, как постоянное утверждение своей идентичности в речи. Идентичность является дискурсивной категорией, то есть субъект не «проявляет» ее как нечто скрытое в недрах его души, он «присваивает» ее в момент говорения, в момент пользования языком, в момент производства смыслов коммуникации [Енина, Балабкина 2015: 31].

Однако язык, как средство выражения идентичности и реализации идентификации, сближает данные подходы, поэтому мы утверждаем, что идентичность (в виде особых смыслов и знаков, выражающих данные смыслы) существует в речи, в дискурсе, и не претендует на анализ сознания индивида.

В тексте сигналами или маркерами выражения идентичности становятся языковые единицы. Поиск вербальных сигналов осуществляется нами по языковым средствам, содержащим прямую отсылку к национально-гражданской принадлежности: *Россия, россиянин, российский, русский*, а также по словам, которые имеют значение принадлежности к общей группе: *мы, наши, общий, родной* [Купина 2009: 142]. Соответственно, маркерами выражения региональной идентичности становятся языковые средства, содержащие прямую отсылку к территориальной принадлежности: *кунгуряк, житель кунгурского района, Кунгур, кунгурский*. Отдельно можно выделить существительное *край*, которое выступает как обозначение определенной местности, особенно в сочетаниях «родной край», «любимый край», «Кунгур – край родной».

Рассмотрим практики взаимодействия национально-гражданской и региональной идентичности.

Как показало исследование прессы Кунгура и Кунгурского района, региональная идентичность на данной территории способствует утверждению национально-гражданской идентичности. В этом случае доминирующие смыслы идентификации являются тождественными. Основными тематическими направлениями идентификации выступают территориальная, политическая, морально-нравственная (ценностная), историческая, экономическая. Концепт «кунгуряки» объединяется, сливается с концептом «россияне». Например: «*В последнее воскресенье июля наша страна отмечает День Военно-Морского флота. Мы чествуем людей, стоящих на страже безопасности нашей Родины. Россия – великая морская держава. В Кунгуре проживают более тысячи мужчин и молодых людей, которые свою службу несли в открытом море. Это люди, на которых стоит равняться молодому поколению*» (Искра. № 91. 28 июля 2012); «*В новых девятиэтажках по улице Российской в Нагорном, работают очень добросовестные дворники, Ирина и Галина, к сожалению, не знаю их фамилий. Женщины аккуратные, старательные, содержат придомовую территорию в образцовом порядке. Когда все так добросовестно станут в России трудиться, наша страна вернет себе звание мирового лидера*» (Искра. № 133. 3 ноября 2012).

Взаимодействие национально-гражданской идентичности и региональной идентичности кунгуряков происходит преимущественно через практики включения (смысл «часть–целое»): «*Так что Елесино (деревня в Кунгурском районе) – это самая настоящая частичка России. Кусочек, обрывочек. Маленькая точка на карте. И то не на каждой. Тем не менее именно из таких вот деревушек – больших и маленьких и состоит наша страна*» (Искра. № 68-69. 11 июня 2009); «*Однажды мне уже доводилось быть факелоносцем. На церемонии открытия «Небесной ярмарки» мне доверили нести факел. Ощущения необычайные. Поэтому я чрезвычайно рад, что мне выпала такая честь пронести огонь олимпиады по улицам родного города. Факел я обязательно выкуплю, и он займет свое место в моем музее. Предвижу, что будут предложения перепродать его. Ни за какие деньги! Факел станет наглядным напоминанием кунгурякам о причастности города к зимним олимпийским играм в Сочи*» (Искра. № 128. 14 ноября 2013); «*Уже 13 ноября Александра Третьякова ожидает новый турнир. Он в составе Российской сборной поедет в Ригу, на Чемпионат мира. Где обещает достойно представить страну и родной город*» (Искра. № 120. 6 октября 2011).

Отдельно следует выделить тексты, в которых персонажи-кунгуряки одобряют политику нашего государства:

«Кунгурский танцор Евгений Новожилов (творческий псевдоним – JohnnyBoу), основатель популярной в нашем городе группы INcity, в конце января уехал покорять Китай. «Я не первый представитель кунгурского шоу-бизнеса, который поехал в Поднебесную. Да и вообще это направление сейчас приоритетное для России. Наша страна плодотворно сотрудничает с Китаем, идёт переориентация с Запада на Восток. Я здесь совсем недавно, но уже хочется поделиться впечатлениями» (Искра. № 16. 14 февраля 2015).

«Владимир Матюченко, член правления организации «Мой город»: – Моё отношение к президенту Путину бывало разное, но его позицию по Крыму я поддерживаю на 200 %. Как бывший военный заявляю, что присоединение полуострова – это выверенное, своевременное и точное решение. Конечно, присоединение Крыма России будет даваться не просто. Запад грозит санкциями. Но вместе с тем уважение к нашей стране вырастет в глазах всего мирового сообщества. Россияне должны помогать друг другу, во что бы то ни стало. Уверен, за этот поступок наши потомки скажут "Спасибо" сегодняшней власти. Ведь в 1954 году территорию "оторвали" от Родины. А теперь всё встает на свои места (Искра. № 29. 18 марта 2014).

«Александр Николаевич, работал трактористом, доярком: – Коррупцию не истребят, пока не будет, как сказал Жеглов: «вор должен сидеть в тюрьме». Жизнь нынче дорогая, много в нашей стране воруют. В городах, в селах. Всех не посадишь, так что сомневаюсь, что коррупцию можно победить» (Искра. № 141. 16 декабря 2014).

Интересно, что даже негативная идентификация выступает как объединяющий фактор. Например, проблемы, которые существуют в городе, часто выступают как часть проблем, охвативших всю страну:

В России увеличилось количество детей, пострадавших от жестокого обращения в семьях, и Кунгур не стал исключением (Искра. № 103. 22 сентября 2015).

Поселок машзавода сегодня напоминает средневековый Париж, который из-за отсутствия канализационных сетей слыл одним из самых зловонных городов старой Европы. В России нет ничего постоянней, чем временное жилье. (Искра. № 102. 23 августа 2012).

Личный транспорт в Кунгуре, как и во всей стране, приобретает уже не так резво, как в прошлые годы. Люди сомневаются, семь раз отмеряют, некоторые откладывают покупку авто до лучших времен. Немаловажную роль в решении о покупке нового транспортного средства играет и цена бензина. А он все дорожает. В связи с этим правительство на днях внесло изменения в регламент выдачи льготных автокредитов (Искра. № 84. 14 июля 2009).

Таким образом, мы выяснили, что национально-гражданская идентичность не вступает в конфликт с региональной идентичностью города Кунгура и Кунгурского района. Более того, даже негативная идентификация выступает объединяющим фактором.

ЛИТЕРАТУРА

Алимпиева А. В. Социальная идентичность калининградцев в социальном и геополитическом контексте // Псковский регионологический журнал. №7. 2009. С. 36–40.

Бауман З. Мыслить социологически / Пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 255 с.

Енина Л. В., Балабкина Е. Практики (авто)биографической идентификации // Известия Уральского государственного университета. – 2015. – № 2 (138). – С. 31–37.

Проект, поддержанный РГНФ, «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт "информационная война" как мобилизационный фактор идентификации» (соглашение № 16-04-00460 от 17.05.2016).

См: Купина Н. А. Вербальные знаки идентичности в идеологическом пространстве Урала. – Минск, 2009. – С. 142–147.

Л. В. Христюлова
Екатеринбург, Россия

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ РУССКОГО ГОМИЛЕТИЧЕСКОГО КРАСНОРЕЧИЯ (ДУХОВНАЯ БЕСЕДА)

Аннотация. В статье рассматривается духовная беседа как речевой жанр русского гомилетического красноречия. Устанавливается соотношение русского гомилетического красноречия с понятием церковно-религиозного стиля. Отдельно анализируются современные подходы к критериям выделения и систематизации подстилей и жанров церковно-религиозного стиля. Особенности духовной беседы как устного речевого жанра русского гомилетического красноречия представлены на материале духовных бесед архимандрита Софрония (Сахарова), которые читались в Свято-Иоанно-Предтечском монастыре в Эссаксе с 1989 по 1993 год (Великобритания). Сравниваются устные духовные беседы с духовными беседами, представленными в письменной форме.

Ключевые слова: речевой жанр, церковно-религиозный стиль, русское гомилетическое красноречие, духовная беседа, архимандрит Софроний (Сахаров).

L. V. Khristolubova
Ekaterinburg, Russia

SPEECH GENRES OF THE RUSSIAN HOMILETICS (SPIRITUAL TALK)

Abstract. The article deals with the spiritual talk as a speech genre of the Russian homiletics and establishes the correlation of the Russian homiletics with the notion of clerical-religious style. The author carries out a special analysis of modern approaches to the criteria of distinguishing and systematization of sub-styles and genres of the clerical-religious style. Specific features of the spir-

itual talk as an oral speech genre of the Russian homiletics are presented on the material of spiritual talks of Archimandrite Sophrony (Sakharov) which were conducted at The Patriarchal Stavropegic Monastery of St John the Baptist in Essex (Great Britain) from 1989 to 1993. The article compares the oral spiritual talks with the written ones.

Keywords: speech genre, clerical-religious style, Russian homiletics, spiritual talk, Archimandrite Sophroniy (Sakharov).

В современной стилистике речевой жанр рассматривается как относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний (текстов). Речевые жанры характеризуются объективностью, нормативностью, историчностью, особым оценочным отношением к действительности, функцией интеграции индивидов в социум, многообразием и разнородностью, дифференциацией по сферам человеческой деятельности и общения. Считается, что первичные жанры складываются при непосредственном общении, в условиях развитой культурной коммуникации появляются вторичные жанры (научная, административно-правовая, политико-идеологическая, художественная, церковно-религиозная сферы общения) [Шмелева 2003].

Разные подходы к критериям выделения жанров предполагают их аспектный анализ: план содержания (тематика, проблематика, экстенсивность или интенсивность воспроизведения художественного мира, эстетический пафос), план структуры (система способов художественного отображения, субъектная организация художественного мира, пространственно-временная организация, ассоциативный фон произведения, интонационно-речевая организация), план восприятия [Лейдерман 1997].

Поскольку речевые жанры изучаются на самом разнообразном материале, в том числе и на художественных текстах, в современных исследованиях понятие «жанр» четко не конкретизируется (литературный или речевой), они могут использоваться параллельно, если говорится о жанре в целом. Можно согласиться с мнением, что «граница между литературными и речевыми жанрами до настоящего времени не установлена» [Руженцева 2001: 52]. Во многих определениях выделяются «универсальные черты» жанра (композиционная структура, типичность отражаемых художником явлений действительности и его отношение к ним, тематическое содержание, система выразительных средств и др.), что снимает разграничения в понятиях «жанры литературы» – «жанры речи» и позволяет говорить о жанре в целом, об определенных «жанровых признаках».

Беседа в лингвистике рассматривается как речевой жанр (жанр речевого общения – диалог или полилог), в котором происходит обмен мнениями по каким-либо вопросам, обмен сведениями о личностных интересах каждого из участников для установления типа отношений или беспечный обмен мнениями, новостями, сведениями (фатическое общение). Выделяют беседу как аналитический жанр журналистики (интервью), светскую и деловую беседу, беседу как метод формирования диалогической речи и т.п. В качестве литературного жанра беседа не рассматривается. Для беседы как разговорного жанра важен тип ситуации и мотивировка общения. С точки зрения композиционно-стилистической формы, жанрообразующим признаком беседы является чередование развернутых высказываний (или микромонологов) с короткими репликами или сериями реплик. В беседе происходит обмен не столько сведениями, сколько мнениями, впечатлениями, оценочными характеристиками. Тематика бесед является широкой (реалии действительности, события науки и культуры, персоналии и т.д.) [Матвеева 2010].

С включением в лингвистические исследования церковно-религиозного или религиозно-проповеднического стиля актуальность решения проблемы определения и характеристики жанра только возрастает. Необходимость выделения в системе функциональных стилей русского языка церковно-религиозного стиля была обусловлена несоответствием его некоторых речевых жанров (в плане функционально-стилистических характеристик) традиционно выделяемым стилям. В современной стилистике достаточно широко представлены исследования, посвященные анализу конкретных жанров религиозно-проповеднического стиля (В. В. Розанова, О. А. Крылова, И. В. Бугаева, Л. М. Майданова, О. А. Прохвятилова, Со Ён Ён и др.). Чаще всего объектом лингвистического исследования становятся тексты Священного Писания, произведения духовной литературы, проповеди, послания, молитвы. В большинстве случаев религиозные тексты подвергаются семантическому, грамматическому, стилистическому и другим видам лингвистического анализа. Изучается специфика перевода религиозных текстов на различные языки, особенности функционирования религиозной лексики в современном дискурсе. Внутри церковно-религиозного стиля определен устойчивый набор центральных жанров (молитва, проповедь, исповедь), хотя экстралингвистическая основа их выделения остается неясной.

Попытка систематизации жанров церковно-религиозного стиля была предпринята И. В. Бугаевой, которая, выделив шесть подстилей, определила связь между ними и жанрами религиозного языка: подстиль богослужебных книг, молитвенный подстиль, подстиль трудов отцов и учителей церкви, гимнографический подстиль, проповеднический подстиль, учительный подстиль [Бугаева 2003: 3–11]. С точки зрения такого подхода духовная беседа относится одновременно к проповедническому и учительскому подстилям.

Пермские ученые В. А. Мишланов и Е. С. Худякова [Мишланов 2008] предлагают решать проблему классификации церковно-религиозных жанров, используя разные по логическому основанию и по степени абстракции «шкалы». По *шкале институциональности* определяющими оказываются конситуативные факторы: характеристика сферы общения с точки зрения степени официальности-неофициальности. На одном полюсе этой шкалы выделяется жанр интимно-личной сферы общения (молитва), ближе к середине локализуется жанр исповеди, а на другой половине шкалы – «официальные», социально маркированные жанры (богословские статьи и трактаты, послания, уставы, каноны и циркулярные письма). Фактор адресанта и адресата является определяющим для *шкалы субъектности*. По этому признаку выделяются жанры с внедиалоговым гипотетическим адресатом (молитва, исповедь); конкретно-диалогические жанры с индивидуальным адресатом (письма и распо-

ряжения определенным лицам); конкретно-диалогические жанры с массовым адресатом (проповедь, устав, циркулярное письмо); конкретно-диалогические жанры с абстрактно-массовым адресатом (послания). *Интенциональная шкала* представлена в виде двух взаимосвязанных шкал. С одной стороны, это шкала метажанров (проповедь, послания к пастве, молитва и исповедь) и жанров, воплощающих периферийные интенции (апология, устав, канон). С другой стороны, содержательно-интенциональная шкала, по которой церковно-религиозные жанры описываются в соответствии с качественными характеристиками этих интенций: жанры выражения индивидуальной веры (молитва, исповедь), жанры утверждения и обоснования вероучения (богословские труды), жанры «внушения веры» (проповедь, поучение, послание), жанр установления, «внушения» правил и норм духовной и социальной жизни верующих (устав, канон, циркуляр) [Мишланов 2008]. Духовная беседа как жанр в данной типологии не представлена.

Следует отметить, что среди лингвистических исследований церковно-религиозного стиля немного работ, где обращаются к гомилетике – дисциплине, находящейся с риторикой в отношении близкого родства и определяемой как «учение о христианском церковном проповедничестве» [Листвин 2006; Шабанова 2006]. Гомилетика [от греч. *hómilia* – беседа, общение, собрание и *lam. ethica* – учение о нравственности], наука о церковной проповеди, в систематическом порядке излагающая учение о данном виде пастырского служения. Гомилетическое красноречие иногда называют церковно-богословским или духовным красноречием, поскольку оно связано с изложением и разработкой религиозных тем.

В гомилетике выделяются разные формы проповеди: *беседа, поучение, слово, речь* [Аверкий (Таушев) 2001]. С нашей точки зрения, их можно рассматривать как жанры. Православная проповедь как жанр гомилетики обусловлена рядом экстралингвистических факторов: ограниченностью во времени и в объеме; одновременно логическим и экспрессивным характером изложения и восприятия материала; наличием конкретного и абстрактного адресата. Доминирующими особенностями жанров православной проповеди являются: внутренняя диалогизация монологической речи проповедника, ее экспрессивность, лексические и развернутые вариативные повторы [Шабанова 2006].

Выделение разных типов бесед (как формы проповеди) в гомилетике опирается, в основном, на содержательный аспект. Цель *изъяснительной беседы* – изъяснение текстов Священного Писания при помощи экзегетики (науки о толковании Слова Божия). Такие беседы являются *аналитико-экзегетическими*. Обычная беседа носит характер собеседования об одном или нескольких предметах, связанных какой-либо религиозно-нравственной идеей. В этом случае проповедник не ограничен жесткими правилами построения проповеди, «он свободен в изложении материала, его речь обусловлена только движением души, последовательностью возникающих мыслей» [Феодосий (Бильченко) 1999]. *Катехизические беседы* помогают в усвоении христианских истин, их особенность – вопросно-ответная композиция. Подчеркивается, что для беседы как формы проповеди характерны следующие признаки: разнообразие предметов и тем, простота стиля, естественность, общедоступность и назидательность [Феодосий (Бильченко) 1999]. Проповедь характеризуют слова ап. Павла: «Проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор. 2:4). В гомилетике не выделяется особого жанра «духовная беседа», может быть, потому, что само понятие «беседа» как форма проповеди предполагает обязательное наличие духовно-нравственного содержания.

Имеются отдельные исследования, где намечены ориентиры изучения жанра духовной беседы [Тарабукина 2000]. Так, выделяется три основные формы, в которых осуществляется «надбытовое» общение воцерковленных людей: духовная беседа, совместная молитва и короткие ситуативные встречи, во время которых происходит обмен информацией, обычно поразительной для рассказчика. Цель духовных бесед – обучение «искусству спасения», а также религиозное просвещение и, в конечном итоге, утверждение Божественного бытия. Функция подобных бесед двойная: религиозное просвещение, без которого люди воцерковленные не представляют себе духовного роста, и «установление определенной эмоционально-нравственной атмосферы, особого православного мироощущения» [Берман 1982: 162].

Представляется интересным рассмотреть особенности духовной беседы как речевого жанра русского гомилетического красноречия на материале духовных бесед архимандрита Софрония (Сахарова), который читал их братии Свято-Иоанно-Предтечского монастыря в Эссаксе с 1989 по 1993 год (Великобритания) каждое воскресенье после литургии. На этих беседах присутствовали паломники и гости монастыря. Условные названия бесед указывают на главные проблемы современной эпохи: «О прелести», «О цельности духовной жизни», «Проблема единства церкви», «О программе монашества», «О вечности», «О даре единства, о человеке в этом мире и о национализме», «О любви, познании и вере». Все сказанное старцем можно рассматривать как поучение людям, стремление передать свой опыт грядущим поколениям.

Поскольку беседы отца Софрония представляют собой магнитофонные записи бесед, то их можно рассматривать как устную форму данного жанра. Сопоставление текстов бесед в письменном варианте и в аудиозаписи показало незначительные расхождения, касающиеся, в основном, редакторских устраний разговорных элементов (повторов, инверсий, вводных элементов). Анализ письменной формы духовных бесед (беседы с читателем в православных средствах массовой информации) подробно представлен в исследованиях А. Н. Смолиной и Н. О. Валанчус [Смолина 2013], которые также отмечают недостаточную изученность жанра духовной беседы, несмотря на его распространенность. Основными характеристиками для анализа жанра духовной беседы являются цель, адресат, композиционные, лексические и стилистические особенности, последние были предметом нашего исследования ранее [Христолюбова 2014].

Отец Софроний всегда подчеркивал цель своих бесед – «уразуметь» евангельские заповеди. «Старец был

убежден, что от мировоззрения человека, от его догматического сознания зависит и его поведение, и вся его жизнь. А иначе можно быть христианином только в храме, а по жизни оставаться язычником и даже не осознавать это» [Ильюнина 2011: 70]. Сами названия бесед определяют их цель и содержание. Однако необходимо отметить, что, в отличие от письменных бесед, названия записанных определялись редактором (в нашем случае – племянником отца Софрония, иером. Николаем (Сахаровым)). Иногда в начале беседы старец сам конкретизировал цель беседы: *«Цель моя – помочь вам бороться против “рутинности” в монашеской жизни...», «Моей целью является помочь им (молодым братьям и сестрам) понять, почему они здесь и какая цель конечная стоит перед всеми нами», «Но вот о чем я хочу говорить сегодня: всякая мысль, отрицательная или добрая, даже когда мы наедине в келье своей, есть энергия и сила, отражающаяся на жизни всего монастыря», «Сегодня мое внимание обращено на то, что является исключительно характерным для нашей христианской веры», «Тем, кто начинает монашескую жизнь, возможно, полезным будет знать, как бороться с атакующими нас нехорошими помыслами».*

Устная духовная беседа от письменной отличается тем, что адресат здесь не воображаемый, хотя и включает вполне определенный круг (верующие, монашествующие, люди, которые задумываются о вере, о смысле жизни, о духовно-нравственных проблемах). У отца Софрония адресат – реальный, его община, паломники и просто гости, приезжающие в Свято-Иоанно-Предтечский монастырь. Интересно обозначена его общность со слушателями – используемое в беседах неоднозначное «мы»: монашествующие, христиане, община, слушатели, авторское мы. Иногда мы в двусоставных предложениях используется в обобщенно-личном значении: *«Проходят годы, десятилетия – и мы не достигаем искомого», «Мы – клеточки великого тела человечества».*

Композиция устных духовных бесед практически не отличается от бесед письменных, но всегда включает совместную молитву с духовными чадами в начале и в конце встречи. Записанная беседа имеет заголовок, отражающий цель и тему. Это может быть предложная конструкция: *«Господь восходил на Голгофу, чтобы спасти всех», «Наше спасение в нашем единстве», «Как стать персоной и жить как личностный дух».* Частотны заголовки, представляющие собой предложно-именные конструкции: *«О смертной памяти, слове Христа и богоподобии», «О многоипостасном единстве всего Адама и его воплощении в монастырской жизни», «О программе монашества», «О Литургии».* Реже заголовок содержит в себе цитату или уточняющую информацию о теме беседы: *«“Вонми, небо, и возглаголю”: покаяние и апофатика», «Вечность и время во Христе: проблема календаря».* Всегда после заголовка дается комментарий, принадлежащий (как и заголовок) не автору беседы, а составителю, представляющему данную беседу. С нашей точки зрения, для подобного рода комментария корректнее использовать термин «аббрежé» (перечень основных тем или внутренних заголовков, либо краткое содержание главы, помещенное перед ее текстом после заголовка), но не «лид эссеистского типа» [Смолина 2013].

В беседах отца Софрония вступления более свободны по формулировке, в них почти отсутствуют характерные для письменных бесед устойчивые обороты (*«Сегодняшняя беседа посвящена...», «В этой беседе я хочу сказать о...», «Сегодня у нас будет беседа на тему...»*) [Смолина 2013]. В начале беседы может быть просто приветствие (*«Всех вас приветствую и прошу молитв ваших в помощь мне!», «Во имя Отца...»*), благодарение Богу (*«Опять и опять я благодарю Бога...», «Вновь и вновь я воздаю хвалу Господу...»*), обращение к слушателям с выражением собственного настроения, состояния (*«Каждый раз, когда Бог дает мне видеть вас, собранных воедино, естественно, радуется мое сердце», «Хотя я беден и нет у меня энергии, но я все-таки радуюсь каждой встрече с вами», «Да, I am not at my best (я не в самой лучшей моей форме), и все равно надо говорить. А вы помогите мне молитвами вашими»*). Беседа может начинаться с напоминания предыдущей темы (*«Прошлый раз я говорил о том, как мы должны сознать себя, живя в этом мире среди множества людей», «Вчерашняя беседа касалась очень существенных моментов нашей жизни в Боге», «Как и в прошлые беседы, сегодня мое слово обращено к тем молодым братьям и сестрам, которых дал нам Бог»*). Чаше как такового вступления вообще нет, тема или цель предъясняются сразу: *«Цель моей беседы с вами...», «Надо постоянно помнить, зачем мы здесь», «Слово Самого Христа в Его молитве к Отцу является для нас завершением всего плана сотворившего нас Бога».* С этой целью может быть использовано и вопросительное предложение: *«Как нам сделать жизнь Христа нашей жизнью?»*. Особо следует отметить, что отец Софроний во многих случаях определял свои беседы как *«слово мое»*.

Основная часть в беседах имеет свободную композицию, нацеленную на раскрытие главной темы (или нескольких тем). Ее можно рассмотреть как диалогизированный монолог, с присущими для него особенностями (обращения к слушателю, риторические восклицания и вопросы, вопросно-ответные единства, использование глаголов повелительного наклонения в форме 2-го лица, мн.ч., глаголов повелительного и изъявительного наклонений настоящего и будущего времен и т.п.). Многие беседы отца Софрония построены как вопросно-ответные единства, что соответствует синтаксису устной речи. Языковые черты духовных бесед отца Софрония отражают особенности церковно-религиозного стиля в целом. Как стилиобразующую черту можно рассматривать такие приемы интертекстуальности, как цитаты из Священного Писания и трудов святых отцов, обращение к собственному жизненному и молитвенному опыту, аллюзии и реминисценции [Смолина 2012]. Следует подчеркнуть, что отец Софроний свободно владел несколькими языками, поэтому для него характерно включение цитат не только на церковнославянском, греческом, латинском, но и на французском и английском языках.

Заключительная часть беседы не всегда содержит обобщающий вывод, характерный для письменных бесед, у отца Софрония вывод может быть ситуативным, иногда неожиданно обрывающимся, иногда с юмором, с оценкой ситуации: *«Я желаю вам хорошей Пасхи...», «Для меня отец Силуан – “отец мой”, и, когда я пою этот ирмос, “Бог отца моего” есть мой Бог... Вот я молчу, сказав вам драгоценное для меня слово...», «И так мы живем, покамест не кусаемся», «Так вот, будем желать и жить так, чтобы отец Силуан радовался, а не плакал и рыдал».*

Прощание со слушателями (если оно имеется) часто содержит пожелания: *«И дай вам Бог силы удержаться на этом монашеском пути...», «Да хранит вас Господь», «И да будет Господь милостив к нам и даст нам прибыть в вере христианской до конца, как бы ни было это трудно».*

В заключение можно сказать, что духовную беседу можно рассматривать как особый жанр русского гомилетического красноречия (или церковно-религиозного стиля). В гомилетике беседа рассматривается как форма проповеди (проповедь-сообщение, проповедь-поучение, проповедь-беседа). Семантика текста бесед обусловлена коммуникативной задачей передачи христианского учения и убеждений проповедника своей пастве. Структура беседы определяется особенностями внутренней организации единиц текста как диалогизированного монолога и закономерностями взаимосвязи этих единиц в рамках всего высказывания. Структурный аспект соотносится с содержательным, что зависит от многих экстралингвистических и лингвостилистических причин. Особо следует отметить цель духовных бесед, состав аудитории, коммуникативную установку и дар слова автора, обстоятельства выступления.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкий (Таушев), архиепископ. Руководство по гомилетике. М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 2001. – 144 с.
- Берман Б. И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественная литература средневековья. М., 1982.
- Бугаева И. В. О религиозно-проповедническом стиле в русском языке // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ. М. : ПСТБИ, 2003. – 390–394 с.
- Листвин Д. А. Коммуникативно-прагматические принципы гомиластики в теории риторики : дисс... канд. филол. наук. Тверь, 2006. – 210 с.
- Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Р/на Д : Феникс, 2010. – С. 37–39.
- Мишланов В. А., Худякова Е. С. О жанровой специфике текстов церковно-религиозного стиля. URL : <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2008/1.pdf>.
- Практикум по жанровому анализу литературного произведения // Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, Н. В. Барковская, Т. А. Ложкова; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997. – 48 с.
- Руженцева Н. Б. Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века : монография. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. – 312 с.
- Смолина А. Н., Валантус Н. О. Жанр духовной беседы с читателем в современной российской православной интернет-коммуникации // Мир науки, культуры, образования: международный журнал. Горно-Алтайск. 2013. № 4 (41). С. 63–68.
- Смолина А. Н., Лубкина О. А. Интертекстуальность как стилиевая черта церковно-религиозных текстов // Мир науки, культуры, образования: международный журнал. Горно-Алтайск. 2012. № 5 (36). С. 268–271.
- Старец Софроний. Ученик преподобного Силуана Афонского // Автор-составитель Л. А. Ильюнина. СПб. : Искусство России, 2011. – 288 с.
- Тарабукина А. В. Фольклор и культура прицерковного круга : дисс... канд. филол. наук. СПб, 2000.
- Шабанова З. Г. Лингвистические средства воздействия православной проповеди: В историческом аспекте : дисс... канд. филол. наук. Махачкала, 2006. – 165 с.
- Шмелева Т. В. Речевой жанр // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 573–574.
- Христорождова Л. В. Приемы речевого воздействия в духовных беседах архимандрита Софрония (Сахарова) // Современная православная миссия : мат-лы докл. III всерос. науч. конф. (г. Екатеринбург, 16–17 окт. 2013 г.). Екатеринбург : Изд. УМЦ УПИ, 2014. – С. 240–252.
- Феодосий (Бильченко), епископ. Гомилетика. Теория церковной проповеди. Московская Духовная Академия, 1999. URL: http://www.golden-ship.ru/_ld/20/2081_1716.htm.

ИСТОЧНИКИ

- Софроний (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. Том 1-й. Изд. 1-е. Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь. Изд. «Паломник», 2003. – 384 с.
- Софроний (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. Том 2-й. Изд. 1-е. Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь. Изд. «Паломник», 2003. – 336 с.

В. А. Цаголова

Владикавказ, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТРАНСФОРМЫ (на материале образа А. Меркель в СМИ)

Аннотация. В статье рассматриваются трансформированные прецедентные феномены в немецком политическом дискурсе.

Ключевые слова: прецедентный феномен, политический дискурс, языковая игра, контаминация, субституция, перефразирование.

PRECEDENT TRANSFORMS
(based on the image of Angela Merkel in mass media)

Abstract. The article deals with the precedent transforms in the German political discourse.

Keywords: precedent phenomena, political discourse, language game, contamination, substitution, paraphrasing.

Современный политический язык отличается образованием неологизмов на основе собственных имен политических деятелей, что изначально эмоционально маркирует медийный дискурс, усиливая полисемантическую прецедентного феномена.

Прецедентные новообразования конденсируют многофункциональные смыслы, характеризующие не только различные аспекты деятельности политика, но также черты его характера как управленца и личную историю.

На материале исследования мы выявили 18 новообразований на основе прецедентных онимов.

Языковая игра как проявление полипарадигматичности репрезентирует сложные когнитивные и оценочные модели, базирующиеся на трансформациях разного рода.

Выявленные нами прецедентные неологизмы представляют собой *дериваты*, *субституцию*, *контаминацию* и *перепфразирование*.

Дериваты делятся на глагольные (*schrödern* «становиться Шрёдером, действовать как Шрёдер»; *seehofern* «превращаться в Зеехофера») и адъективные дериваты (*die kohleske Kanzlerin* «канцлер(ша) в духе Коля (à la Коль)»).

Деривация от имен собственных обусловлена усилением значимости личностных особенностей государственного лидера в жизни страны, что является характерной чертой в развитии языка [Попова и др. 2005: 75].

Адъективация онима *Kohl* привела к появлению деривата *kohlesk* в статье под заголовком *Die kohleske Kanzlerin* «Канцлер(ша) в духе Коля (à la Коль)», где обсуждается заявление А. Меркель перед прессой о том, что все проблемы в стране находятся под ее контролем: <...> *zugleich ist ein neuer Zug an dieser Kanzlerin zu erkennen: Erstmals legt Merkel eine fast kohleske Selbstzufriedenheit an den Tag. Sie ist nicht arrogant, aber fühlt sich unangreifbar. Ihre Regierung habe viele Erfolge vorzuweisen, man werde alle anstehenden Probleme gut lösen, sagt sie. Zweifel, gar leise Kritik an ihrem Kurs wischt sie beiseite* <...> в то же время в канцлере можно распознать новую черту: впервые в этот день она проявляет самодовольство почти как Коль (à la Коль). Она не высокомерна, но чувствует себя неуязвимой. Ее правительство многого достигло, мы разрешим все возникающие проблемы, говорит она. Даже слабую критику своего курса она сразу же отмахивается [Spiegel-online 17. September 2012]. В приведенном примере семантический дериват *kohlesk* в заголовочной позиции задает амбивалентную оценочную позицию, приписывая А. Меркель, с одной стороны, положительные управленческие качества Г. Коля, с другой, – его самоуверенность, таким образом, манипулируя мнением читателей.

Другая словообразовательная трансформация – это глагольный неологизм *schrödern* «становиться Шрёдером, действовать как Шрёдер» (суффиксальное словопроизводство от антропонима *Schröder*). Данный ПФ, находясь в заголовочной позиции, вызывает реминисценции недавнего прошлого Германии – пребывание у власти Г. Шрёдера – предшественника А. Меркель на посту федерального канцлера ФРГ. В статье проводятся параллели между неудачами А. Меркель в начале второго срока канцлерства (критика кабинета Меркель, необходимость кадровых перестановок в правительстве и др.) и началом второго срока правления Г. Шрёдера, когда росла безработица, усиливалось недовольство избирателей, падал личный рейтинг канцлера, что и привело к его досрочной отставке [Spiegel-online 27. November 2009]. Таким образом, посредством прецедентного неологизма автор статьи апеллирует к ПС, связанной с карьерой Г. Шрёдера «политические неудачи в начале второго срока канцлерства».

Следующий глагольный неологизм – *seehofern* «превращаться в Зеехофера» (суффиксальное словопроизводство от антропонима *Seehofer*).

В статье под заголовком *Merkel entdeckt den Seehofer in sich* «Меркель открывает в себе Зеехофера» речь идет о том, что Хорст Зеехофер (премьер-министр земли Бавария; председатель партии ХСС) и его партия (Христианско-социальный союз) в резких тонах высказались против выплаты социального пособия мигрантам из Евросоюза. Резкий тон Зеехофера был неприятен Меркель. Но через некоторое время она изменила свое мнение: *Kurz vor der Europawahl aber beginnt auch sie zu seehofern - auf ihre Art. <...> "Wir wollen Hartz IV nicht für EU-Bürger zahlen, die sich allein zur Arbeitssuche in Deutschland aufhalten"* «незادолго до европейских выборов и она начала превращаться в Зеехофера (досл. зеехоферить) – по своему. <...> «Мы не хотим платить Гарц IV (Гарц IV – закон о совмещении помощи по безработице и социальной помощи, принятый Бундестагом и вступивший в силу с 1 января 2005 г.) обманщикам из Европейского союза, которые находятся в Германии только в целях поиска работы» [spiegel online 22.05.2014]. Посредством глагольного неологизма *seehofern* «превращаться в Зеехофера» автор статьи апеллирует к прецедентной ситуации, связанной с принятием закона Гарц IV.

Неологизмы, образованные способом контаминации, делятся на две группы.

К первой группе относятся неологизмы, образованные путем усечения фамилии Меркель и фамилии другого прецедентного онима: *Merkelnator* «Меркельнатор» (Merkel + Terminator), *Merkiavelli* «Меркиавелли» (Merkel + Makiavelli), *Merkozy* «Меркози» (Merkel + Sarkozy), *Merkiavellismus* «меркиавеллизм» (Merkel + makiavellismus).

Английская газета *The Guardian* охарактеризовала культ личности Меркель в Германии ПФ *Merkiavellismus* «меркиавеллизм»: *Seit Ausbruch der Krise ist es in vielen Ländern Europas zu einem Machtwechsel gekommen. Nur die deutsche Regierung sitzt fest im Sattel. Die Deutschen mögen Merkel. Warum? Weil sie eine Machtpolitik in Europa führt, die ich "Merkiavellismus" nennen möchte: eine Kombination aus Machiavelli und Merkel. Sie will im Ausland gefürchtet und in der Heimat geliebt werden, vielleicht, weil sie die anderen Länder bereits das Fürchten gelehrt hat <...>* «с начала кризиса во многих странах Европы произошла смена власти. Только немецкое правительство прочно сидит в седле. Почему? Потому что оно ведет политику насилия в Европе, которую я хотел бы назвать «меркиавеллизм»: комбинация из Макиавелли и Меркель. Она хочет, чтобы за границей ее боялись, а на Родине любили, возможно потому, что другие страны она уже научила бояться <...>» [Spiegel online 06.09.2013]. В приведенном примере две трансформы: *Merkiavellismus* «меркиавеллизм» и *Merkiavelli* «меркиавелли». Трансформа *Merkiavellismus* «меркиавеллизм» представляет собой контаминацию усеченного антропонима Merkel и политического термина Machiavellismus «макиавеллизм» [термин в политологии, обозначающий государственную политику, основанную на культе грубой силы, пренебрежении нормами морали и тому подобном. Термин произведён от имени итальянского мыслителя Никколо Макиавелли и связывается с идеями, изложенными им в его книге «Государь»]. Трансформа *Merkiavelli* «Меркиавелли» представляет собой контаминацию двух усеченных антропонимов Merkel и Machiavelli. В данных неологизмах, сформированных благодаря общности когнитивного признака «допустимость любых средств для достижения политических намерений», очевидна фонетическая перекличка согласных - Merkel и Machiavellismus, Merkel и Machiavelli.

Ко второй группе относится один неологизм, образованный путем усечения двух разных фамилий: *Putler* «Путлер» (Putin + Hitler). Данная трансформа появилась в июле 2014 г. после ЧМ по футболу. Тысячи комментариев собрала на фейсбуке фотография А. Меркель с немецкой национальной футбольной командой. И преобладающее большинство из них выражает не ликование по поводу титула чемпиона, а гнев по поводу якобы фальшивой внешней политики Германии. Среди комментариев такие, как *Danke, Frau Putin* «спасибо, госпожа Путин» или *Putler* «Путлер». По мнению журналиста, эти комментарии очевидно оставлены гневными украинцами. Прецедентный оним *Putler* представляет собой контаминацию двух усеченных фамилий Putin и Hitler. Украинцы выражают недовольство внешней политикой Германии в отношении России. Причиной подобной реакции со стороны Украины стала рассадка политиков на финальном матче ЧМ по футболу: Меркель оказалась рядом с Путиным, и, когда смотришь на некоторые фотографии, "кажется, что эти двое болтают друг с другом, как закадычные друзья". Меркель обвиняют в "предательстве Украины" и решении "сдать Путину Донецк" [Spiegel online 15. Juli 2014].

Неологизмы, образованные способом субституции, делятся на три группы.

В первую группу входят неологизмы, в которых произошла субституция личного имени политического деятеля на имя *Angela: Angela Napoleona* «Ангела Наполеона», *Angela de Gaulle* «Ангела де Голль», *Angela die Grosse* «Ангела Великая», *Angela Kohl* «Ангела Коль».

Например, в статье под заголовком *Angela Napoleona. Die CDU, ihr Parteitag und ihre Vorsitzende* «Ангела Наполеона. ХДС, его партийный съезд и его председатель» министр финансов Германии Вольфганг Шойбле провел параллель между Меркель и Наполеоном. Шойбле утверждает, что канцлер демонстрирует новое качество руководства, которое ещё успешнее, чем у Наполеона. Шойбле приводит ряд сходств между Меркель и Наполеоном: умение увлечь за собой общество; способность связать интересы мультикультурного общества; успех не только в своей стране, но и за рубежом; приверженность к точным наукам; жесты; примерно одинаковый рост; схожий путь прихода к власти [Focus online 09.12.2014].

Ко второй группе относятся неологизмы, в которых произошла субституция фамилии политического деятеля на фамилию *Merkel: Mao Merkel* «Мао Меркель», *Maggie Merkel* «Мэгги Меркель».

Языковая игра с ПФ эксплуатирует не только национально-культурные коды, но также и инокультурный прецедентный фонд универсального плана, связанный с недавним политическим прошлым Европы.

В статье под названием *Maggie Merkel inszeniert sich als Euro-Retterin* «Мэгги Меркель презентует себя как спасительница евро» [Spiegel-online 25. März 2010] рассказывается о том, что, несмотря на требования европейских партнеров помочь Греции, находящейся в долговой яме, А. Меркель отказывает в новом займе. Автор статьи апеллирует к ситуации введения жестких мер экономии и ограничения государственных расходов для вывода Великобритании из финансового кризиса в бытность М. Тэтчер премьер-министром страны.

На основе механизма лексической субституции сформирована двухплановая трансформа *Maggie Merkel*, маркирующая проекцию политических ассоциаций, вызываемых первым ПИ (*Margaret Thatcher*) на второе (*Ангела Меркель*), обеспечивая взаимопроникновение национально-культурного и универсально значимого прецедентных пластов.

Повторение прецедентной трансформы *Maggie Merkel* как в заголовочной, так и во внутритекстовой позиции моделирует «сюжетную» линию представления событий и их результат, ориентируя на заведомо негативную оценку действий канцлера А. Меркель.

К третьей группе относится один неологизм, образованный путем субституции фамилии политического деятеля метафорой: *Ban Ki Mutti* «Пан Ги мамочка». Данная трансформа представляет собой субституцию фамилии Мун (Пан Ги Мун – Генеральный секретарь ООН с января 2007 г.) генетической метафорой *Mutti* «мамочка». Данная модель генетической метафоры актуальна все три периода канцлерства А. Меркель. Это прозвище Меркель получила по нескольким причинам: во-первых, она спокойная, добродушная, избегающая рез-

ких слов и жестов; во-вторых, с материнской заботой относится к подчиненным; в-третьих, не имея собственных детей, она как бы удочерила всю Германию.

В приведенном ниже примере речь идет о том, что Меркель может стать преемницей Пан Ги Муна на должности Генерального секретаря ООН: *Merkel soll 2017 UN-Generalsekretärin werden - bei einflussreichen Botschaftsstrategen ist das mehr als ein bloßes Gedankenspiel. Es ist eine ernste Option <...> Sie sei mit ihrem globalen Netzwerk und ihrem ausgeprägten Interesse für internationale Fragen die Idealbesetzung für die Nachfolge Ban Ki Moons <...> Berliner Spott für diese Option: „Ban Ki Mutti“* «В 2017 г. Меркель должна стать Генеральным секретарём ООН – для влиятельных стратегов посольства это далеко не просто фантазия. Это серьёзный вариант <...> Со своей глобальной сетью и выраженным интересом к международным вопросам она является идеальным кандидатом на замещение должности Пан Ги Муна <...> Берлинцы иронизируют по поводу этого выбора: «Пан Ги мамочка» [Focus online 25.12.2014]. Автор статьи апеллирует к мерам, принятым Пан Ги Муном по противодействию глобальному потеплению и важным реформам в области работы ООН по поддержанию мира. Меркель, как и Пан Ги Мун, является ярким борцом с глобальным потеплением и посредницей в урегулировании военных конфликтов.

Следующей разновидностью игры с ПФ является перефразирование прецедентного высказывания. На материале исследования мы выявили два случая перефразирования ПВ: *Merkel unser in Germanien* «Меркель наш в Германии» (оригинальная фраза - *Vater unser im Himmel* «Отче наш на небесах») и *Ave Angela – die Sterbenden grüßen dich* «Здравствуй, Ангела – идущие на смерть приветствуют тебя» (оригинальная фраза - *Ave, Caesar, die Sterbenden grüßen dich* «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя»).

Актуальная языковая ситуация требует от получателя дискурса способности соотнести форму и содержание игрового преобразования с прототипом. Перефразирование прецедентного высказывания в позиции заголовка, ориентируя читателя на негативный аксиологический ракурс, вместе с тем требует от него достаточной эрудиции для декодировки и интерпретации сообщения.

Так, например, в заголовке *Ave Angela – die Sterbenden grüßen dich* «Здравствуй, Ангела, – идущие на смерть приветствуют тебя» [Spiegel-online 16. November 2012] ассоциация основывается на исходном смысле прецедентного высказывания *Ave, Caesar, morituri te salutant!* (лат. Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя) [Бабкин, Шендецов 2005: 133]. Посредством субституции лексемы *Caesar* «император, кесарь» на имя *Angela* автор статьи апеллирует к возгласу, которым идущие на битву римские гладиаторы, по словам Гая Светония Транквилла, обращались к Цезарю (императору Клавдию), понимая, что этот бой может стать для них последним. Данный ПФ актуализируется благодаря новой референтной соотнесенности: в роли Цезаря выступает А. Меркель, под римскими гладиаторами подразумеваются жители Португалии. Перифраз прецедентного высказывания в заголовочной позиции не столько служит аттрактивом для читателя, сколько выполняет эвристическую функцию прогнозирования негативных результатов этого официального визита: А. Меркель находится в ситуации вершителя судеб - императора Клавдия, население Португалии, оказавшееся в безвыходной ситуации, – «идущие на смерть» - всецело зависят от ее решения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов. АСТ, Харвест, Астрель, Транзиткнига, 2005. – 1472 с.
Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В. Неология и неография современного русского языка: учеб. пособие – М.: Флинта: Наука, 2005. – 168 с.
www.focus.de.
www.spiegel.de.

Цзи Сяосяо
Москва, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ИНАУГУРАЦИОННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ

Аннотация. В статье проводится анализ употребления концептуальных метафор в инаугурационных выступлениях четырех американских президентов – Дж. Буша-ст., Билла Клинтона, Дж. Буша-мл. и Барака Обамы на предмет выявления повторяющихся метафорических моделей в президентской риторике. С помощью используемой в работе методики «критического анализа метафоры» (“critical metaphor analysis”) Джонатана Чартериса-Блэка делается попытка продемонстрировать, как использование концептуальной метафоры в речи президентов упрощает понимание сложных политических событий, рисует понятные всем образы, и, как следствие, является эффективным средством манипуляции массовым сознанием. Проработка текстов выступлений позволяет выявить две наиболее частотные модели – антропоморфные и натуроморфные. Метафора «путешествие» как разновидность антропоморфной модели является типичной для всех президентов, поэтому она обеспечивает единообразие в образности и преемственность в риторических тактиках инаугурационных речей. Натуроморфные метафоры, напротив, выявляют разницу подходов президентов к тому, как наиболее эффективно влиять на избирателя.

Ключевые слова: концептуальные метафоры, инаугурационные выступления, президентская риторика, критический анализ метафоры.

CONCEPTUAL METAPHORS IN AMERICAN PRESIDENTIAL INAUGURALS

Abstract. The paper seeks to analyze the conceptual metaphors occurred in the presidential inaugurals of four US Presidents, George Bush, Bill Clinton, George W. Bush, and Barack Obama, and discuss recurrent patterns of metaphor use in the presidential rhetoric. The paper applies J. Charteris-Black's "critical metaphor analysis" so as to show how conceptual metaphor in presidential inaugurals can help the presidents simplify complicated political events, draw comprehensible images, and, hence, manipulate the mass consciousness. The paper discusses two kinds of conceptual metaphors in the presidential inaugurals. One is journey metaphor. It conveys a rhetorical similarity between the presidents. The second metaphor is related to nature phenomena, which reveals a difference. It is pointed out that the different choices of conceptual metaphors by the presidents can manifest their underlying mindsets and thinking patterns.

Keywords: conceptual metaphor, presidential inaugurals, US Presidents, presidential rhetoric, critical metaphor analysis.

The notion of conceptual metaphor presented by Lakoff and Johnson in their book *Metaphors We Live By* (1980) has provided linguists and other researchers with a new perspective to study language. They give a simple but helpful description of conceptual metaphor, that is, "the essence of metaphor is understanding and experiencing one thing in terms of another" (Lakoff and Johnson 1980: 5). From the perspective of cognitive linguists, metaphor has not only been regarded as a rhetorical device, but as a conceptual tool structuring reality. Conceptual metaphor can be found in any area of life, the political domain being no exception.

As an important political discourse genre, presidential inaugural usually aims to express president's political hopes, convey policies, convince or persuade citizens, boost their moral, and seek their support. The language of inaugurals is carefully chosen and polished in order to achieve these goals. Although politics is often complex and value-laden, the words in presidential inaugurals are simple and understandable. Presidential inaugurals are primarily designed for politically unsophisticated audiences. Simple wording and imagery expressions can help them understand political events in question and fully participate in them.

Metaphors are useful tools for simplifying complicated political events and making them accessible. Metaphor can "clothe the intangible, giving life to abstractions" (Thompson 1996: 188.). Another function of metaphor is that it can arouse strong emotions and can resonate through the speech. Some experiments (see e.g. Sopory and Dillard 2002) seem to confirm the relation between metaphors and emotions. It can be seen that emotions are crucial in metaphorical effects. To political discourse, "metaphors offer a potential for creativity, for new, fresh insights and critique, including self-critique" (Terrell Carver 2008:4). For presidents, metaphors can condense a cluster of meanings and form a picture for audience. It should be noticed that every president paints differently in canvas with different metaphors.

According to Lakoff and Johnson (1980), conceptual metaphors are systematic mappings between source domain and target domains. The mapping is a unidirectional and partial process in which relatively abstract target domain is made more concrete. During this process, metaphor can produce images which to some extent create political reality. For example, under the context of metaphor, nation can be treated as a person who has animate traits of "good or evil", "proud or humble". Metaphor also contributes to a political story which has heroes, villains and victims.

This paper attempts to analyze the conceptual metaphors occurred in presidential inaugurals and discuss similarities and differences of conceptual metaphor application of each president. The material consists of seven presidential inaugurals delivered by four presidents of the United States since 1989 – from President George Bush (1989), Bill Clinton (1997) and George W. Bush (2001, 2005) to Barack Obama (2009, 2013). The data is about 14,300 words in total. Several conceptual metaphors will be elaborated in detail in the following passages. Throughout the paper, as is commonly done, conceptual metaphors will be capitalized and metaphorical linguistic expressions will be italicized.

The methodology applied in this paper is called "critical metaphor analysis"; it was proposed by Jonathan Charteris-Black in his book *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis* (2004). This methodology integrates cognitive linguistics, pragmatic approaches to metaphors, critical discourse analysis and corpus linguistic approaches. Charteris-Black's methodology is based on his consideration of linguistic, pragmatic and cognitive characteristics of metaphor, holding that "metaphor has a number of different roles in language: a semantic role in creating new meanings for words, a cognitive role in developing our understanding on the basis of analogy and a pragmatic role that aims to provide evaluations" (Charteris-Black 2004: 23-24).

Charteris-Black's approach encompasses three stages: metaphor identification, metaphor interpretation and metaphor explanation. In the identification stage, metaphors can be extracted by close reading of a corpus of thematically related texts and considering the possible relation between a literal source domain and a metaphoric target domain. Then comes a second stage, wherein a relationship between metaphors and the pragmatic and cognitive factors will be established. At the same time conceptual metaphors will be identified, based on the usage of metaphors in the corpus of texts. The last stage involves an explanation of the way the metaphors are interrelated in the text or texts, and a consideration of the discourse functions realized by the metaphors. This can account for the politician's rhetorical and ideological motivations.

Throughout all the presidential inaugurals made by the four American presidents, although most of conceptual metaphors are quiet similar, there exists difference. The source domains appeared in their presidential inaugurals includes journey, war or conflict, and nature phenomena, personification, etc. The paper will choose two main source

domains and focus on the most frequently used conceptual metaphor in the inaugurals and discuss similarities and differences of their use based on specific metaphorical expressions in the presidential inaugurals.

The first source domain shared by these four presidents is “journey”. The conceptual metaphor based on this source domain can be called JOURNEY metaphor. Journey is a very common experience for us. We come and go all the time. From the famous worldwide used metaphor LIFE IS A JOURNEY, we can see that life as a handful of abstract experiences is not easy to explain or understand. But if we understand it in terms of journey, all becomes clear. We know that in a journey we are travelers, and we may meet obstacles and crossroads. This kind of experience is very easy to understand. Therefore, when presidents, or their speechwriters, use such conceptual metaphors, audiences get a better understanding of their message.

All the four presidents used this source domain in their presidential inaugurals. Some metaphors focus on the kind of a traveler, some on a place of destination. There are two conceptual metaphors related to this source domain. One is AMERICAN PEOPLE, OR AMERICA, ARE TRAVELLERS. America is personalized as a traveler who walks together with its people to achieve certain goals. Another conceptual metaphor is SOCIAL GOALS ARE DESTINATIONS. Some abstract ideals or hopes are described as certain goals which America or American people ought to pursue. Usually such goals are democracy, freedom and liberty. The metaphorical linguistic expressions are as follows:

AMERICA OR AMERICAN PEOPLE ARE TRAVELLERS:

(1) ... an idea infused with the conviction that America’s *long, heroic journey* must go forever upward. (Bill Clinton, 1993)

(2) With a new vision of Government, a new sense responsibility, a new spirit of community, we will sustain America’s *journey* (Bill Clinton, 1997)

(3) For all of us are on that same *journey of our lives*, and *our journey*, too, will come to an end. But the *journey of our America* must go on. (Bill Clinton, 1997)

(3) Start on this *journey* of progress and justice and America will *walk* at your side. (George W. Bush, 2005)

(4) This is *journey* we continue today. (Barack Obama, 2009)

(5) Let it be said by our children’s children that when we were tested we refused to let this *journey* end. (Barack Obama, 2009)

(6) Our *journey* has never been one of short-cuts or settling for less. (Barack Obama, 2009)

(7) It has not been the *path* for the faint-hearted—for those who prefer leisure over work, or seek only the pleasures of riches and fame. (Barack Obama, 2009)

(8) Today we continue a never ending *journey* to bridge the meaning of those words with the realities of our time. (Barack Obama, 2013)

SOCIAL GOALS ARE DESTINATIONS:

(1) Great nations of the world are *moving toward democracy* through the door to freedom. Men and women of the world *move toward* free markets through the door to prosperity. (George Bush, 1989)

(2) Fellow citizens, let us build that America, a nation ever *moving forward toward realizing the full potential of all its citizens*. (Bill Clinton, 1997)

(3) In a world *moving toward liberty*, we are determined to show the meaning and promise of liberty. (George W. Bush, 2005)

(4) Rather, it has been the risk-takers, the doers, the makers of things—some celebrated but more often men and women obscure in their labour, who have carried us up *the long, rugged path toward prosperity and freedom*. (Barack Obama, 2009)

The second source domain these presidents resort to comes from nature phenomena. However, their focus is different. George Bush tends to use “breeze” to express the changes the world is undergoing and the changes he will bring to America, while Bill Clinton likes to use “season” to tell American people that his government will bring America new changes. The two presidents use different nature phenomena to convey that they can make a difference and they can make changes. George W. Bush applies “a raging sea”, “a storm” in order to indicate the difficulties America faces, and how he can lead his people to overcome it. In Obama’s inaugurals, he applies “rising tides” so as to show the prosperity of economy, and uses “still waters” to indicate peace. The metaphorical linguistic expressions are as follows:

CHANGE IS BLOWING BREEZE.

(1) For a new *breeze is blowing*, and a world refreshed by freedom seems reborn. (George Bush, 1989)

(2) A new *breeze is blowing*, and the old bipartisanship must be made new again. (George Bush, 1989)

(3) The totalitarian era is passing, its old ideas blown away like *leaves from an ancient, lifeless tree*. (George Bush, 1989)

DIFFICULTY IS FOG

(1) There are times when the future seems thick as a *fog*; you sit and wait, hoping the *mists* will lift and reveal the right path.

CHANGE IS A NEW SEASON

(1) This ceremony is held in the depth of winter, but by the words we speak and the faces we show the world, we force the *spring, a spring* reborn in the world’s oldest democracy that brings forth the vision and courage to reinvent America. (Bill Clinton, 1993)

(2) And so today we pledge an end to the era of deadlock and drift, and *a new season of* American renewal has begun. (Bill Clinton, 1993)

(3) Now we must do the work *the season* demands. (Bill Clinton, 1993)

DEMOCRACY IS A ROCK AND A SEED

(1) Through much of the last century, America's faith in freedom and democracy was *a rock in a raging sea*. Now it is *a seed upon the wind, taking root* in many nations. (George W. Bush, 2001)

DIFFICULTY SITUATION IS STORM

(1) This story goes on. And an angel still rides in the *whirlwind* and directs this *storm*. (George W. Bush, 2001)

HOPE IS FIRE

(1) After the shipwreck of communism came years of relative quiet, years of repose, years of sabbatical, and then there came a day of *fire*. (George W. Bush, 2005)

(2) And as *hope kindles hope*, millions more will find it.

By our efforts, we have *lit a fire* as well, *a fire* in the minds of men. It *warms* those who feel its power. It *burns* those who fight it progress. And one day this untamed *fire of freedom* will reach the darkest corners of our world.

PROSPERITY IS TIDE, PEACE IS STILL WATER

(1) The words have been spoken during *rising tides of prosperity* and the *still waters of peace*. (Barack Obama, 2009)

DIFFICULTY WORLD SITUATION IS BAD WEATHER

(1) Yet, every so often the oath is taken amidst *gathering clouds and raging storms*. (Barack Obama, 2009)

From the above conceptual metaphors and metaphorical linguistic expressions, it can be seen that all the four presidents use journey metaphor in a similar way. However, when they use conceptual metaphors which map from the source domain "nature phenomena", they tend to be different. For example, every presidents claim to make changes in their inaugurals, but their changes are slightly different. George Bush's change is gentle and comforting like breeze, which may create a comforting image for audience, while Bill Clinton's change is like the change of season, which sounds like a thorough change with great determination. Their different choices in fact can reveal their preferences and their underlying mindsets and thinking patterns in their important president day.

Based on the above analysis of two source domains applied in presidential inaugurals, it can be seen that conceptual metaphors in presidential inaugurals are quite common. Each president has taken advantage of his inaugural to publicize his fundamental political policies and differ from his predecessor's wording. Conceptual metaphors are used to simplify abstract and complicate politics, make audiences easily participate in it, convey policies, motivate citizen to think, or behave in a particular manner. Conceptual metaphors are used by presidents to influence thinking patterns of their audiences. Research in neurosciences and cognitive sciences shows that rational thinking only becomes possible because emotional experience precedes cognitive processes (Marcus 2002). Presidents who are good at painting pictures for audiences can help in "evoking attributions of greatness among followers" (Emrich et al. 2001:527). Such effect brings charisma to presidents. For the four presidents, they equally paint "journey" in canvas in order to point out the ideal destinations and make audiences believe that they can lead them in the right direction. At the same time, different conceptual metaphors create different images to help them sound different.

REFERENCES

- Charteris-Black, Jonathan (2004). *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Emrich, C.G., Brower, H.H., Feldman, J.M. and Garland, H. (2001) 'Images in Words: Presidential Rhetoric, Charisma and Greatness', *Administrative Science Quarterly*, 46:527-57.
- Lakoff, George, Johnson, Mark (1980). *Metaphors We Live By*, Chicago University of Chicago Press.
- Marcus, G.E. (2002). *The Sentimental Citizen: Emotion in Democratic Politics*. University Park: Pennsylvania State University Press.
- Sopory, P. and Dillard, J.P. (2002) *The Persuasive Effects of Metaphor: A Meta-Analysis*, *Human Communication Research*, 28: 382-419.
- Thompson, Seth. "Politics Without Metaphors is Like a Fish Without Water" In: *Metaphor: Implications and Applications* (Jeffery, Mio. & Albert N. Katz. 1996). New Jersey: Lawrence Erlbaum Associations Publishers.
- Terrell Carver and Jernej Pikalo (2008). *Political Language and Metaphor Interpreting and Changing the World*. London: Routledge.

В. Д. Черняк

Санкт-Петербург, Россия

«ЯЗЫК РАСПАВШЕЙСЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема восприятия детьми классических текстов детской литературы, написанных в советское время и отражающих историко-культурные реалии советской эпохи. Агнонимичность многих устаревших слов является препятствием для адекватного восприятия текста, которое может преодолеваться путем специального комментирования. Преодоление мифологизации советского прошлого осуществляется и в новейшей детской литературе, в частности, в форме эксплицированной рефлексии над советским лексиконом. Особое внимание уделяется литературному проекту М.О.Чудаковой.

Ключевые слова: детская литература, советизмы, поляризация концептов, агнонимы, лексикон, восприятие текста, комментарий.

THE LANGUAGE OF THE BROKEN CIVILIZATION" ADAPTED FOR CHILDREN

Abstract. The paper deals with the children's perception of classic childhood reading created in the Soviet period and strongly influenced by the Soviet culture biased units. A lot of old-fashioned words are unknown for children, which is an obstacle for proper understanding of the text. The problem can be solved by special commenting. The current childhood reading also copes with mythologization of the Soviet past by means of explicit reflexion over the Soviet vocabulary. Special attention is paid to the literature project of M.O. Chudakova.

Keywords: childhood reading, sovietisms, polarization of concepts, agnonyms, vocabulary, text perception, commentary.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательских проектов № 15-04-00318 и № 15-04-00122*

Заметная разница в тезаурусах молодого и старшего поколений россиян обусловлена, прежде всего, кардинальными социальными сдвигами, произошедшими в конце XX века. Увеличение количества агнонимичной для детей и молодежи лексики в значительной степени связано с историческим прошлым народа, в частности, с не столь давним советским периодом истории. «Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что из языка ушли многие советизмы: от фельетонного *несуна* до идеологических *субботника* или *парторга*. На смену многотиражкам пришли корпоративные издания, а партсобрания вытеснились корпоративными вечеринками. Те, кто старше тридцати пяти (т.е. в 85-м были уже взрослыми), конечно, помнят эти слова, те, кто моложе двадцати пяти, – вряд ли» [Кронгауз 2015: 342]. Для современного школьника новейшая история России начинается с распада СССР, а все предшествующие события XIX и XX сливаются как элементы давней истории [Веселова 2004].

«Язык распавшейся цивилизации», по определению М.О.Чудаковой, делает непонятными (или не вполне понятными) многие классические тексты отечественной художественной литературы, в том числе детской, на которых выросло не одно поколение россиян. Детская литература отражала «общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом» [Гаспаров 1996: 10], формируя в детском сознании образ героического прошлого и счастливого будущего советской страны. Сегодня элементы советского вокабулярия, легко выявляемые в контексте людьми старшего поколения, современным ребенком (а также нередко его молодыми родителями и учителями), уже не распознаются. Эта ситуация остро ощущается и лингвистами, и педагогами, и писателями. Так, петербургская писательница Н. Соколовская в недавней повести «Буквы» передает ощущения своей героини: «...в книжных вымышленных мирах содержится код, который не дает рассыпаться реальному миру, где жили ее бабушка, ее мать и тетка и в котором теперь жила она и ее сын. Это был код доступа к памяти и речи, который забывался от поколения к поколению».

С течением времени увеличиваются фрагменты исторического пространства, не освоенные или недостаточно освоенные нашим современником. В условиях быстрых изменений лексикона очевидна опасность разрыва культурной памяти, утраты общего кода поколений. Этот разрыв всегда преодолевался с помощью художественной литературы. Детские книги, созданные советскими писателями в середине XX века – К.Чуковским, С. Маршаком, С. Михалковым, А. Барто, А. Гайдаром, В. Осеевой, Л. Лагиным, В. Катаевым, Б. Житковым, Н. Носовым, В. Драгунским и др., – до сих пор остаются значимой составляющей круга чтения современного ребенка, весьма востребованной сегодня, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания. Тексты названных авторов и их восприятие современными детьми стали предметом исследования в диссертации Е.С.Дудко. Автором было выделено более 500 хронологически отмеченных единиц, представленных в исследованных текстах [Дудко 2010]. Приведем некоторые примеры: *агитбригада, вожатый, звездочка, звено, отдать салют, пионерский салют, пионерская линейка, знатный человек, комсомольский значок, комсомольское собрание, ударник, отличник, передовик, буденовцы, чапаевцы, ворошиловский стрелок* и мн. др.

В текстах произведений для детей, созданных в советское время, агнонимичными для читателя оказываются и реалии быта (*керогаз, примус, корыто, промокашка, коммуналка, раскидай* и т.п.), и номинации, связанные с ушедшими в прошлое социальными отношениями (*комсомолец, пионер, партбилет, доска почета* и т.п.), и слова, активно используемые в современной речи, но изменившие коннотацию (*собственник, частник, предприниматель, партия, карьера* и т.п.). Как пишет М.О. Чудакова, многие «советские слова» «потеряли специфическое советское значение, вернувшись в обычный речевой обиход» [Чудакова 2007: 358]. Чтение произведений советских авторов требует осмысления и комментирования многих реалий советского времени, ставших своеобразными маркерами советской эпохи.

Безусловно, произведения детской художественной литературы – важный источник накопления ребенком информации о мире, в том числе и об истории своей страны. «“Неясность” и “непонимание” таят опасность для культуры и поэтому должны быть прояснены, интерпретированы» [Романенко 2003: 250]. При этом нельзя забывать, что жесткое идеологическое воздействие в СССР осуществлялось, в частности, с помощью детской литературы. «Литература для детей подвергалась особенно строгой проверке – для того, чтобы убедиться, что в произведениях для наиболее восприимчивого читателя нет места “преклонению перед иностранщиной”» [Келли 2003]. Приведем два показательных примера из «Старика Хоттабыча» Л. Лагина, представляющих характерную для советского дискурса поляризацию концептов:

– Ты с ума сошел! – возмутился Волька. – Ты просто не понимаешь, что ты говоришь! Советский человек – и вдруг ростовщик! Да и кто к нему пошел бы, даже если бы где-нибудь вдруг завелся такой кровосос? Если нашему человеку требуются деньги, он может обратиться в кассу взаимопомощи или занять у товарища. А ростовщик – это ведь кровосос, паразит, мерзкий эксплуататор, вот кто! А эксплуататоров в нашей стране нет и никогда не будет. Баста! Попили нашей крови при капитализме!

– Кому нужны друзья за деньги, слава за деньги? Ты меня просто смешишь, Хоттабыч! А какую славу можно приобрести за деньги, а не честным трудом на благо своей родины?

– Ты забыл, что деньги дают самую верную и самую прочную власть над людьми, о юный и неисправимый спорщик.

– В какой-нибудь Америке, но не у нас.

Современный ребенок не в состоянии адекватно воспринять семантику идеологем, которые для советских детей являлись естественными элементами их языкового существования (закономерно, что и советская детская литература, описывающая жизнь детей в царской России, была построена на поляризации идеологических концептов).

В эксперименте Е.С.Дудко школьникам 8–9 лет было предложено прочитать фрагмент из «Денискиных рассказов» В. Драгунского и определить значение слова *комсомолец* в следующем контексте: *Он достал с третьей полки гармошку и заиграл, и спел грустную песню про комсомольца*. Ответы детей свидетельствуют не только о полной (для многих) агнонимичности слова, но и об ощущении некоторыми информантами его хронологической отмеченности (очень выразительна характеристика: «старый гражданин России»): *комсомолец – человек; старый гражданин России; помогает природе; такой человек; национальность; про девушку; носил газеты; гаишник; такой человек; космонавт и молодец* [Дудко 2010: 124].

Достаточно частотное в текстах советского времени слово *самодетельность* (художественная *самодетельность*) семантизируется современными детьми так: *то, что ты делаешь сам; это когда человек делает все сам; в данном случае это страна, а вообще, когда ты надеешься сам на себя; отсебятина; это занятие, которое ты выбрал сам; это означает сами все делают; например, если тебе сказали раскрасить рисунок в красный, а ты раскрасил в зеленый, это самодетельность, то есть действие, которое ты сделал, думаешь, что так лучше; это когда сам на себя надеешься, нет нельзя; когда человек поступает без советов, сам; это когда человек самостоятельный; надеяться только на себя, из текста нельзя определить*.

Слово *колхоз* в интерпретации школьников 8–9 лет – *старый дом или скот; большая семья, где много людей живет; село или хозяйство; скот; место управления или работы; место, где много зверей, домашних животных; в деревне дом; деревня; где берут молоко из коров, молочный завод; плохо одевались; место, где живут колхозники; скот; колхозница; очень старый дом; маленький дом; поселок или село* [Дудко 2010: 228].

В текстах советской эпохи интерпретация идеологем была направлена на формирование в языковом сознании ребенка, начиная уже с младшего возраста, четких, полярно ориентированных аксиологических характеристик, нормативных (идеологически выверенных) представлений о том, «что такое хорошо и что такое плохо».

При сохранении базовых общечеловеческих ценностей, которые утверждались в детской литературе XX века, многие фрагменты текстов современному ребенку совершенно непонятны. «Эпистемиологический разрыв между картинками мира, интенциями адресанта и непониманием этих интенций адресатом приводит к коммуникативным неудачам или искаженному восприятию информации либо на этнокультурном, либо на лингвистическом уровне. Непреднамеренные случаи недопонимания вызываются критическим несовпадением тезаурусов адресанта и адресата» [Гейзенберг 1971: 52]. Для преодоления этого разрыва, вдумчивые родители и учителя должны объяснить ребенку, что в XX веке дети жили в другой стране, и в доступной форме рассказать о том, какой была страна, когда их бабушки и дедушки и более далекие предки были маленькими. Однако сегодня, в условиях явно наметившейся тенденции реставрации советского дискурса в разных его формах, мифологизации советского прошлого, проблема интерпретации хронологически отмеченных лексических единиц и прецедентных феноменов оказывается особенно актуальной.

Определенную помощь учителям и родителям могут оказать книги, в различных вариациях представляющие комментарии к лексике, воплощающей реалии советской действительности: «Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма» Б. Сарнова, «Керогаз и все другие. Ленинградский каталог» Д. Гранина, «Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры символы, знаки» Н. Лебиной, «Очерки коммунального быта» И. Утехина, «Слова и вещи позднесоветского детства» К. Кобрин и др.

В автобиографической повести Н. Нусиновой «Приключения Джерика», адресованной детям среднего возраста, советизмы-идеологемы и бытовые реалии автор обычно графически выделяет в тексте, а затем комментирует их в конце книги в своеобразном словарице «трудных и советских слов». Установка на пробуждение языковой рефлексии юного читателя присутствует уже в обращении автора: «Книжка, которую вы держите в руках, – это история собаки, но одновременно это еще и история ее хозяев, история семьи, жившей в совсем, казалось бы, недавнее время, – но, оказывается, уже в прошлом веке, а главное, в другую эпоху, которая теперь называется «советские времена». Кое-что из той жизни вам уже непонятно: исчезли из русского языка многие слова, исчезли приметы того времени, изменилась психология людей. Ну как объяснить сегодняшнему школьнику, кто такие «тимуровцы» или «старые большевики»? У современных детей все это вызовет, наверное, смех, а скорее всего – недоумение. «А почему вы позволяли такое?» – спросят они нас. И уж тем более, кто из них поверит, что люди, которые когда-то «делали революцию» и «строили коммунизм», далеко не всегда были плохими, а гораздо чаще были наивными, и, во всяком случае, как и все люди на земле, они были разными, им хотелось добиться равенства и справедливости для всех, а создали они новую несправедливость и большое нера-

венство» [Нусинова 2006: 4]. В «Список трудных и советских слов» автор помещает лексические единицы в мини-контекст, дающий читателю возможность понять или уточнить их смысл, а следовательно, и адекватно воспринять текст произведения в целом. Ср.:

Выездная комиссия — комиссия, которая должна решить, кому надо, а кому не надо ехать за границу. Это неважно было, что человек едет за свои деньги и в свой отпуск, важно, чтобы он за границей сумел дать отпор буржуазной пропаганде и еще чтобы он (умел достойно представить свою Родину, и главное, чтобы он за границей не остался и не подвел тех, кто ему разрешил выехать. А то многие думали про себя то, что сказала своей бабушке вслух одна маленькая девочка по прозвищу Чижик, приехавшая в Париж. «Знаешь, бабушка, — сказала Чижик, — давай будем лучше жить здесь и никогда-никогда не вернемся на нашу РОДИНУ!» Поэтому выездная комиссия должна проявлять БДИТЕЛЬНОСТЬ и уж если ВЫПУСКАТЬ человека, то строго проэкзаменовав его и проследив, чтобы на родине у него остались близкие люди, с которыми он не захочет навсегда расстаться, — это могут быть его дети или хотя бы родители (мужья и жены ценились меньше). Хотя дорожке всего СОВЕТСКОМУ ЧЕЛОВЕКУ, конечно же, сама его Родина [Нусинова 2006: 120].

Дети (конечно, на определенном этапе своего развития) должны представлять и чрезвычайно мрачные страницы отечественной истории. Именно эти страницы раскрываются в ряде произведений последних лет, адресованных подросткам. Таковы, например, книги Е. Ельчина «Сталинский нос» и Ю. Яковлевой «Дети Ворона: 1938 год», великолепно передающие атмосферу тотального страха и несправедливости. Так, в книге Ю. Яковлевой брат и сестра, родителей которых увёз «черный ворон», оказываются в детском приёмнике. Ненавистью и агрессией проникнуты слова его сотрудницы;

— *Вражеский гаденыш. Тебе ноги надо бы оторвать, а не ботинки на них цеплять. Скажи спасибо.*

Да как она смеет?

— *Никакой я не вражеский! Я советский! Шурка сам удивился своему писклявому голосу.*

— *Враг. И шпион.*

Она говорила «шпиён».

— *И родители твои — враги и шпионы.*

Огромную просветительскую работу в детской аудитории ведет в последние годы известный литературовед М.О.Чудакова. В разных жанрах своих новых произведений, адресованных подросткам, учителям и родителям, автор ведет разговор о советском прошлом с позиций демократии и гуманизма. В приключенческой трилогии «Дела и ужасы Жени Осинкиной» динамично разворачивающийся сюжет служит фоном для разговора о нравственных ценностях, для ненавязчивого расширения словарного запаса школьника. В книге «Не для взрослых. Время читать» [Чудакова 2009] автор рассказывает о тех книгах, которые необходимо прочитать в детском и подростковом возрасте. Например, в главе, посвященной «Мастеру и Маргарите» М. Булгакова, большое место уделяется игре писателя с советизмами, высмеиванию официального *советского языка*.

Сложный разговор о политике М.О. Чудакова ведет с подростками в книге «Егор». Адресат обозначен уже в подзаголовке: «Биографический роман. Книжка длямышленных людей от десяти до шестнадцати лет» [Чудакова 2010]. В форме доверительного разговора с детьми автор не только знакомит с биографией Е.Т. Гайдара, человека глубоко ею уважаемого, но и создает очень емкий историко-культурный контекст, представляя и портреты государственных деятелей, и богатейшую книжную полку Е.Гайдара, и, что очень важно для полноценного диалога с потенциальным читателем, своеобразный словарь советизмов, как правило, выделяемых курсивом. Приведем небольшой фрагмент текста: «Это только в детской литературе — и не в лучших ее образцах, — рассказывалось как шпионы и диверсанты изошряются в попытках пробраться к нам через наши *священные рубежи* (еще одно привычное в советские годы словосочетание — *советизм*). <...> В реальной жизни шпионы попадали в нашу страну, как и в любую другую, не пешком через границу, по лесам и болотам, а на самолетах и поездах, с официальным статусом. А наша граница была на замке исключительно *от своих* — чтоб не ушли через нее в страны *загнивающего капитализма* <...> Вообще поехать даже на время в какую-либо страну — например, по приглашению на научную конференцию, — удавалось далеко-далеко не всем. Полно было тех, кого называли «*невыездными*» — но, заметим, не в печати, не публично, а только внутри тех самых кабинетов, где и делали людей *невыездными* <...>».

И множество советских ученых, всю жизнь занимавшихся историей Европы, искусством Италии, Франции, Испании, никогда не пересекали границу и не увидели вживе предмет своих профессиональных занятий» [Чудакова 2010: 382–383]. Эксплицированная в тексте языковая рефлексия приглашает читателя к совместному поиску ответов на вопросы об истории своей страны, в том числе новейшей, призывает к отказу от мифологизации прошлого, учит вдумчивому чтению.

Таким образом, советская история, предстающая на страницах детской литературы и нередко столь же искаженно понимаемая, как и история прошлых веков, требует серьезного и вдумчивого разговора с детьми, который может осуществляться как в процессе доступного для детей комментирования текстов ушедшей эпохи, так и в книгах наших современников, отказывающихся от мифологизации советской эпохи и включающих юного читателя в совместную рефлексивную над советским лексиконом.

ЛИТЕРАТУРА

Веселова А. Советская история глазами старшеклассников // Отечественные записки. 2004. № 5(19) [электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_9.html (дата обращения 15.07.2016)

Гейзенберг В. Что такое «понимание» в теоретической физике // Природа. 1971. № 4. - С.75–77.

Дудко Е.С. Хронологически отмеченная лексика в текстах детской литературы XX века: проблемы динамики лексикона: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. - 231 с.

Келли К. Маленькие граждане большой страны: интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60 [электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrimon.html> (дата обращения 15.07.2016)

Кронгауз М. А. Слово за слово: о языке и не только. М.: Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2015. - 480 с.

Нусинова Н. Приключения Джерика. М.: Самокат, 2006. - 128 с.

Романенко А.П. Образ риторика в советской словесной культуре. М.: Флинта: Наука, 2003. - 432 с.

Чудакова М.О. Егор: Биографический роман. Книжка для смелых людей от десяти до шестнадцати лет. М.: Время, 2010. - 592 с.

Чудакова М.О. Литература в школе: читаем или проходим? М.: Время, 2013. - 288 с.

Чудакова М.О. Не для взрослых. Время читать. Полка первая. М.: Время, 2009. - 208 с.

Н. Н. Шпильная

Барнаул, Россия

МОДЕЛИ ГЕНЕЗИСА НАИВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье анализируются модели генезиса наивного политического текста. Характеризуются три модели генезиса наивного политического текста: модель-согласование, модель-контраст и модель-примыкание.

Ключевые слова: наивный политический текст, генезис, модель генезиса.

N. N. Shpilnaya

Barnaul, Russia

MODEL OF THE GENESIS OF THE NAIVE POLITICAL TEXT

Abstract. The paper analyzes the model of the genesis of the naive political text. Characterized by three models of the genesis of the naive political text: the model-matching, contrast-model and model-contiguity.

Keywords: naive political text, genesis, model of genesis.

Непосредственный предмет нашего исследования составляют модели генезиса наивного политического текста, выявляемые на основе анализа 613 текстов-комментариев к новостной статье, размещенных в сети Интернет по адресу <http://news.ngs.ru/more/1253828/> и объединенных общей макротемой «Переходы в метро: гопники вместо цветов». Мы исходим из посылки, согласно которой модели генезиса политического текста различны: их различие обусловлено типом дискурсивных формаций – обыденных или профессиональных / институциональных, в которых данный текст создается и функционирует. При этом генезис политического текста рассматривается нами как частный случай его функционирования и наоборот – функционирование политического текста интерпретируется в работе как акт его генезиса – акт его производства / воспроизводства.

Говоря о наивном политическом тексте, мы должны противопоставить его термину-понятию «профессиональный политический текст». Как известно, в лингвистике существуют два подхода к дифференциации наивных и профессиональных текстов, в том числе и политических текстов. С одной стороны, наивный текст отличается от профессионального текста тем, что первый создается непрофессиональной языковой личностью, а второй – профессиональной (политиком, политологом и т. п.), для которой концепт «политика» является основным компонентом профессиональной картины мира [Антонова: URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwi>]. С другой стороны, наивный текст – это текст, который создается в ситуации естественного текстопорождения, предполагающей в определенной степени нивелирование статусных характеристик языковой личности, а профессиональный текст – это текст, который создается профессиональной языковой личностью в ситуации искусственного текстопорождения, характеризующейся официальностью общения.

Однако сфера политической коммуникации настолько многообразна и вариативна, что ограничиться предлагаемым в лингвистической науке членением ее пространства на «профессиональное и наивное» не представляется возможным; оно не представляется возможным еще и потому, что к сфере политических текстов зачастую относятся тексты, которые создаются, с одной стороны, непрофессиональной языковой личностью в строгом смысле этого слова, а с другой стороны, в таких условиях коммуникации, которые предполагают доминирование тенденций к официализации и деперсонализации актов текстообразования, то есть в условиях институционального формата коммуникации. Это означает, что автором политического текста может являться не только политик, политолог, но и, например, журналист, специалист по связям с общественностью и пр. В этом смысле к числу политических текстов относятся тексты, созданные так сказать институциональной языковой личностью, для которой концепт «политика» хоть и не является профессионально значимым, но занимает в силу статусных характеристик личности особое место в ее профессиональной картине мира; это могут быть политические статьи, опубликованные в СМИ, комментарии должностных лиц – министров, дипломатов, представителей региональной власти, муниципальных служащих, сотрудников специальных отделов по связям с общественностью, тексты политического PR и пр.

В настоящей работе при разграничении политических текстов, наивных, профессиональных и институциональных, мы придерживаемся следующей точки зрения (понимая известную долю ее условности): мы считаем, что *наивный политический текст* создается как непрофессиональной языковой личностью, так и профессиональной языковой личностью в условиях естественного (личностно-ориентированного) текстопорождения, *профессиональный политический текст* – профессиональной языковой личностью в условиях официального общения, а *институциональный политический текст* – институциональной языковой личностью, то есть в условиях институционального текстопорождения.

Далее мы исходим из положения, согласно которому наивный политический текст есть производно-прагматическая единица коммуникации, которая может быть представлена как в качестве отдельного (единичного) текста, так и в качестве совокупности текстов, связанных радиально-цепочечными отношениями. Наши рассуждения вписываются в русло диалогической дериватологии – формирующегося направления лингвистики, признающего язык в качестве диалогической системы, выполняющей фатическую функцию, связанную с установлением и поддержанием вербально-прагматического контакта между носителями языка. Являясь диалогической системой, язык обслуживает коммуникативные потребности его носителей, выступающих в статусе отвечающих, то есть осуществляющих прагматическую выводимость означаемого языкового знака из его означающего [Шпильная 2015].

В основе генезиса наивного политического текста лежит обсуждение того или иного *политического события*, то есть события, связанного с субъектом политики, его решением, с органами власти и пр. При этом наивные политические тексты адресованы как потенциальному адресату, который может прочесть и / или оставить комментарий к прочитанному тексту, так и субъекту политической деятельности, который инициировал данное событие. Это обусловлено позицией отвечающего, которую занимает в актах коммуникации носитель языка (см. выше). Объектом наивной политической рефлексии, как правило, являются институциональные политические тексты (чаще всего тексты СМИ), в которых содержится информация о каком-либо политическом событии, его субъектах и пр.

Генезис наивного политического текста далее иллюстрируются нами на примере анализа пропозиции текста-основы (текста новостной статьи, то есть институционального политического текста): *Губернатор Новосибирской области Василий Юрченко распорядился до 1 августа очистить все вестибюли новосибирского метрополитена от торговых киосков в целях обеспечения безопасности жителей города от терактов*. Субъектом данного политического события является Василий Юрченко.

Как показывает анализ наивных политических текстов, их генезис может осуществляться по трем моделям: модели-согласования, модели-контраста и модели-примыкания. При этом модель генезиса текста определяется разновидностью диалогической модальности, опосредующей прагматическую выводимость текста-цели из текста-объекта. Рассмотрим модели генезиса наивного политического текста.

Модель-согласование. Наивный политический текст может быть создан по модели-согласования. В этом случае в нем актуализируется диалогическая позиция согласия субъекта речи с позицией субъекта политического события. Согласие может быть выражено как прямым, так и косвенным способом. При *прямом* способе диалогическая позиция носителя языка объективируется базовым модусным предикатом *согласен* и его эквивалентами – прилагательными, краткими причастиями, модусными наречиями, существительными, содержащими одобрение диалогической позиции субъекта диалогического высказывания, послужившего объектом интерпретации (*одобряю, поддерживаю, правильно, я за, молодец* и пр.). В таком случае как бы наблюдается прямая увязка позиции субъекта речи и актуализируемого языкового средства. Например:

Житель^{гость}

10 июл 2013 09: 21

Правильное решение, поддерживаю губернатора. Действительно, это забота о людях. Я регулярно пользуюсь метро. Очень неудобно идти по переходу, как по барахолке. Если кому-то захочется заниматься «бизнесом» - идите в торговые центры и торгуйте там. Я обойдусь без ваших колготок и булочек. Тут еще кто-то про изготовление ключей написал – обхохочешься. Прямо ежедневная необходимость – купить булочку, колготки и сделать ключи.

ДоШ^{гость}

10 июл 2013 09: 20

Я ЗА! И так из-за этих киосков тоннели сужены, и когда час пик, народ толчется, а не дай бог эвакуация, сколько могут потоптать? Ради наживы одних не стоит представлять всех пассажиров метро. Одно из тех решений нашего правительства которое поддерживаю. Еще бы баразхляндию под названием центральный рынок снесли со всеми страшными зданиями

При *косвенном* способе диалогическая позиция носителя языка актуализируется опосредованно – за счет объективации языковых средств, не выражающих прямо *согласие / одобрение*. В этом случае модусный предикат и его эквиваленты не выражены на поверхностном уровне наивного политического текста. В нем используются предикаты добавления (*надо еще, можно еще*), сравнительные обороты (*будет лучше* и пр.), противительные конструкции (*но, зато*), риторические вопросы и пр. Например:

Roman_nsk

10 июл 2013 08: 26

Что такого ценного продают в переходах метро, чего нельзя купить в других местах? Зачем эти киоски в метро? С 2008 года не был в метро и мне ни разу не понадобилось туда спуститься чтобы что-то купить. Я думаю и другие люди переживают.

сережа

10 июл 2013 10: 40

Надо еще барахолку закрыть, толку от нее все равно никакого нет.

К обеду торговля уже заканчивается, не понятно, для кого они там работают?

Модель-контраст. Еще одной моделью генезиса наивного политического текста является модель-контраст, предполагающая выражение несогласия с субъектом политического события. При этом диалогическая позиция несогласия может быть выражена как прямым, так и косвенным способом.

При *прямом* способе диалогическая позиция субъекта наивного политического текста объективируется базовым модусным предикатом *не согласен* и его эквивалентами – прилагательными, краткими причастиями, модусными наречиями, существительными, содержащими неодобрение диалогической позиции субъекта диалогического высказывания, послужившего объектом интерпретации (*не одобряю, не поддерживаю, неправильно, я против, бред, недальновидное, неразумное решение* и пр.). Например:

Пиркс^{гость}

10 июл 2013 09: 41

Плохое, нелогичное, необдуманное решение. На свидание как идешь, так цветы всегда в метро покупаешь.... Выглядит как продолжение эпопеи с повышением налогов для ИП = Лоббирование интересов крупного бизнеса.. А ТЦ сейчас как всегда абсурдно поступят – завьсят ар. Плату для ИП.... Руководство города думает, что у нас криминогенная ситуация лучшая в РФ или даже в мире???

Freken Bok

10 июл 2013 10: 39

Это просто антинародно превращать Метро в неудобные, безжизненные котокомбы где не кому обратиться за помощью если что – одни холодные стены...

Grey^{гость}

10 июл 2013 10: 06

Еще один бред наших управителей.

Сам по молодости держал киоск с дисками в переходах метро.

Все продавцы друг-друга знают и следят за порядком в переходе не хуже органов. Именно мы, а не охрана, гоняли оттуда попрошайек и «смердил» - бомжей заходивших погреться.

А это – лоббирование интересов владельцев ТЦ с их эпической арендой.

При *косвенном* способе диалогическая позиция носителя языка актуализируется опосредованно – за счет объективации языковых средств, не выражающих прямо *несогласие / неодобрение*. В этом случае в наивном политическом тексте используются риторические вопросы, пунктуационные средства, подчеркивающие ироничное отношение субъекта высказывания, приемы акцентуации внешней формы языкового знака, смыслового контраста и пр. Например:

леха^{гость}

10 июл 2013 01: 13

спускаюсь я значит в метро.. захотелось купить бутылку минералки или жвачку – развернулся, сходил пешком в ауру или в мегу, вернулся в метро и дальше на работу поехал..))) а что.. ?? прикольно придумано – очень безопасно, а самое главное – очень умно и удобно, особенно зимой в -35..

Модель-примыкание. Данная модель генезиса наивного политического текста опосредована выражением нейтральной диалогической позиции его субъекта по отношению к позиции субъекта политического события. Нейтральная диалогическая позиция, подобно диалогической позиции согласия / несогласия, может быть актуализирована двумя способами: прямым и косвенным. При *прямом* способе актуализации в процессе создания наивного политического текста эксплицируются маркеры отсутствия ярко выраженной диалогической позиции, то есть маркеры типа *мне все равно, какая разница, и так, и так можно* и пр. Например:

Максим^{гость}

10 июл 2013 11: 56

Мнения разделились. Пора референдум проводить по поводу разрешения, запрещения торговли в метро. Но в некоторых узких переходах киоски реально мешают, когда людей много идет, это факт. Если уж так много сторонников запрета, то хотя бы убрать киоски из узких мест. Оставить только там, где достаточно пространства для свободного прохода в часы пик.

зеленкина

10 июл 2013 09: 13

Мне ни холодно, ни жарко от этих киосков, просто удивительно: из метро киоски убирают «в целях безопасности», а на вокзале Новосибирск-Главный (внутри) наоборот торговый центр собирают оборудовать. Там меньше опасностей?

Олег^{гость}

10 июл 2013 14: 34

С одной стороны жалко, с другой – торговли в Нью Йорской, Токийской или Тайбее и прочих подземках я тоже особенно не замечал, может и правильно.

Замиралова

10 июл 2013 12: 26

А мне фиолетово, пусть убирают, только не верю я что все киоски уберут, все равно оставят союзничать и еще парочку...

А при *косвенном* способе – указанные маркеры отсутствуют, их «заменяют» семантические предикаты и предикаты объяснения, имеющие нейтральную модусную окраску. Например:

Серый^{гость}
10 июля 2013 14: 28

кто будет компенсировать метрополитену деньги с аренды, которые шли на доплату персоналу метро

Подводя итоги, отметим следующее. Наивный политический текст – это текст, созданный непрофессиональной или профессиональной языковой личностью в условиях личностно-ориентированного формата коммуникации. Наивный политический текст противопоставлен профессиональному и институциональному политическим текстам.

Генезис наивного политического текста может осуществляться по трем моделям: модели-согласования, модели-примыкания и модели-контраста. Вариативность генезиса наивного политического текста обусловлена вариативностью диалогических позиций субъектов речи, принимающих участие в обсуждении политического события.

ЛИТЕРАТУРА

Антонова И. С. О соотношении понятий «языковое сознание» и «профессиональное языковое сознание». Режим доступа:

https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwi_mBD-nJ_OAhVL1SwKHxkyALoQFggbMAA&url=http%3A%2F%2Fpsyjournals.ru%2Ffiles%2F35857%2Fsociosphera_2010_n4_Antoнова.pdf&usq=AFQjCNG2Fy_oYNjhXLo-rhUmbRFcPcvplQ&bvm=bv.128617741,d.bGg

Шпиляная Н. Н. Деривационные основания русского диалогического текста. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 239 с.

Е. В. Шустрова
Екатеринбург, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА ЕДЫ В АМЕРИКАНСКОЙ КАРИКАТУРЕ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ

Аннотация. В статье представлен анализ ментальных моделей, формирующих основу гастрономических графических метафор, появившихся в американской карикатуре в течение периода, начавшегося после биржевого краха на Уолл-стрит в «черный вторник» 29 октября 1929 г. Этот период совпал со временем вступления в должность президента-республиканца Г. Гувера. В 1932 г. его сменил Ф. Д. Рузвельт, который повел страну по пути радикального «Нового курса».

В результате работы с архивными данными нами были описаны основные переносные значения и культурно обусловленные смыслы, участвующие в создании образов американской карикатуры этого периода. Одна из сторон описания связана с представлением в карикатуре 32 президента США Ф. Д. Рузвельта.

В качестве области переноса значения выступали образы рядовых граждан США; биржевых игроков, президента и его администрации; государственных проектов; американской экономики. В качестве наиболее популярных продуктов описаны супы, яблоки, кондитерские изделия.

В исследовании использована методология, берущее начало из работ по метафорическому моделированию, мультимодальной метафоре, и доработанная нами с точки зрения возможности более точного анализа языковых данных.

Результаты работы вносят вклад в разработку проблем политической метафорологии. Отдельные итоги будут полезны ученым, занимающимся проблемами лингвокультурологического характера.

Ключевые слова: графическая метафора; политический дискурс; политическая карикатура; гастрометафора; Великая Депрессия, Ф. Д. Рузвельт.

E. V. Shustrova
Ekaterinburg, Russia

CONCEPTUAL METAPHOR OF FOOD IN AMERICAN POLITICAL CARTOON OF THE GREAT DEPRESSION TIMES

Abstract. The paper investigates mental models which form a basis for graphic (multimodal) metaphors that were connected with the representation of food in American editions in the time that is traditionally called the Great Depression. This period began when the Stock Market crashed on October 29, 1929. As is known, that was the time of Herbert Hoover's (Republican) unfortunate presidency. In 1932, Franklin Delano Roosevelt was elected, who immediately started "The New Deal" program.

As a result we've described transferred meanings, pun, decomposition of set-expressions and analyzed images that are deeply rooted in culture. All these form the basis for satire and irony in political cartoons of the given period. One of the aspects for investigation is formed by the image of the 32nd President of the USA F. D. Roosevelt.

Americans of different social strata, brokers, F. D. Roosevelt, the Congress, the Administration, state programs, and US economy formed the target metaphoric sphere. Among the most favored foodstuffs we find soup, apples, sweets.

The methods of investigation are formed on the basis of conceptual metaphor theory, multimodal metaphor approach. These methods of study have been further changed in the process of our own research so that linguistic data could be analyzed in a more detailed way.

The results of the research in question contribute to the investigations of political metaphors. Some results may also be of interest for scholars whose professional sphere is linked to cross-cultural and linguo-cultural studies.

Keywords: graphic metaphor; political discourse; political cartoon; foodstuff metaphoric images; the Great Depression, F. D. Roosevelt.

Наша статья продолжает серию публикаций, посвященных анализу ключевых образов, доминировавших в американской карикатуре периода Великой Депрессии. Здесь мы опишем образы, связанные с едой.

Чаще всего это либо обобщенное изображение полного подноса как графической метафоры изобилия, либо яблоки. Очереди за хлебом или в благотворительную столовую тоже часть таких карикатур, но там акцент сделан на изображение людей, еда как таковая там не показывается, в отличие от фоторепортажей. Полный поднос – это неразумные траты, неправильные вложения, ничем не обеспеченные акции, фактически метафора неизбежной гибели из-за неумеренной, безрассудной алчности. Одна из таких карикатур (рис.1) называлась «*Someone must save him from himself*» – «Кто-то должен спасти его от него самого». Она появилась в «Los Angeles Times» 8 февраля 1929 г., когда падение биржи еще не было очевидным. Напомним, что крах был объявлен 28 октября 1929 г. Это рисунок появился как иллюстрация заявления, сделанного 6 февраля 1929 г. Советом управляющих Федеральной резервной системы США – независимым надзорным органом, состоящим из семи членов и отвечающим за денежно-кредитную политику, регулирование банковской системы и исполнение законов о банковской и кредитной деятельности [ABBYU Lingvo]. Совет выражал большую обеспокоенность тем, что банки обеспечивают слишком значительное кредитование мелких покупателей акций, а брокеры продают слишком много акций в долг, под разного рода поручительства, что вело к спекуляциям на бирже. Вскоре после этого заявления Федеральный резервный банк Нью-Йорка ограничил выдачу кредитов брокерам для предотвращения дальнейших спекулятивных сделок. На рисунке Федеральная резервная система изображена в образе разъяренного официанта, отбирающего поднос с акциями у готового лопнуть Дяди Сэма. Дядя Сэм здесь носит имя «*The Speculation Crazy Public*» – «Общество, помешанное на спекуляциях». Поведение официанта здесь ближе к поведению врача, вряд ли бы официант стал так заботиться о клиенте и грубо кричать ему: «Разве ты не знаешь, когда с тебя уже довольно? Разве ты не знаешь свою меру?».

После падения биржи Дядя Сэм в карикатуре значительно похудел, приобретя почти истощенный вид. Тем не менее, ограничения в «еде» уверенно изображались как именно то, что сейчас нужно. Рис. 2 появился 6 декабря 1929 г. под названием «*Just What He Wanted*» – «Именно то, что он и хотел». Желания заключались в сбалансированном рынке, который и приносит Санта Клаус в облике официанта. Неумеренный аппетит карикатурных персонажей, склонность к обжорству в годы Депрессии неизменно связывались жадностью биржевых маклеров, перенасыщенностью рынка. Эту сторону подавали как болезнь, которую можно лечить только строжайшей диетой. Такая трактовка позволяла показать гражданам страны, что США выздоравливают, стране, а значит и ее гражданам, будет только лучше, если сейчас потерпеть. Проблема в том, что многие начинали чувствовать, что «муки аппетита» приняли затяжной характер. Поэтому, как только появились признаки улучшения экономики, начали публиковаться карикатуры (Newark Evening News, 1933), где изможденный больной радостно набрасывается на снова полный поднос, где в качестве еды (очень стилизованной выпечки) молодая, красивая, улыбающаяся сиделка по имени Вера (*Confidence*) предлагает «рост доходов промышленности», «рост доходов сельского хозяйства», «рост производства» и т.д. Кстати, *Confidence* – вера, в первую очередь в себя – это ключевое слово американской графики и риторики 1930-х. Нездоровье и переизбыток стали в эти годы одной темой, начали восприниматься в карикатуре как синонимы. Это означало, что тот, кто воздерживается от еды (неважно по каким причинам), ведет здоровый образ жизни, голодание оздоровит организм. В образе готовых лопнуть обжор иногда представляли состоятельные слои. Обычно это пожилая супружеская пара, которая знает, что снова съела лишнего, в то время как у них за спиной в окне виднеется унылая очередь за бесплатным хлебом, или же разговор сводится к тому, что они просто обязаны пойти и что-нибудь «потребить». Лексема «*consume*» в данном случае позволяет соотнести два значения: «тратить, расточать (деньги); расходовать, тратить», т.е. то, к чему призывало правительство, и «съедать, поглощать (о еде)», причем едят в этом случае достаточно много и жадно. Но таких рисунков очень немного. Одна из примет времени – отказ от изображений каких-либо конкретных блюд, это просто стилизованные подносы, где виднеются горы тарелок с чем-то неидентифицируемым или с мотками лент биржевого аппарата, т.н. тиккера, на которых печатались котировки. Это было сделано исключительно для читателей – вряд ли недоедающим американцам хотелось бы видеть изображения гастрономических соблазнов. В качестве рекомендованного напитка появляется настойка дяди Сэма, который становится Доктором Благоразумие (рис. 3). В данном случае кулинария снова сливается с областью медицины. Волшебная настойка, прописанная американскому бизнесу, называется «*Courage and Energy*» – «Мужество и Энергичность». Позднее это превратится в бульон для выздоравливающих Ф.Д. Рузвельта.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Одним из реальных продуктов, изображаемых в карикатуре, было молоко. Обычно оно создавало ассоциацию с нечестными, жадными фермерами, которые предпочитают уничтожить продукт, но не продавать его по низким ценам. На рис. 4 появляется фермер, решивший противопоставить себя всем остальным и спасти горожан, привезя молоко, которое невозможно разлить, потому что оно еще в коровах. Это своего рода пропаганда того, как должен действовать фермер-патриот. На практике большинство предпочитало все-таки уничтожить продукт, но держать цену. Город и село во время Великой Депрессии не испытывали друг к другу никакого сострадания. Фермеры считали, что это жадные горожане обрушили биржу, город подозревал алчных фермеров в сокрытии продукции. Этот рисунок отражает только малую толику таких недружественных настроений.

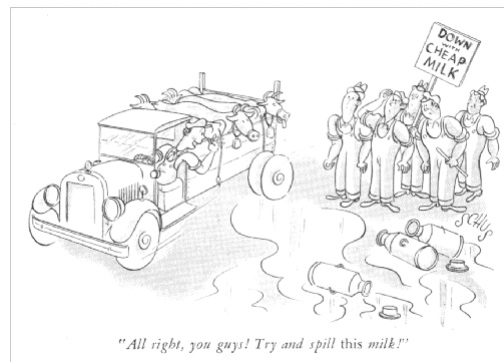

Рис. 4

Другим точно идентифицируемым продуктом стали яблоки. С одной стороны, они были своеобразной приметой времени, когда для многих безработных это превратилось в своеобразный способ просить подаяние. Пример такой «помощи» изображен на рис. 5, когда покупатель воспринял все слишком буквально. На эту тему было немало игривых карикатур с изображением безработных и женщин легкого поведения, где обыгрывались переносные значения слова «apple» – «деньги» и «женская грудь». С другой стороны, яблоки как символ благо- плодородия появлялись в карикатурах, критикующих новую экономическую политику Ф.Д. Рузвельта, кото- рая якобы загубила прежнюю экономическую систему (рис. 6).

Рис. 5

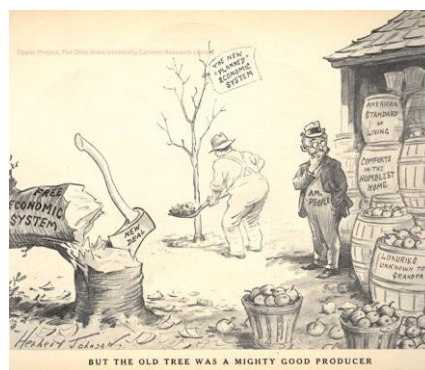

Рис. 6

Рис. 7

В качестве иных блюд иногда присутствовали схематичные изображения сладостей, как недоступная роскошь, которой нет места в повседневной жизни. Один из таких примеров приведен на рис. 7, где мальчик, стоя у витрины кондитерской, озабоченно интересуется у опешившего отца о том, какова «сегодняшняя экономическая ситуация».

Если кондитерские изделия занимают весьма скромное место, то изображений мяса и дичи в карикатуре самых тяжелых лет нет вообще. Индюшка как традиционный символ дня Благодарения появилась в карикатуре только, когда реформы дали результат. Нужно вспомнить, что для американцев это не просто блюдо, а фактически ритуальная дичь, символизирующая преодоление трудностей, страшных испытаний, голода и болезней, Божью благодать, чудесное спасение и счастливое сытое завтра. Один из таких примеров (рис. 8) изображает двух типичных обитателей «Гувервилля» (т.е. лачуг, построенных из картона, остатков досок, мусора и появившихся в период президентства Г. Гувера), ранее обычных американцев, превратившихся в бомжей. На ободранной стене портрет улыбающегося Ф. Д. Рузвельта, на коробке, в которой принесли индюшку, стоят две надписи «Handle with care» – «Обращаться деликатно» и «Use No Hooks». Лексема *hook* в своем прямом значении означает «крюк, крючок», в том числе и для подвешивания дичи над огнем. Переносные значения дадут перевод «Не прикасаться руками», «Обмана нет», «Это не подвох», «Это не рекламный трюк». Это если учитывать, что часть «No Hooks» стоит под глаголом «Use» и кажется отдельным элементом. Если переводить вместе с глаголом, то помимо прямого кулинарного значения «готовить не подвешивая, готовить деликатно», получится смысл «Не обманывай!», хорошо сочетающийся с эмблемой Синего Орла на правом углу коробки, ставшего символом политики нового экономического курса и соблюдения «кодексов честной конкуренции» (*codes of fair competition*). Умиленные лица, молитвенно сложенные руки, благоговейные позы на фоне светлого, но пока разбитого окна и разрухи во дворе и освещенного подобно иконе лику президента дополняют прославление правительственных мер.

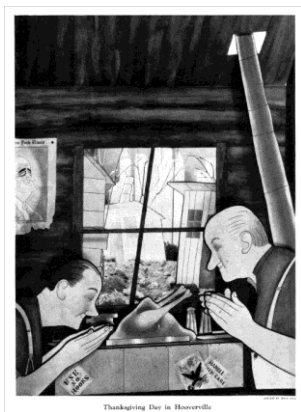

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Большую популярность в это время приобрели изображения Ф.Д. Рузвельта в образах персонажей Л. Кэррола. Один из таких образов это повара Герцогини (рис. 9). Президент весело готовит антикризисное пойло, в руках у Ф.Д. Рузвельта микрофон – намек на его регулярные радиообращения, содержавшие успокоительные рецепты для нации. На переднем плане администрация президента пеленает зашедшегося в крике младенца по имени «Ошибки администрации». Если вспомнить сюжет «Приключений Алисы в Стране Чудес», то нянчиться с этим капризным созданием в конце концов пришлось Алисе, а потом это дитячко превратилось в поросенка, о чем Алисе весело сообщил Чеширский Кот. Судя по карикатуре, то же самое произойдет и на этот раз. Пока Алиса безмятежно радуется, что это не ее дитя, совершенно не предполагая, что будет дальше. Эти образы обыгрывают такое явление как *kitchen cabinet* – «кухонный кабинет». Начиная с президентства Э. Джексона (1767–1845) в это неофициальное образование входили политические и экономические советники главы Белого дома. Изначально помощники Э. Джексона действительно собирались на кухне Белого дома. Во время президентства Ф. Д. Рузвельта политику Нового курса разрабатывал т.н. «мозговой трест», в который выходили ученые Колумбийского университета. Именно часть этого треста изображена на карикатуре. Очевидно, что сам президент выполняет только обязанности прислуги.

Другой образ Ф.Д. Рузвельта-повара представлен на рис. 10. Президент готовит бульон от демократов для выздоровления нации. Лицо президента очень озабоченное, щеки ввалились, под глазами круги, рукава решительно закатаны. Весь облик напоминает врача, хотя колпак не оставляет сомнений в том, что основным был образ повара. В большом котле Ф.Д. Рузвельт смешивает разные ингредиенты, на бутылочках значатся имена членов «мозгового треста» или «кухонного кабинета». Сзади исхудавший потребитель-больной озабоченно интересуется, уверен ли президент, что эта смесь не взорвется. Нужно отметить, что это карикатуры, появившиеся на страницах консервативных изданий, которые не могли не критиковать действия президента от демократической партии.

Поведя итог, можно отметить, что метафорические модели ЕДА – ЭТО ПОЛИТИКА, ЕДА – ЭТО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ, ПОЛИТИК – ЭТО ПОВАР, хотя и уступают другим моделям, в частности зоморфной, тем не менее демонстрируют хорошую устойчивость в американском политическом креолизованном тексте времен Великой Депрессии.

ЛИТЕРАТУРА

ABBYU Lingvo : электр. программа.

ИСТОЧНИКИ

Hire an illustrator [Online]. — URL: <http://www.hireanillustrator.com/>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

Humor in America [Online]. — URL: <http://humorinamerica.wordpress.com/>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

Jokes.conservativepapers [Online]. — URL: <http://www.jokes.conservativepapers.com>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

Los Angeles Times [Online]. — URL: <http://www.latimes.com>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

New York Post [Online]. — URL: <http://www.nypost.com>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

Ohio state University Billy Ireland collection of Cartoons [Online] — URL: <http://cartoons.osu.edu/> — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

Political Graffiti | Independent Political cartoons [Online]. — URL: <http://www.politicalgraffiti.worldpress.com>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

Political Irony [Online]. — URL: <http://www.politicalirony.com>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

The Authentic History Center [Online]. — URL: <http://www.authentichistory.com>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

The Cagle Post Cartoons & Commentary [Online]. — URL: <http://www.cagle.com/>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

The Economist [Online]. — URL: <http://www.theeconomist.com>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

The Guardian [Online]. — URL: <http://www.theguardian.com/>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

The Huffington Post [Online]. — URL: <http://www.huffingtonpost.com/>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

The Library of Congress [Online] — URL: <http://www.loc.gov/pictures>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

The New York Public Library [Online] — URL: <http://digital.gallery.nypl.org>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

The New York Times [Online]. — URL: <http://www.nytimes.com>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

The Onion [Online]. — URL: <http://www.theonion.com>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

The Political Carnival [Online]. — URL: <http://thepoliticalcarnival.net/>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

The Washington Times [Online]. — URL: <http://p.washingtontimes.com/>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

The Week [Online]. — URL: <http://www.theweek.com>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

U.S. News & World Report [Online]. — URL: <http://www.usnews.com/>. — Title from the screen. (дата обращения 15.08.16).

K. G. N'Guessan

France

L'ŒUVRE LITTÉRAIRE POSTCOLONIALE : UN LIEU D'IDÉOLOGIE

Résumé. Cet article analyse l'œuvre littéraire postcoloniale comme un lieu de manifestation d'idéologie. Il montre comment les œuvres littéraires produites après la colonisation déconstruisent le discours colonial euro-centrique, stéréotypé et narcissique pour mettre en avant le désir des ex-colonisés de s'écrire eux-mêmes. Il s'agit en effet d'un désir de redéfinition d'une identité dégradée et d'une prise de parole en tant que sujets autonomes et non construits. D'une part, l'article examine la relation entre littérature et idéologie pour démontrer que la littérature produite dans un espace ou une période donnée est toujours influencée par une idéologie. D'autre part, il articule l'idéologie à partir d'une nouvelle conception du postcolonialisme comme un hors espace qui prend désormais en compte la littérature diasporique. Cette perspective met l'accent sur l'idéologie qui sous-tend la création artistique d'intellectuels issus de régions anciennement colonisées qui, à partir de leur société d'accueil, jettent un regard critique parfois nostalgique sur leur société d'origine. Ce faisant, ils se révèlent comme de véritables ambassadeurs de la dynamique postcoloniale.

Mots clés: littérature, idéologie, diaspora, stéréotype, colonialisme, postcolonialisme

K. G. N'Guessan

France

L'ŒUVRE LITTÉRAIRE POSTCOLONIALE : UN LIEU D'IDÉOLOGIE

Abstract. This paper inspects the postcolonial literary work as a place of ideology. It shows how the literary works produced after colonization deconstruct colonial Eurocentric, stereotyped, and narcissi discourse to point out former colonized peoples' desire to write about themselves. This is in fact about redefining a debased identity and speaking as autonomous subjects rather than constructed ones. On the one hand, the article examines the relationship between literature and ideology to demonstrate that the literature produced in a given space or period is always influenced by an ideology. On the other hand, it articulates ideology from a new perception of postcolonialism as an "off space" that takes into account diaspora literature. This approach focuses on the ideology underlining the creative art of intellectuals from formerly colonized areas who, from their host community, cast a critical and sometimes nostalgic look at their native community. In so doing, they reveal as true ambassadors of postcolonial dynamism.

Keywords: literature, ideology, diaspora, stereotype, colonialism, postcolonialism.

Introduction

En dehors du thème qu'elle traite et du message qu'elle véhicule, l'œuvre littéraire constitue toujours un lieu de manifestation d'une idéologie souvent révélatrice du courant littéraire, du système politique ou autre auquel l'auteur appartient. Ainsi, les écrivains à travers le monde, selon la réalité, ont été influencés par diverses idéologies. Dans les régions anciennement colonisées, par exemple, les mouvements de lutte émancipatrice se sont accompagnés de littératures qui épousaient l'idéologie de leur époque. Pour ces écrivains, il s'agissait de dénoncer les pratiques coloniales tout en prônant la nécessité d'une indépendance politique et économique pour les peuples. Après les indépendances, ces

régions sont entrées dans une nouvelle ère, le postcolonialisme. Tout naturellement, comme pendant la lutte pour les indépendances, cette ère vit la naissance d'une nouvelle génération d'écrivains et d'une nouvelle littérature, reflet d'une nouvelle idéologie, celle du sujet libre, indépendant, qui pense et agit par lui et pour lui. Ce fut en quelque sorte l'éclosion des libertés d'expression et de pensée. Cependant, le postcolonialisme ne doit pas se voir sous le seul angle d'une prise de conscience qui a suivi la colonisation. Il faut l'appréhender sous un angle nouveau qui prend en compte les peuples issus de la diaspora, à savoir les descendants de peuples anciennement colonisés qui, pour diverses raisons, se retrouvent en dehors de leurs espaces d'origine. Le postcolonialisme, dans ce cas, prône une idéologie d'unification qui s'articule davantage autour des concepts comme la race, la culture, l'identité, etc. Cet article analyse l'œuvre littéraire postcoloniale dans son rapport avec l'idéologie qui sous-tend sa création. Plus exactement, il tente de voir comment l'œuvre littéraire constitue un vecteur d'idéologie dans un contexte postcolonial.

1. Littérature et idéologie

Cette partie de notre étude examine le rapport entre l'idéologie et la littérature. Plus spécifiquement, elle tente de voir comment la littérature produite dans un espace donné et/ou à une période donnée est toujours influencée par une idéologie.

1.1. Espace créatif et traces idéologiques

L'espace tel que nous l'appréhendons ici n'est pas celui où les scènes des récits sont campées (ce dernier peut être fictif même s'il est admis que parfois l'œuvre littéraire se nourrit de la réalité, créant ainsi ce que Roland Barthes appelle « l'effet de réel »). Tout au contraire, nous entendons par espace le lieu de rencontre entre le colonisateur et le colonisé, notamment, le territoire du colonisé. C'est dans ce lieu que toute l'idéologie qui sous-tend l'art créatif postcolonial trouve sa substance. En fait, l'idéologie est le cœur de la pensée littéraire tout comme le moteur est le centre névralgique d'une voiture. Par elle, l'œuvre prend sens et influe (négativement ou positivement) sur la société. Quels que soit l'auteur, l'époque, le genre, le message, il y a toujours une idéologie qui accompagne en fond de toile la trame d'un récit. Sans idéologie, aucune œuvre majeure ne peut exister. Ce que nous appelons bonne œuvre le doit nécessairement à son contenu idéologique. De fait, dans sa volonté de véhiculer un message, l'auteur s'appuie sur des faits qu'il pense mériter d'être révélés pour sensibiliser l'opinion ou pour résoudre un certain nombre de problèmes dans la société. Or, la société elle-même a ses jugements de valeur qui sont le produit d'une pensée commune et d'un désir de faire qui lui sont propres. C'est à ce niveau que l'idéologie se présente comme un élément important de l'imaginaire créatif de l'auteur au cours du processus de création. Elle articule l'engagement de ce dernier comme le souligne fort bien Jean-Paul Sartre dans son ouvrage *Situations, II : littérature et engagement* (1948) :

Un des principaux motifs de la création artistique est certainement le besoin de nous sentir essentiels par rapport au monde. Cet aspect des champs ou de la mer, cet air de visage que j'ai dévoilés, si je les fixe sur une toile, dans un écrit, en resserrant les rapports, en introduisant de l'ordre là où il ne s'en trouvait pas, en imposant l'unité de l'esprit à la diversité de la chose, j'ai conscience de les produire, c'est-à-dire que je me sens essentiel par rapport à ma création. (90)

Bien entendu, l'espace littéraire auquel Sartre fait référence ainsi que les sentiments qui l'animent en tant qu'écrivain ne sont pas ceux de l'écrivain postcolonial. L'arrangement des éléments de cet espace, la réorganisation de la structure interne de son texte pour en imposer un ordre là où il n'y en a pas, bref la réalité de se sentir essentiel, différent de la posture de l'écrivain postcolonial. Cependant, la substance de cette idée pourrait bien s'appliquer à l'espace postcolonial si on considère le processus de création littéraire et artistique comme le reflet d'un engagement individuel et collectif pour exprimer une idéologie. Notre allusion à la pensée de Sartre vise donc à insister sur l'idéologie telle qu'elle sous-tend toute entreprise de création artistique.

Dans son rôle de sensibilisation ou d'éveil de conscience, se profile dans l'œuvre, l'idéologie comme élément de politique. Une œuvre peut agir différemment sur un peuple selon qu'elle représente une idéologie particulière dans sa représentation de la réalité sociale ou qu'elle est produite dans un contexte particulier. Dans son livre *L'idéologie raciste* (2002), Colette Guillaumin montre comment le développement du racisme s'est accompagné de toute une idéologie qui visait à définir les peuples noirs ou disons, les peuples non européens, selon des stéréotypes et clichés. Partant de ce même principe idéologique, David M. Reimers (1972 : 41-42) affirme que le racisme aux États-Unis découle de l'image que les colons anglais ont gardée de l'homme noir depuis leurs premiers contacts sur le continent africain. En effet, pour glorifier la puissance coloniale, montrer la suprématie de la race blanche, le Noir était vu comme différent. Et parce que cette volonté se manifeste sous une forme collective, elle prend tout son contenu idéologique. Il en est de même avec l'idéologie allemande qui a entraîné l'antisémitisme contre les Juifs et dont les livres d'histoire font un large écho ou dont quelques survivants continuent de rendre des témoignages poignants. Ici, l'autre – le Juif – était défini selon le stéréotype de sous-homme, de « bouc émissaire » selon le terme de René Girard (2008) ou d'agneau sacrificiel dont la disparition permettrait d'avoir l'équilibre ou la paix sociale. La trame de l'idéologie se dessine dès lors en ce qu'il se développe là une idée commune qui sous-tend un projet commun aboutissant pour ainsi dire, à une politique de tous contre un.

Si l'idéologie raciste contre les Noirs ou antisémite contre les Juifs se perçoit bien dans les œuvres d'histoire, qu'en est-il des œuvres littéraires qui relèvent de l'imaginaire de l'écrivain, donc de l'irréel, de l'invraisemblable ? En effet, en tant que moyen d'expression et de communication, l'œuvre littéraire est un dispositif représentationnel. À travers elle, l'auteur représente ou caricature la société et les individus qui y vivent. L'idéologie, en fait, agit comme un catalyseur. Elle a trait à l'histoire du peuple qu'elle oriente. Elle influence le peuple et lui indique la direction à prendre,

le comportement à adopter selon la situation. Ce faisant, l'histoire, le temps et l'espace deviennent des éléments essentiels dans sa compréhension. Ainsi, la période postcoloniale, point d'ancrage dans cette partie de notre réflexion, s'avère très importante comme lieu de production d'idéologie.

Comme période historique, le postcolonialisme a fait l'objet de plusieurs études menées par des intellectuels des pays colonisateurs comme des pays colonisés. Cet intérêt tient à la problématique de l'appropriation ou de la réappropriation du discours après la colonisation. Il s'agissait essentiellement de discours visant à définir celui d'en face selon une altérité souvent extrême. Pour les colonisateurs, les sujets colonisés étaient des indigènes, des gens non civilisés à qui il fallait apporter la civilisation ; d'où leur conception auto-centrique dont l'essentiel consistait à s'idéaliser eux-mêmes tout en ternissant l'image des colonisés. Ce faisant, ils créaient un choc émotionnel ou psychologique qui pouvait pousser le sujet colonisé à se renier en prenant la civilisation du colonisateur pour modèle de référence et donc, à se définir et à agir en conséquence. Pour le sujet postcolonial, il était plutôt question d'une perception de soi comme sujet autonome, ayant ses propres valeurs qu'il faut faire connaître en vue de les protéger. Loin d'être un discours auto-centrique comme chez le sujet colonisateur, le discours du sujet postcolonial vise une redéfinition de soi. Il tente de tirer profit de certaines situations créées ou de certains vides laissés par le discours colonial stéréotypé et de rejet pour redéfinir l'image du colonisé. Ainsi, Gayatri Spivak écrit dans son article « Can the Subaltern Speak? » : « The postcolonial intellectuals learn that their privilege is their loss. In this they are the paradigms of the intellectuals » (1988 : 28).

Bien entendu, l'intellectuel postcolonial semble être conscient de la perte qu'il a subie. S'il est vrai qu'il lutte pour se réapproprier un « moi » dégradé et une image ternie, c'est bien sûr parce qu'il a conscience qu'il les a perdus et qu'il lui faut les recouvrer. Pendant la colonisation, en tant que sujet construit et victime, il était privé de parole. A ce titre, il ne pouvait pas se définir lui-même mais à travers le discours du colonisateur. Il subissait ce discours et était contraint d'admettre qu'il était ce que ce dernier lui commandait de penser de lui-même et d'agir. Pendant la période postcoloniale, devenu autonome, il acquiert progressivement la parole pour parler en son propre nom et s'écrire soi-même pour corriger son mal-être historique. Le privilège de l'intellectuel postcolonial relève alors de sa capacité à reconnaître qu'il a été privé de parole, donc de discours, et qu'il est impérieux pour lui de lutter pour se réapproprier ce discours. Dès lors, il devient un paradigme, à savoir un modèle, un éclairer, un éveillé de conscience dont l'échec sous-entend celui de tout le groupe qu'il défend. De sa posture découle toute l'idéologie que sa personne et son discours incarnent. Le discours postcolonial se veut donc norme, modèle, sensibilisateur. Il doit inviter le sujet postcolonial à se débarrasser des humiliations et des préjugés qui développent en lui un complexe d'infériorité vis-à-vis du colonisateur. Voyons maintenant comment l'idéologie s'articule par rapport au temps.

1.2. Temps et idéologie

Tout comme l'espace, le temps ici n'est pas celui du récit dans l'œuvre littéraire. Il concerne la période de la rencontre entre le colonisateur et le colonisé : les époques coloniale et postcoloniale. Comme l'espace, le temps joue également un rôle important dans l'articulation de l'idéologie. A chaque époque de l'histoire d'une littérature ou de l'histoire littéraire d'un peuple correspond une idéologie. Louis Althusser (2008) a bien vu quand il affirme ceci : « There is no ideology except by the subject and for subjects. Meaning, there is no ideology except for concrete subjects, and this destination for ideology is only made possible by the subject: meaning, *by the category of the subject and its functioning* » (44). Il ressort que l'idéologie ne peut se comprendre en dehors de l'individu tel qu'il est en interaction avec d'autres individus avec qui il partage le même milieu de vie. En définitive, comme chez les Marxistes, la question de l'idéologie est généralement une question de lutte de classes : une première classe cherche à imposer ses idées à une seconde. En retour, la seconde classe s'oppose et développe une idéologie de résistance. Cette situation peut s'inverser au cours de l'histoire s'il advient que les rôles des deux classes changent. Tel est le cas lorsque la classe qui occupait la seconde place parvient à développer des attitudes qui peuvent lui permettre de s'imposer ou tout au moins, de s'opposer à celle qui occupait la première position. C'est ce processus d'inversion de rôles que nous qualifions d'idéologie de redéfinition de soi.

En Afrique, la littérature postcoloniale a été influencée par cette idéologie. Il s'agissait de redéfinir l'image de l'autochtone telle qu'elle remettait en question l'idéologie auto-centrique, stéréotypée et narcissique du colonisateur. Prenant l'avant-garde de cette lutte, plusieurs écrivains, selon le genre et le style, ont incarné cette idéologie. Ils ont véhiculé un discours à la fois de rejet et de recadrage pour la défense de l'image de leurs peuples. Ainsi, *Les Soleils des indépendances* (1968)¹ de l'Ivoirien Ahmadou Kourouma, décrit à travers Fama, le personnage principal, le rêve de cette nouvelle génération d'Africains pour qui les indépendances représentaient un véritable espoir mais malheureusement se sont transformées en une véritable anomie et désillusion. L'œuvre s'attaque au chaos postcolonial. Elle indique que les « indépendances sont tombées sur l'Afrique comme une nuée de sauterelles » (3), entraînant les pays et les peuples dans l'incertitude. En Fama s'affrontent deux identités et deux idéologies contradictoires : l'une traditionnelle incarnée par l'ancien africain, le colonisé, et l'autre, le nouvel africain issu de l'indépendance, le sujet postcolonial. Cette confrontation est l'expression d'un malaise existentiel, conséquence d'une idéologie postcoloniale qui tente péniblement de se défaire de l'idéologie coloniale. A travers la désillusion de Fama, Kourouma en appelle à voir dans les échecs des indépendances, une occasion pour poser les vrais problèmes du continent, entre autres l'éducation, le développement, la confiscation des libertés individuelles et collectives, la corruption. Le rêve brisé de Fama devient alors un motif d'introspection, d'espoir et d'encouragement pour des actions plus engagées. La question de l'idéologie s'enracine alors dans la quête d'une indépendance totale et vraie.

---

¹ Dans ce travail, nous utilisons la version de 1970 de l'œuvre.

L'un des aspects importants de cet appel relève de la quête de l'indépendance linguistique comme un désir de s'approprier la langue. De fait, devenus indépendants, les intellectuels africains étaient confrontés à un dilemme linguistique : fallait-il continuer d'écrire dans la langue du colonisateur ou dans une langue locale ? Kourouma offre une bonne alternative à travers *Les Soleils des indépendances*. En effet, l'auteur doit son talent créateur à son style d'écriture qui est faite d'un métissage entre le français standard et la langue locale, le malinké dont il est issu. Il incorpore dans son texte des proverbes et dictons puisés de la tradition orale de son peuple. Ce faisant, il tente de restituer le ton et la verve de la parole africaine. Sa posture devient alors un modèle de brassage entre tradition et modernité.

Avec Kourouma, l'idéologie postcoloniale est un entre-deux linguistique, à savoir la capacité pour les intellectuels à écrire dans une langue qui ne traduit ni uniquement les réalités du colonisé ni son aliénation vis-à-vis des modèles discursifs occidentaux mais plutôt un mélange des deux. Vu sous cet angle, le texte de l'auteur est un chef-d'œuvre littéraire. Le recours aux proverbes et aux expressions africaines démontre la parfaite maîtrise, par l'auteur, des traditions culturelles de son peuple. A l'image du conteur traditionnel africain, il épice son œuvre avec de proverbes qui plongent le lecteur au cœur même de la langue malinké. Avec dextérité, il traduit en français les expressions et proverbes africains tels qu'ils contribuent à enseigner. Les exemples suivants tirés de l'œuvre en sont une illustration :

« Excité comme un grillon affolé » (15).

« Jamais deux laboureurs n'ont eu assez de reins pour remplir quatorze mangeurs, hivernage et harmattan ! » (107).

« L'esclave appartient à son maître ; mais le maître des rêves de l'esclave est l'esclave. » (145).

« On ne rassemble pas des oiseaux quand on craint le bruit des ailes » (153).

« Même la guêpe maçon et le crapaud finissent par se tolérer quand on les enferme dans une même case » (153).

« La politique n'a ni yeux, ni oreilles, ni cœur; en politique le vrai et le mensonge portent le même pagne, le juste et l'injuste marchent de pair, le bien et le mal s'achètent ou se vendent au même prix » (157).

« Là où les graterons percent la coque des œufs de pintade, ce n'est pas un lieu où le mouton à laine peut aller » (168).

« Ne rêvent toujours à la lune que ceux qui ont sur leur chemin la grande fortune » (195).

A côté des proverbes ou dictons, Kourouma inonde son texte de croyances et pratiques culturelles de sa communauté. On y découvre un recours constant aux marabouts qui dans la tradition malinké, sont capables de conjurer un mauvais sort ou de sortir l'individu d'une mauvaise situation. Ainsi, lorsque Salimata, la femme de Fama est victime d'agression et de vol (62), elle va consulter Abdoulaye, le marabout pour demander de. Ce dernier procède par « traçage de signes sur sable fin (évocation des morts), jet des cauris (appel des génies), lecture du Coran avec observation d'une calebasse d'eau (imploration d'Allah) » (68) pour lui indiquer l'attitude à adopter.

Les écrivains femmes ont aussi fait irruption sur la scène littéraire après les indépendances, notamment à la fin des années 1970. Pour ces dernières, les indépendances n'ont pas mis fin aux pressions sociales et sexistes qui les maintiennent à la périphérie de leur communauté. Elles subissent, entre autres des mutilations sexuelles qui les définissent comme des « femelles productrices ». Ces réalités sont dépeintes avec art par Mariama Bâ dans son œuvre épistolaire *Une si longue lettre* (1979)¹. Par l'écriture, les écrivains femmes prennent la parole pour attirer l'attention sur leur situation. En effet, *Une si longue lettre* raconte l'expérience de deux amies, Ramatoulaye et Aïssatou, confrontées au problème de polygamie et qui se trouvent dans un grand dilemme d'accepter cette situation ou non.

Si Kourouma prône une écriture de l'entre-deux linguistique, Mariama Bâ explore le désir des Africains de participer à la construction de leurs pays. Avec elle, l'idéologie qui doit interpellier la conscience collective des africains est celle qui prend en compte l'homme et la femme comme agents de développement. Ramatoulaye, son héroïne, l'explique bien à son amie Aïssatou dans la lettre qu'elle lui adresse pour lui rappeler leur engagement en tant que jeunes diplômées qui aspirent participer à la construction de leur pays :

L'Histoire marchait, inexorable. Le débat à la recherche de la voie juste secouait l'Afrique occidentale. Des hommes courageux connurent la prison ; sur leurs traces, d'autres poursuivirent l'œuvre ébauchée. Privilège de notre génération, charnière entre deux périodes historiques, l'une de domination, l'autre d'indépendance. Nous étions restés jeunes et efficaces, car nous étions porteurs de projets. L'indépendance acquise, nous assistions à l'éclosion d'une République, à la naissance d'un hymne et à l'implantation d'un drapeau. J'entendais répéter que toutes les forces vives du pays devaient se mobiliser. Et nous disions qu'au-delà des inclinaisons, inévitables, pour tel ou tel parti, tel ou tel modèle de société, il fallait l'unité nationale. Beaucoup d'entre nous ralliaient le parti dominant, lui infusant du sang nouveau. Etre productif dans la mêlée valait mieux que se croiser les bras ou s'abriter derrière des idéologies importées. (53-54)

A travers l'engagement de Ramatoulaye et son amie, l'idéologie transcende les barrières sexistes pour devenir un mode de pensée collective englobant les femmes dans la lutte pour le développement du continent. Comme l'homme, la femme, en tant que sujet postcolonial, ne veut plus rester en marge de la nouvelle société africaine à bâtir en dépit des pressions sociales. Ce désir relève de la volonté collective des africains de s'autogérer. Ramatoulaye le souligne en ces

¹ Dans ce travail, nous utilisons la version de 2001 de l'œuvre

termes : « Pionnières de la promotion de la femme africaine, nous étions peu nombreuses. Des hommes nous taxaient d'écervelées. D'autres nous désignaient comme des diablesses » (36).

Par ailleurs, Ramatoulaye est convaincue que malgré ces pressions sociales, les femmes peuvent efficacement aider à construire leur communauté car elles ont des capacités. L'exemple de son amie qui a réussi à se frayer un chemin dans cet environnement machiste la rend plus fière et la rassure que leur rêve de voir leur pays de développer en ne laissant aucun de ses fils et filles à la périphérie peut se réaliser :

Autant me résumé ici. Les irréversibles courants de courants de libération de la femme qui fouettent le monde ne me laissent pas indifférente. Cet ébranlement qui viole tous les domaines, révèle et illustre nos capacités. Mon cœur est en fête chaque fois qu'une femme émerge de l'ombre. Je sais mouvant le terrain des acquis, difficile la survie des conquêtes ; les contraintes sociales bousculent toujours et l'égoïsme mal résiste. (163)

En contexte postcolonial, l'idéologie qui accompagne la pensée littéraire est aussi celle de la protestation contre un discours réductionniste, dégradant, destructeur et contrefait. Car depuis la colonisation, le colon a souvent produit un type de discours qui froissait le colonisé, le poussant à s'anormaliser par rapport à son environnement et à développer selon Frantz Fanon (1952), une psychopathologie, à savoir, « l'instauration dans [sa] conscience, à la place de l'esprit [...] refoulé, d'une instance représentative du Maître, instance instituée au tréfonds de la collectivité et qui doit la surveiller comme une garnison de la ville conquise » (118). Pour le sujet postcolonial donc, il faut détruire cette psychopathologie par la déconstruction du discours colonial. Mieux, il faut replacer le sujet postcolonial au centre du débat sur l'existence humaine à travers un discours nouveau, celui de la normalisation, qui reflète ses réalités socioculturelles, économiques et politiques.

Dans son questionnement sur la possibilité pour le subalterne de parler, Gayatri Spivak à qui nous avons fait référence plus haut, pose la problématique de l'appropriation de la parole par le sujet colonisé. Pour elle, dans la mesure où ce dernier évolue dans un environnement qui semble être « pris en otage » par le sujet colonisateur, apparemment, il est impossible pour lui d'avoir la parole ou de se l'approprier. Toutes ses tentatives sont pour la plupart conditionnées, voire canalisées par le colonisateur. A partir de là, nous disons que le discours postcolonial s'inscrit dans une double posture défensive et offensive. D'un côté, il se veut défensif de par sa dénonciation et son rejet du discours colonial dépréciatif et réductionniste. De l'autre, il est offensif car il vise à recadrer le discours colonial à travers la valorisation des valeurs propres au sujet postcolonial. Aussi, sous cette forme, il se présente comme un discours nouveau et novateur qui place le sujet anciennement colonisé au cœur du débat sur l'existence humaine. Il invite à voir ce dernier comme un individu à part entière, un sujet de valeur qui doit être apprécié selon ses propres réalités.

Cette approche se nourrit fort bien du structuralisme génétique de Lucien Goldman (1964). En effet, pour ce théoricien de la sociologie du roman, « tout comportement humain est un essai de donner une *réponse significative* à une situation particulière et tend par cela même à créer un équilibre entre le sujet de l'action et l'objet sur lequel elle porte, le monde ambiant » (338). La volonté du sujet postcolonial de se définir lui-même est en réalité une réponse aux images stéréotypées que l'idéologie euro-centrique coloniale lui accolait. En remettant en question cette attitude, il déconstruit tout le discours de dénégation à son sujet. En s'appropriant ou en se réappropriant la parole pour se définir, il restructure ce discours pour parvenir à un équilibre entre lui et le colonisateur et par delà, entre le discours colonial et le discours postcolonial. Goldman qualifie cette démarche de « *destruction* des structurations anciennes et *structuration* de totalités nouvelles aptes à créer des équilibres qui sauraient satisfaire aux nouvelles exigences des groupes sociaux qui les élaborent » (Ibid). A travers la déconstruction du discours colonial, le sujet postcolonial restitue la réalité historique sur lui et se réhabilite comme acteur de l'Histoire en mouvement dans son continent et dans le monde.

En gros, nous disons que toute production littéraire est soutenue par une idéologie. Ceci est valable dans un contexte postcolonial. La question reste de savoir si le postcolonialisme, comme mode de pensée et d'analyse, ne peut pas se lire au-delà du temps et de l'espace.

2. Le postcolonialisme en dispersion et la diasporisation de la littérature

Cette section articule le postcolonialisme au-delà de l'espace. Elle examine une nouvelle perception d'un terme qui s'agrandit, s'élargit, se recompose. En d'autres termes, elle tente de répondre à la problématique du sujet postcolonial et son discours. Plus exactement, elle cherche à voir où le sujet se trouve désormais et le type d'idéologie qui sous-tend son écriture. À cet effet, nous nous appuyons sur les littératures produites par les écrivains qui pour diverses raisons, vivent hors de leurs régions anciennement colonisées et jettent un regard critique sur celles-ci. C'est cette nouvelle vision idéologique que nous qualifions de « diasporisation » de la littérature.

2.1. Le hors espace idéologique

Il convient ici de signaler que le discours du sujet postcolonial s'enracine désormais dans une nouvelle dynamique pour une voix indépendante qui n'a rien à voir avec l'exclusivement politique, économique, culturel, voire même national ou régional. Il s'agit de voir le postcolonialisme par-delà l'espace, lieu de rencontre entre le colonisateur et le colonisé. Ce qui est en jeu ici est plutôt un ailleurs englobant. Fort de cette recomposition, Young R. et J. C. (2003) cités par Afef Benessaïeh dans son article « La perspective postcoloniale. Voir le monde différemment » écrivent : « Vous pouvez apprendre [le postcolonialisme] n'importe où si vous souhaitez. La seule qualification requise est de vous assurer que vous regardiez le monde non pas depuis le haut, mais depuis le bas » (in O'Meara et McLeod 2010 : 365).

Cette démarche qui consiste à ne pas regarder le monde depuis le haut est en fait une métaphore qui appelle à déconstruire les rapports dialectiques ou oppositions binaires dominants/dominés, lesquels rapports ou oppositions accordent la primauté au premier terme sur le second. En d'autres termes, le premier terme est connoté positivement tandis que le second l'est négativement. Il ressort dès lors qu'en regardant depuis le bas, l'on peut poser les véritables bases d'un monde qui a besoin de se construire et se consolider au quotidien. Telle une maison, si la base n'est pas solide, alors toute l'architecture ne peut résister et risque de s'écrouler par la suite. Ainsi donc, en orientant le débat dans la direction des rapports dominants/dominés, on retomberait dans le postcolonialisme traditionnel. Ceci pourrait laisser croire que ce mode de pensée ne peut objectivement pas s'appliquer aux peuples et espaces non colonisés ou qu'il est impossible de lire une partie de la littérature produite par ces peuples et dans ces lieux à partir d'une perspective postcoloniale.

Dans la nouvelle dynamique du postcolonialisme, le sujet postcolonial n'est plus seulement celui qui a subi la domination politique, économique ou culturelle. Il est aussi celui qui, pour diverses raisons, quitte son lieu d'origine pour s'installer dans un autre endroit où il est victime d'un discours dominant ou dominateur et est ainsi amené à négocier une nouvelle identité. Le discours postcolonial devient alors un discours qui tend à faire comprendre qu'il y a une conscience dominante qui se trouve être confrontée à une conscience dominée. Dès lors la littérature issue de cette confrontation peut se lire comme une littérature postcoloniale.

Dans leur livre *An Introduction to Post-Colonial Theory* (1997), Peter Childs and Patrick Williams notent : « Some areas, notably the Middle East and China, were not colonies, but were more affected by 'colonialism' than many countries that were » (10). Parce que ces régions non colonisées ont été affectées par la colonisation, leur lutte pour une voix indépendante s'inscrit dans un contexte postcolonial certain. A ce titre, la littérature produite dans ces régions après la période coloniale et qui reflète cette lutte pour une voix indépendante se révèle être postcoloniale au même titre que celle produite par les peuples qui ont vécu la colonisation. Aujourd'hui, avec la mondialisation qui appelle à une fusion des frontières géographiques et culturelles, le sujet postcolonial et son discours prennent une nouvelle dimension. Les migrations des populations repoussent les limites du postcolonialisme en recomposant et en reconstruisant les identités. Ainsi, s'interrogeant sur le sujet postcolonial, Peter Childs et Patrick Williams écrivent :

Although diasporic population movements may not amount to what the Caribbean poet Louise Bennett once rather optimistically called 'colonization in reverse', the arrival of sizeable populations from former colonies in the imperial heartlands creates conditions under which the latter may in some senses claim to be post-colonial. (Ibid: 13)

Il découle de ce qui précède que par les flux migratoires des populations, le postcolonialisme se recompose. Ses limites se déplacent. Les espaces géographiques figés ainsi que les conceptions stéréotypées qui jadis servaient à définir ce terme deviennent transmuables.

En quittant leurs lieux d'origine, les migrants transportent avec eux leurs idéologies et croyances littéraires qu'ils vont tenter de mettre en place une fois dans leur nouvel espace de vie. Ils vont alors négocier une nouvelle identité sur la base de la confrontation entre leurs anciennes réalités et celles de leur nouvelle société. Parfois, ils développent une littérature qui reflète le courant littéraire en vigueur dans leur société d'origine au moment où ils la quittaient. S'il advenait que cette littérature épousait l'idéologie postcoloniale, alors la nouvelle littérature qu'ils vont développer à partir de leur société d'accueil sera empreinte de postcolonialisme. Il peut arriver aussi que cette littérature n'ait pas de lien étroit avec leur ancienne société mais qu'elle ait un lien avec elle et véhicule l'idéologie postcoloniale qui s'y déploie. Dans ce cas, ces écrivains peuvent mettre en place un courant littéraire à connotation postcoloniale comme mode d'expression d'une idéologie qu'ils ne pouvaient pas ou n'avaient pas pu développer dans leur société d'origine.

Beaucoup d'écrivains de la diaspora ont développé ce type de littérature. Depuis leur société d'accueil, ils jettent un regard critique sur leur société d'origine, déplaçant en quelque sorte la lutte vers de nouveaux horizons et reconstruisant les limites de l'idéologie postcoloniale. Aussi, ils créent un nouvel espace littéraire qui diffère certes de leur espace d'origine mais s'en inspire par l'idéologie qu'il aide à véhiculer. Cette nouvelle vision du postcolonialisme met en scène, selon Jean-Marc Moura (2014), une étude exploratoire du rapport dialectique entre l'homme et le monde qu'il habite et qui l'habite. La mise en texte de ces dynamismes, selon lui, traverse les aires, les cultures et les langues :

[Elle n'entre] pas dans des catégories comme « littérature nationale », « littérature de la migration » ou « littérature-monde ». [Elle relève] véritablement d'un « *Zwischen Welten Schreiben* » (« Écriture entre les mondes », Ette, 2005). Il s'agit donc d'envisager des modèles inédits de mouvements transculturels, translinguistiques et traversant les aires régionales, au-delà de la distinction entre la littérature nationale et la littérature mondiale. On peut donc parler avec Ottmar de « littérature sans domicile fixe » (*Literaturen ohne festen Wohnsitz*) dont l'étude appelle une « poétique du mouvement » s'intéressant aux formes et aux fonctions du mouvement dans les phénomènes culturels et littéraires (Ette, 2005, 19) caractérisant l'Atlantique contemporain. (14)

Les dynamismes qui découlent des littératures produites par les écrivains issus de la diaspora ou des espaces non colonisés et qui s'inscrivent dans la perspective postcoloniale vont désormais au-delà des régionalismes. Ils embrassent tous les espaces, les cultures et les réalités sociales qu'ils peignent comme un ensemble, un tout. Pour mieux les comprendre, il faut les situer dans ce grand ensemble. Sans cela, ces dynamismes se détournent de leur mission idéologique.

Par ailleurs, le déplacement comme vecteur de (re)construction identitaire et de redéfinition de soi participe beaucoup au développement de ces dynamismes littéraires. Dans le nouveau contexte postcolonial, les écrivains analysent les réalités sociales en rapport à une vision plurielle et multiculturelle du monde. En effet, habitant désormais

dans des espaces différents de leurs espaces d'origine, leur culture originelle entre en interaction avec celle(s) de leur nouvelle société et crée par la coexistence, un environnement transnational et transculturel. Cette forme porte la critique plus vers une vision globale de l'existence humaine en dehors des particularismes et des sectarismes. Sous cette forme, l'écrivain postcolonial construit son texte certes à partir du vécu mais aussi à partir de la globalité qui fait de l'être humain un citoyen du monde. Ici, le fondamentalisme, le repli sur soi, le reniement de l'autre ainsi que toutes les notions qui servent à développer une idéologie de rejet et d'auto-centrisme sont mises de côté. L'idéologie nécessaire est celle qui consiste à voir dans l'être humain une source de richesse et de potentialités à exploiter au profit du monde.

Afef Benessaïeh cité plus haut relève bien le nouveau sujet postcolonial ainsi que son discours dans un monde actuel où les enjeux changent selon les réalités :

La perspective postcoloniale nous convie principalement à voir le monde globalement depuis autant de points de vue que possible. Dans ce sens, voir le monde international depuis la perspective postcoloniale d'États et d'acteurs non dominants permettrait d'éclairer fort différemment les enjeux qui sont autrement, soit incomplètement compris, soit marginalisés par la littérature plus conventionnelle. Pensons à des questions telles que la sécurité interne (liée à la sécurité transfrontalière et globale), l'accès aux ressources naturelles comme l'eau (les cours d'eau respectant rarement les frontières nationales), la sécurité alimentaire (liée à l'environnement global), la gestion de l'aide transnationale (contrôlée par les grandes puissances), l'exode migratoire, ou encore la gestion de catastrophes environnementales. Ces enjeux, outre le fait qu'ils relèvent simultanément du national et de l'international, constituent souvent des priorités pressantes depuis la perspective des États et des peuples du Sud. Ainsi et en regardant le monde à partir de ces autres perspectives, on voit bien que les priorités ne sont plus les mêmes, on entend mieux que les questions sont différentes. (in O'Meara et McLeod 2010 : 376)

En définitive, le monde actuel donne à voir un brassage culturel, une convergence de perspectives non pas nécessairement voulues mais que les dynamismes culturels imposent. Les populations sont davantage victimes d'un consumérisme culturel, à savoir qu'une culture de la consommation se crée et s'impose à elles. Leurs besoins ne s'expriment plus essentiellement en termes d'individualité (au sens de partition, régionalisation) mais de globalité. Tout converge vers la création d'un univers cosmopolite où les acteurs se retrouvent au sein d'une communauté idéologique. La littérature n'est pas restée en marge de cette nouvelle perception du monde.

2.2. Le versant littéraire de la diasporisation

Aujourd'hui, plusieurs écrivains vivent hors de leur communauté d'origine pour des raisons aussi multiples que variées. Depuis leur société d'accueil, ces derniers se présentent comme de véritables ambassadeurs de la dynamique postcoloniale. Parfois, ils jettent un regard rétrospectif sur leurs communautés d'origine ou ils tentent de produire une littérature à partir de l'expérience vécue dans leur nouvelle communauté.

Aux États-Unis par exemple, on compte plusieurs écrivains diasporiques dont la stature littéraire mérite respect. Mais, par souci d'équilibre (dans la première partie, nous avons largement porté l'analyse sur la littérature africaine), nous avons décidé d'explorer la littérature écrite par les Noirs. Ce choix se justifie par le fait que ce peuple est historiquement et culturellement lié au peuple noir d'Afrique. Dès lors il nous apparaît aisé d'analyser la littérature de ces deux peuples parallèlement pour mieux comprendre que les idéologies qui les sous-tendent se recoupent. Indiquons avant de poursuivre que les Noirs sont arrivés aux États-Unis à travers le commerce transatlantique des esclaves. Parmi les multiples moyens de lutte pour leurs droits, leur reconnaissance et leur intégration, la littérature occupe une place importante.

En effet, la littérature noire américaine s'est accompagnée d'une idéologie qui visait à déconstruire ou à recadrer le discours blanc dominant (datant de l'esclavage) selon lequel le Noir n'était pas assez intelligent pour produire de la littérature. En réalité, chaque grande phase de l'histoire des Noirs dans ce pays a été marquée par cette idéologie. Dans un précédent article intitulé « From 'Negro' to 'African American': The Evolution of the Blacks' Identity Referent in America » (2014), nous avons longuement analysé le référent identitaire du Noir en Amérique selon qu'il renvoyait à la perception que le Blanc avait du Noir ou selon qu'il servait à définir l'image que le Noir voulait que l'opinion américaine ait de lui. Mais nous n'entendons pas insister sur la période de l'esclavage – l'article en question aborde bien cet aspect – pour une question de méthodologie et d'hypothèse de départ. Bien entendu, cela ne veut pas dire que nous ignorons toute la bonne littérature produite par ce peuple au cours de cette période. Notre choix ici se justifie par le fait que dans sa conception première, le postcolonialisme est une période qui suit celle de la colonisation. Partant de ce principe, nous voudrions nous intéresser à la littérature des Noirs après l'esclavage, c'est-à-dire après la proclamation officielle de l'Emancipation en 1863 où le Noir a été légalement reconnu comme citoyen Américain à part entière et que de ce fait, il pouvait agir comme tel sans crainte de représailles.

Cette précision faite, nous disons que le sujet postcolonial noir en Amérique est celui là-même qui a pu s'approprier la parole pour parler en son propre nom après la proclamation de l'Emancipation. Par la parole, il tente de se définir une identité autre que celle que la conscience collective blanche lui donnait. Ce faisant, il déconstruit le discours de cette conscience dominante. Les référents identitaires que nous explorons dans notre article ci-dessus mentionné sont donc l'expression des différentes idéologies ayant servi à concevoir cette définition ou redéfinition du « moi » Africain Américain. Toutefois, il importe de signaler que c'est à partir des années 1920 avec la Renaissance de Harlem que les Noirs ont véritablement et de façon collective démontré cette idéologie de la conscience raciale qu'il fallait défendre. En effet, avec l'avènement du « Nouveau Nègre » dont l'œuvre *The New Negro* (1925) d'Alain Locke fait un large écho, les années 1920 ont vu naître chez les Noirs un grand sentiment d'amour pour leur race. Au cours de cette

période, la célébration de l'héritage culturel était au cœur de la pensée littéraire et artistique des Noirs. Des intellectuels de renom comme Langston Hughes, Claude McKay, Jean Toomer et d'autres écrivains, poètes, dramaturges, philosophes, chanteurs, ont pris l'avant-garde de cette idéologie, la diffusant ou l'enseignant dans les bars, bistrots, théâtres et espaces publics New Yorkais. Du coup, Harlem devint la plaque tournante de la pensée intellectuelle noire et fut même abusivement appelée « Mecque noire ». L'idée était de célébrer l'Afrique ainsi que sa culture pour amener les Blancs à changer leur perception du Noir. Le poème « To A Dark Girl » (1927) de Gwendolyn Bennett en est une parfaite illustration :

I love you for your brownness,
And the rounded darkness of your breast,
I love you for the breaking sadness in your voice
And shadows where your wayward eyelids rest.

Something of old forgotten queens
Lurks in the lithe abandon of your walk
And something of the shackled slave
Sobs in the rhythm of your talk.

Oh, little brown girl, born for sorrow's mate,
Keep all you have of queenliness,
Forgetting that you once were slave,
And let your full lips laugh at Fate!

La première strophe situe le contenu de tout le poème : la célébration de la beauté de la race noire comme idéologie dominante de cette époque. A travers cette célébration, la poétesse essaie de combattre les images négatives que l'esclavage a aidé à développer comme l'attestent les vers suivants : « And shadows where your wayward eyelids rest » (l. 4), « And something of shackled slave » (l. 7), « forgetting that you once were slave » (l. 11). Elle rappelle à la femme noire qu'elle appartenait à une noblesse (l. 10) et l'encourage à la réclamer. A travers cette invitation, les Noirs devaient sans cesse chanter leur joie d'être noir en vue de la faire accepter par les masses. Quand la poétesse affirme que tout peut être aimé y compris la tristesse (l. 3), elle en appelle aux Noirs à être heureux même dans la souffrance.

Avec la persistance du racisme et de la ségrégation au cours des décennies qui ont suivi, les Noirs ont compris qu'ils avaient encore du chemin à parcourir. Ainsi, les années 1960 virent la naissance d'une nouvelle idéologie, celle de la sanctification de la race noire à travers le « Black is Beautiful Ideology » propulsé au devant de la lutte par le « Black Art Movement » (BAM) qui prônait l'engagement social comme esthétique. Tout comme pendant la période de la Renaissance de Harlem, au cours des années 1960, des auteurs noirs ont aidé à développer cette idéologie en chantant la couleur de leur peau. James Brown dans sa célèbre chanson « Say It Loud – I'm Black and I'm Proud » (1968) en donne un bel exemple. La récurrence du couplet « Say It Loud – I'm Black and I'm Proud » (26 fois) dans la chanson traduit tout l'engagement de l'artiste pour la célébration de la beauté de la race noire. Pour lui, les Noirs étaient devenus assez responsables pour agir et réfléchir en leur propre nom. En définitive, l'invitation de l'artiste à dire haut et fort sa joie d'être noir transcende l'exaltation personnelle et individuelle pour mettre en avant l'idéologie collective selon laquelle les Noirs étaient devenus suffisamment matures pour agir en toute responsabilité.

Le désir d'un positionnement géographique qui a émergé dans les années 1970-1980 au sein des minorités américaines comme une expression identitaire a conduit les Noirs à développer une nouvelle idéologie qui a été à la base de l'appellation « Africain Américain ». A l'instar des autres minorités ethniques (Juifs Américains, Hispaniques Américains, Mexicains Américains, Sino Américains, etc.) qui s'identifiaient par rapport à leur territoire d'origine, les Africains Américains ont senti la nécessité de se définir par rapport à l'Afrique. Ils entendaient ainsi affirmer leur double identité Africaine et Américaine. Cela les amena à tenter un retour mémoriel et nostalgique vers la Terre-Mère qu'ils ne pouvaient pourtant pas appréhender dans toute sa totalité.

Toni Morrison, Paule Marshall, Alice Walker, James Baldwin, entre autres ont aidé à véhiculer cette idéologie. Ainsi dans *Song of Solomon* (1977), Toni Morrison explore-t-elle ce lien idéologique et nostalgique entre les Africains Américains et l'Afrique à travers les motifs des Africains volants et de la chanson. Si l'envol peut se lire comme un moyen pour Solomon, l'ancêtre de Milkman Dead (héros de l'œuvre), pour échapper à l'esclavage, il sert également à établir le pont entre l'Amérique et l'Afrique, entre les Africains Américains et leurs ancêtres (vivants ou morts) restés en Afrique.

A côté de l'envol, la chanson est aussi un motif important dans *Song of Solomon*. En effet, tout comme dans les sociétés traditionnelles africaines, la chanson joue un rôle social très important. Son caractère thérapeutique est un thème commun dans la culture Africaine Américaine. La chanson rassemble les populations noires et leur permet de partager leurs expériences. Ce faisant, elle aide à maintenir le lien avec l'histoire familiale qui parfois tombe dans l'oubli. Dans une communauté où la plupart des générations passées ne savent pas lire, les chansons permettent de retracer l'histoire du passé. Ainsi, les chansons que Pilate chante à son neveu Milkman l'aident dans sa quête identitaire en Virginie. De même, celles que le protagoniste entend à propos de ses ancêtres Solomon and Ryna le renseignent sur leur destin mystérieux et l'aident à se découvrir. En dehors de Milkman, d'autres personnages de sa grande famille utilisent la chanson pour se reconstruire spirituellement et émotionnellement. Lorsque Macon Jr. est déprimé, il se met à la fenêtre de Pilate pour écouter ses chansons en vue de surmonter sa dépression. Après la mort de Hagar, Pilate et Reba parviennent à surmonter leur chagrin en chantant des cantiques de gospel.

Comme on peut le voir, dans *Song of Solomon*, l'envol et la chanson représentent des vecteurs idéologiques de reconnexion avec l'Afrique. De la même manière que l'envol symbolise un refus de l'asservissement, le pouvoir thérapeutique de la chanson permet de se reconstruire et de surmonter ses difficultés. Ces deux réalités romanesques mises ensemble aident à reconstituer le lien avec l'Afrique et confirment le retour mémoriel des Africains Américains vers la terre ancestrale. A travers ces éléments, Morrison démontre ainsi leur désir d'exprimer ce qu'on pourrait appeler leur « bi-appartenance continentale » c'est-à-dire leur américanité et leur africanité.

Au vu de tout ce qui précède, il ressort clairement que les littératures qui naissent de la recomposition du postcolonialisme en-dehors de son espace originel sont porteuses d'idéologies. Et ces idéologies varient selon les circonstances et les époques.

Conclusion

Au terme de notre réflexion, on retient que la littérature et l'idéologie sont deux notions fortement liées. Notre postulat de départ était de montrer que toute littérature s'accompagne toujours d'une idéologie et que cela est aussi vrai en contexte postcolonial. En nous inspirant de la littérature produite par des auteurs africains après les indépendances et ensuite de celle produite par les Africains Américains après la proclamation de l'Émancipation, nous avons montré que l'idéologie sous-jacente à ces littératures était, comme presque partout ailleurs où les peuples ou les régions ont été victimes de colonisation, de déconstruire un discours dominant au profit d'une voix indépendante. Notre choix a été guidé par le fait que les deux peuples (Africain et Africain Américain), bien que différents, sont historiquement et culturellement liés. Dès lors, leurs différents passages de la colonisation à l'indépendance (pour les Africains) et de l'esclavage à l'Émancipation (pour les Africains Américains) peuvent se lire comme une transformation du sujet colonial en sujet postcolonial. Dans les deux cas, le discours est celui de rejet et de réhabilitation. Aussi, nous avons montré que le postcolonialisme, loin d'être uniquement une question de temps et d'espace, doit se voir, dans le contexte actuel de la mondialisation, comme un mode de pensée qui fait poindre un ailleurs globalisant. Il est une analyse qui s'étend aux peuples diasporiques. En définitive, même si son discours reste la déconstruction d'un discours dominant, le sujet postcolonial devient désormais un sujet qui peut se retrouver partout. Cette approche s'inspire davantage des dynamismes culturels, enjeux idéologiques que l'œuvre littéraire doit explorer.

BIBLIOGRAPHIE

- Althusser, Louis [1971]. 2008. *On Ideology*. London/New York: Verso.
- Bâ, Mariama [1981]. 2001. *Une si longue lettre*. Paris : Le Serpent à Plumes.
- Benessaïeh, Afef. 2010. « La perspective postcoloniale. Voir le monde différemment », in *Théories des relations internationales : contestations et résistances*. Sous la direction de Dan O'Meara et Alex McLeod. Montréal : Athéna/Centre d'études des politiques étrangères et sécurité. 365-378.
- Brahimi, Denise et Anne Trevarthen. 1998. *Les Femmes dans la littérature africaine : portraits*. Paris : Karthala et CEDA.
- Childs, Peter and Patrick Williams. 1997. *An Introduction to Post-Colonial Theory*. New York: Routledge.
- Eagleton, Terry. 1991. *Ideology: An Introduction*. London/New York: Verso.
- Fanon, Frantz. 1952. *Peau noire, masques blancs*. Paris : Éditions du Seuil.
- Girard, René. 1982. *Le Bouc émissaire*. Paris : Éditions Grasset & Fasquelle.
- Goldman, Lucien. 1964. *Pour une sociologie du roman*. Paris : Gallimard.
- Guillaumin, Colette. 2004. *L'idéologie raciste*. Paris : Gallimard.
- Kalangi, Caroline. 2015. « La théorie postcoloniale et la perspective de l'identité » in revue *Pensées vives*. No 1 « Façons de penser l'avenir ». France : Université Blaise Pascal.
- Kourouma, Ahmadou [1968]. 1970. *Les Soleils des indépendances*. Paris : Les Éditions du Seuil.
- Loomba, Ania. 1998. *Colonialism/Postcolonialism*. Second Edition. London and New York: Routledge.
- Moura, Jean-Marc. 2014. « Relecture des œuvres et des critiques postcoloniales. Pour une autre histoire littéraire en français » in *Libretos*. France. 5-19
- N'guessan, Kouadio Germain. 2014. « From 'Negro' to 'African American': The Evolution of the Blacks' Identity Referent in America », in *Les mots en force dans le discours: les mots stratégiques*, tome 1. éd. Ghislaine Rolland-Lozachmeur. Saint-Thonan: CLOITRE.
- O'Reilly, Christopher. 2001. *Contexts in Literature: Post-Colonial Literature*. Cambridge: Cambridge University press.
- Reimers, David M., éd. 1972. *Racism in the United States: An American Dilemma?* New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Sartre, Jean-Paul. 1948. *Situations, II : littérature et engagement*, dix-neuvième édition. Paris : Gallimard.
- Spivak, Gayatri Chakravorty. 1988. "Can the Subaltern Speak?", in Cary Nelson and Lawrence Grossberg, eds. *Marxism and the Interpretation of Culture*. London: Macmillan. 66-111.
- Quayson, Ato, éd. 2011. *The Cambridge History of Postcolonial Literature*. vol. II. Cambridge: Cambridge University Press.